

СОЧИНЕНИЯ

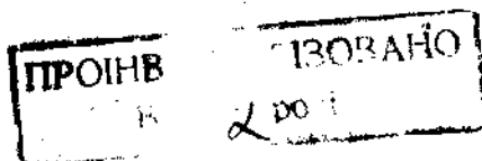
СМАЙЛЬСА

ТОМЪ 5.

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
САМУИЛА СМАЙЛЬСА

—
ТОМЪ ПЯТЫЙ

956294

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

с-50

САМУИЛА СМАЙЛЬСА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ПОДЪ РЕДАЦЦИЕЮ

М. Н. НИКОЛЬСКАГО

Съ біографіей и портретомъ Сам. Смайльса.

ТОМЪ ПЯТЫЙ

1903

1903

ИЗДАНИЕ

поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 13.

1903

Б. В. Г.

1982 р.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 а., д. № 5-7.
дозволено цензурою. Спб., 8 декабря 1908 г. Редакторъ П. М. Ольхинъ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЪ (LIFE AND LABOUR).

ИЛИ

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Labor omnia vincit.

Virgil.

Трудъ все побѣждаетъ.

Виргилій.

Біографія по своей сущности есть
универсално полезнѣйшая, универ-
сально интереснѣйшая вещь, въ ос-
бенности біографія замѣчательныхъ
людей.

Парлей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящее сочинение написано въ духѣ „Самодѣятельности“ и „Характера“. Оно содержитъ въ себѣ много новыхъ примѣровъ, доказывающихъ, какихъ блестящихъ результатовъ можно достичь добросовѣстнымъ стараниемъ и неуклонной настойчивостью.

Составленіе этой книги было пріятнѣмъ занятіемъ въ часы до-суга. Ея первыя главы были написаны много лѣтъ назадъ, тогда какъ заключительная прибавлялись и все сочиненіе просматривалось, а большая часть его была передѣлана съ начала нынѣшняго года.

Главы о мозговомъ переутомленіи и объ условіяхъ здоровья мо-гутъ быть полезны тѣмъ, кто напрягаетъ свой мозгъ слишкомъ много, а своему тѣлу не даетъ достаточно работы. Эта отдельность явилась до известной степени результатомъ личаго опыта.

По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, читавшихъ эту книгу до ея вы-хода въ свѣтъ, нѣкоторыя имена въ ней повторяются и приводятся слишкомъ часто, хотя по различнымъ поводамъ и въ разныхъ гла-вахъ. Но это было признано въ извѣстной мѣрѣ необходимымъ, чтобы тѣмъ ярче запечатлѣлись уроки, вытекающіе изъ ихъ при-мѣра. Авторъ надѣется, что его книга тѣмъ не менѣе можетъ быть прочитана съ интересомъ и пользою.

О. О.

Лондонъ. Ноябрь 1887.

ГЛАВА I.

ЧЕЛОВѢКЪ И БЛАГОРОДНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Послѣ поступокъ и вождѣніе привычку; послѣ привычки и покемъ характеръ; послѣ характера и полнѣшь жребій.

Достигнешь ли ты успѣха или не достигнешь, побѣдиши или будешь побѣжденъ, потерпиши неудачу или поднимешься въиско, дай Богъ тебѣ сберечь благородство души. Тэнкнерей.

Большинство людей въ здѣшнемъ мірѣ обречено на трудовую жизнь. Для заурядного человѣка трудъ составляетъ нормальное условіе его существованія. Каждый, достойный называться человѣкомъ, долженъ имѣть охоту и способность къ труду. Честный земледѣлецъ считаетъ трудъ необходимымъ для своего пропитанія; но онъ одинаково необходимъ для людей всѣхъ сословій и состояній.

Какъ можемъ мы оставаться праздными, когда другие заняты? Какъ поддержимъ мы иначе общественное уваженіе къ себѣ, пріобрѣтемъ почтѣ и оправдаемъ возложенную на насъ отвѣтственность? Трудъ есть лучший воспитатель, потому что онъ приводить въ соприкосновеніе съ другими людьми и съ дѣйствительной жизнью въ ея настоящемъ видѣ. Если мы заглянемъ въ биографіи выдающихся людей, то убѣдимся, что они были всегда самыми трудолюбивыми на избранномъ ими поприщѣ, самыми ревностными въ своихъ изысканіяхъ, самыми неустрасимыми въ своихъ предпріятіяхъ. Дѣйствительно, физическому и умственному

труду міръ преимущественно обязанъ своимъ духовнымъ развитіемъ, своими знаніями, своимъ прогрессомъ и своей цивилизаціей.

Безспорно, все цѣнное въ мірѣ пріобрѣтается трудомъ. Безъ него ничто не можетъ быть достигнуто. Величайшіе изъ людей достигали высокаго положенія путемъ неутомимой дѣятельности и терпѣливаго прилежанія. При всей врожденной гениальности, при всей живости и подвижности характера, они не могли избѣжать бремени настойчиваго труда. Впрочемъ трудъ не есть бремя; если онъ сулитъ впереди благополучіе, то служить источникомъ удовольствія. «Ничего нѣть труднѣе, — говорить Блаженный Августинъ, — какъ совсѣмъ не работать. Благословенъ тотъ, кто посвящаетъ свою жизнь великимъ и благороднымъ цѣлямъ и кто строитъ свой зѣло обдуманные планы съ осмотрительною мудростью». Впрочемъ трудъ служить болѣе къ осуществленію не столько возвышенныхъ, сколько скромныхъ житейскихъ плановъ. Праздность Расточаетъ богатство вдвое скорѣе, чѣмъ усердіе создаетъ его.

Половина препятствій на жизненномъ пути создается привычкой къ беззечной праздности. Лѣнъ можно безошибочно назвать одною изъ величайшихъ опасностей, которыя угрожаютъ юношеству нашей страны. Какъ много существуетъ молодыхъ людей, боящихся работы или всего, что требуетъ усилия и труда! Немногіе допускаютъ мысль, что они совершенно бесполезны въ этомъ мірѣ или что они губятъ себя вслѣдствіе своей лѣнности. Между тѣмъ люди лѣнивые, не работающіе, теряютъ даже способность наслаждаться. Ихъ жизнь представляеть собою сплошной праздникъ и въ ней недостаетъ перерывовъ досуга для отдыха. Лежебоки ничего не создали въ здѣшнемъ мірѣ. События проходятъ мимо нихъ, не заставляя этихъ лѣнтиевъ очнуться отъ своей дремоты и страхнуть съ себѣ свою беспомощность. «То, что часто называютъ беззечностью, — говорить Креббъ Робинсонъ, — есть на самомъ

дѣлъ смутное сознаніе своей неспособности». «Праздность,—сказалъ Джереми Тэйлоръ,—равносильна погребению заживо; лѣнивецъ такъ же бесполезенъ для цѣлей Божества и человѣчества, какъ (еслибъ онъ былъ мертвъ и вполнѣ безучастенъ къ перемѣнамъ и потребностямъ окружающаго міра; онъ живеть, только напрасно расточая свое время и пойдая плоды земли, подобно червю или волку; Когда пробѣть его часъ, такой человѣкъ умпраетъ и исчезаетъ, а до тѣхъ поръ не творить ничего доброго; не пашетъ, не носить бремени; все, что онъ дѣлаетъ, или бесполезно, или вредно. Праздность, дѣйствительно, есть величайшая расточительность.

Древніе греки настаивали на необходимости труда ради общественной пользы. Солонъ сказалъ: «Тотъ, кто не работаетъ, подлежитъ суду». По словамъ другого мудреца, «человѣкъ не работающій есть грабитель». Трудъ лучше всего предохраняетъ отъ преступленій. Какъ гласить старинная пословица, «праздный умъ есть мастерская дьявола», потому что, не дѣлая ничего доброго, мы научаемся творить зло. Тотъ, кто не работаетъ и ставить себя выше труда, одинаково достопріятъ какъ жалости, такъ и осужденія. Ничего не можетъ быть ужаснѣе дѣятельного невѣжества и беспечной распущенности. Сниходительность къ себѣ подрываетъ основы нравственности, губить силу нравственности и производить болѣзни, для которыхъ нѣть иного лѣкарства, кромѣ смерти.

Людямъ опытныи хорошо известно, что діаволь часто надѣваетъ на себя лицину свѣтлого духа и что грѣхъ въ его самыхъ соблазнительныхъ формахъ признается видъ удовольствія. Турецкая пословица гласить: «Діаволь искушаетъ празднаго человѣка, но и праздный человѣкъ искушаетъ діавола». Тотъ, кто слѣдуетъ за тусклымъ свѣтломъ діавола, долженъ вскорѣ убѣдиться, что поблажка своимъ страстямъ влечетъ за собою неизбѣжную гибель, а призрачная радость превращается въ горе.

Аристотель мѣтко опредѣляетъ сущность счастья, говоря, что оно есть энергія извѣстнаго рода; и ежедневное наблюденіе показываетъ намъ, что благополучіе и здоровье несовмѣстны съ праздностью такъ же, какъ они несовмѣстны съ легкомысліемъ, которое живеть въ вихрѣ моды и тѣшить себя игрушкою на одинъ часъ. Большая часть людей упускаетъ случаи увеличить сумму своего счастья и упрочить его. Между тѣмъ у большинства ихъ достаточно времени для этого. Удобные моменты, если ими воспользоваться, могутъ привести къ блестящимъ результатамъ. Надо удивляться, какъ много можетъ быть достигнуто, если мы будемъ ловить каждую минуту досуга. Мы должны проворно хватать ее на лету, извлекая заключающіяся въ ней сокровища, прежде, чѣмъ она ускользнетъ отъ насъ навсегда. Въ юности часы нашей жизни можно назвать золотыми, въ зрѣломъ возрастѣ серебряными, а въ старости — свинцовыми. Кто въ двадцать лѣтъ не знаетъ ничего, тотъ въ тридцать ничего не дѣлаетъ, а въ сорокъ ничего не имѣетъ. Итальянская пословица прибавляетъ еще: «Тотъ, кто ничего не знаетъ, всему вѣрить».

«Между людьми,—говоритъ Рѣскинъ,—мы различаемъ обыкновенно три разряда: низшій—скучой и эгоистичный, который ничего не видитъ и ничего не чувствуетъ; средний — благородный и сочувствующій, который видить и чувствовать, не дѣлая однако выводовъ и не приступая къ дѣйствію, и третій—высшій, у которого всякое наблюденіе переходить въ рѣшимость, а чувство въ дѣло». Быстрота и точность принадлежать къ числу житейскихъ благъ и удобствъ. За неамѣніемъ этихъ дарованій, некоторые изъ величайшихъ людей терпѣли неудачи. Кѣрренъ сказалъ однажды Греттену: «Вы были бы величайшимъ человѣкомъ своего времени, Греттенъ, еслибы купили мотокъ красныхъ тесемокъ, чтобы связывать свои документы и дѣловыя бумаги». По недостатку методичности и пунктуальности Маккаветъ не достигъ успѣха, хотя и былъ одаренъ удиви-

тельными умственными способностями. Кавуръ былъ однимъ изъ наиболѣе пунктуальныхъ людей и достигъ величія, не нуждаясь въ красной тесемкѣ.

Въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ — въ занятіяхъ или па службѣ, которые даютъ намъ средства къ жизни, у себя дома или внѣ дома, мы должны дорожить временемъ, беречь его и быть точными по отношенію къ другимъ, какъ и къ самимъ себѣ. Отсутствіе пунктуальности безпрерывно держитъ насъ въ состояніи тревоги, волненія и досады. Точность называютъ учтивостью королей. Но она не менѣе того составляетъ учтивость и поданныхъ. Когда одинъ знатный вельможа, который долженъ быть явиться къ Георгу III, опоздалъ на приѣмъ, король сдѣлалъ замѣчаніе по поводу его неаккуратности. Провинившійся возразилъ на это: «Лучше поздно, чѣмъ никогда». — «Нѣтъ, — сказалъ король, — это неправильно; я говорю: «лучше никогда, чѣмъ поздно». «Слишкомъ поздно» есть проклятие жизни: слишкомъ поздно для послушанія, слишкомъ поздно для любви, слишкомъ поздно для уваженія; слишкомъ поздно для почета, слишкомъ поздно для исправленія, но не слишкомъ поздно для гибели.

Ничья жизнь не бываетъ безполезною, если только ея обладатель не пожелаетъ этого самъ. Мы можемъ совершенствоваться и воспитывать самихъ себя, можемъ совершенствовать и воспитывать другихъ. Мы можемъ исправлять самихъ себя и исправлять другихъ. Однако это достигается лишь въ томъ случаѣ, когда мы терпѣливо прилагаемъ къ дѣлу наши вѣрвственные и умственные способности. Миссъ Джулія Уэджвудъ говорить: «Изъ всѣхъ духовныхъ даровъ самымъ рѣдкимъ является умственное терпѣніе, и самое послѣднєе, что мы усвоиваемъ отъ образованія, есть вѣра въ затрудненія, невидимыя для насъ самихъ». Многіе обладаютъ врожденными дарованіями и талантами, но терпѣливый трудъ необходимъ, чтобы они получили настоящую цѣнность. Бэконъ, Ньютона и Уаттъ, Питтъ, Веллингтонъ

и Пальмерстонъ, Скоттъ, Байронъ и Тэkkерей трудились при жизни, какъ простые рабочіе. Безспорно, никто не можетъ возвыситься ни въ наукѣ, ни въ политикѣ, ни въ литературѣ, и не можетъ удержаться на этомъ уровнѣ или подвинуться еще дальше безъ неослабнаго терпѣнія и продолжительного труда. *)

Бюффонъ былъ вѣроятно недалекъ отъ истины, когда утверждалъ, что гений великихъ людей заключается въ ихъ выходящемъ изъ ряду терпѣнія. Ничто не отталкивало ихъ, ничто не надѣдало имъ; у нихъ не прощадала даромъ ни одна минута. «Ни одного дня безъ штриха», — было правило живописца древніхъ Апеллеса. Постоянное и сознательное наблюденіе было обычаемъ Ньютона. «Мы должны опредѣлять, что пригодно, доискиваясь того, что негодно», — говоривъ обыкновенно Уаттъ.

Человѣкъ, который наблюдаетъ терпѣливо и осмысленно и провѣряетъ свое наблюденіе тщательнымъ изслѣдованіемъ, совершаєтъ открытия и становится изобрѣтателемъ. Онъ вносить правдивые и точные факты во всякий предметъ своего изслѣдованія, принадлежитъ-ли послѣдній къ области науки, искусства, литературы, законовѣдѣнія, политики, физиологии или техники. Теоріи вырабатываются людьми, но факты не зависятъ отъ насть. Привычка терпѣливо вникать въ факты есть одна изъ главныхъ способностей, которыхъ мы должны въ себѣ развивать. Ньютонъ высказы-

*) Виаторъ Гюго говоритъ: «Упрямцы достигаютъ величія. Смѣльцы способны только на одинъ порывъ. Храбрецы обладаютъ лишь темпераментомъ; мужественные—лишь доблестью; упорствующій въ истинѣ обладаетъ величиемъ. Почти весь секретъ великихъ душъ заключается въ этомъ словѣ: настойчивость. Настойчивость для мужества то-же, что колесо для рычага; это постоянно возобновляющаяся точка опоры».

Кэтле говоритъ: «Человѣкъ, неизмѣнно стремящійся къ одной и въ той-же цѣли, приобрѣтаетъ наконецъ громадную нравственную силу».

въль, что единственная способность, которой онъ превосходитъ прочихъ людей, заключается въ умѣнїи постоянно держать на умѣ известную проблему, постоянно обдумывать ее и провѣрять все новыми и новыми изслѣдованіями, пока удастся достичь ея рѣшенія.

Яго воплощаетъ въ себѣ урокъ мудрости, когда говорить, обращаясь къ Брабанціо: «Отъ самихъ себя становимся мы тѣмъ или другимъ. Наше тѣло,—это садъ, гдѣ должность садовника исполняетъ наша воля: поэтому, захотимъ-ли мы посадить въ немъ крапиву или посѣять латукъ, развести иссопъ и выполоть тминъ, ограничиться однѣмъ сортомъ травы или украсить его разными сортами, сдѣлать свой садъ безплоднымъ, благодаря праздности, или прилежно воздѣлывать его,—сила и власть на все это лежитъ въ нашей волѣ». При всей ненависти къ Яго мы благодарны ему за такое полезное и правоученіе.

Мы говоримъ «воля», но она требуетъ мужества, терпѣливаго мужества. Она требуетъ твердости, способной сопротивляться, возвышать и поддерживать человѣка, несмотря на затрудненія. Она требуетъ рѣшительного усиленія, которое мы называемъ постоянствомъ. Постоянство есть энергія, вошедшая въ привычку; постоянство-же въ трудѣ, добросовѣстное и безпрерывно примѣняемое, становится гениемъ. Успѣшное устраненіе препятствій сводится къ закону механики: величайшему напряженію силы, которой вы располагаете, направленному на данную точку. Если ваша тѣлесная сила уступаетъ силѣ другого человѣка, то вы можете сравняться съ нимъ, если будете напрягать ее дольше и сосредоточивать упорнѣе. А талантъ человѣка всегда такъ-же неизвѣстенъ ему самому, какъ и другимъ въ началѣ его жизни. Лишь послѣ многократныхъ опытовъ дерзаетъ онъ считать себя дорошимъ до тѣхъ начинаній, успѣхъ которыхъ обезпечиваетъ поклоненіе человѣчества. Родникъ, бьющій изъ скалистой горы въ видѣ ручейка, соединяясь съ другими потоками, образуетъ сначала рѣчку,

потомъ бурную рѣку и наконецъ становится частью бездннаго океана, только благодаря тому, что онъ постоянно и настойчиво стремится впередь.

Многихъ смущаютъ затрудненія, которыхъ въ большинствѣ случаевъ на самомъ дѣлѣ становятся нашими помощниками. Они прививаютъ намъ опытъ, побуждаютъ настъ къ настойчивости. «Голова Геркулеса,—говорить Рёскинъ,—всегда изображалась закутанною львиною шкурой съ когтистыми лапами, скрещенными у подбородка, съ цѣлью показать, что когда мы восторжествовали надъ своими бѣдствіями, то они служатъ намъ на пользу». Событія сами по себѣ не имѣютъ абсолютнаго значенія. Результаты ихъ зависятъ отъ личныхъ свойствъ и характера. Несчастіе можетъ послужить даже ступенью для генія, — это скропище для человѣка способнаго, хотя для слабаго — гибель. Многие, которые могли бы выдѣлиться и послужить общественной пользѣ, были потеряны для міра единственно потому, что ихъ благополучіе не нарушалось ничѣмъ. Все зависитъ отъ нашей воли и готовности. Когда воля готова, то пути найдутся.

Поэты говорятъ: «Наша здѣшняя жизнь есть совершенствование; ради иной, лучшей, мы уповаляемъ и боремся. И часто превратности судьбы всего лучше наставляютъ настъ въ правдѣ, возбуждаютъ къ жизни до сихъ поръ дремавшія способности; они испытываютъ нашу вѣру, покорность и стойкость».

Жизнь никогда не застаивается. Все въ человѣчествѣ идетъ назадъ, если не идетъ впередъ. Гдѣ возникаютъ препятствія, мы должны перешагнуть черезъ нихъ, наперекоръ затрудненіямъ. Девизомъ сэра Филиппа Сиднея было прекрасное изреченіе: *viam aut inveniam, aut faciam*: т.-е. я найду дорогу или проложу ее. Легкость жизни порождаетъ лишь дѣтскіе характеры; однѣ трудности вырабатываютъ истинныхъ мужей. Многие обязаны своимъ счастьемъ какому-нибудь неблагопріятному обстоятельству, при кото-

ромъ они были принуждены работать, при чёмъ для борьбы съ нимъ были пущены въ ходъ ихъ лучшія способности. Сила или слабость характера яснѣе всего обнаруживаются при внезапной перемѣнѣ вицъ условій жизни, и это въ особенности замѣтно, когда перемѣна произошла къ худшему. При такихъ условіяхъ человѣкъ бываетъ принужденъ изворачиваться собственными средствами и обнаруживаетъ совершенно неожиданныя стороны своей натуры, которые часто ведутъ къ отличию и повышенню.

Страданіе есть тяжелый плугъ, управляемый жѣлѣзною рукой; онъ глубоко врѣзывается въ неподатливую почву, но отверзаетъ ее для плодотворныхъ вліяній природы, не рѣдко вызывая обильнѣйшую жатву. Даже сильнейшее противодѣйствіе представляетъ собою величайшую благодать для человѣка.. Оно возбуждаетъ силу, настойчивость и энергию характера. Такимъ образомъ нашъ противникъ становится нашимъ помощникомъ. Человѣкъ можетъ быть смѣль; но смѣлость безъ настойчивости значить очень мало. Душевныя эмоціи, которыя возникаютъ и разсѣиваются, не переходя въ дѣло, слишкомъ слабо способствуютъ человѣческому возрожденію. Величайшія вещи совершаются, только благодаря постоянному усилию, даже среди неудачъ. «Неудачи, — гласитъ валлійская пословица, — суть столпы успѣха».

Отъ проповѣди труда перейдемъ къ проповѣди досуга. «Безъ труда нѣть досуга». — Эти слова вошли въ пословицу. Однако можно работать черезчуръ много и до такой степени привыкнуть къ труду, къ одному труду, что можно потерять всякую способность наслаждаться досугомъ. Люди не могутъ подняться до развитія лучшихъ свойствъ своей природы, если вся ихъ жизнь будетъ занята однимъ трудомъ. Нѣкоторые съ такой исключительностью посвящаютъ себя дѣлу, имѣя въ виду воспользоваться досугомъ когда-нибудь, въ неопределенномъ будущемъ, что, и накопивъ достаточно для этой цѣли, оказываются въ концѣ-концовъ совершенно

неспособными наслаждаться отдыхомъ или находить удовольствие въ прекращеніи работы. Ихъ воздушный замокъ разсыпался прахомъ. Для такихъ тружениковъ «слишкомъ поздно» думать о радости; ихъ душа искалечена и ростъ ея остановленъ слишкомъ исключительнымъ занятіемъ. Такіе люди не могутъ найти разнообразія въ своей дѣятельности. Ихъ свободное мышленіе зачахло, ихъ умъ упражнялся только въ одномъ направленіи, можетъ быть, весьма узкомъ; и они не въ силахъ уже воспользоваться праздничкомъ. Досугъ, котораго они достигли, приносить имъ мало проку.

Трудъ перестаетъ быть благословеніемъ, когда онъ вырождается ради корысти въ добровольную каторгу, потому что непосильная работа не ведетъ къ счастью или къ нравственному совершенству. Напротивъ, эта слишкомъ узкая цѣль унижаетъ ее. Трудъ не составляется еще всего и не можетъ называться конечною цѣлью человѣчества. Онъ не есть цѣль самъ по себѣ, а тѣмъ менѣе высшее земное благо. Однако, быть независимымъ великое дѣло: содержать себя собственнымъ честнымъ трудомъ и платить свои долги. Въ трудѣ нѣть ничего неблагороднаго; но неблагородно, заработать щиллингъ, жить праздно на три пенса въ день, пока все деньги не будутъ израсходованы. «Масса наслаждений, которыхъ мы можемъ получить въ обществѣ,—говорить Бальзакъ,—не заплатить нашихъ долговъ въ концѣ мѣсяца, и поэтому мы должны работать, работать и работать». Въ поть лица своего обречены мы нажинать плоды своихъ трудовъ. Хотя богатство можетъ испортить нравственность, ожесточить сердце, но и бѣдность сокрушаетъ духъ, отнимаетъ смѣлость у человѣка, усыпаетъ его ложе терпѣями и мѣшаетъ ему быть честнымъ, добродѣтельнымъ и почтеннымъ.

Такимъ образомъ всему надо предаваться въ мѣру. Трудъ есть дѣло хорошее и почтенное не столько самъ по себѣ, сколько въ виду его высокихъ цѣлей, каковы: образование

ума, развитіе высшихъ способностей и надлежащее пользованіе жизнью. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторыя лучшія произведенія въ области литературы и науки принадлежать людямъ, которые постоянно были заняты. Только излишekъ работы, совершаемой съ крайнимъ напряженіемъ, пагубенъ для человѣческаго довольства и счастія. «Пусть благородный человѣкъ,—говорить лордъ Баконъ,—мечтаетъ осуществить то или другое желаніе; кого ничто не занимаетъ сильно, у того все выходитъ блѣднымъ, скучнымъ». А въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: «Самый дѣятельный и занятой человѣкъ, какого только можно себѣ представить, безспорно имѣть часы досуга, когда онъ выжидаетъ оживленія или возобновленія своихъ дѣлъ, если только онъ не апатиченъ и не тяжель на подъемъ или не легкомысленъ и не зараженъ пустымъ тщеславіемъ, заставляющимъ его браться не за свое дѣло».

Весьма важно разнообразить наши занятія. Мы должны дѣлать въ совершенствѣ что-нибудь одно, а другимъ заниматься для развлеченія и допускать разнообразіе въ работѣ. Это вѣрный способъ наслаждаться досугомъ, сохранить цветъ и прелесть жизни. Тогда для насъ будутъ существовать праздники; найдется упражненіе для умственныхъ способностей, остававшихся безъ употребленія; разнообразіе же въ трудахъ пополнятъ источники удовольствія и придастъ свѣжесть наслажденію, чѣмъ обратить всю жизнь въ безпрерывный праздникъ. У насъ подъ руками столько средствъ для невиннаго и полезнаго досуга. Природа открываетъ передъ нами неистощимый запасъ своихъ очарованій. Мы можемъ наблюдать и изучать ея безконечное разнообразіе, изслѣдовать ея процессы и проникать въ ея тайны. Область ея безгранична; она вмѣщаетъ въ себѣ животное, растительное и минеральное царства и служитъ обширнымъ полемъ для научнаго изслѣдованія. Для любителя чтенія литература даетъ обширный материалъ. Въ нее входятъ древняя и новая история человѣчества, наглядно показывающія

лучшіе способы руководить имъ, управлять и воспитывать его въ видахъ его собственной пользы и развитія всемірной цивилизації. Затѣмъ слѣдуетъ неистощимый запасъ литературнаго матеріала иного сорта, въ видѣ біографій, поэзіи и драматическихъ произведений, полный самаго увлекательнаго интереса.

Величайшій живописецъ и величайшій поэтъ Италіи разнообразили свои занятія въ противоположномъ направленіи. Микель Анджело переходилъ отъ живописи къ сочиненію сонетовъ, а Данте мѣнялъ перо на кисть; это было для нихъ умственнымъ развлечениемъ. Леонардо да Винчи и Микель Анджело были многосторонними и почти универсальными художниками. Они были одинаково велики въ живописи, ваяніи, зодчествѣ и механикѣ. Россетти былъ одинаково великъ въ поэзіи, какъ и въ живописи.

Другіе умственные работники требуютъ физическихъ упражненій; они предаются охотѣ: травятъ оленей или стрѣляютъ тетеревовъ не ради добычи, но ради укрѣпленія здоровья. Мистеръ Этвортъ изъ секты квакеровъ, хотя и плохой стрѣлокъ, утверждалъ, что тетеревиная охота въ мѣстности, поросшей верескомъ, спасла ему жизнь. Изъ всѣхъ отраслей спорта самая спокойная—это уженіе рыбы; оно было конькомъ Пелея съ его аналитическимъ и философскимъ направленіемъ. Онъ насаживалъ на крючекъ червяка, какъ отдѣльвалъ своего антагониста. Сэръ Гемфри Дэви и Уоллестонъ любили ловить рыбу на мушекъ. Дэви описалъ свои опыты рыбной ловли въ своей «*Salmonia*»; онъ заразилъ Уоллестона своей страстью къ уженію и въ тоже время привилъ ему привычку, находясь на чистомъ воздухѣ, пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для изученія геологіи. Дэви находиль, что близкое общеніе съ природой, какое доставляетъ уженіе рыбы, есть одна изъ главныхъ прелестей этого спорта. Кромѣ того, оно оказываетъ сильное влияніе на развитіе характера.

«Это поприще нравственной дисциплины, — говоривъ

онъ,—потому что требуетъ терпѣнія, сдержанности и самообладанія. Будучи связано съ естествоизнаніемъ, оно требуетъ знакомства съ привычками значительного числа живыхъ существъ: рыбъ и животныхъ, которыхъ служатъ имъ добычей; требуетъ знакомства съ признаками и различными примѣтами погоды и ея перемѣнъ, со свойствами различныхъ водъ и атмосферы. Въ поэтическомъ отношеніи это занятіе увлекаетъ насъ въ самыя дикія и красивыя мѣста среди горныхъ озеръ или чистыхъ живописныхъ источниковъ, текущихъ съ высокихъ холмовъ или пробивающихся черезъ углубленіе въ известковыхъ слояхъ. Какъ восхищительно ранней весною, послѣ мрачной и скучной зимы, когда прекращаются морозы, а солнечные лучи грѣютъ земли и воды, бродить вдоль какого-нибудь свѣтлого ручья, смотрѣть, какъ пробивается изъ красноватой почки зеленый листокъ, вдыхать ароматъ фіалокъ, пестрѣющихъ на берегу, любоваться блѣдыми буквицами и маргаритками, чувствовать у себя подъ ногою свѣжій дернъ въ тѣни деревьевъ, гдѣ яркіе цветы привлекаютъ къ себѣ жужжащихъ пчелъ, пока, увлекшись своимъ занятіемъ, вы не замѣтите, какъ наступить ароматный вечеръ и раздастся серенада веселаго дрозда, а тамъ польются и обаятельный соловиняя трели».

Другой философъ, Дэльтонъ, наслаждался мотіономъ, совершая экскурсіи пѣшкомъ къ своимъ родимымъ горамъ, карабкаясь на Гельвеллинъ и Скиддау. Но болѣе всего любилъ онъ игру въ шары. Въ хорошую погоду ученый отправлялся каждый четвергъ на обширный лугъ въ окрестностяхъ Манчестера, гдѣ присоединялся къ другимъ любителямъ этой старинной англійской забавы. Когда одинъ выдающійся профессоръ химіи, пріѣхавъ къ Дэльтону, не засталъ его дома, то посѣтителя направили на сосѣдній лугъ, гдѣ происходила игра въ шары. Философъ спокойно извинился въ томъ, что гость не засталъ его въ лабораторіи, но прибавилъ, что онъ любитъ доставлять себѣ пріятный отдыхъ среди недѣли.

Есть немало и другихъ способовъ пользоваться жизнью на открытомъ воздухѣ. Вальтеръ Скоттъ сажалъ деревья въ Эбботсфордѣ, прогуливаясь по парку со своимъ любимцемъ Томомъ. Даніэль Уэбстеръ любилъ и улучшалъ свой крупный и мелкий скотъ, занимаясь также обработкою своихъ обширныхъ земель. Вальтеръ Скоттъ имѣлъ страсть къ лошадямъ и собакамъ, тогда какъ слабостью Уэбстера были овцы и свиньи. Адмиралъ Нэльсонъ былъ охотникъ до птицеводства, а адмиралъ Коллингвудъ развлекался работой въ саду. Поэтъ Шелли находилъ удовольствие пускать бумажные кораблики, мастера ихъ иногда изъ билетовъ англійского банка,—по Темзѣ или Серпентайну. Диккенсъ былъ замѣчательнымъ ходокомъ. Онъ имѣлъ привычку ходить пѣшкомъ изъ своей конторы на Саутгемптонъ-Стритъ, въ Лондонѣ, до своего дома на Гэдзъ-Гилль-Плэсъ, близъ Рочестера. Соути и Уордвортъ были неутомимыми ходоками. Они обыкновенно бродили по дорогамъ Вестъ-Морленда. Уордвортъ въ своеемъ сѣромъ костюмѣ и грубыхъ деревенскихъ сапогахъ иногда неожиданно выступалъ изъ тумана, словно привидѣніе. Занимался онъ преимущественно на открытомъ воздухѣ. Въ его поэмахъ сквозить необычайная и преобладающая любовь къ природѣ. Одинъ иностранецъ, которому показывали имѣніе Уордворта, пожелалъ увидать рабочій кабинетъ поэта. Слуга повелъ его въ библіотеку и сказалъ: «Вотъ библіотека моего господина, но занимается онъ въ поляхъ».

Уильямъ Геттонъ, книгопродаецъ и историкъ Бирмингема, совершилъ множество экскурсій пѣшкомъ. На семьдесятъ девятомъ году жизни онъ прошелъ вдоль Римской Стѣны отъ Уэльсэнда, въ Нортумберлендѣ, до Баунеса, въ Кемберлендѣ, и потомъ подробно описалъ это путешествіе. На восемьдесятъ пятомъ году онъ посѣтилъ Коатгэмъ, въ Йоркширѣ, и также составилъ описание этой поѣздки. Йоркширъ онъ посѣтилъ не пѣшкомъ, а въ почтовой каретѣ, за то на девяностомъ году этотъ неутомимый пѣшеходъ

сходилъ въ Бирмингэмъ и вернулся обратно, что составило около пяти миль. «Я думаю, что его прогулки окончатся почти вмѣстѣ съ жизнью»,—говаривала обыкновенно дочь Геттона. Дѣйствительно онъ дѣлалъ громадныя прогулки до самой смерти и прожилъ девяносто два года. «Довольства въ старости,—говорилъ Тургеневъ,—заслуживаетъ только тотъ, кто не потерялъ вѣры въ добро, стойкой силы воли и охоты къ дѣятельности».

Многимъ доставляетъ удовольствіе верховая ъзда. Люди, ведущіе сидячій образъ жизни, предпочитаютъ ее ходьбѣ. Она возбуждаетъ дѣятельность печени, способствуетъ кровообращенію и пищеваренію. Врачъ Листонъ былъ большиимъ любителемъ охоты. Вольтеръ, живя въ Сирѣ, охотился для аппетита. Эбрехамъ Тѣккеръ, авторъ «Свѣта Природы», имѣлъ привычку ъздить верхомъ по Бенеттѣскимъ дюнамъ, чтобы хорошенько пообѣдать. Пелей пытался ъздить верхомъ и даже пускаться галопомъ. Онъ много разъ падалъ съ лошади, но при своей отвагѣ настойчиво возобновлялъ свои попытки до тѣхъ поръ, пока не сѣдался ловкимъ наѣздинкомъ. Одинъ старинный писатель сказалъ: «Желудокъ—это все, а все—это желудокъ». Тѣ, кому недоступна верховая ъзда, пусть дѣлаютъ моціонъ, совершая прогулки пѣшкомъ; во всякомъ случаѣ это заставляетъ дышать свѣжимъ воздухомъ, упражняя въ то же время мускулы почти всѣхъ частей тѣла.

Главнымъ развлечениемъ врача Чезельдена было присутствовать на кулачныхъ бояхъ. Прокторъ рассказывалъ, американскому писателю Гоуторну, что въ молодости онъ былъ ученымъ боксеромъ и однажды предпринялъ цѣлое путешествіе, чтобы вступить въ состязаніе съ Гемомъ Чикеномъ. Два первыхъ министра, бельгійскій—Малонъ и англійскій—Гладстонъ, занимались рубкою деревьевъ. Знаменитый піанистъ Тальбергъ, отказавшись отъ своей музыкальной профессіи, пріобрѣлъ виноградникъ, разводилъ дозы и выдѣливъ вина. На Парижской выставкѣ 1867

года онъ удостоился «похвального отзыва» за свое пози-липское вино. Композиторъ Россини пристрастился къ кулинарному искусству. Онъ любилъ широко пожить и гордился своимъ столомъ; этотъ геніальный человѣкъ изобрѣталь соусы, салаты и новые способы приготовлять трюфели. Одной знаменитой пѣвицѣ маэстро писалъ: «По-мимо музыки, васъ должно заинтересовать, милая Анжелика, то, что я изобрѣлъ новый салатъ, рецептъ которого спѣшу послать вамъ... Трюфели придаются этой приправѣ подобie ореола, способнаго привести въ єкстазъ гастро-нома». Многіе кулинарные рецепты, сдѣлавшіеся знаменитыми, приписываются Россини.

Шенстоунъ наслаждался своимъ досугомъ, украшая по своему вкусу свои владѣнія въ Лесоуасѣ. Въ Воклюзѣ до сихъ поръ показываютъ сады, примыкающіе къ дикому гроту, который былъ такъ тщательно отдельянъ Петраркой и не разъ упоминается въ его письмахъ. Именно тамъ сочинилъ онъ нѣкоторые изъ своихъ изящайшихъ сонетовъ. Де-Кребильонъ, прозванный французскимъ Эсхиломъ, написавъ своего «Идоменея» и «Радамиста», удалился отъ света, обиженный пренебреженіемъ двора, и жилъ аскетомъ среди множества кошекъ и собакъ, привязанность которыхъ, по словамъ этого драматура, утѣшала его, заставляя забывать человѣческую неблагодарность. Живя на дачѣ, Маккіавелли посвящалъ много времени истребленію дроздовъ. Онъ писалъ въ одномъ письмѣ приятелю: «До сихъ поръ я занимался истребленіемъ дроздовъ. Вставая до разсвѣта, я приготовлялъ свои силки и выходилъ изъ дома, таша на спинѣ цѣлую груду клѣтокъ. Мне удавалось ловить самое меныше по двѣ, а самое большее по семи птицъ. Такимъ образомъ прошелъ для меня весь сентябрь; и хотя это занятіе было довольно дикое и вульгарное, однако мнѣ было жаль, когда я его лишился».

Болѣе невинную забаву придумалъ Дьюгальдъ Стюартъ, который старался раскачивать павлинье перо на своемъ

носу. Когда одинъ философъ посѣтилъ Будгоузли, то нашелъ Стюарта погруженнымъ въ это упражненіе. Историкъ Патрикъ Фрезеръ Тайтлеръ подражалъ ему въ этомъ развлечениі. Любимымъ удовольствиемъ Джона Гентера было изученіе жизни пчелъ, а сэръ Джонъ Леббокъ занимался въ часы досуга наблюденіями за муравьями, пчелами и осами. Оба они сумѣли обратить эти забавы на пользу науки. Гентеръ тщательно вникалъ въ каждый предметъ, и когда онъ говорилъ: «дайте мнѣ позабавиться съ моими пчелами», это было только началомъ цѣлаго ряда изслѣдований, результатъ которыхъ, изложенный въ видѣ научнаго опыта, по словамъ сэра Джемса Педжета, почти безукоризнѣнъ въ настоящее время. Когда этотъ ученый повредилъ себѣ ахиллесово сухожиліе, то занялся изученіемъ этой болѣзни и ввелъ новый способъ ея лѣченія. Сэръ Джонъ Леббокъ поражаетъ одинаковой неутомимостью. Его отчетъ о наблюденіяхъ надъ перепончатыми, ведущими общественную жизнь, въ высшей степени увлекателенъ; читая его, не знаешь, чему больше удивляться: терпѣнію и усердию муравьевъ, пчелъ и осъ или терпѣнію и усердию ихъ наблюдателя. Многія духовныя лица наряду съ исполненіемъ обязанностей своего званія развлекались изобрѣтеніемъ машинъ. Докторъ богословія Картрейтъ, родомъ изъ Бремдтона, близъ Честерфильда, былъ необыкновеннѣйшимъ изъ этихъ изобрѣтателей. Онъ изобрѣлъ не только механическій ткацкій ставокъ, оказавшій такое громадное влияніе на промышленное преобладаніе Англіи, но и чесалку для шерсти, машины для изготавленія кирпичей, для витья веревокъ и различныя усовершенствованія въ паровой машинѣ. Достопочтенный Патрикъ Белль, имѣвшій приходъ въ Форферширѣ, также принадлежалъ къ числу изобрѣтателей духовнаго званія. Плодомъ его досужихъ часовъ явилась жатвенная машина. Она была придумана превосходно; но физическій трудъ былъ въ то время дешевъ, и машину не приняли. Между тѣмъ она была

встрѣчена съ восторгомъ въ Америкѣ, гдѣ физический трудъ былъ дорогъ, и почти по прошествіи полу столѣтія вернулась изъ Америки въ Англію и Шотландію, гдѣ теперь вошла во всеобщее употребленіе.

Профессиональные изобрѣтатели, каковы Нэсмитъ, изобрѣвшій царовой молотъ, и Сименсъ, изобрѣвшій электрическій двигатель, ради разнообразія въ научныхъ занятіяхъ, обращались къ другимъ предметамъ. Нэсмитъ увлекался астрономіей, дѣлалъ самъ телескопы, изучалъ солнце, луну и достигъ большой извѣстности по этой части. Эту страсть къ астрономіи раздѣляли Лассель и де-ла-Рю. Первый изъ нихъ былъ ливерпульскій пивоваръ, второй лондонскій издатель. Бессемерь, изобрѣтатель бессемеровой стали, одинаково прилагалъ свои поразительныя дарованія къ изученію небесныхъ свѣтиль.

Слѣдующій анекдотъ я слышалъ отъ самого Нэсмита, который, пользуясь славой изобрѣтателя и ученаго, въ то же время можетъ быть названъ ходящимъ сборникомъ забавныхъ исторій. Дѣло шло о докторѣ Адамѣ, покойномъ ректорѣ Эдинбургскаго университета, авторѣ «Римскихъ древностей» и другихъ сочиненій. Въ свободное время между своими профессорскими занятіями, почтенный докторъ имѣлъ привычку проводить цѣлые часы въ лавочкѣ своего пріятеля Буджа, замѣчательнаго фабриканта ножей, и тамъ разлекался порою точенiemъ ножей и ножницъ, а въ другое время верченiemъ точильного колеса. Однажды два англичанина, учившіеся въ университетѣ, пришли къ Буджу, превосходному знатоку греческаго языка и латыни, съ просьбою разъяснить имъ какой-то греческій отрывокъ, котораго они не могли понять. Заглянувъ въ книгу, Буджъ нашелъ, что отрывокъ ему не дается, но, будучи шутникомъ, сказалъ студентамъ: «О, это сущіе пустяки! вонъ тотъ рабочій у колеса переведетъ это мѣсто. Джонъ,— кликнулъ онъ старика,— поди сюда на минутку, слышишь?» Когда же мнимый рабочій выступилъ впередъ, хозяинъ лавки по-

казаль ему греческий отрывокъ, который студенты желали перевести. Старикъ надѣлъ очки, прочелъ указанное мѣсто и растолковалъ его съ научной стороны, ссылаясь при этомъ на различные ученые авторитеты. Окончивъ объясненіе, онъ вернулся къ своему колесу. Разумѣется, студенты были поражены такой эрудиціей простолюдина. По ихъ словамъ, они много слышали объ удивительной образованностиedinburgскихъ ремесленниковъ, но настоящій фактъ, превзошелъ всѣхъ ожиданія. Тѣ, кому посчастливились посѣтить восхитительную коллекцію портретовъ Реберна на зимней выставкѣ въ королевской академіи иѣсколько лѣтъ тому назадъ, вѣроятно замѣтили портретъ д-ра Адама съ умнымъ и добродушно-насмѣшливымъ выраженіемъ почтенного старческаго лица. Этотъ ученый скончался на своеемъ посту въ аудиторіи университета на восьмидесятомъ году отъ роду. Передъ смертью ему показалось, что въ залѣ внезапно наступилъ мракъ, и онъ сказалъ, обращаясь къ ученикамъ: «Однако, становится совсѣмъ темно, ребята! Ступайте лучше по домамъ!» Тутъ профессоръ откинулся на спинку кресла и скончался. Таковъ быль конецъ одного изъ ученѣшихъ и милѣшихъ людей своего времени.

Естественная история также находила себѣ поклонниковъ, какъ среди ученыхъ специалистовъ, такъ и среди рабочаго класса. Кто не читалъ уайтовской «Естественной истории Сэльборна?» Очарованіе этой книги только увеличивается съ годами. Она манитъ васъ подъ открытое небо, на чистый воздухъ и удерживаетъ тамъ. Это сочиненіе никогда не утрачиваетъ волшебнаго интереса. «Съ тѣхъ поръ, какъ я прочиталъ его въ первый разъ,—говорить Джемсъ Россель Лоуэль,—я обошелъ многія любимыя мѣста автора, но до сихъ поръ смотрю на нихъ скрѣпъ его глазами, чѣмъ сквозь призму личныхъ воспоминаній и впечатлѣній. Эта книга дышитъ восхитительной свободой абсолютнаго досуга. Уйти какъ-будто не знать иного, болѣе тяжелаго труда, какъ изучать привычки своихъ пернатыхъ согра-

жданъ или наблюдать за созреваніемъ персиковъ, обвивающихъ стѣну.

Наблюдатели, ученые и изслѣдователи самого скромнаго разряда почерпали безмятежное удовольствіе въ естество-зnanіи. Башмачникъ Эдуардъ и булочникъ Дицъ не были никакъ выдающимися людьми. Въ Манчестерѣ и въ Лондонѣ, въ особенности въ Истъ-Эндѣ, существуютъ клубы рабочихъ, посвящающихъ свои досуги изученію растеній, птицъ, ночныхъ бабочекъ, пчель, муравьевъ, вообще различныхъ отдѣловъ естествовѣдѣнія. Въ Валлісѣ можно встрѣтить среди рабочаго сословія замѣчательныхъ геологовъ. Одинъ изъ лучшихъ современныхъ ботаниковъ Британіи былъ первоначально простымъ землемѣдѣльцемъ на фермѣ. Со-ути съ жаромъ восхищался естественно-историческими из-ѣдованіями и сожалѣлъ, что не посвятилъ себя въ молодые годы этой наукѣ, вмѣсто того чтобы писать книги. «Самъ я ничего не смыслю въ ботаникѣ,—говаривалъ онъ,—и сожалѣю о томъ каждый день. Если моимъ дѣтямъ суждено вырасти, я твердо намѣренъ сдѣлать изъ нихъ хорошихъ на-тураллистовъ».

Небольшое вниманіе къ произведеніямъ природы можетъ наполнить свободные промежутки между нашими обязательными занятіями и обогатить насъ пріятными, а иногда и полезными свѣдѣніями. Мы никогда не въ силахъ предвидѣть, гдѣ намъ пригодится тщательно усвоенное знаніе. Ботаникъ Соуэрби началъ свою карьеру живописцемъ, избравъ своей спеціальностью миніатюры и пейзажи. Желая научиться правильно изображать первый планъ на своихъ ландшафтахъ, этотъ художникъ принялъ копировать растенія. Онъ старался вникнуть въ ихъ свойства, что привлекло его къ изученію ботаники, и Соуэрби до того увлекся ею, что посвятилъ остатокъ своей жизни этой наукѣ. «Ничто не раздражаетъ меня до такой сте-пени,—говорилъ Эбрахамъ Коулей,—какъ часто повторяе-мая фраза, что человѣкъ не знаетъ, какъ убить время. Она

была бы неумѣстной и въ устахъ Маэусаила на девятьсотъ шестьдесятъ девятомъ году его жизни, не говоря уже о насы, не успѣвающихъ достичь совершенства ни въ одной отрасли знанія. Не смѣшно-ли съ нашей стороны жаловаться, будто-бы мы принуждены оставаться праздными за неимѣніемъ дѣла? У первого министра въ государствѣ едва ли найдется столько общественнаго дѣла, сколько наберется частнаго у человѣка умнаго; если у первого слишкомъ мало досуга для того, чтобы оставаться одному, у другого еще того меныше свободнаго времени, чтобы бывать въ обществѣ; на одномъ лежить только часть дѣлъ его націи; размышленію другого предоставлены всѣ творенія руку Богаихъ».

Д-ръ Исаакъ Барроу, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ людей своего времени, такъ-же какъ одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ, сказалъ однажды проповѣдь о трудолюбіи благородныхъ людей, вошедшую впослѣствіи въ собраніе его сочиненій. Никто не могъ служить лучшимъ нагляднымъ образцомъ въ данномъ случаѣ, какъ самъ проповѣдникъ. Поэтому онъ рассказалъ собственную біографію въ назиданіе слушателямъ. Барроу былъ тупоумнымъ мальчикомъ; говорятъ, его отецъ высказывалъ мысль, что если Богу будетъ угодно взять кого-нибудь изъ его дѣтей, то онъ готовъ пожертвовать Исаакомъ. Тѣмъ не менѣе маленькій Барроу прошелъ всѣ классы въ школѣ Чертергоуза, гдѣ съ большимъ трудомъ одолѣвалъ ученье; когда-же онъ перешелъ въ Петерсгемское училище, а впослѣствіи въ коллежію Св. Троицы въ Кембриджѣ, то въ немъ скоро обнаружилась способность къ усидчивости и прилежанію. Сначала юноша хотѣлъ посвятить себя медицинѣ и съ этой цѣлью принялъ изучать анатомію и физіологію, однако, получивъ званіе адьюнкта-профессора, онъ началъ изучать богословіе, какъ это требовалось уставомъ коллежія. Желаніе глубже вникнуть въ церковную исторію повело его къ изученію астрономіи, а затѣмъ и высшихъ отраслей ма-

тематики, въ которыхъ онъ пріобрѣлъ выдающіяся познанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Барроу продолжалъ изученіе классиковъ съ такимъ успѣхомъ, что тупоумный мальчикъ при подачѣ въ отставку профессора греческаго языка былъ推薦ованъ имъ на свою каѳедру. Между тѣмъ республиканцы во время владычества Кромвеля держали власть въ своихъ рукахъ, Барроу-же былъ крайній роялистъ, и вдѣбавокъ его подозрѣвали въ арминіанізмѣ; поэтому его не утвердили въ профессорскомъ званіи и онъ рѣшилъ покинуть коллегію и отправиться путешествовать на вѣкоторое время во Францію, Италію, до Константинополя и Смирны. Считая, что мужество должно быть непремѣннымъ качествомъ благороднаго человѣка, Барроу засвидѣтельствовалъ это, какъ своими словами, такъ и поступками. Во время перѣѣзда изъ Ливорно въ Константинополь въ 1657 году, корабль, на которомъ онъ плылъ, подвергся нападенію алжирскихъ пиратовъ. Барроу не захотѣлъ сойти въ каюту. Онъ посовѣтовалъ оказать сопротивленіе и принялъ дѣятельное участіе въ оборонѣ судна, оставаясь на палубѣ до тѣхъ поръ, пока пираты не были обращены въ бѣгство. Когда его спросили, почему онъ не захотѣлъ спуститься въ трюмъ, предоставивъ защиту корабля его владѣльцамъ, онъ отвѣчалъ: «Исходъ битвы никого не касался такъ близко, какъ меня; для меня было-бы легче лишиться жизни, чѣмъ попасть въ руки этихъ невѣрныхъ, не знающихъ пощады».

Реставрація совершилась вскорѣ послѣ возвращенія Барроу въ Англію. Тогда онъ получилъ каѳедру греческаго языка въ Кембриджѣ, а затѣмъ каѳедру геометріи въ коллежіи Грешема. Послѣднее мѣсто онъ промѣнялъ на каѳедру астрономіи, но опять-таки отказался отъ нея шесть лѣтъ спустя въ пользу своего ученика, знаменитаго Исаака Ньютона, которому было предназначено двинуть далеко впередъ эту науку. Въ сущности біографія Исаака Барроу есть исторія подчиненія принципу. Назначенный пре-бендаремъ собора въ Салисбёри, онъ отдавалъ весь свой

доходъ на дѣла благотворительности, а когда получилъ мѣсто начальника коллегіи св. Троицы въ Кембриджѣ, то отклонялъ оть себя вознагражденія за всѣ занимаемыя имъ церковныя должности. Барроу умеръ слишкомъ молодымъ, всего сорока семи лѣтъ. При сравнительной краткости жизни, число его сочиненій, въ особенности по геометріи и математикѣ, было очень велико. Его проповѣди—настоящія сокровищницы мысли; онѣ полны зрелага опыта и мудраго наблюденія практической жизни. Въ нихъ онъ давалъ спасительный урокъ трудолюбія, попутно наставляя свою паству въ благочестіи, набожности, прямотѣ и правдивости. Его собственная жизнь служила лучшимъ примѣромъ и поученіемъ, потому что Барроу былъ трудолюбивъ, какъ ученый, какъ христіанинъ и какъ благородный человѣкъ. Вопросу о трудолюбіи онъ посвятилъ пять основательныхъ разсужденій: два—трудолюбію вообще, остальныхъ же три—трудолюбію христіанина, трудолюбію ученаго и трудолюбію благороднаго человѣка. «Чтобы достичь совершенного познанія,—говорилъ онъ,—и обнаружить высшія добродѣтели жизни: надежду, умѣренность, терпѣніе, нетребовательность—нужны трудъ и усиленіе. Если ходьба по неровной дорогѣ, подъемъ на крутизну, борьба съ непреклонными врагами, ожесточенные битвы и постоянное, неослабное обуздываніе всѣхъ врожденныхъ намъ свойствъ и способностей требуютъ труда и хлопотъ, то тѣмъ въ большей степени нужно все это для упражненія добродѣтели... Трудолюбіе свидѣтельствуетъ о великодушномъ и искреннемъ душевномъ строѣ. Оно указываетъ на умъ, не удовлетворяющій мелкими, низменными предметами, но стремящійся къ предметамъ высокаго достоинства и старающейся достигнуть ихъ прямымъ путемъ съ отважной смѣлостью, собственными силами преодолѣвая трудности и препятствія. Трудолюбіе свойственно человѣку съ сердцемъ, не терпящимъ, чтобы средства и удобства жизни доставлялись ему на счетъ труда или щедрости другихъ; для него

немыслимо существовать на общественный счетъ, пользуясь плодами чужого труда и заботъ и не вознаграждая общества съ избыткомъ или не превышая своихъ частныхъ обязательствъ значительной услугой на общую пользу. Благородное сердце не захочетъ существовать подобно трутню, питающемуся медомъ, собраннымъ чужими стараниями, и червю, который кормится изъ общественной жизнницы, или акулѣ, которая охотится за мелкой рыбой: человѣкъ благородный постарается такъ или иначе прокормить себя самъ. Дѣйствительно, трудолюбіе услаждаетъ всѣ наши удовольствія, сообщая имъ пріятный вкусъ; никто не можетъ наслаждаться или находить въ чемъ-нибудь удовлетвореніе, пока онъ не исполнилъ своего дѣла или обязанности; но тотъ, кто сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы подвинуть впередъ свой трудъ, будетъ спокойно наслаждаться отдыхомъ и пользоваться удовольствіемъ; пища покажется ему вкусною, развлечения пріятными, а сонъ его будетъ здоровъ и сладокъ».

Одно изъ положительныхъ достоинствъ трудолюбія заключается въ томъ, что оно не допускаетъ человѣка до зла. Когда человѣкъ занятъ, діаволъ едва-ли найдетъ случай искусить его. «Трудящійся монахъ,—говорить Кассіанъ,—подвергается нападенію одного бѣса, тогда какъ празднаго смущаетъ безчисленное множество злыхъ духовъ». Нерадѣніе и праздность принадлежать къ числу самыхъ низкихъ свойствъ. Праздный человѣкъ есть нуль въ обществѣ,—нѣтъ, хуже того, онъ служить помѣхой и бременемъ, потому что потребляетъ, ничего не производя со своей стороны, и является для общества безобразіемъ, а не украшеніемъ. «Путь нерадиваго есть изгородь изъ терній,—говорить Соломонъ.—Отъ большой нерадивости строеніе приходить въ упадокъ, а черезъ праздность руки домъ разваливаются».

Дѣйствительно, трудолюбіе есть лучшій сплотъ нравинности и добродѣтели. Оно есть преграда для всякаго рода

грѣха и порока, закрывающая отъ нихъ доступъ къ сердцу и не допускающая слuchaевъ соблазна.

Если мы богаты, трудолюбіе необходимо для разумнаго распоряженія нашимъ богатствомъ, не только ради нашего личнаго блага и нашей семьи, но и на пользу другимъ. Если мы пользуемся почетомъ и доброю славою между людьми, трудолюбіе необходимо для поддержки и упроченія нашего положенія, а также для того, чтобы мы могли служить спасительнымъ примѣромъ для другихъ. Самое высокое происхожденіе не можетъ избавить насъ отъ обязанности и привилегіи труда. Если человѣкъ высокопоставленный и знатный считаетъ своею привилегіею праздность, то это преимущество сдѣлаетъ его несчастнѣйшимъ существомъ, потому что, если въ немъ нѣтъ никакого проку, если онъ не можетъ служить ни Богу, ни людямъ, то у него нѣть и права на счастье. Онъ долженъ, какъ говорить д-ръ Барроу, добросовѣстно выполнять все общечеловѣческія обязанности благочестія, милосердія идержанія, благородное происхожденіе нисколько не избавляетъ его отъ обязанностей христіанина, но, напротивъ, заставляетъ выполнять ихъ еще ревностнѣе другихъ. Онъ по преимуществу Божій домоправитель, на котораго возложенъ долгъ питать и поддерживать чадъ Божіихъ. Ему больше дано, а поэтому съ него больше и спросится: если простому землемѣльцу или ремесленнику данъ одинъ талантъ, то человѣку благороднаго сословія дано десять; у него врожденная сила духа и выработанное поколѣніями мужество; свободное воспитаніе придало ему законченность и утонченность; онъ располагаетъ поддержкой со стороны родства, связей, дружбы; онъ обладаетъ богатствомъ, почетомъ, властью, силой и авторитетомъ; онъ свободно распоряжается своимъ временемъ и досугомъ, у него столько драгоценныхъ и полезныхъ дарованій не для того, чтобы завернуть ихъ въ салфетку или спрятать подъ землей, не для того, чтобы расточать ихъ на свои личные удовольствія, но для

того, чтобы пускать въ оборотъ, извлекая изъ нихъ выгоду и употребляя на самое полезное служеніе Богу... Однимъ словомъ, только тотъ можетъ называться дѣйствительно благороднымъ человѣкомъ, у котораго достаточно душевной силы для упорного труда на общую пользу и кто съ радостью беретъ на себя тяготу, заботясь о своихъ сосѣдяхъ и друзьяхъ. Дѣло благородныхъ людей собственно не такъ грубо, но оно также мучительно и трудно, какъ и всякое другое. Тяжелая работа не всегда бываетъ физическою; есть и другія орудія труда, кромѣ плуга, заступа, молота и ткацкаго членока; не каждая работа ведеть къ осозаемымъ и пріятнымъ результатамъ; можно напряженно работать головой надъ осуществлениемъ благихъ намѣреній; языкъ можетъ дѣятельно давать советы, убѣждать, угѣшать и наставлять въ добродѣтели; вотъ работа, которой требуютъ отъ благороднаго человѣка.

Въ низшемъ классѣ существуютъ впрочемъ сбивчивыя понятія о томъ, что такое «настоящій благородный человѣкъ». Когда Вальтеръ Скоттъ, посѣтивъ Ирландію, осматривалъ между прочимъ Сент-Кевинъ-Бэдъ, близъ Глиндело, Плѣккетъ, сопровождавшій его, сказалъ женщинѣ, видавшей ихъ, что этотъ посѣтитель—поэтъ. «Поэтъ?—восклинула она,—ну, мнѣ на это наплевать, но онъ почтенный джентльменъ, потому что даль мнѣ полкроны!» Лондонскій извозчикъ, получая двойную плату, также думаетъ про себя: «Вотъ этотъ сѣдокъ совершенный джентльменъ!» Даже люди средняго сословія часто соединяютъ понятіе о благородствѣ съ денежной щедростью, которая во многихъ случаяхъ служить только доказательствомъ чванства. Каковъ-же долженъ быть благородный человѣкъ? Тэнкерей говоритъ: «Онъ долженъ быть честнымъ, деликатнымъ, великодушнымъ, храбрымъ и разсудительнымъ, а при всѣхъ этихъ достоинствахъ обнаруживать ихъ самымъ изящнымъ образомъ». Пелей перечисляетъ двѣнадцать качествъ, которые должны быть необходимыми спутниками истиннаго рыцаря: вѣра, милосер-

дѣ, справедливость, здравый смыслъ, осторожность, умѣренность, твердость, правдивость, щедрость, прилежаніе, надежда и доблестъ. Сюда слѣдуетъ причислить терпимость и уваженіе къ чужимъ чувствамъ и мнѣніямъ.

Истинно благородный человѣкъ не принадлежитъ къ опредѣленному званію или классу. Онъ одинаково можетъ быть и крестьяниномъ и дворяниномъ. Каждый человѣкъ въ состояніи быть деликатнымъ, учтивымъ, терпимымъ и сдержаннымъ. Можно найти вѣжливость и въ шатрѣ араба и въ хижинѣ землепашца. Вѣжливость есть лишь естественное, врожденное, полное достоинства почтеніе къ другимъ безъ всякой примѣси лести и лицемѣрія. Богатство и знатность не служать непремѣннымъ условіемъ благородныхъ качествъ. Человѣкъ самого скромнаго происхожденія можетъ быть благороденъ въ рѣчахъ и чувствахъ. Онъ можетъ быть честенъ, правдивъ, прямодушенъ, воздержанъ, храбръ, исполненъ уваженія къ себѣ и самодѣятельнъ. Бѣдный человѣкъ, надѣленный духовными богатствами, во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ скудоумнаго богача. Къ первому можно примѣнить слова святого Апостола Павла: «Не имѣющій ничего обладаетъ однако всѣмъ». Тогда какъ второй, и обладая всѣмъ, въ дѣйствительности не имѣть ничего. Лишь бѣдные умомъ бѣдны на самомъ дѣлѣ, потому что человѣкъ, богатый умственно, пользуется довѣріемъ свѣта и, будучи свободенъ отъ грубыхъ материальныхъ заботъ, онъ одинъ достоинъ называться настоящимъ джентельменомъ.

Существуютъ врожденное благородство и вѣжливость, заключающіяся въ великодушіи и душевномъ превосходствѣ, а это можно встрѣтить въ самыхъ низшихъ общественныхъ слояхъ. Подтверждениемъ тому служить выведенный Чосеромъ крестьянинъ, который жилъ мирно, любя Господа всѣмъ сердцемъ своимъ, въ счастьѣ или бѣдѣ, а ближняго своего, какъ самого себя.

Учивое обращеніе, пожалуй, составляетъ тоначайшую

черту благородного характера. «Обходительность,—говорить Эмерсонъ,—лучше красивой внѣшности: она доставляетъ болѣе высокія наслажденія, чѣмъ статуи и картины; это изящнѣйшее изъ высокихъ искусствъ». Трудно повѣрить, что даже угрюмый докторъ Джонсонъ признавалъ важное значеніе вѣжливости въ обществѣ: «Недостатокъ ея,—говаривалъ онъ,—непремѣнно производить непріятное впечатлѣніе». Будучи самъ полусѣпымъ, онъ однажды предложилъ руку испуганной дамѣ, чтобы перевести ее черезъ Флитъ-Стритъ, гдѣ сновало множество экипажей. Онъ гордился своей учтивостью къ дамамъ и постоянно провожалъ ихъ подъ руку до экипажа, когда онѣ поѣздили его въ Больть-Кортъ. Квинси, президентъ Соединенныхъ Штатовъ, былъ джентельменомъ въ рѣчахъ, обхожденіи и поступкахъ. Онъ умѣлъ цѣнить оказанныя ему услуги и былъ вѣжливъ даже съ самыми незначительными людьми. Своему секретарю, который не отличался безукоризненной исполнительностью, онъ говаривалъ: «Когда вамъ нужно исполнить много обязанностей, начинайте всегда съ самой непріятной». Квинси былъ любезенъ даже съ неграми. Однажды онъѣхалъ въ Кембриджъ въ омнибусѣ, набитомъ биткомъ; туда вошла чернокожая женщина, для которой не нашлось свободнаго мѣста. Президентъ немедленно всталъ, уступилъ ей свое иѣхалъ остальную часть пути стоя, какъ пѣмой упрекъ общей грубости. Вѣжливость была въ немъ не только инстинктомъ, но и правиломъ.

Приведемъ рѣзкій контрастъ вѣжливости Джонсона и Квинси. Въ то время, когда всѣ носили бороды, Филиппъ I, король Испанскій, послалъ молодого коннетабля Кастильскаго въ Римъ поздравить Сикста VI съ восшествіемъ на папскій престолъ. Но у молодого коннетабля не было еще бороды. Папа сказалъ ему: «Неужели въ Испаніи такъ мало зрѣлыхъ мужей, что вашъ король послалъ ко мнѣ безбородаго юношу?»—Ваше святѣйшество,—отвѣчалъ гордый испанецъ,—если бы его величество имѣлъ малѣйшее

понятіе о томъ, что вы полагаете достоинство человѣка въ бородѣ, то, конечно, отправилъ бы къ вамъ козла, а не гидалго!

Вѣжливость можно назвать охраной, прикрывающей острые углы нашего характера, чтобы они не могли причинить вреда другимъ. Тотъ былъ истиннымъ джентльменомъ, кто сказалъ: «По-моему все равно, что дать человѣку фальшивую монету, что обидѣть его грубымъ словомъ». Старинное и знатное происхожденіе, не соединенное съ благородными качествами, не обусловливаетъ еще истинаго душевнаго благородства. Отпечатокъ знатности не есть какой-нибудь неизгладимый признакъ, потому что онъ не исключаетъ визости, трусости и нерадивости. Происхожденіе безспорно оказываетъ свое влияніе, вдохновляя человѣка на подвиги прымѣромъ благородныхъ предковъ и внушая ему желаніе поддержать и усилить блескъ славнаго имени, перешедшаго отъ нихъ. «Вспоминай, — говорилъ сэръ Генри Сидней своему сыну Филиппу, — благородную кровь, унаследованную тобою отъ матери, и думай, что только благодаря добродѣтельной жизни и добрымъ поступкамъ можешь ты сдѣлаться украшеніемъ этого знатнаго рода; иначе порочность и нерадѣніе сдѣлаютъ то, что люди станутъ считать тебя *lubes generis*, — выродкомъ, — а это одно изъ величайшихъ проклятій, какое можетъ постичь человѣка».

Благородный сэръ Филиппъ Сидней не нарушилъ отцовскаго завѣта. Чудная обходительность, съ которой онъ подалъ кружку воды раненому солдату на Зютфенскомъ полѣ сраженія, никогда не будетъ забыта. Послѣ смерти сэра Филиппа его другъ Фолькъ Грэвиль выразилъ такъ свое сожалѣніе о немъ: «Дѣйствительно, это былъ истинный образецъ достоинства; человѣкъ способный къ завоеваніямъ, и къ колонизаціи, и къ реформамъ, и ко всему наиболѣе великому и славному, но при всемъ томъ такой другъ человѣчества, такой благотворитель, что каждый, кто

обращался къ нему, находилъ въ чёмъ утѣшеніе, покровительство и участіе... насколько это было въ его власти, и это было для него не частнымъ, но общественнымъ дѣломъ; его главную заботу составляли не жена, дѣти и онъ самъ, но прежде всего почитаніе своего Создателя и служба государю».

Благородные не всегда происходить отъ благородныхъ. Многіе изъ величайшихъ людей древности вышли изъ самого скромнаго сословія. Платонъ не принадлежалъ къ числу благородныхъ, но философія облагородила его. Философъ-стонкъ Клеантъ былъ сперва профессіональнымъ борцомъ, а впослѣдствіи содержалъ себя орошеніемъ садовъ у афинскихъ гражданъ. Пиѳагоръ былъ сыномъ серебряныхъ дѣль мастера; Эврипидъ—садовника; Демосеенъ—нонжевщика, а Виргилій—горшечника. Человѣкъ самого низкаго происхожденія можетъ занять мѣсто среди наиболѣе высокопоставленныхъ и, наоборотъ, родившійся въ знатности можетъ опуститься до самаго низкаго уровня изъ-за потери чести и дурного поведенія. Первый поднимается посредствомъ соревнованія доблести, а второй падаетъ отъ нерадѣнія и порочности.

Обратимся къ нашимъ временамъ. Кому не известно скромное происхожденіе Шекспира, отецъ которого скупаль шерсть по деревнямъ? Бэнъ Джонсонъ, хотя и былъ сперва каменщикомъ, но оставался до конца «постоянно совершившимъ джентльменомъ». Развѣ каждый читатель не знаетъ о другихъ благородныхъ людяхъ, вышедшихъ изъ рабочаго класса, каковы напримѣръ: Иниго Джонсъ—суконщикъ, Квентинъ Метисъ—кузнецъ, Джозіа Уэджвудъ—горшечникъ, Джемсъ Уаттъ—мастеръ математическихъ инструментовъ, Джонъ Гентеръ—плотникъ, Исаакъ Мильнеръ—ручной ткачъ, Іосифъ Ланкастеръ—корзинщикъ, Робертъ Бернсъ — землепашецъ и Джонъ Кинтъ — москательщикъ?

Отецъ Томаса Карлейля былъ каменщикъ. «Благородно-

ремесло каменщика,—говорить авторъ «Французской Революціи»;—прочное зданіе продерживается дольше многихъ книгъ, дольше, чѣмъ одна книга изъ миллиона. Я желалъ бы научиться отъ отца; желалъ бы писать мои книги, какъ онъ строилъ дома, и пройти настолько безупречно свой путь въ этой юдоли скорбей (если такъ будетъ угодно Богу), чтобы соединиться съ нимъ наконецъ... можетъ быть, онъ былъ среди шотландскихъ крестьянъ тѣмъ, чѣмъ Самуилъ Джонсонъ среди англійскихъ авторовъ. Память моего отца-крестьянина служитъ для меня источникомъ священной гордости и я не промѣняль-бы его ни на одного изъ известныхъ мнѣ королей. Золото и штемпель червонца; человѣкъ и одежда человѣка! Я благодарю Бога за такую величайшую благодать и стремлюсь жить такъ, чтобы быть достойной ея».

Когда д-ръ Мекъ Кошъ совѣтовался съ Гуго Миллеромъ, бывшимъ каменщикомъ, о томъ, принимать-ли ему каѳедру логики и метафизики въ Бельфастѣ, Миллеръ отвѣчалъ:

«Если человѣкъ имѣеть великій даръ свыше, хотя-бы къ работѣ каменщика или другому механическому труду, онъ долженъ примѣнять его къ дѣлу во славу Божію. Вы получили такой даръ; идите-же и употребите его на пользу, а Господь откроетъ вамъ сферы полезной дѣятельности». Прославившись своими лекціями и сочиненіями, докторъ Мекъ Кошъ достигъ высокаго положенія, будучи избранъ на должность президента Принсetonской коллегіи.

Характеръ благороднаго человѣка и вмѣсть съ тѣмъ истиннаго христіанина не можетъ быть очерченъ удачнѣе, какъ словами Св. Апостола Павла въ его посланіи къ корінненамъ: «Любовь долго терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслить зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переносить. Любовь

никогда не перестаетъ» *). Человѣкъ, дѣйствующій въ духѣ этихъ словъ, непремѣнно обнаруживаетъ величайшее благородство поведенія.

«Единственная настоящая утонченность, идущая вглубь характера, проистекаетъ изъ христіанскаго милосердія или любви. Еслибъ такое направленіе было всеобщимъ, не было-бы ни грубыхъ шутокъ, ни невѣжественныхъ крестьянъ, ни пошликовъ рабочихъ», — говорить Фредерикъ Робертсонъ.

Третій графъ Белькерсъ питалъ особое почтеніе къ Св. Апостолу Іакову и восхищался его посланіемъ, въ которомъ ярко отразился возвышенный и благородный характеръ, вмѣщающій въ себѣ все христіанское превосходство и совершенство. О четвертомъ графѣ изъ этого рода Питтъ мѣтко выразился такъ: «Белькерсъ быль непривѣтливъ съ нами, когда мы пользовались благополучіемъ, но сейчасъ являлся на выручку, когда намъ угрожала опасность, — вотъ каковъ онъ!»

Кардиналъ Маннингъ, говоря въ Бирмингемѣ) объ опасностяхъ, могущихъ угрожать Англіи, упомянулъ о четырехъ моряхъ и о четырехъ добродѣтеляхъ. Онъ сказалъ, что не возлагаетъ своихъ упованій на четыре моря, но полагается на четыре великихъ національныхъ добродѣтели англичанъ: осторожность, которая совершенствуетъ умъ, справедливость, которая совершенствуетъ волю; умѣренность, которая учитъ людей управлять собою въ пользованіи удовольствіями, и мужество, которое дѣлаетъ ихъ выносливыми въ страданіяхъ и затрудненіяхъ.

*) 1. Коринт. XIII. 4—8. Одна дама указала намъ, что и въ псалмѣ 14 очерчено истинное душевное благородство: «Ходай непороченъ и дѣлай правду, глаголай истину въ сердцѣ своемъ; иже не ульти языкомъ своимъ и не сотвори искреннему своему зла, и пониженія не пріять на ближняя своя; уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуй, боящійся Господа славить; щлишайся искреннему своему и не отметаясь».

Самая настоящая христіанская учтивость есть веселость. Она идетъ къ старымъ и молодымъ и всегда бываетъ пріятна. Это самая лучшая черта порядочнаго общества, потому что она украшаетъ человѣка лучше рубиновъ и брилліантовъ въ золотой оправѣ. Она ничего не стоитъ, а между тѣмъ безцѣнна, потому что приносить благодать тому, кто обладаетъ ею, и служить источникомъ счастья для окружающихъ его. Она ищетъ всегда лучшей стороны человѣческой природы. Она не отыскиваетъ дурного въ людяхъ и снисходительна въ своемъ сужденіи о нихъ. Въ разговорахъ она обыкновенно избираетъ пріятные предметы, вместо того чтобы указывать на чужие недостатки и промахи. Она всюду является съ добрымъ словомъ, поощряетъ добрыя мысли и услаждаетъ общественные отношенія. Веселость есть красота ума и, подобно тѣлесной красотѣ, покоряетъ себѣ почти все. Однако она никогда не старѣеть, потому что нѣтъ ничего прекраснѣе веселости на старческомъ лицѣ.

«Веселое сердце,—говорить Соломонъ,—отражается въ чертахъ»; а въ другомъ мѣстѣ: «веселое сердце приносить пользу, какъ лѣкарство». Веселость необходима для достойной жизни и во многихъ отношеніяхъ она бываетъ источникомъ успѣха. Нашъ духъ долженъ сохранять эластичность, чтобы отгонять увлеченія и преодолѣвать трудности, встрѣчающіяся въ важныхъ предпріятіяхъ. Дѣйствительно, веселость означаетъ довольный умъ, чистое сердце и добroe, любящее настроеніе. Она означаетъ также смиреніе и милосердіе, великодушную оцѣнку другихъ и скромное мнѣніе о самомъ себѣ. Добро дѣлается не столько великими подвигами, сколько мелкими проявленіями учтивой обходительности, обыденными спокойными добродѣтелями, христіанскимъ направленіемъ и симпатіей и добрыми родственными и дружескими качествами. Маленькия рѣчки полезнѣе грозныхъ водопадовъ; первыя текутъ въ пріятной и спокойной красотѣ, послѣдніе несутъ съ собою разрушение.

віе и гибель. Это примѣнно и къ дѣйствіямъ въ нашей повседневной жизни.

Сочувствіе есть универсально смягчающее начало. Ничто не мыслимо безъ него. Никто не можетъ быть снисходителенъ къ другимъ безъ помощи сочувствія. Брожденная способность людей мѣняется соразмѣрно силѣ сочувствія въ нихъ. Тамъ, где оно отсутствуетъ, всѣ усилия улучшить или создать характеръ въ христіанскомъ духѣ всегда оказываются тщетными. Множество людей ходить взадъ и впередъ по узкой тропѣ самоуслажденія, думая только о собственныхъ достоинствахъ или заслугахъ и не помышляя о тѣхъ, кто имѣеть право на ихъ помощь. Страхъ сойти съ этой узкой тропы приводитъ многихъ къ землѣ, не давая подняться выше пресмыкающейся посредственности. Недостатокъ сочувствія создаетъ ханжей и строгихъ судей чужихъ поступковъ. Между тѣмъ сочувствіе есть сущность христіанского ученія. Заповѣдь: «любите другъ друга» при всей своей простотѣ заключаетъ въ себѣ поученіе, достаточное для обновленія міра. Послѣднія слова судьи Тельфорта, которыя онъ произнесъ съ своего судейскаго мѣста передъ самой смертью, были слѣдующія: «Еслибы меня спросили, чего недостаетъ англійскому обществу для того, чтобы произошло сліяніе сословій, я отвѣтилъ бы кратко: „Ему недостаетъ сочувствія“. Со словомъ «сочувствія» Тельфортъ испустилъ духъ.

Характеръ джентльмена предполагаетъ возвышенность образа дѣйствій въ смыслѣ правилъ нравственности и предписаний религіи. Джентльменъ не станетъ дѣлать долговъ, не имѣя средствъ ихъ уплатить. Онъ не позволитъ себѣ занимать деньги у другихъ, которые, быть можетъ, бѣднеѣ его, ради франтовства и виѣшняго лоска. Только выскочка, карикатура джентльмена, наряжается на показъ, тѣшить себя роскошными костюмами и фальшивыми драгоцѣнностями. Такой человѣкъ не болѣе, какъ лицемѣръ. Хотя и говорятъ, что лицемѣріе есть дань, которую порокъ пла-

тать добродѣтели, однако подобная попытка выдать подѣльное за настоящее не обманываетъ никого.

Благородные люди сразу узнаютъ другъ друга. Они смотрятъ другъ другу въ глаза и пожимаютъ другъ другу руки. Они узнаютъ своихъ инстинктивно. Они цѣнятъ достоинство другъ друга. Къ числу характерныхъ особенностей доктора Чальмерса принадлежала его способность съ радостью возвращать другамъ должное и признавать чужое превосходство. Кроме того истинно благородные люди узнаютъ другъ друга по добротѣ и сострадательности. Благородный человѣкъ будетъ сострадателенъ даже къ своей собакѣ, а высокачка не знаетъ жалости и къ собственной женѣ. Джентльменъ настолько-же обходителенъ, насколько и мягокъ. Онъ великодушенъ, не въ смыслѣ щедрости, потому что деньги, даваемыя безъ разбора, приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы. Напротивъ, онъ старается быть разборчивымъ и осторожнымъ въ дѣлахъ милосердія.

Истинное величие человѣка заключается въ сознательности, честной цѣли, поставленной имъ себѣ въ жизни. Оно основывается на оцѣнкѣ самого себя, на частомъ разборѣ собственныхъ свойствъ и на неуклонномъ нововведеніи правилу, которое мы считаемъ разумнымъ. Опытъ учитъ насъ, что мы становимся тѣмъ, чѣмъ дѣляемъ самихъ себя. Каждый человѣкъ кладетъ на себя печать собственной цѣнности, такъ какъ мы бываемъ велики или малы сообразно нашей волѣ. Стараясь быть честными, добрыми и справедливыми, мы мало-по-малу становимся тѣмъ, чѣмъ желаемъ быть, и что для насъ нѣкогда было труднымъ, мало-по-малу становится легче; дѣятельность, доброта, доброжелательность и воздержность развиваются отъ упражненія и то, что раньше совершалось съ усилиемъ, становится легкимъ и естественнымъ. Такимъ образомъ человѣкъ можетъ сдѣлать себя великодушнымъ, справедливымъ, сострадательнымъ и щедрымъ, обходительнымъ, вѣжливымъ, воздержнымъ и благороднымъ.

Истинно благородный человѣкъ узнается по строгому чувству чести, по сострадательности, по деликатности, по воздержности и великодушію. Прежде всего онъ правдивъ, говорить и поступаетъ правильно, не только на глазахъ у людей, но и втайнѣ, и въ домашней жизни. Правдивость есть нравственная прозрачность. Поэтому джентльменъ не обѣщаетъ ничего такого, чего не можетъ исполнить. Герцогъ Веллингтонъ съ гордостью заявлялъ, что правдивость составляетъ отличительную черту англійскаго офицера и что когда онъ связанъ словомъ, то ни за что не нарушить его, такъ какъ джентльменъ гнушается ложью на словахъ и на дѣлѣ и готовъ скорѣе нести на себѣ всѣ послѣдствія необдуманного шага, чѣмъ унизить себя обманомъ. «Хорошая кровь не можетъ лгать»,—гласитъ старинная французская пословица.

Умѣренное пользованіе властью есть одно изъ несомнѣнѣйшихъ свойствъ истиннаго джентльмена. Онъ не захочеть злоупотреблять своимъ вліяніемъ и не позволить себѣ угнетать своихъ подчиненныхъ. Какъ поступаетъ онъ съ тѣми, которые ему равны или стоятъ ниже его: со своей женой, съ своими дѣтьми или слугами? Какъ ведеть себя офицеръ съ солдатами, школьній учитель съ учениками, чиновникъ съ своими подчиненными, богатый съ тѣми, кто бѣднѣе его? Умѣренное пользованіе властью въ такихъ случаяхъ является вѣрнѣйшимъ пробнымъ камнемъ характера людей вообще и джентльменовъ въ особенности.

Истинный джентльменъ въ своемъ почтеніи къ другимъ долженъ какъ можно строже относиться къ самому себѣ. У древнихъ римлянъ слово *«virtus»* (добрость) совмѣщало въ себѣ понятіе о мужествѣ, храбрости и добродѣтели. Добрость немыслима безъ побѣды надъ самимъ собою. Этическія желанія должны сдерживаться, а низменные инстинкты обуздываться. На томъ-же основаніи воздержность должна входить въ число достоинствъ джентльмена, такъ какъ при ней сохраняется ясность ума, чистота нрав-

ственности и тѣлесное здоровье. Кѣмъ-то было сказано, что добродѣтель благополучія есть умѣренность, а добродѣтель несчастія есть стойкость.

Истинно благородный человѣкъ — каково бы ни было его общественное положеніе—это тотъ, кто обладаетъ болѣе милыми чертами характера, кто терпѣливо снисходителенъ, почтителенъ къ другимъ, кто сочувствуетъ горю и страданію, кто поступаетъ съ другими такъ, какъ онъ желалъ бы, чтобы поступали съ нимъ. «Почитай другого больше, чѣмъ самого себя» есть священное правило, а вмѣсть съ тѣмъ и законъ благовоспитанности. «Оказывай почтеніе всѣмъ, будь вѣжливъ». Вѣжливость есть только воздаяніе должнаго самоуваженію. Говорите одни добрыя слова и вы услышите только добрый откликъ. Святой Францискъ Ассизскій справедливо сказалъ: «Развѣ ты не знаешь, что снисходительность къ людямъ есть одно изъ свойствъ Господа Бога, Который посыпаетъ дождь и солнечное сияніе на праведныхъ и неправедныхъ ради своего великаго снисхожденія? Истинная снисходительность есть сестра милосердія, которая изгоняетъ ненависть и поощряетъ любовь».

Благородный человѣкъ справедливъ, какъ вмѣсть съ тѣмъ и твердъ. Онъ дѣлаетъ хорошо то, что должно быть хорошо сдѣлано. Онъ прощаетъ или чувствуетъ обиду, какъ должно, но никогда не мстить. Въ этомъ отношеніи онъ готовъ подражать Сократу. Нѣкто сказалъ мудрецу: «Пусть я умру, если не отомщу тебѣ», на что тотъ отвѣтилъ ему: «Пусть я умру, если не заслужу твоей дружбы».

Благородный человѣкъ мягокъ, но не боязливъ. По своему высокому мужеству онъ поможетъ ближнему, рискуя всѣмъ. Поколѣніе героевъ не угасло. Есть много людей изъ всѣхъ сословій, которые готовы рисковать жизнью, спасая утопающихъ или бросаясь въ огонь, чтобы вытащить изъ него безпомощныхъ. Исторія современного общества изобилуетъ примѣрами подобного рода. До сихъ поръ находятся

основатели благотворительныхъ учрежденій для больныхъ и нищихъ. До сихъ поръ еще есть люди, готовые жертвовать собственnoю жизнью ради помоши ближнимъ, какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время.

Когда почтенного маршала Де-Муши вели на казнь за то, что онъ защищалъ священниковъ и другихъ благочестивыхъ людей, жертвъ первой французской революціи, изъ толпы раздался голосъ: «Мужайся, Муши! мужайся, Муши!» Герой обернулся въ ту сторону, откуда послышался возгласъ, и отвѣчалъ: «Когда мнѣ было шестьдесятъ лѣтъ, я взошелъ на брешь ради моего короля; теперь же, когда мнѣ исполнилось восемьдесятъ четыре года, у меня достанетъ мужества взойти на эшафотъ».

Такимъ же прекраснымъ примѣромъ можетъ послужить жизнь и смерть человѣка, современного намъ — не военнаго, привыкшаго ежедневно преодолѣвать опасности, но ученаго и профессора арабскаго языка въ Кембриджѣ. Эдуардъ Генри Пальмеръ былъ необыкновенною личностью. Онъ славился удивительной ученостью и былъ замѣчательный лингвистъ. Онъ зналъ чуть не всѣ восточные языки и могъ говорить совершенно бѣгло по-цыгански, не хуже любого сына степей, представителя этого бродячаго племени. При всей своей образованности Пальмеръ былъ смѣль, храбръ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно добродушенъ. Всѣ знающие любили, почитали и уважали его. Когда въ 1882 году была задумана британская экспедиція въ Египетъ, профессоръ Пальмеръ былъ командированъ англійскимъ правительствомъ въ эту страну вмѣстѣ съ капитаномъ Джиллемъ и поручикомъ Кэррингтономъ, чтобы доставать верблюдовъ и располагать бедуиновъ въ пользу англичанъ. Проникнувъ далеко вглубь страны, около Аю-Мусы, отрядъ былъ атакованъ шайкой разнаго сброва. Черезъ нѣсколько дней плѣнники были приговорены къ смертной казни и съ чрезвычайнымъ мужествомъ встрѣтили смерть. «Этой памятью мы должны гордиться,—говорить бiографъ Паль-

мера,— и ученые должны особенно дорожить ею, такъ какъ дѣйствительно трудное и опасное дѣло было поручено единственному человѣку, который могъ исполнить его. И этотъ человѣкъ былъ не воинъ, а ученый, обладавшій не тѣлесною крѣпостью, но быстрымъ умомъ и краснорѣчіемъ. Предводительствуя экспедиціей и безстрашно встрѣтивъ смерть, Пальмеръ показалъ миру, что и ученый тоже можетъ быть героемъ и что человѣкъ, который прекрасно учился, прекрасно преподавалъ, прекрасно говорилъ, прекрасно писалъ, прекрасно дѣлалъ все, за что онъ брался, сумѣлъ такъ же прекрасно умереть» *).

Мужество полезно и въ мелочахъ; если не каждый можетъ быть героемъ, то каждый можетъ быть всегда человѣкомъ. Мужество не отступаетъ передъ житейскими затрудненіями и часто преодолѣваетъ ихъ. Мужество даетъ намъ силу принимать добрыя рѣшенія и избѣгать дурныхъ, платить наши долги и не жить на чужія средства; говорить свободно или молчать, чтобы не оскорбить кого-нибудь, наблюдать за собою и сознаваться въ своемъ нѣвѣжествѣ, допускать собственные ошибки, обнаруживать промахи и исправлять наше поведеніе, насколько это въ нашей власти. Нравственное мужество способно совершать все это, хотя съ первого взгляда подобные вещи кажутся недостижимыми. Только трусь рождается рабомъ. Мужественный человѣкъ живетъ, чтобы учиться, и учится, чтобы жить. Когда онъ поступаетъ справедливо и хорошо, то заслуживаетъ всеобщее уваженіе; а если-бы этого и не случилось, то человѣкъ, честно исполняющій свой долгъ, можетъ обойтись и безъ людской похвалы.

Название «лэди» соотвѣтствуетъ названию «дженгельменъ». Женщина — это солнечный лучъ въ домѣ каждого доброго человѣка. Благородная женщина весела, мила и милосердна. Слово лэди (на англосаксонскомъ нарѣчіи *hlaef-*

*) *Athenaeum* 9-th june 1883.

hige) означаетъ собственно «дающая хлѣбъ». Она раздаетъ насущный хлѣбъ окружающимъ и оказываетъ милосердіе всѣмъ, ищущимъ ея помощи. Любовь есть источникъ ея власти и милосердія, которымъ, по слову апостола, «никогда не прейдутъ». Вотъ истинное начало ея благородной жизни. Оно вносить всегдашній свѣтъ и теплоту въ ея душу. «Любовь имѣть власть,—говорить Гёте,—даровать въ одинъ моментъ то, чего трудъ не всегда достигаетъ въ цѣлый вѣкъ». «Любовь сама по себѣ есть знаніе,—говорить Св. Григорій,—вотъ, гдѣ источникъ всякой истинной любви, а слѣдовательно мудрости». Сердечная снисходительность проистекаетъ изъ любви и обнаруживается во внѣшнемъ обращеніи. «Если ты хочешь знать, что значитъ обхожденіе, поучись тому у благородныхъ женщинъ»,—сказалъ поэтъ.

Талейранъ высказался однажды объ одной красивой женщинѣ, что «красота есть наименьшая изъ ея прелестей». Дѣйствительно, главную прелесть женщины составляютъ нѣжность, правдивость, искренность, достоинство въ поступкахъ, почтительность къ другимъ, сознаніе собственной ответственности и утонченныя личныя привычки. Красота не есть самое важное. Къ красотѣ лица и фигуры скоро присматриваешься и перестаешь замѣчать ее въ домашней жизни. Но любовь, мягкость, веселость представляютъ собою узы, связующія вмѣстѣ семьи и общество.

Даже трудящаяся женщина можетъ обнаруживать достоинства настоящей лэди. Она не имѣть надобности быть богатой, а еще того менѣе праздной и нарядной, потому что подобные вещи не составляютъ отличительныхъ признаковъ женского благородства. Но порядочность, вѣжливость и терпѣливоѣ трудолюбіе женщины, направленное на благоразумное расходованіе вѣренныхъ ей средствъ, добрый примѣръ прилежанія и вѣрности для своей семьи имѣютъ несравненно больше значенія. Въ домашней жизни на женщинѣ лежитъ громадная ответственность и отъ нея

требуется болѣе привлекательныхъ качествъ, чѣмъ отъ мужа, добывающаго насущный хлѣбъ.

Матери больше, чѣмъ отцы, должны заботиться о томъ, чтобы у сыновей ихъ было веселое отрочество и героическая зрѣлый возрастъ; матери также обязаны служить образцомъ тѣхъ возвышенныхъ качествъ, которые дѣлаютъ изъ ихъ дочерей хорошихъ женъ для достойныхъ мужей. Счастливы мужчины, которымъ достались такія жены, счастливы дѣти, рожденные отъ такихъ матерей!

Правила нравственной чистоты одинаково обязательны для мужчинъ и для женщинъ. Но женщинамъ надлежитъ еще болѣе, чѣмъ мужчинамъ, держать wysoko знамя нравственности. Большинство женщинъ стоитъ въ сторонѣ отъ влияній внѣшней жизни и потому онѣ не черствѣютъ отъ борьбы, мучительного напряженія и соперничества, происходящаго въ мірѣ, а мужчины возвращаются въ ихъ общество, чтобы найти здѣсь спокойствіе, отраду и утѣшеніе.

Насколько женщины имѣютъ власть возвышать общество и поддерживать его на извѣстномъ уровнѣ, настолько онѣ имѣютъ власть развращать его и низводить до глубины паденія. Феодота хвасталась передъ Сократомъ, что она можетъ отвлечь отъ него и переманить къ себѣ всѣхъ его учениковъ. «Это весьма возможно,—отвѣчалъ мудрецъ,—такъ какъ ты ведешь ихъ внизъ, по легкому спуску, я же заставляю ихъ подниматься на вершины добродѣтели, а этотъ подъемъ круть и незнакомъ большинству людей». Миновало около двухъ тысячъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ человѣческая природа не измѣнилась, и Томасъ Карлейль, новѣйший Сократъ, сдѣлалъ подобное же замѣчаніе: «Навѣрное, — сказалъ онъ, — наступитъ день, когда сдѣлается извѣстнымъ вновь, что такое добродѣтель, путемъ чистоты и цѣломудренной жизни.

ГЛАВА II.

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ — ВЕЛИКИЕ РАБОТНИКИ.

Человѣкъ знаетъ настолько, насколько онъ работаетъ.
Францискъ Ассизскій.

День неизмѣримо долгъ для того, кто не умѣетъ
занять его и пользоваться имъ.
Рено.

Ничто великое никогда не начиналось съ великаго.
Карлъсъ дѣ-Монтье.

Слова Христовы предаютъ смиренность его слугамъ.
Уайтингфа.

Слава — плоды, поднимаемыя сѣбѣтній умъ.
Мильтонъ.

Я знаю, что благородный умъ, не занятіемъ по-
зоромъ и преступлениемъ, извлекаетъ изъ своего
труда заслуженную дань.
Будле.

Состояніе цивилизацій, при которомъ мы живемъ, пред-
ставляетъ по большей части результатъ предшествующихъ
трудовъ. Все великое въ сферѣ нравственности, умствен-
наго развитія, искусства или науки постепенно улучша-
лось тружениками, жившими раньше насъ. Каждое поколѣніе
прибавляетъ свою дань къ произведеніямъ прошедшаго,
а накопленныя сокровища знанія и науки бережно
передаются послѣдующимъ поколѣніямъ.

Умственные работники, «стоящіе первыми по достоин-
ству и власти», составляютъ настоящую аристократію
труда. Они главные люди общества, такъ какъ стоять во
главѣ его, потому что не деньги, не положеніе, а умъ и
работа возводятъ людей въ самый высшій разрядъ и слу-
жатъ двигательною силою человѣчества. Эта высшая рабо-
чая сила шла впереди общества во всѣ времена. Она могла

встрѣчать затрудненія и препятствія, подвергаться преслѣдованіямъ, осужденію; иногда она какъ-будто обращалась въ бѣство, терпѣла пораженія, однако великие умы, сошедши въ могилу, управляютъ нами и теперь. Сократъ, Платонъ, Декартъ и Локкъ продолжаютъ жить въ философіи; Аристотель, Галилей, Ньютона и Лавуазье—въ науки, тогда какъ современные имъ властители, консулы, президенты и т. д. давно забыты.

Великіе люди прошлыхъ временъ, увеличивая умственныя богатства, накопленные человѣчеотвомъ, умножили наслѣдіе нашего поколѣнія. Прибавляя свой личный трудъ къ общей работѣ предшествующихъ поколѣній, они стали въ ряды величайшихъ благодѣтелей человѣчества. У нѣкоторыхъ изъ нихъ побужденіе къ труду становилось страстью, доходившей до энтузіазма. Поприще труда казалось имъ столь обширнымъ, а жизнь человѣческая такой короткой, что они ловили каждую минуту, чтобы она не пропала безъ пользы. Трудъ сдѣлался необходимымъ условіемъ ихъ счастья, если не всего существованія, и онъ захватывалъ ихъ цѣликомъ.

О Бруссонѣ рассказываютъ, что онъ былъ воплощеніемъ дѣятельностью и въ то же время весь отдавался наукѣ. Этотъ человѣкъ неутомимаго трудолюбія никогда не могъ оставаться празднымъ. Бѣконъ находилъ въ наукѣ симпатичное поприще труда. Микель Анджело прямо алкалъ работы. Онъ говорилъ, что употребленіе рѣзца совершенно необходимо для его здоровья. Онъ спалъ урывками и часто поднимался въ полночь, чтобы продолжать дневную работу. Своей необычайной воздержности приписывалъ этотъ художникъ свое замѣчательное долголѣтіе. Когда у него отнялись ноги, великий скульпторъ приказывалъ возить себя въ кресль въ Бельведеръ, гдѣ любовался статуями, и, даже съспиравъ, находилъ онъ удовольствіе въ томъ, чтобы ощупывать ихъ формы руками.

Леонардо да-Винчи не уступалъ ему въ трудолюбіи и

выносливости. Онъ быль чертежникомъ, живописцемъ, скульпторомъ, химикомъ, механикомъ, писателемъ, архитекторомъ и инженеромъ,—человѣкомъ обширнѣйшаго ума и, можетъ быть, самымъ универсальнымъ геніемъ, какого только зналъ свѣтъ. Тиціанъ также продолжалъ трудиться до глубокой старости. Когда Вазари посѣтилъ этого живописца на восемьдесятъ девятомъ году его жизни, то засталъ художника съ кистью въ рукѣ, и онъ проработалъ еще болѣе десети лѣтъ. Когда Канова лежалъ уже въ предверіи смерти, изнуренный работою и годами, то сильнѣе всего горевалъ о томъ, что не можетъ болѣе создавать своимъ рѣзцомъ Венеръ. — «*Donque non faro piu Venere.*»

Ванъ-Дикъ отличался неутомимымъ прилежаніемъ, често оканчивая въ одинъ день цѣлый портретъ. Англійскій художникъ Джексонъ написалъ однажды пять законченныхъ портретовъ въ длинный лѣтній день, хотя это было сдѣлано на пари. Теньеръ младшій работалъ такъ усидчиво, что говоривалъ въ шутку, будто-бы для всѣхъ его картинъ, несмотря на ихъ маленькій размѣръ, пришлось бы построить галлерею длиною въ шесть географическихъ миль. Онъ продолжалъ работать еще на девятомъ десяткѣ жизни, и талантъ его не ослабѣлъ до смерти.

У сэра Джошуа Рейнольдса была страсть къ труду, какъ у истиннаго художника. Пока болѣзнь не заставила его въ шестьдесятъ шесть лѣтъ отложить въ сторону кисть, онъ ежедневно находился въ своей мастерской отъ десяти часовъ утра до четырехъ пополудни, работая, по его собственному признанію, какъ простой мастеровой, который трудится ради насущнаго хлѣба. Когда однажды ему случилось сѣѣздить въ гости въ деревню, онъ принялъ потомъ наверстывать потерянное время съ новой жадностью, чувствуя, что онъ былъ лишенъ «своей естественной пищи».

Никола Пуссенъ говорилъ, что по мѣрѣ наступленія

старости онъ все болѣе и болѣе воспламенялся желаніемъ превзойти самого себя и достигнуть высшей степени совершенства. Истинно гениальный человѣкъ никогда не бываетъ удовлетворенъ вполнѣ собственными произведеніями. Онъ часто терзается сознаніемъ своего безсилія воплотить въ дѣлѣ рукъ своихъ идею совершенства, созданную его умомъ и воображеніемъ. Когда одинъ посьтитель восхищался статуей, которую только-что окончилъ фланандскій скульпторъ Люкенуа, художникъ воскликнулъ, прикасаясь пальцемъ ко лбу: «Ахъ, еслибы вы могли видѣть ту статую, которая у меня вотъ здѣсь!»

Та же требовательность характеризуетъ и художниковъ пера. Хотя Виргилій употребилъ одиннадцать лѣтъ на свою «Энеиду», но остался такъ недоволенъ ею въ оконченномъ видѣ, что собирался бросить свое произведеніе въ огонь. Вольтеръ заявлялъ, что имъ не написано ни одной вещи, которая удовлетворяла бы его вкусъ. При процессѣ перевененія мысли на бумагу какъ-бы улетучивается самая утонченная ея составная часть. Удѣ говорить: «Мысль утрачиваетъ свое божественное начало, побывавъ узницей пера и окунувшись въ чернила». Такъ портретистъ часто не умѣеть подмѣтить самой поразительной черты лица, уловить ее и перенести на полотно.

Одинъ знаменитый писатель сказалъ, что еслибы попадали въ печать только такія произведенія, которыхъ удовлетворяютъ своихъ авторовъ, то самыя великия изъ нихъ остались бы ненапечатанными: настолько дѣйствительные результаты не соответствуютъ идеальнымъ представлѣніямъ. Умъ работаетъ быстрѣе пера и часто забѣгаєть впередъ; пока перо успѣваетъ одолѣть и занести идею на бумагу, ея главная суть и ароматъ успѣваютъ безслѣдно улетучиться. Идея въ сознаніи писателя можетъ быть свѣтлой и ясной, какъ солнечное сіяніе, письменное-же изложеніе облекаетъ ее порою туманомъ. Отзывъ Плинія о поэѣ Тимантѣ, что «его идеи превосходили своимъ величиемъ слова,

въ которыхъ онъ ихъ облекаль, и что его искусство, даже доведенное до крайнихъ предѣловъ совершенства, отставало отъ его гenія», несомнѣнно болѣе или менѣе примѣнимъ ко всѣмъ великимъ художникамъ.

Отсюда—усидчивыя и неутомимыя старанія художниковъ литературы придать возможно лучшую словесную форму ихъ идеямъ. Аріостъ написалъ свои знаменитые стансы, гдѣ изображалась буря, въ шестнадцати различныхъ видахъ. Петрарка сдѣлалъ сорокъ пять поправокъ въ одномъ стихѣ. Рукописей Тассо почти нельзя разобрать отъ множества помарокъ и исправленій. Бюффонъ передѣлывалъ свои «Éroques de la Nature» одиннадцать разъ, прежде чѣмъ остался доволенъ ими. Гиббонъ передѣлывалъ свои мемуары семь разъ и оставилъ ихъ неоконченными. Паскаль былъ недоволенъ однимъ изъ своихъ «Провинціальныхъ писемъ» и не успокоился до тѣхъ поръ, пока не передѣлывалъ его шестнадцать разъ.

Филиппъ Вуверманъ обнаруживалъ неменьшую требовательность. Онъ былъ такъ мало удовлетворенъ своимъ успѣхомъ на поприщѣ живописца, что незадолго до смерти, въ сорокъ восемь лѣтъ, сжегъ все этюды, написанные имъ въ продолженіе жизни, изъ боязни, чтобъ его сынъ, имѣвшій наклонность къ живописи, не увлекся легкостью ихъ исполненія и не избралъ отцовской профессіи. Между тѣмъ картины Вуверманса стоять теперь на-ряду съ самыми замѣчательными произведеніями голландской школы и за нихъ платить огромныя деньги. Въ своемъ особомъ оригинальномъ стилѣ это одинъ изъ самыхъ искусственныхъ живописцевъ, какого только видѣлъ свѣтъ. Множество выдающихся людей отказывались отъ профессій, избранныхъ ими раньше, чтобъ взяться за другія, къ которымъ они чувствовали болѣе склонности. Обыкновенно родители пристраивали ихъ къ какому-нибудь специальному дѣлу, но имъ было тѣсно въ узкихъ рамкахъ, они чувствовали себя неудовлетворенными и страдали нравственно. Существуетъ старинное ска-

заніе о королѣ и королевѣ, у которыхъ родился красавецъ-сынъ. Двѣнадцать волшебницъ явились къ нему на крестины, каждая съ драгоценнымъ даромъ. Благородная наружность, мудрость, сила, красота,—все досталось ему въ удѣль, такъ что, повидимому, ни одинъ смертный не могъ съ нимъ сравняться. Тогда двѣнадцатая волшебница привнесла въ подарокъ новорожденному Недовольство; но разсерженный отецъ выгналъ гостью вмѣстѣ съ ея даромъ. Мальчикъ росъ мирно—чудомъ всякихъ совершенствъ; однако, довольный ихъ обладавиемъ, онъ не думалъ примѣнять своихъ талантовъ ни съ доброй, ни съ дурною цѣлью. Въ немъ не было влеченія ни къ чему. Добродушный и спокойный, онъ не принималъ участія въ жизни, сторонясь отъ нея, и ничего не дѣлалъ. Наконецъ король понялъ, что отвергнутый имъ даръ долженъ бытьувѣнчать собою всѣ остальные.

Въ числѣ тѣхъ, которые сошли съ своего поприща—по недовольству или отъ сознанія, что они болѣе способны къ дѣятельности иного рода,—было много замѣчательныхъ людей. Нѣкоторые оставляли профессію законовѣда и обращались къ наукѣ, искусству или писательству. Вольтеръ находилъ невыносимымъ изученіе законовъ; онъ бросилъ эту отрасль знаній и перекочевалъ въ литературу. Петрапарка промѣнялъ юридическія науки на поэзію. Мольеръ пять лѣтъ готовился къ профессіи адвоката, а потомъ сталъ писать для сцены. Гольдони измѣнилъ законовѣдѣнію ради драмы. Вильямъ Питтъ былъ раньше адвокатомъ. Докторъ Уарбертонъ, знаменитый прелатъ, много лѣтъ состоялъ провинциальнымъ стряпчимъ. Лордъ Армстронгъ былъ тѣмъ же въ Ньюкаслѣ, а потомъ пошелъ въ инженеры. Сэръ Уильямъ Бичи и Джонъ Пайнъ оставили законы для живописи. Наоборотъ, лордъ-канцлеръ Эрскайнъ былъ сначала мореплавателемъ, потомъ воиномъ и наконецъ нашелъ свое настоящее мѣсто въ судѣ и въ парламентѣ.

Блэкстонъ началъ свою карьеру съ поэзіи, но разстался

сь нею, однако, и написалъ «Прощаніе съ музею», когда посвятилъ себя юридическимъ наукамъ. Между тѣмъ Тельфордъ продолжалъ писать стихи, сдѣлавшись уже адвокатомъ; драма «Юнь» была написана имъ въ разгарѣ адвокатской дѣятельности. Корменентъ, французскій пэръ и публицистъ, началъ съ поэтическихъ опытовъ, а впослѣдствіи написалъ лучшее специальное сочиненіе по французскому административному праву. Съ удивленіемъ узнаемъ мы изъ «Воспоминаній» Мекреди, что Кобденъ, наставившій на отмѣнѣ Хлѣбнаго закона, былъ драматургомъ. Однажды имъ была написана пьеса подъ заглавіемъ «Френологъ»; авторъ представилъ ее директору театра, которымъ она не была, однако, принята.

Существуютъ и другія профессіи, отъ которыхъ люди отказывались, чтобы идти туда, куда влекъ ихъ гений. Графъ Тилли готовился быть іезуитскимъ священникомъ, но оставилъ церковь для того, чтобы поступить въ армію. Кромвель былъ фермеромъ и откармливаль скотъ, а также занимался пивовареніемъ, прежде чѣмъ отличился на поля брані. Генералъ Жомини, любимый Наполеономъ военный историкъ, былъ въ молодости маклеромъ, а маршалъ Журданъ въкоторое время промышлялъ мелочной торговлей. Пизарро въ ранней молодости былъ свинопасомъ, а капитанъ Кука служилъ мальчикомъ на посылахъ у деревенскаго мелочного торговца. Стэнфильдъ, живописецъ, и писатель Дугласъ Джерольдъ провели свою юность на морѣ. Они служили на одномъ и томъ-же кораблѣ. Однажды, когда тамъ устроился спектакль, Стэнфильдъ написалъ къ нему декораціи, а Джерольдъ исправлялъ должность режиссера. Странно сказать, что слѣдующій разъ они встрѣтились по такому же поводу за кулисами Дрюрилэнскаго театра, когда на сценѣ послѣдняго шла пьеса Дугласа «Черноглазая Сузанна», для которой Стэнфильдъ написалъ декораціи.

Литература привлекаетъ къ себѣ людей всѣхъ профессій. Воудель, народный голландскій поэтъ, былъ чулочникъ

комъ. Бернарден де-Сен-Пьеръ, авторъ «Павла и Варгіні», первоначально былъ гражданскимъ инженеромъ, а потомъ военнымъ, во Франціи и Россіи. Онъ былъ принужденъ выйти въ отставку по поводу столкновенія съ начальствомъ и сталъ заниматься литературою. Скоттъ, знаменитый романистъ, и Локгарть, сотрудникъ журнала «Quarterly Review», были обаedinбургскими адвокатами. Гээлить и Теккерей оставили искусство для литературы. Поль де-Кокъ служилъ писцомъ въ одной банкирской конторѣ въ Парижѣ, когда принялъся сочинять романы, «самъ не зная, зачѣмъ», по его словамъ. Щокке, историкъ, государственный человѣкъ и романистъ, выступилъ на жизненное поприще сочинителемъ театральныхъ пьесъ. Достопочтенный Джонъ Брандъ, антикварій, и Уильямъ Джиффордъ, сотрудникъ «Quarterly Review», были сперва башмачниками. Джозефъ Эмось, другой антикварій, былъ первоначально чертежникомъ, а потомъ торговалъ корабельнымъ такелажемъ. Хроникеръ Спидъ, сэръ Джонъ Гаукшоу, генераль Ламберть, математикъ, и Генрихъ Юнгъ-Штиллингъ, пѣтистъ и глазной врачъ,—всѣ четверо были первоначально портными.

Докторъ Броунъ, основатель броуніанской философіи, занимался прежде ткацкимъ ремесломъ, тогда какъ «Капабилити Броунъ», архитекторъ, былъ сначала огородникомъ. Сэръ Робертъ Стрэндъ, граверъ, странствовалъ по морямъ, прежде чѣмъ взяться за граверный рѣзецъ. Альдровантъ, натуралистъ, и живописецъ Рубенсъ въ ранней юности служили пажами. Сведенборгъ, одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ писателей, былъ сперва металлургомъ, потомъ профессоромъ механики, а затѣмъ горнымъ инженеромъ. Астрономъ Пикаръ положилъ основаніе своей славѣ, стоя садовникомъ у герцога де-Креки. Натуралистъ Боуэрбенкъ большую часть своей жизни занимался винокуренiemъ, а химикъ Герапеть былъ сначала солодовщикомъ и пивоваромъ. Начавъ съ малаго, эти люди продолжили себѣ

дорогу къ великому; они достигли величія, благодаря ге-
ніальности, а также силѣ воли.

Многіе покидали военное поприще, чтобы посвятить
себя наукѣ, искусству или литературѣ. Данте, Чосеръ,
Бэнъ-Джонсонъ, Сидней, Бенъенъ, Игнатій Лойола, Де-
карть, Сервантесь, Лопе-де-Вега, Камоэнсъ, Ніэпсъ, Ламаркъ и многіе другіе первоначально состояли на военной
службѣ. Воспитанные въ повиновеніи, выносливости, доб-
лести и въ сознанії долга, они нашли въ этихъ каче-
ствахъ прочную опору, когда посвятили себя другой дѣя-
тельности, и прославились, благодаря неуклонному приле-
жанію.

«Копье никогда не мѣшаетъ перу»,—говаривъ Сер-
вантесь. Нѣкоторые изъ этихъ воиновъ превратились въ
писателей-прозаиковъ, другие сдѣлались поэтами, а треты—
учеными.

Ученый, какъ и литераторъ, забываетъ себя въ своемъ
рвениі къ дѣлу. Внимательное наблюденіе, изслѣдованіе
составляютъ его отраду. Любимымъ правиломъ графа Лас-
педа было: «vivre c'est veiller»,—«жить—значитъ бодрство-
вать». Между тѣмъ аристократическое происхожденіе и
военное воспитаніе, казалось бы, не могли воспламенить
въ немъ страсти къ наукѣ. «Естественная Исторія» Бюф-
фона, которую онъ читалъ и перечитывалъ до тѣхъ поръ,
пока выучилъ почти наизусть, привлекла его вниманіе
къ естественнымъ наукамъ. Отъ этихъ занятій онъ отвле-
кался, занимаясь музыкой; потомъ его заинтересовали бо-
таника, химія и физика. Онъ дѣйствительно былъ много-
стороннимъ человѣкомъ и въ каждой отрасли своего даро-
ванія обнаружилъ много жизненности. Графомъ Ласпедомъ
была написана опера для сцены, имѣвшая успѣхъ. Онъ
производилъ опыты съ электричествомъ и напечаталъ уче-
нную записку по этому предмету, такъ-же какъ по общей
физикѣ. Послѣ революціи онъ принималъ дѣятельное уча-
стіе въ общественныхъ дѣлахъ и послѣдовательно состоялъ

президентомъ города Парижа, командиромъ національной гвардіи и чрезвычайнымъ депутатомъ отъ Акана въ національномъ собраніи, которое въ 1791 году избрало его своимъ президентомъ. Во время господства террора, графъ Ласпель едва не погибъ, а когда появился вновь въ Парижѣ, покинувъ свое тайное убѣжище, то былъ назначенъ профессоромъ зоологии въ Jardin des Plantes, где провелъ остатокъ жизни въ усердныхъ занятіяхъ наукой. Имъ напечатано множество цѣнныхъ сочиненій, которые явились плодомъ непосредственного наблюденія и изученія. Замѣчательно, что хотя Ласпель рѣдко позволялъ себѣ спать свыше двухъ часовъ вряду, онъ дожилъ почти до семидесяти лѣтъ.

Къ числу наиболѣе прилежныхъ и блестящихъ послѣдователей законовъ животной экономіи нужно причислить Голлера и Гентера. У первого изъ нихъ преданность наукѣ граничила почти съ фанатизмомъ. Хилый отъ рожденія и страдавшій англійскою болѣзнью, онъ работалъ безпрерывно. Надо удивляться, какъ, при слабомъ здоровье и напряженномъ умственномъ труде, этотъ ученый могъ дожить почти до семидесяти лѣтъ. Результаты своихъ изысканій онъ началъ печатать двадцатилѣтнимъ юношей, а въ продолженіе послѣдующихъ пятидесяти лѣтъ успѣлъ издать около двухсотъ трактатовъ преимущественно въ поясненіе законовъ ощущенія и возбудимости, которые были почти открыты имъ.

Джону Гентеру пришлось преодолѣть множество трудностей, главнымъ образомъ по той причинѣ, что его образованіе было весьма недостаточно. Тѣмъ не менѣе онъ не уступалъ Голлеру, какъ въ прилежаніи, такъ и въ успешности своихъ трудовъ. Его имя по справедливости можетъ быть поставлено на-ряду съ величайшими именами науки; уже одинъ Гентеровскій музей, содержащий свыше 10.000 объяснительныхъ препаратовъ по анатоміи человѣка, по сравнительной анатоміи, по физіологии, патологіи и есте-

ственной истории—служить величайшимъ памятникомъ стойкаго трудолюбія и упорной научной работы.

Луи Пастеръ представляетъ новый примѣръ необычайной настойчивости въ ученыхъ трудахъ. Семнадцати лѣтъ онъ былъ назначенъ надзирателемъ въ Безансонскомъ лицѣї. Кругъ его обязанностей былъ весьма однообразенъ. Онъ не давалъ уроковъ самъ, а только наблюдалъ за ихъ приготовленіемъ и следилъ за порядкомъ въ спальномъ учениковъ. По воскресеньямъ юноша водилъ ихъ въ церковь, а по четвергамъ на прогулку. Какъ-же ухитрился онъ сдѣлаться великимъ ученымъ? Просто, пользуясь каждымъ благоприятнымъ случаемъ. Ему разрешили присутствовать на лекціяхъ профессоровъ въ старшихъ классахъ, и лекціи физики заинтересовали его. Впрочемъ, свои занятія наукой онъ былъ принужденъ ограничивать часами отдыха и праздничными днями. У одного изъ лицеистовъ случайно оказался превосходный микроскопъ, которымъ онъ позволилъ пользоваться Пастеру. Отправляясь на прогулку съ воспитанниками по четвергамъ, молодой надзиратель бралъ съ собою этотъ инструментъ, чтобы разматривать насекомыхъ, когда вся компания располагалась на свободѣ у городскихъ укрѣплений. Такое, повидимому, витчожное обстоятельство рѣшило судьбу ученаго. Онъ сдѣлался страшнымъ поклонникомъ микроскопическихъ изслѣдований. Остальное пришло къ нему постепенно, благодаря настойчивому прилежанию въ научныхъ трудахъ. Онъ положилъ подъ микроскопъ смертоносное начало и открылъ законы, соблюдая которые, люди могутъ быть предохранены отъ пагубнаго дѣйствія заразы. Пастеръ изслѣдовалъ причины болѣзни шелковичного червя и виноградной лозы, а теперь занимается изслѣдованіемъ заразныхъ началъ тифа и водо-боязни *).

*) Луи Пастеръ, знаменитый изобрѣтатель предохранительныхъ прививокъ отъ бѣщенства, скончался близъ Сен-Клу 16 сентября 1895 года.

Многие изъ упомянутыхъ нами людей науки отличались замѣчательнымъ самоотверженіемъ. Они трудились не ради денегъ, но ради успѣховъ знанія. Синоза отказался отъ пенсіи, предложенной ему Людовикомъ XIV на томъ условіи, если онъ посвятить королю одно изъ своихъ сочиненій. Знаменитый философъ предпочелъ сохранить свою независимость и содержать себя скромнымъ механическимъ трудомъ, заключавшимся въ шлифовкѣ оптическихъ стеколъ. Онъ былъ до того погруженъ въ свои книги и научные работы, что иногда по несколько дней не выходилъ изъ комнаты. Робертъ Гукъ рѣдко ложился спать раньше двухъ или трехъ часовъ утра, а иногда просиживалъ за работой всю ночь напролетъ. Венгерскій математикъ Патеръ лѣтомъ спалъ только по два часа, а зимою по четыре, посвящая занятіямъ большую часть времени. Бейль работалъ за своимъ письменнымъ столомъ по четырнадцати часовъ ежедневно въ продолженіе сорока лѣтъ.

Астрономы въ свою очередь представляютъ примѣры неутомимаго трудолюбія. Галилей и Коперникъ до конца своей долгой жизни прилежно занимались своими наблюденіями по ночамъ. Тихо Браге почти не отлучался со своей обсерваторіи въ Хвенѣ въ теченіе двадцати одного года. Гевелій продолжалъ наблюденія надъ мѣсяцемъ и звѣздами до семидесяти шести лѣтъ. Флемстидъ, бѣдный деревенскій священникъ, привужденный вдобавокъ бороться съ болѣзнями, взялъ на себя громадный трудъ—исправленіе крайнихъ неточностей въ астрономическихъ таблицахъ его времени и составленіе каталога неподвижныхъ звѣздъ. Этой работѣ вмѣстѣ съ другими трудами предавался онъ до семидесяти двухъ лѣтъ своей жизни. Флемстіда, дѣйствительно, можно назвать основателемъ практической астрономіи въ Англіи. Брэдлей, человѣкъ необычайно тонкаго ума, названный Ньютономъ «лучшимъ астрономомъ въ Европѣ», продолжалъ тщательно наблюдать небесныя тѣла въ Гринвичѣ до семидесятаго года своей жизни. Его цѣнныя наблюденія, обнимающія

двадцатилѣтній періодъ времени, подготовили матеріалъ по крайней мѣрѣ для тринадцати томовъ *in folio*. Месклейнъ, помогавшій Брэдлею составлять таблицы преломленія, продолжалъ его наблюденія до восьмидесятилѣтняго возраста.

Приведенные примѣры какъ-будто опровергаютъ обще-распространенное мнѣніе, что работа по ночамъ вредить здоровью; дѣйствительно, мы видимъ, что мирная, не возбуждающая жизнь кропотливаго труда, какую ведутъ астрономы, никакъ не препятствуетъ долговѣчности. Такъ Уильямъ Гершель и его сестра Каролина-Лукреція обнаруживали неутомимую дѣятельность въ астрономическихъ наблюденіяхъ и вычисленіяхъ до самаго конца ихъ долгой жизни: братъ скончался восьмидесяти четырехъ лѣтъ, а сестра девяноста восьми. Насколько научныя занятія поглощаютъ и захватываютъ человѣка, можно видѣть изъ случая, прошедшаго съ Деламбромъ. О немъ разсказываютъ, что во время жестокаго бомбардированія Парижа союзною арміею въ 1814 году онъ пресекойно продолжалъ свои астрономическія наблюденія, хотя домъ его находился въ центрѣ битвы. Онъ проработалъ весь тотъ день отъ восьми часовъ утра до поздней ночи въ теченіе шестнадцати часовъ, обнаруживая столько самообладанія, преданности наукѣ и равнодушія къ личной опасности, что едва-ли кто-нибудь другой могъ сравниться съ нимъ въ этомъ.

Послѣднія семнадцать лѣтъ жизни Эйлера были омрачены слѣпотою, которая, однако, лишь смягчила его характеръ и придала болѣе ясности его уму. Трудовой періодъ жизни Эйлера продолжался долѣе пятидесяти семи лѣтъ. Его первый трактатъ по кораблевожденію былъ написанъ имъ въ девятнадцать лѣтъ и принятъ съ похвальными отзывами французской академіей наукъ. Онъ продолжалъ писать и издавать ученые записки по механикѣ, ариѳметикѣ, астрономіи, по теоріи музыки и почти по всѣмъ извѣстнымъ отраслямъ чистой и прикладной математики до семьдесятъ щестого года своей жизни. Одного глаза онъ

лишался двадцати восьми, а другого пятидесяти девяти лѣтъ. Несмотря на полную слѣпоту, Эйлеръ продолжалъ свои занятія, такъ какъ его память чудеснымъ образомъ развивалась даже въ преклонномъ возрастѣ. На шестьдесятъ четвертомъ году онъ едва не сгорѣлъ, когда въ его домѣ случился пожаръ, и былъ обязанъ своимъ спасеніемъ одному соотечественнику, вынесшему его на рукахъ изъ пламени. Этотъ замѣчательный астрономъ прожилъ послѣ того еще двѣнадцать лѣтъ, не переставая трудиться до конца своей жизни. Скончался онъ внезапно и безболѣзно, играя съ своимъ внукомъ. Число отдельныхъ математическихъ работъ, оставленныхъ Эйлеромъ, почти невѣроятно. Было вычислено, что въ теченіе сорока семи лѣтъ своей астрономической дѣятельности онъ каждыя двѣ недѣли производилъ новое математическое изслѣдованіе, обдумывая его, приводя въ порядокъ и излагая съ примѣчаніями и дополненіями. Пожалуй, во всей исторіи научного труда вѣтъ подобного примѣра прилежанія.

Александръ фонъ-Гумбольдтъ отличался также почти неистощимой плодовитостью. Онъ работалъ невѣроятно много, а запасъ приобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній былъ необъятенъ. У него накоплялось ежедневно столько дѣла, что онъ не могъ съ нимъ справиться и былъ принужденъ работать ночью или рано поутру, когда все еще спали. За тридцать послѣднихъ лѣтъ своей жизни онъ неизмѣнно вставалъ лѣтомъ въ четыре часа, и хотя въ старости природа брала свое и ученый былъ принужденъ оставаться въ постели до восьми часовъ утра, однако онъ работалъ за полночь почти до смерти, наступившей въ девяностолѣтнемъ возрастѣ. Познанія Гумбольдта были универсальныаго характера и обнимали преимущественно всѣ отрасли природовѣданія. Въ одномъ изъ своихъ торжественныхъ изречений онъ перечисляетъ три необходимыхъ условія для путешествія съ образовательной цѣлью: ясность духа, любовь къ какой-нибудь отрасли научной дѣятельности и

способность наслаждаться общением съ дикой природой. Дѣйствительно, его собственная жизнь и труды наглядно подтверждали справедливость этого указания:

Въ молодости Гумбольдтъ прошелъ курсъ горнаго дѣла и metallurgii, послѣ чего въкоторое время исправлялъ должность начальника горнаго округа въ Байрейтѣ. Въ свободные часы онъ писалъ научныя статьи по различнымъ предметамъ для нѣмецкихъ журналовъ, а сверхъ того подготавлялъ важное ботаническое сочиненіе о фридбургской флорѣ. Въ ту же эпоху жизни имъ были написаны и напечатаны «Изслѣдованія о мышцахъ и нервныхъ волокнахъ», а также трактатъ о подземныхъ газахъ. Чувствуя пламенное желаніе путешествовать въ далекихъ странахъ, еще неизслѣдованныхъ европейцами, ученый оставилъ свою должность въ горномъ вѣдомствѣ, чтобы отплыть въ Южную Америку вмѣстѣ съ Бонпланомъ. Тамъ эти два натуралиста около пяти лѣтъ скитались по обширнымъ областямъ, еще неизслѣдованнымъ и не описаннымъ съ научной стороны. По возвращеніи въ Европу, Гумбольдтъ поселился въ Парижѣ, где употребилъ двѣнадцать лѣтъ на то, чтобы разобрать и привести въ систему огромное количество собранныхъ имъ фактовъ. Плодомъ этого труда явилась подготовка и издание многихъ капитальнѣйшихъ сочиненій. Впослѣдствіи ученый поѣхалъ Италію, Англію, Европейскую и Азиатскую Россію и обнародовалъ результаты своихъ наблюдений во многихъ цѣнныхъ трудахъ. Въ заключеніе, на семьдесятъ шестомъ году онъ приступилъ къ «Космосу», где въ поэтическомъ единствѣ воплотилъ сущность своихъ познаній, приобрѣтенныхъ въ теченіе цѣлой жизни.

Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, старшій братъ знаменитаго путешественника, пользовался въ Германіи еще большимъ почетомъ, чѣмъ Александръ. Онъ былъ государственный мужъ, филологъ и обнаруживалъ не меньше трудолюбія въ своихъ разнообразныхъ предпріятіяхъ. Въ

продолжение сорока лѣтъ онъ слылъ однимъ изъ величайшихъ философовъ и лингвистовъ Европы. «Работа,—говоривъ онъ,—по моему внутреннему чувству, представляетъ такую же необходимость для людей, какъ ъда и сонь. Даже тѣ, которые не занимаются ничѣмъ такимъ, что разумный человѣкъ можетъ назвать дѣломъ, воображаютъ, будто бы они что-то дѣлаютъ. Въ дѣломъ мірѣ не существуетъ человѣка, считающаго себя празднымъ». Одному изъ своихъ корреспондентовъ онъ писалъ: «Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ есть прекрасное мѣсто, гдѣ вы говорите, что жизнь, по вашему, есть шкатулка, въ которую мы можемъ сложить всѣ принадлежащія намъ умственныя сокровища. Это въ самомъ дѣлѣ замѣчательно счастливая идея. Дѣйствительно, человѣкъ можетъ сдѣлать изъ своей жизни, что хочетъ, и придать ей столько цѣнности для себя и для другихъ, сколько позволяютъ ему собственные силы».

Одни работаютъ ради препровожденія времени, другіе ради удовольствія, третьи—съ цѣлью наживы, четвертые—для славы, а пятые потому, что не могутъ жить безъ труда. Трудъ и занятія совершенно необходимы для ихъ существованія. Когда къ нимъ приходитъ слава, это случается непредвидѣнно, а часто бываетъ и совсѣмъ нежелательно имъ. Многіе выдвигаются впередъ прямо силою трудолюбія, сберегая каждую минуту и употребляя ее для какой-нибудь полезной цѣли. Плиній Старшій, живя за городомъ, постоянно читаль или слушаль чтеніе, если не сидѣть въ ваннѣ. Большинство великихъ химиковъ, натуралистовъ и физиковъ не теряли даромъ ни минуты времени, постоянно наблюдая и записывая свои наблюденія.

Джонъ Дэльтонъ былъ человѣкъ такого сорта. Подобно Ньютону, онъ не хотѣлъ допустить, что своими открытиями обязанъ чему-нибудь иному, кроме способности къ настойчивому и терпѣливому труду, которую онъ примѣнялъ къ изученію каждого предмета. Когда его открытія

превозносились на годичномъ собраниі медицинской академіи въ Манчестерѣ, этотъ ученый замѣтилъ: «Относительно себя я могу сказать только одно въ кругу столькихъ лицъ, занимающихся наукой: если мнѣ посчастливилось достичь большаго успѣха сравнительно со многими изъ присутствующихъ и притомъ на различныхъ поприщахъ жизни, то это зависѣло главнымъ образомъ, я даже долженъ сказать: исключительно отъ моей неизмѣнной усидчивости. Люди достигаютъ превосходства надъ другими не столько силою геніальности, сколько вниманіемъ къ изученію избраннаго предмета и упорствомъ въ своемъ труде. Вотъ, по-моему, что служить вѣрнымъ залогомъ успѣха. Это все, что я имѣю сказать относительно самого себя».

Дэльтонъ постоянно наблюдалъ и сравнивалъ. Даже послѣ припадка паралича на семьдесятъ первомъ году, достаточно оправившись отъ болѣзни, онъ продолжалъ свои наблюденія съ прежней неутомимостью. Въ послѣднюю ночь своей жизни онъ написалъ обычное вступленіе въ книгѣ, въ которую вносили свои метеорологическія наблюденія, произведенные имъ въ количествѣ болѣе двухсотъ тысячъ въ теченіе полувѣка.

Хотя Дэльтона никакъ нельзя назвать человѣкомъ посредственнымъ и хотя по своей скромности онъ умалялъ значеніе своихъ трудовъ, однако неоспоримо, что люди среднихъ способностей могутъ достигать почти невѣроятныхъ результатовъ, единственно благодаря цѣлесообразному и долговременному трудолюбію. Нѣкоторые изъ нихъ, которые оказываютъ наибольшее влияніе на міръ, были не столько геніальны, сколько тверды въ своихъ намѣреніяхъ и вдобавокъ отличались громадною выносливостью въ труде. Къ числу такихъ людей принадлежали: Мартинъ Лютеръ, Кальвинъ, Игнатій Лойола, Св. Францискъ Ксавье, Джонъ Ноксъ и Джонъ Уэслей.

Лютеръ былъ человѣкъ необычайно способный, энергич-

ный и настойчивый. Въ его жизни, такъ сказать, воплотилась история реформаціи въ Европѣ. Онъ былъ одновременно лингвистъ, философъ, проповѣдникъ и политикъ. Всѣ великия движенія его эпохи сосредоточивались въ немъ. Сперва онъ перевелъ Новый Завѣтъ, а потомъ Ветхій. Онъ наводнялъ прессу, могущество которой только-что нарождалось, своими трактатами и разсужденіями, направленными къ защите свободнаго изслѣдованія и разбора, что Лютеръ считалъ первымъ и великимъ правомъ человѣческаго разума. Но способность къ труду явилась у него не вдругъ, потому что прилежаніе было привычкой жизни реформатора. Говоря о себѣ въ Виттенбергѣ, когда Лютеръ носилъ еще монашескую рясу, онъ замѣтилъ: «Чтобъ вести мою корреспонденцію, понадобилось-бы двое секретарей; я состою монастырскимъ ораторомъ, застольнымъ проповѣдникомъ, руководителемъ ученыхъ занятій; я викарій, иными словами, я совмѣщаю въ себѣ одиннадцать пріоровъ; я хранитель прудовъ въ Лицкау, защитникъ и помощникъ суды въ Торгау, чтецъ Апостола и собиратель псалмовъ, да ко всему этому слѣдуетъ еще прибавить борьбу съ соблазнами мира, плоти и діавола». Трудъ, энергія и рѣшительность были обычными условіями жизни Лютера. Ничто не могло удержать его, когда онъ ясно видѣлъ передъ собою путь долга. Онъ былъ готовъ отправиться въ Вормсъ, «хотя-бы тамъ было столько-же чертей, сколько черепицъ на кровляхъ».

До тридцати пяти лѣтъ Лютеръ напечаталъ весьма немного, однако послѣ того сдѣлался не только плодовитѣйшимъ, но и самыемъ популярнымъ писателемъ Германіи. Его первая книга носила характерное заглавіе «Рѣшенія»; въ ней выражалась энергическая рѣшимость человѣка, жизни которого действительно была долгой борьбою съ затрудненіями и опасностями. Энергіей своего слога, огнемъ и страстью своихъ убѣжденій онъ торжествовалъ надо всѣмъ. Его языкъ примѣнялся ко всякому голосу и тону, то

становясь отрывистымъ, краткимъ и острымъ, какъ сталь, то превращаясь въ плавный, обильный потокъ словъ. Въ то же время Лютеръ былъ веселымъ, добродушнымъ человѣкомъ въ частной жизни, горячо любилъ жену и дѣтей и поддерживалъ веселость въ своемъ домѣ музыкой, такъ какъ искусно игралъ на гитарѣ и на флейтѣ. «Музыка,—говаривалъ онъ, —есть искусство пророковъ; это единственное искусство, которое, кроме богословія, способно успокаивать душевное волненіе и обращать въ бѣгство діавола». Мало того: въ свободныя минуты великий реформаторъ занимался еще токарнымъ ремесломъ и дѣлалъ часы. Онъ никогда не могъ оставаться празднымъ. «Когда меня одолѣваютъ напасти, —нерѣдко говорилъ онъ,— я скорѣе бѣгу къ своимъ свиньямъ, только бы не оставаться одному». Жажда труда была въ немъ ненасытна. Въ три года онъ написалъ и напечаталъ четыреста сорокъ шесть сочиненій, при чемъ многія изъ нихъ были снабжены гравюрами по его собственнымъ рисункамъ; и одновременно съ тѣмъ онъ вель переписку со многими руководящими умами въ Европѣ. Лютеръ положилъ отпечатокъ своего ума на свое поколѣніе и націю. Онъ посвятилъ себя дѣлу народнаго просвѣщенія; то, чѣмъ стала теперь Германія, въ немалой степени слѣдуетъ приписать его пророческому предвидѣнію и личному вліянію.

Кальвинъ отличался неменьшою неутомимостью и трудолюбиемъ. Онъ былъ богословомъ и діалектикомъ, такъ-же какъ Лютеръ былъ орагоромъ и публицистомъ реформаціи. Въ юности Кальвинъ прошелъ суровую школу; выдержаный въ строгой дисциплине умъ его обогатился глубокими познаніями. Ему было только двадцать пять лѣтъ, когда вышли изъ печати его «Институты» — произведеніе, оказавшее могущественное вліяніе на его вѣкъ, какъ и на послѣдующія поколѣнія. Послѣ выхода въ свѣтъ этой книги, Кальвинъ работалъ безпрерывно. Ежедневно произносилъ онъ проповѣди, три раза въ недѣлю читалъ лекціи богословія студентамъ, вель обширную переписку, поддер-

живаль полемику съ богословами всѣхъ странъ, остатокъ же свободнаго времени посвящалъ литературнымъ трудамъ. Онъ выѣжалъ изъ Женевы въ Германію и Францію, но лишь для новой работы. Изъ Страсбурга Кальвинъ писалъ одному своему другу: «Я не могу запомнить дня, когда быль бы такъ заваленъ дѣлами всякаго рода, какъ сегодня. Посланый ожидалъ начала моей книги, и мнѣ понадобилось просмотрѣть около двадцати страницъ; прибавь къ тому, что я долженъ быль еще прочесть лекцію, сказать проповѣдь, написать четыре письма, отправить нѣсколько полемическихъ возраженій и принять болѣе десятка просителей». Въ другомъ мѣстѣ онъ жалуется на то, что его постоянно отрываютъ отъ дѣла, и съ нетерпѣніемъ ждетъ «длинныхъ ночей, когда у него будетъ нѣкоторая свобода», — хотя этой свободой онъ собирался воспользоваться лишь для исполненія какой-нибудь экстренной работы. Онъ работалъ днемъ и ночью «во время и не во время», даже и при жестокомъсложненіи различныхъ болѣзней. Лишь благодаря крайней умѣренности и простотѣ жизни, Кальвинъ могъ дотянуть до пятидесяти пяти лѣтъ, когда его постигла смерть. Во время своей послѣдней болѣзни, едва дыша, перевѣль онъ свою «Гармонію Моисея» съ латинскаго на французскій языкъ, просмотрѣлъ переводъ книги Бытія и написалъ коментарій на книгу Іисуса Навина. Одновременно съ тѣмъ онъ занимался дѣлами различныхъ церквей и отвѣчалъ на ихъ возванія устно и письменно, смотря по надобности. Друзья убѣждали, просили его беречься, однако, онъ неизмѣнно отвѣчалъ, что сдѣланное имъ совершенно ничтожно и что не надо мѣшать ему трудиться до послѣдняго издыханія надъ тою задачей, которую возложилъ на него Господь.

Нокъ въ свою очередь былъ человѣкъ неодолимой энергіи и неутомимаго трудолюбія. Онъ былъ вѣчно за работой — преподавалъ, проповѣдывалъ, руководилъ и организовалъ общество своихъ послѣдователей, иногда укрываясь

отъ своихъ гонителей, а въ другое время выступая открыто, несмотря ни на какія опасности. Два года провелъ онъ въ каторгѣ, на французской галерѣ, гдѣ влакпль цѣпи и грѣбь веслами подъ ударами плети вмѣстѣ съ гугенотами и ссыльными преступниками. Наконецъ его освободили, но здоровье ученаго сильно пострадало отъ жестокаго обращенія, хотя его духовная сила нисколько не поколебалась. Неустранимо ходилъ онъ съ мѣста на мѣсто, поднимая духъ своихъ соотечественниковъ. Хотя онъ былъ объявленъ мятежникомъ и поставленъ въ законъ, однако вокругъ него тотчасъ выросла живая стѣна защитниковъ отъ враговъ. Энергія и настойчивость этого человѣка, его дарованія и мужество, необычайная серьезность и самоотверженное рвение привели его «честную борьбу» къ полной победѣ. Хотя онъ достигъ сравнительно преклоннаго возраста, шестидесяти семи лѣтъ, однако, по словамъ его бiографа, «былъ не столько удрученъ старостью, сколько измученъ и изнуренъ чрезвычайными тѣлесными трудами и душевными тревогами». Когда его прахъ опустили въ могилу позади Сэнъ-Джильского собора въ Эдинбургѣ, лордъ Мортонъ, взглянувъ на его гробъ, произнесъ эти знаменательныя слова: «Здѣсь лежитъ тотъ, кто никогда не боялся человѣческаго лица» *).

Не меньшую неутомимость и трудолюбіе обнаружилъ Джонъ Уэслей, основатель Уэслианской методистской секты. На его жизнь указывали, какъ на примѣръ того, какой силы можетъ достичь посредственность, движимая серьез-

*) Дочь Джона Нокса, Елизавета, вышла замужъ за Джона Уэльша (предка Джевъ Уэльшъ, покойной миссисъ Карлейль). Уэльшъ былъ пресвитеріанскимъ священникомъ и попалъ въ изгнаніе за несогласіе съ епископальную церковью. Когда его здоровье ослабѣло и онъ по желаніи вернуться въ Шотландію, Елизавета добилась аудіенціи у короля Якова. Король первымъ дѣломъ спросилъ, чья она дочь. — Мой отецъ былъ Джонъ Ноксъ, — отвѣчала просительница. — Ноксъ и Уэльшъ! — подхватилъ Яковъ. — Никогда еще діаволъ не составлялъ

ностью и вдохновляемая благочестіемъ. Уэслей отличался величайшимъ самоотверженіемъ и былъ неустаннымъ труженикомъ. Ни одной минуты не пропадало у него понапрасну. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ онъ вставалъ зимою и лѣтомъ въ четыре часа утра, а въ пять часовъ уже приступалъ къ проповѣди, если находилъ слушателей. Каждый годъ проѣзжалъ онъ отъ четырехъ до пяти тысячъ миль, поучая, проповѣдуя, организуя общины. Въ свободные промежутки онъ успѣвалъ много читать и писать цѣлые томы, состоя въ то же время своимъ собственнымъ издателемъ и книго-продавцемъ. Впрочемъ Уэслей придавалъ не столько значенія книгамъ, сколько живому дѣлу; это можно заключить изъ одного замѣчанія его ученику: «Берегись, чтобы книги не поглотили тебя! Унція милосердія стоитъ цѣлаго фунта учености». Его организаторская и административная способности были замѣчательны; это въ достаточной мѣрѣ подтверждается живучестью и крѣпостью основанной имъ общины, которая такъ сильно разрослась послѣ его смерти.

Уэслей отличался точностью познаній, непоколебимостью воли, ясностью и твердостью ума. Но всѣ эти качества значили бы сравнительно немного, еслибы не его трудолюбіе, воодушевлявшее всѣхъ, кто съ нимъ сталкивался. Восьмидесятишестилѣтнимъ старцемъ Уэслей продолжалъ проповѣдывать дважды, а иногда и тражды въ день. Восьмидесяти семи лѣтъ онъ писалъ: «Благодареніе Господу, я не ослабѣваю въ трудѣ; у меня есть еще силы проповѣдывать и писать». И онъ действительно проповѣдовывалъ еще на восемьдесятъ восьмомъ году, который былъ послѣд-

такой парочки!—Можетъ быть,—отвѣтала миссисъ Уэльшъ,—вѣдь мы и не спрашивали его позволенія.—Потомъ она стала просить, чтобы ея мужу разрешили побывать въ Шотландіи, на что король сказалъ: «Это будетъ ему разрешено, если онъ подчинится епископамъ». Примоддавъ свой передникъ, миссисъ Уэльшъ замѣтила только:—Скорѣе, чѣмъ онъ это сдѣлаетъ, я принесу вотъ такъ его голову».

намъ въ его жизни. Свое долголѣтіе и трудоспособность онъ приписывалъ свойственной ему постоянной воздержности, такъ какъ дѣйствительно былъ смолоду самымъ умѣреннымъ человѣкомъ. Кромѣ того онъ обладалъ способностью, весьма важной для умственного труженика и сравнительно рѣдкой, а именно могъ засыпать, когда вздумается. И Уэслей утверждалъ, что съ самаго дѣтства не проводилъ ни одной безсонной ночи.

Количество работы, исполненной нѣкоторыми людьми, независимо отъ ея качества, принимало иногда громадные размѣры. Ричардомъ Бэкстеромъ написано сто сорокъ пять различныхъ сочиненій, по его собственнымъ словамъ, «въ сутолокѣ всѣхъ прочихъ моихъ занятій». Де-Фо безпрерывно выпускалъ брошюры и книги. Чальмерсъ сообщаетъ списокъ ста семидесяти четырехъ различныхъ произведений его пера, хотя многія изъ нихъ представляютъ только брошюры и мало известны теперь. Девять томовъ «Обозрѣнія» въ четвертую долю листа были всѣ написаны собственною рукою автора. Разумѣется, большая часть его сочиненій забыта, какъ это обыкновенно бываетъ съ произведеніями каждого слишкомъ плодовитаго писателя. Они по большей части исчезаютъ вмѣстѣ съ обстоятельствами, которыя вызвали ихъ къ жизни. Лишь немногімъ, пожалуй, именно тѣмъ, которые менѣе всего были оцѣнены по достоинству при своемъ выходѣ въ свѣтъ, суждено перейти къ потомству. Такова была судьба знаменитаго «Робинзона Крузе». Эту книгу пересыпали отъ одного книгоиздателя къ другому и вездѣ она встрѣчала отказъ. Между тѣмъ это сочиненіе больше всѣхъ прочихъ обѣщаетъувѣковѣчить въ литературѣ имя Де-Фо.

Можно назвать необычайно плодовитыхъ авторовъ, въ настоящее время совершенно позабытыхъ. Таковъ удѣль Принна, автора «Гистріомастикса». Было вычислено, что отъ наступленія возмужалости до дня смерти онъ сочинялъ, компилировалъ и печаталъ среднимъ числомъ по

восьми страницъ въ четвертую долю листа ежедневно. Любопытнѣе всего, что его сочиненія пользовались въ свое время чрезвычайной популярностью: находились издатели, рисковавшіе платить по нѣсколько сотень фунтовъ стерлинговъ за одинъ томъ. Теперь же эти произведенія почти никому неизвѣстны, кромѣ библіофиловъ.

Сочиненія нѣкоторыхъ плодовитыхъ авторовъ оставались впрочемъ совершенно неизвѣстными и въ ихъ собственное время. Нѣкто случайно заикнулся доктору Кемпбелю, автору «Политического Обозрѣнія Великобританіи», что онъ желалъ бы имѣть собраніе его сочиненій. И что же? На слѣдующее утро къ его дому подѣхалъ цѣлый возъ съ сочиненіями доктора Кемпбеля, а къnimъ былъ приложенъ счетъ болѣе чѣмъ на семьдесятъ фунтовъ! Отецъ Сведенборга, епископъ Сnidбергъ, почти не давалъ отдыха печатному станку. «Я думаю,—говаривалъ онъ,—что и на десяти возахъ не увезти всего, что я написалъ и напечаталъ на собственный счетъ». Сынъ его Эммануиль былъ плодовитымъ писателемъ и напечаталъ въ теченіе своей жизни болѣе шестидесяти сочиненій, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были отданы крайне тщательно.

Аббать Прево написалъ болѣе ста семидесяти томовъ, хотя читается изъ нихъ до сихъ поръ только одинъ его романъ—«Манонъ Леско». Гансъ Саксъ, нѣмецкій башмачникъ и писатель, былъ однимъ изъ трудолюбивѣйшихъ людей; кромѣ башмаковъ, которые онъ шилъ и починялъ, этотъ литераторъ сочинилъ и издалъ около двухсотъ комедій, трагедій и фарсовъ и около семисотъ басентъ, аллегорическихъ разсказовъ въ стихахъ и поэмъ религіознаго и свѣтскаго содержанія. Мозеръ, нѣмецкій компиляторъ прошлаго столѣтія, оставилъ послѣ себя четыреста восемьдесятъ сочиненій, изъ которыхъ семнадцать еще не изданы до настоящаго времени. Другой нѣмецкій авторъ по фамиліи Крунцъ составилъ совершенно одинъ «Энциклопедію», которая ко дню его смерти въ 1796 году дохо-

дила до семидесяти двухъ томовъ въ большую осьмушку листа.

Достоинство трудовъ Бюффона общепризнано; всѣ его сочиненія, изданныя послѣ его смерти, составили тридцать шесть томовъ въ четвертую долю листа; за то, по его словамъ, онъ «провелъ пятьдесятъ лѣтъ жизни за своимъ письменнымъ столомъ». Гиббонъ употребилъ пятнадцать лѣтъ усидчиваго труда на сочиненіе и обработку своей книги «Упадокъ и паденіе Римской Имперіи». Д-ръ Робертсонъ,edinбургскій ученый, былъ также прилежнымъ труженикомъ—великимъ какъ по качеству, такъ и по количеству своихъ произведеній. «Исторію Шотландіи» и «Исторію царствованія Карла V» можно признать его лучшими историческими сочиненіями. Еще въ юности избралъ онъ себѣ девизомъ: «Vita sine literis mors est» (жизнь безъ литературы есть смерть) и оправдывалъ его въ теченіе всей своей трудовой карьеры. Сэръ Джонъ Синклеръ былъ невѣроятнымъ работникомъ. Ещѣ въ колледжѣ составилъ онъ такое распределеніе своего времени: сонъ—семь часовъ; одѣваніе—полчаса; Ѣда и отдыхъ—два съ половиною часа; моченъ—два часа; ученье—двѣнадцать часовъ,—что составляетъ вмѣстѣ ровно двадцать четыре часа. Этотъ ученый бенрерывно работалъ до восемидесяти одного года, и его умъ остался яснымъ и твердымъ до конца. Въ теченіе своей жизни онъ издалъ десять большихъ сочиненій въ восемнадцати томахъ и наблюдалъ за печатаніемъ четырехъ другихъ сочиненій въ сто шесть томовъ, а сверхъ того выпустилъ ни больше, ни меныше, какъ триста шестьдесятъ семь отдельныхъ брошюръ по различнымъ вопросамъ *).

У Литтрѣ система занятій была нѣсколько иною. Онъ сначала былъ докторомъ, потомъ публицистомъ и наконецъ

*) Очеркъ жизни и дѣятельности Синклера см. въ «Самодѣятельности».

филологомъ. Въ возрастѣ шестидесяти двухъ лѣтъ онъ приступилъ къ своему громадному труду, по которому его только и знаютъ: къ «Словарю французскаго языка». Одинъ, почти безъ всякой помощи, совершилъ онъ то, на что потребовалось соединенное знаніе и трудолюбіе членовъ всей французской академіи въ предшествующемъ поколѣніи.

Трудъ Литтрѣ представляетъ собою не простой словарь французскаго языка, но исторію каждого слова, съ его номенклатурой, значеніемъ, произношеніемъ, ѣтимологіей, опредѣленіями и синонимами, что дополняется образцами стиля и языка, заимствованными у лучшихъ авторовъ. Пожалуй, подобный трудъ никогда еще не былъ выполненъ однимъ человѣкомъ и въ такое короткое время, такъ какъ онъ занялъ лишь около четырнадцати лѣтъ. Литтрѣ приступилъ къ нему въ 1863 году, въ шестидесятидвухъ лѣтнемъ возрастѣ и закончилъ четыре оригинальныхъ тома—приблизительно три тысячи страницъ, каждая въ три столбца мелкой печати—въ 1878 году; но оставался еще одинъ дополнительный томъ, въ который вошло более четырехсотъ страницъ, наполненныхъ добавочными свѣдѣніями *).

Литтрѣ самъ описалъ свой способъ сбереженія времени при работѣ надъ словаремъ. Вставая въ восемь часовъ утра, онъ бралъ какую-нибудь работу съ собой внизъ, пока убирали его комнату. Въ девять онъ снова поднимался наверхъ,

*) Въ послѣднемъ дополнительномъ томѣ (въ пятой части его знаменитаго труда) Литтрѣ говоритъ: «я довѣрь печатаніе этого дополненія почти до половины, какъ вдругъ серьезная болѣзнь, прервавъ мои занятія, привела мнѣ на память стихъ, влагаемый Вирgiliemъ въ уста Энея, который послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ успѣховъ обороны въ послѣднюю ночь Трои восклицаетъ: *«Nei nihil invitâ fas quemquam fidere divis»*. Дѣйстивтельно, разѣ не значило идти противъ воли боговъ, приступая въ семьдесятъ шесть лѣтъ къ продолжительной работе? Но по моей нравственной теоріи (которой я касался не разъ) слѣдуетъ работать и предпринимать до

гдѣ правиль корректуру до завтрака. Время отъ часа до трехъ посвящалось работамъ для «Journal des Savants»; отъ трехъ до шести—словарю. Въ шесть писатель спускался внизъ къ обѣду, за которымъ сидѣлъ около часу. Правило гигиены, запрещающее приниматься за работу тотчасъ послѣ обѣда, Литтрѣ постоянно нарушалъ, не видя въ томъ особенного вреда. И такъ, отъ семи часовъ вечера до трехъ часовъ утра онъ, не отрываясь, сидѣлъ за словаремъ, а по-томъ ложился спать. Сонъ его былъ такъ-же крѣпокъ, какъ у неутомимаго Уэслея, а на слѣдующее утро онъ просыпался въ восемь, чтобы начать такой-же трудовой день, какъ наканунѣ. Литтрѣ умеръ восьмидесяти лѣтъ.

«Работать» было правиломъ религіи для Соути; онъ постоянно читаль, писаль или дѣлаль замѣтки. Въ умѣ его обыкновенно роились великие планы, хотя онъ не дожилъ до ихъ осуществленія. Тѣмъ не менѣе имъ написано болѣе ста сочиненій по различнымъ предметамъ, кроме ста тридцати статей для «Quarterly Review». Шиллеръ, хотя прожилъ менѣе Соути и менѣе его написаль, также отли-чался большой настойчивостью въ работе. Лучшія произ-веденія написаны имъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ жизни, хотя за этотъ періодъ времени онъ едва ли провелъ одинъ день безъ тѣлесныхъ страданій.

Правда, много умственнаго труда тратится только ради собственнаго удовольствія, а не для того, чтобы двигать на-уку, добиваться чего-нибудь полезнаго или даже забавлять и конца жизни, предоставляя судьбѣ решить, окончимъ ли мы начатое. Послѣ стиха Виргиля, въ праздности болѣзни, мнѣ пришелъ на умъ Лафонтенъ и его столѣтій старикъ, спорящій съ смертью, которая торопить его, уверяя, что для республики безразлично, напишетъ ли онъ свое духовное заявленіе, пристроить ли племянника и при-бавить ли флигель къ своему дому. Положимъ, мнѣ не сто лѣтъ, но я уже очень старъ и также заспорилъ со смертью. Она также не считала важнымъ для республики, окончу ли я мое дополненіе къ «Словарю», но наконецъ уступила, перестала угрожать и дала мнѣ отсрочку».

поучать другихъ, но просто въ угоду собственной прихоти. Такъ Меццофанти изучилъ почти всѣ известные языки, но не оставилъ послѣ себя ни единаго слова, чтобы помочь другимъ, идущимъ по его стопамъ. Мальябекки, «пожиратель книгъ», который жилъ среди нихъ, обѣдалъ и спалъ, не выпуская ихъ изъ рукъ, и за всю жизнь не болѣе двухъ разъ отлучался изъ Флоренціи, представляетъ другой примеръ бесполезнаго умственнаго работника, жившаго исключительно для себя и не сдѣлавшаго ничего, чтобы заслужить благодарность міра.

Кальдеронъ и Лопе-де-Вега стоятъ въ ряду самыхъ плодовитыхъ авторовъ; одинъ изъ нихъ обогатилъ драматическую литературу Испаніи по крайней мѣрѣ четырьмя сотнями драмъ, а другой сочинилъ ихъ болѣе двухъ тысячъ. Лопе-де-Вега писалъ такъ-же легко, какъ говорятъ искусственные говоруны, безъ предварительной подготовки материала и безъ малѣйшаго усиленія. Онъ сочинялъ, потому что не могъ иначе. Не проходило мѣсяца или даже недѣли безъ того, чтобы онъ не написалъ сонета, романса, комедіи или драмы. Онъ самъ признается въ эклогѣ къ «Клавдію»—одному изъ своихъ послѣднихъ произведеній, что около сотни его драмъ были написаны въ такое-же число дней. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ авторской дѣятельности имъ написано свыше двадцати миллионовъ стиховъ, которые попали въ печать, и кромѣ того двадцать одинъ томъ въ четвертую долю листа, куда вошли прозаическія сочиненія различнаго содержанія.

Единственный писатель новѣйшаго времени, котораго можно поставить на-ряду съ Лопе-де-Вега, это сэръ Вальтеръ Скоттъ, доказавшій себѣ однако непосильнымъ умственнымъ напряженіемъ гораздо скорѣе. На верху своей популярности онъ писалъ «Веверлэйскіе романы» по двѣ-тридцати томовъ въ годъ. Такъ «Айвенго», «Монастырь», «Аббатъ» и «Кенильвортъ» были написаны имъ немнogo

болье, чѣмъ въ дѣнадцать мѣсяцевъ. Дѣйствительно, Вальтеръ Скоттъ могъ быстрѣе сочинять, чѣмъ писать; когда не дугъ и тѣлесныя страданія помѣшиали ему продолжать «Ламермурскую невѣсту», онъ пригласилъ къ себѣ въ качествѣ секретарей Ледлоу и Джона Белентайна. Имъ приходилось часто просить его остановиться, чтобы успѣть записать то, что онъ диктовалъ. Ледлоу уговаривалъ его отдохнуть, когда видѣлъ, что больной едва ворочаеть языками отъ боли. «Нѣтъ, Вилли,—возражалъ писатель,—затвори только плотнѣе дверь. А бросить работу я могу лишь тогда, когда поправятся мои дѣла». Джонъ Белентайнъ обыкновенно за готовлялъ дюжину перьевъ, прежде чѣмъ сѣть противъ дивана, на которомъ лежалъ Скоттъ. Хотя романистъ часто метался по своей подушкѣ съ болѣзненнымъ стономъ, но обыкновенно доканчивалъ фразу безъ передышки. Когда-же дѣло доходило до особенно оживленного разговора между дѣйствующими лицами романа, духъ какъ будто бралъ верхъ надъ матеріей; Скоттъ поднимался съ постели и про хаживался взадъ и впередъ по комнатѣ, повышая и пони жая голосъ, точно игралъ роль.

Такимъ способомъ была написана имъ большая часть «Ламермурской невѣсты». Замѣчательно одно обстоятельство, связанное съ созданиемъ этого, пожалуй, наиболѣе драматического и трагического изъ романовъ Скотта; когда послѣ выздоровленія ему дали въ руки уже готовую книгу, онъ не могъ припомнить ни единаго происшествія, характера или разговора изъ всего содержанія романа! Самая фабула бродила у него въ головѣ еще съ дѣтства, но разработка драмы во всѣхъ ея чудныхъ подробностяхъ была выполнена имъ точно во снѣ; а когда онъ ее перечиталъ, она показалась ему смутнымъ, полузабытымъ сновидѣніемъ. Впрочемъ, можетъ быть, надо прибавить, что во время этого удивительного творческаго акта Скоттъ подвергался дѣйствію бѣлены и опіума, которые принималъ въ значительныхъ дозахъ, чтобы облегчить мучительную судо-

рогу въ желудкѣ, да и безъ того находился въ ненормальномъ состояніи сильного нервнаго возбужденія.

«Жизнь Наполеона» писалъ онъ въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Этотъ обширный, но совсѣмъ непродолжительный трудъ былъ предпринятъ имъ съ специальной цѣлью уплаты долговъ. Книга создавалась среди страданій, горя и разоренія. Девять томовъ были окончены быстро, менѣе чѣмъ въ двѣнадцать мѣсяцевъ. Одновременно съ тѣмъ авторъ трудился надъ «Вудстокомъ», отыходая надъ этимъ романомъ отъ болѣе сухой работы. Всего написано имъ семьдесятъ четыре тома романовъ, двадцать одинъ томъ стихотворныхъ произведеній и около тридцати томовъ исторического и біографического содержанія, не считая громаднаго числа статей для «Quarterly Review» и другихъ журналовъ. Изъ этого числа книгъ сто четыре тома были написаны между 1814 и 1831 годами, въ разгарѣ дѣятельности Вальтера Скотта, что составитъ въ среднемъ по шести томовъ въ годъ. Уже одинъ механический трудъ, который потребовался для написанія столькихъ произведеній, былъ громаденъ. Кроме того не слѣдуетъ забывать, что Скоттъ занимался не одной литературой. Онъ состоялъ шерифомъ въ своемъ графствѣ, секретаремъ мѣстнаго суда, пайщикомъ типографской и издательской фирмы, а вдобавокъ велъ обширную переписку съ друзьями во всѣхъ частяхъ свѣта и оказывалъ широкое гостепріимство въ качествѣ владѣльца наслѣдственнаго замка. Смѣлость, трудолюбіе и высокія качества души соединялись въ немъ съ благородствомъ дворянина.

Въ каждой работе первенствующее значение безспорно принадлежитъ не количеству, а качеству. Нѣкоторые писатели затрачивали много труда на такія сочиненія, которые въ оконченномъ видѣ оказывались весьма незначительнаго объема. Такъ «Аналогія» Бѣтлера, помѣщающаяся въ небольшомъ томѣ, заняла у него двадцать лѣтъ. Но онъ писалъ и передѣльвалъ различные части ея, вникая въ

каждое слово, въ каждую фразу до тѣхъ поръ, пока его мысль достигала вполнѣ точнаго выраженія. Это сочиненіе представляетъ не что иное, какъ сжатый сводъ идей и сужденій.

Монтескье посвятилъ двадцать пять лѣтъ на то, чтобы написать «Духъ законовъ», хотя эту книгу можно прощеть въ одинъ часъ. «Подготовленіе ея убѣлило мои волосы», — говорилъ авторъ одному изъ своихъ друзей. Сочиненіе Гервея «О движениіи сердца и крови», въ которомъ онъ наглядно показалъ процессъ кровообращенія, стоило ему двадцати шести лѣтъ труда. Естествоиспытатель Сваммердамъ проработалъ восемь лѣтъ надъ «Анатоміей муки-однодневки», — послѣднимъ изъ своихъ трудовъ, вышедшими въ свѣтъ. Аристо провелъ десять лѣтъ надъ сочиненіемъ «Неистового Роланда», первое изданіе которого было напечатано лишь въ ста экземплярахъ и уступлено одному книгопродавцу по пятнадцати пенсовъ экземпляръ *).

Эбрегэмъ Теккеръ сдѣлалъ множество набросковъ своего «Свѣта Природы», прежде чѣмъ окончательно установить планъ и подробности сочиненія; когда же оно было написано, онъ переписалъ его собственноручно еще два раза. Это произведеніе, состоящее изъ семи томовъ въ восьмушку листа, взяло у него около восемнадцати лѣтъ труда. Теперь мало кто читаетъ «Свѣтъ Природы», однако, это была настольная книга такихъ мыслителей, какъ докторъ Пелей и сэръ Джемсъ Мэкинтошъ. Ея автора прозвали «метафизическими Монтенемъ». Сэръ Джемсъ Мэкинтошъ говорилъ, что Теккеръ писалъ болѣе для собственного удовольствія, чѣмъ для угощенія публикѣ, и что онъ слишкомъ мало думалъ о своихъ читателяхъ, для того чтобы стѣсняться передъ ними своей откровенности, избѣгать растянутости, повтореній, ссылокъ на свои личныя воспоминанія изъ боязни надобѣсть имъ. Вотъ почему это про-

*) Около 40 коп. на русскія деньги.

изведеніе остается на книжныхъ полкахъ вмѣстѣ съ такимъ множествомъ мертвыхъ и полу забытыхъ томовъ.

Тогда какъ одни писатели, подобно Лопе-де-Вега и Вальтеръ Скотту, легко и быстро сыплютъ своими произведеніями, другіе, подобно Виргилію, Тассо, Петраркѣ, Паскалю и Бюффону, пишутъ и переписываютъ, никогда не удовлетворяясь формой, въ какую облечены ихъ идеи. Между тѣмъ книги, въ особенности прозаической, обла даютъ живучестью скорѣе, благодаря своему содержанію, чѣмъ формѣ изложенія; одинъ слогъ самъ по себѣ никогда еще не спасалъ книгу, и вѣроятно это неизмѣнится и на будущее время. Тѣмъ не менѣе къ слогу слѣдуетъ относиться съ большимъ тщаніемъ, хотя надо помнить, что авторы, слишкомъ много заботившіеся о слогѣ, рѣдко переживали свое время, тогда какъ тѣ, которые увлекались предметомъ до забвенія себя, въ большинствѣ случаевъ оказывались долговѣчнѣе.

Безспорно, что многія сочиненія, написанныя легко и быстро, оказываются нестоющими и забываются, но та же участъ постигаетъ и другія литературныя работы, на которыхъ не жалѣли времени и труда.

Изъ громаднаго числа произведеній Лопе-де-Вега лишь немногія известны теперь и развѣ двѣ или три его пьесы держатся еще на сценѣ. То-же самое можно сказать о произведеніяхъ итальянскаго поэта Леонида, который исправлялъ свои поэмы по десятику разъ, стараясь довести ихъ до желаемаго совершенства, какъ и о поэту Пьеро Маффеи, который ограничивался сочиненіемъ не болѣе пятнадцати строкъ въ день, тщательно отдѣланныхъ; ту же участъ раздѣлилъ Клодъ Вожласъ, употребившій тридцать лѣтъ на переводъ Квинта Курція, не переставая передѣлывать и исправлять свою работу. Но кѣмъ читаются теперь эти книги?

Роджерсъ положилъ четырнадцать лѣтъ труда на то, чтобы написать свою «Италію». Но у кого можно было

бы встрѣтить теперь эту книгу, если-бъ не превосходный иллюстраціи Тернера? Про книги Роджерса говорили: «Ихъ подаютъ на столъ только ради красоты блюда». Роджерсъ говорилъ Бэббэджу, что никогда въ жизни не писалъ болѣе четырехъ или шести строкъ стиховъ въ день. Однако Бэббэджъ въ своей «Жизни философа» упоминаетъ случай, показывающій, что Роджерсъ былъ надѣленъ весьма живымъ воображеніемъ. За обѣдомъ у одного знакомаго поэтъ сидѣлъ спиной къ окну, въ которое было вставлено одно цѣльное стекло. Оглянувшись назадъ, онъ подумалъ, что окно отворено, и тотчасъ схватилъ пристуду.

Вдохновенные писатели, конечно, пишутъ быстро и въ пылу восторга, невѣдомаго обыкновеннымъ труженикамъ пера. По словамъ Альфьери, онъ писалъ первый актъ «Альцесты» въ изступленіи и заливаясь слезами. Дѣйствительно, величія произведенія геніевъ рѣдко создаются медленно. Когда поэты прерываютъ работу для того, чтобы тщательно отѣлывать и выложить свою идею, ароматъ первоначального замысла улетучивается. Припадокъ вдохновенія проходить, и нить мыслей теряется.

Шекспиръ, Петрарка, Данте, В. Скоттъ, Гёте, Шелли работали все очень быстро, хотя Петрарка любилъ отѣлывать свои стихи. Гёте не давалъ ускользнуть ни одной мысли, немедленно занося ее на бумагу. Однажды, удостоенный посѣщенія одного экзальтированного монарха, Гёте, въ разгарѣ интересной бесѣды, удалился въ другую комнату—записать мелькнувшую у него счастливую мысль для «Фауста». Попыт не упускалъ ни одной идеи, если она являлась у него даже ночью. Онъ немедленно вставалъ, зажигалъ огонь и записывалъ ее. Соути въ письмѣ къ сэру В. Скотту говоритъ: «Повѣрьте мнѣ, Скоттъ, ни одинъ истинный геній не былъ требователенъ относительно точности языка или придирчивъ къ чимъ-нибудь ошибкамъ, кромеъ своихъ собственныхъ». Лучшіе художники,

какъ въ поэзіи, такъ и въ живописи, непремѣнно отлича-
лись производительностью.

При всемъ томъ нѣтъ надобности подражать фокусамъ писателя, упоминаемаго Горациемъ, который былъ въ состоя-
ніи сочинить двѣсти стиховъ, стоя на одной ногѣ. Едва-ли
нужно добавлять, что ни одинъ изъ этихъ одногонихъ
стиховъ не дошелъ до потомства. Нельзя оспаривать того,
что легкость произведенія вещей, достойныхъ, чтобы ихъ
читали, возможна лишь подъ условiemъ предварительной
подготовки и основательного знанія предмета. Въ такихъ
случаяхъ, хотя творчество кажется внезапнымъ, оно тѣмъ
не менѣе бываетъ результатомъ предшествующаго труда.
Когда одинъ богачъ попросилъ Ораса Вернэ нарисовать
ему бездѣлицу въ альбомъ, тотъ исполнилъ рисунокъ и
потребовалъ за него 1.000 франковъ. «Но вѣдь вы употре-
били всего пять минутъ на его рисованіе»,—возразилъ не-
вѣжественный крезъ. «Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ Вернэ,
—только мнѣ понадобилось тридцать лѣтъ, чтобы научиться
дѣлать это въ пять минутъ».

Эразмъ сочинилъ свою «Похвалу Глупости» (*Encomium
Mogiae*) въ семь дней, за то она совмѣстила въ себѣ ре-
зультаты его умственной работы въ теченіе всей жизни.
«И въ этомъ,—выразился Карлейль, говоря о В. Скоттѣ,—
кроется секретъ всего дѣла; быстрота собственно письмен-
ной работы послѣ энергичной подготовки безспорно пред-
ставляетъ самый вѣрный методъ; послѣ того, какъ горнило
долго работало и клокотало, пусть чистое золото хлынетъ
изъ него разомъ».

Хотя Чепмэнъ хвалился, что онъ перевелъ двѣнадцать
книгъ Гомера въ пятнадцать недѣль, переводъ вѣроятно
выигралъ бы, еслибы на него употребить больше времени.
Окончательные штрихи, придающіе грацію и очарованіе
поэтическимъ мыслямъ, могутъ быть положены только при
терпѣніи и досугѣ. Удачный оборотъ мысли приходитъ
послѣ долгаго размышенія, и онъ помогаетъ ей овладѣть

умомъ и памятью людей, чтобы прожить тамъ цѣлые вѣка.

Смоллетъ состязался съ Юмомъ, когда писалъ «Исторію Англіи». Четыре тома въ четвертую долю листа были написаны имъ въ четырнадцать мѣсяцевъ. Какъ Джонсонъ читалъ, «вытаскивая изъ книги потроха», такъ онъ писалъ съ необычайной быстротой. Одно изъ его лучшихъ произведений, «Жизнь Сэведжа», было написано, по его собственному признанію, въ тридцать шесть часовъ; а его «Тщета Человѣческихъ Желаній», содержащая около двѣнадцати страницъ стиховъ, была написана въ одинъ день. «Росселяса» онъ сочинялъ по вечерамъ въ продолженіе одной недѣли съ цѣлью оплатить расходы на похороны матери, и едва оконченная книга была немедленно отправлена въ печать. Дюма-отецъ работалъ съ баснословной скоростью; въ этомъ не могъ превзойти его ни одинъ изъ новѣйшихъ писателей. Первые четыре тома «Монте-Кристо» авторъ написалъ въ шестнадцать дней, пріютившись въ рыбачьей хижинѣ близъ Трувиля, гдѣ онъ сидѣлъ за однимъ столомъ съ своимъ товарищемъ Манье, и, пожалуй, это было самое популярное изъ всѣхъ его произведеній.

Большинство композиторовъ было неутомимо въ трудахъ. Скарлатти старшій написалъ не меныше двухсотъ мессъ, ста оперъ и трехъ тысячъ кантатъ. Гайднъ, кроме своихъ шести ораторій, въ числѣ которыхъ были такія, какъ «Сотвореніе міра» и «Времена года», сочинилъ сто шесть симфоній, двѣсти концертовъ, восемьдесятъ три скрипичныхъ квартета, шестьдесятъ сонатъ для фортепіано, пятнадцать мессъ, четырнадцать оперъ, шестьдесятъ двѣ канканеты и вдобавокъ одинъ «Te Deum» и одну «Stabat Mater». Надо замѣтить ко всему этому, что нѣкоторыя изъ его лучшихъ произведеній были написаны особенно быстро. Гендель работалъ пристально и быстро даже послѣ того, какъ былъ отчасти разбитъ параличомъ. У него были любимые клавишные корды, каждый клавишъ которыхъ отъ постоянного упо-

требленія былъ выдолбленъ, какъ ложка. Въ изсту-
пленіи творчества онъ писалъ съ необычайной стреми-
тельностью. «Мессія» былъ сочиненъ этимъ композиторомъ
въ двадцать три дня, а «Ізраиль въ Египтѣ» въ двадцать
семь. Въ одинъ годъ онъ написалъ «Саула», «Ізраїля»,
«Оду Драйдна», «Юпитера въ Аргосѣ» и свои «Двѣнад-
цать Большихъ Сонатъ», — все первоклассныя произве-
денія.

Но Моцартъ еще превосходилъ его быстротою творче-
ства. «Свадьба Фигаро» была сочинена въ одинъ мѣсяцъ;
большой финаль второго акта стоилъ композитору всего
двухъ ночей и одного дня работы, въ продолженіе которыхъ
онъ писалъ безъ передышки. «Донъ-Жуанъ» былъ сочиненъ
въ шесть недѣль, хотя весь сюжетъ былъ уже подробно об-
думанъ Моцартомъ заранѣе. Къ увертюрѣ онъ приступилъ
только наканунѣ первого представленія. Моцартъ принялъ
за нее около полуночи и къ утру она была готова. Испи-
саные листы были отданы переписчикамъ, но работа ихъ
оказалась такой трудной и такъ затянулась, что вечеромъ,
когда наступило время начинать представленіе, публикѣ
пришлось три четверти часа дожидаться увертюры. Нако-
нецъ ноты были поспѣшно принесены въ оркестръ, посы-
паны пескомъ и разыграны «съ листа» при цѣлой бурѣ
апплодисментовъ. «Волшебная флейта» создалась также съ
необычайной быстротой, хотя организмъ Моцарта былъ
уже въ то время расшатанъ неправильнымъ образомъ жизни
и переутомленіемъ. Работая надъ этой оперой ночь и день,
онъ окончилъ ее въ нѣсколько недѣль. Впослѣдствіи съ одинако-
вой скоростью композиторъ сочинилъ «Милосердіе Тита»,
начавъ эту оперу во время путешествія и окончивъ ее въ
какихъ-нибудь восемнадцать дней. Послѣднимъ произведе-
ніемъ Моцарта былъ знаменитый «Реквиемъ», который онъ
писалъ по заказу на своеъ смертномъ одрѣ, работая надъ
нимъ почти до послѣдняго вздоха.

Достойно также вниманія, что мастерскія произведенія

Моцарта создались большей частью среди передрягъ, описи имущества, требованій уплаты, мелкихъ заботъ и неурядностей. Великія произведенія Генделя писались среди припадковъ ярости, шума и браны, потому что этот композиторъ отличался бѣшенымъ характеромъ, а его здоровье не поправлялось послѣ жестокаго апоплексического удара. Самыя дивныя мелодіи Вебера были задуманы и созданы среди докучливыхъ мелкихъ заботъ, а самая могучія идея въ «Оберонѣ», какъ у Вальтеръ-Скотта въ его «Ламермурской невѣстѣ», воплотились въ гармонію въ то время, когда композиторъ почти не могъ пошевелиться отъ боли и страданій. Въ этихъ случаяхъ духъ торжествовалъ надъ тѣломъ, кидая вызовъ бѣдствіямъ и мученіямъ, осаждавшимъ геніального человека.

Впрочемъ подобные произведенія бываютъ задуманы и создаются въ такомъ совершенствѣ не подготовительными хотя бы и настойчивыми усилиями труда и таланта, но подъ вліяніемъ того, что мы зовемъ геніемъ. Это слово трудно поддается определенію. Быть можетъ, подъ нимъ подразумѣвается крайнее напряженіе таланта или энергичная работа воображенія, но, вѣроятно, тутъ кроется еще что-нибудь большее. Геній оживляетъ неодушевленные предметы. По словамъ Гээлита, «геній прежде всего стремится создать то, чего никогда не существовало». Рѣскинъ называетъ это способностью проникновенія «въ корень и въ глубину предмета». Милль зоветъ это «даромъ видѣть истины большей глубины, чѣмъ то доступно миру». Кольриджъ говоритъ, что это «способность развитія»; Джонъ Фостеръ полагалъ, что это «способность зажечь свой собственный огонь», а Флурансъ описываетъ геній, какъ «высшее развитіе разума въ человѣкѣ». Про геній Мольера говорили, что это былъ здравый смыслъ, который оттачивали до тѣхъ поръ, пока онъ засиялъ.

Но геній превосходитъ всѣ эти определенія. Онъ—интенсивная энергія, онъ внутренняя суть человѣка, и что

оригинальное, его собственное. Гений выше разума, онъ — вдохновленный инстинктъ *).

Встрѣчаются прирожденные полководцы, музыканты и поэты. «Poëta nascitur, non fit» (поэтъ родится, но не дѣлается) — это общеизвѣстная истинка. Обыкновенные люди суть подражатели; люди гениальные — творцы. Гений начинается тамъ, где правила кончиваются. Терпѣніе и трудъ ищутъ пути; гений его находитъ. Умъ есть только орудіе; гений есть вдохновеніе, даръ, экстазъ. По этой причинѣ

*) Вотъ, что говорить объ отпошеплѣхъ инстинкта къ геню замѣтительный эдинбургскій физіологъ, д-ръ Джонъ Флетчеръ: «Чѣмъ непосредственнѣе человѣкъ, стремясь къ совершенству въ своихъ произведеніяхъ, руководится при ихъ созданіи инстинктомъ, тѣмъ выше его гений, чѣмъ больше руководится онъ разумомъ и волей, тѣмъ выше его талантъ... Сознаніе, что въ нацѣ существуетъ способность, превосходящая тѣ, которыми мы можемъ управлять, заставляло поэтовъ всѣхъ временъ взывать къ Аполлону и музамъ о вдохновеніи, иными словами, взывать къ страсти и инстинкту о томъ, чтобы они замѣтили разумъ; неоспоримо также, что такая инстинктивная способность вдругъ поглощала умъ и водила мощною рукою Микель Анджело и Рафаэля, вызывая не только творческія идеи, но и необходимыя механическія тѣлодвиженія, предназначенные для того, чтобы появились на свѣтѣ произведения, которымъ съ восхищеніемъ должны были давиться вѣка».

Правда, что инстинктъ, подавляя такимъ образомъ разумъ, можетъ принять въ человѣкѣ болѣзненный характеръ и даже довести его до явиаго идіотства или помѣшательства; именно, постоянное подчиненіе многихъ дѣйствій великаго гenia, какъ и людей взбалмошнаго или бѣшенаго характера одному и тому же слѣпому импульсу производить то тѣсное сближеніе великаго и смѣшнаго, возвышеннаго и начищенаго, какъ въ ихъ дѣлахъ, такъ въ мысляхъ и словахъ, которое во всеѣ времена давало обильную пищу порицанію... Подобное же болѣзненное преобладаніе инстинкта надъ разумомъ идетъ человѣка ко всѣмъ видамъ невоздержности, хотя это чаще бываетъ слѣдствиемъ слишкомъ слабаго разума, какъ у обыкновенныхъ распутниковъ, кутиль, чѣмъ чрезмѣрной силы инстинкта, какъ у гениальныхъ людей, которые, къ несчастью, такъ часто бываютъ подвержены слабостямъ.—«Основы физіологии». Эдинбургъ. 1836 г.

люди въ былые времена видѣли въ немъ ибѣто неземное, божественное. Человѣкъ геніальный былъ у нихъ пророкомъ, жрецомъ, героемъ.

Никель Анджело видѣлъ умственнымъ взоромъ безъ посредства модели или рисунка статую, скрытую въ глыбѣ мрамора. Онъ схватывалъ свой рѣзецъ, отрывалъ имъ погребальные пелены и освобождалъ божество на восторженное удивленіе всѣхъ временъ. Рассказываютъ, что Паизиэлло въ припадкахъ творчества зарывался въ постель, подъ одѣяла, стараясь изгнать изъ своей памяти всѣ правила и предписанія своего искусства, и чтобы облегчить свое переполненное сердце, восклицалъ: «Пресвятая Мати, умили-сердись, заставь меня забыть, что я музыкантъ». А Палестрина въ рукописи своей благородной мессы папы Марцелла, считающейся верхомъ искусства, написалъ слѣдующія слова: «Domine, illumine oculos meos» (Господи, просвѣти очи мои).

Авиценна утверждаетъ, что все позинутся человѣческой душѣ, возвысившейся до экстаза. При сосредоточеніи вниманія умственные способности приобрѣтаютъ силу, какъ лучи солнца, попадая въ зажигательное стекло и собираясь въ одной точкѣ, даютъ жаръ. Сила человѣческаго ума пропорціональна силѣ его сосредоточенія. Сосредоточеніе же означаетъ экзальтацію, экстазъ, вдохновеніе. Именно это главнымъ образомъ опредѣляетъ разли-чие между людьми и результатами, которыхъ они дости-гаютъ въ поэзіи, краснорѣчіи, науцѣ, изобрѣтеніяхъ или искусствѣ. Это поворотный пунктъ генія,—пунктъ, откры-тый Архимедомъ, когда онъ бѣгалъ полуодѣтый по ули-цамъ Сиракузъ во время осады, крича: «Я нашелъ, я на-шелъ!» и заставляя прохожихъ принимать его за помѣшанного. Такъ Ньютона совершилъ свое великое откры-тіе, потому что «безпрестанно думалъ о немъ», то-есть благодаря его сильной способности сосредоточивать умъ на предметѣ своихъ изысканій. Когда люди подготавливаются

воспитаниемъ къ определенному жизненному поприщу, они попадаютъ въ колею, откуда очень трудно выбраться. Ихъ умъ и привычки отливаются въ известную форму; ихъ жребій кажется установленнымъ, и они связаны путами, отъ которыхъ, повидимому, невозможно освободиться. Но склонности генія не удержишь ничѣмъ; онъ прорывается наружу, несмотря ни на какія обстоятельства, пробиваясь чрезъ всевозможныя затрудненія, создаваемыя бѣдностью и другими невзгодами. Такимъ образомъ Гансъ Саксъ поднялся выше своего башмачнаго ремесла, Джонъ Стоу—портняжнаго, а Аркрайтъ—парикмахерскаго. Клодъ Лорренъ сталъ выше печенья пироговъ, Мольеръ—обивки мебели, а Китсъ—москательной торговли. И большинство великихъ людей преодолѣвало препятствія, которыя, казалось съ первого взгляда, не дадутъ имъ отличиться.

Раблѣ былъ врачомъ, Локкъ—хирургомъ; однако, первый сдѣлался великимъ сатирикомъ, а второй—знаменитымъ философомъ. Гальвані былъ докторомъ съ обширной практикой, когда совершилъ открытие, которое связано съ его именемъ и изслѣдованію котораго онъ впослѣдствіи посвятилъ свою жизнь. Шиллеръ и Смоллетъ были хирургами, одинъ служилъ въ grenадерскомъ батальонѣ герцога Бюртембергскаго, другой занималъ должность помощника врача на линейномъ корабль, жизнь на которомъ описана имъ въ «Родерикѣ Рендумѣ». Мунго-Паркъ—путешественникъ, Краббъ—поэтъ, Гольдсмітъ—авторъ «Векфильдскаго священника», Фарини—государственный человѣкъ Италии, Рикманъ—англійскій архитекторъ, сэръ Томасъ Броунъ, сэръ Ричардъ Блэкморъ, Уольскотъ, Экенсайдъ и Китсъ,—всѣ принадлежали къ той же профессіи. Геденъ, выполнивъ свои лучшія гравюры, съ успѣхомъ вѣль обширную медицинскую практику въ Лондонѣ, а Сентъ-Бёвъ былъ настолько же искусенъ въ анатоміи, какъ потомъ въ критическомъ анализѣ.

Велѣтнайший англійскій физіологъ сказалъ: «Ни одинъ

великий человѣкъ не стремился сдѣлаться великимъ». Дѣйствительно, геніальные люди часто не сознавали своей геніальности. Таковъ, повидимому, былъ Шекспиръ, который довольствовался возможностью выступить въ второстепенной роли на сценѣ Глобусъ-театра въ трагедіи Бенъ-Джонсона «Сеянъ» и затверживать наизусть неуклюжіе бѣлые стихи своего друга. Поппъ выражается о Шекспирѣ, что онъ «сдѣлялся безсмертнымъ наперекоръ себѣ». Въ особенности въ началѣ жизни обладатель генія такъ-же мало сознаетъ его, какъ и другіе. Геній обнаруживается случайно послѣдовательными попытками, а иногда и послѣдовательными неудачами. Такъ, неудачи Ньютона въ офиціальной астрології привели его къ изученію физики и астрономіи, въ которой онъ создалъ себѣ такую громкую славу. Впрочемъ Ньютонъ былъ такъ же равнодушенъ къ ней, какъ и Шекспиръ. Между тѣмъ даже такой отъявленный скептикъ, какъ Вольтеръ, говорить о Ньютонѣ, что если-бъ можно было собрать все человѣчество отъ сотворенія міра до его времени и распределить по степени геніальности,—Исаакъ Ньютонъ всталъ бы во главѣ его.

Но хотя геній иногда самъ служитъ для себя закономъ, гораздо чаще онъ достигаетъ своей цѣли посредствомъ все-побѣждающаго труда. Да и самая способность къ пристальнѣй и напряженной работѣ есть одно изъ свойствъ генія. Нерѣдко говорили, что громадное различіе между людьми состоить не столько въ ихъ природныхъ дарованіяхъ, сколько въ ихъ способности къ постоянному и упорному труду. Тѣмъ не менѣе здѣсь необходима искра творческаго дара, потому что безъ нея трудъ не можетъ создать великаго. Геніальные люди не только трудолюбивы и настойчивы, они кромѣ того способны въ большинствѣ къ энтузіазму. Въ дѣлѣ открытій и изобрѣтеній ничего нельзѧ достичь безъ энтузіазма. Геніальный человѣкъ обыкновенно опережаетъ свой вѣкъ. Современники не только не признаютъ его, но сплошь и рядомъ притѣсняютъ и осмѣиваютъ. Такъ случи-

лось при открытии закона всемирного тяготения, венообразной теории света, применения пара к механической деятельности и передвижению и принципа эволюции и новыхъ законовъ роста и развитія въ окружающемъ мірѣ.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобы гений всегда такъ мало сознавалъ себя, какъ это видно изъ примѣра Шекспира и Ньютона. Нѣкоторые геніальные люди не только признавали свой гений, но даже указывали на него раньше, чѣмъ онъ былъ призванъ міромъ. «Когда я умру,—говорилъ великий физіологъ,—не скоро найдется другой Джонъ Гентеръ». Данте заявлялъ притязаніе на первенствующее мѣсто между поэтами и, бесѣдуя съ близкими людьми, предсказывалъ свою славу. Кеплеръ былъ увѣренъ, что прославить свое отечество и что его открытия будутъ подтверждены послѣдующими вѣками. Объ одной изъ своихъ книгъ онъ сказалъ: «Будетъ ли ее читать потомство, или мои современники, это не важно; она можетъ подождать читателя въ нашемъ столѣтіи, если Самъ Господь Богъ въ течение шести тысячъ лѣтъ не посыпалъ на землю наблюдателя, подобнаго мнѣ». Однажды въ обществѣ Конти и Вандома Вольтеръ воскликнулъ: «Вѣ мы короли, принцы или поэты». Мирабо признавалъ свое родство со всѣми геніями. Упоминая объ адмиралѣ Колини, онъ непремѣнно прибавлялъ: «и который, говоря между прочимъ, былъ моимъ кузеномъ».

Гете откровенно сознавался, что никогда не слыхалъ похвалы, которой онъ самъ не удостоивалъ бы себя раньше. Уордсвортъ съ увѣренностью исдалъ, что потомство оцѣнитъ его поэмы и что за нимъ признаютъ заслугу выбора самыхъ достойныхъ предметовъ для его поэтическихъ произведений. Не имѣя надежды на справедливую оцѣнку со стороны потомства, если не со стороны современниковъ, люди съ пылкимъ воображеніемъ, пожалуй, не нашли бы въ себѣ необходимаго импульса для облечения своихъ мыслей въ поэтическую форму.

При всемъ томъ великие люди до известной степени пред-

ставляютъ собою лишь продуктъ и отпрыскъ своеї эпохи. Они создаются и образуются ею. Оказывая вліяніе, они сами подвергаются вліянію своихъ современниковъ. Семейная обстановка, образованіе, воспитаніе, политическая и религіозныя мнѣнія даннаго времени оказываютъ дѣйствіе на ихъ природу, даютъ направленіе ихъ характеру и вызываютъ къ жизни ихъ лучшія способности. По этой причинѣ великие люди подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій такъ часто появляются многими группами или плеядами. Подобное явленіе мы можемъ наблюдать въ Греціи въ вѣкъ Перикла; въ Римѣ—при Августѣ; въ Испаніи—въ царствованіе Филиппа II; во Франціи—въ началѣ царствованія Людовика XIV. Царствованіе Елизаветы было по преимуществу вѣкомъ знаменитостей для Англіи, вѣкомъ Шекспира, Спенсера, Бэкона, Джонсона, Гукера, Сиднея, Ралея, Гаукинса, Дрэка и Сэсиля. Въ царствованіе короля Карла I появляется новая группа великихъ имёнъ: Джереми Тэйлора, Кларендана, Фальклэнда, Гарвея, Мильтона, Гемпдена, Пима, Вэна, Кромвеля, Блэка и другихъ.

Въ Италии цѣлая плеяда великихъ художниковъ засіяла почти вдругъ: Леонардо да-Винчи, Микель Анджело, Перуджино, Рафаэль, Себастіанъ-дель-Піомбо, Тиціанъ, Корреджіо, Луини и другіе. Позднѣе въ Германіи взошло блестящее созвѣздіе великихъ поэтовъ и критиковъ: Клопштокъ, Гете, Лессингъ, Віландъ, Шиллеръ, Шлегель, Фихте, Шеллингъ, Рихтеръ, Гердеръ и братья Гумбольдты. Замѣтимъ, что Александръ Гумбольдтъ увидѣлъ свѣтъ въ 1769 году. Тотъ-же годъ былъ свидѣтелемъ рожденія Наполеона I, Веллингтона, Мегемета-Али, Кювье, Кестельрига и Брюнеля-старшаго. Въ тотъ-же годъ первый паровой вагонъ былъ изготовленъ француузомъ Кюніо и получены привилегіи на прядильную машину англичаниномъ Аркрайтомъ, и на паровую машину—шотландцемъ Джемсомъ Уаттомъ.

Въ Шотландіи также составилась видная группа даровитыхъ людей, къ которой, кромѣ Джемса Уатта, примк-

нули: Адамъ Смитъ, Джозефъ Блэкъ, Робинсонъ, Фрэзеръ Тайтлеръ и Дьюгаль Стюартъ. Уаттъ былъ только однимъ изъ группы великихъ современныхъ изобрѣтателей, вызванныхъ къ дѣятельности въ значительной степени потребностями своего времени. Однако они не были профессиональными изобрѣтателями, даже не были механиками. Уаттъ былъ мастеромъ математическихъ инструментовъ, Аркрайтъ—цирюльникомъ, Картрайтъ, изобрѣтатель парового ткацкаго станка, былъ духовнымъ лицомъ. Бэлль, изобрѣвшій впослѣдствіи жатвенную машину, былъ шотландскимъ священникомъ. Армстронгъ, изобрѣтатель гидравлической машины, былъ адвокатомъ, а Уатсонъ, изобрѣтатель электрическаго телеграфа, былъ мастеромъ музикальныхъ инструментовъ. Эти великие люди случайно напали на свое истинное призваніе и мужественно преодолѣли всѣ испытанія и трудности.

Терпѣніе и настойчивость такъ же необходимы въ общественной дѣятельности и въ дѣлахъ благотворительности, какъ и въ сочиненіи книгъ, и въ изобрѣтеніи машинъ. Терпѣніе не пассивно, напротивъ, оно активно и представляетъ иногда сосредоточенную силу. Большинство государственныхъ людей были терпѣливы и настойчивы. Вашингтонъ, Адамъ, Джофферсонъ, Уэбстеръ, Линкольнъ и другие государственные люди Америки отличались своимъ трудолюбиемъ. Уэбстеръ говорилъ, что не знаетъ вкуса дарового хлѣба. «Я работалъ,—объяснялъ онъ одному изъ своихъ друзей,—среднимъ числомъ болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки въ продолженіе пятидесяти лѣтъ».

То же самое можно засвидѣтельствовать о государственныхъ людяхъ временъ Елизаветы, Георга III и Викторіи, какъ и о знаменитыхъ государственныхъ людяхъ другихъ странъ, въ особенности Германіи и Италии. Однако недостатокъ мѣста мѣшаетъ намъ остановиться на ихъ замѣчательномъ трудолюбії.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКИЕ ЮНОШИ.

Не превозноситесь титулами вашихъ предковъ,
Храбрые юноши! Это ихъ собственность, а не
ваша;
Когда ваши доблести сравняются съ ихъ именами,
Тогда вашъ будеть прилично опираться на ихъ
славу,
Потому что она крѣпка онора; но до тѣхъ порь
Беднейшіе изъ васъ только будущіе джентль-
мены.
Бенъ-Джонсонъ.

Юношество нації есть залогъ потомства...
Исторія героевъ есть исторія юности.

Лордъ Виконсфильдъ.

Человѣкъ, молодой годами, можетъ быть старъ
часами, если онъ не терялъ времени даромъ; но это
бываетъ рѣдко. Обыкновенно юность подобна первымъ
мысламъ; она уступаетъ въ мудрости вторымъ,
потому что существуетъ юность мысли, какъ юность
лѣтъ. Тѣмъ не менѣе пади молодого ума живѣе
умовъ старого. Потому воображенія изъ молодомъ
умѣ сильнѣе и какъ-бы божественнѣе.

Беконъ.

Въ человѣчествѣ преобладаетъ молодежь. Дѣти: мальчики
и дѣвочки, юноши, молодые мужчины, молодыя дѣвушки
и молодыя женщины составляютъ болѣе значительную часть
общества. Вотъ почему придаемъ мы такую важность вос-
питанію. Юность есть время роста и развитія, дѣятельно-
сти и живости, воображенія и ініціативы. Сѣмена добро-
дѣтели, посыянныя въ юности, вырастаютъ въ добрыя слова
и добрыя дѣла, а, созрѣвая, превращаются въ добрые нравы.
Тамъ, где умъ и сердце не получили должной обработки
въ юности, естественно смотрѣть впередъ на приближеніе
возмужалости съ тревогой, если не съ отчаяніемъ. Соути

говорить: «Сколько-бы мы ни жили, первая двадцать лѣтъ будуть самой длинной частью нашей жизни; такими они представляются намъ, пока идутъ, и такими-же кажутся, когда мы оглядываемся на нихъ назадъ; поэтому они занимаютъ въ нашей памяти больше мѣста, чѣмъ всѣ послѣдующіе годы».

Каждое человѣческое существо заключаетъ въ себѣ идеалъ совершенного человѣка, соответственный первообразу, по которому создалъ его Творецъ, подобно тому, какъ глыба мрамора заключаетъ въ себѣ обликъ Аполлона, который можетъ превратиться въ рукахъ ваятеля въ статую образцового совершенства. Цѣль образования—развить задатки лучшей натуры человѣка, какъ цѣль скульптора извлечь статую изъ глыбы мрамора.

Воспитаніе начинается и оканчивается вмѣстѣ съ жизнью. Въ этомъ отношеніи оно разнится отъ работы скульптора. Въ человѣческомъ развитіи не бываетъ застоя. Тѣло въ своихъ очертаніяхъ и формахъ можетъ оставаться безъ перемѣны, но умъ менѣяется постоянно. Мысли, желанія и вкусы менѣяются съ незамѣтной постепенностью изъ года въ годъ, и цѣль жизни и воспитанія состоитъ или по крайней мѣрѣ должна состоять въ развитіи лучшихъ сторонъ человѣческаго существа. Мы знаемъ очень мало объ обстоятельствахъ, опредѣляющихъ ростъ ума, не говоря уже о тѣхъ, которые влияютъ на сердце. Между тѣмъ основные черты характера обыкновенно обнаруживаются рано. Проявленіе воли, проявленіе личнаго вкуса, даже испытывающій взглядъ приподнимаются иногда уголь завѣсы, скрывающей юную душу, и даютъ возможность на одну минуту взглянуть на будущаго человѣка. Въ то же время знаніе и любознательность не всегда соединены съ чистотою наклонностей, похвальными привычками или общественными добродѣтелями, существенно необходимыми для образования возвышенного характера.

Впрочемъ въ этомъ дѣлѣ не существуетъ какого-нибудь

точного и определенного закона. Одинъ известный епископъ выразился такъ: «Мелкія сердца и обширные мозги бываютъ плодомъ различныхъ системъ воспитанія». Въ то же время сознательное воспитаніе нашего ума есть долгъ по отношенію къ намъ самимъ и къ обществу. Долгъ выжиданіемъ, приложеннымъ трудомъ, терпѣливымъ упражненіемъ въ добродѣти можемъ мы надѣяться достичь прочныхъ результатовъ въ дѣлѣ нравственнаго совершенства. Голова должна быть всегда вблизи сердца, чтобы важнейшая умственная способности получили возможность работать съ пользою. «Дѣйствительно,—говорить Эмерсонъ,—жизнь человѣка есть настоящій романъ, который при доблестномъ содержаніи доставитъ воображенію больше удовольствія, чѣмъ любой вымыселъ».

Весьма замѣчательно различие возраста, въ которомъ люди обнаруживаютъ способность мышленія и достигаютъ зрѣлости ума и даже воображенія. «У некоторыхъ,—говорить Бэконъ,—ранняя умственная зрѣлость приводить къ безвременному увяданію». Это согласуется съ словами Квинтиліана: *«In annis artis ante messem flavescent»*. Приведенные мысли подтверждаются на скороспѣльыхъ дѣтяхъ, которые иногда поражаютъ своимъ умственныхъ развитіемъ въ юномъ и незрѣломъ возрастѣ, но, достигнувъ зрѣлости, не заявляютъ о себѣ ничѣмъ. Раннее развитіе часто бываетъ болѣзненнымъ, какъ основанное на раздражительности тонкой нервной организаціи или на чрезмѣрной дѣятельности слишкомъ впечатлительного мозга. Маленький Гейнекенъ въ Любекѣ зналъ большую часть Нового и Ветхаго Завѣта на второмъ году жизни. На третьемъ году онъ говорилъ на французскомъ и латинскомъ языкахъ, на четвертомъ обучался Закону Божію и церковной исторіи, но, будучи болѣзненнымъ и раздражительнымъ, захворалъ и умеръ на пятомъ году. Объ этомъ бѣдномъ ребенку можно сказать словами Бэкона, что «колесница Фаэтона катилась только одинъ день».

Родители и учителя часто забывают, что первое дѣло для ребенка—это расти; что дѣтскій мозгъ не можетъ въ ранніе годы переутомляться безъ серьезнаго вреда для тѣлеснаго здоровья; что тѣло: мышцы, легкія, желудокъ, должно сначала окрѣпнуть въ здоровомъ состояніи, и что мозгъ достигаетъ зрѣлости однимъ изъ послѣднихъ между нашими органами. Дѣйствительно, въ дѣтскіе годы пищевареніе важнѣе мышленія; мочонъ необходимъ и для умственнаго развитія, а дисциплина дороже знанія. Можно указать много примѣровъ скороспѣлыхъ дѣтей, которыхъ расцвѣтаютъ для того, чтобы преждевременно отдвѣсти, и проходятъ свое краткое житейское поприще въ немного лѣтъ. Напряженіе ихъ нервной системы оказывается венозильнымъ для ихъ физической организаціи, и они погибаютъ почти такъ-же быстро, какъ быстро начали жить. Мальчики и дѣвочки въ наше время слишкомъ завалены школьнай работой: чтеніемъ, письмомъ, заучиваніемъ, за которыми приходится сидѣть цѣлые часы. Ихъ мозгъ переутомленъ, а тѣло остается въ бездѣйствіи. Отсюда головные боли, беспокойство, раздражительность, а въ результатѣ—хилость и болѣзнь.

Молодежь лишена не только настоящаго пользованія руками и пальцами, но и настоящаго пользованія глазами; поэтому подрастающее поколѣніе не умѣетъ взяться ни за какую механическую работу и страдаетъ близорукостью. Воспитаніе не состоитъ изъ набиванія головы различными предметами, но заключается въ разумномъ развитіи ума и характера. Умъ лучше обогатится познаніями, если мальчиковъ и дѣвочекъ будутъ учить, какъ нужно пользоваться своими способностями, при чемъ нельзя обойтись безъ тѣлесныхъ упражненій. Если-бъ на послѣднія обращали большее вниманія, было бы меньше жалобъ на переутомленіе дѣтскаго мозга.

При всемъ томъ встрѣчаются дѣти, преимущественно мужскаго пола, которые выдерживаютъ вредное вліяніе чрезмѣрнаго возбужденія и, оставаясь въ живыхъ, оправды-

ваютъ надежды, подаваемыя ими въ дѣтскомъ возрастѣ. Примѣры тому особенно часты въ жизни великихъ музыкантовъ. Но тутъ не бываетъ опаснаго насиливанія природы, такъ какъ искусство приходитъ естественнымъ путемъ, вызывая одно пріятное возбужденіе. Это съ большою яркостью подтверждается біографіей великаго маэстро Генделя, сочинившаго рядъ сонатъ въ десятилѣтнемъ возрастѣ. Отецъ его, врачъ, предназначалъ сына къ юридической профессіи и запретилъ ему прикасаться къ какому бы то ни было музыкальному инструменту. Онъ даже не хотѣлъ отдавать мальчика въ школу, чтобы тамъ его не научили гаммамъ. Однако страсть маленькаго Генделя къ музыкѣ ничѣмъ нельзя было сдержать. Онъ ухитрился добыть себѣ нѣмой спинетъ, спряталъ его на чердакѣ и ходилъ упражняться на этомъ беззвучномъ инструментѣ по ночамъ, когда все въ домѣ спали. Наконецъ герцогъ Саксенъ-Вейсенфельскій узналъ о страсти мальчика и заступился за него передъ отцомъ. Только тогда маленькому артисту позволили следовать своей склонности. На четырнадцатомъ году Гендель выступилъ передъ публикой, на шестнадцатомъ положилъ на музыку драму «Альмерія», а годъ спустя сочинилъ «Флоринду» и «Нерона». На двадцать первомъ году, живя во Флоренції, онъ написалъ свою первую оперу «Родриго», а въ Лондонѣ на двадцать шестомъ году имъ была создана знаменитая опера «Ринальдо». За ней послѣдовалъ рядъ оперъ и ораторій; въ 1741 году, пятидесяти шести лѣтъ отъ роду, Гендель создалъ свое великое произведеніе «Мессія» въ двадцатидневный срокъ. Примѣръ этой музыкальной знаменитости показываетъ, что ранее развитіе таланта въ мальчикѣ не отразилось вредно въ послѣдующіе годы на творчествѣ зрѣлаго мужчины, такъ какъ величайшія произведенія Генделя были созданы имъ подъ старость и въ старости, между пятьдесятъ четвертымъ и шестьдесятъ седьмымъ годами жизни.

Гайднъ былъ почти такимъ же скороспѣлымъ музыкан-

томъ, какъ Гендель, потому что еще въ тринадцать лѣтъ сочинилъ мессу; однако утонченѣйшими плодами его геніальности являются позднѣйшія сочиненія, написанныя послѣ шестидесяти лѣтъ. «Сотвореніе міра», пожалуй, величайшее свое произведеніе, онъ написалъ шестидесяти пяти лѣтъ. Іоганнъ Себастіанъ Бахъ былъ принужденъ преодолѣвать почти такія же трудности, какъ Гендель, когда принялъся за изученіе музыки. Старшій братъ его Іоганнъ Христофоръ, органистъ, завидовалъ ему и спряталъ отъ него нотную тетрадь, заключавшую въ себѣ собраніе музыкальныхъ пьесъ лучшихъ композиторовъ на клавикордахъ. Но Себастіанъ разыскалъ эти ноты въ буфетѣ, гдѣ они были заперты на ключъ, унесъ ихъ къ себѣ въ комнату и сидѣлъ по ночамъ за ихъ перепискою безъ огня, только при свѣтѣ лѣтней ночи, а иногда луны. Между тѣмъ братъ провѣдалъ обѣ этой потайной работѣ и безжалостно отнялъ у мальчика какъ оригиналъ, такъ и копію. Однако никакія затрудненія, никакія помѣхи не могли одолѣть силу генія. Въ восемнадцать лѣтъ мы видимъ Баха уже придворнымъ музыкантомъ въ Веймарѣ, и съ того времени его успѣхъ росъ очень быстро. Среди органистовъ онъ имѣлъ единственнаго соперника—геніального Генделя.

Но изъ всѣхъ чудесъ музыкального міра величайшимъ былъ Моцартъ. Онъ игралъ словно по наитію. Четырехъ лѣтъ, еще не умѣя писать, геніальный ребенокъ уже сочинялъ мотивы, шести—онъ сочинилъ концертъ для фортепіано. Двѣнадцати лѣтъ маленький композиторъ написалъ свою первую оперу *«La Finta Semplice»*. Даже въ этомъ юномъ возрастѣ онъ не имѣлъ себѣ равнаго въ игрѣ на клавикордахъ. Профессора Европы поражались при видѣ мальчика, умѣвшаго импровизировать фуги на заданную тему и тутъ-же хватавшаго отцовскую палку, чтобы скакать верхомъ на ней по комнатѣ. Моцартъ былъ показанъ ребёнкомъ. Его возили на показъ по всѣмъ главнымъ городамъ Европы, гдѣ маленький Вольфгангъ появлялся пе-

редь публикой въ свѣтлоказнѣвомъ кафтанчикѣ, въ короткихъ бархатныхъ панталонахъ до колѣнъ, въ башмакахъ съ пряжками и съ длинными выющимися волосами, перевязанными сзади лентой. Отецъ извлекъ немалую денежную выгоду изъ музыкального генія сына. Пренебрежая здоровьемъ ребенка съ чрезвычайно нѣжной организацией, онъ держалъ его въ постоянномъ возбужденіи. Однако мальчикъ отличался шумной веселостью, когда былъ здоровъ, — будучи законченнымъ музыкальнымъ артистомъ, онъ оставался ребенкомъ во всемъ остальномъ. Его опера «Митридатъ», сочиненная въ четырнадцать лѣтъ, выдержала двадцать представлений подрядъ, а три года спустя его другая опера «Лючіа Силла» выдержала двадцать шесть послѣдовательныхъ представлений. За ними послѣдовали другія великия произведенія: «Идоменей», написанный въ двадцать пять лѣтъ, «Фигаро» въ тридцать, «Донъ-Жуанъ» въ тридцать одинъ годъ, «Милосердіе Тита» и «Волшебная флейта» въ тридцать пять, а «Реквиемъ» въ тридцать шесть лѣтъ. Послѣднее произведеніе было написано композиторомъ на смертномъ одрѣ. Онъ умеръ въ 1792 году, изнуренный тяжелою или скорѣй неправильною работою, соединенною съ крайнимъ возбужденіемъ. Денегъ, оставшихся послѣ творца «Реквиема», едва хватило на его похороны.

Бетховенъ не обнаруживалъ такого скороспѣлаго развитія, какъ Гендель и Моцартъ. Музыкальность была отчасти привита ему отцомъ, мечтавшимъ сдѣлать изъ него чудо. Молодой Бетховенъ игралъ передъ публикой и сочинилъ три сонаты, будучи тринадцати лѣтъ; но только на двадцать первомъ году началъ онъ писать великия произведенія, на которыхъ держится его слава.

Большинство прочихъ великихъ композиторовъ Германіи рано обнаруживали признаки музыкального генія. Винтеръ игралъ въ оркестрѣ у баварскаго короля десяти лѣтъ отъ роду, а свою первую оперу «Беллерофонъ» написалъ двадцати пяти лѣтъ. Веберь, считавшійся неспособнымъ ребен-

комъ, обладалъ удивительнымъ музикальнымъ талантомъ. Его первыя шесть фугъ были напечатаны въ Зальцбургѣ, когда композитору минуло только двѣнадцать лѣтъ. Его первая опера «Waldmädchen» исполнялась въ Вѣнѣ, Прагѣ и Петербургѣ, когда ему было четырнадцать лѣтъ. И онъ сочинилъ мессы, сонаты, скрипичныя тріо, пѣсни и другія произведенія до тѣхъ поръ, пока на тридцать шестомъ году создалъ свою оперу «Волшебный стрѣлочъ», которая вознесла его на верхъ славы. Мендельсонъ пытался играть даже прежде, чѣмъ научился говорить. Онъ написалъ три квартета для фортепіано, скрипки, віолончелій, когда ему не было еще двѣнадцати лѣтъ. Его первая опера «Свадьба Комахо» была написана имъ на шестнадцатомъ году, а соната B-dur на восемнадцатомъ, «Сонъ въ лѣтнюю ночь», когда ему не было еще двадцати лѣтъ, «Реформаціонная симфонія», когда ему было двадцать два года, а всѣ проchlѣ великія произведенія до тридцати семи лѣтъ, такъ какъ онъ скончался на тридцать восьмомъ году жизни. Мейерберъ былъ другимъ музикальнымъ чудомъ. Девяти лѣть онъ былъ уже превосходнымъ піанистомъ. Сочинять онъ началъ въ десять лѣтъ, а когда ему минуло восемнадцать, его первая драматическая пьеса «Дочь Іеффая» исполнялась публично въ Мюнхенѣ; но только достигнувъ тридцати шести лѣтъ, Мейерберъ написалъ свое великое произведеніе—оперу «Робертъ Діаволь», завоевавшую ему всемирную известность.

Въ «Жизни Шиллера», написанной Карлейлемъ, мы находимъ любопытныя подробности о Даніэлѣ Шубартѣ, музыканте, поэтѣ и проповѣднике. Онъ бывалъ «всѣмъ поочереди и ничѣмъ подолгу». Его жизнь представляеть рядъ бурныхъ припадковъ трудолюбія, праздности или кутежа. Однако, онъ былъ человѣкъ необычайныхъ способностей, превосходный музыкантъ, великий проповѣдникъ и способный журналистъ. Его попремѣни то превозносили, то упрятывали въ тюрьму и изгоняли. Проскитавшись всю жизнь подобно блуждающему огоньку, онъ скончался на

пятьдесятъ второмъ году, оставивъ жену и дѣтей въ нищетѣ. Совсѣмъ не походаи на него Францъ Шубертъ, вѣнскій чудо-музыкантъ, хотя его жребій не былъ счастливѣе жреца Шубарта. Еще ребенкомъ онъ игралъ на скрипкѣ, органѣ и фортепіано. Въ восемнадцать лѣтъ онъ сочинилъ своего популярнаго «Лѣсного царя», быстро написавъ ноты послѣ того, какъ знаменитое стихотвореніе было прочтено имъ дважды. Его геній изобиловалъ граціозными музикальными фантазіями, блестательнымъ подтвержденіемъ чему служатъ напечатанныя произведенія этого композитора. Говорятъ, что Францъ Шубертъ написалъ свыше пятисотъ романсовъ и пѣсень, кроме оперъ, мессъ, сонатъ, симфоній и квартетовъ. Онъ скончался тридцати одного года отъ рода почти въ нищетѣ.

Итальянскіе композиторы также проявляли раннюю гениальность. Спонтини семнадцати лѣтъ сочинилъ свою первую оперу «I Puntigli delle Donne», и это произведеніе прославило его имя по всей Италіи. Керубини написалъ мессу и мотетъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, произведя ими большой эффектъ во Флоренціи, своею родною городѣ. Паузіелло сочинилъ комическую интерлюдію въ четырнадцать лѣтъ, а въ двадцать два года ему заказали оперу для главнаго театра въ Болоньї. Чимароза, сынъ чеботаря, написалъ «Баронессу Страмба», свое первое музыкальное произведеніе, въ девятнадцать лѣтъ. Чаганини игралъ на скрипкѣ въ восемь лѣтъ и въ томъ-же возрастѣ сочинилъ сонату. Отецъ Россини былъ горнистомъ въ оркестрѣ странствующихъ актеровъ, въ трупѣ которыхъ его мать была второстепенной актрисой и пѣвицей. Десятилѣтнимъ мальчикомъ Россини игралъ второй горнъ со своимъ отцомъ, потомъ цѣль въ хорахъ до тѣхъ поръ, пока не потерялъ голоса. Въ восемнадцать лѣтъ онъ сочинилъ «Cambio di Matrimonio», свою первую оперу, а три года спустя—своего «Танкреда», благодаря которому имя композитора прогремѣло по всей Европѣ.

Французские композиторы: Буальдё, Гретри и Галеви проявили свою гениальность въ раннемъ возрастѣ. Свою первую одноактную оперу Буальдё написалъ восемнадцати лѣтъ. Пѣсни Гретри распѣвались повсюду, когда ему было двадцать лѣтъ. Въ тѣ же года Галеви получилъ первую премію за свою кантату «Герміона». Хотя среди англичанъ не было до сихъ порь великихъ музыкальныхъ композиторовъ, однако Персель написалъ нѣкоторые изъ своихъ лучшихъ антифоновъ, состоя мальчикомъ-хористомъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Рано развившійся Крочъ не оправдалъ, однако, возлагавшихся на него надеждъ. Онъ игралъ на органѣ четырехлѣтнимъ ребенкомъ, между тѣмъ во всѣхъ его музыкальныхъ сочиненіяхъ едва ли можно найти что-нибудь оригинальное, не заимствованное отъ предшественниковъ или современниковъ. Оба Уэслея развились очень рано. Чарльзъ игралъ на клавикордахъ трехлѣтнимъ малюткой, такъ что матери приходилось привязывать его къ стулу, чтобы онъ не свалился. Бальфъ сочинилъ свою пѣсню «Ошибка влюбленнаго», когда ему было девять лѣтъ, и г-жа Вестри вызвала бурю аплодисментовъ, исполнивъ эту вещь на публичномъ концертѣ.

Достойно замѣчанія, что не было примѣровъ ранняго музыкального развитія, а тѣмъ болѣе музыкального гenia между дѣвушками. Среди нихъ попадались музыкальные феномены, однако они не пришли ни къ чему. Женщины не дали ни одного Баха, Генделя или Моцарта. Между тѣмъ сотни дѣвочекъ обучаются музыкѣ на одного мальчика и вдобавокъ женщина встрѣчаетъ меныше противодѣйствія со стороны семьи при выборѣ музыкального поприща. Надо замѣтить еще, что музыкальный геній какъ-будто произвѣсть разрушительное дѣйствіе на человѣческий организмъ. Голожимъ, Гендель и Россини дожили до преклонныхъ лѣтъ, однако Шубертъ умеръ тридцати одного года, Моцартъ—тридцати шести, Персель—тридцати семи, Мендельсонъ—тридцати восьми, а Веберь—сорока,—точно этихъ великихъ

музыкантовъ испепелилъ ихъ внутренній огонь. Россини написалъ своего «Вильгельма Телля» тридцати семи лѣтъ, послѣ чего сочинялъ уже очень немного. Его «Stabat Mater» была написана въ пятьдесятъ лѣтъ. Онъ дѣйствовалъ, какъ благоразумный человѣкъ, и зналъ, когда слѣдуетъ остановиться.

Жизнеописанія живописцевъ и скульпторовъ содержатъ много примѣровъ ранняго развитія таланта. Замѣчательнѣе всего развивался геній Микель-Анджело. Новорожденнымъ младенцемъ онъ былъ отправленъ въ деревню, где его выкормила жена каменотеса, и великій скульпторъ говорилъ потомъ, что любовь къ молоту и рѣзцу онъ всосаль съ молокомъ кормилицы. Съ младенческихъ лѣтъ обнаруживалась въ немъ страсть къ рисованію. Едва только мальчикъ научился владѣть своими руками и пальцами, какъ сталъ покрывать стѣны жилища каменщика своими дѣтскими рисунками, а вернувшись къ родителямъ во Флоренцію, продолжалъ тѣ же упражненія въ нижнемъ этажѣ отцовскаго дома. Поступивъ въ школу, будущій знаменитый художникъ дѣлалъ мало успѣховъ въ учениіи, но не переставалъ работать карандашомъ, употребляя много времени на посвѣщенія художественныхъ мастерскихъ. Его отецъ, принадлежавшій къ старинному и знатному роду, не хотѣлъ и слышать о художественныхъ наклонностяхъ сына. Сначала онъ пытался отговаривать мальчика отъ занятій искусствомъ, дѣйствуя на него нравственнымъ убѣжденіемъ, но, видя, что это не помогаетъ, перешелъ къ наказаніямъ. Онъ съ азартомъ объявилъ, что ни одинъ изъ его сыновей не будетъ жалкимъ каменотесомъ. Но все было напрасно: Микель хотѣлъ сдѣлаться художникомъ и ничѣмъ другимъ.

Послѣ упорной борьбы отцу пришлось уступить и онъ нехотя согласился опредѣлить своего сына ученикомъ къ Гирландайо. Вѣроятно мальчикъ къ тому времени уже значительно подвинулся въ искусствѣ, потому что, по свидѣтельству Вазари, учитель обязался выплачивать отцу еже-

мѣсячное вознагражденіе за работу сына. Молодой Буонарротти совершенствовался такъ быстро, что не только перегналъ остальныхъ учениковъ своего учителя, но превзошелъ и его самого. Однако статуи въ садахъ Лоренцо Медичи до того восплеменили его воображеніе, что онъ рѣшился посвятить себя вмѣсто живописи ваянію. Его успѣхъ въ этой отрасли искусства былъ такъ великъ, что на восемнадцатомъ году Микель-Анджело исполнилъ свой барельефъ «Битва центавровъ», на двадцатомъ году—знаменитую статую «Спящій купидонъ», а вскорѣ послѣ того—свою гигантскую мраморную статую «Давида». Вернувшись къ живописи, онъ въ короткій срокъ создалъ нѣкоторыя изъ своихъ величайшихъ произведеній. Когда ему не было еще двадцати восьми лѣтъ, онъ написалъ свой картонъ, иллюстрировавшій случай изъ войны съ Пизою, когда отрядъ солдатъ, застигнутый непріятелемъ во время купанья, выскакиваетъ изъ воды, чтобъ отразить внезапное нападеніе. Бенвенуто Челлини отзывался объ этой работе съ восторженной похвалой, говоря, что ни одно изъ послѣдующихъ произведеній Микель-Анджело не могло съ ней сравниться по мастерству исполненія.

Рафаэль въ свою очередь поражалъ равнимъ развитіемъ своего гenія. Отецъ вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать ему, энергично поощрялъ геніального сына, который положилъ основу своей славы еще семнадцатилѣтнимъ юношей. Говорятъ, что его вдохновили великия произведенія Микель-Анджело, украшившія Сикстинскую капеллу въ Римѣ. Съ простосердечiemъ, свойственнымъ великимъ людямъ, онъ благодарила Бога, что родился въ одну эпоху съ такимъ гenіемъ. Рафаэль написалъ свою «Афинскую школу» на двадцать пятомъ году, а «Преображеніе» на тридцать седьмомъ, который былъ послѣднимъ годомъ его жизни. Эту картину несли въ погребальной процессіи къ его могилѣ въ Пантеонѣ; хотя и неоконченная, она считается величайшей картиной въ свѣтѣ.

Замечательный талант Леонардо да-Винчи проявился очень рано. Мальчикомъ онъ былъ искусенъ въ арифметикѣ, музыкѣ и рисованіи. Обучаясь живописи у Веррокіо, онъ написалъ однажды ангела на картинѣ своего учителя «Крещеніе Христа». Ангель былъ написанъ такъ превосходно, что Веррокіо почувствовалъ, насколько онъ ниже своего ученика, и съ отчаянія бросилъ живопись. Когда Леонардо достигъ зреаго возраста, его гений сдѣлался почти универсальнымъ. Этотъ художникъ былъ одинаково великъ, какъ математикъ, какъ архитекторъ, какъ инженеръ, какъ музыкантъ и какъ живописецъ.

Гверчино всего десяти лѣтъ отъ роду написалъ на лицевомъ фасадѣ отцовскаго дома образъ Мадонны, приводившій всѣхъ въ восхищеніе; эта работа обличала талантъ, проявившійся впослѣдствіи во многихъ произведеніяхъ. Тинторетто такъ искусно владѣлъ карандашомъ и кистью, что учитель его Тиціанъ изъ зависти отказался отъ услугъ юноши. Но эта неудача только воспламенила его энергию. Онъ работалъ съ такой быстротой, что получилъ название *il furioso*—неистового, и до тѣхъ поръ стремился къ совершенству, пока не былъ признанъ однимъ изъ величайшихъ и плодовитѣйшихъ живописцевъ Италии.

Канова, какъ разсказываютъ, обнаружилъ свое дарование четырехлѣтнимъ ребенкомъ, выпивъ фигуру льва изъ куска сливочного масла. Онъ началъ работать статую изъ мрамора въ четырнадцать лѣтъ и переходилъ отъ одного триумфа къ другому. Торвальдсенъ вырывалъ изъ дерева носовые фигуры для кораблей тринацатилѣтнимъ мальчикомъ, работая въ мастерской своего отца, рѣзчика по дереву. Пятнадцати лѣтъ онъ удостоился серебряной медали отъ копенгагенской академіи художествъ за свой барельефъ «Отдыхающій купидонъ», а въ двадцать лѣтъ получилъ золотую медаль за рисунокъ «Иліодоръ, изгоняемый изъ храма».

Клодъ-Жозефъ Верне искусно рисовалъ уже на пятомъ

году и не успѣль достичь двадцатилѣтняго возраста, какъ его картины сдѣлались знаменитыми. Поль Поттеръ написалъ свое величайшее произведеніе, знаменитаго «Быка», въ Гаагѣ на двадцать второмъ году и скончался на двадцать девятомъ. Уильки умѣль рисовать прежде, чѣмъ научился читать, и писалъ масляными красками раньше, чѣмъ научился письму. Свою картину «Ярмарка въ Шиллесѣ», заключающу въ себѣ около 140 фигуръ, онъ написалъ на девятнадцатомъ году. Сэръ Эдинъ Лэнсиръ написалъ свою «Собачью драку», будучи шестнадцати лѣтъ. Картина вызвала всеобщій восторгъ, была тотчасъ куплена и съ нея сдѣланы гравюры.

Поэты, подобно музыкантамъ и художникамъ, также во многихъ случаяхъ рано обнаруживали свой талантъ, въ особенности поэты чувствительнаго, пылкаго и страстнаго характера. Великіе поэты Италии Данте, Тассо и Альфieri развились особенно рано. Данте выказалъ свое развитіе, когда девятилѣтнимъ мальчикомъ страстно влюбился въ Беатриче, восьмилѣтнюю дѣвочку; и эта страсть сдѣлалась преобладающимъ элементомъ его жизни, источникомъ самыхъ возвышенныхъ созданій его музы. Тассо былъ на дѣленъ такимъ-же иѣжакомъ, порывистымъ темпераментомъ генія: онъ уже былъ поэтомъ еще въ дѣтскихъ лѣтахъ; десяти лѣть, отправляясь къ отцу въ Римъ, онъ сочинилъ канцону на разлуку съ матерью и сестрою, остававшимися въ Неаполѣ. Въ ней онъ сравнивалъ себя съ Асканиемъ, бѣгущимъ изъ Трои вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Энеемъ. Въ семнадцать лѣть онъ написалъ своего «Ринальдо» въ двѣнадцати пѣсняхъ, а на тридцать первомъ году окончилъ свою большую поэму «Освобожденій Йерусалимъ», начатую имъ двадцати одного года.

Метастазіо десятилѣтнимъ мальчикомъ импровизировалъ на улицахъ Рима, а Гольдони восьми лѣть сдѣлалъ набросокъ своей первой пьесы. Съ нимъ не было никакого сладу. Онъ постоянно убѣгалъ изъ школы и коллегіи,

чтобы послѣдовать за труппой бродячихъ актеровъ. Родные отъ времени до времени водворяли его домой, сознтуя ему изучать законы; и дѣйствительно бѣдный поэтъ очень успѣшно занимался впослѣдствіи адвокатурой въ Пизѣ; но любовь къ сценѣ была въ немъ слишкомъ сильна и онъ наконецъ посвятилъ себя дѣятельности драматурга, продолжая писать комедіи большую часть своей жизни. Однимъ изъ самыхъ необыкновенныхъ юношей своего времени былъ Альфieri, называемый нѣкоторыми «итальянскимъ Байрономъ». Подобно многимъ рано развившимся поэтамъ, въ дѣтствѣ онъ былъ очень слабаго здоровья и отличался преждевременной задумчивостью и чувствительностью. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ сдѣлалъ попытку отравиться въ припадкѣ меланхоліи и наѣлся травъ, которая считалъ ядовитыми. Однако мальчикъ только заболѣлъ. Въ наказаніе Альфieri заперли въ его комнатѣ, послѣ чего послали въ ночномъ колпакѣ въ соседнюю церковь. «Кто знаетъ,—говаривалъ онъ впослѣдствіи,—не обязанъ ли я этому благословенному ночному колпаку тѣмъ, что сдѣлался однимъ изъ правдивѣшихъ людей?». Океанъ, видѣній имъ первый разъ въ Генуѣ, когда поэту было шестнадцать лѣтъ, привель его въ невыразимый восторгъ. Любаясь красотою этого зрелища, онъ почувствовалъ какуюто безотчетную грусту и созналъ, что рожденъ постомъ.

Несмотря на богатство, ему недоставало образованія, и онъ не умѣлъ облекать въ слова своихъ кипучихъ мыслей. Альфieri вернулся сначала къ книгамъ, а потомъ снова поступилъ въ училище; по окончаніи курса онъ путешествовалъ за границей, послѣдно перебажая изъ города въ городъ, посѣтилъ Лондонъ, гдѣ старался утешить скуку и меланхолію въ общественныхъ удовольствіяхъ, и въ заключеніе влюбился безъ памяти на двадцатомъ году жизни. Огорченный тѣмъ, что ему не отвѣчали взаимностью, онъ почувствовалъ, что жизнь его разбита, и съ отчаянія покусился на самоубійство. Но вѣрный слуга спасъ ему

жизнь. Поэтъ поправился, влюбился вторично, опять былъ отвергнутъ и тутъ заперся въ своей комнатѣ, остригъ волосы и въ уединеніи, на которое себя обрекъ, привался писать стихи. Съ тѣхъ порь поэзія сдѣлалась главнымъ занятіемъ его жизни. Первая трагедія Альфіери «Клеопатра» была написана и дана на сценѣ въ Туринѣ, когда ему было двадцать шесть лѣтъ, а въ слѣдующія семь лѣтъ онъ сочинилъ четырнадцать изъ наиболѣе знаменитыхъ своихъ трагедій.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ развернулся впервые и гений Сервантеса. Прежде чѣмъ ему исполнилось двадцать лѣтъ, онъ написалъ нѣсколько романовъ, балладъ и кромѣ того пастораль «Фелена». Виландъ принадлежалъ къ числу тѣхъ нѣмецкихъ поэтовъ, которые поражали своимъ раннимъ развитіемъ. Трехъ лѣтъ онъ уже научился читать, семи лѣтъ читалъ Корнелія-Непота по-латыни, а въ тринацдцать обдумывалъ сочиненіе эпической поэмы. Съ нимъ повторилось то же, что и со многими другими поэтами; почерпнувъ вдохновеніе въ пылкой юношеской любви, онъ привался писать стихи. Первая дидактическая поэма «Совершеннѣйшій міръ» была написана Виландомъ на семнацдцатомъ году. Геній Клоштока проявился также очень рано. Сначала онъ былъ сорванцомъ-ребенкомъ, потомъ неугомоннымъ студентомъ, влюбленнымъ юношей и прославленнымъ поэтомъ. Онъ задумалъ и частью создалъ свою «Мессіаду» прежде, чѣмъ ему пошелъ двадцатый годъ, хотя три первыя пѣсни этой поэмы были напечатаны только четыре года спустя. «Мессіада» возбудила необычайный интересъ и дала громадный толчокъ нѣмецкой литературѣ.

Шиллеръ почувствовалъ страстное влеченіе къ поэзіи съ дѣтскихъ лѣтъ. О немъ рассказываютъ, будто бы его нашли во время сильной грозы сидящимъ на древесномъ сукѣ, на который онъ влѣзъ, «желая посмотреть, откуда берется молнія, потому что это такъ красиво!» Такой поступокъ ярко характеризуетъ пылкій и любознательный

темпераментъ мальчика. Охота писать стихи явилась у него послѣ чтенія поэмы Клопштока. Сначала воображеніе Шиллера прѣняли религіозные сюжеты, и къ четырнадцати годамъ онъ окончилъ свою первую эпическую поэму «Монсей». Гете развился настолько рано, что, какъ сообщаютъ его биографы, онъ умѣлъ писать по-немецки, по-французски, по-итальянски, по-латыни и по-гречески, когда ему не было еще и восьми лѣтъ. Въ такомъ нѣжномъ возрастѣ онъ уже серьезно задумывался о религіи. Мальчикъ придумалъ культь богу природы и даже совершалъ передъ нимъ всесожженія. Музыка, рисованіе, естественная исторія, изученіе языковъ,—все представляло особую прелесть для этого удивительного ребенка. Пылкій и храбрый Кѣрнеръ встрѣтилъ смерть, которой онъ завидовалъ, на полѣ битвы за свободу родины въ юномъ возрастѣ, двадцати двухъ лѣтъ. Въ дѣтствѣ онъ былъ болѣзнецъ и хиль, но въ немъ жилъ истинный поэтический даръ. Девятнадцати лѣтъ онъ напечаталъ первый томъ своихъ поэтическихъ произведеній, а свое послѣднее стихотвореніе «Пѣнь о мечѣ» написалъ всего за два часа до сраженія, въ которомъ былъ убитъ. Новалисъ былъ другимъ многообѣщающимъ поэтомъ Германіи, который закончилъ все, сдѣланное имъ, на двадцать девятомъ году жизни, когда его постигла ранняя смерть.

Можно привести еще много примѣровъ такого многообѣщающаго дѣтства и плодовитой юности у французскихъ и англійскихъ поэтовъ. Безспорно, что поэтический гений, зависящій отъ особой организаціи и темперамента, развертывается раньше всѣхъ другихъ; и если онъ не проявился до двадцати лѣтъ, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, не проявится въ все. По мнѣнію Монтеня, наша душа достигаетъ въ этомъ возрастѣ полной зрѣлости. «Душа,—говорить онъ,—не выказавшая серьезно къ тому времени своей силы и доблести, не выкажетъ ихъ больше совсѣмъ. Естественные дарованія и преимущества производятъ то, что въ нихъ есть сильнаго

и утонченного, именно въ этомъ возрастѣ или никогда». Это положеніе высказано, пожалуй, уже слишкомъ безусловно, но въ главномъ оно справедливо. Умъ и душа обѣщаютъ развитіе своихъ блестящихъ качествъ въ юности, и хотя некоторые растенія цвѣтутъ поздно, однако наиболѣшее число ихъ цвѣтетъ въ молодое, весеннее и лѣтающее время, но не въ осеннюю и зимнюю пору.

Ирландскій поэтъ Муръ замѣтилъ, что почти все первоклассныя комедіи и множество первоклассныхъ трагедій были написаны молодыми людьми. Лопе де-Вега и Кальдеронъ, двое плодовитѣйшихъ драматурговъ, начали писать очень рано, одинъ двѣнадцати, а другой тринадцати лѣтъ. Первый декламировалъ стихи своего сочиненія, которые записывалъ и вымѣнивалъ у товарищей, приходившихъ съ нимъ играть, на картинки и игрушки. Двѣнадцати лѣтъ, по его собственнымъ словамъ, онъ не только писалъ коротенькия пьесы, но сочинялъ драмы. Его героическая пастораль «Аркадія» была напечатана, когда ей автору было восемнадцать лѣтъ. Вмѣстѣ съ испанской армадою участвовать онъ въ нападеніи на Англію въ 1588 году. Тогда ему шелъ двадцать шестой годъ, и во время этого опаснаго и бесплоднаго путешествія онъ написалъ нѣсколько поэмъ. Но лишь послѣ того, какъ поэтъ вернулся въ Испанію и поступилъ въ духовное званіе, сочинилъ онъ сотни драматическихъ произведеній, которыми прославился. Кальдеронъ также былъ однимъ изъ плодовитѣйшихъ драматурговъ въ своей юности и обогатилъ національную литературу, написавъ около четырехсотъ драмъ. Его первое произведеніе «Carro del Cielo» было написано имъ въ тринадцать лѣтъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ принялъ священство и, сдѣлавшись служителемъ церкви, посвятилъ себя религіозной драмѣ.

Эти юные испанскіе драматурги достигли зрѣлости своего таланта въ ранній періодъ жизни. Подобно дѣвушкамъ южныхъ расъ, рано достигающимъ возмужалости подъ жгучимъ солнцемъ, они завершили все свои великия тво-

ренія задолго до средняго возраста. Въ сѣверномъ климатѣ умственныя способности зрѣютъ медленнѣе. Тѣмъ не менѣе Расинъ написалъ свою первую удачную трагедію въ двадцать пять лѣтъ, а свое великое произведеніе «Федру», которую онъ самъ считалъ высшимъ проявленіемъ своей драматической музы,—въ тридцать восемь лѣтъ. Образованіе Мольера было крайне недостаточно, но онъ пополнилъ его пробѣлы, не жалѣя труда; на тридцать первомъ году была поставлена имъ на сцѣвъ первая пьеса «L'Etourdi»—«Вѣтренникъ». Всѣ сочиненія Мольера увидѣли свѣтъ между этимъ возрастомъ и пятьюдесятью годами, когда знаменитый драматургъ скончался. Вольтеръ началъ съ сатири на монаховъ въ іезуитской коллегіи, гдѣ онъ получиль воспитаніе. Въ то время ему шелъ двѣнадцатый годъ, и тогда же отецъ Ле-Же, какъ говорятъ, предсказалъ ему, «что онъ сдѣлается корифеемъ деизма во Франціи». Отецъ мальчика желалъ, чтобы сынъ посвятилъ себя изученію законовъ, и считалъ его погибшимъ, нечаянно узнавъ, что онъ пишетъ стихи и посѣщаетъ веселые кружки въ Парижѣ. Двадцати лѣтъ Вольтеръ былъ посаженъ въ Бастилію за то, что написалъ сатири на сладострастнаго тирана, такъ дурно управлявшаго въ то время Франціей. Въ заточеніи поэтъ исправилъ свою трагедію «Эдипъ», написанную имъ въ девятнадцать лѣтъ, и приступилъ къ своей «Генріадѣ». Она была поставлена на сцену, когда поэту шелъ двадцать второй годъ.

Коцебу служитъ новымъ примѣромъ рано развившагося драматического таланта. Онъ дѣлалъ попытки поэтическаго творчества еще въ шестилѣтнемъ возрастѣ, а въ семь лѣтъ написалъ комедію въ одну страницу объемомъ. Мальчикъ любилъ пробираться тайкомъ въ Веймарскій театръ, куда не могъ попасть открыто, и прятался обыкновенно въ оркестрѣ, за большими барабаномъ, до начала представлениія. Его любимой забавой былъ игрушечный театръ, гдѣ исполнялись пьесы движущимися куклами. Первую трагедію Коцебу

давали въ частномъ домѣ, въ Іенѣ, гдѣ авторъ былъ студентомъ на восемнадцатомъ году жизни. Несколько лѣтъ спустя, живя въ Ревель, онъ написалъ драму «Чужестранецъ», имѣвшую громадный успѣхъ въ Англіи. «Разбойники» Шиллера были начаты авторомъ въ девятнадцать лѣтъ и изданы, когда ему минуло двадцать одинъ годъ. «Фіеско» и «Коварство и любовь» были написаны имъ въ двадцать три года.

Викторъ Гюго также очень рано выступилъ на поприще драматурга. Свою первую трагедію «Іртамена» онъ написалъ въ пятнадцать лѣтъ и получилъ три награды подрядъ въ академіи ежегодныхъ поэтическихъ состязаній, въ Тулузѣ, за что удостоился званія «маэстро» въ этомъ учрежденіи. Двадцати лѣтъ онъ написалъ «Bug Jargal», а въ слѣдующемъ году своего «Ганса Исландца» и свой первый томъ «Одъ и балладъ». Французскіе поэты его времени почти все были молодыми людьми. «Ни одинъ писатель,— саркастически замѣтилъ критикъ Моро,— не можетъ теперь пріобрѣсти почета во Франціи, если онъ старше восемнадцати лѣтъ». Казимиръ Делавинъ началъ сочинять стихи въ четырнадцать лѣтъ и напечаталъ свой первый томъ двадцати. Ламменѣ написалъ свои «Рѣчи вѣрующаго» въ шестнадцать лѣтъ. «Поэтическія размышенія» Ламартина вышли въ свѣтъ, когда ему было двадцать восемь лѣтъ, и это сочиненіе разошлось въ количествѣ сорока тысячи экземпляровъ въ четыре года.

Междуди англійскими писателями также наблюдалось по-рою весьма раннее развитіе драматическихъ и поэтическихъ талантовъ. Конгревъ написалъ свой романъ «Incognita» девятнадцати лѣтъ, а романъ «Лицемѣръ» двадцати. Дѣйствительно, все его пьесы были написаны до двадцати пяти лѣтъ. Уичерлей разсказываетъ о себѣ, что написалъ «Любовь въ лѣсу» девятнадцати лѣтъ, а «Простодушнаго человѣка» въ двадцать; однако Маколей подвергаетъ сомнѣнію эти даты. Первая изъ упомянутыхъ пьесъ однако

не исполнялась на театрѣ, пока ея авторъ не достигъ тридцатаго года. Фаркеръ написалъ свою пьесу «Любовь и бутылка» въ двадцать лѣтъ, а другую, подъ заглавiemъ «Постоянная парочка», въ двадцать два года. Онъ умеръ молодымъ, на тридцатомъ году жизни, и въ послѣдній годъ написалъ свою знаменитую «Beaux Stratagem». Ванбрегъ былъ еще юношей, когда сдѣлалъ набросокъ своихъ произведений «Возвратъ къ грѣху» и «Разсерженная жена». Отвѣй написалъ свою первую трагедію двадцати четырехъ лѣтъ, а послѣднюю и величайшую, «Сохраненная Венеция», въ тридцать одинъ годъ. Севаджъ написалъ свою первую комедію «Женщина-загадка» въ восемнадцать лѣтъ, а вторую—«Любовь подъ покрываломъ» въ двадцать. Чарльзъ Дибдинъ поставилъ свою «Продѣлку пастуха» на Ковентъ Гарденскомъ театрѣ, будучи только шестнадцати лѣтъ, тогда какъ Шериданъ увѣнчалъ свою славу гениального драматурга, поставивъ свою неувидаемую «Школу злословія» двадцати шести лѣтъ.

Изъ англійскихъ поэтовъ, пожалуй, самые великие не отличались раннимъ развитіемъ, хотя многие рано обнаружили признаки гениальности. Намъ известно очень мало о молодости Чосера, Шекспира и Спенсера и не больше того даже объ ихъ зрѣломъ возрастѣ. Насколько мы знаемъ, Шекспиръ написалъ свою первую поэму «Венера и Адонісъ», которую онъ называлъ «первой наслѣдницей своего вымысла», на двадцать восьмомъ году жизни; онъ началъ писать свои пьесы около того-же времени и вѣроятно продолжалъ сочинять ихъ почти до самой смерти, постигшей его на пятьдесятъ второмъ году. Спенсеръ напечаталъ свою первую поэму «Календарь пастуха» двадцати шести лѣтъ, а Мильтонъ сочинилъ свою «Маску Комуса» приблизительно въ томъ-же возрастѣ, хотя и раньше онъ обнаруживалъ признаки генія. Но Коулей развился раньше Мильтона, хотя никогда не достигалъ высоты творца «Потеряннаго рая». Пятнадцати лѣтъ Коулей издалъ томъ своихъ сочи-

неній подъ заглавіемъ «Поэтическіе цвѣты», гдѣ въ числѣ прочихъ пьесъ заключалась «Трагическая история Пирама и Тизбе», написанная въ то время, когда поэту было всего двѣнадцать лѣтъ.

Поппъ также «лепеталъ стихами». Еще ребенкомъ мѣтилъ онъ въ поэты и составлялъ планъ своего образованія. Несмотря на постоянные головные боли и неправильное сложеніе, происшедшее отъ слабости здоровья, онъ пріобрѣлъ умѣніе писать умные стихи. Въ этомъ мальчикѣ были задатки мужчины; авторъ «Дёнсіады» началъ съ сатиры и двѣнадцати лѣтъ былъ исключенъ изъ школы за осмѣианіе своего учителя. Но въ запасѣ у него имѣлось нечто лучшее, чѣмъ сатира. Джонсонъ утверждаетъ, что Поппъ написалъ свою «Оду къ уединенію» на двѣнадцатомъ году, «Оду къ молчанію» — четырнадцати лѣтъ, а «Пасторали» — шестнадцати, хотя онъ были напечатаны не раньше того, какъ ихъ авторъ достигъ двадцати одного года. Переводъ «Іліады» былъ сдѣланъ имъ между двадцать пятымъ и тридцатымъ годомъ жизни. Джозефъ Эддисонъ, несмотря на мальчишескія проказы и шалости, которыхъ онъ всегда бывалъ зачинщикомъ въ школѣ, прилежно учился и кончилъ съ отличиемъ курсъ Оксфордскаго университета, благодаря своимъ латинскимъ стихамъ.

Необыкновенный мальчикъ Чаттертонъ, «погибший въ своей гордости», окончилъ свою краткую, но блестящую карьеру въ семнадцать лѣтъ и девять мѣсяцевъ. Поэтъ Кемпбелль отзывался о немъ такъ: «Ни единый англійскій поэтъ не могъ сравниться съ Чаттертономъ въ шестнадцать лѣтъ». Его знаменитая «Ода къ свободѣ» и чудное стихотвореніе «Пѣснь менестреля» даютъ, пожалуй, самое вѣрное понятіе о силѣ и власти его гenія. Но цылній и смѣлый умъ, презрительная гордость, нравственные недочеты въ характерѣ и совершенное непониманіе истинныхъ условій жизни погубили его, какъ могли-бы погубить и

болѣе сильнаго мужчину. Въ припадкѣ отчаянія Чаттертонъ отравилсѧ прежде, чѣмъ началъ жить.

Вотъ еще иѣсколько примѣровъ ранняго развитія поэтическаго дара. Епископъ Гоберъ перевелъ стихами «Федру» съ греческаго на англійскій языкъ, будучи семи лѣтъ отъ роду, и въ первый же годъ ученія въ Оксфордскомъ университетѣ получилъ награду за латинскіе стихи. Бернсъ, довольно тупой мальчикъ, началъ писать стихи шестнадцати лѣтъ. Джемсъ Монгомери обнаружилъ поэтическій даръ въ тринадцать лѣтъ; онъ написалъ шуточно-героическую поэму въ тысячу строкъ на четырнадцатомъ году и сейчасъ приступилъ къ серьезной поэмѣ подъ заглавіемъ «Міръ». Роджеръ обыкновенно считалъ, что его призваніе къ поэзіи опредѣлилось съ той поры, когда онъ прочелъ въ мальчишескіе годы «Менестреля» Бити. Занимая должность писца въ отцовской ковторѣ, онъ долго мечталъ сдѣлать визитъ д-ру Джонсону, однако, дойдя до его дома въ Больдъ-Коуртѣ, юноша оробѣлъ, едва успѣвъ взяться за молотокъ у дверей. Два года спустя послѣ смерти Джонсона, въ 1786 году, Роджеръ на двадцать третьемъ году жизни напечаталъ свой первый томъ подъ заглавіемъ «Ода къ суевѣрію» и другія поэмы. Робертъ Бернсъ сталъ печататься въ томъ же году.

Томасъ Муръ также рано выступилъ на поприще поэтическаго творчества. Онъ былъ красивымъ мальчикомъ; Джозефъ Аткинсонъ, одинъ изъ друзей его дѣтства, сравнивалъ его съ очаровательнымъ купидономъ, рѣзвящимся на колѣняхъ Венеры. Муръ писалъ любовные стихи къ Зелии тринадцати лѣтъ и приступилъ къ своему переводу Анакреона въ четырнадцать. Въ этомъ возрастѣ онъ сочинилъ оду, въ которой говорилось о «полныхъ кубахъ искрометной влаги» и о «рѣзвой плясѣ съ нимфами», что вѣроятно привело въ немалое смущеніе его добродѣтельную маменьку, жену торговца москательнымъ товаромъ. Однако Муръ вскорѣ пошелъ дальше этой непристойно-

игривой поэзіи, и дублинскій Анакроонъ прославился на конецъ, какъ авторъ «Ирландскихъ мелодій», «Лалла-Рукъ», «Эпикурейца» и «Жизни Байрона».

Нѣкоторые рано развившіеся поэты умирали въ юности. Генри Керкъ-Уайтъ написалъ всѣ свои произведенія между тринадцатью и двадцатью однимъ годомъ, когда сошелъ въ могилу. Майкель Брюсъ также умеръ двадцати одного года, оставивъ послѣ себя много мелкихъ стихотвореній, которыя свидѣтельствовали о богатомъ дарованіи, не успѣвшемъ развиться. Они были напечатаны послѣ смерти ихъ автора. Робертъ Поллокъ, авторъ «Теченія времени», скончался двадцати восьми лѣтъ, а Джонъ Китсъ, величайший и самый блестящій изъ всѣхъ этихъ юношей, напечаталъ первый томъ своихъ стихотвореній на двадцать второмъ году жизни, а послѣдній на двадцать пятомъ, незадолго до своей смерти. Между тѣмъ Китсъ вовсе не поражалъ раннимъ развитіемъ въ дѣтскіе годы. На школьнай скамьѣ онъ отличался только драчливостью и его любимымъ занятіемъ были побоища. Хотя онъ читалъ все безъ разбора, поглощая книги съ непасытной жадностью, однако не обнаруживалъ никакой особенной склонности къ тому или другому роду умственного труда, пока не достигъ шестнадцати лѣтъ, когда чтеніе «Волшебной королевы» Спенсера воспламенило его умъ. Съ той поры чтеніе и писаніе стиховъ сдѣлались главнымъ занятіемъ его короткой жизни.

Шелли былъ другою «яркою, оригинальною звѣздою» той-же эпохи. Въ его раннемъ развитіи было нѣчто поразительное. Ученикомъ Итонской школы, пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ сочинилъ и напечаталъ вполнѣ законченный романъ, содержаніе которого еще раньше сообщилъ своимъ друзьямъ. Еще въ юные годы онъ прослылъ «сумасшедшими Шелли» или «атеністомъ». Восемнадцати лѣтъ онъ напечаталъ свою «Королеву Мебъ»; въ девятнадцать былъ исключенъ изъ университетской колле-

гії въ Оксфордѣ за своюю зашту бевѣрія и между двадцатымъ и тридцатымъ годомъ, когда поэтъ случайно утонулъ, онъ успѣль создать всю массу своихъ удивительныхъ сочиненій. Но Шелли никогда не былъ вполнѣ здоровымъ человѣкомъ. Онъ, такъ сказать, весь состоялъ скорѣе изъ однихъ трепещущихъ вервовъ, чѣмъ изъ здоровыхъ мускуловъ. Онъ подвергался самыемъ страннымъ иллюзіямъ и былъ полонъ эксцентричностей. Въ школѣ его считали «придурковатымъ». Однако Шелли обладалъ быстрымъ и тонкимъ умомъ. Каждый фибръ его хрупкаго тѣла трепеталъ чувствительностью, и произведенія этого плодовитаго генія были полны музыкального размаха, богатой фантазіи, превосходя этими качествами пожалуй все написанное поэтами раньше и послѣ него.

Байронъ принадлежалъ къ той же группѣ великихъ и причудливыхъ геніевъ, какъ Китсъ и Шелли. Человѣкъ негуманнаго, горячаго нрава, онъ небрежно учился въ школѣ, но успѣль влюбиться, когда ему не было еще восьми лѣтъ. Одна нога у него была повреждена. Въ Эбердинѣ его дразнили «хромоногимъ». Тѣмъ не менѣе Байронъ старался отличиться во всѣхъ забавахъ молодежи, подобно Китсу, и достигъ главенства надъ своими школьнymi товарищами, благодаря тому, что, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ очень искусенъ въ дракѣ и проигрывалъ только одно сраженіе изъ семи. Въ коллегіи Св. Троицы, въ Кембридже, онъ держалъ у себя медвѣдей и нѣсколько бульдоговъ, позволяя себѣ разныя эксцентричности. «Странная подготовка къ поэтическому поприщу», — подумаетъ читатель! Тѣмъ не менѣе на двѣнадцатомъ году Байронъ ударился въ стихотворство, вдохновленный ребяческой страстью къ кузинѣ приблизительно одного съ нимъ возраста. При всѣхъ своихъ причудахъ онъ страстно увлекался чтеніемъ всевозможныхъ книгъ и съ самыхъ раннихъ лѣтъ пробовалъ облекать свои мысли въ поэтическую форму. На восемнадцатомъ году, еще въ коллегіи, онъ

издалъ тоненький томикъ стихотвореній in-4° [въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для частнаго обращенія, а въ слѣдующемъ напечаталъ свои «Часы праздности». Задѣтый за живое презрительнымъ отзывомъ объ этой книгѣ Генри Брума въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи», поэтъ издалъ на двадцать первомъ году своихъ «Англійскихъ бардовъ и шотландскихъ обозрѣвателей». Три года спустя, когда ему минуло двадцать четыре года, появилась въ печати первая пѣснь его «Чайльдъ-Гарольда». «Въ двадцать пять лѣтъ.—сказалъ Маколей,—Байронъ очутился на высоچайшей вершинѣ литературной славы вмѣстѣ съ В. Скоттомъ, Уордуортомъ, Соути и множествомъ другихъ знаменитыхъ писателей у его ногъ. Едва ли найдется въ исторіи другой примѣръ такого внезапнаго возвышенія до подобнаго головокружительнаго величія». Байронъ скончался на тридцать седьмомъ году—въ возрастѣ, роковомъ для многихъ геніальныхъ людей.

Относительно другихъ новѣйшихъ поэтовъ можно вкратцѣ замѣтить, что Кемпбелъ написалъ свои «Радости надежды» двадцати двухъ лѣть, Соути свою «Іоанну д'Аркъ» девятнадцати и «Уата Тэйлера» въ слѣдующемъ году; Колъриджъ написалъ свою первую поэму на двадцать второмъ году жизни *), а свой «Гимнъ передъ восходомъ солнца», служацій образцомъ сочетанія величія и силы,—въ двадцать пять лѣть. Бульверъ Литтонъ создаль

*) Колъриджъ въ своей «Свѣтской проповѣди» опредѣляетъ такимъ образомъ значеніе литературныхъ трудовъ молодежи: «Перелистайте мелкія стихотворенія, дошедшія до насъ отъ временъ Лютера; загляните въ памфлеты и летучіе листки, выходившіе массами во время царствованія Карла I и республики, и вы найдете въ нихъ постоянное подтвержденіе афоризма герда канцлера Бакона (человѣка безспорно достаточно знакомаго съ размѣрами тайного и личнаго вліянія), что звакомство съ умозрительными принципами людей вообще, въ возрастѣ отъ двадцати до тридцати лѣтъ, есть единственныій великий источникъ политической прозорливости».

своего «Измайла» въ пятнадцать лѣтъ, а томъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Травы и дикіе цвѣты»—двадцати одного года. Елизавета Баретъ Броунингъ писала въ прозѣ и стихахъ десятилѣтней дѣвочкой и напечатала первый томъ своихъ стихотвореній семнадцати лѣтъ, тогда какъ Робертъ Броунингъ, ея мужъ, издалъ своего «Парацильса» въ двадцать три года. Альфредъ Теннисонъ написалъ первый томъ своихъ стихотвореній въ восемнадцать лѣтъ, а девятнадцати получилъ канцлерскую медаль въ Кембриджѣ за свою поэму «Тимбукту»; двадцати же выпустилъ въ свѣтъ свои «Лирическія поэмы», содержавшія многія изъ его лучшихъ стихотвореній.

Такимъ образомъ бурный пыль юности породилъ множество благороднѣйшихъ произведеній музыки, живописи и поэзіи. Поэтическая фантазія можетъ однако съ годами блѣднѣть. Эккенсайдъ въ позднюю пору своей литературной дѣятельности уже не могъ достичь того блеска вымысла, какой обнаруживалъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ. Впрочемъ во многихъ случаяхъ самыя утонченныя произведенія явились плодомъ зрѣлаго возраста. Гёте держался того мнѣнія, что чѣмъ старше поэтъ, тѣмъ онъ зреѣтъ. Такъ Мильтонъ написалъ «Комулас» двадцати шести лѣтъ, но ему было за пятьдесятъ, когда онъ приступилъ къ своему величайшему произведенію. Хотя упомянутые нами гениальные юноши создали великія вещи въ раннюю пору жизни, но если-бъ они прожили дольше, то усовершенствовались бы. Сила генія не исчезаетъ съ молодостью. Тѣмъ не менѣе особья качества, служащія порукой будущаго величія, обыкновенно проявляются въ юномъ возрастѣ между семнадцатью и двадцатью двумя или тремя годами. Хотя развитіе поэтическаго дара можетъ идти медленно, но если существуютъ его зачатки, то онъ все-таки разовьется и принесетъ плоды при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Краббъ и Уордсуортъ, созревшіе поздно, принялись рано слагать стихи. Состоя ученикомъ у хирурга въ Суффолкѣ,

Краббъ заваливалъ стихами ящики своего письменного стола и получалъ премію за поэму «Надежда» на конкурсъ, устроенный издателями дамского журнала. Уордсуортъ, предоставленный самому себѣ въ отроческіе годы, довольно угрюмый и упрямый мальчикъ, тѣмъ не менѣе пристрастился къ писанію стиховъ въ стилѣ Полпа на четырнадцатомъ или пятнадцатомъ году. Хотя Шелли саркастически отзывался о немъ, что «въ его головѣ не больше фантазій, чѣмъ въ пивной кружкѣ», однако это не помѣшало Уордсуорту, подобно Шекспиру, стяжать бессмертіе своей неувидаемой поэзіей. Онъ не проявилъ ни чѣмъ ранней зрѣлости, которой отличался Шелли, но развидался медленно и прочно, подобно дубу, пока не достигъ своего полнаго роста.

Вальтеръ Скоттъ совсѣмъ не поражалъ раннимъ развитіемъ въ дѣтствѣ и слылъ у своего школьнаго учителя отчаяннымъ тупицей. Подъ старость онъ говоривалъ о себѣ, что былъ неисправимымъ лѣнтяемъ въ годы ученія, но въ то же время отличался цвѣтущимъ здоровьемъ и удачью во всѣхъ мальчишескихъ забавахъ. Его геніальность рано обнаружилась въ любви къ стариннымъ балладамъ и въ необыкновенномъ умѣніи разсказывать исторіи. Когда отецъ В. Скотта узналъ, что мальчикъ, пользуясь благопріятнымъ случаемъ, странствовалъ пѣшкомъ по всему округу съ своимъ другомъ Клэркомъ, останавливалась для отдыха въ крестьянскихъ хижинахъ и слушая разсказы о старинѣ, то сказалъ своему сыну: «Я сильно опасаюсь, сэръ, что вы неспособны ни на что путное, кроме собиранія хлама по чердакамъ». О своей способности рассказчика въ отроческіе годы знаменитый романистъ написалъ слѣдующее: «Въ зимнюю пору, когда нельзя было рѣзаться на открытомъ воздухѣ, мои разсказы обыкновенно собирали въ часы досуга восторженныхъ слушателей у камина, и каждый считалъ за счастье сѣсть поближе къ непостоющимъ рассказчику». Такимъ образомъ мальчикъ

предвозвѣщаль собою зрѣаго мужчины, и его романы впослѣдствіи принимались цѣлымъ свѣтомъ съ такимъ же восхищеніемъ, какъ его устные разсказы высушивались школьными товарищами. «Двое мальчиковъ,—говоритъ Карлейль,—нѣкогда учились въ одномъ классѣ въedinбургской классической гимназіи: Джонъ, всегда аккуратный, старательный, понятливый, и Вальтеръ, вѣчно неряшливы, разсыпанный и тупой. Когда они выросли, Джонъ сдѣлался знаменитымъ лицомъ въ Гентеръ-Скверѣ, а Вальтеръ сдѣлался сэромъ Вальтеромъ Скоттомъ, знаменитымъ во всей вселенной». И Карлейль явственно добавляетъ, что быстрѣе всѣхъ овощей растетъ и развивается капуста.

Дарованіе В. Скотта развивалось сравнительно медленно. До тридцати лѣтъ онъ не сдѣлалъ ничего въ литературѣ. Только на тридцать второмъ году былъ изданъ имъ первый томъ «Пѣсенъ шотландскаго барда» и лишь въ сорокъ три года выпустилъ онъ въ свѣтъ первый томъ «Веверлэя», хотя часть этой книга была написана и по-томъ отложена въ сторону девять лѣтъ назадъ. Бернсъ, любившій старинныя баллады не менше В. Скотта, также не принадлежалъ къ числу даровитыхъ людей съ равнимъ развитіемъ, но, подобно В. Скотту, былъ надѣленъ крѣпкимъ здоровьемъ и сильнымъ сложеніемъ. И вотъ, по его собственному свидѣтельству, этотъ дивный мальчикъ, ходившій за плугомъ, сдѣлалъ набросокъ трагедіи въ восемнадцать или девятнадцать лѣтъ.

Почти такъ-же многочисленны примѣры проявленія природныхъ дарованій въ сравнительно юномъ возрастѣ у знаменитыхъ дѣятелей науки и литературы. Ихъ гениальность во многихъ случаяхъ обнаруживалась внезапно, иногда въ виду различныхъ затрудненій и препятствій, а иногда при благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя способствовали ихъ развитію. Тассо и Галилею было суждено бороться съ затрудненіями въ очень юные годы. Отецъ Тассо, Бернардо, былъ поэтомъ; но такъ какъ его произ-

веденія не дали ему ничего, кроме бѣдности и нужды, то онъ рѣшилъ подавить въ своемъ сыне всѣ поэтическія наклонности и заставить его всецѣло посвятить себя законовѣданію. Точно также отецъ Галилея, бѣдный дворянинъ города Пизы, будучи математикомъ, тщательно избѣгалъ знакомить сына съ этой наукой, предназначая его на поприще врача. Однако въ обоихъ случаяхъ природа оказалась слишкомъ сильной для того, чтобы уступить давленію. Тассо сдѣлался поэтомъ, а Галилей математикомъ и изобрѣтателемъ, при чмъ прославился цѣлымъ рядомъ блестящихъ открытий. Изучая для вида Галена или Цельсія, онъ пряталъ Эвклида или Архимеда подъ своими книгами. Подобно Ньютону, онъ рано обнаружилъ способность къ механическимъ изобрѣтеніямъ, употребляя свой досугъ на изготавленіе моделей всевозможныхъ машинъ. Въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ поступилъ въ пизанскій университетъ, гдѣ привался одновременно за изученіе медицины и физики. Однако вторая сильнѣе поглощала его вниманіе. Восемнадцати лѣть Галилей сдѣлалъ свое первое открытие равномѣрныхъ качаний маятника, на которое его навело внимательное наблюденіе за вибрациями люстры, подвѣшенной въ куполѣ собора. Весьма характерно, что въ качествѣ медицинского студента, онъ примѣнилъ свое открытие къ опредѣленію ударовъ пульса, которое до сихъ поръ еще держится въ повседневной медицинской практикѣ. Съ этой цѣлью Галилей устроилъ особый маятникъ, который называлъ «пульсилогіумъ *).

Въ тридцать лѣть Галилей по заказу венецианскаго правительства сооружалъ водоподъемные машины для снабженія города водою. Поздѣѣ мы видимъ его изучающимъ свойства магнита, продолжающимъ свои изысканія касательно центра тяжести и равновѣсія тѣлъ подъ водою, а равно изслѣдующимъ законы движенія, точное знакомство

*) Parchappe, Galilée, sa vie, ses découvertes et ses travaux.

сь которыми одно могло объяснить перемещение небесных телъ. Двадцати пяти лѣтъ Галилей напечаталъ свой опытъ о «Гидростатическихъ вѣсахъ», который создалъ ему такую громкую репутацію, что молодой ученый былъ назначенъ лекторомъ математики въ университетѣ. Вивіани съ положительностью утверждаетъ, что Галилей изобрѣлъ термометръ между тридцатымъ и тридцать третьимъ годомъ своей жизни. По свидѣтельству самого Галилея, онъ изобрѣлъ телескопъ въ Венеціи въ 1609 году на сорокъ пятомъ году жизни, при чёмъ представилъ первый образецъ этого инструмента дожу въ полномъ собраніи сената, а вскорѣ послѣ того изобрѣлъ микроскопъ.

Впрочемъ Галилей былъ одинаково великъ и въ юности, и въ зрѣломъ возрастѣ. Вдобавокъ славу его учености почти затмила слава его мученичества. Сочиненіе «Система міра», написанное имъ шестидесяти восьми лѣтъ отъ роду, навлекло на него угрозы, если не настоящую пытку инквизиціи. Его послѣднее произведеніе, которое онъ самъ считалъ величайшимъ, «Діалоги о мѣстномъ движенії», было закончено имъ на семьдесятъ второмъ году жизни. На семьдесятъ седьмомъ, уже совершенно слѣпымъ, онъ продолжалъ заниматься примѣненіемъ качанія маятника къ часамъ для измѣренія времени, поручая исполненіе этого плана своему сыну; за этой работой постигла его смерть. Надъ прахомъ великаго философа тогда же было предложено воздвигнуть памятникъ, однако на это не послѣдовало разрѣшевія папы, такъ какъ Галилей лишился благоволенія церкви, утверждая, что міръ вращается вовокругъ своей оси; и тѣло Галилея лежало въ темномъ углу монастыря, гдѣ онъ былъ похороненъ, около цѣлаго столѣтія, пока его останки не были вырыты изъ земли въ 1737 году и перенесены въ церковь Св. Креста во Флоренціи, гдѣ они покоятся въ настоящее время подъ величественной гробницей.

Какъ Галилей почти одной своей энергией выбился на

настоящую дорогу, уклонившись отъ пути, предначертаннаго ему отцомъ, такъ Тихо де-Браге отказался отъ юридического поприща, чтобы посвятить себя занятіямъ астрономіей. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода, и отецъ желалъ опредѣлить его на военную службу; но Тихо де-Браге лелеялъ болѣе благородныя мечты: онъ стремился къ познанію вселенной, въ особенности же чудесъ земли и неба. Его отправили въ копенгагенскую коллегію. Здѣсь, на четырнадцатомъ году, онъ увлекся астрономіей по случаю солнечнаго затменія, происходившаго въ августѣ 1560 года. Очарованный этимъ предметомъ, мальчикъ изучалъ его съ помощью немногихъ книгъ, какія могъ достать; но воспитатель, находя, что эти занятія сильно отвлекаютъ его отъ юридическихъ наукъ, былъ принужденъ запретить ему дальнѣйшее изученіе астрономіи. Тѣмъ не менѣе Тихо де-Браге продолжалъ его потихоньку, наблюдая звѣзды по ночамъ, когда его наставникъ спалъ. Всѣ деньги, вакія ему удавалось добыть, тратились имъ на покупку астрономическихъ инструментовъ, хотя послѣднихъ было у него не много и то грубой работы. Цѣлые ночи напролѣтъ изучалъ онъ созвѣздія, пользуясь съ этой цѣлью маленькимъ глобусомъ, не больше своего кулака, который былъ имъ пріобрѣтенъ на карманнныя деньги.

Тихо де-Браге вскорѣ открылъ, что существующія таблицы созвѣздій были сплошь неправильны, и принялъ за исправленіе ихъ съ помощью пары обыкновенныхъ циркулей, которые служили для него снарядомъ для наблюденія и опредѣленія угловъ между звѣздами. Потомъ онъ добылъ болѣе совершенный инструментъ въ видѣ паралактической линейки. Съ помощью этихъ и другихъ, подобныхъ имъ недостаточныхъ вспомогательныхъ средствъ, онъ опредѣлилъ коньюнктуру Юпитера и Сатурна, чего ему удалось достичь въ августѣ 1563 года, раньше чѣмъ этотъ юноша дожилъ до семнадцатилѣтняго возраста. Отецъ и родственники относились весьма непріязненно къ его астрономическимъ за-

нятіямъ, считал ихъ унизительными для человѣка знатнаго рода. Однако одинъ изъ дядей соѣтвовалъ ему слѣдоватъ влеченію своего генія, благодаря чему Тихо де-Браге воз-высилъ, но никакъ не унизилъ свое благородное происхождение. Изъ Копенгагена его отправили въ аугсбургскій университетъ; здесь онъ устроилъ большої квадрантъ, съ помощью которого производилъ свои наблюденія. На двадцать шестомъ году, несмотря на сопротивленіе родныхъ, молодой человѣкъ напечаталъ свой первый трактатъ «De nova stellâ», за которымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ астрономическихъ сочиненій, обнимающихъ собою почти тридцатилѣтній періодъ.

Кеплеръ, сотрудникъ Тихо де-Браге, подобно ему, неутомимо трудился для науки съ юныхъ лѣтъ. Онъ росъ болѣзневыи и слабымъ ребенкомъ и ему приходилось преодолѣвать много трудностей въ первую пору жизни. Отецъ его, хотя и благородного происхождения, попалъ въ стѣненные обстоятельства и завелъ таверну, въ которой будущему астроному, тогда еще мальчику, пришлось прислуживать гостямъ. На двѣнадцатомъ году Кеплера отправили въ монастырскую школу въ Моульброннѣ, где за его воспитаніе платилъ герцогъ Виртембергскій. Занятія Кеплера часто прерывались различными заболѣваниями, которые отравляли всю его жизнь; это не мѣшало ему дѣлать быстрые успѣхи въ наукахъ. За такое отличие онъ былъ принятъ на казенныи счетъ въ тюбингенскій университетъ, где получилъ степень магистра искусствъ на двадцатомъ году и въ то-же время занялъ второе мѣсто на годичномъ испытаніи. Около двухъ лѣтъ спустя, мы находимъ его уже штатнымъ лекторомъ астрономіи въ Грацѣ, въ Штирии. На двадцать пятомъ году онъ издалъ «Mysterium Cosmographicum», свой первый вкладъ въ научную литературу. То былъ выдающійся трудъ для такого молодого человѣка, принимая въ расчетъ его плохое здоровье и недостаточную подготовку въ ранніе годы. Онъ продолжалъ не-

утомимо работать, выпуская трактатъ за трактатомъ по магнетизму и различнымъ астрономическимъ предметамъ, пока въ 1661 году, когда ему шелъ тридцатый годъ, онъ былъ назначенъ «императорскимъ математикомъ» и сталъ помогать Тихо де-Браге въ его вычислениі «Рудольфовыхъ астрономическихъ таблицъ». Восемь лѣтъ спустя появилась «Новая астрономія» Кеплера—трудъ, который можно назвать соединительнымъ звеномъ между открытиями Коперника и Ньютона.

Сэръ Исаакъ Ньютонъ не служилъ такимъ замѣчательнымъ примѣромъ раннаго развитія математического генія. Онъ вовсе не былъ скроенъ слѣмъ ребенкомъ. Этотъ великий человѣкъ родился такимъ крошечнымъ и слабымъ, что, по словамъ матери, его можно было помѣстить въ пивную кружку. Воспитаніе Ньютона было сопряжено со множествомъ хлопотъ, и родители даже не надѣялись, что онъ останется въ живыхъ. По этой причинѣ онъ пользовался неограниченной свободой въ дѣтскіе годы и могъ лѣниться, сколько душѣ угодно. Здѣсь будетъ естѣсти замѣтить, что многіе изъ наиболѣе выдающихся людей, подобно Ньютону, отличались слабымъ сложеніемъ и болѣзnenностью въ дѣствѣ. Къ числу болѣе или менѣе хилыхъ дѣтей принадлежали: Бэконъ, Паскаль, Декартъ, Ньютонъ, Рэнъ, Локкъ, Адамъ Смитъ, Бейль, Поппъ, Флаксманъ, Джемсъ Уаттъ, Гораций Нельсонъ и Уильямъ Питтъ.

Отдавный въ школу, Ньютонъ не особенно отличался въ учениіи, между тѣмъ дома онъ только и дѣлалъ, что строилъ машины. Мальчикъ вѣчно возился съ пилой, молотомъ и долотомъ. Онъ мастерилъ модели вѣтряныхъ мельницъ, водяныхъ и солнечныхъ часовъ; образецъ послѣднихъ можно до сихъ поръ видѣть въ Ульсторпѣ на стѣнѣ того дома, где онъ родился. Ньютонъ оказался неспособнымъ хозяйствничать на фермѣ, къ чему его предназначала мать. Однажды дядя засталъ его за рѣшеніемъ математической проблемы въ тѣни изгороди, куда онъ уединился, вмѣ-

сто того, чтобы принимать участие въ земледѣльческихъ работахъ. Послѣ того ему позволили слѣдовать влечению его генія. Съ этой цѣлью Ньютона помѣстили въ грентгэмскую школу. Восемнадцати лѣтъ онъ поступилъ студентомъ въ коллегію Св. Троицы въ Кембриджѣ; въ двадцать одинъ открылъ свой биномъ, двадцати трехъ опредѣлилъ существенные начала своего метода флюксій; двадцати четырехъ открылъ неодинаковую преломляемость свѣтовыхъ лучей, двадцати пяти—совершилъ свое величайшее открытие—закона тяготѣнія *), а сорока четырехъ представилъ свою рукопись «Principia» въ Королевское общество. Въ слѣдующемъ году съ нимъ случился припадокъ временнаго помѣшательства; и хотя Ньютонъ прожилъ до восьмидесяти пяти лѣтъ, однако послѣ своихъ «Principia» онъ уже не даль миру ни одного новаго труда по какой-либо отрасли знанія.

Жакъ Бернульи, первый изъ этой замѣчательной семьи философовъ, предназначался отцомъ въ духовное званіе; но ему случайно попали въ руки нѣкоторыя сочиненія по геометріи и это заставило его съ жаромъ отдаться изученію астрономіи. Девизъ, избранный имъ впослѣдствіи, намекаетъ на сопротивленіе отца, съ которымъ онъ долженъ былъ бороться,—Фаэтонъ, правящій колесницею солнца, съ подписью: «противъ воли отца пролагаю я свой путь между звѣздами (Invito patre sidera verso). Его первое сочиненіе «О кометахъ» вошло, когда ему шелъ двадцать шестой годъ, а въ тридцать три года онъ былъ назначенъ профессоромъ математики въ базельскій университетъ.

Блэзъ Паскаль, котораго Бэйль называетъ однимъ изъ высочайшихъ умовъ всего міра, обнаружилъ свои необык-

*) Weld, History of the Royal Society i. pp. 369, 370. На самомъ дѣлѣ онъ открылъ наиболѣе общій изъ всѣхъ физическихъ законовъ —законъ тяготѣнія—раньше, чѣмъ ему миновало двадцать пять лѣтъ, между тѣмъ ошибка въ наблюденіи, не его собственному, помѣшила ему доказать свое открытие прежде, чѣмъ онъ достигъ почти сорока лѣтъ.

новенные способности весьма рано. Отецъ рѣшилъ посвятить его исключительно изученію мертвыхъ языковъ и съ этой цѣлью пряталъ отъ сына всѣ книги по геометріи. Однако Блэза двѣнадцати лѣтъ отъ роду застали за решеніемъ геометрическихъ задачъ, при чёмъ онъ чертилъ фигуры углемъ на полу своей комнаты. Тогда отецъ позволилъ ему слѣдовать своей склонности, и въ шестнадцать лѣтъ Паскаль написалъ трактатъ «О коническихъ сѣченіяхъ», настолько превосходный, что Декартъ былъ пораженъ и не хотѣлъ вѣрить, что подобная работа была исполнена юношой. Въ девятнадцать лѣтъ молодой человѣкъ изобрѣлъ свою машину для выкладки чиселъ. Всѣдѣ за тѣмъ онъ произвелъ рядъ искусственныхъ и сложныхъ опытовъ надъ равновѣсіемъ жидкостей и тяжестью атмосферы, въ подтвержденіе взглядовъ Торричелли; результаты этихъ опытовъ были опубликованы уже послѣ его смерти. Научная жизнь Паскаля кончилась, когда онъ достигъ двадцати пяти лѣтъ. Послѣ того его умъ былъ всецѣло поглощенъ религіозными размышленіями, которые воплотились въ его знаменитыхъ «Мысляхъ», собранныхъ и изданныхъ послѣ его смерти, послѣдовавшей въ тридцать девять лѣтъ. Подобно многимъ другимъ, преждевременно развившимся геніямъ, Паскаль работалъ при постоянномъ болѣзnenномъ возбужденіи нервовъ, однимъ изъ симптомовъ котораго было раннее развитіе его ума.

Декартъ былъ вѣжливъ и хилымъ ребенкомъ, однако на девятнадцатомъ году онъ составилъ планъ преобразованія всей системы математического и философского изслѣдованія. Гроцій былъ единственнымъ ребенкомъ, уцѣлѣвшимъ изъ двѣнадцати въ семье; онъ писалъ латинскіе стихи всего только восьми лѣтъ отъ роду.

Голлеръ отличался въ дѣтствѣ необычайно слабымъ сложеніемъ и страдалъ англійской болѣзнью, которою осложняется порою раннее развитіе у дѣтей. Девяти лѣтъ онъ уже началъ составлять ираткіе мемуары великихъ людей,

десяти обдумывалъ планъ халдейской грамматики, двѣнадцати писалъ нѣмецкіе стихи, а въ пятнадцать началъ изучать медицину и физіологію, въ которыхъ достигъ такой знаменитости.

Къ числу другихъ математиковъ, которые, подобно Паскалю, отличились въ юномъ возрастѣ, слѣдуетъ отнести: Клеро, написавшаго знаменитое сочиненіе «Кривыя двойной кривизны» въ шестнадцать лѣтъ, хотя онъ приступилъ къ нему еще тринадцати лѣтъ; Лагранжа, назначенаго профессоромъ математики въ военной коллегіи Туринаго на девятнадцатомъ году; Колена Маклорена, получившаго степень магистра словесности въ пятнадцать лѣтъ и избраннаго по конкурсу профессоромъ математики въ Эбердинѣ на девятнадцатомъ году; Лаланда, мальчика поразительныхъ способностей, который началъ говорить проповѣди передъ своей семьей въ десять лѣтъ, потомъ, прочитавъ «Многочисленность міровъ» Фонтенеля, увлекся изученіемъ астрономіи, а въ шестнадцать лѣтъ сдѣлалъ телескопическое наблюденіе, которое опредѣлило его ученую карьеру на всю жизнь; Дьюгальда Стюарта, также хилаго ребенка, который въ девятнадцать лѣтъ принялъ читать лекціи въ математическомъ классѣ своего отца въ эдинбургскомъ университѣтѣ, а черезъ два года послѣ того былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ; Лессинга, настоящаго пожирателя книгъ, который, во время ученія въ мейссенской школѣ, перевелъ третью и четвертую книги Эвклида и составилъ очеркъ исторіи математики, а при выпускѣ изъ школы, въ пятнадцать лѣтъ, сказалъ рѣчь: «*De mathematica barbarorum*». Впослѣдствіи онъ оставилъ эту науку и посвятилъ себя изящной литературѣ.

Френсисъ Бэконъ развился довольно рано. Хилый въ дѣтствѣ, онъ былъ предоставленъ самому себѣ и пріобрѣлъ наклонность къ усидчивости и размышленію. Въ двѣнадцать лѣтъ при видѣ жонглера, показывавшаго фокусы съ картами, онъ захотѣлъ научиться этому искусству. Три-

надцати лѣтъ его опредѣлили въ коллегію Троицы въ Кембриджѣ, откуда онъ вышелъ шестнадцати, чтобы начать свои путешествія. Говорить, будто бы Бэконъ задумалъ свой «Novum organum» въ Кембриджѣ, однако на это не существуетъ прямыхъ указаний. Въ девятнадцать лѣтъ онъ выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе «О состояніи Европы», въ которомъ между прочими достоинствами обнаружилъ точность и значительную проницательность. Готовясь къ судебной практикѣ, къ которой онъ приступилъ двадцати одного года, Бэконъ набросалъ планъ своего «Organum» въ небольшомъ сочиненіи, и въ своей юношеской гордости, а, можетъ быть, и въ пророческомъ предвидѣніи, назвалъ его «Величайшимъ произведеніемъ вѣка» (*Partus temporis maximus*). Но само великое твореніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, было напечатано имъ только на пятьдесятъ девятомъ году жизни. До тѣхъ поръ онъ издалъ множество сочиненій, между прочимъ свои «Опыты и совѣты» въ возрастѣ тридцати шести лѣтъ, а «Успѣхъ знанія» — сорока пяти лѣтъ, когда онъ былъ заваленъ работой, какъ членъ парламента и адвокатъ съ обширной практикой.

Еще однимъ изъ величайшихъ молодыхъ филологовъ семнадцатаго столѣтія былъ сэръ Кристоферъ Рэнъ, хотя о немъ преимущественно упоминаютъ, какъ о знаменитомъ архитекторѣ. Подобно Паскалю и прочимъ, онъ отличался въ дѣятельности слабымъ здоровьемъ и раннимъ развитіемъ, при чемъ обнаруживалъ не только замѣчательное поэтическое чутье и фантазію, но также большую склонность къ отвлеченнымъ наукамъ и философіи. Тринадцати лѣтъ онъ уже изобрѣлъ астрономической инструментъ, который посвятилъ отцу въ латинскихъ стихахъ, какъ и пневматическую машину и еще одинъ инструментъ «для пневматического употребленія» *). Въ четырнадцать лѣтъ Рэнъ былъ принятъ въ дворянское общежитіе въ Ведгем-

*) Weld, History of Royal Society i. p. 272.

ской коллегіи въ Оксфордѣ и потомъ присутствовалъ на первыхъ собранихъ ученыхъ, которые повели къ основа-вию Королевскаго общества. Посѣтивъ Оксфордъ въ 1654 году, Эвельинъ говорилъ: «Я видѣлъ этого чудо-юношу Кри-стофера Рэнна». И онъ дѣйствительно былъ чудомъ, изу-чая и демонстрируя анатомію въ двадцать два года, сдѣ-лавшись профессоромъ астрономіи въ Грешемской коллегіи въ двадцать пять лѣтъ и переходя отъ одного изобрѣтенія и открытия къ другому, такъ что ихъ набралось у него до пятидесяти трехъ *). Между различными предметами изученія онъ посвящалъ много времени архитектурѣ въ теоріи и на практикѣ. Пріобрѣтя известность въ этой отрасли, онъ, въ возрастѣ тридцати одного года, получилъ назначеніе произвести подробный осмотръ собора св. Павла, такъ какъ это зданіе предполагали реставрировать или перестроить, смотря по надобности. Это обстоятельство дало совершенно новое направленіе его жизни; съ того времени Рэнъ посвятилъ себя архитектурѣ. Его главной работой была перестройка собора св. Павла, какъ и другихъ церк-вей, поврежденныхъ громаднымъ пожаромъ въ Лондонѣ. Въ противоположность Паскалю этотъ ученый дожилъ до глубокой старости и умеръ девяносто лѣтъ, повидимому, совершенно безболѣзненно. Однажды слуга, войдя къ нему въ комнату, нашелъ его какъ будто мирно спящимъ въ креслѣ, но уже бездыханнымъ.

Можно привести еще много другихъ примѣровъ вели-кихъ юношей, прославившихся въ наукѣ. Таковъ былъ, между прочимъ, болѣзненныи и рано развившійся, но твердый характеромъ Спиноза, который шлифовалъ оптиче-скія стекла, чтобы прокормить себя и имѣть возможность изучать философию, хотя въ то время онъ едва вышелъ изъ отроческихъ лѣтъ. Къ той же категоріи принадлежить и Джемсъ Уаттъ, этотъ мыслитель съ колыбели, изобрѣв-

*) Weld, History of Royal Society i. p. 272.

шій паровую машину, которая произвела такой громадный переворот въ промышленности цѣлаго міра, прежде, чѣмъ ея изобрѣтателю минуло тридцать лѣтъ. Гете задумалъ и отчасти выполнилъ свои величайшія творенія—а онъ былъ настолько-же ученымъ, насколько и поэтомъ — въ сравнительно юномъ возрастѣ. Сэръ Уильямъ Роузъ Гамильтонъ изъ Дублина, причисленный однимъ изъ новѣйшихъ писателей къ тѣмъ гениальныемъ людямъ, «имена которыхъ должны быть поставлены на-ряду съ величайшими гениями всѣхъ вѣковъ и народовъ, каковы Лагранжъ и Ньютона», въ тридцать лѣтъ основательно зналъ не меньше тридцати иностранныхъ языковъ.

Знаменитый французскій картографъ д'Анвиль былъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, когда, при видѣ географической карты, почувствовалъ влеченіе къ своей будущей специальности. Одинъ, безъ посторонней помощи, началъ онъ чертить карты всѣхъ странъ, упоминаемыхъ у классиковъ, и достигъ такого искусства въ своемъ дѣлѣ, что въ возрастѣ двадцати двухъ лѣтъ былъ назначенъ однимъ изъ королевскихъ географовъ. Въ продолженіе своей труженической жизни онъ издалъ сто четыре карты по древней и сто шесть картъ по современной географіи, не считая множества цѣвныхъ географическихъ мемуаровъ. Д'Анвиль имѣлъ обыкновеніе говорить о себѣ, что «нашелъ кирпичную географію, а послѣ себя оставляетъ золотую».

Линней въ девятнадцать лѣтъ былъ признанъ своимъ школьнымъ учителемъ, если не завзятымъ тупицей, то во всякомъ случаѣ неспособнымъ къ духовному званію, къ которому готовилъ его отецъ. Но ему посчастливилось родиться въ восхитительной мѣстности на берегу озера, окаймленного холмами, лѣсами и обработанными участками земли. Красота природы, чудеса растительности, окружавшей его, вызвали къ дѣятельности гений Линнея. Онъ самъ рассказывалъ о своемъ дѣтствѣ, что изъ колыбели попадали садъ и цветы сдѣлались его страстью. Отецъ, находя,

ЧТО ОНЪ НЕ ГОДИТСЯ ВЪ ДУХОВНОЕ ЗВАНІЕ, отправилъ юношу въ коллегію изучать медицину, но тотъ посвящалъ все свое время ботаникѣ; и ни бѣдность, ни горе не могли отвлечь его отъ любимаго предмета. Страстно любя науку, онъ рѣшилъ предпринять въ-одиночку путешествіе по Лаплан-діи, гдѣ сдѣлалъ свыше четырехъ тысячъ миль, большей частью пѣшкомъ и собралъ около ста растеній, неизвѣстныхъ и неописанныхъ до тѣхъ поръ. Изданная имъ книга «*Flora lapponica*» упрочила за этимъ ученымъ славу первого ботаника своего времени.

Натуралистъ Джонъ Рэй, которого Кьюые считали основателемъ современной зоологіи, былъ сыномъ кузнеца, жившаго близъ Брендри. Онъ получилъ хорошее образованіе и проложилъ себѣ путь въ Кэтринголь въ Кембриджѣ, гдѣ въ двадцать три года былъ назначенъ лекторомъ греческаго языка, а два года спустя былъ избранъ учителемъ математики въ своей коллегіи. Однако, естественная исторія и зоологія исключительно поглощали его вниманіе. Онъ объѣхалъ большую часть Англіи, Валліса и Шотландіи съ цѣлью ботаническихъ и зоологическихъ изслѣдованій, безпрерывно наблюдая, напряженно работая съ неутомимымъ усердіемъ къ своимъ любимымъ занятіямъ. По его собственнымъ словамъ, ему понадобилось десять лѣтъ, чтобы приготовить къ выпуску въ свѣтъ составленный имъ «*Catalogus plantarum circa Cantabrigiam*». Рэй продолжалъ свои путешествія и научные занятія за границей; здѣсь онъ объѣхалъ Нидерланды, Францію, Германію, Швейцарію и Италію, повсюду производя свои наблюденія и собирая факты для будущихъ сочиненій.

Такою же раннею наклонностью къ занятіямъ наукой и тщательному наблюденію отличались выдающіеся хирурги и врачи. Амбуазъ Парэ, великий французскій хирургъ, служилъ сначала конюхомъ у аббата въ Лавалѣ, когда одному изъ монаховъ въ аббатствѣ пришлось подвергнуться хирургической операциіи. Парэ былъ позванъ, чтобы при-

служивать врачу, и выказал такую понятливость и расторопность, а сверхъ того такъ сильно заинтересовался оперативными приемами, что рѣшилъ посвятить себя изученію хирургіи, на поприщѣ которой пріобрѣлъ впослѣдствіи столь громкую известность.

Сэръ Астлей Куперь, какъ о немъ разсказываютъ, избралъ ту же самую профессію, благодаря слѣдующей случайности: одного молодого человѣка нечаянно перѣхалъ эцизажъ; при этомъ у него была помята нога и вскрылась бедренная артерія. Пострадавшій рисковалъ истечь кровью, какъ вдругъ юному Куперу пришло въ голову перетянуть поврежденную конечность своимъ носовымъ платкомъ выше раны настолько тugo, что кровотеченіе прекратилось. Попошренный такимъ результатомъ, сэръ Астлей рѣшилъ сдѣлаться хирургомъ и не замедлилъ прославиться на этомъ поприщѣ.

Знаменитый французскій хирургъ Пети сначала обратилъ на себя вниманіе знаменитаго анатома Литре, когда еще въ дѣтскихъ годахъ произвелъ вивисекцію надъ кроликомъ. Съ семилѣтняго возраста онъ сдѣлался аккуратнымъ пособителемъ лекцій Литре и черезъ два года пріобрѣлъ такія глубокія познанія въ анатоміи, что завѣдываніе анатомическими театромъ, где демонстрировались опыты и препараты, было отдано исключительно въ его руки. Поразительно было видѣть мальчика девяти—десяти лѣтъ, который входилъ на кафедру и читалъ лекціи по анатоміи, интересовавшія даже спеціалистовъ. Онъ посвятилъ себя изученію хирургіи съ такой же страстью и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ операторовъ во Франціи.

Блюменбахъ былъ также замѣчательнымъ знатокомъ истории и строенія человѣка. Его по справедливости можно назвать отцомъ этнологіи. Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ заперся въ своей комнатѣ съ искусственнымъ скелетомъ съ цѣлью изученія сравнительной остеологии, которая подстрекала въ то время его любопытство. Въ Готѣ, где онъ жилъ,

существовалъ только одинъ настоящій скелетъ, принадлежавшій доктору, другу семейства Блюменбахъ. Мальчикъ постоянно ходилъ къ нему, чтобы учиться по этому скелету. Наконецъ онъ сдѣлалъ себѣ искусственный скелетъ изъ костей домашнихъ животныхъ, имѣвшій нѣкоторое сходство съ человѣческимъ. То было скромнымъ началомъ остеологической коллекціи, которая впослѣдствіи сдѣлалась такой знаменитой по всей Европѣ. Въ семнадцать лѣтъ Блюменбахъ поступилъ въ Іенскій университетъ, а двадцати перешель въ Геттингенскій. Въ двадцати трехъ лѣтнемъ возрастѣ онъ написалъ первое изъ своихъ великихъ сочиненій «О естественныхъ разновидностяхъ человѣческаго рода».

Бишѣ даже въ дѣтствѣ былъ неутомимымъ труженикомъ. Все, что онъ совершилъ, было сдѣлано въ продолженіе немногихъ лѣтъ, потому что этотъ замѣчательный ученый умеръ на тридцать третьемъ году. О его великомъ произведеніи «Anatomie g  n  rale», выпущенномъ въ свѣтъ за годъ до смерти автора, Бокль отозвался такъ: «Оно представляетъ собою вѣроятно самый цѣнныій вкладъ въ физіологію, когда-либо сдѣланный однимъ человѣческимъ умомъ». Бишѣ изслѣдовалъ законы ощущенія и возбудимости и обнаружилъ одинаковую страсть къ физіологии, преимущественно изучая ткани съ цѣлью установить законы ихъ нормального и болѣзненнаго развитія. Пинель въ своихъ запискахъ о Бишѣ замѣчаетъ: «Въ одну зиму онъ вскрылъ болѣе тысячи труповъ. Трудно представить себѣ, что жизни одного человѣка можетъ хватить на столько работъ, на столько открытій, сдѣланныхъ или намѣченныхъ: Бишѣ умеръ, не доживъ до тридцати двухъ лѣтъ» *).

Бергаве, знаменитый врачъ, переводилъ греческихъ и латинскихъ писателей одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ; въ двадцать лѣтъ онъ произнесъ превосходную рѣчь передъ профессоромъ греческаго языка, а въ слѣдующемъ году по-

*) «Anat. Gen. i. pp. 13, 16.

лучилъ степень доктора философії. Сэръ Гемфри Дэви сдѣлалъ такие успѣхи въ химії еще въ дѣтскомъ возрастѣ безъ всякой посторонней помощи, что въ двадцать лѣтъ быть назначенъ завѣдывать пневматическимъ институтомъ въ Бристолѣ.

Докторъ Дженнеръ, еще не достигнувъ двадцати лѣтъ, угадалъ возможность уничтожить одну изъ самыхъ тягостныхъ и роковыхъ болѣзней, губившихъ человѣческий родъ, именно осипу, и съ течениемъ времени восторжествовалъ надъ нею послѣ цѣлаго ряда добросовѣстныхъ опытовъ.

Д-ръ Ричардъ Оуэнъ, знаменитый естествоиспытатель, два раза рисковалъ свернуть съ дороги, приведшей его къ славѣ. Сначала пустился онъ въ море и служилъ мичманомъ на корабль «Трибуна». Между тѣмъ, по окончаніи Американской войны экипажъ судна былъ распущенъ, и Оуэнъ, возвратясь домой, поступилъ въ учение къ одному хирургу въ Ланкастерѣ. Когда же его перевели въ Эдинбургъ, чтобы онъ могъ учиться подъ руководствомъ д-ра Берклия, молодой человѣкъ заинтересовался здѣсь сравнительной анатоміей. Поступивъ вслѣдъ за тѣмъ въ госпиталь св. Вареодомея въ Лондонѣ, Оуэнъ обратилъ на себя вниманіе Джона Эбернети, извѣстнаго хирурга, и сталъ помогать ему при вскрытияхъ труповъ. Здѣсь онъ получилъ дипломъ хирурга, но такъ какъ ему не представлялось случая достать мѣсто по своей профессіи, то Оуэнъ вздумалъ опять отправиться въ плаваніе. Заручившись должностью помощника хирурга на корабль, онъ пришелъ проститься съ своимъ эксцентричнымъ другомъ и учителемъ. «Что это вы затѣяли? — спросилъ Эбернети, — куда выѣдете?» — Я отправляюсь въ море, сэръ. — «Въ море? Скажите лучше: ко всѣмъ чертамъ?» — Ну, не думаю, сэръ. — «Вотъ дикая фантазія: пускаться въ море! Ужъ лучше, говорю вамъ, отправляйтесь прямо къ чорту!» — повторилъ докторъ и сталъ описывать юношѣ ожидающія его искушенія, трудности, потерю времени и славы, благодаря такому необдуманному шагу. Наконецъ онъ настоялъ

на томъ, чтобы Оуэнъ зашелъ къ нему еще разъ черезъ недѣлю. Тотъ, дѣйствительно, посѣтилъ черезъ нѣсколько дней своего рѣзкаго, но прямодушнаго друга, и тогда Эбернети предложилъ ему должность въ коллегіи хирурговъ. Это предложеніе было принято, и молодой анатомъ устроился очень счастливо на новомъ мѣстѣ, гдѣ могъ работать объ руку съ человѣкомъ, родственнымъ ему по натурѣ. Правда, флотъ лишился въ его лицѣ хорошаго офицера, за то наука приобрѣла въ немъ одно изъ своихъ лучшихъ украшений.

Въ литературѣ и лингвистикѣ примѣры ранняго проявленія замѣчательныхъ способностей также весьма многочисленны. Меланхтонъ двадцатилѣтнимъ юношей читалъ публичныя лекціи въ Тюбингенѣ о Виргиліи, Теренціи, Цицеронѣ и Титѣ Ливіи, а въ двадцать одинъ годъ получилъ каѳедру греческаго языка въ Виттенбергскомъ университѣтѣ. Монтескіе сдѣлалъ набросокъ своего «Духа законовъ» раньше, чѣмъ ему минуло двадцать лѣтъ. Феневлонъ дѣлалъ такие блестящіе успѣхи въ наукахъ, что въ пятнадцать лѣтъ произнесъ проповѣдь передъ избраннымъ собраніемъ въ Парижѣ. Грессэ написалъ «Ver vert», одно изъ остroeумнѣшихъ произведеній на французскомъ языкѣ, когда ему шелъ двадцать четвертый годъ. Вильменъ такъ прославился своимъ талантомъ, что девятнадцати лѣтъ былъ назначенъ профессоромъ риторики въ коллегію Карла Великаго въ Парижѣ, а два года спустя написанная имъ «Похвала Монтевю» была увѣнчана Институтомъ Франціи. Кузенъ удостоился почетной награды отъ того же учрежденія на шестнадцатомъ году; въ томъ же возрастѣ Огюстъ Конть занялъ первое мѣсто по математикѣ въ политехническомъ училищѣ.

Бекфордъ двадцати двухъ лѣтъ написалъ «Ватека». «Я написалъ эту вещь,—говорилъ онъ,—за одинъ присѣсть и по-французски. Голь—Эблисъ былъ придуманъ мною. Всѣ женщины, выведенныя въ «Ватекѣ», были списаны съ на-

туры, при чёмъ ихъ воображаемые достоинства и недостатки я усилилъ согласно моему замыслу». Д-ръ Уильямъ Уоттонъ еще ребенкомъ обнаружилъ необыкновенные способности къ изученію языковъ. Плати лѣтъ онъ уже умѣлъ читать и понимать прочитанное по-латыни, по-гречески и по-еврейски, а въ десять лѣтъ зналъ халдейскій, сирійскій и арабскій языки. Поселившись въ Уэльсѣ, Уоттонъ прекрасно усвоилъ мѣстное нарѣчіе, но, подобно Мальябекки, у котораго знаніе языковъ было еще обширнѣе, онъ не сдѣлалъ ничего въ области языковѣданія. Этотъ замѣчательный лингвистъ не оставилъ послѣ себя ни единой мысли, способной послужить на пользу другимъ. Раннее развитіе обоихъ пропало даромъ.

Нельзя сказать того-же относительно сэра Уильяма Джонса, который считался замѣчательнымъ мальчикомъ еще въ школѣ. Отецъ его, знаменитый математикъ, умеръ, когда сыну было только три года. Въ Гарроу Джонсъ превзошелъ успѣхами всѣхъ своихъ товарищъ по ученію. Д-ръ Теккэрей, начальникъ школы, отзывался о немъ такъ: «Если-бъ Джонса оставить нагимъ и безпріютнымъ на равнинѣ Селисбери, онъ все-таки нашелъ бы дорогу къ славѣ и богатству». То, что сдѣлано сэромъ Уильямомъ Джонсомъ, слишкомъ хорошо известно, что-бъ обѣ этомъ стоило распространяться.

Сэръ Джемсъ Мэкинтошъ, отъ котораго много ожидали въ дѣствѣ, такъ и остался «лишь многообѣщающимъ человѣкомъ» до конца дней. Въ окрестностяхъ Фортроза, гдѣ онъ жилъ, его превозносили, какъ чудо учености. Но у этого человѣка никогда не оказывалось досуга, а поганай и настойчивости для того, чтобы сдѣлаться великимъ. Онъ безпрерывно занимался рѣшеніемъ какихъ-нибудь вопросовъ, а затѣмъ отдыхалъ отъ придумыванія этихъ рѣшеній. Въ отроческие годы онъ читалъ и думалъ почти цѣлыми ночи напролетъ, а сдѣлавшись взрослымъ, читалъ и думалъ постоянно—днемъ и ночью; но Мэкинтошъ со-

всѣмъ не оправдалъ надеждъ на то, что онъ составить блестящую карьеру.

Томасъ Браунъ, метафизикъ, въ восемнадцать лѣтъ написалъ и издалъ свои «Замѣчанія на эзопомію Дарвина». Въ предисловіи къ этому сочиненію заключался зачатокъ его ученія о причинности. Д-ръ Браунъ состоялъ впослѣдствіи профессоромъ нравственной философіи въ эдинбургскомъ университѣтѣ и лекціи этого ученаго, напечатанныя послѣ его смерти, считаются лучшимъ руководствомъ по данному предмету. На двадцать четвертомъ году онъ сдѣлался сотрудникомъ «Эдинбургскаго обозрѣнія». Этотъ журналъ, выходившій четыре раза въ годъ, былъ основанъ и велся исключительно молодежью: Генри Брумомъ—двадцати трехъ лѣтъ, Френсисомъ Горнеромъ — двадцати четырехъ, Френсисомъ Джейфреемъ—двадцати девяти и Сиднеемъ Смитомъ—тридцати одного года. Послѣдній въ мальчишескомъ возрастѣ былъ первымъ по ученію и первымъ по всяkimъ проказамъ въ школѣ.

Д-ръ Александръ Мёррей пасъ въ дѣтствѣ овецъ и слылъ у своего отца глупцомъ и лѣнтяемъ. Онъ вѣчно падалъ впросакъ, когда его посыпали насти скотъ. Вся бѣда заключалась въ томъ, что мысли мальчика были заняты больше ученьемъ, чѣмъ работой. Въ пятнадцать лѣтъ онъ познакомился самоучкой съ латинскимъ и французскимъ языками и вскорѣ уже могъ читать Цезаря, Овидія и Тита Ливія. Оставивъ свое прежнее занятіе, юноша сдѣлался школьнымъ надзирателемъ; въ училищѣ онъ употреблялъ часы досуга на изученіе нѣмецкаго, англо-саксонскаго и вестготскаго языковъ, послѣ чего перешелъ къ изученію уэльскаго нарѣчія. Въ нѣсколько лѣтъ онъ овладѣлъ всѣми европейскими языками и приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ самыхъ отдаленныхъ языковъ Востока. Въ тридцать лѣтъ Мёррей былъ признанъ однимъ изъ ученѣйшихъ лингвистовъ своей эпохи; когда же въ эдинбургскомъ университетѣ освободилась каѳедра восточ-

ныхъ языковъ, онъ былъ назначенъ туда профессоромъ въ тридцать шесть лѣтъ. Однако умственный трудъ, которому онъ подвергалъ себя въ теченіе многихъ лѣтъ, оказался не подъ силу его слабому организму, и молодой ученый пользовался только одинъ годъ своимъ почетнымъ положеніемъ; онъ умеръ тридцати семи лѣтъ.

Иногда приходится слышать мнѣніе, будто бы мальчики, отличающіеся успѣхами въ начальныхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, ничѣмъ не заявляютъ о себѣ въ практической жизни. «Немногіе, — говоритъ сэръ Эджертонъ Бриджъ, — изъ получающихъ ученыя степени въ университетахъ, заставляютъ потомъ говорить о себѣ». Но на дѣлѣ выходитъ далеко не такъ. Особыя качества, служащія по рукои будущаго величія, начинаютъ проявляться и обнаруживать свою жизненность въ возрастѣ отъ семнадцати или восемнадцати до двадцати двухъ или двадцати трехъ лѣтъ. Способность сужденія начинаетъ вступать тогда въ свои права въ умственной организаціи, а даръ пониманія, какъ и познанія вещей придаетъ новую форму и окраску всему, что проходитъ черезъ нашъ умъ. На этомъ основаніи молодые люди, опередившіе товарищевъ школѣ и университетѣ, обыкновенно оказываются первыми и въ школѣ дѣйствительной жизни. Жизнь и исторія нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся государственныхъ людей Англіи служитъ тому подтвержденіемъ.

Лордъ Чатамъ, Чарльзъ Джемсъ Фоксъ, Уиндгемъ, Гранвиль и Уэльслей великолѣпно учились въ Итонѣ. Но Чатамъ не отличился ничѣмъ въ Оксфордѣ. На двадцатомъ году мы видимъ его корнетомъ одного гвардейскаго полка. Въ двадцать шесть онъ вступилъ въ парламентъ, а два года спустя произнесъ въ немъ свою первую рѣчь, разомъ обратившую на него всеобщее вниманіе. Сэръ Робертъ Уэльполь всегда чувствовалъ боль въ спинѣ, «когда этотъ ужасный кавалерійскій корнетъ подымался, чтобы говорить», такъ какъ лордъ Чатамъ былъ однимъ изъ пылкихъ и вдохно-

венныхъ ораторовъ. Противоположность ему представлялъ Уильямъ Питтъ «прирожденный министръ», хотя происхождение отъ такого отца, какой былъ у него, служило фактомъ немаловажнаго значенія въ родословной его ума и характера.

Въ дѣтствѣ Питтъ былъ слабымъ, нѣжнымъ ребенкомъ, но умнымъ не по лѣтамъ. Онъ воспитывался дома; отецъ самъ занимался его образованіемъ. Лэди Голлендъ назвала маленькаго Уильяма Питта «самымъ умнымъ ребенкомъ, какого она только видѣла». Въ двѣнадцать лѣтъ онъ далеко опередилъ брата, который былъ старше его на три года. Отецъ обыкновенно сажалъ мальчика на стулъ и заставлялъ декламировать въ большомъ обществѣ, что вызывало удивленіе и восторгъ присутствующихъ. Четырнадцати лѣтъ Уильямъ сочинилъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ. На пятнадцатомъ году онъ поступилъ студентомъ въ Пемброкъ-Голль въ Кембриджѣ, где оставался шесть лѣтъ, прилежно занимаясь, и приобрѣлъ обширныя познанія въ англійской литературѣ. По словамъ Маколея, Питтъ такъ хорошо зналъ древніе языки и математику, что немногіе могли сравниться съ нимъ по этой части въ коллегіи даже изъ числа тѣхъ, которые были старше его на три года. Самой любимой книгой этого юноши было сочиненіе Ньютона «Principia»; легкость, съ какою онъ решалъ самые трудные математическія задачи, по мнѣнію одного изъ репетиторовъ, не имѣли себѣ равной въ университетѣ.

Питтъ вступилъ въ парламентъ, едва достигнувъ узаконенного возраста. Въ двадцать два года онъ произнесъ свою первую рѣчь въ пользу проекта экономической реформы, представленного Беркомъ, при чёмъ привелъ въ восторгъ и изумленіе палату своимъ самообладаніемъ, легкостью изложенія и благородствомъ манеръ. Гэллить выразился о немъ, что «онъ всегда былъ взрослымъ и никогда не обнаруживалъ незаконченности и неловкости растущаго ума». Въ двадцать три года Питта назначили

канцлеромъ казначейства, а въ двадцать четыре—первымъ министромъ,—«величайшее явленіе,—говорить Маколей,—какое видѣла Англія при многихъ поколѣніяхъ».

Хотя Эдмундъ Беркъ не проявлялъ такого ранняго развитія, какъ Питтъ, однако удостоивался наградъ въ коллегіи Троицы въ Дублинѣ, въ особенности по классическимъ языкамъ. Онъ посвящалъ много свободнаго времени чтенію всевозможныхъ книгъ, преимущественно историческихъ сочиненій, которые впослѣдствіи явились орудіемъ его силы. На двадцать шестомъ году онъ напечаталъ свой «Опытъ о великомъ и прекрасномъ», начатый имъ въ девятнадцать лѣтъ. Эта книга немедленно упрочила за нимъ почетное положеніе среди классическихъ писателей отечества.

Кеннингъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ учениковъ Итона, рано отличился изяществомъ своихъ латинскихъ и англійскихъ стиховъ. Въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ сталъ издавать свой журналъ «Микрокосмъ», главными сотрудниками которого, кроме его самого, были Фрерь и братья Смитъ, почти тѣхъ же лѣтъ, какъ онъ самъ. Кеннингъ поступилъ въ коллегію Христовой церкви въ Оксфордѣ на восемнадцатомъ году и отличился своими классическими пьесами. Его «Путь въ Менку», прочитанный въ театрѣ по случаю годовщины смерти лорда Крю, оказался вѣнѣ всякаго сравненія и былъ признанъ лучшей латинской поэмой изъ числа когда-либо сочинявшихся въ Оксфордѣ. Кеннингъ вступиль въ парламентъ двадцати трехъ лѣтъ, произнесъ свою первую рѣчь въ слѣдующемъ году, былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря на двадцать шестомъ и все поднимался по іерархической лѣстницѣ до пятьдесятъ седьмого года жизни, когда сдѣлался первымъ министромъ, чтобы оставаться на этомъ посту до самой смерти.

Изъ государственныхъ людей позднѣйшаго времени Пиль и Гладстонъ получали въ Оксфордѣ высшія награды.

Пиль удостоился степени бакалавра словесныхъ наукъ на двадцатомъ году съ отличиемъ, безпримѣрнымъ до того времени, такъ какъ заслужилъ награду первого разряда, какъ за древніе языки, такъ и за математику. Между тѣмъ, того же двойного отличія были удостоены впослѣдствіи Гладстонъ, лордъ Кердуэль и лордъ Уэстбери.

Лордъ Маколей проходилъ курсъ ученія въ Кембриджѣ съ необычайнымъ блескомъ. Два года подрядъ, когда ему было девятнадцать и двадцать лѣтъ, онъ получалъ канцлерскую медаль за англійскіе стихи, а на двадцать второмъ году получиль стипендию Кревена. Хотя премированный университетомъ поэмы не особенно цѣняются въ литературѣ, однако ихъ авторы часто приобрѣтали известность въ своей дальнѣйшей дѣятельности. Мэкуортъ Прэдъ точно также получалъ два года подрядъ канцлерскую медаль послѣ Маколея и кромѣ того удостоился медали Броуна за греческую оду и эпиграммы. Бульверъ Литтонъ получилъ впослѣдствіи ту-же медаль за свою поэму «О ваянніи». Къ числу питомцевъ оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ, получившихъ здѣсь награды за свои поэмы, принадлежать достопочтенный Боульсъ, епископъ Геберъ, профессоръ Уивель, деканъ Мильменъ и лордъ Теннисонъ.

Было замѣчено, что первыя мѣста на житейскомъ по-прищѣ достаются не тѣмъ, которые занимали въ университетахъ первый разрядъ, но чаще тѣмъ, которые стояли тамъ на второмъ и даже на третьемъ планѣ. Возьмемъ для примѣра хотя бы математическое отдѣленіе въ Кембриджѣ и мы увидимъ, что окончившіе по первому разряду занимаютъ почетное положеніе въ качествѣ профессоровъ, преподавателей, переводчиковъ или случайно достигаютъ видныхъ мѣстъ въ духовномъ званіи, но при этомъ обыкновенно стоять далеко отъ руководящей роли въ профессиональномъ и ученомъ мірѣ. Многіе изъ нихъ совершенно скрываются съ общественной арены.

Между немногими учеными, которые окончили курсъ

университета по первому разряду, назовемъ сэра Джона Гершеля, профессора Эйрея, профессора Стокса, профессора Адамса, открывшаго одновременно съ Леверье планету Нептунъ. Графъ Россъ, великий механикъ съ титуломъ пэра, окончилъ по первому разряду математический факультетъ въ коллегии Магдалины въ Оксфордѣ; между тѣмъ Струтъ, старшій сынъ лорда Рейлея, окончившій по первому разряду кембриджскій университетъ въ 1865 году, считается первымъ представителемъ знати, получившимъ это отличіе.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о великихъ историческихъ юношахъ. Хотя рѣдко случается такъ, чтобы люди становились у власти прежде, чѣмъ они пріобрѣтутъ необходимый опытъ, приходящій обыкновенно съ годами, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ величайшихъ правителей и полководцевъ въ древнія и новѣйшія времена были сравнительно молодыми людьми. Гениальная способность повелѣвать имѣть въ себѣ что-то схожее съ инстинктомъ; а чтобы любить страстью какое-нибудь дѣло, надо имѣть къ нему особый даръ.

Фемистокль въ юности пылалъ любовью къ славѣ, и его завѣтнымъ желаніемъ было отличиться на службѣ отечеству. Будучи только тридцати лѣтъ, онъ предводительствовалъ греческимъ флотомъ въ морскомъ сраженіи съ персами подъ начальствомъ Ксеркса при Саламинѣ. Полную побѣду, одержанную греками, слѣдуетъ приписать мужеству всѣхъ сражавшихся въ тотъ день, но еще болѣе проницательности и стойкой отвагѣ Фемистокла. Онъ повсюду былъ первымъ, и соотечественники нѣкоторое время признавали его величие и превосходство.

Александръ Великій былъ еще болѣе юнымъ правителемъ и полководцемъ. Едва успѣвъ вступить на македонскій престолъ въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, онъ былъ призванъ подавить грозное восстаніе. Это удалось ему вполнѣ. Послѣ того онъ направился къ югу и покорилъ главныя

государства Греції. На двадцать второмъ году онъ собралъ армію для нашествія на Персію, переправился черезъ Геллеспонтъ и высадился въ Абидоссѣ. Отважный завоеватель встрѣтилъ войско Дарія на берегахъ Граника и разбилъ его на голову. На слѣдующій годъ онъ двинулся въ Малую Азію, выиграль сраженіе при Иссѣ, а два года спустя сраженіе при Арбелѣ, когда ему было всего двадцать пять лѣтъ. Такимъ образомъ сила Дарія была сокрушена въ конецъ, Востокъ былъ открытъ для оружія Александра и во время своего царствованія, продолжавшагося двѣнадцать лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, онъ распространилъ свои владѣнія отъ береговъ Средиземнаго моря до восточныхъ областей Инда. Смерть постигла его на тридцать второмъ году.

Сципіонъ и Помпей достигли величія еще въ юности. Сципіонъ выиграль сраженіе при Замѣ, когда ему было двадцать девять лѣтъ; но Помпей отличился въ еще болѣе молодыхъ лѣтахъ. Въ двадцать три года онъ собралъ армію и, предводительствуя ею, разбилъ Марка Брута. Въ слѣдующемъ году еще «безбородымъ юношемъ», какъ описывали его враги, онъ предпринялъ удачный походъ въ Африку и съ торжествомъ вернулся въ Римъ.

Ганнибалъ сдѣлался однимъ изъ величайшихъ полководцевъ древности, изучивъ военное искусство въ лагеряхъ Гамильнара и Гасдрубала. По смерти послѣдняго, когда Ганнибалу было двадцать шесть лѣтъ, ему удалось стать во главѣ всей карѳагенской арміи. Покоривъ испанскія племена, остававшіяся до тѣхъ поръ независимыми, онъ обратилъ свое оружіе противъ Рима. На двадцать восьмомъ году онъ взялъ Сагунтъ послѣ восьмимѣсячной упорной осады, потомъ перешель Пиринеи, двинулся къ Ронѣ, про никъ черезъ Альпы въ Италію и послѣ многихъ удачныхъ стычекъ выиграль большое сраженіе при Каннахъ, когда ему шелъ тридцать первый годъ.

Въ средніе вѣка великими воителями въ молодые годы

были Карлъ Великій и Карлъ Мартелль. Мартелль, т.-е. «Молотъ», какъ его называли, разбіль сарациновъ при Турѣ еще сравнительно въ молодыхъ годахъ и тѣмъ измѣнилъ судьбы Европы. Карлъ Великій въ тридцать лѣтъ былъ владыкою Франціи и Германіи. На-ряду съ Александромъ Великимъ и Цезаремъ его имя гремѣло въ раннѣй исторіи Европы. Вильгельмъ Завоеватель всего двадцати лѣтъ разбіль своихъ возставшихъ дворянъ въ битвѣ при Валь-де-Дюнѣ, а тридцати восьми лѣтъ одержалъ при Гастингсѣ победу, сдѣлавшую его властелиномъ Англіи. Эдуардъ Черный Принцъ всего шестнадцати лѣтъ командовалъ главнымъ отрядомъ англійской арміи въ битвѣ при Кressи. Увидавъ, какъ онъ бросился въ самый разгаръ сраженія, его отецъ сказалъ: «Пускай дитя заслужить свои шпоры и отличится». Когда битва кончилась, онъ обнялъ юношу, говоря: «Милый сынъ, Господь даровалъ тебѣ похвальнную стойкость; ты мой настоящій сынъ, ты честно вель себя сегодня и достоинъ вѣнца». Десять лѣтъ спустя, на двадцать седьмомъ году Черный Принцъ выигралъ сраженіе при Пуатье. Двадцати семи лѣтъ Генрихъ V одержалъ победу при Азинкурѣ.

Нѣкоторые изъ наиболѣе замѣчательныхъ правителей и полководцевъ Франціи прославились также въ юныхъ годахъ. Генрихъ Наваррскій съ шестнадцатаго года былъ признаннымъ вождемъ гугенотовъ. Въ этомъ возрастѣ онъ предводительствовалъ ими въ битвахъ при Жарнакѣ и Мон-контурѣ. Послѣ Вареоломеевой ночи, когда ему шелъ двадцать третій годъ, онъ сталъ во главѣ французскихъ кальвинистовъ и предводительствовалъ ими въ цѣломъ рядѣ отчаянныхъ и жаркихъ битвъ. Тридцати четырехъ лѣтъ Генрихъ выигралъ сраженіе при Кутрасѣ, а вскорѣ послѣ того при Аркѣ и Иври. Сраженіе при Аркѣ было выиграно имъ съ пятью тысячами человѣкъ противъ двадцати пяти тысячъ непріятельского войска подъ предводительствомъ герцога Майненскаго. Онъ побѣдилъ своего противника въ особен-

ности благодаря своей юношеской энергии и деятельности. Про него говорили, что онъ изнашивалъ очень мало тонкаго сукна, но очень много сапожной кожи, и что онъ проводилъ меньше времени въ постели, чѣмъ герцогъ Майенский за столомъ. Когда кто-то сталъ превозносить въ его присутствіи искусство и храбрость его соперника, Генрихъ замѣтилъ: «Вы правы; онъ великий полководецъ, но я всегда опережаю его на пять часовъ». Генрихъ Наваррскій вставалъ всегда въ четыре часа утра, а герцогъ Майенский около десяти.

Кондѣ сдѣлался другимъ знаменитымъ полководцемъ Франціи въ молодыхъ лѣтахъ. Его военное искусство и постоянные успѣхи заслужили ему прозвище «Великаго». Двадцати двухъ лѣтъ онъ выигралъ сраженіе при Рокруа противъ превосходнѣйшихъ испанскихъ силъ, потомъ послѣдовательно разбилъ войска германского императора подъ Фрибургомъ и Нордлингеномъ, а въ слѣдующемъ году подъ Ленсомъ въ Артуа; все эти побѣды одержаны имъ до двадцати семи лѣтъ. Тюреннъ также стяжалъ славу великаго полководца, хотя совсѣмъ не блисталъ умственными способностями въ дѣятельности, считался тузицей и съ большимъ трудомъ усваивалъ школьнную науку. Однако мальчикъ былъ упрямъ и настойчивъ, и то, что ему удавалось заучить, прочно сидѣло у него въ головѣ. Когда воспитатели дѣйствовали на самолюбіе будущаго героя, онъ дѣлалъ быстрые успѣхи. Къ военной службѣ Тюреннъ готовился подъ руководствомъ своего дяди, принца Морица Голландскаго, который началъ обученіе съ того, что заставилъ племянника ходить подъ ружьемъ, какъ радового солдата. Пройдя все низшія ступени солдатской службы, юноша получилъ въ командованіе роту, оказавшуюся въ скоромъ времени одной изъ первыхъ по военной выправкѣ и дисциплине во всей французской арміи. Въ двадцать три года Тюреннъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, т.-е. получилъ званіе одною степенью ниже званія маршала Франціи или главно-

командующаго. Первою важною услугою, оказанною имъ отечеству, было командование злополучнымъ отступлениемъ отъ Майнца въ 1635 году. Онъ прикрывалъ тыль отступавшей арміи и поддерживалъ порядокъ съ удивительной ловкостью, мужествомъ и самообладаніемъ. Двадцати пяти лѣтъ Тюреннъ предводительствовалъ смѣлимъ походомъ 1637 года, въ продолженіе котораго взялъ Ландресс и Суаръ, а въ заключеніе оттеснилъ испанцевъ за Самбру. Онъ до конца дней пользовался славою величайшаго полководца своего времени, одинаково знаменитаго въ старости и въ юности. Герой былъ убитъ въ сраженіи при Зальцбахѣ на шестьдесятъ четвертомъ году.

Маршалъ де-Саксъ воспитался на военномъ дѣлѣ. Двѣнадцати лѣтъ онъ служилъ въ союзной арміи, стоявшей передъ Лиллемъ. Въ слѣдующемъ году, во время осады Турна, подъ нимъ была убита лошадь и въ томъ же году онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Мальплякѣ. Двадцати четырехъ лѣтъ онъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы при герцогѣ Орлеанскомъ. Но званіе маршала Франціи досталось ему лишь на сорокъ седьмомъ году. Онъ былъ исключительно военнымъ человѣкомъ и даже не умѣлъ грамотно писать, до такой степени недостаточно было его образованіе. Когда французская академія предложила ему званіе своего почетнаго члена, у де-Сакса достало здраваго смысла отклонить эту честь, и по этому поводу онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «*Il veule me fere de la Cademie; cela miret come une bage a un chas.*»

Военная служба нечаянно навела Вобана на изученіе фортификацій. Семнадцати лѣтъ онъ вступилъ въ армію подъ команду принца Конде и стоялъ съ нимъ подъ Клермономъ въ Лотарингіи, когда тамъ возводились укрѣпленія. Это дѣло заинтересовало его и онъ занялся имъ съ большими прилежаніемъ. Его знаменитое сочиненіе по фортификації было подготовлено и составлено во время полевой службы въ дѣйствующей арміи, где Вобанъ обнаружилъ

замѣчательную храбрость и прославился многими отважными подвигами въ виду непріятеля. Послѣдняя изъ его книгъ была закончена всего за нѣсколько дней до смерти, которая постигла его на семьдесятъ пятомъ году, когда Вобанъ руководилъ работами по устройству укрѣпленнаго лагеря, простиравшагося отъ Дюнкирхена до Берга. Кроме этихъ важныхъ сочиненій по фортификаціи, онъ оставилъ послѣ себя рукопись въ двѣнадцати томахъ большого формата, озаглавленную «Праздность». Онъ никогда не терялъ времени, извлекая пользу изъ каждой минуты.

Два великихъ шведскихъ полководца: Густавъ Адольфъ и Карль XII обнаружили впервые свой военный гений въ очень молодыхъ годахъ. Густавъ унаслѣдовалъ корону Швеціи на семнадцатомъ году. Не успѣлъ онъ взять въ руки бразды правленія, какъ въ его страну вторгся Сигизмундъ, король польскій, также заявлявшій притязанія на его тронъ. Одновременно съ тѣмъ, другая часть его владѣній подверглась нападенію со стороны русскихъ. Однако послѣ войны, затянувшейся болѣе, чѣмъ на девять лѣтъ, Густавъ Адольфъ одержалъ верхъ надъ обоими непріятелями, а также присоединилъ Ригу и часть Лифляндіи къ своему государству. Пока свирѣпствовала эта война, австрійцы нарушили границы шведской территории. Это повело къ открытю враждебныхъ дѣйствій, и всыхнула новая ожесточенная война, при чёмъ армія Густава образовала соединительный пунктъ для угнетаемыхъ протестантовъ Германіи. Шведская армія на голову разбила австрійцевъ на равнинахъ подъ Лейпцигомъ; затѣмъ послѣдовалъ еще цѣлый рядъ замѣчательныхъ битвъ, пока Густавъ Адольфъ не сложилъ голову на полѣ брані подъ Люценомъ въ моментъ побѣды, въ тридцать восьмомъ году жизни.

Жизненное поприще Карла XII было еще блестательнѣе, хотя его доблести и необычайный талантъ полководца затемнялись своимъ равнодушіемъ и необдуманностью. Карль всту-

пиль на шведский престолъ пятнадцатилѣтнимъ юношемъ. Ему было восемнадцать лѣтъ, когда составилась противъ него коалиція, въ которую вступилъ русскій царь, польскій король, курфюрстъ саксонскій и король датскій, съ цѣлью произвести раздѣлъ Швеціи. Карлъ немедленно посадилъ свою армію на суда, отплылъ къ Копенгагену, осадилъ городъ и черезъ нѣсколько недѣль принудилъ датскаго короля заключить съ нимъ миръ. Затѣмъ онъ пошелъ на Россію, снарядилъ и высадилъ свою армію въ восемь тысячъ человѣкъ въ Лифляндіи, двинулся на русскихъ, которые въ то время осаждали Нарву, имѣя въ своемъ распоряженіи несравненно болѣе сильное войско, и послѣ упорной борьбы совершило разбить ихъ. Въ то время юному полководцу было только восемнадцать лѣтъ. Затѣмъ онъ обратилъ свое оружіе противъ Августа, короля польскаго, нанесъ нѣсколько послѣдовательныхъ пораженій польской арміи, низложилъ Августа съ престола и посадилъ на его мѣсто другого короля. Честолюбіе Карла разгорѣлось отъ такого ошеломляющаго успѣха. Вместо того, чтобы удовлетвориться блестательной победой надъ врагами, онъ задумалъ отнять тронъ у цара Петра, своего величайшаго соперника и недруга. Переїхъ Нѣманъ, онъ дважды разбилъ русскихъ: подъ Гродно и на берегахъ Березины. Непріятель скрылся, но зима приближалась, и Карла съ его арміей постигли тѣ же бѣдствія, которыя впослѣдствіи погубили Наполеона. Шведскія войска страдали отъ холода, голода, болѣзней и лишеній всякаго рода, пробирались къ Смоленску, откуда они доплелись до Полтавы, уже разстроенные, истощенные; здѣсь Петръ I рядомъ решительныхъ побѣдъ окончательно уничтожилъ и разсѣялъ ихъ. Остатокъ жизни Карла XII полонъ романтическихъ приключеній. Онъ нашелъ себѣ пристанище въ Турціи, откуда бѣжалъ, однако, четыре года спустя; достигъ Штральзунда и Помераніи въ шестнадцать дней; вторично выступилъ въ походъ противъ Пруссіи, Даніи,

Саксонії и Россії, соединившихся противъ него, потомъ бѣжалъ изъ Штральзунда и вернулся въ Швецію послѣ почти пятнадцатилѣтняго отсутствія. Здѣсь онъ собралъ двадцатитысячную армію, напалъ на Норвегію, въ то время присоединенную къ Данії, и тутъ, послѣ перемѣнного успѣха, его карьера пришла къ быстрому концу: осматривая траншеи около Фридрихсгагеля, который онъ осаждалъ, Карлъ ХІІ былъ сраженъ на смерть выстрѣломъ въ голову на тридцать седьмомъ году.

Такимъ же великимъ историческимъ юношемъ былъ Фридрихъ Великій, король прусскій. Въ дѣтствѣ онъ подвергался до такой степени суровому и жестокому обращенію со стороны отца, что надо удивляться, какъ изъ него могло выйти что-нибудь путное. Отвращеніе, которое онъ обнаруживалъ къ военнымъ упражненіямъ, и пристрастіе къ французской литературѣ, музыкѣ, изящнымъ искусствамъ вооружили противъ него старого короля. Онъ заточилъ сына въ тюрьму и, какъ говорятъ, одно время даже замышлялъ казнить его. Однако, смерть этого деспота въ 1740 году возвела Фридриха на тронъ двадцати восьми лѣтъ. Годъ спустя, онъ уже выступилъ въ походъ противъ Австріи и выигралъ сраженіе при Молвицѣ, рѣшившее судьбу Силезіи. Черезъ два года Фридрихъ уже опять воюетъ съ Австріей и одерживаетъ побѣды въ сраженіяхъ подъ Гогенфридбургомъ и Зорроj, благодаря чему вторая Силезская война оканчивается полнымъ торжествомъ тридцатидвухлѣтняго героя. Семилѣтняя война, въ которой такъ поразительно обнаружился его военный геній, началась, однако, лишь на сорокъ четвертомъ году его жизни. Сорока пяти лѣтъ онъ выигралъ сраженіе при Розбахѣ: послѣднія знаменитыя побѣды были одержаны имъ при Цорндорфѣ, когда ему было сорокъ шесть лѣтъ, и при Торгау, когда ему было сорокъ восемь. Послѣ нихъ военная карьера Фридриха Великаго была сравнительно безцѣльной. Его славные походы привели къ расширению

прусского королевства, которое съ тѣхъ порь заняло мѣсто среди первоклассныхъ державъ Европы.

Почти весь предводители французской революціи были молодыми людьми. Наполеону шелъ только двадцать пятый годъ, когда онъ командовалъ артиллерией при осадѣ Тулона, взятие которого осуществилось, преимущественно благодаря искусству, съ какимъ юный Бонарпартъ руководилъ военными дѣйствіями. Двадцати шести лѣтъ онъ дрался и выигралъ сраженіе на улицахъ Парижа. Въ слѣдующемъ году онъ побѣдоносно предводительствовалъ французской арміей во время первого итальянскаго похода, взялъ Миланъ и выигралъ битву при Лоди, послѣ чего Ломбардія перешла во владѣніе Франціи. Затѣмъ онъ прошелъ южную Италию и повернуль къ сѣверу навстрѣчу старому Вурмзеру, который двигался изъ Тироля съ многочисленной арміей. Однако молодой, дѣятельный французскій полководецъ оказался болѣе, чѣмъ равнымъ австрійскому ветерану; онъ постоянно ставилъ ему ловушки и наносилъ пораженія. Подобно Генриху Наваррскому, вѣчно опережавшему герцога Майнскаго, Наполеонъ всегда ухитрялся выиграть время и впослѣдствіи заявлялъ, что побилъ австрійцевъ, благодаря ихъ неповоротливости. Старики-генералы хвастались громадной опытностью въ военномъ дѣлѣ, но эта опытность застыла въ педантическихъ формахъ, и пока нѣмцы обсуждали лучшій способъ веденія войны, ихъ проворный и энергичный противникъ нападалъ на нихъ врасплохъ и наносилъ имъ пораженія. Съ своей точки зрењія они могли только заключать, что были побиты не по правиламъ военного искусства.

Послѣ краткаго похода въ Египетъ Наполеонъ вернулся во Францію, былъ избранъ первымъ консуломъ и опять перешелъ черезъ Альпы, чтобы сразиться съ австрійцами, наводнившими Италию. Въ тридцать лѣтъ онъ выигралъ битву при Маренго; «сынъ побѣды» переходилъ отъ одного сраженія къ другому, снова завоевавъ Италію, побѣдоносно

прошелъ черезъ Австрію, Пруссію и провінції старой Германской имперіи. Наконецъ, его остановили сиѣга Россіи. До тѣхъ поръ, пока продолжалась его молодость, Наполеонъ былъ великъ, но съ годами дѣятельность и енергія измѣнили герою. Послѣ походовъ, продолжавшихся около двадцати трехъ лѣтъ, Наполеонъ наконецъ потерпѣлъ неудачу и полное пораженіе на сорокъ шестомъ году жизни. Французскіе писатели полагаютъ, что годы и полнота уже сильно давали ему чувствовать себя въ то время, и что еслибъ онъ вмѣсто того, чтобы валиться въ постели, обнаружилъ большиe дѣятельности и проворства утромъ 17 июля 1815 года, тотчасъ послѣ битвы при Линни, то могъ бы сломить Веллингтона, лишенного поддержки Блюхера, и выиграть бы белгійскую кампанію. Впрочемъ, онъ былъ разбитъ полководцами не моложе себя, но такими, которые привыкли вставать поутру раньше его.

Лучшіе генералы Наполеона были также по большей части молодыми людьми. Дѣйствительно, въ войнахъ французской революціи то и дѣло упоминается о старыхъ генералахъ, терпѣвшихъ пораженія отъ болѣе молодыхъ. Блестящаго Гоша назначали главнокомандующимъ мозельской арміей въ двадцать четыре года. Умберъ былъ бригаднымъ генераломъ въ двадцать шесть лѣтъ. Клеберъ и Лефевръ были генералами въ тридцать девять лѣтъ. Ланнъ получилъ командованіе бригадой въ двадцать восемь лѣтъ. Викторъ командовалъ батальономъ въ двадцать пять лѣтъ. Су командовалъ бригадой въ двадцать девять лѣтъ. Сень-Сиръ командовалъ дивизіей въ тридцать лѣтъ. Миоратъ командовалъ наполеоновской кавалеріей въ двадцать девять лѣтъ. Нэй «Неутомимый» былъ генераль-адьютантомъ двадцати пяти лѣтъ, а бригаднымъ командиромъ—двадцати семи. Одинъ изъ англійскихъ военныхъ писателей недавно доказывалъ, что только молодые и дѣятельные полководцы выигрываютъ сраженія, и что лицъ старше пятидесяти лѣтъ не слѣдуетъ ставить во главѣ многочисленной арміи

при военныхъ дѣйствіяхъ. Новѣйшая англійская исторія представляетъ много примѣровъ успѣшнаго командованія молодыми генералами. Въ началѣ многихъ войнъ беззубые генералы и параличные адмиралы являлись представителями сухопутныхъ и морскихъ силъ Англіи, но терпѣли пораженія отъ болѣе молодыхъ полководцевъ въ полномъ цвѣтѣ духовныхъ и тѣлесныхъ силъ.

Наиболѣе молодыми военачальниками въ Англіи въ новѣйшія времена были генералы: Уольфъ и сэръ Джонъ Муръ. Уольфъ былъ произведенъ въ маиоры двадцати двухъ лѣтъ, а тридцати одного года командовалъ Квебекскою экспедиціей. Питтъ, избравшій его на эту постъ, сильно усомнился, однако, въ его пригодности къ дѣлу *). Тѣмъ не менѣе Уольфъ со славой заключилъ свою карьеру блестящимъ взятиемъ Квебека, когда ему было всего тридцать три года. Сэръ Джонъ Муръ подвигался по службѣ медленнѣе Уольфа; однако, подобно ему, онъ съ большимъ усердіемъ посвятилъ себя изученію своей профессіи, добросовѣстно вникая во всѣ ея подробности. Тридцати трехъ лѣтъ онъ былъ произведенъ въ бригадные генералы, предводительствовалъ десантомъ въ Абукиръ сорока одного года и командовалъ благороднымъ, но бѣдственнымъ отступленіемъ отъ Коруны сорока семи лѣтъ. Въ знакъ высокаго уваже-

*) Графъ Стенгонтъ приводить любопытный анекдотъ о генералѣ Уольфѣ, доказывающій, по его словамъ, какъ «неумѣлье держать себя можетъ затмить и унизить высокое превосходство ума...» Послѣ назначенія Уольфа, наканунѣ его отплытия въ Америку, Питтъ, съ цѣлью сообщить ему послѣднія словесныя инструкціи, пригласилъ его къ себѣ на обѣдь, на которомъ присутствовалъ еще только одинъ лордъ Темпль. Когда вечеръ приходилъ уже къ концу, Уольфъ, воспоминавшись, пожалуй, своими собственными надеждами и видами, а также необычайнымъ обществомъ государственныхъ людей, внесенно припялся болтать и хвастаться. Обнаживъ свою саблю, онъ стучалъ по столу, размахивалъ ею, прохаживаясь по комнатѣ, и распространялся о великихъ подвигахъ, какие онъ совершилъ своимъ оружіемъ. Оба министра сидѣли озадаченные при видѣ такого поведенія, несособ-

нія къ его доблести, французскіе офицеры воздвигли памятникъ надъ его могилой.

Молодые англійскіе воины находили себѣ самую удобную арену для отличій преимущественно въ Индіи. Робертъ Клайвъ, слившій озорникомъ и упрямцемъ въ школѣ, былъ отправленъ девятнадцати лѣтъ на гражданскую службу въ Индію. На этомъ поприщѣ онъ не обнаружилъ особыхъ дарованій и, проведя почти въ бездѣйствіи два года въ Мадрасѣ, перешелъ въ военную службу, которая была ему больше по душѣ. Онъ былъ принятъ въ полкъ прапорщицкомъ и началъ свою военную карьеру, отличившись при осадѣ Пондишери. Выказанныя имъ мужество и ловкость заслужили ему одобреніе начальства и онъ былъ представленъ къ слѣдующему чину. Когда вспыхнула война въ Карнатикѣ, Клайвъ предложилъ планъ военныхъ дѣйствій, который былъ одобренъ и порученъ ему для исполненія. Въ двадцать пять лѣтъ онъ выступилъ противъ непріятеля во главѣ сравнительно ничтожного отряда, состоявшаго изъ какихъ-нибудь пятисотъ англичанъ и сипаевъ. Но ими руководствовалъ неустршимый, геніальный юноша. Онъ захватилъ Аркотъ, разбилъ французовъ, которыми командовали ихъ престарѣлые генералы, и послѣ ряда битвъ и побѣдъ привелъ войну къ успешному окончанію. Вернувшись въ Англію двадцати семи лѣтъ, онъ сдѣлалъ попытку

разнаго стъ здравымъ смысломъ и настоющимъ умомъ. Когда же гость ваковецъ ушелъ и посыпался стукъ колесъ увозившей его кареты, Питтъ, повидимому, поколебался въ томъ высокомъ мнѣніи, какое составилъ себѣ объ Уольфѣ. Всплеснувъ руками; онъ воскликнулъ, обращаясь къ лорду Темплю: «Боже мой, какъ это я вручилъ судьбу и администрацію цѣлой страны такому пустозвону!» Лордъ Стенгопъ справедливо замѣчаетъ, что «странное поведеніе Уольфа въ данномъ случаѣ подтверждаетъ собственное признаніе этого полководца, что онъ часто производилъ непріятное впечатлѣніе при обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни, и сверхъ того показываетъ, какъ застѣнчивость можетъ по временамъ кидаться въ противоположную крайность».

вступить въ парламентъ, но потерпѣлъ неудачу и уѣхалъ въ Индию продолжать военную службу. Первою его заслугою было разореніе разбойничьяго оплota въ Геріахъ, слѣдующею—возвращеніе Калькутты, гдѣ Суджахъ-у-Даулахъ кидаль своихъ плѣнниковъ въ Черную Пещеру, а послѣднею—взятіе Чандернагора и уничтоженіе власти жестокаго набоба. Съ трехтысячной арміей, гдѣ было не болѣе тысячи англичанъ, Клайвъ выигралъ достопамятное сраженіе при Пласеѣ, противъ арміи въ сорокъ тысячъ пѣхоты и пятнадцать тысячъ кавалеріи. Ему шелъ только тридцать второй годъ, когда онъ совершилъ этотъ послѣдній и главный подвигъ своей жизни, дѣйствительно положившій основаніе британскаго владычества въ Индіи.

Веллингтонъ пожалъ свои первые лавры на томъ же театрѣ войны. Этотъ великий полководецъ вовсе не былъ способнымъ ребенкомъ. Родная мать считала его тупицей и выказывала ему явное пренебреженіе *). Онъ плохо учился въ Итонѣ, гдѣ его находили сонливымъ, лѣнивымъ и застѣнчивымъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось прокладывать себѣ дорогу физической силой. Однимъ изъ его соперниковъ въ дракѣ былъ братъ Сиднея Смита «Бобусъ», надъ которымъ онъ одержалъ верхъ. Однако, счастье не всегда благопріятствовало Веллингтону. Глейгъ разсказываетъ, что онъ былъ жестоко побитъ молодымъ кузнецомъ, хотя по томъ ихъ обоихъ постигло строгое наказаніе. Кузнецъ дожилъ до глубокой старости и ужасно гордился тѣмъ, что одолѣлъ человѣка, передъ которымъ спасовалъ Наполеонъ съ своими лучшими генералами. Веллингтонъ не былъ одаренъ никакимъ талантомъ, кроме способности къ игрѣ на скрипкѣ. Онъ не обнаруживалъ желавія поступить въ армію и чувствовалъ болѣе склонности къ гражданской службѣ. Однако, ему выхлопотали вакансію въ 41-й пѣхотный полкъ и онъ вступилъ въ него восемнадцатилѣтнимъ юношемъ въ

*) Глейгъ. Жизнь Веллингтона.

чинѣ прaporщика. Десять лѣтъ спустя мы видимъ его въ Индіи полковникомъ 38-го пѣхотнаго полка. Стойкость, трудолюбіе, прилежаніе и дѣловитость въ качествѣ администра-тора уже тогда изумляли въ немъ всѣхъ. Вспыхнувшая въ то время магратская война доставила ему наконецъ случай проявить свои военные способности. На тридцать четвертому году онъ выигралъ сраженіе при Ассеѣ съ восьми-тысячнымъ корпусомъ, въ которомъ было всего полторы тысячи европейцевъ противъ магратской арміи, состоявшей изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ. Этотъ военный у-спехъ имѣлъ почти такое же важное значеніе, какъ и по-бѣда Клайва при Пласеѣ. По собственному свидѣтельству Веллингтона, «то было самое жаркое дѣло, какое когда-либо происходило въ Индіи». Въ сорокъ лѣтъ Веллингтонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей, которая воевала въ Португалии, и онъ цѣлыхъ четыре года руководилъ этимъ походомъ. Въ сорокъ шесть лѣтъ онъ выигралъ знаменитую битву подъ Ватерлоо; вся его военная карьера въ качествѣ главнокомандующаго обнимаетъ собою періодъ лишь въ двѣнадцать лѣтъ.

Изъ числа другихъ молодыхъ военачальниковъ въ Индіи наиболѣе замѣчательны: Никольсонъ, Годсонъ и Эвардсъ. Послѣдній обнаруживалъ стремительность и мужество Клайва вмѣстѣ съ чистотой и благородствомъ характера, которыми не могъ похвастаться его названный предшественникъ. Эвардсу было двадцать девять лѣтъ и онъ служилъ поручикомъ на Сикской границѣ, когда вспыхнуло восстание въ Мультанѣ. Быстро соорудивъ войска, бывшія у него въ распоряженіи, Эвардсъ выступилъ противъ Мульраджи и разбилъ его въ двухъ сраженіяхъ, заставивъ искать убѣжища въ цитадели, которая была осаждена и взята штурмомъ съ стремительной быстротой и отвагой.

Хотя, какъ мы увидимъ ниже, многіе знаменитые полководцы прославились въ зреѣлыхъ лѣтахъ, потому что не находили раньше случая отличиться, однако молодые во-

начальники обыкновенно выказывали больше быстроты, решительности, молни и энергии, т.-е. разомъ пускали въ ходъ всѣ тѣлесныя и душевныя силы, что свойственно только эластичной молодости и такъ важно для успѣха на войнѣ. Взглядъ молодого человѣка болѣе зорко подмѣтить слабыя стороны противника, а рука скорѣе поразить его. Пожилой командиръ склоненъ къ выжиданію, къ соблюденію правилъ рутины; его опытность ударяется въ педантство, которымъ болѣе молодые люди пренебрегаютъ, думая только о томъ, чтобы выиграть сраженіе. Вурмзеръ сражался по правиламъ и потерпѣлъ неудачу; Наполеонъ не признавалъ никакихъ правилъ и одерживалъ побѣды. Молодой генералъ устанавливаетъ собственные правила, примѣнительно къ обстоятельствамъ, которыми онъ управляетъ чуткимъ инстинктомъ ума и генія. Наполеонъ подъ конецъ потерпѣлъ пораженіе вопреки своимъ правиламъ,—постоянно чередующейся со крушительной силѣ тяжелыхъ батальоновъ,—такъ какъ онъ разсчитывалъ заранѣе, что англичане подъ Ватерлоо должны быть побѣждены.

Человѣкъ можетъ не встрѣтить случая отличиться до зрѣлыхъ лѣтъ, однако онъ долженъ обладать способностью, хотя бы и скрытою, сдѣлать это, когда наступитъ время. То, на что мы окажемся способными въ зрѣломъ возрастѣ, по большей части является результатомъ нашей подготовки въ молодости. Однако многіе изъ величайшихъ геніевъ не доживали до сорока лѣтъ; дѣйствительно, Гете выразилъ мнѣніе, что люди рѣдко, почти никогда не усваиваютъ новыхъ и оригинальныхъ взглядовъ по достижениіи этого возраста. Рафаэль, Моцартъ, Шубертъ, Россини, Тассо, Киттъ, Шелли, Байронъ и другіе создали свои безсмертныя произведенія задолго до сорока лѣтъ. Шекспиръ написалъ своего «Гамлета», будучи лѣтъ тридцати шести, и едва ли превзошелъ эту трагедію въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Многіе великие люди если и доживали до старости, то лишь приводили въ исполненіе замыслы своей мо-

лодости. Открытие Колумба зародилось въ мысляхъ и научныхъ занятіяхъ молодой поры его жизни. Ньютона открылъ законъ тяготенія въ двадцать пять лѣтъ и не создалъ ничего нового послѣ сорока четырехъ. Уаттъ изобрѣлъ свою машину, дѣйствующую сгущеннымъ паромъ, въ тридцать два года, а свои зрѣлые годы употребилъ на ея усовершенствование.

Юность дѣйствительно есть весенняя пора вдохновенія, изобрѣтеній, открытій, труда и энергіи; зрѣлый-же возрастъ приводить все это въ порядокъ и гармонію. Всѣ новыя идеи молоды и зарождаются по большей части въ юности, когда умъ необычайно быстро и оживленъ, когда онъ склоненъ къ признанію новыхъ истинъ. Хотя великия дѣла могутъ быть совершены и послѣ сорока лѣтъ, то есть, могутъ быть сдѣланы новыя изобрѣтенія, написаны новые книги, выработаны новыя идеи, однако, сомнительно, чтобы умъ въ самомъ дѣлѣ расширялся и росъ послѣ этого возраста. Безспорно, много правды въ словахъ Монтеня: «Наши души становятся взрослыми въ двадцать лѣтъ. Душа, которая до тѣхъ поръ не обнаружила ясныхъ признаковъ своей силы и добродѣтели, никогда не выкажетъ ихъ впослѣдствіи». И далѣе: «относительно всѣхъ великихъ человѣческихъ дѣяній, о которыхъ я когда-либо слышалъ или читалъ, какого бы рода они ни были, какъ въ древнія, такъ и въ нынѣшнія времена, я замѣчалъ, что они совершались чаше до тридцати лѣтъ, чѣмъ позднѣе, и это часто можно прослѣдить въ жизни однихъ и тѣхъ же людей... Лучшую половину жизни они жили на счетъ той славы, которую приобрѣли въ юности; они оставались великими людьми и послѣ въ сравненіи съ другими, но никакъ не въ сравненіи съ собою. Что касается меня лично, то я, конечно, полагаю, что съ названного возраста мой разсудокъ и мой организмъ скорѣе ослабѣли, чѣмъ развернулись, и болѣе подались назадъ, чѣмъ подвинулись впередъ. Возможно, что у тѣхъ, кото-

рые лучше умѣютъ пользоваться своимъ временемъ, познаніе и опытность могутъ расти и совершенствоваться съ годами, но живость, проворство, стойкость и другія наши свойства, болѣе важныя и болѣе личныя, увядаютъ и приходить къ упадку».

ГЛАВА IV.

ВЕЛИКИЕ СТАРЦЫ.

Не зови старцемъ того, чей проникновенный умъ
Безездѣльно царить надъ прошлымъ.
Заветанныя времена года напрасно чередуются
надъ тѣмъ,
Кто искать вѣчное лѣто въ своей думѣ.

Д-ръ Оливеръ Бенделъ Гольдсмитъ.

Не давай охладѣвать своему сердцу и ты сумѣши перенести веселость и любовь во второй де-
сятъ своего второго столѣтія, если доживешь до
той поры.

О. В. Големъ.

Все приходитъ для того, кто умееть ждать.

Бинонефтиадъ,

Джонсонъ сказалъ о Гольдсмите послѣ его смерти, что «онъ былъ растеніемъ, расцвѣтшимъ поздно; въ немъ не обнаруживалось ничего особеннаго, пока онъ былъ молодъ». Люди подобны растеніямъ; многіе изъ нихъ цвѣтуть поздно. Рано цвѣтущіе цвѣты обыкновенно скоро погибаютъ. Въ раннюю пору года появляется анемонъ, шафранъ и подснѣжникъ. Потомъ зацвѣтаютъ нарциссы, ихъ сопровождаетъ фіалка «у мшистаго камня», наполо-
вину спрятанная отъ глазъ. Затѣмъ выглядываютъ на
свѣтъ луговой сердечникъ, гіацинтъ и ландышъ. Они при-
ходять съ веселой и рѣзвой весною, съ ея ручьями, поч-
ками, птицами, шиповникомъ и солнечными лучами. Празд-
никъ весны, когда зацвѣтаетъ бѣлая буквица, справляютъ,
девятнадцатаго апрѣля. Но вотъ наступило и лѣто, сіяю-

щее, роскошное, изобилующее растениями и цветами. Роза зацветает въ юнѣ, красуется во всемъ великолѣпіи въ юлѣ и не перестаетъ цвѣсти до конца осени. Астры, георгины, подсолнечники украшаютъ конецъ года. Но тутъ наступаетъ зимняя стужа и цветы гибнутъ, хотя все-таки остается рождественская роза.

Хотя будущее величие часто возвѣщается рѣдкими дарованиями въ дѣтствѣ, однако, не всегда бываетъ такъ; подобно Гольдемиту, многие расцвѣтаютъ поздно. Умственныя способности людей бываютъ не одинаковы, въ зависимости отъ ихъ темперамента. Одни люди отличаются живостью, другие медленностью; одни—сангвиничны, другие—лимфатичны. Нѣкоторые мальчики, способные отъ природы, плохо учатся въ школѣ, тогда какъ другие, развивающіеся быстрѣе, далеко обгоняютъ ихъ. Между тѣмъ первые могутъ оказаться крѣпче и прочнѣе въ зрѣломъ возрастѣ, какъ медленно растущій дубъ крѣпче и прочнѣе быстро растущей лиственницы.

Нѣкоторые положительно утверждаютъ, что скоропѣлья дѣти—мальчики и девочки, поражающіе раннимъ развитіемъ ума, бываютъ неудачниками въ жизни и часто кончаютъ лишь разстройствомъ здоровья и посредственностью. Гээлить полагалъ, что если мальчикъ отличается въ школѣ, то это дурной знакъ. По его мнѣнію, «каждый, кто прошелъ обычную градацию классическаго воспитанія и не поглуѣль отъ этого, долженъ считать себя счастливымъ *»). Серъезный и суровый Кребильонъ, хотя и надѣленный хорошими способностями, слыть въ училищѣ дѣнцивымъ негодяемъ, а до окончанія курса въ коллегіи противъ его фамиліи стояла такая отмѣтка: «Puer ingeniosus, sed insignis nebulo».

Лордъ Коѣбѣрнъ, известный шотландскій судья, авторъ «Жизни лорда Джейфрея», говорилъ о самомъ себѣ, что

*) Застольный разговоръ: «О нравствѣ образованіихъ».

никогда не получалъ ни единой награды и однажды провалился на публичномъ экзаменѣ въ высшемъ эдинбургскомъ училищѣ. По этой причинѣ его сіятельство заступается за тушиць. «Тѣ же способности,—говорить онъ,—которые даютъ возможность мальчику подняться высоко въ хорошей школѣ, вѣроятно, помогутъ ему подняться и въ жизни. Но въ дурныхъ школахъ выходить почти наоборотъ. Даже въ болѣе рациональныхъ изъ нихъ умственное превосходство подаетъ лишь слабую надежду на будущее. Взрослые мѣняются, а мальчики тѣмъ больше. Отличія, полученные въ высшей школѣ, быстро утрачивались въ дѣйствительной жизни, и тѣ, которые сіяли въ зенитѣ, такъ же часто склонялись долу, какъ поднимались стоявшіе на горизонти. Я всегда питалъ недовѣrie къ отличнымъ ученикамъ и возлагалъ больше надеждъ на худшихъ *).».

Лордъ Кокбёрнъ доказываетъ, что охота къ учению и успѣхи въ школѣ зависятъ частью отъ характера учителя, но главнымъ образомъ отъ характера ученика. Онъ рассказываетъ, что « попалъ въ дураки » у плохого школьнаго учителя, какъ и его другъ Джемсъ Несмитъ, о чёмъ упоминается въ автобіографіи послѣдняго. Дуриные школьные учителя, повидимому, не понимали свойствъ дѣтства, не умѣли вникнуть въ характеръ мальчиковъ и, не умѣя поощрять ихъ къ учению, довѣряли только плеткѣ. По словамъ лорда Кокбёрна, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, пока онъ находился подъ властью своего безжалостнаго наставника, «едва ли проходило десять дней, въ которые онъ не былъ бы высѣченъ по крайней мѣрѣ однажды».

Многимъ мальчикамъ здороваго сложенія естественно болѣе нравится играть, чѣмъ учиться. Сидѣть смироно и зубрить уроки изъ книгъ до извѣстной степени противно ихъ природѣ. Поэтому болѣзненный мальчикъ съ хорошей памятью, равнодушный къ играмъ на открытомъ воздухѣ,

*) Лордъ Кокбёрнъ. Мемуары его времени.

обыкновенно идеть въ классъ однимъ изъ первыхъ. Но хотя ему достаются награды, лѣнтий пріобрѣтѣтъ взамѣнъ ихъ нечто болѣе важное: запасъ физического здоровья, и часто случается, что по выходѣ изъ училища послѣдніе становятся первыми, а первые послѣдними въ практической жизни. Сэръ Уильямъ Гамильтонъ говорилъ: «Лучшіе ученики такъ пристально занимаются математикой, что становятся чуть ли не идіотами, въ обычныхъ дѣлахъ». Къ счастью, на самомъ дѣлѣ, это бываетъ не только не всегда, но даже очень рѣдко.

Нельзя предвидѣть заранѣе, что выйдетъ изъ тупого мальчика. Ему нужно время, чтобы развиться. Только опытъ можетъ обнаружить его настоящій вкусъ и наклонности. Иногда сами родители направляютъ сына по невѣрной дорогѣ. Гвидо опредѣли къ учителю музыки, чтобы сдѣлать изъ него музыканта; Бенвенуто Челлини игралъ на рожкѣ со своимъ отцомъ въ оркестрѣ; Гверчино былъ ученикомъ у каменщика; Клодъ Лорренъ—у пирожника, а Мольеръ—у обойщика. Но твердость характера и рѣшительная склонность къ одному предмету помогли имъ порвать съ тѣмъ, къ чему готовили ихъ родители, и проложить себѣ путь къ избранному поприщу. Конечно, имъ помогали и со стороны. Такъ Джютто, маленькаго пастушка, застали однажды царапающимъ изображеніе овцы острымъ камнемъ на обломкѣ аспидной доски. Человѣкъ, обратившій на него вниманіе, былъ Чамабуэ. Онъ даль ребенку средства бросить свое скромное занятіе и ввелъ его въ область искусства. Канова также обнаружилъ впервые свой талантъ, выпивъ льва изъ комка масла для венецианскаго сенатора Фаліери. Благодаря покровительству послѣдняго, онъ былъ принятъ въ мастерскую Бернарди Торетти, котораго скоро оставилъ позади себя.

Хотя черты и наклонности мальчика часто даютъ указанія на его будущій характеръ, однако не всегда можно предсказать, что изъ него выйдетъ. Ребенокъ не всегда

пророчить будущаго мужчину. Рисковано полагаться на подаваемыя имъ надежды; но и дурныя предвѣщанія не всегда оправдываются. Изъ умнаго мальчика можетъ выйти посредственный человѣкъ, а умная девочка можетъ сдѣлаться заурядной женщиной. Между тѣмъ турица, отъ котораго ничего не ожидаютъ, можетъ превратиться въ блестящаго изслѣдователя, воина, изобрѣтателя или ученаго. Загляните въ калейдоскопъ биографій и вы увидите тамъ самыя удивительныя превращенія. Въ бѣдномъ сынишкѣ рудокопа, распѣвавшемъ гимны на улицахъ Эрфурта, трудно было угадать Мартина Лютера, будущаго нѣмецкаго реформатора; или въ болѣзnenномъ, забитомъ мальчикѣ, который подавалъ пиво въ нѣмецкой тавернѣ,—философа и астронома Кеплера, одного изъ величайшихъ людей своего времени; или въ молодомъ солдатѣ, который провелъ свою молодость въ бояхъ и осадахъ, великаго Декарта, одного изъ самыхъ оригинальныхъ мыслителей, который во время гарнизонной жизни задумалъ планъ преобразованія всей системы человѣческаго мышленія. Можно ли было предвидѣть, что въ чернобровомъ цыганѣ — мѣдникѣ, солдатѣ и колодникѣ, скрывается Джонъ Бёненъ, авторъ «Pilgrim's progress?» А кто могъ бы угадать въ нѣжномъ, скромномъ и сдержанномъ мальчикѣ — пажѣ блестящаго живописца Петра Павла Рубенса? А кто этотъ предводитель сорванцовъ, опустошившій фруктовые сады и лазавшій на церковныя колокольни? Не кто иной, какъ героический и проницательный Клайвъ, основатель британскаго владычества въ Индіи! Наконецъ, кого мы видимъ въ ласковомъ и терпѣливомъ ребенкѣ-сиротѣ, маленькия руки которого добродушный аббатъ Прозаръ пожималъ въ своихъ, цѣлюя кроткое чено мальчика? Ни больше, ни меныше, какъ Максимилиана Робеспьера.

Умный и прилежный мальчикѣ часто оправдываетъ обѣщанія своего дѣтства; но по недостатку прилежанія онъ можетъ превратиться въ самаго незначительного человѣка,

тогда какъ мальчикъ, не обѣщающій ровно ничего, достигаетъ отличія и знаменитости, особенно при наличности терпѣливаго усердія и настойчивости. Сильныхъ, здоровыхъ мальчиковъ естественно больше влечетъ къ забавамъ на открытомъ воздухѣ, чѣмъ къ ученью въ четырехъ стѣнахъ; для нихъ несносно сидѣть надъ сухими учебниками и долбить трудные уроки, когда ихъ тянетъ подъ открытое небо, на просторъ и приволье. Между тѣмъ, какъ мы уже видѣли, мальчикъ нерѣдко становится совершенной противоположностью тому, чѣмъ онъ обѣщалъ быть. Кто могъ бы предположить св. Августина, «доктора благодати», какъ его называли, въ беззаботномъ юношѣ, преданномъ мірскимъ удовольствіямъ? Вспомнимъ также, что Теодоръ де-Беза, изящный переводчикъ Новаго Завѣта на латинскій языкъ, былъ извѣстенъ въ молодости, какъ авторъ слишкомъ игривыхъ стиховъ. Двое самыхъ отчаянныхъ кутиль и игроковъ во Франціи сдѣлялись впослѣдствіи знаменитѣшими кардиналами и государственными людьми своего времени—Ришелье и Мазарини *).

Когда трое братьевъ Буало были дѣтьми, отецъ ихъ, Жиль, регистраторъ, отзывался о нихъ такъ: «Жилло и Жако у меня безпутные, а вотъ Коленъ—простая душа, не обидить никого и словомъ». Между тѣмъ Жилло получилъ кресло въ академіи, Жако сдѣлся каноникомъ въ Sainte-Chapelle, а Коленъ—поэтомъ и сатирикомъ, другомъ Расина, Мольера и Лафонтена.

Отличія, получаемыя молодыми людьми въ школѣ, еще не служать порукой тому, на что они окажутся способными, когда ихъ умъ вполнѣ разовьется и созрѣеть. Умъ, подобно почвѣ, требуетъ отдыха; обильная жатвы съ текенiemъ времени истощаютъ то и другое. Эдуардъ Гайдъ,

*) Нѣкто, видѣвшій впослѣдствіи хладнокровіе Мазарини во многіе критические моменты его карьеры, вспоминалъ, какъ равнодушно перекосилъ онъ въ молодости продолжительную неудачу за игорнымъ столомъ. Однажды онъ проигралъ все, что на немъ было,

лордъ Кларенданъ, совсѣмъ не отличался трудолюбиемъ въ школьные годы. Онъ успѣвалъ въ училищѣ очень плохо и большую часть времени проводилъ въ веселой компаніи среди кутежей. Только женившись и перенеся большое горе вслѣдствіе смерти жены, онъ прилежно занялся изученіемъ законовъ и литературы, а впослѣдствіи прославился своими познаніями по этому предмету, какъ и по законодательству.

Епископъ Уэрбертонъ слылъ въ дѣтствѣ крайне глупымъ мальчикомъ; одинъ изъ его учителей отзывался о немъ, какъ о тупицѣ изъ тупицъ. Между тѣмъ онъ былъ увѣренъ въ себѣ. «Я знаю очень хорошо,—отвѣчалъ юноша одному товарищу, который учрекалъ его въ тупости и несообразительности,— я отлично знаю, что думаешь обо мнѣ ты и прочие; но я увѣренъ, что рано или поздно заставлю всѣхъ убѣдиться, что я вовсе не такой глупецъ и невѣжда, какимъ меня считаютъ». Когда Уэрбертонъ написалъ и издалъ свое сочиненіе «Божественное наслѣдіе», его бывшій учитель не могъ повѣрить, что такое великое произведеніе могло принадлежать перу столь тупоголоваго человѣка.

Даже достопочтенный Мальтусъ, человѣкъ оригинальныхъ способностей, отличался въ Кембриджѣ преимущественно своей страстью къ кулачнымъ боямъ. Д-рь Пелей представляетъ еще болѣе разительный примѣръ несоответствія плодовъ зрѣлаго возраста съ дурными задатками юности. Хотя родители его были люди небогатые и ему предстояло самому проложить себѣ дорогу въ жизни, Пелей былъ однимъ изъ самыхъ лѣнивыхъ и беспорядочныхъ юношей въ первые два года пребыванія въ Кембриджѣ. Онъ валялся въ постели до полудня, проводилъ много времени на ярмаркахъ, на представленіяхъ бродячихъ акте-

кромѣ пары шелковыхъ чулокъ; онъ заложилъ и эту послѣднюю вещь за пѣсколько монетъ, чтобы снова попытать счастья. Его увѣренность была награждена, и Мазарини тотчасъ отыгралъ весь остальной свой гардеробъ. (Edinburgh Review. January 1866).

ровъ и въ театрахъ марionетокъ. Но юноша внезапно опомнился отъ бездѣйствія и легкомыслія, благодаря одному изъ товарищій, богатому и разгульному молодому человѣку. Разбудивъ его однажды въ четыре часа утра, тотъ обратился къ нему съ такой рѣчью: «Какой ты глупець, какъ я посмотрю! У меня есть средства кутить и развлекаться и я могу ничего не дѣлать. Но ты бѣденъ и не можешь позволить себѣ этого. Я, все равно, не добьюсь ничего, если бы даже и стала усердно учиться, а ты способенъ ко всякому труду и можешь достигнуть извѣстности. Эта мысль не давала мнѣ спать цѣлую ночь и вотъ я пришелъ серьезно образумить тебя». Такое увѣщаніе, при всей своей странности и неожиданности, рѣзко измѣнило направление жизни Пелая. Въ головѣ у него зародились планы, о какихъ раньше не было и помину. Вместо того, чтобы лѣниться полдня въ постели, онъ рѣшилъ вставать въ пять часовъ утра. Пелей не измѣнилъ этому рѣшенію, налегъ на занятія и къ концу года занялъ первое мѣсто на своемъ курсѣ.

Николасъ Брекспиръ провалился въ коллежіи, но его спасли прилежаніе и настойчивость; принявшись за учение съ новой энергией, онъ повышался отъ одной степени къ другой и, подобно Шоппу, достигъ высшаго ученаго званія. Гораздо позднѣе Нассау старшій также провалился на первомъ экзаменѣ въ Оксфордѣ, но, рѣшившись добиться успѣха, такъ ретиво принялъся за свои занятія, что полгода спустя послѣ своей неудачи заслужилъ высшее одобреніе отъ своихъ экзаменаторовъ.

Драйденъ не выдѣлялся своими способностями ни въ среднемъ, ни въ высшемъ учебномъ заведеніи. Если онъ чѣмъ-нибудь обращалъ на себя вниманіе, то своей крайней беспорядочностью. Тридцати лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ пустился въ литературу, скорѣе изъ нужды, чѣмъ по врожденной склонности. Цѣлыхъ семнадцать лѣтъ содержали онъ себя, сочиняя театральныя пьесы, послѣ чего —

между пятидесятымъ и шестьдесятъ девятымъ годами—создалъ тѣ великия произведенія, которыми прославился. Только въ старости обнаружилъ онъ мощь и полетъ воображенія, которые обыкновенно считаются характерными чертами юности.

Свифтъ, подобно Гольдсмиту, былъ «поздно-цвѣтущимъ растеніемъ». Будучи студентомъ Троицкой коллегіи въ Дублине, онъ не блесталъ ничѣмъ и удостоился степени бакалавра словесности лишь «по особому снисхожденію» (*speciali gratia*).

Исключая немногихъ незрѣлыхъ поэтическихъ опытовъ, онъ не обнаружилъ ни въ чёмъ своей умственной силы. Его первая брошюра «О партіяхъ въ Аеннахъ и въ Римѣ», изданная имъ въ тридцатичетырехлѣтнемъ возрастѣ, не возбудила интереса въ публикѣ. Но три года спустя появилась его «Сказка о бочкѣ», и онъ сразу прославился.

Гольдсмитъ былъ ужасно неспособнымъ ребенкомъ. Онъ просыпалъ глупцомъ, нерадивымъ и тупоголовымъ. Французы назвали-бы его вѣтреникомъ. Неказистая наружность сдѣлала мальчика посмѣшищемъ всей школы, гдѣ его дразнили кличкой «Эзопа». Въ семнадцать лѣтъ онъ былъ отправленъ въ Троицкую коллегію, но успѣвалъ тамъ очень плохо. Въ двадцать одинъ годъ Гольдсмитъ получилъ ученную степень, но стоялъ послѣднимъ въ спискѣ бакалавровъ. По выходѣ изъ коллегіи онъ поѣхалъ въ Эдинбургъ изучать медицину, потомъ въ Лейденъ съ его знаменитымъ медицинскимъ факультетомъ. Затѣмъ онъ странствовалъ по Европѣ, выручая деньги игрой на флейтѣ. Въ двадцать во семь лѣтъ онъ поселился въ Лондонѣ, гдѣ сначала служилъ у аптекаря, а нѣсколько времени спустя, перешель репетиторомъ въ школу. Въ тридцать лѣтъ Гольдсмитъ пытался поступить въ хирургическую коллегію, гдѣ въ то время вступительный экзаменъ былъ очень легокъ; однако, здѣсь ему отказали въ пріемѣ. Тутъ онъ сдѣлался писателемъ по необходимости. «Двери учебнаго заведенія передъ нимъ за-

хлопнулись,—говорить Форстеръ,—но врага на Парнасъ понемногу отверзались». Въ тридцать шесть лѣтъ Гольдсмитъ издалъ своего «Путника», котораго началъ писать много лѣтъ назадъ. Его перу принадлежитъ также «Векфильдскій священникъ». Джонсонъ продалъ этотъ романъ изда-телю Ньюберри съ цѣлью спасти автора отъ описи имущества, и съ той поры Гольдсмитъ сдѣлался знаменитостью. «Покинутая деревня» попала въ печать только на сорокъ второмъ году его жизни. Впрочемъ современники немало глумились надъ нимъ. Уэльполь называлъ его «вдохновеннымъ идіотомъ». Джонсонъ, его неизмѣнныи другъ, говоривалъ о немъ: «Никто не сравнится съ нимъ въ глупости, пока у него нѣтъ пера въ рукахъ, а какъ только онъ взялся за перо, нѣть человѣка умнѣе его».

Чарльзъ Джемсъ Фоксъ говорилъ сэру Джошуа Рейнольдсу, что «Путникъ»—одна изъ изящнѣйшихъ поэмъ въ английской литературѣ. Она не проникнута страстью, но въ ней масса наблюдательности, опыта и размышленія; она явилась отраженіемъ самого Гольдсмита, характеръ котораго очерченъ въ первой строкѣ его произведения: «Отдаленный, сиротливый, меланхолический, тихій». Поэты страсти обыкновенно начинали писать рано и умирали молодыми, подобно Китсу, Шелли, Байрону, тогда какъ поэты ума, какъ Мильтонъ, Гете, Уордсуортъ, брались за перо поздно и доживали до преклоннаго возраста. Впрочемъ Байронъ не могъ похвалиться раннимъ развитіемъ въ дѣтствѣ. Когда, случайно отличившись вѣрнымъ отвѣтомъ, онъ былъ посаженъ выше всѣхъ въ классѣ, учитель сказалъ ему: «Ну-ка, посмотримъ, скоро ли ты опять сѣдѣшь подъ гору».

Нѣкоторые молодые поэты были обязаны своимъ вдохновеніемъ влюблennости. Эвалдъ, известный датскій поэтъ, пристрастился къ чтенію въ дѣтскіе годы. Его любимыми книгами были «Робинзонъ Крузе» и «Томъ Джонсъ». Первый изъ нихъ заставилъ мальчика полюбить море и жизнь на кораблѣ. Въ тридцать лѣтъ Эвалдъ ушелъ изъ дома

и пробрался въ Голландію, откуда разсчитывалъ отплыть въ Батавію, но былъ пойманъ, и его планы разрушились. Тогда онъ вернулся въ Копенгагенъ, гдѣ началъ увлекаться скандинавскими сагами и миеами; потомъ юноша внезапно воспыпалъ страстью къ молодой дѣвушкѣ и принялъся описывать свою любовь самыми яркими красками; однако, любимая дѣвушка отдала свою руку другому, предоставивъ ему изнывать отъ горя. Тутъ онъ рѣшилъ сдѣлаться солдатомъ и поступилъ на прусскую службу. Послѣ различныхъ приключений на войнѣ, молодой человѣкъ вернулся въ Данію все еще съ душою, проникнутой грустью по поводу неудачь первой любви. Пристрастіе къ чему-нибудь часто возникаетъ у насъ отъ огорченія, а затрудненія и разочарованія иногда необходимы, чтобы пробудить наша лучшія способности. Эвальдъ утѣшился поэзіей. Онъ написалъ много прекрасныхъ произведеній, но лучшее изъ нихъ, «Смерть Бальдура», считается выше всего, что когда-либо появлялось на датскомъ языке.

Стиль и Кольриджъ въ молодости были военными. По выходѣ изъ Мertonской коллегіи въ Оксфордѣ, Стиль записался въ гвардію простымъ рядовымъ, но полковой командиръ, узнавъ его короче, представилъ его къ чину прапорщика. Потомъ ему дали въ командование роту. Стиль особенно отличился на приступѣ Немурского замка, а также во время осады Венлоо. Онъ вышелъ въ отставку тридцати лѣтъ и началъ писать для сцены. Позднѣе онъ принялъ издавать журналъ «The Tatler» (Болтунъ) и состоялъ его главнымъ сотрудникомъ, какъ и другого журнала «The Spectator» (Зритель).

Кольриджъ разсказываетъ о себѣ, что отъ десятилѣтняго до восемнадцатилѣтняго возраста онъ прошелъ суровую школу въ Лондонѣ. Этой школой былъ для него «Госпиталь Христа Спасителя», хотя вѣроятно ему нравилось здѣсь общество такого товарища, какъ Чарльзъ Лембъ. Его природа, какъ онъ говорилъ самъ, была подавлена, болѣзньенно

настроена и обречена таить въ себѣ всѣ свои свойства. «Четырнадцати лѣтъ я вѣчно находился въ состояніи скрытой лихорадки». Однако, мальчикъ дѣлалъ большиe успѣхи въ изученіи классиковъ и на пятнадцатомъ году перевѣзъ гимназію Синезія на англійскій языкъ анакреонтическимъ размѣромъ. На девятнадцатомъ году Кольриджъ поступилъ въ коллегію Іисуса въ Кембриджѣ. Онъ получилъ награду за греческую оду и отличился въ состязаніи на стипендию Кревена. Но онъ недолго оставался въ Кембриджѣ и на второмъ году студенчества покинулъ университетъ въ припадкѣ отчаянія. Молодой человѣкъ страстно влюбился, но его пылкое чувство не встрѣтило взаимности. Прокитавшись по Лондону въ крайней нуждѣ, онъ записался въ 15-й драгунскій полкъ подъ вымышленнымъ именемъ Комбербеча. Одинъ изъ офицеровъ, случайно открывъ его классическое образованіе, настоялъ на его увольненіи изъ арміи. «Порою,— говорилъ Кольриджъ одному пріятелю, — я сравниваю мою жизнь съ жизнью Стиля (хотя въ нихъ слишкомъ мало общаго!) такъ какъ я короткое время прибавлялъ къ своему имени «рядовой», или скорѣе къ чужому имени, потому что когда внезапно спрашивали, какъ меня зовутъ, я по разсѣянности отвѣчалъ: Кѣмбербекъ *). И дѣйствительно, я былъ такъ далекъ отъ кавалерійского навыка, что моя лошадь навѣрно находила, что эта кличка мнѣ поsherсті».

Кольриджъ вернулся въ Бристоль и вошелъ въ соглашеніе съ издателемъ Котлемъ. Его первый томъ стихотвореній былъ изданъ, когда ему было двадцать четыре года, а слѣдующій, подъ заглавиемъ «Лиріческія баллады», въ сотрудничествѣ съ Уордуортомъ, когда ему было двадцать шесть лѣтъ, а Уордуортъ—двадцать восемь. «Старый морякъ» и первая часть «Кристабели»—пожалуй самаго лучшаго изъ произведеній его фантазіи—были написаны за

*.) Увалень.

три года до ихъ выпуска въ свѣтъ, т.-е. когда Кольриджу было двадцать пять лѣтъ. Тогда же была написана имъ трагедія «Угрызенія совѣсти». Послѣ того онъ почти пересталъ писать стихи и писаль для газетной прессы, преимущественно для «Morning Post» и «Courier», а затѣмъ сдѣлался критикомъ сочиненій по метафизикѣ, поэтическихъ произведеній, драмъ и т. д., а также выработалъ въ себѣ замѣчательное умѣніе вести бесѣды въ обществѣ и произносить монологи. Уордуортъ, поэтъ чувства, наблюденія и ума, написалъ свою «Экскурсію», въ которой, пожалуй, обнаружился наиболѣе высокій полетъ его гenія, когда ему было сорокъ четыре года; но онъ продолжалъ писать до самой смерти, наступившей на восьмидесятомъ году.

Не всегда случается, какъ утверждаютъ нѣкоторые, что раннее развитіе ума ведеть къ преждевременному истощенію и что умные мальчики становятся обыкновенно неудачниками въ практической жизни. Нѣкоторые рано развившіеся юноши принадлежали къ числу величайшихъ людей, дожившихъ до глубокой старости. Уордуортъ началъ писать стихи еще въ школѣ и не покидалъ этого занятія до восьмидесяти лѣтъ. Метастазіо отличался чрезвычайно раннимъ развитіемъ. Онъ писалъ стихи въ десять лѣтъ и сочинилъ свою трагедію «Джіустіно» въ четырнадцать лѣтъ. Онъ умеръ на восемьдесятъ пятомъ году и писалъ стихи и драмы до конца своей жизни. Паллизо, страшно болѣзненный въ дѣтствѣ, получилъ степень магистра искусствъ двѣнадцати лѣтъ, а бакалавра богословія—шестнадцати. Онъ женился девятнадцати лѣтъ и сдѣлался отцомъ семейства, какъ и авторомъ двухъ трагедій, а въ восемьдесятъ лѣтъ, несмотря на чрезвычайно дѣятельную и безцокойную жизнь, все еще былъ здоровъ и полонъ силъ.

Правда, бываютъ рано развивающіяся дѣти, изъ которыхъ впослѣдствіи не выходить ничего. Таковъ былъ сынъ

лорда Честерфильда. Мальчикомъ онъ могъ написать сочиненіе на заданную тему на трехъ языкахъ, но, сдѣлавшись взрослымъ, оказался совершеннымъ ничтожествомъ. Уильямъ Крочъ и Чарльзъ Уэслей, рано развившіеся музыканты, никогда не могли подняться выше посредственностіи. Шубартъ, другъ Шиллера, обѣщалъ очень много, а кончилъ очень плохо *). Монкъ Льюисъ написалъ своего «Остъ-индца» въ шестнадцать лѣтъ, а своего «Монаха» въ двадцать, но впослѣдствіи сдѣлалъ слишкомъ мало для поддержки своей репутаціи, пріобрѣтенной въ молодости. Сэръ Джемсъ Мэкинтошъ, поражавшій своими блестящими способностями въ дѣтствѣ, такъ и остался до конца «человѣкомъ, подающимъ надежды **)». Къ этому же разряду

*) Даніэль Шубартъ былъ чудомъ и гениемъ въ своей школѣ, однако изъ него вышелъ одинъ изъ самыхъ непостоянныхъ, буйныхъ и беспокойныхъ литераторовъ своего времени. Ему недоставало привычки къ прилежанію, какъ недоставало принциповъ и здраваго сужденія. Онъ обѣщалъ стать великимъ поэтомъ, писателемъ, критикомъ и музыкантомъ, но не сдѣлался ничѣмъ подобнымъ. Онъ безжалостно расточалъ свои дары, его гений превратился въ безпутство и онъ умеръ въ несчастіи. Карлайль говорить о немъ: «Шубартъ обладалъ чуткимъ пониманіемъ прекраснаго, живого, истиннаго; у него была впечатлительная и пылкая натурѣ; при остромъ умѣ и пламенномъ воображеніи его «желѣзная память» была всегда къ услугамъ его разнообразныхъ талантовъ. Но ему недоставало усидчивости, способности къ самоотверженію. Его дарованія лежали вокругъ него, точно награбленныя сокровища въ разоренномъ городѣ. И онъ безжалостно расточалъ ихъ, увлекаясь случайно попавшимся ему предметомъ. Онъ писалъ порывами; систематический трудъ былъ ему совершенно незнакомъ. Тѣмъ не менѣе его произведенія обладаютъ большими достоинствами. Его журнальныя статьи изобилуютъ удачными доказательствами и блестящими мыслями, которые льются сами собою. Его пѣсни, исключая посвященныхъ теософіи, часто полны естественности, задушевности и истинной простоты. Отсюда та популярность, которую многія изъ нихъ пользуются до сихъ поръ». (Life of Schiller, Note A, ed. 1825).

**) Причины его неудачи разобраны лэди Голлендъ въ воспоминаніяхъ объ ея отцѣ Сиднеѣ Смитѣ. «Сэръ Джемсъ Мэкинтошъ,— пи-

принадлежить и поэтъ Клоу, который громко прославился между своими школьными товарищами, но остался весьма зауряднымъ писателемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ случаяхъ ранняго развитія, приведенныхъ нами выше, обѣщанія юности оправдывались въ широкихъ размѣрахъ въ зрѣломъ возрастѣ и даже въ старости. Хотя Гендель написалъ рядъ сонатъ въ десять лѣтъ, но прожилъ до сорока восьми, прежде чѣмъ выказалъ себя передъ цѣлымъ свѣтомъ вполнѣ достойнымъ талантомъ. Ему было пятьдесятъ четыре года, когда онъ написалъ «Израиль въ Египтѣ»; пятьдесятъ семь, когда онъ написалъ «Мессію»; шестьдесятъ семь, когда онъ написалъ «Леффая» и семьдесятъ четыре, когда онъ сочинилъ такие нумера, какъ «Мудрые люди листать» и «Сіонъ лежитъ теперь мертвымъ» для интродукціи къ «Гудѣ Маккавею».

Большіе музыканты въ большей или меньшей степени отличались раннимъ развитіемъ. Бахъ, Гендель, Моцартъ, Бетховенъ, Веберъ, Мендельсонъ проявляли свою геніальность еще въ дѣтствѣ, и очень рѣдки случаи, когда музыкальный талантъ развертывался поздно. Единственное исключение и то лишь отчасти представляеть карьера Шпора, произведенія которого считаются математикою музыки. Однако, онъ вѣроятно много упражнялся въ игрѣ на скрипкѣ въ отроческіе годы, такъ какъ даваль концерты на этомъ инструментѣ на двадцать первомъ году. Къ музыкальнымъ сочиненіямъ онъ приступилъ только за тридцать лѣтъ, послѣ чего имъ было издано много замѣчательныхъ произведений. Геній Гайдна принесъ свои прекраснѣйшия плоды,

сала она,—уѣхалъ пѣсколько дней спустя, оставивъ послѣ себя не только воспоминанія, но и пылкую, книги, перчатки, бумаги и различные части своего гардероба, по свойственной ему безпечности. Какой человѣкъ вышелъ бы изъ него, говорилъ мой отецъ, еслибы онъ былъ поаккуратнѣе или по крайней мѣрѣ зналъ цѣну красной тесемкѣ. Какъ Керренъ выразился о Греттенѣ, «онъ управлялъ бы тогда міромъ».

когда композитору перевалило за шестьдесятъ. Онъ написалъ «Сотвореніе міра» шестидесяти пяти лѣтъ, а «Времена года»—шестидесяти семи. Его послѣднее сочиненіе, квартетъ (оп. 80), пожалуй есть самая оригинальная и законченная вещь изъ всего, что вышло изъ-подъ пера этого композитора. Россини началъ играть очень рано, вторя на духовомъ инструментѣ въ оркестрѣ своему отцу съ десятилѣтняго возраста. Онъ написалъ «Танкреда» въ двадцать одинъ годъ, послѣ чего издалъ длинный рядъ произведений, закончивъ ихъ послѣдней и величайшей изъ своихъ оперъ «Вильгельмомъ Теллемъ» въ возрастѣ тридцати семи лѣтъ. Этимъ сочиненіемъ Россини полагалъ закончить свою музыкальную карьеру. Маэстро говорилъ одному изъ своихъ друзей: «Новый успѣхъ ничего не прибавить къ моей славѣ, а неудача повредить ей; я не нуждаюсь въ первомъ и не хочу подвергать себя второй». Однако, послѣ продолжительнаго беспечнаго покоя въ теченіе почти тридцати восьми лѣтъ, онъ написалъ свою «Торжественную мессу», которая считается у музыкантовъ его самымъ лучшимъ произведеніемъ; тогда ему было уже семьдесятъ два года.

Въ родственныхъ искусствахъ: живописи и ваяніи, мы видимъ Микѣль Анджело, Леонардо да-Винчи и Тиціана одинаково великими и въ юности, и въ старости. Микѣль Анджело началъ свой «Страшный судъ» на пятьдесятъ восьмомъ году, а закончилъ на шестьдесятъ шестомъ. Ему было восемьдесятъ семь лѣтъ, когда онъ воздвигъ куполь на соборѣ св. Петра. Хотя Тиціанъ былъ знаменитостью между живописцами въ двадцать лѣтъ, но продолжалъ писать до девяноста девяти лѣтъ, когда былъ похищенъ моровой язвой. Семидесяти семи лѣтъ онъ окончилъ свою «Тайную Вечерю», надъ которой проработалъ семь лѣтъ. Франчіа принадлежалъ къ числу немногихъ художниковъ, открывшихъ свой гений въ зрѣлыхъ годахъ. Ему было почти сорокъ, когда одна картина Перуджино воспламенила его воображеніе и онъ рѣшилъ сдѣлаться живописцемъ.

Гоббсъ и Бэнтамъ, нѣсколько сходные по характеру, были одинаково велики въ юности и въ старости. Еще мальчикомъ Гоббсъ перевелъ «Медею» Эврипида латинскими стихами. Онъ учился много и легко, такъ что, не достигнувъ еще двадцати лѣтъ, считался однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. На сороковомъ году онъ напечаталъ переводъ Фукидида. Пятидесяти четырехъ лѣтъ онъ написалъ «De cive» (О гражданинѣ); эта книга была предварительно напечатана въ Парижѣ на латинскомъ языкѣ. Девять лѣтъ спустя основные начала того же сочиненія были развиты имъ въ знаменитомъ «Левіафанѣ», появившемся въ Англіи, когда автору шелъ шестьдесятъ третій годъ. Онъ перевелъ «Иліаду» и «Одиссею» Гомера между семьюдесятью и восемьюдесятью годами. Поппъ заявляетъ, что этотъ переводъ слишкомъ слабъ для критического разбора. Однако сэръ Уильямъ Мольсуортъ, издатель сочиненій Гоббса, находитъ, что простой и безпритязательный языкъ переводчика ближе къ подлиннику, чѣмъ гладкие и блестящіе стихи Поппа и его сотрудниковъ. Этотъ писатель прожилъ девяносто два года и даже къ концу жизни его перо никогда не оставалось празднымъ. За годъ до смерти онъ издалъ своего «Бегемота»—замѣчательное произведеніе, представляющее исторію междуусобныхъ войнъ съ 1640 по 1660 г.

Бэнтамъ былъ вѣроятно еще болѣе поразительнымъ чудомъ. Карликъ по сложенію *), онъ отличался раннимъ умственнымъ развитіемъ. Отецъ гордился его успѣхами и до такой степени напрягалъ его мозгъ преждевременнымъ ученьемъ, что надо удивляться, какимъ образомъ мальчикъ остался въ живыхъ. Его опредѣлили въ училище въ Вестминстерѣ восьми лѣтъ отъ роду, а двѣнадцати отправили въ

*) «Мнѣ было въ то время шестнадцать лѣтъ, но я все еще оставался карликомъ, настоящимъ карликомъ». (Ваурингъ. Мемуары Бэнтама).

Оксфордъ; въ шестнадцать лѣтъ Бэнтамъ поступилъ въ Линкольнсъ-Иннъ. Отецъ хвалился имъ, какъ чудомъ, и мальчикъ впослѣдствіи почувствовалъ отвращеніе къ обществу и неокоту къ юриспруденціи; волей-неволей отцу пришлось уступить; онъ оставилъ сына въ покой, отчаявшись сдѣлать изъ него выдающагося юриста. Тогда юный Бэнтамъ углубился въ чтеніе книгъ. Его поразило выраженіе въ одной изъ брошюръ д-ра Пристлея: «Наибольшее благополучіе наибольшаго числа людей». Эта мысль сдѣлалась руководящей въ его жизни и трудахъ. Двадцати восьми лѣтъ онъ выпустилъ свое первое сочиненіе «Отрывокъ о правительстве». Такъ какъ оно вышло безъ подписи, то его приписывали нѣкоторымъ изъ величайшихъ юристовъ того времени. Бэнтамъ продолжалъ писать по вопросамъ религіи, нравственности, юриспруденціи и тюремной дисциплины до восемьдесятъ пятаго года своей жизни, и его сочиненія безспорно имѣли значительное вліяніе на новѣйшее законодательство, какъ въ Англіи, такъ и во Франціі.

Нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ поэтовъ — не поэты страсти, но поэты воображенія и разсудка — создали свои лучшія произведенія въ старости. Мильтонъ, написавшій своего «Комуса» въ двадцать шесть лѣтъ, окончилъ «Потерянный Рай» пятидесяти семи, а «Возвращенный Рай» и «Самсона-богатыря» шестидесяти трехъ лѣтъ. Рано разившійся Поппъ, сочинившій свои пастрорали въ шестнадцать лѣтъ, написалъ свою наиболѣе Ѣдкую сатиру «Денсіаду» (Похожденія олуха) въ сорокъ лѣтъ, а «Опытъ о человѣкѣ» въ сорокъ пять лѣтъ. Но Поппъ былъ не столько творцомъ или поэтомъ въ обыкновенномъ смыслѣ, сколько высокообразованнымъ художникомъ пера, у которого доставало такта облекать чужія остроумныя мысли въ наиболѣе сильную и изящную форму. Крэббъ, такъ же рано начавшій писать стихи, продолжалъ совершенствоваться въ писательствѣ до тѣхъ поръ, пока сочинилъ свою «Деревню» въ двадцать девять лѣтъ, «Городокъ» въ пятьдесятъ шесть

льть и свои «Рассказы» между шестьюдесятыю и шестью-девятыю пятью годами.

Куперъ созналъ свои дарованія только далеко за тридцать, и его «Задача» была написана къ пятидесяти годамъ. Сэръ Вальтеру Скотту также было за тридцать, когда онъ издалъ свои «Песни менестреля», и все его величіе было тогда еще впереди. Вальтеръ Сэведжъ Лэндоръ написалъ и издалъ свой первый томъ поэмъ въ восемнадцать лѣтъ, послѣдній же, озаглавленный «Послѣдний плодъ старого дерева»,—восьмидесяти лѣтъ.

Гёте въ свою очередь служитъ примѣромъ ранняго роста генія и его живучести до преклонныхъ лѣтъ; онъ писалъ фантастическая пьесы въ стихахъ въ ютскіе годы; «Гёцъ фонъ-Берлихингенъ» написанъ имъ въ двадцать два года, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія своего таланта, онъ создалъ: «Годы ученья Вильгельма Мейстера»—сорока двухъ, первую часть «Фауста»—пятидесяти восьми, «Годы странствованія Вильгельма Мейстера»—между семьдесятъ вторымъ и восьмидесятымъ годомъ, а вторую и послѣднюю часть «Фауста»—восьмидесяти двухъ лѣтъ. Рядомъ съ этими великими именами мы должны упомянуть имена Сервантеса и Вольтера; первый изъ нихъ началъ писать баллады и романы до двадцати лѣтъ, но дожилъ до пятидесяти семи, прежде чѣмъ закончилъ первую часть своего бессмертнаго «Донъ-Кихота»; а послѣдній, написавшій «Эдипа» въ девятнадцать лѣтъ, «Генріаду» въ двадцать два года, послѣ изданія множества сочиненій, писалъ статьи для «Энциклопедіи» между семьюдесятыю и восемьюдесятыю годами. Въ восемьдесятъ четыре года Вольтеръ присутствовалъ на шестомъ представленіи его трагедіи «Ирена» и умеръ около трехъ мѣсяцевъ спустя послѣ своего возвращенія въ Ферней.

Были поэты, хотя не перворазрядные, способности которыхъ развивались медленно и которые прославились только въ позднюю пору жизни. Лафонтенъ принадлежалъ

къ ихъ числу. Сорока четырехъ лѣтъ онъ еще оставался въ безвѣтности. Полученное имъ образованіе было весьма скучно; но когда онъ прочелъ оду Малерба, то восхлика- нулъ: «Я также чувствую себя поэтомъ!» Онъ сталъ пи- сать стихи, хотя безъ большого успѣха. Наконецъ, Маріанна Манчини, племянница кардинала Мазарини, вну- шила поэту, что прелестъ и сила его таланта заключаются въ баснѣ. Онъ принялъ совѣтъ этой дамы и сдѣлался зна- менить, преимущественно какъ баснописецъ. Въ шестьде- сять три года Лафонтенъ былъ избранъ въ академію на вакантное кресло Кольбера, восторжествовавъ надъ Буало, кандидатура которого была поставлена одновременно. Онъ скончался семидесяти четырехъ лѣтъ.

Крыловъ, прозванный русскимъ Лафонтеномъ, написавъ нѣсколько слабыхъ драматическихъ произведеній, только къ сорока годамъ уразумѣлъ свое истинное призваніе, и его басни, подобно баснямъ Лафонтена, пріобрѣли необы- чайную популярность. Шестидесяти восьми лѣтъ онъ сталъ учиться по-гречески и овладѣлъ этимъ языкомъ почти въ двухлѣтній срокъ, послѣ чего до конца своей жизни, т.-е. до семидесяти шести лѣтъ, съ наслажденіемъ читалъ греческихъ поэтовъ въ подлинникѣ.

Тольбергъ, одинъ изъ главныхъ датскихъ поэтовъ, не обнаруживалъ никакого таланта къ поэзіи до сорока лѣтъ, когда удивилъ и привелъ въ восхищеніе своихъ соотече- ственниковъ, выпустивъ свою сатиру *Peder Paars*—образ- цовое произведение въ комико-героическомъ духѣ. Вондель, национальный голландскій поэтъ, торговалъ чулками. Около тридцати лѣтъ отъ роду онъ научился латинскому языку, и это дало толчекъ его поэтическимъ наклонностямъ. Ма- стерское произведение Вонделя «Гизбрехтъ» было написано имъ въ пятьдесятъ лѣтъ. Его «Люцифера» сравнивали съ «Потеряннымъ раемъ» Мильтона.

Впрочемъ, надо согласиться, что все это скорѣе исключительные случаи, потому что почти всѣ великие поэты

обнаруживали несомненные признаки своей гениальности въ ранніе годы. По словамъ Маколея, развитіе воображенія относится къ развитію способности сужденія, какъ ростъ дѣвочки къ росту мальчика. Воображеніе достигаетъ въ ранній періодъ совершенства своей красоты, силы и производительности; однако, раньше созрѣвъ, оно раньше и увядаетъ. Рѣдко случается, чтобы воображеніе и способность сужденія росли дружно, а еще рѣже бываетъ, чтобы способность сужденія росла быстрѣе воображенія.

Когда физическая организація достигаетъ своего полнаго развитія, она не долго остается въ этомъ состояніи, но постепенно начинаетъ склоняться къ упадку. Дѣйствительно, можно сказать, что съ того дня, съ которого мы начинаемъ жить, мы начинаемъ умирать. Юность есть постоянное измѣненіе и ростъ, а старость есть измѣненіе и упадокъ. Когда достигнута высшая точка подъема, начинается спускъ книзу. Сила и пылкость желаній, чувствъ, страстей и воображенія постепенно ослабѣваютъ. Но умъ продолжаетъ расти съ накопленіемъ знаній. Влеченіе чувствъ уменьшается и остающаяся сила расходуется съ большей бережливостью и обыкновенно съ лучшей цѣлью. Блестящія мечты юности разсѣялись, а вмѣсть съ ними исчезли энтузіазмъ и энергія. Человѣкъ остылъ; онъ разсуждаетъ болѣе трезво и болѣе руководствуется опытомъ, чѣмъ въ молодые годы. Его органы, тѣлесные и умственныя, принимаютъ участіе въ этомъ упадкѣ. Они утрачиваютъ свою подвижность, восприимчивость и энергичность. Мозгъ, подобно тѣлу, высыхаетъ и твердѣеть. Человѣкъ перестаетъ видѣть свѣтлую сторону вещей и не такъ беззаботно переносить превратности судьбы. По словамъ персидскаго поэта, «наклонность старости дѣлать острѣе шипы и блѣднѣе цвѣты жизни».

Въ періодъ зрѣлости, который названъ въ автобіографіи Нэсмита «плоскогоріемъ жизни», т.-е. между тридцатью и пятьдесятью годами, отправленія тѣла находятся въполномъ

развитії, а умъ въ высшемъ состояніи рабочей энергії. Именно въ этотъ періодъ создаются величайшия и наиболѣе зрѣлые плоды человѣческаго генія. Маколей говоритъ, что «изъ всѣхъ хорошихъ книгъ, распространенныхъ въ настоещее время въ мірѣ, болѣе девятнадцати двадцатыхъ были выпущены въ свѣтъ послѣ того, какъ ихъ авторы достигли сорокаалѣтняго возраста». Это, пожалуй, нѣсколько преувеличено, какъ мы увидимъ дальше. Судя потому, что было сказано выше, способность къ труду измѣняется сообразно сложенію и темпераменту. Поэзія и искусство достигаютъ своихъ величайшихъ триумфовъ въ юности, а философія въ старости. Наиболѣе вдохновенные произведения обыкновенно бывали задуманы въ юные годы. Но въ самыхъ солидныхъ отрасляхъ литературы и философіи бываетъ какъ-разъ наоборотъ. Человѣкъ не можетъ собрать громадной массы фактовъ, необходимыхъ для серьезнаго исторического сочиненія, пока не достигнетъ сравнительно поздняго возраста. По этой причинѣ большинство великихъ историковъ были людьми, миновавшими «плоскогоріе жизни».

Статистикъ Кетлэ составилъ таблицу, представляющую развитіе драматического таланта и показывающую, что онъ растетъ и склоняется къ упадку, сообразно съ возрастомъ. Въ среднемъ выводъ онъ начинаетъ обнаруживаться съ двадцати одного года. Между двадцатью пятью и тридцатью онъ опредѣляется и усиливается, продолжаетъ расти до періода между пятьюдесятью и пятьюдесятью пятью годами, когда начинаетъ замѣтно и быстро ослабѣвать, судя по изданнымъ произведеніямъ хорошо известныхъ авторовъ. Было замѣчено, что трагическій талантъ развивается быстрѣе комическаго *).

Впрочемъ существуетъ множество исключений изъ статистическихъ правилъ. Многочисленны примѣры тому, что

*) Réveillé-Parise: *Physiologie des hommes livrés aux travaux de l'esprit*, I. pp. 232, 233.

люди даже слабые физически и съ плохимъ здоровьемъ сохраяли до старости свой юношескій геній. Вдохновеніе возвращается къ нимъ, свѣтъ снова сверкаетъ въ ихъ глазахъ, а огненная душа горитъ подъ морщинистымъ чоломъ. «Даже въ ихъ пеплѣ тлѣеть привычный огонь». Иногда плоды преклонныхъ лѣтъ бываютъ еще сочные плоды юности. «Одиссея» была создана слѣпымъ старцемъ, но этотъ старецъ былъ Гомеръ. Боссюэ было около шестидесяти лѣтъ, когда онъ сочинилъ и произнесъ самую блестящую изъ своихъ проповѣдей. Мильтонъ былъ почти «окоченѣвшимъ отъ старости», когда описывалъ любовь Адама и Евы въ раю. Локкъ дѣятельно продолжалъ свои литературныя занятія до конца и прекратилъ ихъ лишь за нѣсколько дней до своей смерти, похитившей его семидесяти трехъ лѣтъ. Пуссену было семьдесятъ лѣтъ, когда онъ написалъ свою замѣчательную картину «Потопъ». Уѣсть написалъ свою послѣднюю, какъ говорять, лучшую картину «Смерть на Блѣдномъ Конѣ» (изъ Апокалипсиса) — въ семьдесятъ девять лѣтъ.

Тамъ, гдѣ дѣло не касается способности воображенія, случаи тупости въ дѣтствѣ и медленности развитія въ зрѣломъ возрастѣ весьма многочисленны. Кто могъ бы предвидѣть, что въ неспособномъ мальчикѣ Беніенѣ, сорванцѣ и озорнику, скрывается будущій авторъ чудесной аллегоріи «The pilgrim's progress», такой сильной, патетической и прекрасной? Но геній даетъ о себѣ знать, разъ онъ существуетъ. Въ приведенномъ случаѣ затрудненія скорѣе, чѣмъ удобства, препятствія скорѣе, чѣмъ поощренія, послужили для Беніена энергичными помощниками. Маколей, одинъ изъ лучшихъ судей по этому вопросу, утверждаетъ, что хотя въ Англіи было много умныхъ головъ въ послѣднюю половину семнадцатаго столѣтія, но только двѣ изъ нихъ были одарены способностью воображенія въ сильнейшей степени. Одинъ изъ этихъ умовъ создалъ «Потерянный рай», другой «The pilgrim's progress».

Судьба Уитфильда еще замѣчательнѣе. Испорченный мальчикъ, вороватый смолоду, ненавидѣвшій ученье и со всѣмъ негодный, какъ онъ говорилъ самъ о себѣ, видя только дурные примѣры, какіе можно было встрѣтить на постояломъ дворѣ его матери, онъ наперекоръ всему сдѣлался однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и знаменитыхъ проповѣдниковъ. Не болѣе того обѣщалъ въ дѣтствѣ и Джонъ Ньютоны, другъ романиста Купера. Въ девятнадцать лѣтъ онъ былъ схваченъ отрядомъ матросовъ-вербовщиковъ и посаженъ на бортъ военного корабля. Здѣсь его наказывали плетью и подвергали униженіямъ за проступки. Впослѣдствіи Ньютоны обрабатывалъ землю въ одномъ государствѣ въ западной Африкѣ, гдѣ чуть не умеръ отъ жестокаго обращенія. Однако, эти страданія и припоминаемыя имъ наставленія матери, какъ и ея примѣръ, смягчили сердце юноши и онъ сдѣлался инымъ человѣкомъ. Спасшись бѣгствомъ отъ такой каторжной жизни, онъ сталъ посвящать свои досуги умственному усовершенствованію, хотя въ продолженіе четырехъ лѣтъ былъ хозяиномъ невольничьяго корабля. Возрастающее отвращеніе къ этому ремеслу заставило его покинуть торговлю неграми. Тогда онъ вернулся въ Англію, началъ усердно учиться, пріобрѣль знаніе латыни и французскаго языка, а впослѣдствіи сдѣлалъ значительные успѣхи въ греческомъ, еврейскомъ и сирійскомъ. Черезъ долгое время Джонъ Ньютоны былъ посвященъ епископомъ въ духовное званіе и получиль мѣсто священника въ Ольней. Тамъ онъ успешно трудился около шестнадцати лѣтъ и въ это время коротко сблизился съ поэтомъ Куперомъ, въ сотрудничествѣ съ которымъ написалъ и издалъ хорошо известные «Ольнейскіе гимны».

Къ этимъ примѣрамъ можно присовокупить еще замѣчательную исторію Ричарда Бэкстера, племянника знаменитаго nonconformistского священника, который не зналъ ни единой буквы въ восемнадцать лѣтъ и умѣлъ говорить только на уэльскомъ нарѣчіи. Но когда его умъ проснулся,

онъ прилежно принялся за учение и въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣлъ репутацію ученаго. Впослѣдствіи онъ былъ опредѣленъ директоромъ Мерсерской школы въ Лондонѣ, причемъ исправлять эту отвѣтственную должность съ большимъ успѣхомъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Онъ былъ замѣчательный писатель, особенно по-латыни и по части антикварныхъ произведеній. Его изданіе Гораций долгое время считалось лучшимъ; оно до того прославилось за границей, что было перепечатано Геснеромъ въ Лейпцигѣ съ добавочными примѣчаніями.

Александръ фонъ-Гумбольдтъ дѣлалъ мало успѣховъ въ школѣ. Онъ былъ нерѣшителенъ и флегматиченъ и лишь въ позднѣйшиѣ годы, когда его умъ началъ развиваться, онъ пріобрѣлъ познанія единственно съ помощью силы воли и прилежанія. Когда Дидро былъ мальчикомъ, онъ считался выродкомъ семьи, а между тѣмъ сдѣлался ея славою. Бюффонъ совсѣмъ не былъ чудомъ въ юности. Его умъ развивался медленно и одинаково медленно воспроизводилъ усвоенное имъ. Г-жа Некаръ приписывала развитіе таланта Бюффона любопытству и тщеславію. Она говорить о немъ: «Онъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь понималъ то, чего онъ самъ не понимаетъ; онъ не хотѣлъ пропустить ничего, что могъ изучить, въ любой отрасли знанія». Но каковы бы ни были побудительные причины, руководившія имъ, его известность несомнѣнно была пріобрѣтена, благодаря только чрезвычайному и настойчивому труду.

Физикъ Френель также слылъ тузищею въ школѣ. Онъ считался недалекимъ малымъ. Съ трудомъ научили его читать и лишь на двадцать пятомъ году обнаружилъ онъ нѣкоторые признаки талантливости, послѣ чего его открытия въ области свѣтовыхъ явлений слѣдовали одно за другимъ съ поразительной быстротой. Всѣ они были сдѣланы имъ между двадцать девятымъ и тридцать восьмымъ годами жизни.

Песталоцци въ молодости былъ весьма неуклюжъ и не-

поворотливъ. Въ школѣ онъ учился очень плохо, будучи тупъ и невосприимчивъ, и долго оставался ниже посредственности. По ореографіи и письму этотъ мальчикъ шель послѣднимъ, что не помышляло ему, однако, сдѣлаться проповѣдникомъ въ зрѣлые годы. Брожденная неловкость отразилась на его первой проповѣди. Стараясь преодолѣть свое смущеніе, онъ разразился вдругъ громкимъ хохотомъ. Это конечно не могло понравиться прихожанамъ. И однако, попавъ на свою настоящую дорогу, онъ оказался однимъ изъ величайшихъ и мудрѣшихъ наставниковъ—основателемъ системы воспитанія, которой присвоено его имя.

Знаменитый историкъ французской революціи и первый президентъ третьей французской республики считался негоднымъ мальчишкой въ Марсельскомъ лицѣ. У него было особое пристрастіе къ леденцамъ и незрѣлымъ яблокамъ; съ цѣлью полакомиться, онъ продавалъ свои учебники, и въ то-же время былъ зачинщикомъ невѣроятныхъ шалостей, за что просыпалъ героемъ между своимъ товарищами. Но для учителей этотъ проказникъ былъ сущимъ наказаніемъ. Однажды онъ облѣпилъ сапожнымъ варомъ сидѣніе стула на каѳедрѣ; преподаватель, сѣвъ на мѣсто, не могъ съ него встать, чѣмъ вызвалъ оглушительный хохочъ въ классѣ. Озорника посадили въ карцеръ, потомъ пригрозили ему исключеніемъ. Такъ какъ родители мальчика были очень бѣдны, то эта угроза повела къ его исправленію. Онъ сдѣлался послушнымъ, старательнымъ и съ тѣхъ поръ до конца школьнаго курса обыкновенно шель во главѣ своего класса, а впослѣдствіи получалъ первыя награды. Дальнѣйшая исторія Тьера известна каждому *).

Онорэ-де-Бальзакъ, поступивъ въ школу, оказался такимъ шалуномъ и лѣтняемъ, что его пришлось перевести

*) Адольфъ Тьерь былъ избранъ президентомъ французской республики 31-го августа 1871 года и состоялъ имъ по 24 мая 1873 года. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ; скончался 3 сентября 1877 года.
(Прим. ред.).

въ частное училище, гдѣ ученикъ пошло немногимъ лучше. Затѣмъ онъ опредѣлился въ контору одного парижскаго нотаріуса, хотя Мишле говоритъ, что этотъ писатель началь трудиться въ качествѣ типографа и книгоиздавца. Во всякомъ случаѣ его литературная дѣятельность началась съ газетныхъ статей, съ которыхъ онъ перешелъ на беллетристику. Однако, прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ его романъ «Шагреневая кожа» обратилъ вниманіе читающей публики на своеобразный юморъ этого автора, который въ скоромъ времени сдѣлался всеобщимъ любимцемъ.

Дюма, подобно Бальзаку, былъ лѣнивымъ, негоднымъ ученикомъ въ училищѣ и отличался только страстью къ забавамъ на открытомъ воздухѣ. Онъ былъ искусенъ въ фехтованіи и борьбѣ, превосходно стрѣлялъ и обладалъ ловкостью во всѣхъ видахъ спорта. Но эти достоинства не могли доставить ему средствъ къ жизни. Въ пятнадцать лѣтъ его помѣстили писцомъ къ нотаріусу и въ то время онъ еще не выказывалъ никакихъ наклонностей къ литературѣ. Рѣшимость выступить за писательское поприще явилась у него случайно. Одинъ знакомый, писавший для театра, предложилъ ему работать соообща, увѣряя, что «писаніе театральныхъ пьесъ есть такое-же ремесло, какъ всякое другое, и требуетъ только навыка». Первые попытки Дюма были неудачны; но онъ не падалъ духомъ и наконецъ его «Генрихъ III» имѣть успѣхъ. Дальнѣйшая карьера этого автора представляетъ уже непрерывный рядъ триумфовъ. Имъ написано около восьмидесяти драмъ и болѣе сорока романовъ.

Даже блестящій Шериданъ, приведенный матерью къ школьному учителю, былъ аттестованъ ею, какъ безнадежный турица. По ея словамъ, онъ былъ хвастунъ, озорникъ, несносный и беспокойный мальчикъ, то и дѣло замышлявшій всякия проказы. Когда его мать умерла, это первое горе смягчило сердце непослушного ребенка. Съ

ТОГО времени онъ сталъ прилежно учиться и впослѣдствіи занялъ первое мѣсто между великими людьми своего отечества. Извѣстный филантропъ Джонъ Говардъ не дѣлалъ никакихъ успѣховъ въ школѣ; онъ былъ признанъ неправимымъ туцицей и отданъ въ ученье къ москательщику. Фаузель Бэкстонъ также былъ неспособнымъ мальчикомъ и предпочиталъ стрѣльбу и охоту ученью. Однако, занятія спортомъ пошли ему впрокъ, потому что отъ нихъ онъ много выигралъ относительно здоровья и силы.

Знаніе учебниковъ можетъ сдѣлать мальчика первымъ ученикомъ; но для того, чтобы выдвинуться впередъ въ практической жизни, нужны дѣятельность, прилежаніе и выносливость. Дѣйствительно, слишкомъ исключительная усидчивость въ изученіи какого бы то ни было предмета, когда юноша приближается уже къ возмужалости и его характеръ окончательно формируется, можетъ сдѣлать его до извѣстной степени неспособнымъ къ практической дѣятельности. Отсюда умственные недочеты ученыхъ и невѣжество образованныхъ, очерченные Гэзлитомъ съ такой силой и остроуміемъ въ его «Застольномъ разговорѣ».

Воспитаніе капитана Мэрріета въ дѣтствѣ было весьма ограниченнымъ и онъ пустился въ море еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. О своемъ пребываніи въ школѣ вмѣстѣ съ Чарльзомъ Бабеджемъ онъ разсказываетъ слѣдующее: «Первое училище, куда меня отдали, содержалось одной старушкой. Наши школьные товарищи были славные мальчики, но Чарли и я вѣчно оставались на дурномъ счету. Мы постоянно попадали впросакъ, ухитрялись въ чёмъ-нибудь провиниться. Тогда старушка-учительница обыкновенно ставила насъ рядомъ на стулья посреди класса и, указывая на насъ въ предостереженіе другимъ, говорила: «Вотъ взгляните на этихъ мальчиковъ! Они дурные дѣти и никогда не достигнутъ ничего хорошаго въ этомъ мірѣ. Они непремѣнно кончатъ плохо». Смѣшно сказать,—заключаетъ Мэрріетъ свой разсказъ,—что Бабеджъ и я оказались

единственными изъ всѣхъ учениковъ той школы, которые заставили впослѣдствіи говорить о себѣ».

Многіе великие воины отличались непонятливостью въ дѣтствѣ. Берtrandъ Дюгесклень никакъ не могъ научиться путемъ ни читать, ни писать. «Въ цѣломъ свѣтѣ не бывало мальчишкъ хуже его,—жаловалась мать будущаго героя,—онъ вѣчно ходитъ въ синякахъ и ссадинахъ, съ обезображеніемъ лицомъ, потому что безпрестанно дерется или получаетъ побои; его отецъ и я лучше желали бы видѣть его успокоившимся въ могилѣ». Тѣмъ не менѣе, Дюгесклень въ свое время отлично усвоилъ военную тактику и остался въ живыхъ, чтобы сдѣлаться знаменитымъ полководцемъ.

Герцогъ Марльборо хотя и не получилъ заботливаго воспитанія, но рано обнаружилъ признаки военного генія; маршаль Тюреннь, съ которымъ его сравнивали, предсказа-
зalъ, что «красивый англичанинъ» со-временемъ покажетъ себя мастеромъ въ военномъ дѣлѣ. Однако, ему было суждено до пятидесяти лѣтъ дожидаться случая блеснуть своимъ способностями. Одержавъ рядъ замѣчательныхъ побѣдъ, онъ заставилъ французскія войска отступить за границу. Герцогу было пятьдесятъ четыре года, когда онъ выигралъ сраженіе при Бленгэймѣ, пятьдесятъ шесть, когда онъ отличился подъ Рамильи и пятьдесятъ девятъ, когда онъ обнаружилъ необычайную военную отвагу подъ Мальплякѣ. Шестидесяти одного года Марльборо взялъ штурмомъ сильную крѣость Бушенъ.

Самъ Тюреннь, какъ мы видѣли выше, учился медленно и съ трудомъ, возмущаясь противъ взысканій и привужденія; но когда дѣйствовали на его самолюбіе, онъ занимался усиленно, побѣждая упорнымъ усердіемъ недостатокъ понятливости. Клайвъ былъ туцицей и озорникомъ, буйнымъ предводителемъ лѣнныхъ мальчишекъ Маркетъ-Дрейтона, и наводилъ ужасъ на сосѣдей. Но у одного изъ учителей хватило проницательности предсказать, что изъ этого лѣнтия выйдетъ со-временемъ замѣчательный человѣкъ.

Веллингтонъ, которому было суждено сдѣлаться однимъ изъ величайшихъ полководцевъ и надежнейшихъ государственныхъ людей, кончилъ курсъ военного образованія въ Анжерѣ, не выдѣлившись ничѣмъ. Онъ поступилъ въ армию и дважды переходилъ изъ пѣхоты въ кавалерію и обратно, послѣ чего обратился къ лорду Кемдену, бывшему тогда вице-королемъ Ирландіи, съ просьбою принять его на службу въ таможню или казначейство. Къ счастью, однако, лордъ Кемденъ не удовлетворилъ просьбы молодого офицера. Въ результатѣ своего ходатайства, Веллингтонъ былъ принятъ въ 33-й полкъ на мысъ Доброй Надежды, откуда онъ былъ двинутъ въ Бенгалію въ 1797 году. Съ той поры бiографiя Веллингтона входитъ съ составомъ исторiи Европы.

Хотя Непиры были далеко не тупоумными мальчиками, но школьному учению они обязаны немногимъ. Учителемъ Уильяма, военного историка, былъ чудаковатый старичокъ, начальникъ грамматической школы въ Сельбридже, отъ которого ребенокъ ничему не научился. Онъ былъ воспитанъ отчасти одною родственницей дома, но болѣе всего занимался своимъ образованіемъ самъ. Обладая хорошей памятью, мальчикъ затвердилъ наизусть всю «Илліаду» и «Одиссею» въ переводе Поппа; однако, его первоначальное образование вѣроятно было очень скучно, если Уильямъ Непиръ не умѣлъ правильно писать, будучи уже двадцатилѣтнимъ юношей. Въ чинѣ поручика артиллеріи онъ писалъ безграмотно, какъ и два года спустя, сдѣлавшись кавалерiйскимъ корнетомъ. Однако, черезъ годъ или два его письма становятся правильными и не пестрятъ орографическими или грамматическими ошибками. Они выигрываютъ въ стилѣ, выразительности и яркости, и со-временемъ Непиръ становится безусловно первымъ военнымъ историкомъ своего времени. Чарльзъ, «страшный озорникъ», былъ падиономъ семьи. Онъ естественно обнаруживалъ робость въ отроческихъ годахъ, но побѣдилъ въ себѣ это чувство не-

обычайной силой воли. Онъ былъ героемъ всю свою жизнь и остался до конца справедливымъ, незапятнаннымъ, честнымъ, достойнымъ, чистымъ и сострадательнымъ.

Иногда, подобно лорду Кокбёрну, мальчики считаются тупицами, потому что учителя забиваютъ ихъ способности, и они не дѣлаютъ успѣховъ въ ученіи, пока не избавятся отъ бездарныхъ педагоговъ, чтобы, оставшись на свободѣ, обнаружить свои настоящія склонности. Жоржъ Кабанись былъ способнымъ мальчикомъ, но суровая дисциплина въ школѣ, куда опредѣлилъ его отецъ, привила ему лѣнъ и упрямство, такъ что его наконецъ исключили изъ этого учебнаго заведенія. Замѣтивъ, что сынъ всегда учился охотно, когда его не подвергали принужденію, и что онъ строго подчинялся правиламъ, которыя налагали на себя самъ, отецъ рискнулъ предоставить ему въ четырнадцать лѣтъ свободу продолжать ученье по своему. Смѣлый опять удалось. Въ два года юноша исправилъ недостатки своего воспитанія въ школѣ; онъ познакомился съ родной литературой, изучилъ поочередно греческій и латинскій языки, философию и метафизику, и все съ одинаковымъ жаромъ. Нѣкоторое время спустя нездоровье помѣшало его занятіямъ. Къ больному пригласили знаменитаго доктора Дю-Трейля и онъ убѣдилъ молодого человѣка заняться подъ его руководствомъ изученіемъ физики. Въ продолженіе шести лѣтъ Кабанись учился у Дю-Трейля; и та извѣстность, которой онъ впослѣдствіи достигъ, какъ врачъ и физіологъ, вполнѣ оправдала ожиданія друга и наставника его молодости.

Иногда бываетъ такъ, что мальчикъ, одаренный гениальной изобрѣтательностью, считается глупымъ и разсѣяннымъ, просто потому, что его оригинальное дарованіе не находить случая обнаружиться. Когда Клапротъ, знаменитый ориенталистъ, былъ студентомъ берлинскаго университета, то его считали совсѣмъ неразвитымъ. Однажды экзаменаторъ сказалъ ему: «Милостивый государь, да вы

ровно ничего не знаете». — Позвольте, — отвѣчалъ Клапротъ, — я знаю китайскій языкъ. Такой отвѣтъ былъ встрѣченъ изумленіемъ и недовѣріемъ. Однако, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что молодой человѣкъ безъ посторонней помощи и втайне отъ всѣхъ дѣйствительно овладѣлъ однимъ изъ труднѣйшихъ восточныхъ языковъ. Это обстоятельство опредѣлило направленіе его занятій наукой, какъ и задачи его послѣдующей жизни. То-же самое происходило съ Линнеемъ, пока обнаружилось его истинное дарованіе. Въ школѣ онъ былъ туцицей, а въ саду и въ лѣсу поражалъ своими дивными способностями. Жребій сэра Джозефа Бенкса представляетъ много аналогичнаго. Въ дѣтствѣ онъ до такой степени любилъ всякия игры, что почти ничему не учился въ школѣ; но красота полевыхъ цвѣтовъ въ окрестностяхъ Итона вызвала въ немъ восторгъ и удивленіе, и съ того времени мальчикъ посвятилъ себя со всей пылкостью своего характера ботаникѣ и естественной исторіи.

Геніальность генерала Менабреа, впослѣдствіи первого министра Италіи, обнаружилась въ дѣтствѣ и притомъ замѣчательнымъ образомъ. Этого мальчика за какую-то провинность заперли въ отдаленную комнату въ отцовскомъ замкѣ. Онъ тотчасъ вздумалъ пробить отверстіе въ перегородкѣ и работалъ надъ осуществленіемъ своего плана до тѣхъ поръ, пока не явился къ своей матери, осыпанный съ ногъ до головы известкой и кирпичной пылью. Находясь въ коллегіи въ Туринѣ, онъ съ такой страстью отдавался изученію математики, что, съ цѣлью пріобрѣсти нѣкоторая дорогія сочиненія по этому предмету, о которыхъ онъ давно мечталъ, молодой человѣкъ продалъ большую часть своего гардероба. Графъ Брюнен, его зять, засталъ однажды этого самоотверженаго студента среди зимы въ легкомъ лѣтнемъ костюмѣ, погруженнымъ въ свои вычисlenія. Оказалось, что ему нечего было надѣть. Таковы были раннія проявленія геніальности, которая обна-

ружилась впослѣдствіи при осадныхъ работахъ передъ Анконю и Гаэтоя, приведшихъ къ взятію этихъ важныхъ крѣпостей.

Бывали случаи, когда люди казались ни къ чему непригодными въ юности и проявляли свои способности только въ среднихъ годахъ или даже въ старости. Человѣческіе умы, какъ и растенія, достигаютъ зрѣлости въ различную пору жизни: одни весною, другіе въ разгарѣ лѣта, а третіи — осенью. Вмѣсть съ тѣмъ люди часто не обнаруживаютъ, на что они способны, потому что имъ не представляется къ тому случая. Хотя Цезарь достигъ власти сравнительно въ поздній періодъ жизни, онъ еще въ молодости проявилъ большое личное мужество. Онъ былъ избранъ эдиломъ тридцати пяти лѣтъ, а консуломъ въ сорокъ одинъ годъ, послѣ чего въ сорокъ два года предводительствовалъ римскими легіонами въ Гельвеціи и Галліи. Пятидесяти двухъ лѣтъ онъ выигралъ сраженіе при Фарсалѣ, восторжествовавъ надъ своимъ противникомъ Помпеемъ, которому было въ то время пятьдесятъ восемь лѣтъ. Впрочемъ, Цезарь былъ еще болѣе замѣчательнымъ государственнымъ мужемъ, чѣмъ полководцемъ, а въ званіи диктатора и впослѣдствіи, какъ императоръ, онъ болѣе всячаго другого запечатлѣлъ своимъ умомъ политику и исторію императорскаго Рима.

Оливеръ Кромвель былъ уже довольно пожилымъ, прежде чѣмъ проявилъ свои замѣчательныя военные способности. Онъ не пріобрѣлъ никакой опытности въ военномъ дѣлѣ до сорока лѣтъ. Капитаномъ отряда его сдѣлали въ сорокъ три года, а полковникомъ въ сорокъ четыре. Въ слѣдующемъ году, назначенный командиромъ парламентской кавалеріи, онъ сдѣлся главнымъ виновникомъ побѣды при Мерстонъ-Мурѣ, а сорока шести выигралъ сраженіе при Нэоби. Надо отдать ему справедливость, что на военномъ поприщѣ онъ никогда не проигрывалъ сраженія. Въ пятьдесятъ четыре года его избрали лордомъ-протекторомъ Англіи.

Однимъ изъ его способнѣйшихъ сотрудниковъ былъ полковникъ, впослѣдствіи адмиралъ Блэкъ. Будучи уже среднихъ лѣтъ, покинулъ онъ мирную жизнь сельскаго землевладѣльца. Отличившись на войнѣ, Блэкъ былъ сдѣланъ командиромъ парламентскаго флота въ пятидесятыхъ-лѣтнемъ возрастѣ. Въ этомъ званіи онъ сразился съ Ванъ-Тромпомъ, который привязалъ метлу на верху мачты своего корабля въ знакъ того, что очистить море отъ англійскихъ судовъ. Блэкъ принудилъ Ванъ-Тромпа снять эту метлу; встрѣтившись съ нимъ въ Дуврскомъ проливѣ, онъ напалъ на него, нанеся ему пораженіе и обративъ въ бѣгство хвастливаго непріятеля. Ванъ-Тромпъ былъ отрѣшенъ отъ командованія и замѣщенъ Де-Рюйтромъ и Корнеліемъ де-Виттомъ. Однако, и этимъ новымъ командирамъ не удалось одолѣть Блэка. Онъ захватилъ голландскія торговыя суда, очистилъ каналъ отъ голландскихъ кораблей и загналъ въ гавань непріятельскій флотъ. Ванъ-Тромпъ былъ снова назначенъ адмираломъ и переплылъ каналъ, чтобы выставить восемьдесятъ военныхъ кораблей противъ сорока кораблей Блэка. На этотъ разъ Блэкъ потерпѣлъ пораженіе и Ванъ-Тромпъ снова поднялъ на мачту метлу. Однако, его торжество продолжалось не долго. Блэкъ опять пустился въ море, имѣя подъ своей командой восемьдесятъ кораблей, и послѣ долгой битвы, продолжавшейся три дня подъ-рядъ, загналъ голландскій флотъ въ Калѣ, при чмъ голландцы лишились одиннадцати военныхъ и тридцати торговыихъ судовъ. Блэкъ также принялъ участіе въ рѣшительномъ сраженіи между Ванъ-Тромпомъ и генералами Диномъ и Монкомъ; при этомъ Ванъ-Тромпъ былъ убитъ. Адмиралъ Блэкъ оказалъ еще другія важныя услуги республикѣ и продолжалъ поддерживать доблесть англійскаго флота. Онъ скончался на своемъ кораблѣ при входѣ въ Плимутскій заливъ по возвращеніи изъ Кадикса на шестидесятомъ году жизни.

Дандоло былъ избранъ дожемъ Венеции восьмидесяти че-

тырехъ лѣтъ. Девяносточетырехлѣтнимъ старцемъ, потерявшимъ зрѣніе, взять онъ приступомъ Константинополь, послѣ чего ему предложили тронъ восточной Римской имперіи, который, однако, побѣдитель отклонилъ отъ себя и умеръ дожемъ девяности семи лѣтъ. Вашингтонъ достигъ уже весьма зрѣлаго возраста, когда выступилъ на свое блестящее поприще. Дюмурье было за пятьдесятъ, пока нашлась подходящая арена для его военныхъ способностей, и тогда онъ заставилъ всю Европу удивляться себѣ.

Престарѣлый австрійскій полководецъ Радецкій одержалъ свою великую побѣду при Наварѣ уже восьмидесяти трехъ лѣтъ. Несмотря на многолѣтнюю военную службу, онъ ни разу до тѣхъ порь не имѣлъ случая отличиться. Этотъ полководецъ бомбардировалъ и принудилъ къ сдачѣ Венецію послѣ трехъ мѣсяцевъ геройскаго сопротивленія; тогда его назначили генераль-губернаторомъ австрійскихъ провинцій въ Италии, и онъ вышелъ въ отставку только на девяностомъ году.

Лордъ Клайдъ, хотя поступилъ на военную службу въ 1808 году и участвовалъ въ битвахъ при Вимьеро и Ка-рунѣ, былъ принужденъ, однако, долго дожидаться производства въ цолковники. Ему было подъ пятьдесятъ лѣтъ, когда онъ отплылъ въ Китай командромъ 78-го полка. Шестидесяти двухъ лѣтъ назначили его командромъ горной шотландской бригады, участвовавшей въ крымскомъ походѣ, а шестидесяти пяти онъ убѣничаль свою карьеру славнымъ освобожденіемъ Лукнова и подавленіемъ индійскаго восстанія.

Фонъ-Мольтке въ преклонномъ возрастѣ, шестидесяти шести лѣтъ, былъ почти неизвѣстенъ. Задолго до того написалъ онъ исторію русско-турецкой войны 1828—1829 гг.; въ англійскомъ перевѣдѣ, изданномъ въ 1854 году, авторъ сочиненія былъ названъ издателемъ-«капитаномъ прусской службы, уже умершимъ». Однако, великий стратегъ былъ живъ и выигралъ сраженіе при Седанѣ въ семьдесятъ лѣтъ.

Этотъ примѣръ можетъ утѣшить военныхъ, еще не имѣвшихъ случая отличиться.

Нѣкоторые терпѣли неудачи въ одномъ дѣлѣ и успѣвали въ другихъ. Аддисону не повезло, какъ оратору и драматургу; его первая пьеса «Розамунда» была освистана на сценѣ; но его сочиненія, напечатанныя въ «Tatler» и «Spectator»,—самые восхитительные опыты, какіе только можно себѣ представить. Отузѣй не пожиналъ лавровъ въ качествѣ актера, за то его драма «Сохраненная Венеція» имѣла громадный успѣхъ. Сотэрнъ, знаменитый актеръ, однажды сознался публично, что въ началѣ своей драматической карьеры то и дѣло терпѣлъ мѣста «за неспособность».

Можно указать много литературныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ безвѣтности и прославившихся подъ старость. Стэрнъ, не замѣченный до тѣхъ порь читающей публикой, издалъ свое первое сочиненіе «Тристрамъ Шэнди» сорока семи лѣтъ, а «Сентиментальное путешествіе» пятидесяти пяти. Де-Фо выпустилъ въ свѣтъ первую часть своего популярнѣйшаго произведенія «Робинзонъ Крузе» пятидесяти восьми лѣтъ. Ричардсонъ началъ писать романы, на которыхъ преимущественно держится его слава, только съ пятидесяти лѣтъ, а свою «Кларису Гарловъ» окончилъ уже подъ шестьдесятъ лѣтъ. Правда, что этотъ авторъ еще въ дѣствѣ отличался живымъ воображеніемъ и мастерски рассказывалъ исторіи школьнѣмъ товарищамъ «все изъ своей головы». Въ то же время онъ былъ любимцемъ дѣвушекъ по сосѣдству, потому что строчилъ по ихъ просьбѣ любовныя посланія молодымъ парнямъ.

Фильдингъ написалъ «Тома Джонса», а Руссо «Новую Элоизу» почти въ тѣ же годы, когда Ричардсонъ написалъ «Памелу». «Жизнеописанія поэтовъ» доктора Джонсона, пожалуй, самое лучшее изъ его произведеній, было написано имъ за три года до смерти, на семьдесятъ пятомъ году. Бэнъ-Джонсонъ умеръ шестидесяти трехъ лѣтъ и на

одръ смерти написалъ свой превосходный пасторальный отрывокъ «Печальный пастухъ». Лонгвельло сочинилъ свою остроумную, тонкую поэму «De senectute» и прочелъ ее въ Бодуэнской коллегіи въ день своей семидесятой годовщины. По словамъ королевы Румынской, «въ дѣтской добротѣ есть нечто ангельское, но въ добротѣ старцевъ—божественное!»

Историкъ Джонъ Спидъ издалъ свое первое сочиненіе на шестьдесятъ шестомъ году, а до тѣхъ поръ содержалъ себя портняжнымъ ремесломъ. Скалигеръ старшій, бывшій въ юности пажомъ, а затѣмъ воиномъ, мало думалъ объ ученьѣ до зрѣлыхъ лѣтъ, и первое изъ его сочиненій появилось въ печати только по достижениіи авторомъ сорока семи лѣтъ. Ламаркъ, знаменитый ботаникъ и зоологъ, вступилъ въ ряды французской арміи на семнадцатомъ году. Онъ прослужилъ въ ней пятнадцать лѣтъ и участвовалъ во многихъ битвахъ, отличаясь храбростью. Наконецъ, получивъ серьезную рану, онъ былъ принужденъ выйти въ отставку. Ему было около сорока лѣтъ, когда, поступивъ на службу въ Jardin des Plantes помощникомъ директора Жюссье, онъ издалъ свое первое сочиненіе по ботаникѣ. Ламаркъ началъ читать лекціи въ пятьдесятъ лѣтъ и продолжалъ ихъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. Ослѣпнувъ и одряхлевъ, онъ не бросилъ своихъ занятій наукой, обнаруживая прежнее трудолюбіе. Его послѣднее сочиненіе «Записки о раковинахъ» было составлено съ помощью дочери, и онъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ восьмидесяти шести лѣтъ.

Скалигеръ и Ламаркъ были въ молодости военными. Замѣчательно то, какое множество выдающихся людей усвоило привычку къ дисциплинѣ, повиновенію и труду, благодаря полученной ими выдержкѣ на военной службѣ. Вместо того, чтобы быть помѣхой, военная карьера можетъ сдѣлаться большимъ подспорьемъ въ послѣдующей жизни. Выправка, дисциплина, послушаніе и храбрость полезны въ каждомъ призваніи и оказываютъ могущественное влія-

ніє на образованіе характера. Во всякомъ случаѣ они развивають способность систематического сосредоточенія, которое такъ важно для обнаруженія истиннаго таланта. Вотъ для примѣра краткій перечень знаменитыхъ людей, носившихъ оружіе: въ Греціи—Сократъ, Эсхилъ, Софокль, Ксенофонты; въ Италіи—Юлій Цезарь, Гораций, Данте и другіе; въ Испаніи и Португаліи—Сервантесъ, Кальдеронъ, Камоэнсъ, Лопе-де-Вега, Игнатій Лойола; во Франціи—Декартъ, Монпертюи, Ларошфуко, Ласпедь, Жамаркъ, Поль Луи Курье; въ Англіи—Чосеръ, Бенъ-Джонсонъ, Филиппъ Сидней, Альдже́ронъ Сидней, Джорджъ Буканаанъ, Девенентъ, Феркюэръ, Ловлесь, Утерсь, Отуэй, Беніэнъ, Стиль, Сотби, Коббетъ и Мёрчисонъ. Знаменитый Джонъ Гентеръ хотѣлъ пойти въ военную службу, когда братъ его Уильямъ пригласилъ его въ Лондонъ помочь ему при вскрытии труповъ. Онъ сдѣлалъ такие успѣхи въ анатоміи, что въ двадцать семь лѣтъ сталъ участвовать въ чтеніи лекцій. Однако, его первое сочиненіе—введеніе къ «Трактату о зубахъ» было издано имъ только на сорокъ четвертомъ году. По прошествію этого периода его вклады въ медицину, хирургію и физіологію были многочисленны, оригинальны и имѣли большую цѣнность. Но все-таки основанный имъ музей служить лучшимъ памятникомъ этого ученаго.

Между авторами, поздно выступившими на писательское поприще, слѣдуетъ упомянуть Дебональда, который, по свидѣтельству Сентъ-Бёва, до сорока лѣтъ и не помышлялъ о писательствѣ. Уильямъ Геттонъ изъ Бирмингема сталъ писать лишь пятидесяти шести лѣтъ, послѣ чего имъ написано четырнадцать сочиненій,—послѣднее изъ нихъ на восемьдесятъ четвертомъ году. Достопочтенный В. Керби написалъ свой «Бреджватерскій трактатъ о привычкахъ и инстинктахъ животныхъ» на семидесятомъ году. Немного лѣтъ спустя онъ издалъ свою «Фауну Сѣверной Америки» и умеръ девяности лѣтъ, послуживъ примѣромъ мирной тенденціи научныхъ задачъ въ естествоиспытаніи.

Есть много примеровъ замѣчательно одаренныхъ старцевъ, которые какъ будто опровергаютъ законъ старческаго упадка и даже опустошительныхъ слѣдовъ болѣзни. Диизраэли сказалъ, что старость была невѣдома многимъ гениальнымъ людямъ. Они сохраняли способности ума и чувства до послѣдняго дня своей жизни. Платонъ скончался съ тростью для письма въ рукѣ восьмидесяти одного года. Катонъ изучилъ греческий языкъ послѣ шестидесяти лѣтъ, по инымъ указаніямъ, даже восьмидесяти лѣтъ, для того, чтобы читать греческихъ драматурговъ въ подлиннике *); Цицеронъ сочинилъ свой прекрасный «Трактатъ о старости» шестидесяти трехъ лѣтъ, за годъ до своей насильственной смерти. Галилей закончилъ свои «Діалоги о движениі» семидесяти двухъ лѣтъ. Онъ былъ занятъ съ своимъ ученикомъ Торичелли продолженіемъ этого труда, когда умеръ на семьдесятъ восьмомъ году. Умы этихъ людей росли, расширялись и углублялись съ годами. «Плохое то вино,—сказалъ лордъ Джейффрой,—которое киснетъ отъ времени».

Среди пожилыхъ людей, изучавшихъ новые языки для

*) Монтень, не одобравшій произведеній преклоннаго возраста, говорить по этому поводу: «о Катонѣ сообщаютъ между прочимъ, что онъ въ преклонныхъ лѣтахъ привился изучать греческий языкъ съ такой жадностью, точно хотѣлъ утолить долговременную томительную жажду. По моему, это не дѣлаетъ ему чести и служить только доказательствомъ, что онъ впаль въ дѣтство». («Essays» II с. 28 «Всакой вещи свое время»). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говорить: «Въ иныхъ случаяхъ раньше старѣеть тѣло, въ другихъ—душа, и я наблюдалъ достаточно такихъ, у которыхъ мозги слабѣли скорѣе, чѣмъ ихъ ноги или желудки» (Книга I стр. 57. «О старости»). И далѣе: «Зрѣлость имѣть свои изъянны, какъ и молодость, и еще худшіе; старость можетъ быть также не пригодна для этого рода занятій (писательства), какъ и для всякаго другого; кто отдаетъ въ печать свою дряхлость, тотъ дурачитъ себя, воображая, что показываетъ нечто, не отзывающееся сумасбродствомъ и слабоумiemъ. Наши умы деревенѣютъ по мѣрѣ того, какъ старѣются» (III с. 12 «Философія»).

пополненія своего образованія или ради развлеченій, мы видимъ д-ра Джонсона и Джемса Уатта. Они хотѣли убѣдиться, притупились ли ихъ умственные способности съ годами. Джонсонъ изучилъ голландскій языкъ семидесяти одного года, а Уаттъ нѣмецкій—семидесяти пяти. Оба они овладѣли этими языками вполнѣ и убѣдились, что способности ихъ никаколько не пострадали отъ времени. Томасъ Скоттъ приступилъ къ изученію еврейского языка пятидесяти шести лѣтъ, а Гете было шестьдесятъ четыре года, когда онъ началъ заниматься восточною литературой. Онъ умеръ восьмидесяти трехъ лѣтъ, сохранивъ до конца всю свѣжесть мышленія и воображенія *).

Лордъ Кемденъ въ преклонныхъ лѣтахъ, оставивъ постъ лорда-канцлера, выучился по-испански съ цѣлью читать романы на этомъ языке, послѣ того, какъ имъ уже были перечитаны англійскіе, французскіе и итальянскіе романсты. Александръ фонъ-Гумбольдтъ написалъ послѣднюю страницу своего «Космоса» на девяностоисятомъ году и умеръ черезъ мѣсяцъ послѣ его окончанія. Престарѣлый Леопольдъ фонъ-Ранке продолжалъ трудиться по восьми часамъ въ день до девяносто первого года жизни, и его послѣднія сочиненія почти не уступали первымъ.

Одинъ писатель сказалъ, что послѣ сорока лѣтъ мозгъ не способенъ воспринимать новыхъ впечатлѣній; однако пожилые ученые, далеко переступившіе этотъ возрастъ, могутъ утѣшиться фактъмъ, что д-ръ Пристлей до сорокалѣтняго возраста вовсе не былъ знакомъ съ химіей. Въ письмѣ къ сэру Гемфри Деви на шестьдесятъ восьмомъ году д-ръ Пристлей говоритъ: «Хотя я и старый экспериментаторъ, но почти до сорока лѣтъ не произвелъ ни одного

*) Д-ръ Уилькинсъ преподнесъ д-ру Кемберленду, ученому епископу въ Питерборо, экземпляръ своего перевода Нового Завѣта на конглѣръ языкъ. Епископъ, которому въ то время было восемьдесятъ три года, тотчасъ принялъ за изученіе этого языка и вскорѣ овладѣлъ имъ вполнѣ.

опыта надъ воздухомъ, да и тогда принялся за это безъ предварительного знакомства съ химіей». Кислородъ былъ открытъ имъ на сорокъ первомъ году, азотъ же, окись углерода, фтористо-водородный, хлористо-водородный и другіе газы въ послѣдующіе годы. Д-ръ Томсонъ говорилъ о немъ: «Никто не брался за химію при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ д-ръ Пристлей, однако лишь немногіе заняли въ этой наукѣ болѣе выдающееся мѣсто или внесли въ нее большее число новыхъ и важныхъ фактovъ».

Большинство великихъ астрономовъ доживало до глубокой старости при полномъ обладаніи своими способностями. Трудъ являлся для нихъ божественнымъ утѣшителемъ въ преклонномъ возрастѣ. Они были стойки во всѣхъ испытаніяхъ и тверды въ надеждѣ. Мы упоминали уже о Галилеѣ, который диктовалъ свое послѣднее произведеніе, сдѣлавшись слѣпымъ и дряхлымъ. Гевелій съ увлечениемъ наблюдалъ небесныя тѣла до семидесяти шести лѣтъ, а Коперникъ до семидесяти. Ньютона написалъ новое предисловіе къ своимъ «Principia» въ восемьдесятъ три года. Флемстидъ, Галлей, Бредлей, Мэсклейнъ и Гершель дожили всѣ до старости. А г-жа Соммервиль, авторъ «Механизма неба» подарила миру свое послѣднее произведеніе «Молекулярная и микроскопическая наука» въ преклонномъ возрастѣ восьмидесяти девяти лѣтъ. Когда Деламбру замѣтили, что въ послѣдующихъ частяхъ его «Исторіи астрономіи» находится слишкомъ много поправокъ, относящихся къ содержанію предшествующихъ частей, ветеранъ науки возразилъ: «Отвѣтъ мой будетъ очень кратокъ: я принялся писать это сочиненіе въ шестьдесятъ три года; теперь же мнѣ семьдесятъ два, и если бы я откладывалъ печатаніе моей книги до тѣхъ поръ, пока въ ней будетъ нечего прибавить и вычеркнуть, она никогда не появилась бы въ свѣтѣ».

Великие государственные люди и судьи по большей части отличались долговѣчностью. Отсюда ясно, что болѣе

всего способствуетъ долголѣтію живой интересъ къ окружающей жизни. Угрюмые и безучастные люди исчезаютъ, а дѣятельные живутъ долго. Упражненіе всѣхъ способностей необходимо для здоровья; это одинаково примѣнно какъ къ старымъ, такъ и къ молодымъ людямъ. Праздность ведетъ къ ослабленію мускуловъ, сердца и мозга и къ быстрому истощенію умственныхъ силъ. Д-ръ Лордъ, знаменитый физіологъ изъ Монпелье, утверждалъ, что увяданіе не жизненнаго, но умственнаго начала сообщаєтъ въ старости осеннюю окраску зеленої листвѣ жизни. «Невѣрно—говорить онъ—будто бы умъ слабѣеть, когда жизненная сила перешла за свой кульминаціонный пунктъ. Разумъ пріобрѣтаетъ болѣе силы въ первую половину того періода, который мы называемъ старостью. Поэтому невозможно опредѣлить, въ какомъ періодѣ жизни способность сужденія приходитъ въ упадокъ».

Лорды Эльдонъ, Брумъ, Линдгёрстъ и Пальмерстоны были одинаково велики какъ въ старости, такъ и въ юности. Эльдонъ умеръ восьмидесяти шести лѣтъ, при чемъ его поразительныя умственные способности измѣнили ему лишь незадолго до смерти. Брумъ, повидимому, долго боролся со старостью и смертью, пока наконецъ на девяностомъ году уступилъ ея великой, уравнивающей силѣ. Линдгёрстъ вечеромъ того дня, когда ему пошелъ девяностый годъ, произнесъ въ палатѣ лордовъ рѣчь несравненной ясности, проницательности и убѣдительности, доказавъ, что закатъ его могучаго ума былъ совершенно беззобаченъ. Впрочемъ онъ прожилъ еще два года, сохранивъ до конца ясность и простоту мышленія. Пальмерстоны въ началѣ своей политической карьеры были однимъ изъ самыхъ молодыхъ представителей палаты общинъ и онъ остался до конца такимъ же веселымъ, кипучимъ, неувидаемымъ героемъ парламентскихъ преній и былъ типичнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ всегда или торжествовалъ, или боролся; трудъ какъ будто возвуждалъ,

усиливать и поддерживать его жизненную энергию: пробыл первым министром дольше всех других в этом столетии, исключая лорда Ливерпуля, а вдвоем сохранил до смерти свою изумительную популярность. Люди верили в его устойчивость, правдивость, честность и патриотизм; он так и умер первым министром в 1865 году, восьмидесяти лет от роду.

Судебные администраторы были почти так же имениты, как и законодатели. Сэр Томас Кокс упал с лошади на восемьдесят первом году, чем ударился об острый щебень и лошадь свалила его. Однако после этого он прожил еще более двадцати лет. Последние дни его жизни были посвящены подготовке печати его многочисленных трудов по законам Сэра Метью Гэль отказался от председательства королевской скамьи в шестьдесят семь лет. Он умер восьмидесяти девяти лет, сохранив до кончины ясность и силу ума. Лорды Стоуэль, Гардвик, Кемпбелл дожили до глубокой старости. Некоторые судейские исполнители свои обязанности так долго, что возбуждали этим неудовольствие между большими членами судебного ведомства. Лефруа исправлял должность лорда-главного судьи в суде ирландской скамьи девяностого года. Его долгое пребывание на этом посту составило предмет обсуждения, как в ирландской палате, так и в палате лордов, тем не менее, как всегда говорилось, его разум оставался здрав и опытным даже в возрасте. Президент суда казначейства Поллок, был почти вытеснен со своей позиции, поднявшимся в английской печати. Он вынужден был отставку восьмидесяти трех лет и развлекался фотографиями, сделавшись президентом фотографического общества. Он никогда не переставал живо интересоваться математикой. Смерть постигла его четыре года после отставки, на восемьдесят седьмом году. На

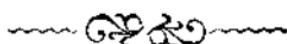
основаниі слѣдуетъ довольно осторожно «измѣрять умственныя способности преклоннаго возраста», какъ выразился лордъ Чельмсфордъ въ палатѣ лордовъ; «можно сказать, что никогда не бываетъ слишкомъ поздно для начала и, повидимому, не бываетъ слишкомъ поздно для конца».

Трудъ, но не праздность располагаетъ къ веселости. Праздность точить людей хуже, чѣмъ ржавчина желѣзо. Она ведетъ къ ослабленію и потерѣ жизненной силы. Праздный человѣкъ ускользаетъ изъ жизни прямо изъ-за того, что ему не за что въ ней удержаться. Какъ ужасно расточается жизнь у того, кто не имѣть ни любимыхъ книгъ, ни запаса мыслей, ни счастливыхъ воспоминаній о томъ, что имъ сдѣлано, пережито или прочтено! Фабриканть сальныхъ свѣчей, который вернулся назадъ къ своему чану, чтобы топить сало, лучше удалившагося отъ дѣлъ богача, которому нечѣмъ заняться. Вечерніе часы жизни могутъ быть самыми прекрасными, какъ самыми красивыми листьями на цвѣтахъ бываютъ тѣ, которые распускаются позже всѣхъ.

Мы уже говорили выше о Джемсѣ Уаттѣ. Въ юной порѣ жизни, будучи поглощенъ своими изобрѣтеніями, онъ, подобно Карлейлю, страдалъ разстройствомъ пищеваренія, невыносимыми головными болями и часто бывалъ готовъ покончить съ собою. Но по мѣрѣ того, какъ годы подвигались дальше, эти болѣзни оставляли его, и современемъ онъ сталъ наслаждаться удовольствіями пріятной старости. Онъ читалъ свои любимыя книги, разнообразилъ свои развлеченья изобрѣтеніями, посадкой растеній или поездками въ Лондонъ и Валлісъ. Онъ не проклиналъ уже болѣе своихъ изобрѣтеній, но перебиралъ вновь свои старые замыслы и составлялъ новые. «Что за жизнь безъ конька?»—говаривалъ онъ. Въ Эдинбургѣ на восемьдесятъ второмъ году Уаттъ встрѣтился въ Вальтеромъ Скоттомъ, лордомъ Джейфреемъ и многими другими лицами; «бодрый, добрыйшій, благосклонный старикъ», какъ его описывается

В. Скоттъ, восхищалъ ихъ своей веселостью, удивля вмѣстѣ съ тѣмъ обширностью и глубиной своихъ познаній. «Казалось,—говорить Джейфрея,—будто бы каждый предметъ, случайно затронутый въ разговорѣ, былъ именно тотъ, который онъ специально изучалъ». Онъ продолжалъ изобрѣтать и совершенствовать свои изобрѣтенія до конца и, представляя своимъ друзьямъ первыя копіи бюстовъ, сдѣланныя на его копировальной машинѣ, называлъ ихъ «произведеніями юнаго художника, которому только-что пошелъ восемьдесятъ третій годъ». Въ слѣдующемъ году Джемсъ Уаттъ мирно почилъ, горько оплакиваемый друзьями, собравшимися вокругъ его смертнаго одра. «Я смотрю на него,—сказалъ поэтъ Уордсвортъ,—дивясь величію и универсальности его генія, и готовъ признать Уатта пожалуй самымъ необычайнымъ человѣкомъ, какого когда-либо производила Англія; онъ никогда не выставлялъ себя напоказъ, но былъ радъ трудиться въ спокойствіи и скромности собственного духа, какъ и виѣшнихъ обстоятельствъ, въ чемъ одномъ и заключается все истинно великое и доброе».

Въ концѣ концовъ старость есть только тѣнь смерти, но, пока мы живы, долгъ можетъ найти себѣ безконечно разнообразное примѣненіе. Истинное подготовленіе къ старости заключается въ чистотѣ жизни и вѣрности долгу. Вотъ прочные результаты человѣческаго существованія, все равно, продолжительно оно, или коротко. Зима нашей жизни можетъ быть исполнена не горечью, но надеждой, радостью и ненарушеннымъ миромъ.

ГЛАВА V.

РОДОСЛОВНАЯ ТАЛАНТА И ГЕНІЯ.

Прославимъ теперь знаменитыѣ людей и отцовъ
нашихъ, породившихъ насть.

Энклезіастъ.

Счастливъ тотъ, кто можетъ прослѣдить свою ро-
дословную отъ одного предка до другого и облече-
ть свое время зеленымъ плащомъ юности.

Жан-Поль-Риксторъ.

Чувство связи съ предками не только врождено
человѣческой природѣ и особенно замѣтно въ выс-
шихъ расахъ міра, но оно въ немалой степени со-
дѣствуетъ прочности царства въ тяжелыѣ времена,
какъ безспорно сказывается особенно живо и сча-
стливые.

Джемса Рэнній.

Благородные сыновья не всегда происходить отъ
благородныхъ отцовъ, какъ дурные отъ дурныхъ,
но въ смертныхъ ии на что нельзя полагаться.

Софоклъ.

Златые и герольди, съ вашего покровленія,
Здѣсь лежитъ то, что было пѣкогда Метью
Прайеромъ,
Сыномъ Адама и Евы.
Могутъ ли Бурбонъ или Нассау восходить выше
этого?

Эпиграфъ Прайера, сочиненная имъ самимъ.

Какъ человѣческія расы производятъ себѣ подобныхъ,
такъ и отдельныи особи мужскаго и женскаго пола.
Расы сохраняютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе свою наруж-
ность и сложеніе, свои черты, свой общій характеръ; то
же самое относится и къ отдельнымъ лицамъ. Уроженцы
Китая, Японіи, Индіи и Востока остаются и теперь такими,
какими были тысячи лѣтъ назадъ. Аравійскій бедуинъ вре-

мень Авраама ничемъ не отличается отъ аравийскаго бедуина девятнадцатаго столѣтія. То же мы видимъ и въ Европѣ, несмотря на смышеніе расы. Германцы, очерченные Тацитомъ, могутъ служить портретомъ современныхъ германцевъ съ токо лишь разницей, что послѣдніе одѣты въ сукно вмѣсто звѣриныхъ шкуръ и вооружены игольчатыми ружьями вмѣсто луковъ и копій. Юлій Цезарь въ своихъ «Комментаріяхъ» описываетъ галловъ такими, каковы они въ наши дни, какъ Джиральдъ Камбрейскій въ своихъ сочиненіяхъ описалъ ирландцевъ и валлійцевъ.

Такимъ же образомъ семейства размножаютъ себѣ подобныхъ. Сыновья и дочери походятъ на ихъ отцовъ и матерей, наслѣдуя сложеніе своихъ родителей, ихъ черты, темпераментъ, ихъ характеръ. Посредствомъ браковъ всѣ эти признаки несомнѣнно подвергаются измѣненіямъ. Къ мужскому потомству обыкновенно переходить въ большей степени отцовскій характеръ, а къ женскому—характеръ матери. При этомъ одни особенности исчезаютъ, тогда какъ другія выступаютъ болѣе рѣзко; однако, хотя качества предковъ разсѣиваются такимъ путемъ, но общество въ своей совокупности сохраняетъ ихъ и характеръ расы остается неизгладимымъ.

Даже некоторые особенности въ наружности и характерѣ долго сохраняются въ семьяхъ, переходя изъ рода въ родъ. Иногда они отсутствуютъ въ сыновѣ или дочери, но снова появляются у внука или у праправнучки. Всѣдѣствіе неравнаго брака, заключеннаго около ста сорока лѣтъ назадъ, примѣсь индусской крови перешла въ одинъ знатный родъ, въ которомъ отъ-времени-до-времени появляется смуглое лицо, хотя остальные члены семьи остаются блѣлокурыми. Разсматривая портретныя галлереи въ старинныхъ наследственныхъ замкахъ, мы встрѣчаемъ отъ времени до времени одинъ и тотъ же повторяющійся типъ, хотя оригиналы портретовъ раздѣляютъ цѣлья сотни лѣтъ.

Иногда сходство съ предкомъ выступаетъ лишь неза-

долго до смерти, а порою даже послѣ нея. Сэръ Томасъ Браунъ въ письмѣ къ другу описываетъ одного умирающаго, который «сталъ непохожъ на себя, но получилъ сходство съ дядей, черты лица котораго глубоко скрывались подъ его наружностью въ здоровомъ состояніи». Теннисонъ указываетъ тотъ же фактъ въ своемъ «In Memoriam»: «какъ иногда въ лицѣ мертвца для тѣхъ, кто въ него пристально всматривается, выступаетъ едва замѣтное до тѣхъ поръ сходство съ кѣмъ-нибудь изъ его расы» *).

На недавней выставкѣ национальныхъ портретовъ на-
следственность женскихъ чертъ выступала крайне ярко въ
строении головы, въ формѣ носа, въ цветѣ и выраженіи
глазъ, въ оттенкѣ волосъ, въ очертаніяхъ кисти руки и въ
осанкѣ **). Чарльзъ Дарвинъ приводить различные примѣры,
подходящіе къ данному случаю, которые также любопытны
въ своемъ родѣ, какъ примѣры передачи привычекъ у голу-
бей-вертуноў ***). Нѣкоторыя тѣлесные особенности свой-

*) Соуті говорить: «Замѣчали ли вы когда-нибудь, какъ поразительно старость обнаруживаетъ фамильное сходство, которое, оставаясь скрытымъ въ то время, когда страсти и мірскія дѣла поглощаютъ людей, выступаетъ снова въ старости (какъ и въ дѣтствѣ), при чёмъ человѣческія черты принимаютъ свой первоначальный характеръ, прежде чѣмъ ихъ коснется разрушеніе? Я видѣлъ несказанно удивительныхъ примѣровъ тому. Я помню брата и сестру; въ среднихъ лѣтахъ они не имѣли между собою рѣшительно ничего общаго, какъ по наружности, такъ и по характеру, но подъ конецъ жизни стали похожи другъ на друга, точно близнецы. Теперь я вижу черты моего отца въ зеркалѣ, гдѣ онъ прежде никогда не появлялись».

**) Сэръ Вальтеръ Скоттъ описалъ персажу семейной черты въ своемъ романѣ «Красная желѣзная перчатка», гдѣ знакъ опрокинутой подковы посереди лба передавался отъ отца къ сыну.

***) Дарвинъ въ своемъ сочиненіи «Происхожденіе видовъ» говоритъ: «Безспорно, весьма удивителенъ фактъ, что характерные признаки появляются вновь послѣ того, какъ они исчезли за много, пожалуй, за сотни поколѣній... Когда признакъ, исчезнувшій въ какой-нибудь породѣ, появляется опять послѣ многочисленныхъ поколѣній, самоюѣ вѣроятною гипотезою будетъ не та, что потомокъ не-

ственны равличнымъ семьямъ; то же самое относится и къ нравственнымъ признакамъ; иные семьи разговорчивы и любятъ дурачиться, а другія молчаливы и застѣнчивы.

Фамильной чертою Карлейль-Говардовъ является полная нижняя губа; у Шефтобері—длинное, узкое лицо; у Дарлинглай изъ Стэра—острый вздернутый носъ, сохранившійся въ этомъ роду во множествѣ поколѣній. Уильямъ Питтъ унаслѣдовалъ носъ своей матери, женщины съ сильнымъ, оригинальнымъ характеромъ. Гранвиллъ унаслѣдовали черты лица отъ матери герцога Бриджватерскаго. Толстая губы были наследственнымъ признакомъ въ домѣ Габсбурговъ въ теченіе столѣтій, точно такъ же, какъ полнота нижней и боковыхъ частей лица характеризуютъ англійской королевскій домъ отъ Георга I до королевы Викторіи. Теперешній принцъ Уэльскій, какъ двѣ капли воды, походить на своего прадѣда Георга III, когда тотъ былъ въ его лѣтахъ.

Впрочемъ, характерные черты англійского королевскаго дома восходятъ гораздо выше Георга I. Онѣ доходятъ до Стюартовъ при посредствѣ Елизаветы, дочери Іакова I. Полнота щекъ и нижней челюсти Іакова I исчезаетъ у его сына Карла I, но появляется опять у его внуковъ—Карла II и Іакова II, а впослѣдствіи у претендента и его сына Карла Эдуарда Стюарта, между портретомъ котораго и портретомъ королевы Викторіи существуетъ поразительное сходство. Тѣ же наружные признаки сохранились въ герцогскихъ фамилияхъ Гревтоновъ и Сентъ-Альбановъ, проишедшихъ отъ Карла II. Сходство между лордомъ Фреде-

ожидавно получаетъ сходство съ предкомъ, отдѣленнымъ отъ него сотней поколѣній, но та, что въ каждомъ послѣдовательномъ поколѣніи существовала склонность воспроизвести означенный характерный признакъ, который, паконецъ, и достался одному изъ потомковъ при неизвѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ».

рикомъ Боклеркомъ (утонувшимъ въ Скэрборо) и этимъ монархомъ, какъ говорятъ, было почти невѣроятнымъ. *)

Бурбоны сохраняли въ теченіе многихъ вѣковъ свои физическая и нравственныя свойства. Всѣ они были распущенными, необузданными и своенравными людьми. Начиная съ Людовика XIV до Карла X, они отличались узкостью ума, недальновидностью и неспособностью къ спра-ведливому правленію. Наполеонъ Бонапартъ говорилъ, что «глупость была у нихъ наслѣдственной». Ихъ свергли почти со всѣхъ занимаемыхъ ими троновъ: французскаго испанскаго, неаполитанскаго. Австрійская вѣтвь уцѣлѣла, благодаря конституціоннымъ наклонностямъ тещерешняго монарха. Толщина нижней губы, характерная для этой вѣтви на протяженіи многихъ столѣтій, какъ утверждаютъ, была передана ей польскою королевною изъ рода Ягелло-новъ и никогда не исчезала **).

Тѣ же особенности индивидуальныхъ чертъ и характера являются въ сильной степени наслѣдственными и въ прусскомъ королевскомъ домѣ. Въ коллекціи портретовъ Бранденбургскаго дома Россетти замѣтилъ поразительное сходство, преобладавшее между его членами въ теченіе столѣтій. Онъ особенно останавливается на портретѣ курфюрста Фридриха I (1420), Фридриха II (1440), Іоганна Циперона (1486) и Іоахима I (1499), которые представляютъ поразительное сходство съ портретами покойныхъ королей Фридриха Виль-

*) А. Сеймуль, въ Notes and Queries, 9 January говорить: «Есть и другая черта въ нашей королевской фамиліи, довольно замѣчательная. Она заключается въ собираниіи портретовъ, которые члены королевского дома хранятъ изъ года въ годъ въ память ихъ личныхъ привязанностей. Это отличало ихъ въ теченіе многихъ поколѣній». Сэръ Артуръ Гельбъ особенно указываетъ на этотъ фактъ въ изданномъ имъ первомъ «Дневнике королевы».

**) Бертонъ въ своей «Анатоміи меланхоліи», написанной въ началѣ семнадцатаго вѣка, говорить: «Австрійская толстая губа и индійскіе плоскіе посы передаются потомству».

гельма IV, Вильгельма I, какъ и съ чертами лица вынѣшняго германскаго императора *).

Наслѣдственный характеръ передается и въ знатныхъ фамилияхъ каждой страны. Возьмемъ, напримѣръ, Бисмарковъ. Нынѣшний князь Бисмаркъ происходит изъ рода, извѣстнаго во всѣ времена своей мужественностью, стойкостью и даже упрямствомъ. Первый выдающійся членъ этой семьи вступилъ въ борьбу съ епископомъ въ 1338 году—хотя дѣло шло только лишь о мѣстныхъ интересахъ—съ такимъ упорствомъ, что былъ отлученъ отъ церкви и умеръ нераскаянныемъ безъ послѣдняго напутствія **).

Такъ же повторяются и черты лица. Портреты Лоджа показываютъ сильное семейное сходство, проходящее черезъ шесть поколѣній герцогскаго рода Менчестеровъ. Брюсь, американскій путешественникъ, гордившійся своимъ происхожденіемъ отъ норманна Роберта Брюса, который съ такимъ рыцарскимъ благородствомъ пріобрѣлъ и удержалъ за собою шотландскій тронъ, походилъ на своего геройскаго предка исполинской фигурой и силой, будучи шести футовъ четырехъ дюймовъ роста. Брюсы изъ Клакменненшира, прямые потомки шотландскаго короля, отличаются, подобно ему, сильно выдающимися скулами и челюстями. Эти наслѣдственные черты можно видѣть на монетахъ Роберта Брюса. Упомянутыя особенности сло-

*) Notes and Queries 28 November, 1868, p. 514 «Edinburgh Review»—«Эдинбургское обозрѣніе» за октябрь 1868 года отзывается такимъ образомъ о наслѣдственномъ характерѣ представителей Гогенцоллернскаго дома: «Прусскій королевскій домъ, наиболѣе одаренный умственными способностями изъ всѣхъ старинныхъ царствующихъ домовъ Европы, обнаруживавъ всегда въ полной мѣрѣ, какъ силу, такъ и слабости європейской природы. Изъ поколѣнія въ поколѣніе Гогенцоллернскій домъ производилъ людей твердаго практическаго ума, а также и мечтателей, людей одинаково одаренныхъ умомъ, по въ которыхъ преобладала чисто национальная наклонность къ мечтательности, восторженности и туманности».

**) Профессоръ Ридель. Märkische Forschungen.

женія подтвердились въ то время, когда кости монарха были вырыты въ Денфермлейнѣ, лѣтъ пятьдесят тому назадъ. Уоллесы и Скраги, какъ утверждаютъ, также представляютъ сильное сходство съ портретомъ сэра Уильяма Уоллеса, ихъ великаго предка.

Нравственные и умственные свойства также передаются изъ рода въ родъ, хотя обстоятельства препятствуютъ иногда ихъ развитію въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Однако существуетъ много древнихъ фамилій, въ которыхъ мы можемъ видѣть стариинный типъ характера, появляющійся отъ-времени-до-времени. Достаточно назвать фамиліи Перси, Дугласовъ, Стэнлеевъ, Грэгемовъ, Нэвилей, Говардовъ, подвиги которыхъ проходятъ по всей исторіи Англіи и Шотландіи: Энергія норманновъ, подобныхъ древнимъ скандинавамъ, отъ которыхъ они произошли, освѣщаетъ всю исторію Европы, возвышая ихъ до герцогскихъ и королевскихъ вѣнцовъ въ Нормандіи и Англіи, Шотландіи, Сициліи и Іерусалимѣ и открывая имъ доступъ даже въ Константинополь.

Потомки этой расы не оставались незамѣченными, выдаваясь на службѣ отечеству, на поприщѣ законодательства, науки, литературы. Имена Сиднея и Росселя, Шефтсбери и Болингброка, Бойля и Кевендиша, Фокса и Плита, Ловлеса, Герберта, Гайда и Байрона никогда не умрутъ. Генри Бейль, упоминая о Байронѣ, котораго онъ встрѣтилъ въ Италіи, въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ слѣдующее: «Итальянцы были поражены удивленіемъ, узнавъ, что великий поэтъ болѣе гордится своимъ происхожденіемъ отъ норманнскихъ Байроновъ, чѣмъ такими плодами своей музы, какъ «Паризина» и «Лара».

Вальтеръ Скоттъ также гордился своей древней родословной; свое происхожденіе отъ гарденскихъ Скоттовъ и родство съ отважнымъ Боклейкомъ онъ цѣнилъ выше, чѣмъ собственную славу поэта и романиста. «Кровь,—говорить Генией,—гораздо больше даетъ себя знать, чѣмъ,

можетъ быть, думають люди, не знающіе ничего по этой части...» Философы, подобные Бекону, Юму и Бэрклею; поэты, подобные Спенсеру, Куперу, Шелли и Скотту; романтики, подобные Фельдингу и Смоллетту; историки, подобные Гиббону; мореплаватели, подобные Колингвуду, Гоу и Джервису; Вены, Сентъ-Джонсы, Раллеи, Герберты и много другихъ представителей древняго дворянства вполнѣ оправдываютъ претензіи старииныхъ родовъ на то, что изъ нихъ выходять лучшіе люди Англіи. Даже Джереми Бэнтамъ, демократическій философъ, одно время помышляя пріобрѣсти въ Ганноверѣ владѣнія графовъ Бендгеймъ, отъ которыхъ онъ вѣль свой родъ. Фельдингъ также происходилъ отъ младшей вѣти графовъ Денбигъ, которые вели свое начало отъ графовъ Габсбургскихъ.

Когда мѣстный историкъ Соммерсетшира явился съ визитомъ къ Сиднею Смиту, гостившему въ Комбъ-Флореъ, съ цѣлью запросить его относительно фамильного герба, ученый ректоръ отвѣтилъ ему слѣдующее: «У Смитовъ никогда не было герба; они неизмѣнно запечатывали письма своимъ большимъ пальцемъ». Девизъ, принятый впослѣдствіи этимъ шутникомъ богословомъ для его экипажа, былъ «Faber meae fortunaе». Тѣмъ не менѣе и Сидней Смитъ гордился своею родословной, такъ какъ дѣдъ его былъ человѣкомъ необычайныхъ природныхъ дарованій, а мать была дочерью французскаго гугенота, отъ котораго, какъ говорили, она унаслѣдовала всѣ тонкія качества ума вмѣстѣ съ врожденной веселостью. Самюэль Уильберфорсъ, епископъ Винчестерскій, представляетъ одинъ изъ многихъ примѣровъ наслѣдственной передачи выдающихся духовныхъ даровъ. Подобно первому Питту, первому Фоксу, первому Гренвилю, первому Грею и первому Кеннингу, знаменитый первый Уильберфорсъ оставилъ послѣ себя сына, который поддержалъ во второмъ поколѣніи блескъ его имени.

Съ другой стороны, многіе изъ величайшихъ людей не

наследовали ни малѣйшей известности отъ своихъ предковъ. Когда нѣкоторыя лица изъ стариннаго французскаго дворянства хвастались однажды своей родословной, маршалъ Жюно воскликнулъ: «Клянусь честью, у меня нѣть ничего подобнаго, я самъ себѣ предокъ!» То же было со многими великими людьми: они сами служили себѣ предками. Наполеонъ говоривъ о своихъ генералахъ, что онъ поднялъ ихъ изъ грязи. Самъ Наполеонъ былъ сыномъ корсиканскаго адвоката стариннаго рода, но не отличавшагося никакими выдающимися качествами. Воины, государственные мужи, поэты, инженеры и другіе часто бывали своими собственными предками. Свѣтъ генія иногда неожиданно вспыхиваетъ въ ряду поколѣній беззвѣстныхъ людей. Родится человѣкъ, имя котораго гремитъ по всему свѣту и переживаетъ вѣка; но онъ остается одинокимъ среди своего рода, который послѣ его смерти опять погружается въ темноту беззвѣстности.

Талантъ передается, но гениальность—очень рѣдко. Талантливость можетъ быть общей фамильной чертою, тогда какъ гениальность бываетъ удѣломъ одного лица *). Порою семья, невысокая по уму, рождаетъ великаго, гениального человѣка. Талантъ принимаетъ отпечатокъ своего поколѣнія, а геній самъ запечатлѣвается ту эпоху, въ которой онъ живъ. Шекспиръ стоитъ одиноко среди своего рода, который не произвелъ ничего замѣчательнаго ни до него, ни послѣ него. Живутъ только его поэмы и драмы; но генеалогія поэта угасла. То же самое было и съ Ньютономъ, сыномъ арендатора въ Вульсторпѣ. Какъ не было

*) Бюффонъ сказалъ, что геній есть терпѣніе, но онъ прибавилъ къ этому, что геній требуетъ электрической искры для проявленія своей силы. Онъ выражается такъ: «Изобрѣтательность зависитъ отъ терпѣнія: нужно видѣть и долго всматриваться въ свой предметъ; тогда онъ постепенно развертывается и развивается; вы чувствуете легкій электрическій ударъ въ голову, который въ то же время отдается у васъ въ сердцѣ: вотъ моментъ генія».

знаменитыхъ Ньютоновъ до великаго ученаго, такъ и послѣ него. Величайшіе изъ поэтовъ стоять одиноко въ своемъ поколѣніи; это можно сказать о Шекспирѣ, Мильтонѣ, Драйндѣ, Попле, Бернесѣ, Байронѣ, Шелли, Китсѣ и многихъ другихъ **).

Великіе люди дѣйствительно не принадлежать къ какому-нибудь отдельному разряду или классу общества, но выходятъ изъ всѣхъ разрядовъ или классовъ. Они рождаются въ убогихъ хижинахъ и деревенскихъ домикахъ такъ же часто, какъ въ наследственныхъ замкахъ и дворцахъ, и хотя многіе великие люди были благороднаго происхожденія, но еще большее ихъ число вышло изъ скромнаго круга и низшаго сословія.

Приводимъ слѣдующій списокъ знаменитыхъ имень въ доказательство того, что талантъ и гений не составляютъ исключительной принаадлежности какого-нибудь сословія или класса.

Дворяне и землевла- дѣльцы.	Средній классъ.	Рабочій классъ.
Тихо-Браге	Ньютонъ	Колумбъ
Галилей	Кювье	Коперникъ
Декартъ	Вульстонъ	Лютерь
Бэконъ	Юнгъ	Доллондъ
Бойль	Кеплеръ	Франклинъ
Кевендишъ	Дальтонъ	Фарадей
Данте	Гершель	Лампасъ
Альфieri	Шекспиръ	Бенъ-Джонсонъ

**) Прочтите Бернеса въ настоящее время. Чѣмъ сдѣлался бы онъ, родившись патриціемъ? Мы встрѣтили бы у него болѣе отдалки, но менѣе силы, столько же стиховъ, но не бессмертныхъ, а въ его судьбѣ—разводъ и одну или двѣ дуэли. Если бы онъ вышелъ изъ нихъ невредимымъ, такъ какъ въ его винѣ было бы менѣе спирту, онъ могъ бы прожить такъ же долго, какъ Шериданъ, и испытать такъ же много, какъ бѣдный Бринслей. Какъ жалко погибъ этотъ человѣкъ! А все оттого, что не имѣлъ хорошаго кормчаго.—Жизнь Байрона.

Дворяне и землевла- дѣльцы.	Средній классъ.	Рабочій классъ.
Куперъ	Мильтонъ	Бёнъэнъ
Скоттъ	Петрарка	Борисъ
Байронъ	Драйденъ	Беранже
Шелли	Шиллеръ	Жасменъ
Борлей	Гёте	Бриндлей
Сюлли	Мольеръ	Стефенсонъ
Болингброкъ	Уордсуортъ	Аркрайтъ
Мирабо	Китсъ	Тельфордъ
Монтенъ	Де-Фо	Ливингстонъ
Смоллетъ	Адамъ Смитъ	Иниго Джонсъ
Фильдингъ	Джемсъ Уатъ	Канова
Юмъ	Джонъ Гентеръ	Капитанъ Куокъ
Бульверъ-Литтонъ	Карлейль	Джоржъ Фоксъ
Кондэ	Джереми Тэйлоръ	Тёрнеръ
Графъ Тилли	Дрэкъ	Джонъ Гауксвудъ
Валленштейнъ	Кромвель	Клоуддей-Шовель
Маршаль де-Саксъ	Вашингтонъ	Ней
Марльборо	Наполеонъ	Гошъ
Веллингтонъ	Нельсонъ	Сульть.

Трудно провести черту, отдѣляющую въ Англіи средній классъ отъ аристократіи. Нѣкоторыя семьи имѣютъ притязаніе на то, что ихъ предки пришли въ страну «вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Завоевателемъ»; другіе утверждаютъ, что ихъ предки утвердились здѣсь еще задолго до завоеванія; третыи же ведутъ свой родъ отъ кельтовъ и кимбріевъ, жившихъ въ Великобританіи гораздо раньше, чѣмъ ее населили юты, саксы, датчане, скандинавы или норманны.

Хотя Кромвель былъ пивоваромъ и фермеромъ-скотоводомъ, однако онъ вѣль свой родъ отъ Кромвелей, рыцарей изъ Гинчина-Брука, а также отъ Кромвеля, графа Эссекса; по матери же отъ Стюартовъ или королевской

фамилії шотландскихъ Стюартовъ *). Между тѣмъ предокъ Кромвеля былъ простой кузнечъ въ Петнѣ. Такимъ образомъ мы видимъ въ генеалогіи одного рода смѣшеніе самыхъ высшихъ и низшихъ классовъ. Джонъ Ноксъ, хотя и родившійся въ скромной средѣ, будто бы имѣть притязаніе на происхожденіе изъ дома Ренфэрли въ Ренфрюшире. Семейство Декарта считало пятномъ на своемъ гербѣ, что онъ, родившись дворяниномъ, унизился до званія философа. Однако, лишь имя философа вспоминается теперь, тогда какъ остальные члены аристократического рода давно преданы забвенію.

Отецъ Драйдна былъ родомъ изъ Ольдуинкля въ Нортгемптонширѣ, но происходилъ отъ Эразма Драйдна, главнаго шерифа графства въ царствованіе королевы Елизаветы. Отецъ Вальтера Скотта былъ внукъ младшаго сына Скотта изъ Ребёрна, вѣти древняго баронскаго дома Гарденовъ, а мать его была внучкой сэра Джона Сунтона изъ Сунтона въ Бервикшире. Такимъ образомъ оба они происходили изъ знатнаго рода.

Отецъ Купера былъ ректоромъ въ Гретъ-Беркемстидѣ, а дѣдъ его былъ однимъ изъ судей въ судѣ общихъ дѣлъ и братомъ знаменитаго лорда-канцлера Купера. Мать его

*) Королева Викторія въ «Дневникѣ нашей жизни въ горной Шотландії», описывая одно путешествіе, говорить: «Мы видѣли также замокъ Дендаасъ, принадлежащій Дендаасамъ, а дальше за Гоптауномъ замокъ Блекнесъ, знаменитый въ исторіи. По другую сторону реки виднѣется четыреугольная башня на самомъ берегу, называемая Россейтъ, гдѣ, какъ говорятъ, родилась мать Кромвеля». Однако, это невѣро: мать Кромвеля никогда не была въ Шотландії. Имя ея было Елизавета Стюартъ; она была дочерью Уильяма Стюарта, эсквайра въ Элі, наследственнаго арендатора соборныхъ и церковныхъ земель въ окрестностяхъ этого города. Стюарты, давно уже поселившіеся въ Англіи, насколько известно, не обладали земельной собственностью въ Шотландії. Говорятъ, будто бы они происходить отъ росейтскихъ Стюартовъ, вѣти королевской фамилії въ Шотландії. Однако, это опровергается профессоромъ Гердеромъ и Вальтеромъ Ресемъ.

была Анна Доннъ, которая вела свое происхождение четырьмя отдельными линиями от Генриха III, английского короля. Въ письмѣ къ м-съ Бодгэмъ, своей кузинѣ съ материнской стороны, Куперъ говоритъ: «Ко мнѣ, кажется, больше перешло отъ Донновъ, чѣмъ отъ Куперовъ, и хотя я люблю все свое родство и у меня есть тысяча причинъ любить тѣхъ, кто носитъ мою фамилію, однако я чувствую, что узы природы неудержимо влекутъ меня на вашу сторону. Въ дѣтствѣ, какъ говорили, я сильно походилъ на свою мать и въ моемъ характерѣ, о которомъ я могу, кажется, правильно судить въ пятьдесятъ восемь лѣтъ, есть много чертъ, напоминающихъ ее и моего покойнаго дядю, вашего отца». Всѣмъ памятны нѣжныя строки Купера, обращенные къ портрету матери:

О, если бы эти уста могли заговорить!
Сурова была моя жизнь, съ той поры, какъ я
увидѣлъ тебя въ послѣдній разъ.

Хотя Кольберъ былъ сыномъ купца, торговавшаго ви-
номъ и сукномъ, однако, онъ вѣль свое происхождение отъ
старинной шотландской фамиліи Кетбертовъ изъ Кестль-
Гилля, тогда какъ Максимилианъ де-Бетюнъ выводилъ свою
родословную отъ Битоновъ или Бетюновъ въ графствѣ
Файфъ.

Величайшіе полководцы большей частью происходили
изъ правящаго класса, были королями, графами и членами
аристократическихъ домовъ, какъ, напримѣръ, Альфредъ и
Карль Великій, Эдуардъ III, король англійскій, и Карль
V, король испанскій, Генрихъ IV, король французскій,
Густавъ Адольфъ и Карль XII, короли шведскіе, Фридрихъ
Великій, король прусскій, и Петръ Великій, русскій царь.
Въ аристократическомъ классѣ мы видимъ Тюрення, Кондэ,
Валленштейна, Марльборо, маршала Сакса, Веллингтона
и Непиросъ. Такой порядокъ продолжался до американской
и французской революцій, когда стали смотрѣть на однѣ

личные заслуги и доблесть, и полководцы почти впервые въ исторіи стали выходить изъ всѣхъ слоевъ общества.

Что касается поэтовъ, то величайшіе изъ нихъ вышли изъ среднихъ слоевъ общества, какъ, напримѣръ, Шекспиръ, Мильтонъ, Гёте, Шиллеръ и Уордсуортъ, тогда какъ въ прозаической литературѣ эта честь довольно равномерно распредѣляется между представителями аристократіи и среднаго класса. Между тѣмъ въ практической наукѣ, въ области изобрѣтеній, механики, какъ и слѣдуетъ ожидать, величайшіе имена принадлежать къ среднему и рабочему классамъ. «Большинство знаменитыхъ химиковъ Великобританіи,—говорить д-ръ Уильсонъ,—вышли изъ низшаго и средняго слоевъ общества».

Лишь въ царствованіе королевы Елизаветы средній классъ приобрѣтаетъ силу въ государствѣ. До тѣхъ поръ ученость и государственная служба были почти исключительнымъ достояніемъ духовнаго званія и аристократіи. Распространеніе торговли и увеличеніе благосостоянія, изобрѣтеніе книгопечатанія и религіозная реформація содѣствовали, какъ и многое другое, образованію среднаго сословія. Съ той поры мы видимъ, что не только великие государственные люди, какъ Бёрлей, Бэконъ, Уэльсингэмъ и Мильдмей, но и великие мореплаватели, какъ Гаукинсъ, Релей, Дрэгъ и Блэкъ, и великие поэты, какъ Спенсеръ, Шекспиръ, Джонсонъ, Мильтонъ и множество другихъ, выходили преимущественно изъ среднаго класса.

О великихъ государственныхъ людяхъ, которые начали показываться тогда, Маколей говоритъ: «Они не принадлежали къ аристократіи, они не наследовали ни титуловъ, ни обширныхъ владѣній, ни легіоновъ арендаторовъ, ни укрепленныхъ замковъ. Однако же, они не были людьми низкаго происхожденія, какъ тѣ, которыхъ государи, за виду власти дворянства, брали иногда отъ кузнечной наковални и отъ верстака чеботаря, чтобы возвести въ самое высокое званіе. Всѣ они были джентльмены поро-

жденію, все́ получили высшее образование и, что всего замечательней, учились въ одномъ и томъ же университете. Кембриджъ имѣлъ честь воспитать тѣхъ знаменитыхъ протестантскихъ епископовъ, которыхъ Оксфордъ имѣлъ честь сжечь на кострѣ, и въ Кембриджѣ образовались умы всѣхъ государственныхъ людей, которымъ преимущественно слѣдуетъ приписать прочное утверждение реформированной религіи на съверѣ Европы.

Многіе изъ наиболѣе отличившихся государственныхъ людей того же сословія—класса деревенскихъ землевладѣльцевъ, сдѣлались знаменитыми въ продолженіе послѣднихъ двухъ столѣтій, какъ, напримѣръ, Фоксъ, Питтъ и другіе, хотя въ послѣднее время наиболѣе знаменитые выходили изъ купеческаго сословія. Послѣ смерти Ричарда Кобдена, Дизраэли превознесъ его, какъ единственного человека настоящаго средняго класса, который въ новѣйшія времена пріобрѣлъ известность, въ качествѣ государственаго мужа; но при этомъ слѣдуетъ напомнить, что Беркъ, Кеннингъ, Пиль, Маколей, Уильберфорсъ и Гладстонъ вышли именно изъ этого класса; а все́ они государственные люди, имена которыхъ не скоро забудутся.

Между тѣмъ многіе изъ величайшихъ людей были совершенно низкаго происхожденія и съ трудомъ могли пройти свою родословную до дѣдовъ. За исключеніемъ Бьюмента и Флетчера, драматурги Елизаветинской эпохи все́ вышли изъ простонародья. Хотя и плохо образованные, они брали своими способностями. Бенъ Джонсонъ былъ сынъ кирпичника и самъ кирпичникъ. Марлоу былъ сынъ башмачника, а Шекспиръ — мясника и торговца шерстью; отецъ Мессингера былъ слугою у одного дворянина. Все́ они перебивались кое-какъ, писали ради насущнаго хлѣба и выступали на сценѣ. Многіе изъ нихъ терпѣли нужду, а нѣкоторые умирали заброшенными.

Лютерь былъ сыномъ рудокопа; Пизарро, когда былъ мальчикомъ, пасъ свиней, минералогъ Гаю былъ сыномъ

ткача, а Отвиль—булочника. Гансъ Саксъ былъ башмачникомъ, а Алланъ Ремзей—парикмахеромъ; Самюэль Пеписъ, человѣкъ, склонный къ многоглаголанію, былъ сыномъ портного; Китсъ былъ сыномъ содергателя наемныхъ экипажей; Франклінъ былъ типографщикомъ, Бернсъ—землемащикомъ, Теннегилль—ткачомъ, Тельфордъ—каменщикомъ, Стефенсонъ—водопроводчикомъ; многія другія знаменитости были также самого скромнаго происхожденія. Вольтеръ, говоря о себѣ и своемъ происхожденіи, совершенно обходилъ молчаніемъ своего отца, называя себя «внукомъ своего дѣда». То-же самое говорилъ о себѣ и Беранже. Онъ упоминалъ о своемъ дѣдѣ-старикѣ портномъ, но объ отцѣ умалчивалъ. Въ одной изъ своихъ хорошо известныхъ пѣсенъ онъ объясняетъ прямо: «Я низкорожденный, весьма низкорожденный». Жасменъ, гасконскій поэтъ и цирюльникъ, былъ чуть ли не первымъ изъ своей семьи, который умеръ не въ приходскомъ рабочемъ домѣ.

Мы видѣли выше, что особенности сложенія и темперамента у мужчинъ и женщинъ бывають наслѣдственными. Ростъ, черты, фигура, сила и энергія, даже долголѣтие, переходятъ отъ предковъ къ потомкамъ. Дарвинъ утверждаетъ, что долговѣчность свойственна нѣкоторымъ семьямъ. Онъ приводить также случаи, когда дальтонизмъ, т.-е. цветная слѣпота, держался въ пяти поколѣніяхъ. Нѣмецъ Гофакеръ утверждаетъ, что даже почеркъ передается изъ рода въ родъ. Наслѣдственность болѣзней неоспорима. Перечень наслѣдственныхъ недуговъ весьма великъ: золотуха, чахотка, ракъ, сумасшествіе, подагра и др. Согласно наблюденіямъ Гея въ больницахъ легочныхъ болѣзней, отецъ передаетъ наслѣдственное предрасположеніе сыновьямъ, а мать дочерямъ. Подагра считается болѣезнью богачей; она передается отцомъ или матерью сыну или дочери, сопровождаясь иногда не богатствомъ, которое ее вызвало, но бѣдностью, и тогда переносить ее бываетъ тяжело.

Статистика показываетъ намъ, что даже бѣдность со-

ставляетъ принадлежность иныхъ семействъ. Дурные и праздные привычки родителей взыскиваются на ихъ дѣтяхъ даже до третьего и четвертаго колѣна. Это соображеніе должно бы заставлять людей быть осмотрительнѣе въ своемъ поведеніи, чтобы исправиться, если не ради себя, то ради дорогихъ существъ. «Отцы Ѵдять кислый виноградъ, а у дѣтей остается на зубахъ оскомина». Тюремные священники свидѣтельствуютъ, что преступникъ рождается преступника, а смотрители рабочихъ домовъ доказываютъ, что подонки одного поколѣнія порождаются подонками предшествующаго *). Все это можетъ показаться жестокимъ рокомъ, но тѣмъ не менѣе это точный фактъ. Даже аграрные преступленія переходятъ по наслѣдству и могутъ искреняться только строгимъ наблюденіемъ за собою, образованіемъ и мудрымъ и справедливымъ управлениемъ. Замѣчательнѣй фактъ, указанный д-ромъ Беллемъ, что убийства въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій происходили почти въ однихъ и тѣхъ же округахъ Ирландіи. Поэтъ Спенсеръ, домъ которого въ Ирландіи былъ ограбленъ и сожженъ «вмѣстѣ съ новорожденнымъ ребенкомъ» около трехъ вѣковъ тому назадъ, описываетъ состояніе юго-западной Ирландіи въ его эпоху и оно остается такимъ же до настоящаго времени. Еще замѣчательнѣе, по указанію того же д-ра Белля, что Спенсеръ въ своей «Королевъ волшебницъ» избралъ Гленъ-Эберлау мѣстомъ, где водится больше всего злыхъ духовъ. Дѣйствительно, тамъ до недавняго времени совершились самыя жестокія аграрные преступленія.

Гораздо утѣшительнѣе то обстоятельство, что техничес-

*) Д-ръ Оливеръ Вендель Гольмсъ говоритъ: «Есть нечто ужасное въ томъ, какъ повторяются изъ рода въ родъ не только характерные свойства, но и особое проявленіе ихъ. Джонаталь Эдвартъ младший разсказываетъ о жестокомъ негодяѣ въ Ньюгавенѣ, который колотилъ своего отца: «Не тащи меня дальше,—кричалъ старикъ,—потому что я не таскалъ моего отца дальше этого дерева».

ская и артистическая ловкость переходить отъ отца къ сыну. Сынъ механика способнѣе искусно работать по механической части, чѣмъ сынъ землепашца. Эта способность является у него какъ будто отъ природы и ему легче приспособиться къ этому дѣлу, благодаря своему происхожденію. Бываютъ семейства рѣзчиковъ, мозаистовъ, граверовъ и живописцевъ. Въ Аугсбургѣ было четырнадцать знаменитыхъ граверовъ изъ дома Килановъ въ четырехъ поколѣніяхъ. Было также трое Вандервельдовъ, четверо Верне, два Тенньера и два Рафаэля. Герцнеры—семья нѣмецкихъ архитекторовъ, процвѣтали въ теченіе двухъ столѣтій, а Миленсы—механики, архитекторы и инженеры, процвѣтали триста лѣтъ. Въ этихъ случаяхъ у талантливаго отца рождался талантливый сынъ. Отсюда великая формула Паскаля: «Все послѣдованіе человѣческаго рода въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ должно быть рассматриваемо, какъ одинъ человѣкъ, вѣчно существующій и вѣчно изучающій что-нибудь новое».

Восточные народы непоколебимо вѣрятъ въ достоинство расы. Въ священномъ писаніи много строкъ посвящено генеалогіи. Первая глава въ Евангеліи Св. Матея содержитъ въ себѣ родословіе Давида до рожденія Иисуса Христа. Арабы продолжаютъ вѣрить и теперь въ родословную. Абдѣлькадеръ истолковалъ слѣдующимъ образомъ это возвѣщеніе: «Возьмите терновникъ и цѣлый годъ поливайте его розовой водой, онъ все-таки не произведетъ ничего кромѣ терній; но возьмите финиковое дерево, оставьте его безъ воды въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ, и оно все-таки будетъ приносить вамъ въ изобилии сочные плоды».

Плутархъ всегда подробно описываетъ происхожденіе своихъ героевъ. Важнѣйшіе люди древности считались сынами боговъ или исполиновъ. Предкомъ Платона считался Солонъ, родъ же Александра Македонскаго производили отъ Геркулеса. «Въ каждой великой семье,—сказалъ Цезарь,—есть святость царей, повелителей народовъ, и вели-

чіе боговъ, повелителей царей» *). Дѣйствительно, передача характера, такъ же, какъ и организаціи,—дѣло до такой степени обыкновенное, что, по словамъ сэра Генри Голленда, «удивительно не то, что характеры наслѣдуются, но то, что они иногда не переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ».

Впрочемъ, надо признать, что сходство характеровъ нельзя прослѣдить изъ рода въ родъ, какъ сходство въ чертѣ лица и фігурѣ, прежде всего конечно потому, что характеръ зависитъ въ такой сильной степени отъ обстоятельствъ, образованія и культуры, а также затрудненій и препятствій, которыхъ приходится преодолѣвать при своемъ духовномъ развитіи мыслящему человѣческому существу.

Во всякомъ случаѣ происхожденіе отъ хорошихъ родителей представляетъ большое преимущество, такъ какъ нравственные качества, подобно умственнымъ способностямъ, переходятъ къ намъ вмѣстѣ съ кровью. Благородная кровь является достояніемъ нѣкоторыхъ семействъ, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, и составляетъ цѣннѣйшую долю ихъ наследственныхъ благъ. Паскаль утверждалъ, что человѣкъ благородного происхожденія, благодаря этому преимуществу, занимаетъ въ двадцать лѣтъ такое положеніе и пользуется такимъ почетомъ въ обществѣ, какихъ ни за что не достигнуть раньше сорока лѣтъ людямъ непривилегированного класса. Однако, преимущество хорошаго происхожденія состоить не столько въ общественномъ положеніи, сколько въ возвышенности нравственныхъ и умственныхъ качествъ. Сентъ-Бёвъ въ разборѣ Лакордера говоритъ: «Это вовсе не маловажное обстоятельство, даже относительно будущихъ убѣжденийъ и вѣрованій человѣка, происходить отъ сильной и здоровой расы, такъ же какъ отъ честной и незапятнанной. Когда на основахъ твердой и ясно опредѣленной организаціи мы находимъ талантъ,

* Светоній. «Юлій Цезарь»,

добротель и гений, когда красноречие изливается огненными словами и обнаруживаются все блестящая способности зрачка мужества, тогда мы можем быть уверены, что естественная сила телесной природы поддержит их до конца».

Некоторые из замечательнейших исторических личностей поразительной силы характера и умственной мощи были рождены вне брака. Исаак Дизраэли в своих мемуарах о Толенде говорит: «Незаконное рождение создает сильные и определенные характеры». Д-р Флетчер объясняет это простыми физиологическими причинами *). Не вникая в историю мистических лиц, мы перейдем к великому имени Карла Мартелла, побочного сына Пипина Толстого, который даль отпоръ сарацинамъ, потомъ быстро распространилъ христианство и окончательно разбилъ невѣрныхъ въ знаменитомъ сражении при Турѣ. То было безспорно однимъ изъ величайшихъ поворотныхъ пунктовъ въ истории Европы, такъ какъ, если-бы не доблестное мужество Карла Мартелла и его войска, большая часть европейского континента исповѣдала бы теперь исламъ вместо учения Христа. Сынъ Мартелла Пипинъ былъ провозглашенъ королемъ франковъ, а его сынъ и преемникъ Карль Великий, имя которого было величайшимъ въ ранней истории Европы, уступаетъ въ блескѣ славы разве только Александру Великому и Цезарю.

Не останавливаясь на менѣе крупныхъ именахъ, перейдемъ къ незаконному и единственному сыну Роберта Дьявола, герцога нормандского, который завоевалъ корону Англии при Гастингсѣ и удержалъ ее съ необычайной энергией. Некоторые изъ величайшихъ потомковъ дома Стюартовъ были незаконными: Мэррей «Добрый Правитель», сынъ Іакова V шотландского короля отъ леди Маргариты Эрскайнъ, и герцогъ Бервикъ, сынъ Іакова II, короля анг-

*) Начала физиологии. См. Бертона «Анатомію меланхолії».

лійского, отъ Арабеллы Черчиль, сестры герцога Марльборо. Монте́скіе видѣтъ въ герцогѣ Бервикѣ истинное воплощеніе безупречнаго человѣка. «Я узналъ,—говорить онъ,—изъ книгъ Плутарха, каковы были великие люди, а въ немъ (въ Бервикѣ) я разсмотрѣлъ ближе, каковы они бывають». Впрочемъ Бервикъ былъ холоденъ въ обращеніи и простъ въ рѣчахъ. Когда испанскую королеву спросили, почему она не удержала на службѣ этого великаго полководца, она отвѣчала: «Это высокій, сухой англичанинъ, всегда идущій прямо къ цѣли»,—такія слова, пожалуй, можно счесть величайшей похвалой для англичанина, который мало говоритъ, но исполняетъ свой долгъ.

Эразмъ Роттердамскій, величайшій ученый своей эпохи, родился въѣ брака; жизнь его, начавшаяся въ горѣ, была безпрерывной борьбой за просвѣщеніе, науку и свободу. Леонардо-да-Винчи, міровой геній, одинаково великій, какъ живописецъ, архитекторъ, инженеръ и философъ, былъ незаконнымъ сыномъ флорентійскаго дворянина, имя кото-раго давно забыто, между тѣмъ какъ имя его сына будетъ жить вѣчно. Не выше того было происхожденіе Боккачіо, автора «Декамерона» и Еронима Кардана, врача и философа. Маршаль Саксъ былъ королевской крови, какъ побочный сынъ Августа II, короля польскаго и курфюрста саксонскаго, и графини Кенигсмаркъ, знатной шведской дамы, пороки которой передались ея сыну. Замѣчательно, что г-жа Дюдеванъ, известная романистка, писавшая подъ именемъ Жоржъ Зандъ, гордилась своимъ происхожденіемъ отъ великаго маршала. Поэтъ Прайеръ считался сыномъ лорда Дорсета, а поэтъ Севаджъ произошелъ отъ лорда Райверса и графини Мекльс菲尔дъ; мать покинула его, а отецъ не хотѣлъ признать.

Жанъ ле-Ронъ-Даламберъ былъ также знаменитостью незаконнаго происхожденія. Его подняли въ одно холодное ноябрьское утро на ступеняхъ церкви Сенъ-Жанъ-ле-Ронъ въ Парижѣ, куда онъ былъ подкинутъ. Еле живой ребенокъ

былъ переданъ полицейскому комиссару; тотъ отдалъ его на воспитаніе женѣ бѣднаго стекольщика, которая и вырастила мальчика. Впослѣдствіи за нимъ явился отецъ, нѣкто Детушъ, комиссаръ артиллеріи; оказалось также, что его материю была ни больше, ни меньше, какъ дѣвица де-Тенсень, сестра кардинала Тенсена, архіепископа Ліонскаго. Съ годами она прославилась въ Парижѣ, какъ женщина чрезвычайно талантливая и высоко-образованная.

Отецъ давалъ средства на образованіе сына. Онъ учился въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ и рано обнаружилъ гений, доставившій ему впослѣдствіи такую славу. Когда же Даламберъ сдѣлался знаменитостью, дѣвица де-Тенсень открыла ему тайну его рожденія и выразила желаніе, чтобы онъ поселился въ ея домѣ. «Что вы говорите, сударыня! — воскликнулъ сынъ. — Нѣтъ, для меня вы только безжалостная мачеха. Вотъ жена стекольщика — та моя настоящая мать». Согласно этому Даламберъ вернулся въ скромное жилище бѣдной женщины, которая съ такой любовью воспитывала его, и съ радостью дѣлилъ съ ней пополамъ все, что имѣлъ, въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. Между тѣмъ эта добрая пріемная мать съ трудомъ скрывала досаду при видѣ его занятій математикой, когда онъ проходилъ курсъ въ коллегіи. Если Даламберъ разсказывалъ ей о томъ, что написалъ, она говорила: «Ахъ, изъ тебя никогда не выйдетъ ничего болѣе пугнаго, чѣмъ философъ! А что такое философъ? Глупецъ, который мучить себя при жизни для того, чтобы заставить говорить о себѣ послѣ смерти!» Можетъ быть величайшее счастье жизни она видѣла въ ремеслѣ стекольщика, если при этомъ можно вдоволь ѣѣсть и пить. Въ своей книжѣ «Философы временъ Георга III» Брумъ помѣстилъ превосходный мемуаръ о Даламбере, котораго онъ называетъ первокласснымъ математикомъ и ставить въ первомъ ряду философовъ и геометровъ, слѣдовавшихъ за Исаакомъ Ньютономъ.

Хотя великие люди иногда рождаются неожиданно, безъ

родословной, отъ неизвестныхъ предковъ, но другіе, лучшаго происхожденія, продолжаютъ обнаруживать способности, талантъ и характеръ, унаслѣдованный отъ родителей. Эмиль Дешанель увѣренъ, что можно опредѣлить человѣка и вполнѣ постичь его, если знаешь, кѣмъ онъ былъ окружены въ юности и какъ воспитанъ *). Здѣсь, конечно, большую роль играютъ родители. Въ смыслѣ личнаго примѣра, былъ поднятъ вопросъ, кому изъ нихъ болѣе обязанъ ребенокъ нравственными и умственными качествами. Нѣкоторые доказывали, что ребенокъ больше перенимаетъ отъ матери, и дѣйствительно многое говоритъ въ пользу этого мнѣнія. «Мужчины,—сказалъ Руссо,— всегда будутъ тѣмъ, чѣмъ дѣлаютъ ихъ женщины; поэтому если вы хотите, чтобы мужчины были велики и добродѣтельны, внушите женщинамъ, что такое величие и добродѣтель».

Наполеонъ Бонапартъ былъ того мнѣнія, что «хорошее или дурное поведеніе ребенка въ будущемъ вполнѣ зависитъ отъ матери». Однажды, бесѣдуя съ г-жею Кампанъ объ общественномъ воспитаніи, онъ замѣтилъ: «Старая система образованія, кажется, никуда не годится; какъ вы полагаете, чего недостаетъ теперь для лучшаго народнаго просвѣщенія?»—«Матерей»,—не задумываясь, отвѣтила г-жа Кампанъ. Ея отвѣтъ поразилъ императора.—«Да,—подхватилъ онъ,—здѣсь у васъ цѣлая система въ одномъ словѣ! Намъ надо матерей, подготовленныхъ къ тому, чтобы, какъ слѣдуетъ, учить своихъ дѣтей». Наполеонъ привыкъ приписывать выдержку собственного характера своей матери. Эта женщина отличалась твердостью воли и проницательностью. Одинъ изъ бiографовъ Наполеона говоритъ: «Никто не имѣлъ на него влiянiя, кроме матери, которая, соединяя нѣжность, строгость и безупречную справедливость, умѣла заставить мальчика любить себя, уважать и слу-

*) Физiология писателей.

шаться. Отъ матери научился онъ добродѣтели послушанія». Впрочемъ величие характера въ значительной степени зависитъ отъ личныхъ качествъ; это доказываетъ намъ тотъ фактъ, что изъ многочисленной семьи Бонапарте одинъ Наполеонъ достигъ величія, «другимъ же величіе было навязано». Старшій братъ Жозефъ былъ сыномъ той же матери, однако, императоръ постоянно жаловался на его несообразительность и вѣчные промахи. Такъ у лорда Нельсона, одного изъ храбрѣшихъ, благороднѣйшихъ и великодушнѣйшихъ людей, былъ братъ священникъ, которому пожаловали графскій титулъ въ виду заслугъ адмирала и который, судя по его поведенію съ леди Гамильтонъ и съ дочерью Нельсона, былъ однимъ изъ самыхъ нестоюющихъ людей. Вообще не трудно подтвердить, что обстоятельства, окружающія ребенка и дѣйствующія на его нѣжную натуру, оказываютъ самое продолжительное вліяніе на его послѣдующую жизнь, и что тѣ стимулы поведенія, которые коренятся глубже всего и живутъ всего дольше, берутъ свое начало въ раннемъ дѣтствѣ. Иначе и не можетъ быть. На утрѣ жизни, когда дитя еще молча обучается всему, оно совершенно въ рукахъ матери. Кому, какъ не ей, можетъ подражать оно самымъ естественнымъ образомъ? Въ то же время она воспитываетъ его характеръ. Мужчина можетъ направлять умъ, а сердце направляетъ женщина. «Только мать,—говорить Рихтеръ,—воспитываетъ человѣчно... нельзя отрицать того, что жертвы, которые приносятъ женщины миру, остаются по большей части невѣдомыми ему. Мужчины управляютъ и пожинаютъ славу, а тысячи безсонныхъ ночей и жертвъ, путемъ которыхъ мать подготавливаетъ государству будущаго героя или поэта, позабываются и даже не идутъ въ счетъ, потому что сами матери не считаютъ ихъ. И такимъ образомъ, столѣтіе за столѣтіемъ, матери, безвѣстыя и не получающія благодарности, выпускаютъ стрѣлы, свѣтила, а также буревѣстниковъ и соловьевъ своего време-

мени. Но рѣдко Корнелія находить Плутарха, который связалъ бы ея имя съ именами Граховъ... И какъ тѣ двое сыновей, которые привезли на себѣ свою мать въ Дельфійскій храмъ, получили въ награду отъ боговъ смерть, такъ и ваше руководство дѣтьми встрѣтить полную награду лишь при концѣ жизни» *).

Несмотря на сравнительную скучность биографическихъ свѣдѣній относительно матерей нашихъ величайшихъ людей, въ нѣкоторыхъ жизнеописаніяхъ можно однако найти случайные подробности, которые указываютъ, насколько женщина влияетъ на развитіе характера. Мы уже упоминали о матери Наполеона; мать Кромвеля была не менѣе замѣчательна своей рѣшительностью, энергией въ дѣлахъ и большимъ здравымъ смысломъ. «Всегда готовая,—говорить о ней Форстеръ,—постоять за себя въ самыхъ сильныхъ превратностяхъ судьбы, эта женщина, умъ и энергія которой равнялись ея кротости и терпѣнію, заработала собственными руками приданое для пяти дочерей, достаточное, чтобы выдать ихъ въ семью, одинаково почтенные, но болѣе богатыя, чѣмъ ихъ собственная. Ея единственной гордостью была честность, а единственной страстью—семейная любовь; въ роскошномъ дворцѣ въ Уайт-голлѣ она не измѣнила простыхъ вкусовъ, которыми отличалась въ своей старинной пивоварнѣ въ Гетинѣ; единственной заботой этой матери среди окружавшей ее роскоши было благополучіе ея любимаго сына въ его опасномъ величії».

Патріотъ Гемпденъ состоялъ въ родствѣ съ Кромвелемъ по своей матери Елизавѣтѣ Кромвель, которая приходилась родной теткой Оливеру. Одна изъ ея дочерей, сестра Джона Гемпдена и кузина Оливера, вышла за сквайра Уоллера изъ Эгмондсгема; ихъ единственнымъ сыномъ былъ поэтъ Эдмундъ Уоллеръ. Сентъ-Бёвъ былъ того мнѣнія, что ве-

*) Жанъ Поль Рихтеръ. «Левана» или учение о воспитаніи.

лкие поэты гораздо чаще наслѣдуютъ свой гений и темпераментъ отъ матерей. Сведенборгъ, напротивъ, утверждалъ, что человѣкъ заимствуетъ душу отъ отца, а тѣло отъ матери. Такъ было съ нимъ самимъ; но существуетъ много примѣровъ, опровергающихъ это мнѣніе. Сенть-Бёвъ говорить: «Тѣ, кто ищетъ въ родителяхъ великихъ людей слѣдъ и источникъ блестящихъ карьеръ, тѣ, кто отыскиваетъ въ материахъ Вальтера Скотта, Байрона и Ламартина *) тайну гениальности ихъ сыновей, должны вспомнить меланхолическая и въ то же время высокообразованный умъ и характеръ г-жи де-Шатобранъ». Здѣсь же Сенть-Бёвъ прибавляетъ, что одинъ изъядей Шатобрана съ отцовской стороны, священникъ, былъ поэтомъ, а другой посвятилъ себя научнымъ и историческимъ изслѣдованіямъ.

Мать Вальтера Скотта была дочерью единбургскаго профессора Рутерфорда и отличалась тонкимъ умомъ. Любя литературу, она поощряла занятія сына, о которыхъ его отецъ, заурядный человѣкъ и суровый пресвитеріанецъ, не зналъ ничего. Въ письмахъ къ Джоржу Эллису В. Скоттъ говорить о своихъ предкахъ: «Дѣдъ мой былъ наѣздникомъ и скотоводомъ и составилъ состояніе, а прадѣдъ былъ якобинецъ и измѣнникъ (по тогдашнему выражению) и разорился; за нимъ слѣдовали одинъ или два полуголодныхъ землевладѣльца, которыеѣздили на сухопарыхъ лошадяхъ въ сопровожденіи еще болѣе сухопарыхъ охотничихъ собакъ, собирали съ грѣхомъ пополамъ сотню фунтовъ съ сотни фермеровъ, дрались на дуэляхъ, заламывали шапку на-бекренъ и величали себя дворянами».

Катерина Гордонъ изъ Гайта, мать лорда Байрона, была женщина чрезвычайно живая и пылкая, съ горячимъ и неуравновѣшеннымъ характеромъ. По всемъ вѣроятіямъ

*) Сенть-Бёвъ напоминаетъ также о сестрахъ Ламартина. Рей Колларъ, знавший ихъ лично, говорилъ, что они были очаровательны и обладали мелодичными голосами, почему онъ назвалъ ихъ семью «соломинками гнѣзда».

она передала поэту кельтскую страсть, которая сообщала столько силы его творчеству. Въ «Донъ-Жуанъ» Байронъ хвалится тѣмъ, что по рожденію онъ на-половину шотландецъ, а по воспитанію—шотландецъ съ головы до ногъ. Порывистость и своенравіе матери несомнѣнно оказали громадное вліяніе на его характеръ, что сказалось въ пагубномъ своеволіи и непримиримомъ жесточеніи, означеновавшемъ его краткую, но блестящую карьеру. Удрученный заботами, несчастный, великий, но слабый, онъ всю жизнь влакилъ на себѣ бремя этого материнскаго наслѣдія.

Изъ числа другихъ поэтовъ Грэй и Куперъ считали свои поэтические задатки унаследованными отъ матери, къ которымъ питали горячую любовь. Лишившись матери, Грэй писалъ одному другу: «Туть я почувствовалъ всѣмъ своимъ сердцемъ, что у человѣка можетъ быть только одна мать». Мать Купера, Анна Донъ, происходила отъ поэта Донна. У Свифта было также настоящее поэтическое происхожденіе, потому что мать его была урожденная Гаррикъ, а бабка—Драйдинъ. Томсонъ былъ увѣренъ, что поэтические задатки перешли къ нему отъ матери, женщины недюжинныхъ дарованій и обладавшей вдобавокъ пылкимъ воображеніемъ. Соути съ большими чувствомъ и теплотою отзыается о своей матери. «Никогда,—говорить онъ въ своей автобиографіи,—не было человѣческаго существа, надѣленного болѣе кроткимъ характеромъ или болѣе счастливыми наклонностями. Она обладала чуднымъ разумомъ и быстротою пониманія, въ чемъ не многіе превосходили ее. Я никогда не видѣлъ ей равной по живости ума, по добротѣ характера и по той нравственной привлекательности, которая располагаетъ къ себѣ всѣхъ окружающихъ».

Фонтенель свидѣтельствуетъ, что онъ заимствовалъ свои дарованія отъ матери, сестры Корнеля, тогда какъ отъ другой ихъ сестры произошла по прямой линіи Шарлотта Кордэ. Мать де-Токвиля была внучкой Малерба.

По словамъ Балланша, онъ унаследовалъ свое физическое сложеніе отъ отца, но «подобно многимъ знаменитымъ людямъ,—говорить Сентъ-Бевъ,—чувства и духовную восприимчивость онъ унаследовалъ отъ матери». Мать Манциони была дочерью маркиза Беккаріо, политического философа, автора знаменитаго «Трактата о преступленияхъ и наказаніяхъ». Нѣмецкій философъ Кантъ открыто заявилъ, что обязанъ характеру матери строгой непреклонностью своихъ нравственныхъ принциповъ. Отцомъ генерала сэра Джона Мура, павшаго при Коруньѣ, былъ докторъ Муръ, авторъ «Зелуко» и многихъ другихъ произведеній, а матерью—дочь профессора Симсона изъ Гласговскаго университета, женщина необычайной силы характера.

Можно привести еще много примѣровъ въ томъ-же родѣ: такъ, у лорда, главнаго судьи Менсфильда, была мать—женщина выдающагося характера и способностей изъ рода Друммондовъ въ Гауторнденѣ, тогда какъ его отецъ былъ ничтожный свѣтскій человѣкъ. Мать лорда-канцлера Эрскайна отличалась большимъ умомъ; по ея совѣту сынъ отказался отъ службы во флотѣ и подготовился къ юридическому поприщу, на которомъ достигъ такой громкой известности. Герцогъ Веллингтонъ тоже сильно походилъ на мать чертами лица и характеромъ. «Она была,—говорить Глейгъ,—женщиной блестящихъ способностей и сильной воли»; между тѣмъ, какъ его отецъ, графъ Морингтонъ, отличался преимущественно своей любовью къ музыкѣ; его романъ «Здѣсь, въ прохладномъ тротѣ» до сихъ поръ вызываетъ восхищеніе. Непиры также были сыновьями благородной, прекрасной, героической женщины, леди Сарры Лэннонъ, единственной, оставшейся въ живыхъ, правнучки Карла II. Мать лорда Брума, къ которой онъ неизменно питалъ нѣжную почтительность, была племянницей Робертсона, знаменитаго историка. Ова обладала большими умственными дарованіями, тогда, какъ отецъ Брума былъ вполнѣ зауряднымъ человѣкомъ, жив-

шимъ въ своемъ дворянскомъ помѣстьѣ. Баронъ Кювье былъ сыномъ самого незначительного офицера, на половиномъ жалованьѣ; за то мать знаменитаго ученаго была женщина возвышенныхъ качествъ, которая всецѣло посвятила себя воспитанію сына. Хотя сама она не знала латинскаго языка, но спрашивала мальчика уроки, учila его рисовать, поощряла въ чтеніи историческихъ книгъ и литературныхъ произведеній, развивая въ немъ ту страсть къ знанію и ту любознательность ко всему одушевленному и неодушевленному, которая, по словамъ самого Кювье, «служила главной пружиной моей жизни». Г-жа де-Севинье также повторилась въ своихъ дѣтихъ: въ семье сынъ кавалеръ де-Севинье, который славился своей утонченностью и умомъ, и въ дочери, г-жѣ де-Грењянъ, «въ которой,—говорить Сентъ-Бёвъ,—мы видимъ высшій разумъ во всемъ его достоинствѣ и силѣ».

Прежде, чѣмъ перейти къ другому предмету, укажемъ на одно замѣчательное обстоятельство въ связи съ нравственными свойствами семействъ. Гдѣ мать добра и добродѣтельна—хотя бы отецъ былъ нерадивымъ, безпутнымъ или негоднымъ человѣкомъ—она можетъ вліяніемъ своего примѣра и связующей силой своей мягкости и любви спасти дѣтей и вывести ихъ на честную дорогу. Но при дурномъ характерѣ матери—несмотря на превосходныя качества и доброту отца—изъ дѣтей очень рѣдко выходитъ прокъ. За то ни преимущества образованія, ни богатая обстановка, ни комфортъ не могутъ замѣнить хорошаго материнскаго воспитанія. Женское вліяніе преобладаетъ въ семье, а въ ней воспитываются не только общественные привязанности, но идеи и правила, управляющія міромъ. Народы выходятъ изъ дѣтскихъ, и помочи, на которыхъ водятъ дѣтей, превращаются въ рукахъ хорошей матери въ бразды нравственного правленія.

Многіе замѣчательные люди обладали добрыми геніями въ лицахъ обоихъ родителей и такимъ образомъ были вдвойнѣ

благороднаго происхождения. Лордъ Бэконъ служить тому блестящимъ примѣромъ. Отецъ его, Никольсъ Бэконъ, былъ хранителемъ печати первое двадцатилѣтіе въ царствованіе Елизаветы. Онъ отличался высокимъ образованіемъ, благороднымъ характеромъ и былъ знаменитъ, какъ законовѣдъ и государственный мужъ; въ числѣ великихъ людей своего времени онъ стоялъ изъ-ряду съ Берлеемъ. Мать Бэкона была Анна Кука, одна изъ дочерей ученаго сэра Энтони Кука. Ея ученость и образованіе были замѣчательны; она отлично знала греческій и латинскій языки, какъ и большую часть новѣйшихъ языковъ; ею были переведены проповѣди Охина съ тосканскаго нарѣчія и «Апологія» епископа Джюэля съ латинскаго. Ея три сестры также отличались ученостью и образованіемъ. Мильдредъ, старшая, вышла замужъ за великаго лорда Берлея; Роджеръ Эшемъ отзываетъ о ней, какъ о лучшемъ знатокѣ греческаго языка между женщинами Англіи, за исключеніемъ леди Дженъ Грей. Сынъ леди Берлей, Робертъ, графъ Салисбюри и лордъ — главный казначай, былъ человѣкъ большой энергіи и обширнаго ума; онъ считался однимъ изъ самыхъ способныхъ министровъ своего времени. Изъ двухъ остальныхъ сестеръ, Елизавета писала посланія и элегіи на греческомъ и латинскомъ языкахъ, а также переводила съ французскаго языка; третья же сестра, Екатерина, славилась своими познаніями въ еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ, а равно и поэтическимъ талантомъ. Сама королева Елизавета изучила много языковъ: латинскій, греческій, французскій и испанскій.

У Лютера, Тассо, Шиллера, Гёте, Бёриса и Уэслея какъ отецъ, такъ и мать были людьми достойными. Матрь Лютера описывали до ея замужества, какъ «дѣвушку добродѣтельную, цѣломудренную, богобоязненную». Отецъ его, Джонъ, былъ человѣкъ нелицемѣрной честности и твердости правиль. Его характеръ символизировался его гербомъ, изображавшимъ молотъ на глыбѣ гранита. Отецъ Тассо,

Бернардо, быть незауряднымъ поэтомъ, хотя его слава затмилась блескомъ сыновниго имени; а мать великаго поэта была женщина чрезвычайно нѣжнаго и прекраснаго характера. Во время изгнанія мужа она тщательно воспитывала геній сына, горячо отзывавшагося на материнскую любовь *). Шиллеръ унаследовалъ натуру своей матери и сильно походилъ на нее какъ лицомъ, такъ и фигурой и темпераментомъ. У него былъ тогъ же высокій ростъ, худощавый станъ, светлые волосы и слабые глаза, широкий лобъ и меланхолическое выраженіе въ чертахъ. Мать, подобно сыну, была благочестива, серьезна и восторженна, чутко понимала красоты природы, страстно любила музыку и поэзію. Но и отецъ Шиллера отличался также необыкновенной честностью, превосходными душевными качествами, и среди житейскихъ невзгодъ не бросалъ прилежныхъ занятій философией и наукой. Въ характерѣ Гёте мы видимъ счастливое сочетаніе достоинствъ его родителей. «Отъ отца,—говорить онъ,—я унаследовалъ нѣкоторое краснорѣчіе, способное внушать мои доктрины слушателямъ; отъ матери же — фантазію и умѣнье энергично и живо воспроизводить все то, что рисуетъ намъ воображеніе». Мать поэта была женщина большого здраваго смысла, съ любящимъ сердцемъ; она обладала даромъ очаровательно писать письма и во всѣхъ отношеніяхъ была почтенной личностью. Одинъ восторженный поклонникъ ея сына послѣ довольно продолжительной бесѣды съ нею сказалъ: «Теперь я понимаю, почему Гёте сдѣлался такимъ, каковъ онъ есть».

*) Муръ въ «Жизни Байрона» говоритъ: «Во многихъ случаяхъ матери знаменитыхъ поэтовъ имѣли право гордиться привязанностью своихъ сыновей не меньше, чѣмъ ихъ славою; Тассо, Поппъ, Грэй и Куперъ въ числѣ прочихъ отличались необычайной сыновней нѣжностью. Среди мелкихъ стихотвореній Тассо немногія проинкнуты такой прелестью, какъ описание въ «Каацой къ Метавро» своей первой разлуки съ матерью».

Поэты Бёрнсъ заимствовали свои умственные качества отъ отца, превосходного человѣка, здравомыслящаго и съ мужественнымъ характеромъ. Бёрнсъ сознавался, что обязанъ ему своей разсудительностью. «Мало встрѣчалъ я такихъ знатоковъ людей, — говорилъ онъ въ заключеніе, — какъ мой отецъ, который улавливалъ малѣйшіе оттѣнки въ ихъ обращеніи и приемахъ». Но къ несчастью Бёрнсъ унаследовалъ также отцовскую раздражительность и наклонность къ меланхоліи, которая отбрасывала такую тяжелую тѣнь на его жизнь. Вмѣсть съ тѣмъ поэтъ походилъ и на свою мать, слывшую весьма проницательной женщиной. Подобно матери В. Скотта, она рано зажгла гений своего сына, декламируя ему старинныя баллады своей родины. Такимъ образомъ поэтические задатки мальчика воспитывались и развивались подъ влияніемъ родительского примѣра и любви.

Джонъ Уэслей былъ одинаково хорошо одаренъ какъ отцовскими, такъ и материнскими свойствами. Уэслей представляли собою стойкую, самостоятельную и твердую породу людей. По крайней мѣрѣ въ четырехъ поколѣніяхъ различные представители этого рода были выдающимися духовными лицами и энергичными защитниками правъ совѣсти. Когда Яковъ II обнародовалъ свой указъ въ совѣтѣ, повелѣвавшій прочесть декларацию о свободѣ совѣсти по всемъ церквамъ, Самюэля Уэслея принуждали поддерживать мѣры, предпринятые дворомъ, и исполнить распоряженіе короля; однако, онъ не только отказался прочесть королевскую декларацию, но даже сказалъ проповѣдь противъ нея передъ собраніемъ, состоявшимъ изъ придворныхъ, военныхъ и доносчиковъ. Въ 1688 году совершилась революція; тогда онъ говорилъ и писалъ въ защиту нового порядка вещей. Въ 1693 году ему дали приходъ въ Линкольншире, где и родился его сынъ Джонъ, основатель общины методистовъ.

Мать Джона Уэслея была также замѣчательной лич-

востью. Она была дочь священника и, подобно мужу, проложила себѣ самостоятельную дорогу въ религіи. Послѣ добросовѣстнаго изслѣдованія, эта женщина отстала отъ диссидентовъ и присоединилась къ господствующей церкви. Отличаясь твердыми политическими и религіозными убѣжденіями и будучи сторонницей Стюартовъ, она отказалась произнести «аминь» къ молитвѣ за короля Уильяма, что привело къ времененному отчужденію между ней и мужемъ, который поддерживалъ революцію 1688 года. М-съ Уэслей была примѣрной и преданной матерью и воспитывала дѣтей (которыхъ у ней было девятнадцать) въ правилахъ чести, добродѣтели и доброты. Во время отлучекъ мужа на конвокацию по воскресеньямъ въ ихъ церкви не бывало вечерней службы, и тогда она молилась съ своимъ семействомъ дома, читала проповѣдь, а послѣ проповѣди вела съ домашними духовныя бесѣды. Прихожане добивались разрѣшенія присутствовать на этихъ собраніяхъ, и жена священника наконецъ согласилась принимать ихъ. Однако, посѣтителей набиралось такъ много, что самая большая комната въ домѣ не могла ихъ вмѣстить. Это дѣло было представлено Уэслею въ такомъ свѣтѣ, что онъ написалъ домой, приказывая женѣ прекратить подобные сборища или по крайней мѣрѣ пригласить признанное духовное лицо, которое могло бы читать за нее молитвы и проповѣди. Достойная женщина отвѣчала на это письмо, запишиа свое поведеніе такъ откровенно, чистосердечно и разсудительно, что мужъ пересталъ препятствовать ей воскреснымъ чтеніямъ и бесѣдамъ. Такова была мать Уэслеевъ; несомнѣнно, что ея наставленія и примѣръ оказали немалое вліяніе на сыновей. Соути въ своей «Жизни Уэслея» говорить: «Джонъ и Чарльзъ находились въ то время на попеченіи матери; она посвящала столько времени, сколько могла, на бесѣду съ каждымъ изъ своихъ дѣтей въ отдельности, выбирая для этого одинъ вечеръ въ недѣлю и толкуя съ ними объ обязанностяхъ и упованіяхъ

христіанна; само собою разумѣется, что это обстоятельство имѣло немалое вліяніе на ихъ образъ дѣйствій, когда они выросли и сдѣлались основателями и руководителями новой христіанской общины».

Но хотя эти и подобные примѣры служатъ доказательствомъ того, что способности, таланты и характеръ переходятъ къ дѣтямъ отъ отца и матери или же отъ одной матери, еще многочисленнѣе случаи, когда они передаются прямо по мужской линії. «Каковъ отецъ, таковъ и сынъ», гласитъ старинная поговорка. Тѣ-же черты, какъ и тѣ-же таланты, передаются иногда изъ рода въ родъ на протяженіи цѣлыхъ столѣтій.

Мы уже указывали на любопытное сходство лицъ и наружности вообще въ портретныхъ галлереяхъ старинныхъ фамилій. Точно также можно прослѣдить наслѣдственность талантовъ и художественныхъ наклонностей у живописцевъ и музыкантовъ. Отецъ Рафаэля былъ живописцемъ съ большими дарованіями и первымъ учителемъ своего знаменитаго сына. Братъ Тиціана, сынъ и внукъ были все трое выдающимися живописцами. Въ Венеціи было трое артистовъ Беллини: отецъ и двое сыновей, изъ которыхъ прославился Джіовани, второй сынъ Джакопо. Въ итальянскомъ семействѣ Сангалло было нѣсколько художниковъ и архитекторовъ, изъ которыхъ четверо стояли очень wysoko. Трое Караччи, состоявшіе въ родствѣ между собою, принадлежали къ числу величайшихъ живописцевъ Италии. Николо Абати, итальянскій живописецъ, знаменитый своими фресками, имѣлъ брата, известнаго живописца лошадей, отличавшагося по части батальныхъ картинъ, а также сына и внука, очень способныхъ художниковъ. Отецъ и четверо сыновей Бассано—всѣ были известными живописцами. Отецъ Кановы обработывалъ мраморъ и также былъ ваятелемъ.

. То-же самое можно наблюдать во Франціи. Три сына Жакоба Сижизберга-Адама изъ Нанси по примѣру своего

отца были известными скульпторами въ началѣ прошлаго столѣтія. Таковы же были четверо Кусту,—Антуанъ Кузаво и его двое племянниковъ,—Николай и Гильомъ; Гильомъ младшій,—сынъ послѣдняго, получилъ первую награду въ академіи. Базиры составляли семью граверовъ; гравировальное искусство переходило у нихъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыновьямъ и внукамъ. Пикары были тоже граверами, при чёмъ послѣдній изъ нихъ, Бернаръ, былъ самый знаменитый. Существовало четверо живописцевъ Верне: отецъ, сынъ, внукъ и правнукъ. Первый славился въ началѣ прошлаго столѣтія, а послѣдній въ наши времена.

Такія же художественные родословныя легко прослѣдить въ Голландіи. Такъ, Кюипъ и Поль Поттеръ—оба были сыновьями живописцевъ. Отцомъ Матсиса младшаго былъ Квентинъ Матсисъ, а его мать была также дочерью живописца. Двое Теньеровъ были отецъ и сынъ. Троє Фандеръ-Фельдовъ были отецъ, сынъ и внукъ. Рафаэль Ментсъ былъ сынъ живописца средней руки. Англія предсталяетъ также много подобныхъ примѣровъ. Нолликенъ былъ сыномъ скульптора. Четверо Стоновъ, отецъ и три сына, были скульпторами *). Двое Пиккерсгиллей были дядя и племянникъ. Пятеро Нэсмитовъ изъ Эдинбурга—отецъ, сынъ и три дочери, были живописцами; пожалуй къ нимъ можно пробавить шестого,—изобрѣтателя парового молота, который былъ также художникомъ.

Теперь перейдемъ къ музыкантамъ. Двое Скарлатти, отецъ и сынъ, были одинаково знамениты; въ третьемъ поколѣніи у нихъ былъ музыкальный композиторъ, хотя въ значительной степени уступавшій отцу и дѣду. Вся семья Баховъ, повидимому, была музыкальна. Родоначальникомъ ея былъ Фейтъ Бахъ, мельникъ изъ Пресбурга,

*) Въ церкви св. Мартина на ихъ гробницахъ начертана следующая эпитафія. «Четыре рѣдкихъ камня сошли въ могилу—отецъ и три сына». (Стоитъ по-русски—камень).

жившій въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, и въ шести поколѣніяхъ его потомства способность къ музикѣ передавалась безъ перерыва. До средины прошлаго столѣтія насчитывалось пятьдесятъ восемь мужскихъ потомковъ Фейта, при чёмъ, по свидѣтельству Форкеля, всѣ они были преподавателями музыки. Геніальность этой семьи достигла своего высшаго проявленія въ Іоганнѣ Себастіанѣ Бахѣ; четверо его сыновей и пять дочерей были болѣе или менѣе замѣчательны въ искусствѣ. Отецъ и дѣдъ Бетховена были музыкантами по профессіи. Отецъ Вебера былъ настоящимъ фанатикомъ музыки: онъ повсюду игралъ на скрипкѣ, на улицахъ и на поляхъ. Отецъ Моцарта былъ способный музыкантъ; онъ состоялъ вице-kapельмейстеромъ и композиторомъ въ штатѣ архиепископа Зальцбургскаго; но мы увидимъ ниже, какъ пропала эта преемственность въ сынѣ самого Моцарта. Отецъ Гайдна игралъ на арфѣ, но только по слуху. Отецъ Россини игралъ на рожкѣ въ оркестрѣ странствующей труппы. Мендельсонъ произошелъ изъ семьи, болѣе отличавшейся ученостью, чѣмъ музыкальностью; его дѣдомъ былъ Моисей Мендельсонъ, знаменитый философъ и лингвистъ *).

Во многихъ семействахъ, повидимому, переходитъ изъ рода въ родъ способность къ наукамъ и къ политикѣ. Скалигеръ,—отецъ и сынъ, были одинаково знамениты, какъ ученые и какъ критики. Таковыми же были оба Струве, Георгъ Адамъ и сынъ его Бургардъ Готгельфъ, хотя некоторые члены этой семьи занимали высокія должности въ качествѣ законовѣдовъ и государственныхъ людей. Герардъ и Исаакъ Фоссіусы,—отецъ и сынъ, были величайшими учеными своего времени. То-же самое можно сказать о двоихъ Казобонахъ, знаменитыхъ своей ученостью. Двоє Альдини, Джованни и Антоніо,—одинъ известный госу-

*) Здесь кстати упомянуть, что Мильтонъ унаследовалъ свою любовь къ музикѣ отъ отца, превосходнаго музыканта и композитора, хотя онъ былъ нотаріусомъ.

дарственныи мужъ, а другой—философъ, были племянниками Гальвани, открывшаго гальванизмъ. Строцци изъ Флоренціи славились, какъ ученые и политики, въ продолженіе трехъ столѣтій. Другая вѣтвь той же фамиліи, поселившаяся въ Феррарѣ, была замѣчательна болѣшимъ числомъ вышедшихъ изъ нея поэтовъ и критиковъ. Стефенсы (Этьены), французскаго происхожденія, были знаменитыи типографами и учеными. Не меныше десяти представителей этого рода достигли самаго почетнаго положенія въ схоластической литературѣ въ теченіе болѣе двухъ столѣтій. Родъ Банажей прославили множество проиновѣдниковъ, законовѣдовъ и ученыихъ. Д'Обини изъ Женевы, французскаго происхожденія, дали за три столѣтія нѣсколько замѣчательныхъ ученыихъ, богослововъ и историковъ. Трое братьевъ Шлегелей были почти одинаково велики, какъ ученые и критики. Въ Соединенныхъ Штатахъ мы видимъ троихъ членовъ семьи Адамса, Джона Адамса, президента, Джона Квинси; Адамса и Чарльза Френсиса Адамса, замѣчательно способныхъ государственныхъ людей. Трое Метеровъ: Ричардъ, Инкризъ и Коттонъ—отецъ, сынъ и внукъ—занимали равно почетное мѣсто въ области богословія. Могильный памятникъ, воздвигнутый въ память ихъ на кладбищѣ въ Дорчестерѣ, въ штатѣ Массачусетсъ, украшенъ слѣдующей надписью: «Подъ этимъ камнемъ лежить Ричардъ Метерь, имѣвшій сына, болѣе великаго, чѣмъ онъ самъ, и внука, болѣе великаго, чѣмъ они оба».

Наслѣдственная передача геройскихъ качествъ въ мужской линіи наглядно выступаетъ съ поразительной силой въ исторіи Нассаускаго дома. Представители этого рода впервые выдвинулись впередъ въ срединѣ одиннадцатаго столѣтія. Старшая вѣтвь осталась въ Германіи, вступила въ тринадцатомъ столѣтіи на императорскій тронъ въ лицѣ Адольфа Нассаускаго и дала странѣ множество курфюрстовъ и полководцевъ. Младшая и еще болѣе знаменитая вѣтвь предводительствовала голландцами въ ихъ борьбѣ за

свободу противъ императорской власти Испаніи и Франціи. Вильгельмъ I Оранскій, прозванный Молчаливымъ, первый сталъ во главѣ Голландіи, возставшей противъ тиранніи Карла V и сына его, Филиппа II. Ему приходилось воевать съ сильными непріятелями, какъ герцогъ Альба, Донъ Хуанъ Австрійскій и Александръ Фарнезе Пармскій, которые опирались на могучія войска испанцевъ и итальянцевъ. Однако, Вильгельмъ Оранскій дрался съ ними успѣшно и впослѣдствіі добился знаменитаго уtrechtскаго трактата, который послужилъ прочной основой голландской республикѣ *).

Его голова была оѣнена wysoko и онъ палъ отъ руки убийцы, подосланного его врагами; но его дѣло продолжалъ принцъ Морисъ Нассаускій, котораго избрали штатгальтеромъ вместо отца. Съ помощью англійскихъ силъ онъ сумѣлъ освободить Голландію отъ испанской тиранніи. Полукровный братъ его, Фридрихъ Генрихъ, наследовалъ ему, а потомъ явился Вильгельмъ III, принцъ Оранскій, второй завоеватель Англіи. Два историческихъ сочиненія Мотлея «Возникновеніе Голландской республики» и «Исторія соединенныхъ Нидерландовъ» безспорно служать лучшими памятниками геройской доблести представителей Нассаускаго дома.

Талантъ государственныхъ людей, повидимому, также переходитъ изъ рода въ родъ. Стенлеи царствованія Эдуарда II и Эдуарда III имѣютъ своихъ представителей въ царствованіи Викторіи; а Сесили царствованія Елизаветы имѣютъ своего представителя въ лице лорда Салисбери *).

*) Таланты и добродѣтели Нассауской фамиліи продолжались и въ женской линіи. Шарлотта, герцогиня ла-Тремуйль была дочерью Вильгельма II, принца Оранского; ся же дочь Шарлотта вышла за лорда Стрэнджа,—впослѣдствіі графа Дэрби, который руководилъ защитою Летомгоуза противъ парламентской арміи,—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ подвиговъ той рыцарской эпохи.

*) Умеръ въ 1903 г.

Прим. перес.

Россели царствованія Карла II до нашихъ дней имѣть своихъ представителей среди государственныхъ людей. Шотландская фамилія Битоновъ или Битюновъ безпрерывно давала государственныхъ дѣятелей, сановниковъ церкви и дипломатовъ въ продолженіе болѣе, чѣмъ двухъ столѣтій. Среди современныхъ государственныхъ людей мы находимъ двоихъ Питтовъ,—отца и сына; двоихъ Фоксовъ отца и сына—lordа Голлэнда и Чарльза Джемса Фокса,—къ которымъ можно прибавить еще lordа Весселя Голлэнда; далѣе мы видимъ двоихъ Пилей—отца и сына и ихъ преемника—спикера палаты общинъ; двоихъ Кеннинговъ—отца и сына, а вмѣстѣ съ ними «великаго Эльчи»; lordа Стретфорда (de-Редклифъ). Темпли также отличались своими наследственными дарованіями къ наукѣ, краснорѣчію и государственной дѣятельности, при чмъ эти таланты достигли самаго блестящаго проявленія въ покойномъ лордѣ Пальмерстонѣ, первомъ министрѣ.

Способность къ законовѣдѣнію и литературѣ очевидно такъ же свойственна цѣлымъ семействамъ. Фрэнсисъ Гальтонъ въ своей «Наслѣдственности таланта» далъ подробный свѣдѣнія о судьяхъ Англіи, состоявшихъ на службѣ между 1660 и 1865 г.г. Отсюда можно видѣть, что громадное число ихъ имѣло по одному или по нѣсколько выдающихся родственниковъ, хотя надо сознаться, что большинство, и притомъ самыхъ замѣчательныхъ, не имѣло родственниковъ, способныхъ пріобрѣсти выдающееся положеніе въ обществѣ или на судебномъ поприщѣ.

Кромѣ приведенныхъ выше примѣровъ, Шериданы обладали поразительнымъ наследственнымъ талантомъ во многихъ поколѣніяхъ. Первымъ выдающимся человѣкомъ въ ихъ родѣ былъ докторъ Томасъ Шериданъ, близкій другъ и любимый собесѣдникъ Джонатана Свифта. Онъ былъ учень, остроумецъ, музикаленъ, но въ то же время беспорядоченъ, благодаря чмъ постоянно нуждался въ деньгахъ, которымъ не зналъ цѣны. Сынъ его, по прозванию

«директоръ Томъ», сдѣлался знаменитъ, какъ актеръ и театральный директоръ. Онъ былъ также авторомъ «Жизни декана Свифта» и «Словаря англійскаго языка».

Сыномъ Тома былъ Ричардъ Бринслей Шериданъ, авторъ нѣсколькихъ лучшихъ англійскихъ пьесъ, человѣкъ ученый, остроумный и ораторъ, превосходившій своего отца и дѣда, какъ талантами, такъ и беззаботной веселостью и беспечностью въ материальномъ отношеніи. Однако наслѣдственная талантливость еще не прекратилась съ нимъ въ родѣ Шеридановъ. Сынъ Ричарда Бринслея, Томъ, былъ человѣкъ блестящихъ способностей, хотя печальная участъ его отца набросила тѣнь на его жизнь; за то его дочери, почтенная м-съ Нортонъ и почтенная м-съ Блеквудъ, женщины талантливые, возстановили умственную репутацію семьи, представителемъ которой со-стоитъ теперь графъ Дѣфферинъ, такъ благородно поддер-живающій престижъ Авгліи въ Индіи.

Родъ Кольриджея также обнаружилъ большую спо-собность къ поэзіи и законовѣдѣнію. Самюэль Тэйлоръ Кольриджъ былъ поэтомъ и драматическимъ критикомъ. Сынъ его Гартлей, поэтъ, во многомъ походилъ на своего отца; другой сынъ, Дервентъ Кольриджъ, достигъ извѣстно-сти, какъ духовное лицо и какъ писатель, а единственная дочь Сарра Кольриджъ пользовалась славой, какъ поэтесса и писательница. Генри Нельсонъ Кольриджъ былъ племян-никомъ Самюэля Тэйлора; онъ отличался, какъ ученый, писатель и законовѣдъ. Но самымъ знаменитымъ законо-вѣдомъ среди представителей этого рода былъ сэръ Джонъ Тэйлоръ Кольриджъ, также племянникъ поэта, который послѣ триумфовъ въ Оксфордѣ, выступилъ на юридическое поприще и постепенно поднимался на немъ все выше, пока не занялъ одной изъ самыхъ важныхъ должностей на судейской скамье. Обладая большими литературными способностями, онъ нѣкоторое время состоялъ издателемъ «Quarterly Review», пока служебная дѣятельность оста-

вляла ему еще некоторый досугъ. Теперешнимъ представителемъ этой семьи на юридическомъ поприщѣ состоить лордъ Кольриджъ, главный судья Англіи.

Тайтлеры изъ Вудгуэли въ Эдинбургѣ также дали последовательный рядъ выдающихся историковъ и законовѣдовъ. Уильямъ Тайтлеръ, авторъ «Ізслѣдованія обвиненія противъ Марії, Шотландской королевы», былъ отцомъ лорда Вудгуэли, судьи и историка; внукъ его былъ Александръ Фрэзеръ Тайтлеръ, авторъ одной изъ лучшихъ исторій Шотландіи. Две его дочери также извѣстны, какъ писательницы, восхитительными историческими рассказами.

Тейлоры изъ Онгара также отличались выдающимися литературными дарованіями. Къ ихъ числу принадлежали: Чарльзъ Тейлоръ, ученый издатель Calmet; Исаакъ Тейлоръ, который, хотя изобрѣлъ пивной кранъ и усовершенствовалъ машину для гравированія на мѣди (чemu посыпалъ семь лѣтъ труда), но вмѣстѣ съ тѣмъ написалъ «Естественную исторію энтузіазма» и другія произведенія, которые въ свое время цѣнились высоко; Джейффреј Тейлоръ, авторъ «Апостолического вѣка въ Британіи»; Анна и Джень Тейлоръ, авторы многихъ въ высшей степени популярныхъ произведеній, и наконецъ достопочтенный Исаакъ Тейлоръ, старшій сынъ автора «Естественной исторіи энтузіазма» и самъ авторъ «Словъ и мѣстъ», какъ и другихъ достопримѣчательныхъ сочиненій; онъ единственный представитель рода Тейлоровъ, оставшійся въ живыхъ.

Родъ Кемблей представляетъ пожалуй самую замѣчательную группу актеровъ и актрисъ. Между ними мы видимъ Роджера Кембля (которые утверждаютъ, что настоящая фамилія этой семьи была Кемпбелль), директора театровъ въ Прескоттѣ въ Ланкаширѣ около половины прошлаго столѣтія. Отъ него произошли Джонъ Филиппъ Кембль, Сарра Кембль (впослѣдствіи м-ть Сиддонсъ), Джоржъ Стеффенсъ Кембль, Фрэнсисъ Кембль, Чарльзъ Кембль и Елизавета Кембль. Всѣ они пользовались славою великихъ актеровъ и акт-

ресь. Въ третьемъ поколѣніи мы находимъ Аделаиду Кемблъ (впослѣдствіи Сарторисъ) и Франциску Кемблъ (впослѣдствіи Беттлеръ); обѣ онѣ достигли извѣстности, какъ актрисы, а послѣдняя, вдобавокъ, какъ писательница. Престарѣлый актеръ Мэклинъ, которому въ то время было уже около ста лѣтъ, обратился однажды къ Джону Кемблю съ такими словами: «Сэръ, я зналъ вашу семью изъ поколѣнія въ поколѣніе, я видѣлъ васъ на сценѣ, молодой человѣкъ, и я видаль вашего отца, сэръ, я видаль вашего дѣда, сэръ: вотъ кто былъ великимъ актеромъ». Слѣдуетъ прибавить, что Джонъ Митчель Кемблъ, сынъ Чарльза, былъ одинъ изъ лучшихъ энатоковъ англосаксонскаго нарѣчія въ свое время.

Существуютъ другіе прамѣры, когда наслѣдственный талантъ не могъ держаться такъ долго, переходя изъ одного поколѣнія въ другое, но передавался только отъ отца къ сыну или дочери. Такъ, напримѣръ, существовало двое Кольмэновъ, двое Киновъ, двое Веджвудовъ, двое Дизраэли, двое Миллей, двое Стюартовъ, двое Олленъ-Рамзеевъ, двое Маколеевъ, двое Чарльзовъ Лайелей, двое Стеффенсоновъ, двое Брюнелей. Извѣстны также финансистъ Неккеръ и его знаменитая дочь м-ти де-Сталь; докторъ Берней и его дочь, г-жа д'Арблэ; Эджвортъ и его дочь, извѣстная романистка; Теккеръ и его дочь, м-съ Ричи, авторъ «Елизаветы» и другихъ романовъ. Люкастъ въ своемъ сочиненіи «О наслѣдственности» говоритъ, что восходящее движение выдающихся способностей большинства родоначальниковъ почти всегда останавливается въ третьемъ поколѣніи; рѣдко передается оно въ четвертое поколѣніе и едва ли когда-нибудь переходитъ въ пятое. Но чаще всего оно не идетъ далѣе первого поколѣнія.

Многимъ можетъ показаться нелѣпостью съ первого взгляда, что талантъ къ наукѣ и научнымъ изслѣдованіямъ течеть въ крови; однако существуетъ не мало удивительныхъ прамѣровъ этой формы наслѣдственности. Кассини,

имена которыхъ такъ тѣсно связаны съ исторіей астрономіи, исправляли должностъ королевскихъ астрономовъ во Франціи одинъ за другимъ въ теченіе ста двадцати двухъ лѣтъ. Въ родѣ Бернульи было не менѣе восьми человѣкъ, достигшихъ большей или меньшей степени извѣстности въ четырехъ поколѣніяхъ. Подобно Кассини, они отличались преимущественно своими математическими дарованіями. Грегори изъ Эбердина — хотя состоявшіе въ родствѣ съ Робъ-Роемъ Макъ-Грегоромъ,—отличались въ трехъ поколѣніяхъ своей способностью къ физическимъ наукамъ. Около половины семнадцатаго столѣтія Джемсъ Грегори, замѣчательный математикъ, изобрѣлъ отражающій телескопъ, а братъ его Давидъ, также извѣстный математикъ, первый въ Шотландіи обладалъ барометромъ и пользовался имъ. Потомки обоихъ братьевъ распространили извѣстность семьи преимущественно на поприщѣ естествовѣдѣнія. Чальмерсъ въ своемъ «Біографическомъ словарѣ» насчитываетъ не менѣе шестнадцати Грегори, которые въ различныя времена занимали профессорскія каѳедры по большей части въ шотландскихъ университетахъ. Белли представляетъ другой шотландской родъ, отличавшійся одинаково въ законо-вѣдѣніи, хирургіи, физіологіи. Сэръ Чарльзъ Белль былъ послѣднимъ изъ нихъ по времени, но не по заслугамъ. Монрозы изъ Эдинбурга славились, какъ анатомы, въ четырехъ поколѣніяхъ. Гентеры, Уильямъ и Джонъ, достигли европейской извѣстности; сестра же ихъ была матерью знаменитаго д-ра Метью Балли и Іоганны Балли, поэтессы и драматической писательницы. Существовало шестеро Соуэрби, болѣе или менѣе извѣстныхъ натуралистовъ.

Гершели, отецъ и сынъ, были одинаково великими астрономами; Каролина Лукреція, сестра Гершеля старшаго, не уступала имъ въ усердномъ и терпѣливомъ наблюденіи небесныхъ тѣлъ и открыла семь новыхъ кометъ съ помощью телескопа, сдѣланнаго братомъ собственно для нея. Въ 1798 году она издала на счетъ Королевскаго Общества

«Каталогъ звѣздъ», составленный по наблюденіямъ Флем-стида — астрономической трудъ большой цѣнности. По смерти брата въ 1822 году она возвратилась въ Ганноверъ семидесяти двухъ лѣтъ отъ рода, чтобы окончить тамъ свои дни. Однако, эта замѣчательная женщина и тутъ не оставалась праздной; она продолжала свои занятія астрономіей и въ 1828 году закончила «Каталогъ звѣздъ» по наблюденіямъ своего брата, за что Лондонское Астрономическое общество присудило ей большую золотую медаль. Она умерла въ 1848 году, девяноста семи лѣтъ. Дарвины также обнаружили талантъ къ оригинальнымъ изслѣдованіямъ въ четырехъ поколѣніяхъ. Чарльзъ Дарвинъ, авторъ «Происхожденія видовъ», былъ внукомъ доктора Дарвина, поэта и натуралиста, занимавшагося вмѣстѣ съ тѣмъ медицинской практикой, тогда какъ Джоржъ Дарвинъ, сынъ Чарльза, окончилъ вторымъ Кембриджскій университетъ и отличался своими познаніями въ естественной исторіи и физіологии.

Судя по приведеннымъ нами примѣрамъ, можно предполагать, что наслѣдственность есть міровое явленіе. Въ тѣлесномъ сложеніи она дѣйствительно преобладаетъ въ значительной степени. Даже такія мелочи, какъ бородавки и родимыя пятна, передаются изъ рода въ родъ. То же самое можно сказать о толстой, тонкой и шероховатой кожѣ, о шести пальцахъ на ногахъ и на рукахъ, обѣй общей слѣпотѣ и слѣпотѣ на нѣкоторые цвѣта, обѣ англійской болѣзни и заячьей губѣ, о длинныхъ рукахъ и длинныхъ ногахъ, о деревянныхъ головахъ и даже деревянныхъ ногахъ. Въ послѣднемъ читателю позволительно усомниться. Но дѣло въ томъ, что на южномъ берегу Англіи жила семья моряковъ, изъ которой въ нѣсколькоихъ поколѣніяхъ выходили знаменитые адмиралы и капитаны. Участвуя во многихъ жаркихъ битвахъ на морѣ, они иногда возвращались домой калѣками, послѣ чего требовали помоши столяра, чтобы имѣть возможность ходить. Отсюда взялась

острота, что деревянные ноги составляютъ у нихъ наследственный признакъ.

Джереми Бентамъ считалъ даже храпъ во снѣ наследственной особенностью. «Если кто-нибудь изъ Бентамовъ не храпитъ,—говорилъ онъ,—значитъ, происхожденіе его сомнительно». Но гораздо печальнѣе то, что по наследству передается идіотство. «Мы знаемъ,—говорить Галлеръ въ своихъ «Основахъ физиологии»,— весьма замѣчательный примѣръ двухъ женщинъ благороднаго происхожденія, которые нашли мужей, благодаря своему богатству, хотя были почти идіотками, и отъ нихъ этотъ умственныи недостатокъ распространился на дѣлое столѣтіе во многихъ семействахъ, такъ что нѣкоторые изъ ихъ потомковъ до сихъ поръ страдаютъ идіотизмомъ въ четвертомъ и даже въ пятомъ поколѣніи.

Лишь одно не подлежитъ закону наследственности—это геній, въ особенности поэтическій. Хотя талантъ является наследственнымъ во многихъ семьяхъ, но геній въ другихъ семьяхъ бываетъ только пожизненнымъ достояніемъ, подобно рыцарскому достоинству.

Весьма многочисленны случаи, когда геніальнишіе люди происходили отъ самыхъ заурядныхъ родителей. Такіе одиночные геніи стоять особнякомъ между поколѣніями, къ которымъ они принадлежать. Хотя они и оставляли потомковъ, но послѣдніе спускались до заурядного уровня. Въ ихъ роду не было ничего выдающагося до нихъ и послѣ нихъ. Въ умственномъ отношеніи они какъ-будто не имѣли ни отца, ни матери. Они сами развили свой умъ и, подобно маршалу Жюно, явились своими собственными предками. Обстоятельства, при которыхъ они родились и воспитывались, пожалуй, были благопріятнѣе для развитія ихъ генія, чѣмъ родство. При всемъ томъ слѣдуетъ признать, что геній ускользаетъ отъ анализа и его нельзя прослѣдить до самаго источника. Это примѣнительно преимущественно къ великимъ поэтамъ. Они показы-

вались, подобно кометамъ, совершили свой путь и оставляли міръ въ взумлениі. Чосеръ, Спенсеръ, Шекспиръ—прошли и скрылись. Шекспиръ былъ единственнымъ въ своей эпохѣ. Не было Шекспировъ ни раньше, ни позже него. Точно также мы имѣемъ одного Мильтона. Отецъ и мать Уордсурта были заурядными людьми. Байронъ былъ единственнымъ гениемъ въ своемъ семействѣ. Происхождение Шелли было аристократическое, но ничтъ не выдающееся. Этотъ поэтъ былъ живымъ опроверженiemъ теоріи наследственности. Онъ представляетъ собою единственного человѣка своей расы—тончайшую поэтическую организацію, почти эфирное созданіе. Если-бъ гений былъ наследственнымъ, чего можно было бы ожидать отъ поэта Шелли? Китъ не имѣть поэтической родословной. Его отецъ держалъ наемные экипажи, а мать отличалась только любовью къ удовольствіямъ, доходившей до того, что поэту было суждено преждевременно явиться на свѣтъ.

Точно также многочисленны случаи, когда дѣти знаменитыхъ людей не обнаруживали никакихъ признаковъ таланта или гenia, отличавшихъ ихъ родителей. Часто они были надѣлены совершенно противоположными свойствами. Древніе, несмотря на свое почтеніе къ происхожденію и благородству, не упускали изъ виду факты, которые противорѣчили ихъ взглядамъ. «Благородные сыновья не всегда происходятъ отъ благородныхъ отцовъ, такъ же, какъ дурные отъ дурныхъ,— сказалъ Софокль; — но въ смертныхъ ни на что нельзя полагаться». Фемистокль сумѣлъ сдѣлать изъ своего сына хорошаго набѣзника, но не могъ сдѣлать изъ него хорошаго человѣка. Аристиду, Периклу и Фукидиду одинаково не было удачи въ ихъ сыновьяхъ. Германикъ, одинъ изъ самыхъ мудрыхъ и доблестныхъ римскихъ полководцевъ, и жена его, благороднейшая и добродѣтельнейшая женщина, имѣли шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ ни одинъ ни въ чёмъ не проявилъ достоинства своихъ родителей. Двое изъ нихъ: сынъ Кай-

Цезарь, болѣе извѣстный подъ именемъ Калигулы, и дочь Агриппина занятали себя особенно гнусными преступленіями. Агриппина была матерью Нерона, одного изъ отвратительнейшихъ чудовищъ древности, хотя Неронъ и былъ воспитанъ Сенекою. У императора Марка Аврелия, жившаго образцомъ добродѣти и учености, былъ сынъ императоръ Коммодъ, кровожадный извергъ. Сципионъ младшій, сынъ Сципиона Африканскаго, былъ глупцомъ и расточителемъ. Пьяница Маркъ былъ сынъ Цицерона, которому тотъ посвятилъ свое знаменитое сочиненіе «De officiis». Аркадій и Гонорій были слабыми и несчастными сыновьями великаго Феодосія.

Перейдемъ къ болѣе близкимъ временамъ. Изъ всѣхъ паладиновъ славился своимъ геройствомъ и благочестіемъ французскій графъ Жослинъ, но ему наследовалъ сынъ, извѣстный своей невоздержностью и распущенностью; потерявъ отцовскія владѣнія, онъ умеръ съ голоду. Добродѣтельный и воинственный Эдуардъ I, король англійскій, оставилъ тронъ своему сыну, порочному и пустому. Братья благочестиваго Людовика Святого были жестокій Карль Анжу.

Въ первыѣ годы женитбы Сэра Томаса Мора жена дарила ему только дочерей и горячо молилась о рожденіи сына. Наконецъ у нея родился мальчикъ, который, возвмужавъ, оказался слабымъ и недалекимъ. Тогда сэръ Томасъ сказалъ своей женѣ: «Ты такъ долго молилася, выращивая мальчика, что онъ останется мальчикомъ на всю жизнь». Тюлли, богословъ-полемистъ, имѣлъ сына, неспособнаго глупца, совершенную противоположность себѣ по характеру. Одну грубую французскую пословицу можно перефразировать такъ: «Счастливы сыновья, которые заслуживаютъ себѣ уваженіе независимо отъ добродѣтели своихъ отцовъ».

Сынъ Лютера причинялъ отцу одно горе; онъ никого не слушался и съ нимъ не было никакого сладу. Старшій

сынъ Уоллера былъ лишенъ наслѣдства и отправленъ въ Нью-Джерсей, какъ «лишенный здраваго смысла». Ричардъ Кромвель, сынъ Оливера, совсѣмъ не походилъ ни на отца, ни на мать; онъ былъ лѣнивъ и апатиченъ, а потому съ радостью сложилъ съ себя важную государственную должность, перешедшую къ нему отъ отца. Сынъ квакера Уильяма Пенна былъ прямо негодай. Сынъ филантропа Джона Говарда былъ безнравственный и порочный юноша, который умеръ вслѣдствіе помѣшательства. Послѣ Аддисона осталась одна слабоумная дочь. Лордъ Честер菲尔дъ писалъ своему сыну замѣчательныя письма, въ которыхъ излагалъ правила вѣжливости и хорошаго обращенія. Между тѣмъ этотъ сынъ выросъ грубымъ неучемъ. Сынъ Вальтеръ-Скотта былъ кавалерійскій офицеръ, стыдавшійся литературной славы своего отца и хваставшійся тѣмъ, что онъ никогда не читалъ его романовъ. Среди прочихъ аномалий наслѣдственности можно указать на Тома Пайна (изъ «Вѣка разума»), который былъ сыномъ почтеннаго квакера изъ Тетфорда; Уильямъ Годвинъ былъ сыномъ священника секты индепендентовъ въ Лоуистофтѣ, а сынъ Франклина стоялъ за англійское правительство и умеръ его пенсионеромъ.

Подобныя аномалии преобладаютъ даже въ искусствѣ. Вольтеръ замѣтилъ въ своей «Жизни Мольера»: «Почти всѣ, составившіе себѣ имя въ изящныхъ искусствахъ, занимались ими противъ воли родителей, при чемъ природа всегда брала въ нихъ верхъ надъ воспитаніемъ». Совершенно вѣрно, что въ большинствѣ случаевъ художникамъ приходилось самимъ прокладывать себѣ дорогу среди сильнейшихъ препятствій. Достаточно припомнить, что Клодъ Лорренъ былъ пирожникомъ, Тинторетто—красильщикомъ, а Джютто—крестьянскимъ мальчикомъ, Зингаро—цыганомъ, и даже въ Англіи такие художники, какъ Опи и Ромней, были плотниками, Норскоттъ—часовщикомъ, Джексонъ—портнымъ, Этти—типографомъ, а Лоу—каменщикомъ. По-

словамъ Рейвольдса, «не происхожденіе создаетъ художника, но благопріятныя обстоятельства, прилежаніе и трудолюбіе». Безспорно, что природа одаряетъ талантомъ, но развить его можетъ только усердный трудъ. У Рембрандта, одного изъ величайшихъ живописцевъ, былъ сынъ Титъ, котораго онъ тщательно обучалъ живописи; однако всѣ усилия отца пропали даромъ, и единственная известность, достигнутая Титомъ, заключалась въ томъ, что онъ былъ сыномъ своего отца.

Музыкантъ Бланкини, посѣтивъ Миланъ, пожелалъ свидѣтельствовать свое почтеніе сыну знаменитаго Моцарта. Онъ нашелъ этого господина въ его конторѣ, отрекомендовался ему и наговорилъ много лестнаго о его славномъ происхожденіи. Молодому Моцарту это не совсѣмъ понравилось и онъ отвѣчалъ посѣтителю весьма однозначно.—«Неужели вы, синьоръ, дѣйствительно сынъ великаго Моцарта?»—продолжалъ тотъ.—Да.—«И вы прѣѣхали въ эту страну искусства, осѣненный славою вашего отца?»—Гм!—«Надѣюсь, синьоръ, вы очень любите игру на фортепіано и на скрипкѣ?»—Да за кого вы меня принимаете, чортъ возьми? Я терпѣть не могу музыки.—«Какъ? такъ вы не музыкантъ?»—Нѣть, синьоръ, я банкиръ. Вотъ моя любимая музыка,—сказалъ онъ и, захвативъ кучку луидоровъ, сталъ высыпать ихъ на прилавокъ, наслаждаясь звономъ золота.—Вотъ—повторилъ финансистъ, —вотъ та музыка, которая мнѣ по душѣ.—Бланкини оставилъ его съ чувствомъ отвращенія.

Бесславный конецъ знатныхъ родовъ представляетъ довольно обычное явленіе. Благородный родъ Гастингсовъ, потомковъ королей, въ жилахъ которыхъ текла кровь Плантагенетовъ, такъ же какъ и благочестивой графини Гентингдонъ, угасъ въ лицѣ человѣка, водившаго компанію съ плутами. Старинный родъ Страффордовъ закончился чеботаремъ. Графскій домъ де-Веръ пресѣкся на своемъ двадцатомъ представителѣ, который запятналь позоромъ

свою благородную кровь. Потомок Дёдлеевъ собираль по-
дати у рогатки въ виду башень баронскаго замка, на ко-
торый онъ когда-то имѣлъ права наслѣдства. Послѣдній
изъ Плантагенетовъ служилъ пономаремъ въ одной церкви
Вестъ-Энда. Въ календарь Ньюгэтской тюрьмы описанъ
конецъ благороднаго лорда, предки которого «пришли вмѣ-
стѣ съ Завоевателемъ». Прямой потомокъ Дермотта Макъ-
Мирроу, послѣдняго короля Лейнстера, быль недавно най-
денъ въ Ливерпульѣ, гдѣ онъ занимался ремесломъ камен-
щика подъ именемъ Дойля. Представитель рода графа
Ульстера, блиставшаго въ царствованіе королевы Елиза-
вѣты, служилъ недавно полисменомъ въ Ливерпульѣ. Внукъ
одного изъ наиболѣе видныхъ членовъ ирландскаго парла-
мента, отличавшагося не только въ качествѣ оратора, но
и въ качествѣ прекраснаго лирическаго поэта, недавно
торговалъ спиртными напитками въ погребкѣ поблизости
Ливерпульской биржи. Послѣдній потомокъ Васко де-Гамы
взялся за ремесло мясника. Вотъ нѣкоторые изъ множе-
ства примѣровъ упадка знаменитыхъ родовъ, а также
превратностей судьбы.

«Король,—говорить Лендоръ,—можеть раздавать ти-
тулы и званія до тѣхъ поръ, пока лорды, подобно рою
доновъ на островѣ Санчо, сдѣлаются несносными, какъ
безчисленныя масныя мухи; однако, онъ не можетъ спа-
сти тѣхъ, которыхъ награждаетъ, отъ испорченности и
забвенія». «Императоръ,—говорить Григорій Великій,—
можеть заставить величать обезьяну лвомъ, но не въ
его власти превратить ее въ лвя». Знаменитое происхо-
жденіе можно облагородить только доблестью, а этого
знатнаго титула не можетъ пожаловать никакой король.
Король Яковъ I продавалъ пэрство за деньги, но при этомъ
заявлялъ: «Да, да, я могу сдѣлать человѣка лордомъ, но
не могу сдѣлать его джентльменомъ!»

Благородное рыцарство сердца слѣдуетъ считать неот-
чуждаемой привилегіей, которая даруется только Богомъ.

Поэтому лучшіе между великими людьми бывають тѣмъ, что у нихъ зовется «выскочкой». Люди низкаго происхождения могутъ обладать благороднымъ умомъ и облагородить себя силою своей доброты, доблести и дѣяній. Истинное отличие, которое одно заслуживаетъ любви и поклоненія, совершенно не зависитъ отъ случайного блеска, который хотя можетъ украшать и поддерживать, но самъ по себѣ не составляетъ величія. Сынъ скупщика шерсти—самый знаменитый человѣкъ въ англійской исторіи, а сынъ мясника—одинъ изъ самыхъ восхитительныхъ талантовъ въ области англійской поэзіи. Гений преодолѣваетъ всякия обстоятельства и самъ прокладываетъ себѣ дорогу. Онъ подобенъ вѣтру, который вѣтъ, гдѣ хочетъ. Терпѣніе отыскиваетъ путь, а гений создаетъ его.

Самые возвышенные умы были скорѣе созданіемъ природы, чѣмъ результатомъ развитія. Мы видѣли семью, умственный уровень которыхъ былъ сравнительно низокъ, но это не помѣшало великому гению появиться въ нихъ. Какъ объяснить себѣ то, что природа вдохнула гений въ одного человѣка, тогда какъ отецъ и мать послѣдняго были совсѣмъ темными людьми? Дѣйствовалъ ли здесь законъ развитія или законъ творенія? Здесь дѣйствовалъ законъ роста, какъ и развитія и творенія. Мы дышимъ дыханіемъ независимой жизни, согласно существующимъ законамъ; когда же начинается вдохновеніе гения, тогда творческий законъ вступаетъ въ свои права.

Безспорно, что умъ каждого человѣка болѣе или менѣе подверженъ вліянію обстоятельствъ и окружающей обстановки. Люди являются продуктомъ своего времени. При хорошихъ условіяхъ они наслѣдуютъ энергию и силу воли, а ихъ способности развиваются при столкновеніяхъ съ затрудненіями и препятствіями, и тогда они достигаютъ славы. Но ихъ сыновья появляются на свѣтъ уже при иныхъ условіяхъ. Имъ нѣтъ надобности бороться съ затрудненіями; жизненный путь слишкомъ выровненъ для нихъ. Они до-

вольствуютъ тѣмъ, что даетъ имъ знаменитость отцовъ, и наконецъ спускаются до уровня заурядныхъ людей *).

Если поискать высокочекъ и авантюристовъ, то ихъ найдется много среди знаменитѣйшихъ людей. Таковы: Шекспиръ, Джонсонъ, Мильтонъ, Драйденъ, Поппъ, Бернсъ и Уордсуортъ—между поэтами; Ньютона, Дэви, Уаттъ и Фарадей—между учеными; Фемистокль, Цезарь, Вильгельмъ Завоеватель, Пизарро, Кортесъ и Бонапартъ—между воителями; Беркъ, Шериданъ, Кеннингъ, Пиль, Линдгренъ, Кобденъ и Дизраэли—между государственными людьми; Джереми Тэйлоръ, Бенъетъ, Тиллодсонъ, д-ръ Джонсонъ, Ричардсонъ, Карлейль—между литераторами и богословами; Арикрайтъ, Брайдлей Маудсли, Брюнели, Стеффенсоны—между механиками и инженерами; затѣмъ почти всѣ живописцы и скульпторы.

Америка есть также страна людей безъвестнаго происхожденія. Хотя многіе изъ американскихъ гражданъ достигли величія, но лишь немногіе изъ замѣчательныхъ людей были наследниками славы и богатства своихъ предковъ. Вашингтонъ хотя и былъ сельскимъ фермеромъ, но можетъ считаться почти единственнымъ джентльменомъ по праву рожденія въ этомъ удивительномъ собраніи мыслителей и деятелей. Франклінъ былъ первоначально типографомъ, Шерманъ—башмачникомъ, Ноксъ—переплетчикомъ, Гринъ—кузнецомъ, Джонъ Адамсъ и Маршаль были сыновьями бѣдныхъ фермеровъ. Гамильтонъ же, самый утонченный, пламенный и вдохновенный гений, былъ прежде

*) «Я ограничусь указаниемъ, что сынъ человѣка, отличившагося въ наукахъ и литературѣ, рѣдко попадаетъ въ условія, которыми способствовали знаменитости его отца, что ему обыкновенно пріятнѣе наслаждаться выгодами этой знаменитости, чѣмъ стараться отличаться самому, и что наконецъ чаще встрѣчаешь сына ученаго, который достойнымъ образомъ слѣдуетъ по стопамъ отца, чѣмъ сына поэта, прославившаго себя поклоненіемъ музамъ: неужели воображеніе меня подчиняется законамъ наследственности, чѣмъ суждено?» Тиссо «О здоровье писателей».

приказчикомъ въ лавкѣ. Даніэль Уэбстеръ, сынъ фермера, вышелъ на свою настоящую дорогу, бросивъ занятіе гуртовщика, благодаря проницательности Кристофора Гора. Кальгунъ былъ сыномъ кожевника; отецъ же Генри Клей былъ одинъ изъ бѣднейшихъ баптистскихъ священниковъ; Томасъ Корвинъ былъ телѣжникомъ, Сайлесъ Райтъ—механикомъ, Эбрегэмъ Линкольнъ сначала былъ дровосѣкомъ, а потомъ плавалъ на плотахъ, ходившихъ по Миссисипи. Въ президенты Сѣверо-Американскихъ Штатовъ попадъ даже бывшій школьній учитель. Де-Брюйеръ тонко выражался о такихъ знаменитыхъ личностяхъ: «У нихъ не бываетъ ни предковъ, ни потомства; они одни составляютъ весь свой родъ».

Отсюда мы ясно видимъ, что люди безвѣстнаго происхожденія безспорно совершаютъ великое дѣло въ мірѣ. Они вырабатываютъ его величайшія идеи, пишутъ самыя долговѣчныя произведенія, совершаютъ важнѣйшіе подвиги, создаютъ прекраснѣйшія картины и благороднѣйшія статуи. Это объясняется тѣмъ, что люди безъ имени выходятъ изъ народа, принадлежать къ нему, берутся изъ его нѣдра. Дѣйствительно, сами они—народъ. Признавая великий духъ этихъ самородковъ нашего вѣка, мы, другими словами, признаемъ достоинство труда, права дѣятельности, могущество ума, такъ какъ истинный почетъ подобаетъ тому, кто честно прокладываетъ себѣ дорогу съ помощью природной энергіи, пріобрѣтаетъ себѣ имя и состояніе, настойчиво упражняетъ дарованныя ему силы и способности.

Много разъ уже было замѣчено, что гениальные люди умираютъ бездѣтными. Многіе изъ нихъ остаются холостыми, другіе же, хотя и женятся, оставляютъ немногія дѣти, которые бывають недолговѣчны. Крокеръ въ своемъ изданіи «Жизнь Джонсона» говоритъ: «Замѣчательно, что ни одинъ изъ великихъ поэтовъ Англіи не оставилъ потомства и лишь немногіе даже изъ нашихъ второстепенныхъ поэтовъ имѣли дѣтей. Шекспиръ, Джонсонъ, Отвей, Миль-

тонъ, Драйднъ, Роу, Аддисонъ, Поппъ, Свифтъ, Гей, Гольдсмитъ, Куперъ не оставили наследниковъ своего имени. Сюда можно причислить еще лорда Байрона и сэра Вальтера Скотта, не оставившихъ мужского потомства. Можно подумать, что существуетъ предопределение, по которому имя великихъ людейувѣковѣчиваются одинами произведениями ихъ ума. Сэръ Исаакъ Ньютона не оставилъ наследника. Мужская вѣтвь Кристофора Рена давно уже угасла. Та же участь постигла и роды: сэра Джошуа Рейнольдса, д-ра Джонсона, Оливера Гольдсмита, Бриндлея, Тельфорда, Фарадея; все они уже вымерли. Джорджъ Стефенсонъ и сынъ его Робертъ не оставили прямого потомка. Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ великихъ людей не были женаты, такъ что не могли оставить иного потомства, кроме произведеній своего гenія. «Надо согласиться,—говорить Бэконъ,—что благороднейшія произведенія и теоріи исходять отъ бездѣтныхъ людей; они искали проявленія своего умственного облика, за невозможностью воплотиться въ своихъ дѣтихъ. Такимъ образомъ мысли потомства болѣе всего заняты тѣми, которые не оставили потомства».

ГЛАВА VI.

ПИСАТЕЛЬСКИЙ НЕДУГЪ: МОЗГОВОЕ ПЕРЕУТОМЛЕНИЕ.

Не становясь заблуждаться въ себѣ, мы столько же тѣло, сколько и духъ.
Паскаль.

— И поѣдаю это міру,—сказалъ Смельфунгъ.—«Понѣдайтъ это лучше нашему доктору».

Стернъ.

Тогда дай мѣсто врачу, ибо Господа сотвориша его; не отпускай его отъ себя, ибо ты нуждаешься въ немъ.
Экклезиастъ.

Крѣпость натуры въ юности выдерживаетъ многое излишества, свойственныхъ человѣку до наступленія старости. Замѣчайте теченье годовъ и не будьте поступать такъ всегда, потому что со старостью недѣла нутрить.
Дордъ Беконъ.

— Г-нь карликъ,—неустранимо сказала я,—голова у тебя огромная, а ноги и все тѣло немножко поджары.—Я набаль свою голову черезъ край ученоѣстю,—отвѣчалъ онъ,—а мои члены истощены бездѣлствиемъ и воздержаніемъ отъ пищи.—Могу ли я приобрѣсти мудрость въ твоей уединенной библиотекѣ?—Можешь.—На какихъ условьяхъ?—Откажусь отъ всѣхъ грубыхъ и плотскихъ наслажденій, питаюсь стручковыми овощами и пей воду, бѣдной только съ мудрыми и учеными, живыми или умершими...—Какъ? Но вѣдь это значило бы умереть ради мудрости!

Суга Вальтеръ Скоттъ: за три года до его смерти.

Мы видѣли, что великие люди въ то же время и великие работники, что нѣкоторые изъ великихъ людей проявляютъ рано свои выдающіяся способности, а другіе поздно, подобно растеніямъ, изъ которыхъ одни расцвѣтаютъ раныше, другія позже. Но есть между даровитыми людьми такие, которые совсѣмъ не доживаются до расцвѣта. Не успѣвъ достичь зрѣлости, они гибнутъ въ борьбѣ за величіе и умираютъ среди своихъ усилий.

Соутн говориль о Киркъ-Уайтѣ: «Онъ умеръ прямо отъ мозгового переутомленія. Кембрдже докональ его. Когда его нервы были напряжены до такой крайности, что онъ проводиль невыносимыя ночи, ему давали лѣкарства, чтобы поддержать его во время экзаменовъ и дать возможность получить награду. Конь выигралъ призъ, но паль послѣ скакки».

Одинъ оксфордскій студентъ разсказывалъ слѣдующее о своемъ пріятелѣ: «онъ проводиль за чтеніемъ по пятнадцати часовъ въ сутки и получилъ первую награду, но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдняга схватилъ и первную горячку». О другомъ онъ говориль: «Мой пріятель трудился ради ученыхъ степеней. Однажды ночью мы услыхали страшную возню у него въ комнатѣ и когда прибѣжали взглянуть, что случилось, то нашли его распростертымъ на полу: онъ жестоко бился въ припадкѣ падучей болѣзни». Д-ръ Гернетъ, описывая, какъ онъ справился съ Иліадой, говоритъ: «я одолѣлъ ее въ одинъ мѣсяцъ, но и она чуть не доконала меня». Впрочемъ онъ остался въ живыхъ, чтобы впослѣдствіи достичь славы замѣчательнаго филолога.

Пріятность и удобства жизни не бывають удѣломъ тѣхъ, кто стремится достичь вершины литературной славы. Вѣнокъ поэта часто бываетъ мученическимъ вѣнцомъ. Существуетъ старинное и мудрое изреченіе: «Богъ отмѣтилъ непреложимъ знакомъ плодъ древа познанія: плодъ этотъ сладокъ и соченъ, но часто причиняетъ страданія и смерть». Въ лавровомъ вѣнкѣ нерѣдко таятся терніи, и увеличеніе нашихъ познаній иногда влечетъ за собою увеличеніе бѣдствій.

«Человѣкъ,—по словамъ Эскироля,—есть первная машина, управляемая темпераментомъ» «Величайшій герой превращается въ ничтожество, при известномъ состояніи нервовъ», говорить Болингброкъ. Бальзакъ описываетъ геній въ видѣ перемежающейся лихорадки. «Героическая душа бесплодны»,—сказалъ одинъ святой.— «Мужайся

душа моя,—восклицаетъ одинъ изъ отцовъ церкви,—и вооружимся противъ слабостей плоти». Однако тѣломъ нельзя пренебрегать, и духъ, какъ бы онъ ни былъ великъ, не можетъ безусловно восторжествовать надъ матеріей. «Люди съ возбужденныемъ умомъ,—училъ Пинель,—гибнутъ чрезъ свой мозгъ, и таковъ бываетъ конецъ многихъ, ста-рающихся достичь славы и почестей».

Поэты и художники, создающіе свои произведенія подъ вліяніемъ возбужденія, страдаютъ нервной раздражительностью по самому свойству своихъ занятій. Мозгъ ихъ дѣйствуетъ на весь организмъ въ родѣ электрической машины, постоянно выдѣляя нервную силу въ видѣ токовъ или ударовъ, изнурительныя послѣдствія которыхъ соответствуютъ ихъ напряженію и продолжительности. Такимъ образомъ происходитъ постоянная убыль, которую можно восполнить только продолжительнымъ покоемъ. Но если нѣтъ покоя, наступаетъ истощеніе, разстройство и разрушеніе жизненныхъ силъ. «Я написалъ,—говорить Соути,—краткій, но весьма интересный очеркъ о Лукреціи Дэвидсонъ, американской поэтессѣ, умершѣй, подобно Киркъ-Уайту, отъ чрез-мѣрнаго мозгового напряженія, на семнадцатомъ году. Это вполнѣ достовѣрная история».

О знаменитомъ композиторѣ Гуно рассказываютъ, что его постигалъ какой то «тайственный недугъ» всякий разъ, когда ставилось на сцену одно изъ его произведеній; но эту загадочную болѣзнь легко объяснить нервнымъ возбужденіемъ и напряженіемъ мозга, которому онъ подвергался, пока сочинялъ свою оперу. Гете говорилъ, что сочиненіе каждого изъ его крупныхъ произведеній сопровождалось у него болѣзняю. По словамъ Карлейля, «Шиллеръ написалъ свои благороднѣйшія произведенія въ послѣднія пятьнадцать лѣтъ своей жизни»; между тѣмъ доказано, что въ этотъ періодъ не было ни одного дня, когда несчастный поэтъ не страдалъ бы физически. Самъ Карлейль высказывалъ єдинбургскимъ студентамъ, что нахо-

дить литературную деятельность несомнѣмъю съ здравьемъ, и что какъ только онъ приступаетъ къ какому-нибудь произведенію, ему начинаетъ нездоровиться, и не-домоганіе проходить не прежде, чѣмъ будетъ кончена ра-бота. Одинъ изъ его послѣднихъ трудовъ, «Фридрихъ Ве-ликій», причинялъ ему много тревогъ и утомленія, и м-сы Карлейль выражала опасенія пишущему эти строки, что такая утомительная работа убьетъ ея мужа. Чарльзъ Дар-винъ никогда не могъ работать свыше трехъ часовъ въ день. Даже простой разговоръ приводилъ его въ волненіе. Когда авторъ этой книги постыдилъ его въ Даунѣ, онъ ска-залъ: «Наша бесѣда приняла слишкомъ возбуждающій обо-ротъ. Позвольте мнѣ удалиться».

Мозговое возбужденіе отражается на нашихъ первахъ, на желудкѣ, сердцѣ, печени, однимъ словомъ, на всей жиз-недѣятельности нашего организма. Мыслители рѣдко бы-ваютъ здоровы и румяны. «Печальные и суровые фило-софы» было выраженіемъ Варрона; и наблюденія показы-ваютъ, что они всегда блѣдны отъ сосредоточенного мы-шленія, если даже не страдаютъ меланхоліей и разстрой-ствомъ пищеваренія. Блѣдность и ранняя сѣдина мысли-телей напоминаетъ «вулканъ, покрытый сѣгомъ».

Дѣятельность мозга есть подобіе жизненнаго горѣнія. Онъ даетъ огонь и жаръ, но при этомъ сгораетъ самъ, какъ угли въ жаровнѣ. Если топливо въ видѣ пищи, сна и отдыха доставляется регулярно, мозговая работа при такихъ условіяхъ бываетъ полезна; но если человѣческій организмъ поддерживается недостаточно, вслѣдствіе раз-стройства пищеваренія, отсутствія тѣлесныхъ упражненій или бессонницы, въ такомъ случаѣ дѣятельность мозга ста-новится изнурительной, а слѣдовательно и разрушитель-ной. Джорджъ Стевенсонъ хорошо зналъ, какъ вредно зло-употреблять своими силами. Найдя своего друга Линдлея измученнымъ и подавленнымъ, чрезмѣрными занятіями по инженерной части, что также требуетъ мозгового напря-

жения, онъ сказаль ему: «послушайте, Линдлей, я вижу, что вы дѣлаете: вы стараетесь извлечь тридцать шиллинговъ изъ вашего фунта стерлинговъ вмѣсто двадцати; мой совѣтъ: бросьте это».

Когда способности человѣческаго организма упражняются въ надлежащей степени, а жизненныя отправленія идутъ рука объ руку, въ результатѣ является здоровье. Галенъ говорить: «Здоровье есть симметрія, болѣзнь есть уродливость (*sanitas est symetria, morbus autem ametria*)». Между тѣмъ у занимающихся наукой, которые стремятся къ повышенію, мозгъ и нервы упражняются непропорціонально съ остальными органами, что приводить къ недостатку симметріи и недостатку здоровья. Человѣкъ превращается въ первый узель; его нервность отзыается на всемъ: на мозгѣ, на сердцѣ, на желудкѣ, на кожѣ и даже на ножныхъ пальцахъ. Самый сильный и нѣжный органъ напрягается черезъ силу, тогда какъ мышечная энергія атрофируется.

Безспорно, результаты мозговой дѣятельности цѣнятся высоко, потому что они доставляютъ власть, богатство и чести, но часто какою цѣною достается все это! Переутомлениe, непосильное давленіе, такъ сказать, терзаніе мозга полагаютъ предѣль многимъ мечтамъ о славѣ, и даже въ томъ случаѣ, когда желанная цѣль достигнута, за это приходится расплачиваться разслабленіемъ и разстройствомъ здоровья. Есть доля правды въ замѣчаніи Фридриха Великаго, что человѣкъ, повидимому, болѣе приспособленъ природой къ должности почтальона, чѣмъ къ занятіямъ философа. Умѣренная мозговая дѣятельность несомнѣнно полезна для здоровья, но чрезмѣрная,—какъ разъ наоборотъ. Всякий, кто черезчуръ напрягаетъ свой мозгъ, будь онъ математикъ, философъ, законовѣдъ, проповѣдникъ, писатель или дѣлецъ, поступаетъ такъ въ ущербъ физическому здоровью. Продукты чрезмѣрной умственной работы, подобно жемчугу въ устричныхъ раковинахъ, часто сопро-

вождаются болѣзнью, если не бываютъ ея прымыми по-слѣдствіями.

Въ здоровомъ состояніи возбудимость первной системы равномѣрно распредѣляется между жизненными органами, въ цѣляхъ пищеваренія, питанія, кровообращенія и восстановленія убыли въ организмѣ; когда же она преимущественно поглощается мозгомъ—органомъ мышленія,—другія части тѣла неминуемо страдаютъ. Ихъ отправлениія нарушаются и даже отчасти останавливаются. Желудокъ есть первый органъ, на которомъ отражается душевное волненіе, тревога. Отсюда проис текаютъ разстройства пищеваренія, отправленій печени, подагра и различныя болѣзни, постигающія усидчивыхъ умственныхъ тружениковъ.

Такимъ образомъ всѣ, кто переутомляетъ свой мозгъ, дѣлаютъ это къ ущербу здоровья. Если первная система развивается исключительно, весь остальной организмъ рожковымъ образомъ долженъ уклониться съ правильнаго пути. По словамъ Галена, симметрія органовъ нарушается, надлежащая гармонія и равновѣсіе исчезаютъ и различныя отправлениія нашего тѣла становятся неправильными. Отсюда пресловутая слабость желудка—*bulimia doctorum!* Люди могутъ богатѣть, приобрѣтать славу, но что значать для нихъ всѣ материальные блага безъ здоровья? Умственнымъ труженикамъ легче заработать себѣ пищу, чѣмъ переварить ее. Фогель сострилъ довольно мѣтко, сравнивъ ихъ желудки по необычайной слабости съ протечной бумагой. Вольтеръ выразился о президентѣ Гено, богато одаренномъ природою и судьбою: «Все это ни къ чему: у него дурное пищевареніе». Вольтеръ писалъ лорду Честер菲尔ду: «Лордъ Гентингдонъ говорилъ мнѣ, что у васъ хорошій желудокъ; это гораздо цѣннѣе хорошей пары ушей. Не знаю, что хуже изъ этихъ трехъ золъ: быть слѣпымъ, глухимъ или страдать отъ дурного пищеваренія».

Одинъ нѣмецкій врачъ сказалъ, что если-бъ мы могли

проникнуть въ тайныя причины событій человѣческой жизни, то часто убѣждались бы, что несчастія одного человѣка зависятъ отъ печени другого *). «Безъ этой проклятой желчи,—говаривалъ Наполеонъ,—мы не выигрывали бы великихъ сраженій». Звѣзда императора безспорно измеркла, когда его здоровье стало приходить въ упадокъ. Одинъ древній писатель называлъ желудокъ «отцомъ семьи». Если этотъ «отецъ» не питается, какъ слѣдуетъ, и не отдыхаетъ, то становится беспокойнымъ, сердитымъ, сварливымъ и наконецъ бунтуется. Сидней Смить говорить о разстройствѣ пищеваренія: «Старинная дружба иногда разстраивалась изъ-за поджаренного сыра: непріятныя тѣлесныя ощущенія вызываютъ соответствующія душевныя чувства, и цѣлая картина низости рисуется въ воображеніи изъ за кусочка неудобоваримой и несоответственной пищи». Д-ръ Джонсонъ говаривалъ: «Каждый человѣкъ негодай, когда онъ боленъ», подразумѣвая подъ этимъ, что чувство боли вызываетъ недоброжелательство; и если это вѣрно относительно серьезныхъ болѣзней, то до нѣкоторой степени примѣнмо и къ болѣе легкимъ тѣлеснымъ страданіямъ. Не мудрено, что Свифтъ покинулъ домъ Поппа, служившій ему убѣжищемъ, объясняя, что двое больныхъ друзей не могутъ жить вмѣстѣ.

— Боже мой,—восклицаетъ Поппъ,—какое несуразное животное человѣкъ! Какъ неустойчива его лучшая часть —душа и какъ измѣнчива и непостоянна его тѣлесная оболочка! Твердость первой колеблется при каждомъ впечатлѣніи; на темпераментъ второй вліяетъ каждое дуновеніе вѣтра. Что такое весь человѣкъ, какъ не одна страшная несообразность? Болѣзни и страданія есть удѣль одной его половины, сомнѣнія и страхъ—участъ другой. Какую суматоху поднимаемъ мы изъ-за своего препровожденія времени, между тѣмъ какъ все наше пространство есть

*) Фейхлерслебенъ, «Умственная физиология».

одна точка. Какія притязанія, какія честолюбивыя стремленія тѣсняться въ этомъ краткомъ мгновеніи—нашой жизни, которое, по тонкому выражению Шекспира, «окружено сномъ»!

За немногими исключеніями всѣ великие мыслители страдали отъ плохого пищеваренія. Кальвинъ былъ настоящимъ мученикомъ этой болѣзни, сопровождавшейся у него головными болями и бессонницей. Единственнымъ лѣкарствомъ для него служило воздержаніе отъ пищи и питья: онъ ъѣль слегка только однажды въ сутки. Какой контрастъ съ весельчакомъ Лютеромъ, который проповѣдывалъ необходимость «вина, женщины и пѣсень»! Однако и онъ въ свою очередь доходилъ до отчаянія отъ страшныхъ головныхъ болей и невыносимаго шума въ ушахъ. «Когда я хочу работать,—говоривалъ знаменитый реформаторъ,—моя голова наполняется шипѣнiemъ, жужжанiemъ и грохотомъ; въ такихъ случаяхъ, если не бросить немедленно занятія, можно упасть въ обморокъ». Лютеръ приписывалъ эти явленія дьяволу; настоящей же причиной ихъ было мозговое переутомленіе и разстроенный желудокъ. Стоило ему бросить взятый на себя громадный трудъ, чтобы тотчасъ выздоровѣть, но онъ не хотѣлъ и не могъ этого сдѣлать. Когда глаузовскій профессоръ Мюнргедъ жаловался на свое здоровье и плохой желудокъ, то врачъ, бесѣдуя съ нимъ за бутылкой вина, посовѣтовалъ ему сложить въ кучу на дворѣ коллегіи всѣ его фоліанты и сжечь ихъ; при этомъ условіи докторъ ручался за выздоровленіе ученаго.

Поэтъ Куперъ страдалъ жестокими приступами душевнаго угнетенія. Обуявшая его меланхолія была такъ сильна, что онъ не разъ покушался на самоубійство. Между тѣмъ скрытая причина его недуга таилась въ дурномъ пищевареніи. Еслибы было обращено надлежащее вниманіе на то, чѣмъ онъ питается, и достаточно ли пользуется моціономъ, страдалецъ избавился бы отъ бѣдствія, которое тер-

пѣль всю свою жизнь. По примѣру д-ра Джонсона онъ пріобрѣлъ бы способность управлять своимъ умомъ и въ значительной степени своими недугами. Но во все время лѣченія пищеварительные органы оставались въ пренебреженіи и имъ только вредили; по словамъ его біографа, процессъ пищеваренія никогда не протекалъ у больного правильно въ тѣ годы, когда онъ жилъ въ Норфолкѣ; и это маленько замѣчаніе представляетъ всю суть исторіи и тайны болѣзни Купера.

Живописецъ Гейдонъ вмѣстѣ съ прочими напастями страдалъ отъ дурного пищеваренія. Всѣ бѣдствія его жизни усиливались обычнымъ невниманіемъ къ собственному здоровью, какъ усталостью и хлопотами беспокойной жизни. Въ своей автобіографіи онъ говоритъ: «Я былъ принужденъ лежать отъ разстройства желудка. Всѣ живописцы, повидимому, страдали отъ этого,—точнѣе говоря, всѣ мыслители, были ли они живописцами или нѣть». И далѣе: «Я убѣдился теперь, что нравственное угнетеніе происходитъ отъ переполненія желудка... Я склоненъ думать, что многія страданія и душевная тревога, мучившія меня въ послѣдніе четыре дня, происходятъ ни больше, ни меньше, какъ отъ дурного пищеваренія».

Карлейль терпѣль жестокія страданія отъ той же причины. Съ поступленія въ Эдинбургскій университетъ и почти до конца жизни онъ былъ жертвою разстройства пищеваренія. Живя въ Киркельди, на двадцать четвертомъ году онъ энергично описываетъ свою болѣзнь, сравнивая ее съ крысой, грызущей у него подъ ложечкой. Большой испробовалъ всѣ лѣкарства, но напрасно; тогда онъ прибѣгъ къ трубкѣ; однако «долговолосая, ушастая обезьяна», какъ онъ описывалъ одного эдинбургскаго доктора, запретила ему курить табакъ и прописала меркурій. Онъ исполнилъ докторское предписаніе, но меркурій ему не помогъ. Впрочемъ Карлейль не бросилъ умственного труда. Онъ вернулся къ куренію и курилъ до конца жизни. «Кто

вашъ докторъ?»—спросилъ его одинъ пріятель.—«Мой лучшій докторъ—это верховая лошадь»,—былъ отвѣтъ Карлейля. И въ Лондонъ онъ ъездилъ много, пускался въ бѣшеную скачку, жалѣя больше свою печень, чѣмъ коня. Описывая семь лѣтъ страданія отъ плохого желудка, онъ прибавилъ однажды: «Можетъ быть, это было для меня скрытой благодатью. Благодаря болѣзни, я избѣжалъ многихъ соблазновъ, унижающихъ человѣка; оглядываясь назадъ на свой прежній образъ мыслей, я не вижу хорошенькo, какимъ образомъ безъ этого недуга или какого-нибудь еще худшаго бѣдствія могъ бы я избавиться отъ своихъ недостатковъ и достичь состоянія, достойнаго по рядочнаго человѣка въ здѣшнемъ мірѣ».

Однажды, утомленный непосильной работой и бессонницей, Карлейль вышелъ покурить на задній дворъ. «Вчера ночью,—рассказываетъ онъ (дѣло было въ іюнѣ 1838 года),—я курилъ, сидя на дворѣ въ ночной рубашкѣ. Погода стояла прекраснѣйшая; полумѣсяцъ, блестящій, какъ серебро, выглядывалъ словно изъ царства вѣчности, тогда какъ утренняя заря разгоралась все ярче. Я почувствовалъ угрызенія совѣсти; мнѣ стало жутко при мысли о томъ, что я придавалъ такую важность бессонной ночи и всѣмъ своимъ невзгодамъ вообще, тогда какъ моя жизнь должна такъ скоро поглотиться великой тайной вверху и вокругъ меня. О, будемъ терпѣливы! Призовемъ Бога нашимъ безмолвнымъ сердцемъ, если мы не можемъ сдѣлать это устами».

Одно изъ послѣднихъ писемъ Питта было отвѣтомъ на дружеское и ласковое письмо, полученное имъ отъ маркиза Уэльслея. Питтъ выражалъ желаніе увидѣться съ нимъ при первой возможности и прибавлялъ: «Я довольно медленно поправляюсь отъ множества желудочныхъ страданій, сопровождающихся жестокими приступами подагры; однако, я увѣревъ, что нахожусь на пути къ настоящему выздоровленію». Между тѣмъ Питту было не суждено подняться со

одра болѣзни. Говорили, что его погубила побѣда Наполеона подъ Аустерлицемъ и пораженіе союзныхъ войскъ; но его свели въ могилу разстроенное пищевареніе и непрекращавшіеся припадки подагры.

Подагра есть болѣзнь избраннаго класса. Она обыкновенно постигаетъ богачей, хотя существуетъ также «подагра бѣдняковъ», вѣроятно унаслѣдованная отъ предковъ. Эта болѣзнь, дѣйствительно, бываетъ какъ наслѣдственная, такъ и благопріобрѣтенная. Вообще подагра происходитъ отъ неумѣренной ъды и питья при недостаточности тѣлесныхъ упражненій. Этотъ недугъ поражалъ даровитѣйшихъ людей во всѣ вѣка, при чёмъ мужчины подвергаются ему въ пять разъ чаще, чѣмъ женщины. На него можно смотрѣть, какъ на предохранительный клапанъ для переутомленнаго мозга и переполненнаго желудка. Сейденгемъ, король между практикующими врачами, первый подробно описалъ подагру и тѣмъ не менѣе умеръ отъ нея самъ. Этотъ врачъ говорить о подагрѣ: «Въ противоположность другимъ болѣзнямъ, она убиваетъ больше богатыхъ, чѣмъ бѣдныхъ, больше мудрецовъ, чѣмъ недалекихъ людей. Великіе короли, императоры, генералы, адмиралы и философы умирали отъ подагры. Въ ней природа обнаруживаетъ свое безпристрастіе, такъ какъ посылаетъ этотъ недугъ тѣмъ, которымъ она благопріятствуетъ въ другихъ отношеніяхъ». Извѣстная подъ именемъ болѣзни богачей, подагра была описана также какъ болѣзнь государственныхъ людей, потому что ею страдало множество коноводовъ политическихъ партій. Лордъ Берлей, подобно многимъ министрамъ Англии, былъ подверженъ подагрѣ. По этой причинѣ королева Елизавета всегда приказывала ему садиться въ своемъ присутствіи, при чёмъ говоривала обыкновенно: «Милордъ, мы дорожимъ вами не за ваши плохія ноги, но за вашу хорошую голову» *).

*.) Между поэтами, литераторами и философами, страдавшими подагрой, можно назвать Мильтона, Драйдна, Конгрива, Ларошфуко,

Разсудительный человѣкъ убеждается по опыту, что тотъ, кто слишкомъ отягощаетъ свой мозгъ и свой желудокъ, а рукамъ, ногамъ и мускуламъ задаетъ слишкомъ мало работы, болѣе расположень къ подагрѣ, чѣмъ тотъ, который упражняетъ свои отправленія и способности, сблюдая умѣренность и бережливость. Впрочемъ отъ наследственной подагры бываетъ очень трудно отдѣлаться. Генераль Перронетъ-Томпсонъ въ молодые годы былъ жертвою подагры, перешедшей къ нему отъ отца и дѣда. Хотя онъ вѣль дѣятельную жизнь, состоялъ нѣкоторое время мичманомъ королевскаго флота, потомъ поручикомъ въ корпусѣ карабинеровъ, а затѣмъ офицеромъ въ 14 драгунскомъ полку легкой кавалеріи, но ему вѣчно грозили припадки подагры, которые иногда сильно мучили его. Между тѣмъ его сдѣлали губернаторомъ Сиerra-Леоне, откуда онъ уѣхалъ живымъ, тогда какъ мѣстные жители говорятъ, что тамъ бываетъ всегда по два губернатора: одинъ, прибывающій живымъ, и другой, увозимый оттуда мертвымъ. Впослѣдствіи Томпсонъ служилъ даже въ Индіи. Его семилѣтняя служба въ тропическомъ климатѣ была очень трудна, но за то онъ избавился тамъ отъ подагры.

При первомъ приступѣ болѣзни, больной призвалъ доктора, который посовѣтовалъ ему отказаться отъ портвейна.

Ньютона, Сейдентема, Лейбница, Грэя, Аллfiери, Линнея, Стореса, Стилингфилта, д-ра Дж. Грегори, Фильдинга, Рубенса, Лекайля, Ораса Вальполя, Франклина, Сиднея Смита и другихъ. Подагриками между воинами были: Кондэ, Валлеанитейзъ, маршалъ Саксъ и лордъ Гоу. Между политиками: лордъ Берзей, Гайдъ—графъ Кларендонъ, графъ Стреффордъ (обезглавленный), Тюрго, графъ Чатамъ, Питтъ, Фоксъ, Уиндгэмъ; сюда можно прибавить еще графа Гранвилля, графа Дэрби и графа Биконсфильда. О графѣ Дэрби существуетъ слѣдующій анекдотъ: одинъ виноторговецъ, желая продать запасъ вина, которому онъ приписывалъ цѣлебное свойство противъ подагры, записалъ графу, предлагая ему свой товаръ. Графъ отвѣчалъ, что «отвѣдать посланное ему на пробу вино, однако—предпочитаетъ этому ванитку подагру».

Томпсонъ отказался, но подагра по-прежнему давала себя знать. Тогда ему вели замѣнить легкія вина старой водкой или спиртами въ небольшомъ количествѣ. Пациентъ въ изобилии запасся дикимъ шафраномъ, терпѣніемъ и фланелью, но подагра не проходила. Онъ отказался отъ всѣхъ спиртныхъ и возбуждающихъ напитковъ и пилъ только холодную и насыщенную газами воду. Но болѣзнь возвращалась по-прежнему. За какое-же средство ухватиться? Тогда ему запретили говядину, которая считается вредной при подагре, и разрешили употреблять въ пищу только бѣлое мясо, напримѣръ, кроликовъ, домашнюю птицу или дичь. Однако подагра не проходила до тѣхъ поръ, пока Томпсонъ не отказался отъ употребленія совершенно всячаго мяса и не ограничился одной растительной пищей. При такой диѣтѣ онъ предавался самой усиленной работе. Сдѣлавшись собственникомъ и издателемъ «Вестминстерскаго Обозрѣнія» въ сотрудничествѣ съ д-ромъ Баурингомъ, онъ писалъ статьи, брошюры и составилъ свой «Катехизисъ хлѣбнаго закона». Онъ изобрѣлъ энгармонический органъ, вступилъ въ парламентъ сначала депутатомъ отъ Гулля, а потомъ отъ Бедфорта въ Йоркширѣ, и всю свою остальную жизнь оставался самымъ дѣятельнымъ изъ умственныхъ работниковъ.

Незадолго до его смерти, когда Томпсону шелъ восемь-десять седьмой годъ, авторъ этой книги, коротко познакомившійся съ нимъ въ Йоркширѣ лѣтъ двадцать пять тому назадъ, написалъ почтенному генералу, освѣдомляясь у него, продолжаетъ ли онъ воздерживаться отъ мясной пищи и спиртныхъ напитковъ. Отвѣтъ его былъ таковъ: «Я не былъ приверженцемъ воздержанія отъ мясной пищи, хотя находилъ его весьма полезнымъ и необходимымъ въ тропическомъ климатѣ. За то я строго воздерживался отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ, и такъ какъ подагра перестала меня беспокоить, то я приписываю своей воздержности прекращеніе ея приступовъ».

Въ приведенномъ мною фактѣ заключается предостереженіе и нравоученіе. Но при нашемъ порядкѣ вещей, когда люди пьютъ и ёдятъ слишкомъ много, переутомляя при этомъ свой мозгъ, они будутъ страдать разстройствомъ желудка и печени, подагрой, меланхоліей и другими болѣзнями пищеварительныхъ органовъ, которымъ обыкновенно подвержены въ такой сильной степени умственные труженики. Въ древнемъ поэтическомъ миѳѣ Прометей, похитившій съ неба огонь, былъ наказанъ тѣмъ, что коршунъ клевалъ его печень.

Говоря вообще, человѣкъ, думающій меныше, легче перевариваетъ пищу, и наоборотъ, чѣмъ больше работаетъ его мозгъ, тѣмъ хуже работаетъ желудокъ. По этой причинѣ земледѣльцы здоровы, а мыслители страдаютъ разстройствомъ пищеваренія. Съ этой точки зрењія «большое удобство не имѣть ума», какъ говоритъ Джекъ Пойнцъ въ «Школѣ». У человѣка, занимающагося тяжелой физической работой, пищевареніе совершается легко, какъ у страуса, и онъ едва ли знаетъ, гдѣ помѣщается его желудокъ, тогда какъ умственный работникъ долженъ взвѣшивать каждый кусокъ, который онъ проглатываетъ, и ему едва ли даже на минуту позволяетъ забыть о своемъ желудкѣ. Первому трудно добыть себѣ достаточно пищи, чтобы удовлетворить свой голодъ, а послѣднему трудно переварить то, что онъ съѣлъ. «Подайте милостынку, — сказалъ бѣднякъ богачу, — я голоденъ». — «Голоденъ? — подхватилъ тотъ, — какъ же я тебѣ завидую!»

Хотя одинъ нѣмецкій писатель сочинилъ похвальное слово плохому здоровью, а французскій профессоръ Фукье съ большимъ краснорѣчіемъ описалъ преимущества слабой организаціи, какъ Франклінъ распространялся насчетъ благодатныхъ свойствъ подагры, все-таки здоровое пищевареніе безспорно необходимо для здороваго мышленія. «Въ Германіи было время, — говоритъ Гёте, — когда человѣка геніального представляли себѣ въ видѣ маленькаго тще-

душного созданія, чуть не горбатого калѣки. Что касается меня, то я предпочитаю встрѣчать геній въ тѣлѣ болѣе здороваго сложенія». Здоровый, крѣпкій Гёте не могъ допустить сближенія ума съ золотухой или англійской болѣзнью *).

Болѣзненная дѣятельность желудка отражается на мозгѣ и влияетъ на характеръ и умъ. Разстроенное пищевареніе Свифта было главной причиной его озлобленія и сказывалось на его умственной и нравственной сферѣ. Жизнь Карлейля также представляла собой по большей части длинный рядъ страданій желудка, печени и «издѣвательства». Нѣкоторые политическіе дѣятели такъ язвительны, что единственнымъ объясненіемъ ихъ Ѣдкой придиличности можетъ служить плохое пищевареніе. «Скажи мнѣ, что ты Ѣши, — говорить Брилья-Саваренъ, — и я скажу тебѣ, кто ты таковъ». Одинъ французскій врачъ имѣлъ привычку говорить: «Скажите мнѣ, каково у человѣка пищевареніе, и я вамъ скажу, каково у него мышленіе». Древніе греки, хотя и вели городскую жизнь, но, судя по всему, лучше нашего понимали условія физического здоровья. У нихъ не было такой массы книгъ для чтенія, они не назначали такихъ трудныхъ экзаменовъ для учащихся и гораздо больше времени удѣляли тѣлеснымъ упражненіямъ. Добродушно-веселаго человѣка они обозначали однимъ выразительнымъ, но почти непереводимымъ эпитетомъ «эвка-лосъ» **)—«человѣкъ съ легкимъ пищевареніемъ». Сидней

*) Декартъ говоритъ: «Нашъ умъ до такой степени зависитъ отъ темперамента и состоянія тѣлесныхъ органовъ, что, еслибы можно было найти средство сдѣлать всѣхъ людей вообще умнѣе и способнѣе, чѣмъ они теперь, по моему, это средство слѣдовало бы искать въ физиологии».

**) Отъ еа (хорошій) и колон (кишка), буквально: «человѣкъ съ хорошими внутренностями», что означало также добродушіе, веселость, жизненность. Древніе опредѣляли характеръ человѣка по известной жидкости (гумору), преобладавшей въ немъ. Согласно гуморальной патологіи, въ человѣческомъ организмѣ находилось четыре

Смить замѣтилъ однажды: «Я убѣжденъ, что пищевареніе есть великий секретъ жизни и что характеръ, таланты, добродѣтели и достоинства сильно подвержены вліянію го-вяданы, баранины, пироговъ и питательныхъ суповъ. Я часто думалъ, что посредствомъ питанія или голоданія могу привиатъ людямъ добродѣтели или пороки и этими орудіями пытки оказывать на нихъ болѣе могущественное вліяніе, чѣмъ удавалось то въ древнія времена Тимофею посредствомъ его чудодѣйственной лиры».

Есть много мучительныхъ страданій желудка, которымъ подвергаются люди умственного труда, прежде чѣмъ достичь блаженнаго состоянія умѣренности, а нѣкоторые никогда не достигаютъ его. «При всемъ моемъ воздержаніи, — сказалъ одинъ ученый,— я былъ принужденъ вынести четыре желчныхъ лихорадки, прежде чѣмъ достигъ равновѣсія въ этомъ отношеніи». И дѣйствительно, то, что можно считать вполнѣ умѣреннымъ для человѣка, работающаго на открытомъ воздухѣ, будетъ излишествомъ для ученаго, законовѣда, художника или дѣльца за его конторкой, такъ

жидкости: кровь, слизь или флегма, желтая желчь и черная желчь. Отсюда четыре темперамента въ зависимости отъ преобладанія той или другой изъ этихъ жидкостей: сангвинический, флегматический, желчный или холерический, ипохондрический или меланхолический. Эта теорія, давно уже утратившая смыслъ, удержалась однако въ нашемъ обыденномъ языке, и мы до сихъ поръ говоримъ о людяхъ, какъ будто въ нихъ преобладаетъ извѣстная жидкость, какъ выражались во времена Гиппократа. По словамъ Горация, это печень переполняется желчью въ припадкѣ ревности (*vae, meum fervens difficili bile tumet jecur*). Шекспиръ называетъ труса «человѣкомъ съ ллайнно-блѣй леченію, которой недостаетъ желчи, чтобы съ горечью чувствовать угнетеніе». Мы постоянно употребляемъ термины: полнокровный, сангвинический, холерический, желчный, меланхолический, флегматический и т. д. Мы до сихъ поръ говоримъ о сердцѣ, какъ о вмѣстилищѣ чувства, о печени, какъ о вмѣстилищѣ страсти, и о внутренностяхъ, какъ о вмѣстилищѣ жалости, не сознавая, что происхожденіе этихъ понятій кроется въ давно отвергнутой гуморальной патологіи.

какъ они ведутъ сидячій образъ жизни и работаютъ своимъ мозгомъ и желудкомъ, а не мышцами. Правда, некоторые люди обладаютъ такой организаціей, что сидячая жизнь не вредить имъ пищеваренію. «Уэстъ говорилъ мнѣ, — сообщаетъ Гейдонъ, — что онъ никогда не чувствовалъ ни своей головы, ни желудка; и я самъ такъ думаю, судя по выражению его лица; его произведенія могутъ принадлежать только человѣку, не надѣленному ни головой, ни желудкомъ, ни сердцемъ». Однако можно страдать головными и желудочными болями, не предаваясь въ то же время мозговой работе. Будучи подверженъ головнымъ болямъ, подобно Поппу и Уатту, первый встрѣчный не долженъ воображать, будто бы онъ способенъ сочинять стихи не хуже первого или изобрѣсти царовую машину на подобіе второго. Когда одинъ глупый писака театральныхъ пьесъ жаловался Дугласу Джерольду на свои недуги, объясняя ихъ «мозговою горячкою», тотъ отвѣчалъ: «Успокойтесь, мой другъ, для этой болѣзни у васъ нѣтъ никакого основанія».

Сѣдищемъ дурного пищеваренія, ипохондрии и меланхоліи является настолько же мозгъ, насколько и желудокъ. Когда мозговая работа становится чрезмѣрной, первная раздражительность сообщается всему организму; сердце поражается въ такой же степени, какъ и желудокъ, пульсъ становится возбужденнымъ, всѣ тѣлесныя отправленія совершаются неправильно, и такое разстройство здоровья заканчивается иногда самыми тяжелыми формами болѣзни мозга. Кабанись сказалъ: «Нервы—это весь человѣкъ», а по словамъ Моро: «Гений есть болѣзнь нервовъ». Цѣнной такикъ опасностей создаются величайшія произведенія генія.

Мозгъ, — какъ мы говорили выше, — сравниваютъ съ электрической машиной, выдѣляющей нервную силу въ видѣ токовъ или ударовъ, изнурительное дѣйствіе которыхъ,—какъ у электрическаго угря,—соразмѣрно ихъ на-

пряженію и продолжительности. Если расходование этихъ предполагаемыхъ электрическихъ зарядовъ не перемежается покоемъ и сномъ, оно приводитъ къ первому истощенію и умственной несостоятельности. То, что мы называемъ гениальностью, больше всего зависитъ отъ напряженности нервной силы. Гениальность часто изображали, какъ внезапный взрывъ мозговой чувствительности, какъ нервную вспышку мозговой силы. «Наша гениальность, — сказалъ одинъ поэтъ, — заключается въ возбужденной чувствительности». «Люди ничтожны,— говорилъ Монтэнъ,— пока они не возбуждены». «Все подчиняется человѣческой душѣ, возвысившейся до экстаза», по свидѣтельству Авицены. Мольеръ выразился такъ о Корнелѣ: «Божество внезапно нисходитъ на него и диктуетъ ему его изящные стихи, а потомъ такъ же внезапно оставляетъ поэта». «Я слышу слишкомъ много, я вижу слишкомъ много, — сознавался одинъ художникъ,— и я чувствую все на три географическія мили въ окружности».

Поэты описывали моменты своего вдохновенія, когда умъ раскаленъ до бѣла и мечть мысли въ состояніи «дивнаго изступленія». Въ такія минуты Драйденъ чувствовалъ, что все надъ нимъ дрожитъ, у Альфieri темнѣло въ глазахъ, а у Руссо наступалъ лихорадочный пароксизмъ. «Моя нервная организація такова,— говорилъ Бетховенъ,— что самыя ничтожныя обстоятельства превращаютъ мою радость въ печаль». Капитанъ Медвинъ говоритъ, что почти всѣ лучшія произведенія Байрона и Шелли написаны подъ вліяніемъ временнаго безумія. Байронъ называлъ поэзію «выраженіемъ возбужденной страсти». М-съ Шелли говоритъ о своемъ мужѣ: «Всю жизнь былъ онъ мученикомъ своего разстроеннаго здоровья; постоянное страданіе изощрило его нервы до такой впечатлительности, что онъ сталъ смотрѣть на жизнь совсѣмъ иными глазами, чѣмъ люди съ здоровыми опущеніями... Онъ много страдалъ отъ возбужденія; его выносливость была почти невѣроятна,

и такимъ образомъ, въ продолженіе своей короткой жизни, онъ перенесъ больше многихъ долголѣтнихъ людей».

Въ храмѣ музъ приносится много человѣческихъ жертвъ. Поэты съ большой силой воображенія живутъ быстро и умираютъ скоро *). Въ то же время нельзя не признать, что жизнь измѣряется не числомъ годовъ, но суммою ощущеній человѣка. Чемъ больше онъ чувствуетъ, тѣмъ больше наслаждается и больше живеть. Что перечувствовалъ человѣкъ, что онъ испыталъ, чего достигъ? Такимъ образомъ некоторые блестящіе молодые поэты, которые умерли, изнуренными жизнью, не достигнувъ сорока лѣтъ, на самомъ дѣлѣ совершили болѣе многихъ восьмидесятилѣтнихъ старцевъ. По словамъ Уордсурта, «добрѣе умираютъ раньше, а тѣ, чьи сердца сухи, какъ лѣтняя пыль, истлеваютъ до самаго основанія».

Свифтъ даже утверждалъ, будто великій человѣкъ не

*) Многіе поэты не дожили до того, чтобы наслаждаться отдыхомъ въ тѣни вырошеныхъ ими лавровъ. Чаттертонъ отравился восемнадцати лѣтъ; Киркъ Уайтъ умеръ двадцати одного года; Робертъ Фергюсонъ—двадцати четырехъ; Китсъ—двадцати пяти; Поллокъ—двадцати восьми; Шелли случайно утонулъ тридцати лѣтъ; Чарльзъ Уольфъ скончался тридцати двухъ; Саккингъ (вѣроятно отравился) тридцати четырехъ; Отвей дожилъ до тридцати четырехъ; Таинегиль (упопился) тридцати семи; Бернесъ, Байронъ и Прѣдъ умерли тоже тридцати семи; Эдгаръ Алланъ Поэ—тридцати восьми; Севеджъ и Шиллеръ—сорока шести; Томсонъ—сорока восьми; Коулей—сорока девяти; Тассо—пятидесяти одного; Виргилий, Мольеръ и Шекспиръ—пятидесяти двухъ; Грей, Камоэнсъ и Альфieri—пятидесяти пяти; Данте и Поппъ—пятидесяти шести; Овидій и Гораций—пятидесяти семи; Аріосто и Расинъ—пятидесяти девяти. Съ другой стороны поэты созерцательного воображенія по большей части доживали сравнительно до преклоннаго возраста. Такъ Миль顿ъ дожилъ до шестидесяти шести лѣтъ; Чосерь до семидесяти двухъ, Клюштокъ до семидесяти девяти; Уордсуртъ до восьмидесяти, а Гете до восьмидесяти трехъ лѣтъ.

можетъ дожить до глубокой старости. Когда ему рассказывали о какомъ-нибудь достойномъ старикѣ, онъ возражалъ: «Если-бы его голова или сердце чего-нибудь стоили, онъ давно бы угасъ». Жизнь определенное количество нервного огня можетъ быть извлечено изъ человѣка, такъ-же какъ известная сумма жара можетъ получиться изъ данного количества топлива. Послѣднее тѣмъ скорѣе превращается въ золу и цепель, чѣмъ быстрѣе происходитъ горѣніе. Когда доктора окружали постель Вань-Орбека, голландского живописца, и говорили, что возлагаются надежды на его еще не старые годы, художникъ возразилъ: «Господа, не смотрите на мои сорокъ шесть лѣтъ; ихъ надо считать вдвое, потому что я живъ день и ночь». Впрочемъ, онъ былъ человѣкъ, изнуренный работой, удовольствіями и излишествами, вслѣдствіе чего представляется собою скорый ненормальное, чѣмъ нормальное явленіе. Но другие, одаренные могучимъ умомъ, дожили до глубокой старости, благодаря тому, что не пренебрегали тѣлесными упражненіями и становились тѣмъ умнѣе, чѣмъ дольше жили. Древніе писатели называли такихъ личностей избранныками природы, такъ какъ онъ соединяли съ атлетическимъ сложеніемъ энергичный первыи темпераментъ и были способны, какъ къ физическому, такъ и къ умственному труду. Великий Платонъ одинаково славился шириной своихъ плечъ и силою воображения, крѣпостью тѣла и мощью ума. Въ болѣе близкія къ намъ времена Микель Анджело, Леонардо да-Винчи, Бюффонъ, Глюкъ, Густавъ Адольфъ, Янъ Собеский, Гёте и герцогъ Веллингтонъ обнаруживали ту-же тѣлесную стойкость въ счастливомъ сочетаніи съ первою восприимчивостью.

Вредъ повышенной чувствительности усугубляется сидячей жизнью, какую ведетъ большинство мозговыхъ работниковъ. Занятія за конторкой или письменнымъ столомъ удерживаютъ ихъ въ согнутомъ положеніи, препятствуя свободной дѣятельности груди и поступленію свѣ-

жаго воздуха въ легкия *). Когда же они вдбавокъ вдыхаютъ испорченный воздухъ или работаютъ по ночамъ, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, послѣдствія такого образа жизни становятся еще разрушительнѣе. Правильное питаніе тѣла нарушается. Воздухъ и свѣтъ такъ-же необходимы для питанія нашего тѣла, какъ и пища, которая вдбавокъ требуется лишь въ извѣстные промежутки времени, тогда какъ воздухъ необходимъ при каждомъ вдыханіи. Если легкия не расширяются въ достаточной степени, кровь не можетъ насыщаться кислородомъ. Кровотвореніе становится недостаточнымъ, а вмѣсть съ нимъ и питаніе организма. Деятельность сердца ослабляется, кровь не доходитъ до оконечностей, но застаивается во внутреннихъ органахъ. Отсюда холодныя ноги и кожа. Слишкомъ много работающій мозгомъ ученый весь проникается раздражительностью и бываетъ болѣзненно чувствителенъ. Его верви, такъ сказать, обнажены и выставлены наружу, и его крайняя чувствительность сжигаетъ жизнь, которую она должна украшать.

Слабость сложенія умственныхъ работниковъ ухудшается тѣмъ, что они пренебрегаютъ тѣлесными упражненіями. Художникъ, написавшій картину съ изображеніемъ

*) Ревель Паризъ выражаетъ мнѣніе, что со-временемъ врачи будутъ настаивать на необходимости правильного упражненія легкихъ, какъ на самомъ дѣйствительномъ средствѣ поддержать здоровье и продлить жизнь. «Я убѣждѣнъ,—говорить онъ,—что старость начинается съ легкихъ и развивается въ нихъ, что именно въ этомъ органѣ, богатомъ сосудами и процвѣтаемомъ, который поглощаетъ воздухъ, вѣкоторымъ образомъ перевариваетъ его и вводить въ вещество нашего тѣла, появляется исходная точка упадка нашего организма. Если-бы возможно было поддержать гематозъ или кровотвореніе въ его совершенномъ состояніи, тогда нашлось бы вѣрное средство для продленія человѣческой жизни. Будущія поколѣнія разрѣшатъ этотъ вопросъ, если только человѣку суждено найти когда-либо его ремесло».—«Физіология и гигіена людей умственного труда».

розоперстой Авроры, отверзающей врата Востока, пожалуй, никогда не видѣлъ солнечного восхода. Поэты воспѣваютъ красоту природы при газовомъ освѣщеніи и въ комнатахъ, куда вѣроятно совсѣмъ не проникаетъ солнечный свѣтъ. Тихо де-Браге едва-ли спускался съ своей обсерваторіи въ теченіе двадцати одного года, и сидячая жизнь, которую онъ вѣль, несомнѣнно была причиной той болѣзни, которая свела его въ могилу *). Другой астрономъ, аббать де-ла-Кайль, для отдыха своей головы, по цѣлымъ ночамъ производилъ наблюденія надъ небесными тѣлами. Знаменитый эллинистъ де-Виллуазонъ просиживалъ за книгами по пятнадцати часовъ въ день. Когда Лагарда, жившаго въ одной изъ самыхъ тѣсныхъ улицъ Парижа, спросили о томъ, чѣмъ онъ освѣжается послѣ труда, онъ отвѣчалъ, что, почувствовавъ умственное утомленіе, на нѣсколько минутъ высосываетъ голову изъ окна. Это было его единственнымъ моченомъ. Такіе страстные поклонники науки бываютъ гораздо болѣзнейѣ обыкновенныхъ смертныхъ. Надо удивляться, что природа терпитъ еще подобная насилия надъ собою и продолжаетъ производить свои отравленія, необходимыя для поддержанія жизни.

Привычка къ работе до такой степени вкореняется у мозгового труженика, что онъ не можетъ сдержать себя въ этомъ отношеніи. Когда Петрарка жаловался на нездровые епископу Кавальонскому, тотъ сейчасъ смекнуль, въ чѣмъ дѣло, и выпросилъ у пѣвца ключъ отъ его рабо-

*) Чивіале въ своемъ трактатѣ о «Каменныхъ болѣзняхъ» приводить списокъ изъ ста сорока восьми знаменитыхъ философовъ, художниковъ и литераторовъ, которые страдали отъ болѣзней подобного рода преимущественно вслѣдствіе сидячаго образа жизни. Между ними назовемъ Боссюэ, Бюффона, Микель Анджело, Бакона, Д'Аламбера, Аміо, Кальвина, Казобона, Дезоэзе, Эразма, Монтея, Лютера, Линнея, Гарвея, Лейбница, Ньютона, Гаррика, Руссо, Скарна, Вольнега, Вольтера, Франклина, Роберта Уэльшола, Наполеона III и другихъ.

чаго кабинета. Петрарка согласился исполнить его требование, но только на три дня. Между темъ, раньше, чѣмъ прошелъ назначенный срокъ, онъ явился къ епископу и сталъ умолять его: «Отдайте мнѣ обратно ключъ отъ моего кабинета или я умру у вашихъ ногъ». Мы увидимъ однако виже, что тѣ, которые нарушаютъ такимъ образомъ законы природы, расплачиваются за это впослѣдствіи очень дорого, или невозможностью работать, или страданіями.

Первой карой является у нихъ потеря крѣпкаго сна. Умственнымъ работникамъ надо спать больше, чѣмъ привычъ, а между тѣмъ они зачастую спать меныше другихъ. Когда люди работаютъ до глубокой ночи, мозговое возбужденіе продолжается у нихъ еще долго послѣ того, какъ они лягутъ спать. Мозгъ не перестаетъ работать, отговаривая сонъ; какъ мельница, онъ мелеть и мелеть, хотя и безъ помола. Воля теряетъ власть надъ нимъ и онъ дремлетъ и мыслить несвѣтно и неправильно. Сила его можетъ восстановиться, а тѣло отдохнуть только при условіи совершенного покоя, который зависитъ отъ крѣпкаго сна. Но когда сонъ замѣняется только тревожной полудремотой, то мозгъ и тѣло не успѣваютъ отдохнуть и освѣжиться.

Какое благо представляетъ собою сонъ! Это одинъ изъ блаженнѣйшихъ даровъ юности, и мы узнаемъ ему цѣну, только когда его лишимся. «Сонъ закутываетъ человѣка, точно одѣяло», — выразился Санчо Пансо. Сэръ Филиппъ Сидней умѣль его цѣнить, когда говорилъ: «Приди, о сонъ, надежный узелъ мира, мѣсто отдохновенія искусства, бальзамъ горести, богатство бѣдника, освобожденіе узника, нелицепріятый судія между высшими и низшими!»

Когда юность проходитъ, а годы подвигаются впередъ, и работа, утомленіе, тревога угнетаютъ душу, тогда сонъ пропадаетъ. Мысль не хочетъ угомониться, тѣло беспокойно мечется, а пуховая подушка превращается въ сучковатую колоду. Это мрачная пора въ жизни многихъ умственныхъ тружениковъ. «Вы встаете поутру, — гово-

рить Гейдонъ,— съ чернымъ флеромъ на вашемъ воображении, черезъ который смотрите на весь міръ».

Лордъ Кларенданъ говорилъ о Чилингвортѣ: «Все его несчастіе происходило отъ того, что онъ спалъ слишкомъ мало, а думалъ слишкомъ много». Мало найдется писателей, которые не страдали бы безсонницей въ болыцей или меньшей степени. Такъ и дѣловые люди часто ложатся въ постель съ своими заботами; они ворочаются съ боку на бокъ, перебирая события прошедшаго дня—свои предпріятія, спекуляціи, барыши и убытки. Мозгъ ихъ не поддерживается отдыхомъ, потому что сонъ не является имъ.

Полпъ, трудясь надъ Иліадой, однажды пожелалъ быть повѣшенымъ, только бы избавиться отъ Гомера. Онъ не помнилъ себя отъ безсонницы и все-таки работалъ по ночамъ. Служанка лорда Оксфорда жаловалась, что въ супровую зиму сорокового года онъ иногда по четыре раза въ ночь заставлялъ ее подниматься съ постели, чтобы снабжать его бумагой, безъ чего онъ потерялъ бы нить своихъ размышлений. Бергаве послѣ одного изъ своихъ напряженныхъ изслѣдований не смыкалъ глазъ цѣлыхъ шесть недѣль. Гольдони, написавъ шестнадцать пьесъ въ одинъ годъ, несъ кару за это безуміе весь остатокъ своей жизни. Байронъ мучился безсонницей, уныніемъ и «настоящимъ отчаяніемъ», пока писалъ «Марино Фальеро». Одну ночь онъ «ужасно страдалъ» и находилъ успокоеніе лишь въ томъ, что пилъ въ громадномъ количествѣ содовую воду. Джонъ Гентеръ рѣдко спалъ дольше четырехъ часовъ ночью, но онъ позволялъ себѣ уснуть часокъ послѣ обѣда. Мнѣнія ученыхъ сильно расходились по вопросу о времени, которое требуется для здороваго сна. Джереми Тэйлоръ утверждаетъ, что сну слѣдуетъ посвящать только три часа въ сутки; однако, это слишкомъ короткій срокъ. Бекстеръ назначаетъ четыре часа, Уэллей шесть, а лордъ Конъ—семь, Вальтеръ-Скотту нужно было восемь часовъ.

крѣпкаго сна, чтобы поддерживать свой мозгъ въ полной готовности къ работе. Д-ръ Фаулеръ изъ Салисбюри, ветеранъ науки, хорошо известный въ ученыхъ сферахъ и до конца жизни посвящавшій Британское общество, утверждалъ, что одно изъ важнѣйшихъ условій долголѣтія заключается въ томъ, чтобы лежать въ постели поутру, пока хорошенъко выспишься. Онъ прожилъ до девятидесяти восьми лѣтъ.

Когда сонъ крѣпокъ, то хотя бы онъ былъ непродолжителенъ, его бываетъ достаточно для отдыха и возстановленія силъ мозга. Когда же онъ не крѣпокъ и сопровождается сновидѣніями и возбужденіемъ, организмъ не отдыхаетъ, и мозгъ и тѣло остаются неосвѣженными. Возбужденный мозгъ не перестаетъ работать даже во снѣ. Въ такомъ состояніи Исаакъ Ньютона разрѣшилъ одну трудную математическую задачу. Кондорсѣ сообщаетъ, что когда онъ ложился въ постель, мучимый какими-нибудь запутанными вычислениами, которыхъ не успѣль окончить, то производилъ ихъ до конца во снѣ. Когда Кондильякъ писалъ свой «Курсъ ученья», то съ нимъ случилось однажды, что теченіе мыслей, прерванное при отходѣ ко сну, продолжалось и закончилось во снѣ. Сэръ Бенжаменъ Брома приводитъ случай съ его пріятелемъ, который дополнить свое изобрѣтеніе во время сна, и другой случай, когда его знакомый разрѣшилъ во снѣ математическія задачи, не дававшіяся ему наяву. Кольриджъ, прочитавъ отрывокъ изъ «Странствія» Пёрчеса, сочинилъ свой поэтическій отрывокъ «Кублай-хантъ» во снѣ. Говорятъ, будто бы Тартини сочинилъ свою «Чортову сонату», осѣненный вдохновеніемъ во снѣ, когда ему приснился діаволъ, вызвавшій его на состязаніе въ игрѣ на скрипкѣ.

Нѣкоторые ученые держатся того мнѣнія, что сны бываютъ непрерывными и продолжаются иногда всю ночь; другие же думаютъ, что сновидѣнія являются лишь въ моментъ, предшествующій пробужденію. Когда Лавалетъ сидѣлъ въ

Бастілії, ожидая смертного приговора, то стмѣтиль одно обстоятельство, которое какъ будто подтверждается послѣднее мнѣніе. Онъ услыхалъ, какъ часы на дворцѣ Правосудія пробили полночь и какъ отворились ворота для смѣны караула. Тутъ онъ уснулъ и ему приснился необыкновенный сонъ. Спящій увидаль себя на улицѣ Сентъ-Онорэ; вдругъ до него донесся неясный гулъ и онъ различилъ вдали приближающійся къ нему отрядъ кавалеріи; у всѣхъ всадниковъ была содрана кожа и они держали факелы въ рукахъ. Блѣдныя женщины съ распущенными волосами выглядывали изъ оконъ и опять исчезали; глухой, невнятный стоны стоять въ воздухѣ. Отвратительное войско мчалось галопомъ; новыя полчища скакали за нимъ въ продолженіе цѣлыи пяти часовъ. За кавалеріей слѣдовало несмѣтное число артиллерійскихъ повозокъ, нагруженныхъ окровавленными тѣлами. Тутъ Лаволетъ внезапно проснулся отъ стука захлопнутыхъ изо всей мочи желѣзныхъ воротъ тюрьмы. Онъ нажалъ пружину своихъ часовъ съ репетиціей. Они пробили полночь, такъ что ужасная фантасмагорія продолжалась не болѣе двухъ или трехъ минутъ, какъ разъ столько времени, сколько нужно, чтобы смѣнить карауль и запереть ворота. На другой день тюремщикъ подтвердилъ этотъ расчетъ.

Мы слышали о другомъ подобномъ случаѣ, когда одному больному понадобилось поставить къ подошвамъ горчичники. Пока они жгли ему кожу, онъ видѣлъ во снѣ, что попалъ въ плѣнъ къ арабамъ и былъ принужденъ проходить громадныя пространства въ пустынѣ по раскаленнымъ пескамъ, испытывая страшную боль въ ногахъ. Ему казалось, что эта пытка продолжается цѣлые годы; наконецъ она кончилась, и онъ проснулся три или четыре минуты спустя, когда съ него сняли горчичники.

Сонъ во многомъ зависитъ отъ привычки. Моряки и военные могутъ засыпать по произволу и просыпаться, когда хотятъ. Императоръ Наполеонъ имѣлъ способность

спать во всякое время. Капитанъ Беркли, замѣчательный пѣшеходъ, погружался въ сонъ, едва только успѣвъ положить голову на подушку. Знаменитый генералъ Эллють (прославившійся своей обороной Гибралтара) спалъ не больше четырехъ часовъ въ сутки. Впрочемъ онъ былъ по-разительнодержанъ во всемъ и питался только хлѣбомъ, водою и овощами. Лордъ Брумъ пользовался для сна каждымъ свободнымъ часомъ, получасомъ и даже четвертью часа, что сильно подкрѣпляло его въ работе *). По примеру Фенелона, для него служила отдыхомъ перемѣна занятій, которая оказывала освѣжающее дѣйствіе на мозгъ этого энергичнаго человѣка. «Разнообразіе въ научныхъ трудахъ,—говорилъ Фенелонъ,—всегда освѣжаетъ меня».

Парламентскіе дѣятели по причинѣ позднихъ и несвоевременныхъ засѣданій часто нуждаются въ томъ, чтобы вздрогнуть немногого. Питъ могъ спать когда угодно, хотя во время парламентскихъ преній обыкновенно вслушивался въ нихъ однимъ ухомъ. Однажды, когда противникъ съ ожесточеніемъ напалъ на лорда Норта, одинъ изъ членовъ парламента воскликнулъ: «Первый министръ заснуль!» — «Вы ошибаетесь,—вразбрѣль тотъ, съ трудомъ продирая глаза,—но Богу известно, какъ бы мнѣ этого хотѣлось!» Нѣкоторые, подобно Бруму, обладаютъ счастливой способностью сна. Они сразу сбрасываютъ съ себя свои заботы, тревоги, помыслы о научныхъ или дѣловыхъ занятіяхъ, о финансовыхъ и торговыхъ спекуляціяхъ, совершенно такъ, какъ сбрасываютъ платье, чтобы заснуть здоровымъ и крѣпкимъ сномъ. Монтень приводитъ указанія о Сципіонѣ

*) О лордѣ Брумѣ рассказываютъ, что онъ однажды работалъ —читалъ, говорилъ рѣчи и т. д. пять дней и пять ночей подърядъ, потомъ онъ помчался въ свой загородный домъ, проспалъ ночь съ субботы на воскресенье, все воскресенье и вторую ночь на понедѣльникъ, послѣ чего проснулся совершенно свѣжий и готовый къ дальнѣйшей работе. Такой богатырской сонъ едва ли доступенъ людямъ теперешняго поколѣнія.

насчетъ того, что онъ любилъ спать; и это было единственнымъ недостаткомъ, который находили въ немъ люди. О самомъ себѣ Монтенъ разсказываетъ: «Сонъ занялъ у меня значительную часть моей жизни, однако и въ теперешнемъ возрастѣ (около пятидесяти пяти лѣтъ) я продолжаю спать по восьми и десяти часовъ подъ-рядъ». Дальше онъ сообщаетъ обѣ Александрѣ Великомъ слѣдующее: «Онъ спалъ такъ крѣпко въ утро своего знаменитаго сраженія съ Дариемъ, что Парменіонъ былъ принужденъ войти въ его спальню и нѣсколько разъ окликнуть героя по имени».

Крокеръ доказывалъ въ шутку, что великий человѣкъ непремѣнно долженъ хорошо спать, при чемъ его любимыми примѣрами служили Наполеонъ, Питтъ и Веллингтонъ. Эти люди обладали даромъ сна и могли заставить себя заснуть почти когда угодно, чѣмъ сберегали и усиливали свою работоспособность. Бiографъ Веллингтона говоритъ о немъ: «Дѣйствительно, онъ имѣлъ свойство засыпать, когда хотѣлъ, и, будучи здоровымъ, впадалъ въ сонъ, едва только успѣвъ положить голову на подушку, послѣ чего спалъ, не пробуждаясь, пока не наступало время вставать». О немъ разсказываютъ слѣдующее: одна знакомая дама выразила ему удивленіе по поводу того, что онъ продолжаетъ пользоваться своей старой походной кроватью, на которой нельзя было повернуться. Знаменитый полководецъ отвѣчалъ ей на это: «Когда человѣкъ начинаетъ ворочаться въ постели, значитъ, ему пора вставать».

Лордъ Пальмерстонъ также былъ надѣленъ способностью сбрасывать съ себя до произволу служебныя заботы и погружаться въ глубокій сонъ. Даже въ палатѣ общины онъ ухитрялся засыпать на короткое время, отчего прослылъ «страшнымъ соней»; но это помогло ему нести бремя своихъ обязанностей почти до восьмидесяти двухъ лѣтъ. Такимъ же счастливымъ свойствомъ засыпать, когда угодно, обладалъ и Джемсъ Уаттъ. Если бы не это, онъ бѣроятно никогда бы не изобрѣлъ своей машины, работа-

ющей сгущеннымъ паромъ. Иногда ему случалось спать по девяти и одиннадцати часовъ въ ночь, пользуясь еще короткимъ отдыхомъ въ продолжение дня. И вотъ, этотъ труженикъ, хотя и хилый отъ природы, прожилъ до восьмидесяти трехъ лѣтъ, сохранивъ до конца жизни способность къ изобрѣтеніямъ. Тотъ, кто лишаетъ себя сна, находится на прямомъ пути къ разстройству умственныхъ способностей. Мышать человѣку спать было одной изъ пытокъ инквизиціи, и ея никто не могъ выдержать.

Средство обеспечить себѣ сонъ отыскивалось многими. Нѣкоторые считаютъ раннее вставаніе самымъ лучшимъ лѣкарствомъ отъ бессонницы:

Рано ложиться и рано вставать —
Значитъ здоровье себѣ наживать;
Будетъ навѣрно богатъ и умень,
Кто сокращаетъ свой утренний сонъ.

Другіе однако обращаются къ искусственнымъ приемамъ; одинъ, чтобы заснуть, повторяетъ таблицу умноженія, другой—твердить наизусть какое-нибудь знакомое стихотвореніе; третій смотритъ на воображаемую точку и слѣдитъ, какъ она уходитъ отъ него въ пространство, иначе говоря, гипнотизируетъ себя. Нѣкоторые, подобно Франклину, вѣруютъ въ благотворное дѣйствие воздушной ванны, другие предпочитаютъ ей подушку, набитую хмѣлемъ *).

*) Д-ръ Бинпсъ въ своей «Анатоміи сна» указываетъ слѣдующее средство для засыпания, которое, по его свидѣтельству, было придумано Гарнеромъ: «Надо лечь на правый бокъ, удобно положить голову на подушку, такъ, чтобы она занимала уголъ, образуемый линіей, проведенной отъ головы къ плечу; тогда, слегка сомкнувъ губы, слѣдуетъ произвести полное вдыханіе, стараясь по возможности дышать носомъ. Это впрочемъ не безусловно необходимо, такъ какъ нѣкоторые постоянно дышатъ ртомъ во время сна, при чёмъ снять такъ же крѣпко, какъ и другіе, которые этого не дѣлаютъ. Сдѣлавъ полное вдыханіе, надо предоставить легкія ихъ нормальной дѣятельности, т.-е. дыханіе не слѣдуетъ ни ускорять, ни задержи-

Архієпископъ Уэтлей предавался усиленнымъ умственнымъ занятіямъ и нуждался въ продолжительномъ снѣ для возстановленія силъ. Ему было хорошо известно, что мозгъ слабѣетъ при постоянной и продолжительной работе, въ особенности по ночамъ. На этомъ основаніи онъ придумалъ способъ обеспечить себѣ отдыхъ и сонъ. Въ одинъ зимній день коротко знакомый съ нимъ врачъ въ сопровожденіи д-ра Фильда пріѣхалъ въ архієпископскій домъ въ Редесделѣ. Земля была покрыта на два фута снѣгомъ и термометръ опускался почти до нуля. Подъѣзжая къ мѣсту, оба врача увидѣли старика крестьянина, рубившаго дерево; густой иней безжалостно осыпалъ его морщинистое лицо. Одинъ изъ нихъ подумалъ, что у этого батрака, должно быть, очень жестокій хозяинъ. Но другой сказалъ: «Этотъ крестьянинъ, котораго вы считаете жертвой деспотизма нашего прелата,—есть не кто иной, какъ самъ архієпископъ, лѣчашій себя отъ головной боли. Утомившись черезъ мѣру

вать. Теперь все вниманіе необходимо устремить на дѣйствіе, которымъ занять желающій уснуть. Онъ долженъ вообразить себѣ, будто бы видѣть, какъ дыханіе выходитъ у него изъ ноздрей безпрерывнымъ потокомъ, и едва только ему удастся сосредоточиться на этомъ, отбросивъ всѣ остальные помыслы, сознаніе и память исчезаютъ, воображеніе засыпаетъ, мысль слагаетъ оружіе; способность воспріятія теряетъ свою тонкость, жизненная или узловая первная система беретъ верхъ, и человѣкъ, какъ было сказано выше, перестаетъ бодрствовать и засыпаетъ. Эта послѣдовательность явлений требуетъ усилий одной минуты. Какъ скоро умъ сосредоточенъ на одномъ ощущеніи, чувствилище (центръ всѣхъ ощущеній въ мозгу) слагаетъ съ себя власть, и гипнотическая способность погружаетъ человѣка въ забытье».

У д-ра Соута была другая метода. Онъ говорилъ Джемсу Уайту: «Послѣдуйте моему примѣру: пусть вашимъ послѣднимъ занятіемъ передъ отходомъ ко сну будетъ что-нибудь не имѣющее никакой связи съ вашими дневными заботами, тогда вы будете засыпать какъ ребенокъ, едва положивъ голову на подушку».

Въ настоящее время въ Парижѣ изобрѣтенъ «приборъ для засыпанія» въ видѣ обруча, надѣваемаго на голову. *Прим. ред.*

чтеніемъ и письмомъ и почувствовавъ боль или тяжесть въ головѣ, его эмиграція схватываетъ топоръ и, выбѣгая на свѣжій воздухъ, принимается рубить какое-нибудь крѣпкое дерево. Дождавшись обильной испарины, онъ ложится въ постель, закутывается въ одѣяло и погружается въ здоровый сонъ, чтобы проснуться свѣжимъ и бодрымъ».

Но что сказать о тѣхъ, которые не только не избѣгаютъ безсонницы, но въ пылу мозговой работы стараются отогнать сонъ? Съ этой цѣлью некоторые употребляютъ кофе, другіе чай, крѣпкіе напитки или опіумъ. Когда Лаудонъ писалъ свою «Энциклопедію загородной, сельскохозяйственной и дачной архитектуры», то поддерживалъ свою бодрость большими порціями кофе. Жена помогала ему въ его литературной работѣ. «Трудъ, который требовался для этого сочиненія, былъ громаденъ, — говорить м-съ Лаудонъ; — въ теченіе несколькихъ мѣсяцевъ, мой мужъ и я просиживали за нимъ большую часть ночи, позволяя себѣ спать не болѣе четырехъ часовъ и поддерживая свою бодрость крѣпкимъ кофе». Несмотря на жестокій приступъ ревматической лихорадки, которая вызвала жесткую опухоль лѣваго колѣна и изуродовала ему правую руку такъ, что онъ не могъ владѣть ни кистью, ни пальцами, Лаудонъ продолжалъ диктовать остатокъ своего произведенія и дожилъ до шестидесяти лѣтъ, когда воспаленіе легкихъ свело его въ могилу.

Кофе всегда былъ особенно любимымъ напиткомъ умственныхъ тружениковъ по причинѣ его возбуждающаго дѣйствія на мозгъ. Но хотя онъ полезенъ людямъ лимфатического темперамента, за то вредить раздражительнымъ и нервнымъ натурамъ, въ особенности въ неумѣренномъ количествѣ. Злоупотребленіе имъ довело Циммермана до самаго плачевнаго состоянія меланхоліи. «Чтобъ разогнать сонливость, — говоритъ Чарльзъ Понджесъ, — я выпиваю по десяти чашечкамъ кофе въ день, а въ послѣднюю кладу щепотку соли, чтобы усилить дѣйствіе этого напитка». Но онъ былъ пораженъ слѣпотою и вскорѣ ему пришлось прекратить

безразсудный опять надъ тѣмъ, какъ долго можетъ работать переутомленный мозгъ.

Мишле вставалъ поутру въ шесть часовъ, пилъ кофе, принимался за работу и работалъ до полудня подкрепляя себя въ промежутки чашкой того же напитка. Онъ находилъ, что это поддерживало его. «Нѣть,—возражаетъ Дешанель,—это вело его къ упадку. Мои слова подтверждаются слогомъ этого писателя, полнымъ вспышекъ ума, но также и лихорадочныхъ скачковъ». Самъ Мишле приписывалъ революціонный духъ восемнадцатаго столѣтія потребленію кофе, и затуманенность французского ума въ послѣдніе годы—усиливающейся привычкѣ къ табаку.

Клодъ Борделье, знаменитый молодой врачъ, которому следовало бы выказать болѣе осмотрительности, хотя врачи такъ же беспечны относительно своего здоровья, какъ и прочие, пилъ кофе въ большомъ количествѣ, чтобы оставаться бодрымъ и быть въ состояніи продолжать свои ученыя занятія. Когда же у него наступила бессонница, онъ принималъ противъ нея опіумъ; однако никакой организмъ не могъ бы выдержать такого напряженія, и блестящій врачъ умеръ въ сравнительно молодые годы.

Чай есть другой возбудитель, можетъ быть, дѣйствующій на мозгъ еще сильнѣе, чѣмъ кофе. Д-ръ Джонсонъ пилъ много чаю, иногда по двадцати чашекъ за одинъ присѣсть, хотя въ то время чашки были небольшія. М-съ Пюцци сообщаетъ, что иногда она была принуждена поить его чаемъ до четырехъ часовъ утра. Незамѣтно для Джонсона, это чрезмѣрное потребленіе чаю вѣроятно стало причиной его бессонницы и нервнаго дрожанія *). Одно время

*) «Родъ хронического наркоза, который обыкновенно не соознается, хотя его легко замѣтить и подтвердить, бываетъ слѣдствиемъ неумѣренаго потребленія чая и кофе. Дѣйствіе этихъ двухъ веществъ, припимаемыхъ въ отравляющемъ излишествѣ, во многихъ пунктахъ различно, но у нихъ есть общее свойство вызывать мышечную дрожь... Парализующее взяніе наркоза, производимаго

Джонсонъ пилъ спиртные напитки и пиль по-многу. Какъ онъ самъ откровенно признавался, для него было легче совершенно отказаться отъ нихъ, чѣмъ придерживаться умѣренности. Когда его заставляли однажды выпить немнога вина за обѣдомъ у епископа Портеса, онъ отвѣчалъ: «Я не могу выпить его *немнога* и по этой причинѣ предпочитаю не касаться рюмки совсѣмъ; *воздержаніе* для меня настолько же легко, насколько была бы трудна *умѣренность*». Отсюда его пристрастіе къ чаю, который онъ защищалъ отъ ожесточенныхъ нападокъ Джона Ганвея *). Гэзлитъ не зналъ мѣры въ потреблениі чая; послѣдній былъ для него всеиспѣляющимъ средствомъ, хотя этотъ напитокъ постоянно вызывалъ въ немъ нервную лихорадку. Онъ пиль исключительно черный чай и былъ очень разборчивъ въ его качествѣ, постоянно употребляя только самый дорогой сортъ, какой только можно было достать. Живя одинъ, онъ тратилъ въ недѣлю почти цѣлый фунтъ чая. «Чашка чаю Гэзлита, — говорить Петморъ, — была чѣмъ-то особеннымъ; я никогда не пробовалъ ничего подобнаго. Онъ всегда самъ заваривалъ свое любимое питье; наполнивъ чайникъ до половины чаемъ, онъ доливалъ его кипяткомъ и почти тотчасъ лилъ въ чашку, прибавляя къ нему большое количество сахару и сливокъ. Судя по тому, какъ дѣйствовалъ на меня чай, приготовленный Гэзлитомъ, я долженъ сказать, что потребляемый въ большомъ коли-

чествѣ, обнаруживается далѣе упорнымъ разстройствомъ пищеваренія, тогда какъ кофе въ страшной степени разстраиваетъ дѣятельность сердца. Я увѣренъ, что гораздо большее число болѣзней, чѣмъ мы думаемъ, проистекаетъ отъ неумѣренаго потребленія этихъ наркотическихъ средствъ». Д-ръ Энстей.

*) Въ своей брошюре Джонсонъ отзывается о себѣ, какъ о «закоренѣломъ и безсовѣстномъ потребителѣ чая, который въ продолженіе многихъ лѣтъ разбавлялъ свою ёду только настоемъ этого волшебнаго растенія»; его чайный котелокъ почти никогда не остывалъ; чай придавалъ веселье его вечеру, за чаемъ короталъ онъ свои ночи и привѣтствовалъ утро.

чествъ и въ теченіе долгихъ лѣтъ, этотъ напитокъ производилъ на него самое разрушительное дѣйствіе и, по всѣмъ вѣроятіямъ, ускорилъ его смерть, произшедшую отъ болѣзни пищеварительныхъ органовъ. Но непосредственное дѣйствіе этого питья было пріятно, даже восхитительно, и, не чувствуя послѣ него никакихъ угрожающихъ симптомовъ, Гэзлитъ продолжалъ употреблять его до самаго конца, несмотря на два или на три болѣзненныхъ приступа, подобныхъ тому, который стоилъ ему жизни».

Но это было уже злоупотребленіе любимымъ напиткомъ. Гэзлитъ могъ бы точно такъ же злоупотреблять говядиной или даже водой. До излишества въ потреблениі чая, онъ злоупотреблялъ спиртными напитками, которые вѣроятно причинили не меныше вреда его желудку и печени. Гейдонъ пишетъ о Гэзлиѣ въ своей автобіографіи отъ 25 июня 1815 года, тотчасъ послѣ битвы при Ватерлоо: «Трудно себѣ представить, какъ пораженіе Наполеона подѣйствовало на Гэзлиита. Онъ совсѣмъ опустился духовно и тѣлесно, бродилъ немытый, небритый, едва ли въ трезвомъ состояніи днемъ и всегда пьяный ночью, безъ всякаго преувеличенія, въ теченіе несколькиихъ недѣль; наконецъ, очнувшись отъ своей одури, онъ сразу бросилъ всѣ крѣпкіе напитки и не прикасался къ нимъ болѣе».

Впрочемъ у многихъ умственныхъ работниковъ не хватаетъ нравственнаго мужества отказаться отъ алкоголя въ пользу чая. Обыкновенно въ мозгу мыслителя достаточно возбужденія, чтобы остаться бодрымъ; не прибегая къ искусственнымъ средствамъ. Послѣднія только усиливаютъ бессонницу, которой лучше избѣгать, чѣмъ вызывать ее возбуждающими наркотиками. Чрезмѣрное потребленіе алкоголя во всѣхъ его видахъ приносить какъ нравственный, такъ и физический вредъ умственному работнику. Между тѣмъ во всѣхъ находились пѣвцы, восхвалявшіе вино, хотя величайшіе поэты не нуждались въ искусственномъ вдохновеніи. Мильтонъ говорилъ, что истинный эпи-

ческій поэтъ, воспѣвающій боговъ и потомъ возвращающій къ людямъ, долженъ пить воду изъ деревянной чаши. Уордсуртъ также называлъ себя «простымъ пѣвцомъ, пьющимъ одну воду», хотя поэты его поколѣнія и предшествующихъ вѣковъ держались совсѣмъ иного правила *).

Гессіусъ, нѣмецкій поэтъ, славившійся въ шестнадцатомъ вѣкѣ, полагалъ, что нѣть хуже безчестья, какъ оказаться слабѣе другихъ на попойкѣ; а Друммондъ говорилъ о Бенѣ-Джонсонѣ, что «вино было для него родной стихіей». Осушивъ «цѣлый моря канарскаго» въ тавернѣ «Сирена», онъ возвращался домой, ложился въ постель и, хорошенько пропотѣвъ, вставалъ опять, чтобы сѣсть за свои драматические этюды. Говорятъ даже, будто-бы Шекспиръ умеръ вскорѣ послѣ веселой пирушки съ Бенѣ-Джонсономъ и Дрейтономъ въ Стетфордѣ-на-Аvonѣ, гдѣ онъ пилъ «слишкомъ усердно». Чарльзъ Найтъ заявляетъ, что это преданіе, живущее до сихъ поръ, не заслуживаетъ, однако, довѣрія. Впрочемъ, живя въ Лондонѣ, Шекспиръ былъ постояннымъ посѣтителемъ «Сирены» съ Бьюмонтомъ и Флетчеромъ, Керью, Донномъ и Джонсономъ, а умѣренность въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ не принадлежала къ числу добродѣтелей той эпохи. Марлоу былъ убитъ въ пьянной свалкѣ на тридцатомъ году. Драматургъ Гринъ вѣль такую же разгульную жизнь, какъ и Марлоу. По его соб-

*) «Если мы какимъ-нибудь образомъ можемъ возбудить поэтическій инстинктъ, новые перспективы открываются для насъ въ природѣ, умъ устремляется въ нихъ и, познавъ болѣе сплавные и возвышенные предметы, можетъ совсѣмъ переродиться; вотъ почему пѣвцы любить вина, медь, наркотическія вещества,—кофе, чай, опiumъ, дымъ сандального дерева и табаку, какъ и всякие иные виды животнаго возбужденія... Но изъ природы нельзѧ извлечь никакой выгоды хитростью. Мировой духъ—великое спокойное присутствіе Создателя, не дается съ помощью чаръ опіума или вина. Видѣніе великаго бываетъ удѣломъ чистой и простой души въ пепорочномъ и цѣломудренномъ тѣлѣ. Наркотики приносятъ намъ не вдохновеніе, но искусственное изструпленіе».

ственному признанію «обжорство и пьянство были для него единственнымъ наслажденіемъ». Опускаясь нравственно все ниже и ниже, онъ умеръ отъ обяденія, хотя дошелъ до такой нищеты, что не могъ вставать съ постели за немѣніемъ одежды.

Коулей умеръ отъ простуды, которую схватилъ, проявившись въ полѣ цѣлую ночь; онъ обѣдалъ у одного пріятеля, много выпилъ и не могъ найти дорогу. Ловлесь, восхвалявшій въ стихахъ вино, умеръ, по словамъ Обрея, въ винномъ погребкѣ въ Лонгъ-Акрѣ. Отвей умеръ въ харчевнѣ на Тоуеръ-Гиллѣ, по словамъ однихъ, отъ голоду, по словамъ другихъ, отъ пьянства. Бойсъ попалъ въ пьяномъ видѣ подъ экипажъ и былъ задавленъ, а Севеджъ, который подъ конецъ жизни поддерживалъ силы только водкой, умеръ въ Бристольской тюрьмѣ. Среди другихъ поклонниковъ Бахуса того времени мы видимъ Рочестера, Конгрива, Шеффильда, Парнеля, Черчиля, Прайёра и Шедвеля. Эндрю Мервель совершалъ обильныя возліянія въ честь своей музы. Шенстоунъ говоритъ о Соммервилѣ, своемъ собратѣ по перу, что «онъ пилъ, пока не довелъ себя до болѣзни, чтобы избавиться отъ душевныхъ страданій».

Аддисонъ, котораго часто оскорбляла жена, графиня Варвикъ, уходилъ въ таверну, где искалъ утѣшенія въ бутылкѣ. Въ Голландъ-Гоузѣ существуетъ комната, где онъ писалъ свои послѣднія сочиненія; бутылка канарскаго вина обыкновенно стояла при этомъ на столѣ, въ дальнемъ углу, и несчастный писатель такъ часто прикладывался къ ней, что прежде, чѣмъ статья была окончена, бутылка оказывалась опорожненной. Стиль предавался пьянству, и многія изъ его статей для журнала «Tatler» были написаны по различнымъ тавернамъ. Даже благовоспитанный Попъ, какъ увѣряютъ, ускорилъ свою смерть неумѣреннымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ и сильно пряныхъ блюдъ. Когда квартирная хозяйка подала жалобу въ судъ на Гольд-

смита за неплатежъ денегъ, онъ извѣстилъ д-ра Джонсона о постигшей его бѣдѣ. Докторъ послалъ ему гиаю, объясняю приди вслѣдъ за тѣмъ, что дѣйствительно и не замедлилъ исполнить. Но Гольдсмитъ размѣнялъ уже свою гиаю и сидѣлъ за бутылкой мадеры, когда примишь его приятель. Тотъ закупорилъ бутылку и спросилъ Гольдсмита, какъ онъ думаетъ извернуться. Послѣдній отвѣчалъ, что у него есть рукопись, совершенно готовая для печати. То былъ романъ «Векфильдскій священникъ!» Джонсонъ отнесъ его къ книгопродавцу и продалъ за шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ; за квартиру было тотчасъ уплачено, полицейской ущель, а Гольдсмитъ, разсчитавшись съ хозяйствой, потребовалъ, чтобы она подготовила ему пуншъ!

Излишства поэта Бернса хорошо извѣстны и часто давали пищу моралистамъ. Но онъ былъ окружены искушеніями и не могъ устоять противъ нихъ, какъ случалось и съ болѣе сильными людьми. Когда одна дама, искренно расположенная къ нему, стыдила его за то, что онъ водить компанію съ пьяницами, онъ отвѣчалъ: «Сударыня, они не будутъ мнѣ рады, если я не стану съ вами пить; поэтому я долженъ пожертвовать для нихъ частицей своего здоровья». Даже достопочтенный Джонъ Логанъ, сочинявший гимны и религіозныя толкованія, спасался отъ меланхоліи, топя ее въ винѣ. Однажды онъ до того забылся, что вошелъ пьяный на каѳедру. Онъ покинулъ церковь для прессы и окончилъ свою беспокойную карьеру писателемъ.

Сэръ Вальтеръ Скоттъ былъ человѣкъ воздержный; иначе онъ едва-ли исполнилъ бы такую массу умственной работы. Единственное, что онъ себѣ разрѣшалъ, это отъ времени-до-времени выпить маленькую рюмочку виски; эту водку онъ предпочиталъ самыми драгоцѣнными «жидкими рубинамъ», которые когда-либо сверкали въ царскихъ кубахъ. Но по мѣрѣ приближенія старости, романистъ все больше избѣгалъ спиртныхъ напитковъ, замѣняя ихъ одной или двумя сигарами, и заботливо предостерегалъ

своего сына отъ пьянства. «Даже небольшое количество вина, употребляемое каждый день,—говорилъ онъ ему,—вредить желудку, а тебѣ достался по наслѣдству слабый желудокъ».

Байронъ предавался невоздержности только временами. Иногда онъ чуть не морилъ себя голодомъ, курилъ и жевалъ табакъ во избѣжаніе полноты, которую ненавидѣлъ, но въ другое время пилъ до излишества. Многія изъ его стихотвореній, какъ говорятъ, были написаны подъ влияніемъ джина. Вино и опіумъ дѣлали его необузданнымъ, подозрительнымъ и запальчивымъ. «Въ самое хорошее настроеніе приводить меня доза солей,—говаривалъ онъ,—но вѣдь нельзя же ихъ пить, какъ шампанское» *). Судя по всему, Байронъ всю свою жизнь никогда не былъ человѣкомъ вполнѣ здраваго разсудка, что подтверждалось переменчивостью его настроенія, меланхоліей и мизантропіей. Онъ самъ нерѣдко боялся пасть жертвой мозговой болѣзни и, подобно Свифту, «умереть отъ головы». Гейдонъ смотрѣть на его характеръ съ иной точки зрењія. «Я увѣренъ,—говорить онъ,—что излишства Байрона проистекали не отъ испорченности; они объясняются жаждой новыхъ ощущеній, которая давали пищу его размышленію. Послѣ кутежа поэтъ садился поспѣшно въ гондолу и проводилъ всю ночь на водѣ. Однажды на палубѣ греческаго судна онъ пробормоталъ про себя, дотронувшись до ятагана: «Я желалъ бы узнать чувство убийцы!»

Китѣй искалъ забвенія въ пьяномъ бреду, когда его «Эндиміонъ» встрѣтилъ такой неблагопріятный пріемъ со стороны коварной критики; но излишства не прошли ему даромъ, онъ впалъ въ уныніе, граничившее съ отчаяніемъ. Гейдонъ, знаяшій его близко, говорить: «шесть недѣль кряду пилъ онъ почти безъ просыпу и, желая показать,

*) По той же причинѣ Драйденъ, садясь за работу или за сочиненіе, всегда принималъ слабительное и соблюдалъ большую умеренность въ питьѣ и ёдѣ.

какъ надо удовлетворять свои желанія со всей утонченностью, обсыпалъ однажды себѣ языкъ и горло кайенскимъ перцемъ, «чтобъ хорошенько оѣнить восхитительную свѣжесть klarета», по его собственному выражению».

Де-Кенсей и Самюэль Тэйлоръ-Кольриджъ употребляли въ большомъ количествѣ опіумъ. Де-Кенсей оставилъ послѣ себя «Признанія потребителя опіума», быть можетъ, самую живую картину безумныхъ наслажденій и смертельныхъ ужасовъ, связанныхъ съ злоупотребленіемъ этимъ веществомъ. Кольриджъ первоначально прибѣгнулъ къ нему, чтобы заглушить физическія страданія; онъ получилъ облегченіе, но сталъ возвращаться къ опасному средству. Жажда наркоза усиливалась; употребление лѣкарства вошло въ привычку; съ каждой дозой сила сопротивленія уменьшалась, пока наконецъ Кольриджъ уже не могъ обходиться безъ опіума. Онъ поглощалъ его въ невѣроятномъ количествѣ, и это средство ослабило его способности, разстроило его семейную жизнь и въ теченіе четырнадцати лѣтъ почти безпрерывно держало несчастнаго въ самомъ жалкомъ положеніи. Его умъ принялъ болѣзньное направление и лишился устойчивости, память утратила послѣдовательность, а воля была парализована. Въ минуты просвѣтленія его удручало сознаніе своего паденія, но, потерявъ всякую власть надъ собою и рѣшительность, онъ продолжалъ влечь позорныя цѣпи, которыхъ самъ сковалъ. Къ счастью, путемъ напряженныхъ усилий ему удалось, наконецъ, разбить свои оковы и Кольриджъ могъ провести остатокъ жизни въ сравнительно почтѣ, полезнымъ членомъ общества, хотя постоянно чувствовалъ слабость, а его здоровье было неправильно подорвано.

Къ несчастью, пристрастіе къ наркотическимъ средствамъ не умираетъ съ ихъ жертвой, но переходить, какъ наследственная отрава, въ кровь и въ мозгъ слѣдующаго поколѣнія. Сынъ Кольриджа, Гартлей, человѣкъ замѣчательно даровитый, страдалъ склонностью къ крѣпкимъ напиткамъ,

которая омрачила всю его жизнь. Замечательный умъ соединялся у него съ чувствительностью: онъ жилъ мечтами и слѣдовалъ первому побужденію, не будучи въ силахъ сдерживать своихъ желаній, и это испортило ему карьеру. Гартлей «пѣль, какъ херувимъ, а пиль, какъ рыба». Онъ потерялъ свое мѣсто въ Оріельской коллегіи, благодаря незвоздержности. Тутъ молодой человѣкъ взялся за литературу, однако роковой недугъ преслѣдовалъ его. Живя въ Лидѣ и описывая «Лоркширскія достопримѣчательности», онъ пропадалъ на цѣлые дни и даже недѣли. На поиски за нимъ посыпали мальчиковъ изъ типографіи и его обыкновенно находили въ какой-нибудь непріглядной пивной лавочкѣ. Послѣ того Гартлей перебѣжалъ въ страну озеръ, но и это не помогло ему; одинъ изъ лучшихъ друзей пересталъ даже посѣщать его. «Было смѣшно и жалко,—говорилъ онъ,—находить это бѣдное, безобидное созданіе среди самого живописнаго пейзажа въ мірѣ и въ чудную лѣтнюю погоду мертвѣцы пьяными въ десять часовъ утра». Такъ продолжалось до конца. Между тѣмъ Гартлей былъ самымъ любящимъ и милѣйшимъ существомъ. Что онъ вполнѣ сознавалъ свое унизительное состояніе, это видно изъ многочисленныхъ меланхолическихъ жалобъ въ его стансахъ и сонетахъ. Но воля его была парализована. Онъ «зналъ правый путь, а шелъ по дурному»; онъ спѣшилъ на встрѣчу соблазну и подчинялся ему добровольно, какъ малодушная жертва, лишенная способности сопротивленія.

Эдгаръ Алланъ Поэ, живой и причудливый геній, былъ также алкоголикомъ, но, можетъ быть, это обусловливалось его несчастнымъ происхожденіемъ и вебрежнымъ воспитаніемъ. Какъ у Гартлея Кольриджа, отрава могла таиться въ его крови и мозгу, давая ему право на наше состраданіе и жалость вместо суроваго осужденія. Мы никогда не можемъ прослѣдить ближайшихъ, а тѣмъ болѣе первоначальныхъ причинъ, ведущихъ человѣка къ паденію. Мы

видимъ его безумства, но не знаемъ ихъ первоисточника. Мы съываемъ свидѣтелями его заблужденій, но не имѣемъ понятія о томъ, каковы его наслѣдственные слабости. По словамъ Бёрнса, «то, что сдѣлано, мы можемъ отчасти оцѣнить, но не знаемъ того, чѣму человѣкъ воспротивился».

Многіе писатели, работавшіе ради насущнаго хлѣба, ради денегъ или ради пѣвѣтности, страдали иногда въ большей или меньшей степени «недугомъ ученыхъ», *morbis eruditorum*. Онъ совершенно не зависитъ отъ пристрастія къ наркотическими средствами, а является просто слѣдствіемъ мозгового переутомленія. Вѣдь чѣмъ нѣжнѣе инструментъ, тѣмъ легче онъ разстраивается. Даже врачи, хорошо понимающіе, къ чѣму ведетъ переутомленіе мозга, иногда такъ же пренебрегаютъ своимъ здоровьемъ, какъ люди, работающіе изъ-за куска хлѣба. Галлеръ всегда предавался усиленной мозговой работѣ. Онъ жилъ въ своей библіотекѣ, фоль и спаль, не выходя иногда оттуда по цѣлымъ мѣсяцамъ. Биша также сократилъ себѣ жизнь чрезмѣрнымъ усердіемъ къ труду. Его силы были до такой степени подточены, что случайное паденіе на голову жестоко потрясло весь организмъ этого ученаго; послѣ того онъ уже не могъ оправиться и умеръ тридцати одного года.

Физіологъ д-ръ Тоддъ сократилъ себѣ жизнь необычайной предавностью наукѣ. Привыкнувъ вставать въ шесть часовъ утра, онъ посвящалъ два или три часа умственнымъ занятіямъ, послѣ чего наскоро проглатывалъ свой завтракъ и шелъ навѣщать пациентовъ, на что у него уходила большая часть дня. Поздно вечеромъ, совершенно измученный физически, онъ обѣдалъ, а затѣмъ садился работать надъ своей «Энциклопедіей анатоміи и физіологии» или надъ «Физіологической анатоміей и физіологіей человѣка», которые были напечатаны имъ одновременно. Конечно, никакой организмъ не выдержалъ бы такого тѣлеснаго и умственнаго напряженія; мозгъ Тодда былъ переутомленъ,

тѣло оставалось безъ упражненія, а желудокъ обременялся пищей, которой не могъ переварить. И такимъ образомъ этотъ блестящій, полезный дѣятель медицины скончался пятидесяти лѣтъ.

Умственныe работники болѣе всѣхъ прочихъ нуждаются въ отдыхѣ, и всякая попытка возбудить ненормальную дѣятельность мыслительного органа приносить имъ величайший вредъ. Несчастный Гольдсмитъ къ концу жизни совсѣмъ потерялъ сонъ и наконецъ «заснуль непробуднымъ сномъ» на сорокъ пятомъ году отъ рожденія. Его бiографъ разсказываетъ о немъ: «Сонъ покинулъ его, аппетитъ пропалъ, а при томъ состояніи слабости, до которого онъ дошелъ, бессонница сама по себѣ можетъ быть смертельной. Въ этотъ критический моментъ д-ръ Тертонъ сказала своему пациенту: «Вашъ пульсъ въ большемъ беспорядкѣ, чѣмъ надо было ожидать при небольшомъ лихорадочномъ состояніи: спокойны ли вы духомъ?» — Нѣть, не спокоенъ,—меланхолически отвѣчалъ Гольдсмитъ; то были его послѣднія слова».

Бессонница, какъ было сказано выше, есть одинъ изъ видовъ расплаты за мозговое переутомленіе; ее обыкновенно сопровождаетъ угнетенное состояніе духа, часто переходящее въ глубокую меланхолію. Сэръ Исаакъ Ньютона въ письмѣ къ Локку сообщаетъ, что онъ «не спалъ и часа въ ночь двѣ недѣли подъ-рядъ, а пять дней не смыкалъ даже глазъ». Это произошло частично по причинѣ продолжительныхъ занятій знаменитаго ученаго, частично же отъ горя по поводу пожара, уничтожившаго его лабораторію и рукописи. Вследствіе этого удара онъ подвергся времененному помѣшательству, отъ которого, однако, поправился послѣ несколькиx мѣсяцевъ отдыха. Пинель между тѣмъ находилъ, что изученіе точныхъ наукъ предохраняетъ отъ умственного разстройства, конечно, если занятія ведутся правильно и безъ чрезмѣрныхъ усилий. Умственное равновѣсіе легко нарушается чрезмѣрными и

продолжительными научными занятиями, точьё говори, злоупотреблением способностью мышления; забывая умбронность въ умственномъ отношении, мы дѣйствуемъ такъ же опрометчиво и вредимъ себѣ, какъ при тѣлесныхъ излишествахъ.

Недостатокъ естественного отдыха ведеть у нѣкоторыхъ натуръ къ ипохондрии и меланхоліи. Мысли и чувства принимаютъ у нихъ болѣзньное направление, и все окружающее какъ будто заволакивается передъ ними густымъ туманомъ. Чосерь въ своемъ «Снѣ», гдѣ играетъ роль Бланка, герцогиня Глостеръ, рисуетъ себя жертвой нервной меланхоліи, происходящей отъ обычной безсонницы, къ которой примѣщивается болезнь смерти. Блэзъ Паскаль, авторъ «Мыслей», которого Бейль характеризуетъ «какъ одного изъ тончайшихъ умовъ всего міра», до такой степени утомилъ свой мозгъ чрезмѣрными занятиями, что впалъ въ жестокую меланхолію. Ему представлялось, будто бы возлѣ него злаетъ огненная бездна, куда янь рискуетъ упасть каждую минуту. Онъ умеръ тридцати девяти лѣтъ отъ органической болѣзни мозга, что ясно показало вскрытие.

Даже комики и юмористы мучились меланхоліей. Люди, заставлявшіе покатываться съ хохоту театры и цирки, страдали отъ жестокаго унынія. Юмористъ Гофманъ уверялъ, что зло всегда скрывается за видимымъ добромъ и что кончикъ чортова хвоста торчитъ изъ - подъ каждой вещи. Однажды къ знаменитому д-ру Эбернети притащился разслабленный несчастный больной, страдавшій разстройствомъ пищеваренія. Докторъ посмотрѣлъ его языкъ, пощупалъ пульсъ и осведомился о симптомахъ болѣзни. «Вотъ видите ли, — сказалъ этотъ прямодушный врачъ, — я думаю, что у васъ нѣть ничего особеннаго, но вамъ надо встряхнуться, надо быть повеселѣе. Сходите - ка посмотреть этого умника Гриимальди; вотъ, кто заставитъ васъ похохотать отъ души, и это сдѣлаетъ вамъ больше

пользы, чѣмъ лѣкарства». — Увы, — отвѣчалъ пациентъ, — я самъ Гриимальди».

Мольеръ, драматургъ и юмористъ, былъ подверженъ ипохондрии; ту же участъ раздѣляли Тассо, Джонсонъ, Свифтъ, Байронъ, Бехтовенъ и другіе. Немудрено, что Джонсонъ былъ меланхоличенъ. Онъ самъ признавался, что не помнитъ дня, когда бы не страдалъ. Свифтъ съ отвращенiemъ покинулъ домъ Поппа, проведя тамъ нѣсколько дней въ меланхолическихъ бесѣдахъ съ хозяиномъ. Тассо воображалъ себя окруженымъ огненными жалами, ему слышался какой-то небывалый шумъ, свистъ, бряканіе и колокольный звонъ. Какіе терновые вѣнцы обвиваются иногда голову властителей мысли!

Бенвенuto Челлини, Карданъ, Блэкъ, Руссо, Гете, Сведенборгъ, Шелли и Наполеонъ подвергались страннымъ галлюцинаціямъ; даже Галилей подвергался приступамъ ипохондрии, происходившимъ преимущественно отъ безсонныхъ ночей, которая этотъ ученый тѣмъ не менѣе посвящалъ астрономическимъ наблюденіямъ. «Я не могу, — говорилъ онъ, — удержать мой беспокойный мозгъ отъ работы». Однако онъ все-таки дожилъ до семидесяти восьми лѣтъ. Наполеонъ придумалъ отличный способъ избавиться отъ галлюцинацій. Послѣ усиленной работы онъ давалъ себѣ усиленный отдыхъ.

Смоллетъ былъ подверженъ бессонницѣ и страдалъ разстройствомъ пищеваренія, почему и отиравился за границу ради перемѣны воздуха и мѣста. Онъ одинаково страдалъ тѣломъ и душой. Куда бы онъ ни являлся, этотъ человѣкъ видѣлъ вездѣ только себя. Онъничѣмъ не былъ доволенъ, все ему казалось неинтереснымъ. Онъ вѣ находилъ красоты въ Венерѣ Медицейской во Флоренціи, тогда какъ римскій Пантеонъ напоминалъ ему только «обширное мѣсто пѣтушиаго боя, открытое сверху». Онъ вернулся въ Англію и издалъ описание своихъ путевыхъ впечатлѣній. Появленіе въ свѣтѣ этой книги навлекло на него сар-

казмы Стерна въ «Сентиментальномъ путешествіи». «Ученый Смельфунгъ,—рассказывалъ тотъ, — путешествовалъ изъ Булони въ Парижъ, изъ Парижа въ Римъ и такъ, далѣе, но онъ повезъ съ собою спину и желтуху, вслѣдствіе чего каждый предметъ, попадавшійся ему на глаза, обезцвѣчивался и искажался. Онъ воображалъ, что описываетъ видѣнныя имъ достопримѣчательности, на самомъ же дѣлѣ у него получалось описание собственныхъ жалкихъ ощущеній... съ него сдирали кожу живьемъ, на него напускали порчу, его терзали хуже, чѣмъ св. Вареоломел, въ каждомъ городѣ, где онъ останавливался. «Я повѣдаю это миру»,—сказалъ Смельфунгъ.—Повѣдайте это лучше вашему доктору,—возразилъ я».

Поэтъ Куперъ страдалъ самой жестокой мѣланхоліей. Эта болѣзнь, какъ мы уже знаемъ, развилаась у него на почвѣ плохого пищеваренія. «Мой желудокъ,—говаривалъ онъ,—не ладить ни съ какой пищей; нерѣдко даже хлѣбъ съ масломъ раздражаетъ его». Сэръ Джонъ Мекинтошъ говорить о немъ: «Еслибы Куперъ принялъ во вниманіе мнѣніе Бэкона, что апатичные умы не должны слишкомъ рано приступать къ дѣятельности и что чувствительность должна оставаться на заднемъ планѣ, прежде чѣмъ она минуетъ меридіанъ своихъ лѣтъ, тогда вместо того, чтобы стать однимъ изъ несчастнѣйшихъ людей, онъ бы былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ». Замѣчательно то обстоятельство, что въ одинъ изъ промежутковъ между пропадками смертельной тоски Куперъ сочинилъ свое мастерское юмористическое произведение «Потѣшная исторія Джона Джильпина». Веселость какъ будто служила реакцией его печали. Самъ авторъ говорить объ этомъ разсказъ: «Какъ ни страннымъ можетъ показаться, самые веселыя строки, когда-либо написанныя мною, вышли изъ-подъ моего пера въ самомъ печальному настроеніи, и, не будь его, онѣ, пожалуй, никогда не были бы написаны».

Это подтверждаетъ слова Томаса Гуда—пѣвца, также

страдавшаго безсонницей, остроуміе которого изоприлось на оселкѣ мученія:

Нѣть въ мірѣ струнъ, веселостью звучащихъ,
Но каждая изъ нихъ звучитъ тоской.

А по словамъ Китса:

И въ самомъ храмѣ наслажденья
Царить печаль, прикрывъ свое лицо.

Когда «Джонъ Джалльпинъ» Купера появился въ печати — первоначально безъ подписи автора,— актеръ Гендерсонъ объѣздилъ всю Англію, заставляя хохотать многочисленные собравія надъ этимъ произведеніемъ самаго меланхолического изъ людей; среди его слушателей появлялась даже сама великая м-съ Сиддонсъ, которая хохотала до упаду и громко аплодировала артисту.

Джонъ Личъ, художникъ, рисовавшій карикатуры въ Пончѣ, невыносимо страдалъ отъ безсонницы. «Природу, — говорить лордъ Бэконы, — легче всего побѣдить, повинуясь ей». Однако Личъ не повиновался природѣ. Правда, онъ ёздила порою на охоту, но его обычная жизнь заключалась въ трудѣ. Онъ продолжалъ работать и послѣ предостереженія врача, который настаивалъ на томъ, что его организмъ требуетъ отдыха. Художника мучила крайняя нервная раздражительность, при которой малѣйший шумъ обращался для него въ пытку. Предметомъ самыхъ злыхъ карикатуръ этого страдальца были шарманщики, навлекавшіе на себя въ газетѣ «Times» жестокія нападки и съ стороны Бебеджа. Художникъ и писатель одинаково не выносили уличныхъ шарманокъ, какъ (по обыкновенію) разстроенныхъ, такъ и не разстроенныхъ. Трудно представить себѣ, какое мученіе причиняютъ они людямъ, мозгъ которыхъ работаетъ свыше своего нормального предѣла. Болѣзнь сердца, вызванная нервной раздражительностью, постигла бѣднаго Лича. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ рисовать, потому что главнымъ источникомъ его заработка были заказы изъ еженедельныхъ журналовъ.

Этотъ несчастный никогда не отдыхалъ и умеръ за работой. Его послѣдняя карикатура въ «Пончѣ» появилась въ день его похоронъ *).

Поэты Китсъ и Шелли были оба подвержены писательскому недугу. Когда Китсъ писалъ «Эндиміона», то рассказывалъ одному изъ своихъ друзей: «Цѣлый мѣсяцъ день за днemъ трудился я надъ моей поэмой и однажды почувствовалъ такое изнеможеніе, что въ моей головѣ не являлось уже ни риѳмъ, ни мыслей, и я былъ вынужденъ прервать работу на нѣсколько дней... Вместо поэзіи въ моемъ мозгу происходила какая-то сутолока, и я испытывалъ всѣ послѣствія умственного излишества: упадокъ духа и тревожное желаніе продолжать свою работу, не имѣя на это силъ». Шелли также страдалъ крайней болѣнной чувствительностью, которая усиливалась чрезмѣрнымъ питьемъ чаи, когда онъ сочинялъ своего «Освобожденного Прометея». Въ это время онъ писалъ одному другу: «Порою мои чувства мертвены и притуплены, а иногда возбуждены до такого неестественного и обостренного состоянія, что, напримѣръ, я различаю листики травы и сучья отдѣленныхъ деревьевъ съ микроскопическою ясностью, точно они стоять у меня передъ глазами. Позднѣ вечеръ мною овладѣваетъ летаргія, безжизненность, и я часто лежу цѣлыми часами на софѣ между сномъ и бодрствованіемъ, страдая невыносимой раздражительностью мышленія».

По словамъ французского доктора Фернеля, «а capite fluit omne malum»—отъ головы проистекаетъ все зло. Усиленная работа вызываетъ по большей части приливъ крови къ головѣ. Метастазіо, сѣвъ однажды писать, почувствовалъ, какъ кровь ударила ему въ голову. «Я побагровѣлъ

*.) Хотя Лицъ умеръ пятидесяти семи лѣтъ отъ грудной жабы, но эта болѣнь вѣроятно перепала въ мозгу, какъ у Джона Гентера, Белла, д-ра Арнольда, Кроми, Дугласа Джеррольда, Маколея и Робертсона, умершихъ отъ того же недуга.

въ лицѣ, точно пьяный,—говорить онъ,—и поневолѣ оставилъ работу». Въ состояніи высшаго напряженія самое неизначительное излишнее усиленіе мозга можетъ повлечь за собою опаснѣйшія послѣдствія. Мальбранцъ подвергся же стокому припадку сердцебіенія, прочитавъ въ первой разъ сочиненіе Декарта «О человѣкѣ». Поэтъ Сантейль такъ сильно обрадовался, когда нашелъ, наконецъ, фразу, которую долго искалъ, что моментально помѣшался. Шенестопъ писалъ одному другу: «Вѣроятно, вамъ уже известно, что моя лихорадка имѣть преимущественно ипохондрическій характеръ и придаетъ моимъ первымъ такую обостренную чувствительность, что, размыслия даже о довольно безразличныхъ предметахъ, я дохожу до головокруженія — чуты было не сказалъ: до апоплексіи, потому что, навѣрно, я часто бываю къ ней близокъ». Свифтъ большую часть жизни страдалъ писательской болѣзнью, которая проявлялась пошатываніемъ, головокруженіемъ, шумомъ въ ушахъ, дрожаніемъ членовъ и головными болями, постоянно сопровождавшимися разстройствомъ пищеваренія. Онъ въ подробности описалъ эти симптомы въ письмахъ и дневникахъ. По свидѣтельству д-ра Уильда, это описание сдѣлано весьма точно, и онъ въ первый разъ встрѣчаетъ случай мозговой болѣзни, обнимавшій періодъ свыше пятидесяти одного года.

Томасъ Гудъ подвергся сильнѣйшимъ болѣзняеннымъ пріпадкамъ передъ самымъ выпускомъ въ свѣтъ одного изъ его произведеній. Такъ сомнѣніе, тревога и страданія омрачаютъ самыя свѣтлые минуты геніальныхъ людей. «Часто ходить кувшинъ по воду,—говорить пословица,—тамъ онъ и сломить себѣ голову». Д-ръ Элліотъ, лѣчившій Гуда, слѣдующимъ образомъ описывалъ его болѣзнь въ письмѣ къ м-су Гуду: «Въ послѣдніе годы вашъ мужъ сталъ хворать сильно, благодаря характеру его занятій — въ силу необходимости, какъ я понимаю, во всякое время продолжать литературную работу, чтобы она была готова къ назна-

ченному сроку. Значительное и безпрерывное возбуждение при такомъ насилиственномъ напряженіи, а вдобавокъ недостатокъ сна и покоя вызывали у больного тревожное состояніе, упадокъ духа и физическое изнеможеніе, что обусловливало новые приступы болѣзни и довело его до такого разстройства, что онъ былъ совершенно неспособенъ ни къ какому умственному усилию. Между тѣмъ сознаніе необходимости и безотлагательности литературной работы дѣлаетъ окончательно бесплодными всѣ старанія больного. Вы вѣроятно замѣтили, что эти опасные припадки начались въ періодъ, предшествовавшій выходу въ свѣтъ его книгъ. Вы видѣли, какъ сокрушала его борьба, доводи до края могилы повторявшимся кровохарканьемъ, сопряженнымъ съ сердцебіеніемъ».

Битти, авторъ «Опыта объ истинѣ», говорилъ, что онъ никогда не рѣшался читать своиъ сочиненія послѣ ихъ напечатанія. Одинъ изъ его друзей просматривалъ и исправлялъ за него корректурные листы. «Эта работа, — объясняетъ Битти, — съ теченіемъ времени стала производить ужасное дѣйствіе на мою нервную систему и теперь я не могу читать того, что писалъ раньше, безъ некотораго чувства боли, потому что это напоминаетъ мнѣ ужасъ, который я испытывалъ порою, проведя длинный вечеръ за труднымъ изученіемъ данного предмета». Не приводя безчисленныхъ прочихъ случаевъ, достаточно будетъ остановиться на примѣрѣ сэра Вальтера Скотта, который къ концу жизни сдѣлался жертвой «болѣзни ученыхъ».

Отъ природы этотъ писатель былъ здороваго тѣлосложенія. Хотя онъ слегка хромалъ и, занимаясь юридической практикой, вель сидачій образъ жизни, однако укрѣпилъ свое здоровье постоянными прогулками по предмѣстямъ Эдинбурга и поездками въ горную Шотландію. Его первые поэтические труды служили ему скорѣе источникомъ наслажденія, чѣмъ материальной пользы. Лишь послѣ выхода въ свѣтъ «Веверлея» В. Скоттъ на сорокъ третью

году съ большей исключительностью посвятилъ себя литературѣ. Если бы онъ ограничилъся литературнымъ поприщемъ, то, вѣроятно, достигъ бы преклоннаго возраста и, конечно, вѣль бы болѣе счастливую жизнь. На бѣду онъ сдѣлался пайщикомъ издательской фирмы Беллентайнъ и К° въ Эдинбургѣ, при чёмъ запутался во всевозможныхъ затрудненіяхъ.

Успѣхъ «Веверлея» былъ такъ громаденъ, что авторъ принялъ выпускать свои романы съ поразительной быстро-той. «Гай-Меннерингъ», «Антиварій» и «Разсказы трактирщика» быстро слѣдовали одинъ за другимъ, пока на сорокъ шестомъ году романистъ не подвергся жестокому приступу желудочныхъ судорогъ. Больнь уступила серьезному лѣченію съ кровопусканіемъ, мушками, приемами опіума и проч., но слабость не проходила. «Онъ не могъ ни двигаться отъ слабости и головокруженія, ни читать отъ мельканія въ глазахъ, ни слушать отъ свищащаго звука въ ушахъ, ни даже думать за неспособностью сбратиться съ мыслями».

Немного оправившись, Вальтеръ-Скоттъ принялъ за «Робъ-Роя», котораго писалъ при безпрерывныхъ боляхъ. Постройка Эбботсфорда началась и требовала много денегъ. «Сердце Мидлотіана» было уже написано, и Вальтеръ Скоттъ приступилъ къ «Ламермурской невѣстѣ», когда его занятія были снова прерваны возобновленіемъ желудочныхъ судорогъ, осложнившихся еще желтухой. Тѣмъ не менѣе онъ кончилъ «Ламермурскую невѣсту», написавъ почти весь этотъ романъ, одно изъ самыхъ дивныхъ своихъ произведеній, какъ и «Легенду о Монтрозѣ» и «Айвенго», подъ дѣйствиемъ опіума и бѣлены—веществъ, сильно угнетающихъ мозгъ. Неутомимый труженикъ продолжалъ издавать около двѣнадцати томовъ въ годъ, но подобное мозговое напряженіе оказалось бы не подъ силу никакому человѣческому организму. Д-ръ Эберкромби, выговаривая своему пациенту за то, что онъ береть на себя непосиль-

ную умственную работу, прибавилъ: «Право, сэръ Вальтеръ, вамъ не слѣдуетъ такъ надрываться».

Больной отвѣчалъ ему на это:

«Послушайте, докторъ, это все равно, если бы служанка Молли, поставя котель на огонь, сказала ему: «котель, котель, не кипи!»

И Вальтеръ Скоттъ продолжалъ работать съ прежними надеждами и веселостью. Между тѣмъ конецъ приближался, и онъ первый почувствовалъ это. Пятидесяти четырехъ лѣтъ романистъ писалъ въ своемъ «Дневникѣ», какъ будто предвидя свое скорое удаленіе изъ міра: «Подводите итоги и доброй ночи, сэръ Вальтеръ, къ шестидесяти годамъ! Мнеъ все равно, только бы оставить незапятнанное имя и устроить семью. *Sat est vixisse*. Немного спустя, онъ сознался, что тронуть писательскимъ недугомъ, хотя болѣзнь уже давно давала о себѣ знать. Онъ такъ описываетъ ее:

«Признаки *Morbis eruditiorium*, которой я, однако, такъ же мало подверженъ, какъ большинство людей, и которая теперь у меня проходитъ, заключаются въ дрожаніи головы, гдѣ съ болю бываютъ жилы, въ склонности къ безпричинной тревогѣ, въ разслабленіи членовъ и упадкѣ умственной силы и дѣятельности. Кровеносные сосуды становятся вялыми и болять, а умъ склоненъ поддаваться мрачнымъ предчувствіямъ. Борьба съ этими врагами не есть лучшее средство побѣдить его. Я нахожу, что моціонъ и чистый воздухъ дѣйствуютъ лучшіе разсужденій».

Три недѣли позже Вальтеръ Скоттъ сдѣлалъ слѣдующую отмѣтку въ своемъ «Дневникѣ»: «Сильно встревоженъ. Я гулялъ до полудня съ Росселемъ и Скивомъ, а потомъ сѣлъ писать «Вудстока». Къ моему ужасу и удивленію я не могъ ни водить перомъ, ни понимать написанного; я перепутывалъ слова и у меня выходила безмыслица. Въ то же время мною овладѣло изнеможеніе, самъ не знаю, от-

чего... Былъ принужденъ отказаться на сегодня отъ письменной работы и вместо того читалъ «Пепита». Не ограничиваясь сочинениемъ «Вудстока», романистъ долженъ былъ написать статью о «Дневникѣ Пепита» для Quarterly Review. Такимъ образомъ онъ продолжалъ писать и поправлять. Констебль и Беллентайв обанкротились, ихъ векселя ничего не стоили, и Вальтеръ Скоттъ старался заплатить свои долги, для чего сталъ писать «Жизнь Наполеона Бонапарте».

Ни страданія печени, ни сердцебіеніе, ни безсонница, ни истерические приступы, ни нравственное угнетеніе не могли остановить его. «Не знаю,—говорилъ писатель,—истощилось ли мое воображеніе, но, по крайней мѣрѣ, моя работоспособность не уменьшилась за эту печальную неделю... Такія битвы для многихъ кончались смертью; я думаю, меня постигнетъ та же участь. Пускай! За то съ подвѣтренной стороны небо проясняется, и мы поплывемъ дальше... Я чувствую, что если бъ попалъ въ одиночное заключеніе и не могъ бы пользоваться моціономъ, вѣработать, то черезъ полгода сдѣлался бы сумасшедшимъ или идиотомъ».

Наконецъ романистъ вздумалъ путешествовать; однако, это не принесло ему пользы; мозговое возбужденіе не прекращалось. На пятьдесятъ девятомъ году съ нимъ сдѣлался первый апоплексический ударъ; однако это предостереженіе не подействовало. Едва оправившись, Вальтеръ Скоттъ приступилъ къ продолженію «Писемъ о демонологии» и «Сказокъ дѣда». Врачи настоятельно совѣтовали ему не утруждать своего мозга, но ихъ совѣты пропали даромъ. Въ слѣдующемъ году ударъ повторился сильнѣе прежняго. Тѣмъ не менѣе, не успѣвъ хорошошенько оправиться отъ него, пациентъ взялся за «Графа Парижскаго» только для того, чтобы блеснуть послѣдними вспышками угасавшаго генія. Послѣ выборовъ въ Роксбургширѣ, гдѣ его забаллотировали и освистали, какъ «тори», Вальтера Скотта въ

третій разъ разбіль параличъ *). И все же, едва къ нему вернулась способность рѣчи, онъ прежде всего потребовалъ работы. «Я долженъ бѣхать домой работать, пока еще день, потому что приходитъ ночь, когда никто не можетъ работать. Я вѣльѣ вырѣзать этотъ текстъ много лѣть назадъ на циферблать моихъ часовъ, но часто его поученіе пропадало даромъ». Съ того времени мозгъ писателя постепенно разрушался: Вальтеръ Скоттъ былъ увезенъ за границу почти въ безпомощномъ состояніи. Въ Неаполѣ преобладающая страсть не ослаблялась въ немъ близостью смерти: онъ началъ новый романъ, который никогда не былъ изданъ. На возвратномъ пути его поразилъ четвертый ударъ паралича; однако у Вальтера Скотта достало силъ добѣхать до дому, чтобы тамъ умереть.

Его зять Локгарть умеръ отъ той же болѣзни, развившейся также отъ мозгового переутомленія. Издавая «Quarterly Review», онъ сталъ писать «Жизнь сэра Вальтера Скотта», одну изъ превосходнейшихъ біографій, какія только существуютъ. Однако, такая масса работы оказалась ему не по силамъ. Впрочемъ онъ закончилъ свой трудъ въ семи томахъ; для него это было лишь вопросомъ чести и привязанности къ покойному, потому что авторъ не извлекъ никакой денежной выгоды изъ своего предприятия. Оставивъ издательство журнала, онъ побѣхалъ въ Италію. Вернувшись изъ Рима въ Эбботсфордъ, Локгарть умеръ въ маленькой комнатѣ, смежной съ той, гдѣ испустилъ духъ его знаменитый тестъ.

*) Наполеонъ, страшно боявшійся паралича, спросилъ у своего лейбъ-медика Корвизара, какого онъ имѣлъ объ этой болѣзни. «Ваше Еличество,—отвѣчалъ тотъ,—параличъ безусловно опасенъ, но онъ даетъ предостереженіе, рѣдко поражая свою жертву впезапно. Первый ударъ, почти всегда слабый, пользуясь судебнімъ языкомъ, есть «выговоръ безъ штрафа»; второй—выговоръ со штрафомъ, а третій—арестъ». Смерть самого Корвизара подтвердила точность этого описанія.

Другой жертвой мозговой болезни былъ Соути, замѣчательно трудолюбивый и усидчивый литературный работникъ. Одинъ писатель сказалъ о немъ: «Не было ремесленника въ мастерской, земледѣльца въ полѣ или художника, который началъ бы такъ рано учиться своему дѣлу или трудился бы такъ безпрерывно всю свою жизнь ради одного насущнаго хлѣба, какъ Робертъ Соути». Какъ и для Вальтера Скотта, трудъ сдѣлался для него настоятельной необходимостью. Онъ не могъ оставаться безъ занятій. По словамъ д-ра Арнольда, прилежный поэтъ работалъ даже на ходу; его прогулки теряли значеніе мотіона, потому что онъ во время ихъ читалъ и дѣлалъ замѣтки. Беллетристика—стихи и проза—приносила ему мало выгода; главный заработка онъ получалъ отъ журнала «Quarterly Review». Къ шестидесяти годамъ Соутти былъ уже совершенный старикъ. Память у него ослабѣла, онъ впалъ сначала въ меланхолію, а потомъ и въ дѣтство; его умъ совершенно затмился, и поэтъ умеръ шестидесяти девяти лѣтъ въполномъ помѣшательствѣ.

Джонъ Гольть служить замѣчательнымъ примѣромъ болѣзни ученыхъ въ сочетаніи съ необычайной живучестью. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ писателей по исторіи политической экономіи и беллетристикѣ. Слы измѣнили ему впервые во время издательства Courier'a; аполлексический ударъ заставилъ его на нѣкоторое время прекратить занятія. Поправившись, онъ снова взялся за журналистику. Его врагъ—параличъ возвращался опять и опять; тѣмъ не менѣе Гольть продолжалъ работать и писать до тѣхъ поръ, пока могъ держать перо въ рукѣ; но и долгое время послѣ того, когда несчастный совершенно пересталъ владѣть своими членами, онъ еще диктовалъ своему секретарю. Описаніе паралича, сдѣланное Корвизаромъ Наполеону, не оправдалось на Гольть: третій ударъ не свелъ его въ могилу; онъ умеръ только послѣ четырнадцатаго удара на шестидесятомъ году.

Нервная болезнь подкралась исподтишка и внезапно поразила поэта Гейне въ разгарѣ его литературной дѣятельности; однако ей понадобилось восемь лѣтъ, чтобы убить его. Въ этотъ періодъ онъ мало-по-малу переставалъ владѣть своими членами и высыхалъ, приближаясь къ размѣрамъ ребенка. Однако, при всѣхъ страданіяхъ веселость не измѣняла ему и онъ продолжалъ сочинять до конца жизни. Когда готовилось открытие парижской выставки 1855 года, одинъ пріятель спросилъ больного поэта, какъ онъ себя чувствуетъ. «Мои первы въ такомъ замѣчательномъ состояніи,—отвѣчалъ онъ,—что имъ безспорно была бы присуждена большая золотая медаль за причиняемую боль и мученія, если бъ я могъ показать ихъ на выставкѣ». Гейне читалъ всѣ медицинскія книги, въ которыхъ говорилось о его болѣзни. «Не знаю, какой прокъ для меня въ этомъ чтеніи,—говорилъ страдалецъ,—развѣ только это дастъ мнѣ право на томъ свѣтѣ читать лекціи о невѣжествѣ докторовъ на землѣ, которые ничего не смыслятъ въ болѣзняхъ спинного мозга».

Недугъ достопочтенного Ф. Робертсона изъ Брайтона былъ крайне мучителенъ, особенно къ концу его жизни. При первомъ темпераментѣ и чрезвычайной чувствительности, онъ поперемѣнно то занимался наукой, то говорилъ проповѣди, не набрасывая ихъ предварительно, но надѣясь на вдохновеніе минуты, которое помогало ему не только облекать въ слова свои идеи, но часто и находить послѣднія. Въ результатѣ такой дѣятельности было сильное мозговое возбужденіе послѣ каждой такой импровизированной проповѣди; оно проявлялось безъ сонницей и головной болью, «какъ будто орелъ терзалъ ее когтями», а внослѣдствіи наступила потеря памяти и запутанность мыслей. Робертсонъ жаждалъ отдыха, но продолжалъ работать. Повременамъ на него находили сомнѣнія насчетъ разсудительности своего образа дѣйствія. «Я начинаю склоняться къ мысли,—говорилъ онъ,—что нѣтъ такой обя-

занности, которая давала бы право вредить человѣческой жизни». Но къ нему предъявлялись большія требованія и Робертсонъ уступалъ имъ. Не ограничиваясь проповѣдями, онъ читалъ лекціи. Послѣ своей лекціи о поэѣ Уордсвортѣ въ Брайтонскомъ Атенеумѣ онъ писалъ одному изъ своихъ друзей: «Комната была набита блокомъ, и сотни людей ушли ви съ чѣмъ; съ того дня я страшно страдалъ болью въ головѣ, въ которую стрѣляло такъ внезапно и невыносимо, что я едва удерживался, чтобы не вскрикнуть». Нѣсколько дней спустя проповѣдникъ упалъ на улицѣ въ обморокъ и былъ внесенъ въ аптекарскій магазинъ, но какъ только пришелъ въ себя, то немедленно отправился по дѣламъ. Головные боли не прекращались. «Каждая мысль, которую я обдумываю,— говорилъ онъ,— и каждая строка, написанная или прочитанная мною, причиняетъ мнѣ страданіе въ мозгу, иногда острое, иногда тупое».

Послѣ того Робертсонъ прѣѣхалъ въ Лондонъ посовѣтоваться съ докторами. Они прописали ему множество лѣкарствъ, но лѣченіе не принесло никакой пользы. Тогда онъ обратился къ гомеопату, который назначилъ ему микроскопическія дозы аконита. Четвертый врачъ, самый разсудительный изъ всѣхъ, отказался посовѣтовать ему что-нибудь, кроме полнаго прекращенія проповѣднической и лекторской дѣятельности до конца жизни *).

Однако Робертсонъ не внялъ голосу благоразумія и продолжалъ трудиться съ прежней усидчивостью. Его здоровье постепенно разстраивалось. Однъ изъ его прихожанъ вздумалъ заняться его лѣченіемъ и, воображая, что гальванизмъ принесетъ ему пользу, подвергъ его мозгъ дѣйствію электрическаго тока! «Въ ту же минуту,— разсказываетъ самъ больной,— неизвѣбрная боль пронизала мнѣ голову, точно весь черепъ у меня былъ готовъ разлетѣться вдребезги

*) Тотъ же советъ былъ данъ д-ру Гетри въ Эдинбургѣ, почти при одинаковыхъ обстоятельствахъ; и съѣтъ былъ привѣтъ. Благодаря этому, одна полезная жизнь продлилась еще на многие годы.

и въ него втыкали огненную стрѣлу». Онъ едва опомнился отъ боли, и надо еще удивляться, какъ этотъ безразсудный опытъ не уложилъ его на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе ученый оправился отъ потрясения и продолжалъ трудиться. Наконецъ его разбилъ параличъ и онъ нашелъ желанный отдыkhъ въ могилѣ на тридцать седьмомъ году отъ рожденія. То была краткая, но прекрасная жизнь, полная живыхъ радостей, хотя съ горькой примѣсью болѣзней и страданій. Если бъ Робертсонъ при всей своей учености зналъ кое-что объ условіяхъ физического и умственного здоровья, то никогда не дошелъ бы до невольного самоубийства.

Жизнь литературныхъ тружениковъ полна предостережений, указывающихъ на опасность чрезмѣрной мозговой работы. Сэръ Вальтеръ Скоттъ говоривалъ обыкновенно, что видѣть въ литературѣ скорѣе жезль, чѣмъ костиль. Но пришло время, когда онъ сталъ видѣть въ ней то и другое. «Горе тому, — говорила г-жа де Тансенъ, — кто содержитъ себѣ своимъ первомъ! Башмачникъ обеспеченъ своимъ заработкомъ, писатель же не обеспеченъ ничѣмъ». Кольриджъ въ своей «Литературной біографії» поучаетъ: «Никогда не превращайте литературу въ ремесло; за исключеніемъ одного необыкновенного человѣка, я не зналъ никого, кто былъ бы здоровъ и счастливъ, не имѣя профессіи, т.-е. какого-нибудь правильнаго занятія, не зависящаго отъ минутной прихоти. Деньги и быстрая известность представляютъ только произвольный и случайный результатъ литературнаго труда. Надежда умножить ихъ какимъ-нибудь способомъ часто побуждаетъ къ трудолюбію, но необходимость приобрѣсти ихъ превращаетъ возбуждающее средство въ наркотическое во всѣхъ геніальныхъ работахъ... Если потребуются факты, чтобы доказать возможность сочетанія цѣнныхъ вкладовъ въ литературу съ какимъ-нибудь важнымъ и независимымъ занятіемъ, укажемъ на произведения Цицерона и Ксенофonta между древними, сара Томаса Мора, Бэкона, Бекстера или, переходя къ ближай-

шимъ и нашимъ временамъ, упомянемъ имена Дарвина и Роско, которые могутъ имѣть рѣшающее значеніе въ нашемъ вопросѣ... Не будьте *только* литераторами! Пускай литература будетъ почетнымъ *дополненіемъ* къ вашему гербу, но не составляетъ его гребня и не наполняетъ его щита». То былъ мудрый советъ; однако самъ Колъриджъ не слѣдовалъ ему. Быть можетъ, подъ «необыкновеннымъ человѣкомъ», на которого онъ намекаетъ, авторъ подразумѣвалъ своего сына Соути, которому онъ предоставилъ заботу о своей женѣ и дѣтяхъ, остававшихся въ Кесвикѣ, пока онъ самъ произносилъ блестящіе монологи въ домѣ своего друга Гильмена на Гайтетъ-Гиллѣ въ Лондонѣ. Соути безспорно «занимался литературой, какъ ремесломъ», и хотя она сократила ему жизнь, за то онъ жилъ честнымъ, трудолюбивымъ, добродѣтельнымъ и истинно благороднымъ человѣкомъ.

Маколей, наоборотъ, высказывался въ пользу литературныхъ занятій. Живя въ Индіи, онъ писалъ своему другу Эллпсу (въ 1835 году): «Литература спасла мнѣ жизнь и разсудокъ. Даже теперь между занятіями я не рисую оставаться ни минуты одинъ, не имѣя въ рукахъ книги... Я почти совсѣмъ рѣшилъ бросить политику и посвятить себя литературной дѣятельности, приняться за какое-нибудь крупное историческое сочиненіе, которое было бы для меня одновременно и работой, и развлеченьемъ; удовольствія же спертаго комнатнаго воздуха, безсонныхъ ночей, головныхъ болей и желудочныхъ разстройствъ я хочу предоставить Ребеку и Праду».

Ослабленіе памяти было предостереженіемъ Токвилю, но, погруженный въ свои ученые занятія, онъ не подумалъ объ угрожавшей ему опасности и продолжалъ писать до самой смерти. «Я встаю въ шесть часовъ,—говорилъ онъ, — и шесть часовъ вряду сижу надъ своей бумагой, которая часто остается не исписанной. Иногда мнѣ удается найти, чего я ищу, но съ большимъ трудомъ и не вполнѣ;

иногда же я прихожу въ отчаяніе, не находя рѣшительно ничего. Я бросаю работу, недовольный самимъ собою, а слѣдовательно и всѣмъ прочимъ». Дизраэли старшій былъ подверженъ той же литературной болѣзни: «упадку силь, происходившему отъ умственныхъ занятій и сидячей жизни, ранней и привычной мечтательности, беспокойныхъ и смутныхъ стремлений». Однако, правильный образъ жизни, воздержаніе отъ излишествъ и постоянныя тѣлесныя упражненія дали ему возможность жить и работать до преклонныхъ лѣтъ. Профессоръ Уильсонъ, подобно Вальтеру Скотту, страдалъ недугомъ ученыхъ; ударъ паралича послужилъ ему первымъ предостереженіемъ. Однако, онъ продолжалъ погрѣшному работать, и ударъ повторился на этотъ разъ съ смертельнымъ исходомъ *).

Люди восторженного ума, по словамъ Пинеля, «погибаютъ черезъ свой мозгъ»; таковъ конецъ тѣхъ, которымъ гениальность доставляетъ бессмертіе, служащее предметомъ мыслей желаній множества людей. Дѣйствительно, тяжела расплата за отличіе; оно покупается трудомъ и мозговой работою, дается путемъ самопожертвованія, беспокойства и, зачастую, цѣнной страданій. Гений — достояніе славы, верѣдко бываетъ достояніемъ скорби. «Несчастные великие люди,—говорить Сентъ-Бёвъ въ своемъ «Мемуарѣ о Баланшѣ»,—какъ вы беспомощны въ вашемъ величіи; вы велики, потому что слабы, и слабы, потому что велики! Фи-

*) Списокъ жертвъ паралича и аполлексіи, вызванныхъ мозговымъ переутомленіемъ, былъ бы очень длиненъ; приведемъ нѣкоторыя изъ болѣе знаменитыхъ имень: Конерикъ, Мальфінгъ, Липпей, Чезельденъ, Споланцави, Кабавистъ, Корвізартъ, Дюпонтреаъ, Лабрюйеръ, Добантонъ, Мармонтель, Монжъ, Кювье, Фуркруа, Гендель, Глюкъ, Гоббсъ, Дьюгалть, Стюартъ, Монбиддо, Дефо, Сведенборгъ, Річардсонъ, Доллонть, Дэльтонъ, Уоллестонъ, Св. Францискъ де-Саль, Петrarка, Битти, Томъ Муръ, Мендельсонъ, Гейне, Порсонъ, Керреть, Гаррикъ, сэръ Г. Дэви; сэръ В. Скоттъ, Локартъ, Уильсонъ, Тегнеръ, сэръ Гамильтонъ. Но нѣкоторыя изъ этихъ лицъ дожили, однако, до преклонныхъ лѣтъ.

лософы или поэты, мыслители или пѣвцы, не добивайтесь первенства между своими собратьями, не выдѣляйте себя изъ ихъ числа, не кичитесь... Окровавленный жилы послужили первыми струнами лиры, онъ будуть также и послѣдними. Только потому, что онъ былъ надтреснутъ, колосъ Мемнона могъ издавать музыкальные звуки при восходѣ солнца».

Правда, все на свѣтѣ недолговѣчно. Жизнь проходить быстро, а смерть является скоро и неизбѣжно. Послѣ этого къ чему добиваться литературного образованія? Что такое блескъ и слава? Легкій шумъ въ ничтожномъ уголкѣ земного шара, «плескъ въ стоячей водѣ забвенія», «воображенное существованіе въ устахъ другихъ». Что такое красота? Роза, цвѣтущая только одинъ день. А здоровье? Благо, котораго вы можете лишиться каждую минуту. Молодость и сила? Сокровища, ежедневно снѣдаемыя временемъ. Впечатлительные умы невольно размышаляютъ о скоротечности всѣхъ человѣческихъ радостей. Горькая дума омрачаетъ все самое лучшее и свѣтлое,—это помысль о крайнемъ ничтожествѣ человѣка въ необъятности міра, въ которомъ онъ живетъ. Какъ ничтожна та частица времени, которую занимаетъ его жизнь въ безпредѣльной вѣчности, и какъ безконечно мало то, что онъ знаетъ или что можетъ узнать сравнительно съ той обширной областью познанія, которая должна остаться для него совершенно невѣдомой!

Тѣмъ не менѣе мужчины и женщины обязаны развивать способности, вѣренныя имъ. «Что такое человѣкъ, если его высшимъ благомъ и отличиемъ его времени будуть только сонъ и пища? — Звѣрь, не болѣе того. Безъ сомнѣнія, Тотъ, Кто создалъ насъ съ столь обширнымъ разсудкомъ, смотрящимъ впередъ и назадъ, даровалъ намъ эту способность и божественный разумъ не съ тѣмъ, чтобы мы оставляли ихъ втуны».

Каждую способность, какъ духовную, такъ и тѣлесную,

необходимо упражнять надлежащимъ образомъ. Мы непремѣнно должны имѣть нѣкоторое понятіе о естественныхъ условіяхъ жизни. Безпристрастное наблюденіе и нѣкоторое знакомство съ физиологіей дадуть возможность мыслителю—будь онъ поэтъ, писатель или философъ — заниматься своимъ дѣломъ съ удобствомъ и безнаказанностью. Пинель полагалъ, что изученіе точныхъ наукъ, съ соблюденіемъ извѣстной умѣренности, укрѣпляя умъ, предохраняетъ его отъ разстройства. Его мнѣніе подтверждается статистикою долговѣчности. Умѣренность надо соблюдать во всемъ — «aurea mediocritas», «золотую середину», такъ высоко превозносимую Горациемъ. Хорошій характеръ необходиамъ почти не меныше умѣренности. При такихъ условіяхъ человѣческая жизнь можетъ быть полезной и продолжительной.

Суды (обыкновенно обезпеченные доходомъ), духовныя лица и философы *) живутъ дольше всѣхъ; за ними слѣдуютъ купцы и садоводы, а далѣе хирурги **) и мясники. Короче всѣхъ жизнь мельниковъ, пекарей, каменотесовъ и патентованныхъ поставщиковъ сѣстныхъ припасовъ. Д-ръ Гэй читалъ докладъ въ недавнемъ засѣданіи статистическаго общества и указывалъ въ немъ, что средняя продолжительность жизни девяти главныхъ латинскихъ поэтовъ равнялась пятидесяти тремъ годамъ, а девяти главныхъ англійскихъ поэтовъ—сорока двумъ. Женщины (если они не работаютъ ради насущнаго хлѣба и не слишкомъ обременены дѣлами) въ общемъ оказываются долговѣчнѣе мужчинъ, а женатые мужчины долговѣчнѣе холостяковъ. Долговѣчность является обыкновенно плодомъ доброй прав-

*) На одномъ изъ засѣданій лондонскаго Линнеевскаго общества (въ 1839 году) сообщалось о смерти его шестнадцати членовъ, средній возрастъ которыхъ равнялся 73-мъ годамъ.

**) По замѣчанію Вольтера, среди столѣтнихъ стариковъ не было ни одного врача. Одинъ король Франціи похоронилъ сорокъ лейб-медиковъ.

ственности; на самомъ дѣлѣ физическое и нравственное здоровье такъ же тѣсно связаны между собою, какъ тѣло и душа, и долголѣтие находится въ прямомъ отношеніи къ удобству и счастію человѣческой жизни.

Вредъ умственного возбужденія и чрезмѣрной мозговой работы значительно усилился въ послѣднее время слицкомъ высокими требованіями школы. Монтень говоритъ: «Какъ много видѣлъ я на своемъ вѣку людей, совершенно отупѣвшихъ, благодаря непомѣрной жаждѣ знанія». Теперь только и слышишь рѣчей, что «о воспитаніи», но подъ этимъ словомъ подразумѣвается только книжная наука. «Читай, читай!» точно Господь не далъ намъ тѣла вмѣстѣ съ мозгомъ, чтобы заботиться о немъ и развивать его! Мальчики и дѣвочки рвутся въ школу. Между учителями возникаетъ страшное соревнованіе, потому что заработокъ ихъ зависитъ отъ «результатовъ». Обученіе происходитъ на скорую руку, и самый нѣжный изъ органовъ — мозгъ заставляютъ производить въ одинъ мѣсяцъ больше работы, чѣмъ онъ можетъ осилить въ цѣлый годъ. Нѣкоторые на школьныхъ экзаменахъ дѣйствительно оказываются «феноменами» и получаютъ награды; но чему подвергается при этомъ здоровье, которое важнѣе всякихъ наградъ? Если оно не подорвано въ конецъ непосильнымъ возбужденіемъ, все-таки первые ученики иногда становятся на всю жизнь инвалидами, а иногда разстраиваютъ свои умственные способности.

Мнѣніе, будто-бы успѣхъ на экзаменахъ служитъ ручательствомъ въ томъ, что мальчикъ не пропадетъ и въ практической жизни, совершенно ошибочно. Мы уже видѣли, что многіе изъ наиболѣе знаменитыхъ людей слыши тупицами и отсталыми въ школѣ. Лорда Кокберна довели почти до тупоумія беспрестанными тѣлесными наказаніями. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что не довѣряетъ первымъ ученикамъ и ждетъ большаго отъ тупицъ. Въ самомъ дѣлѣ неспособный мальчикъ или начавшій учиться поздно,

вследствіе чего онъ имѣлъ болѣе времени вырасти и развить свои физическія силы, быстро обгоняетъ на жизненномъ поприщѣ тѣхъ, которые стояли выше него въ школѣ. Пусть лучше мозгъ остается невоздѣланымъ, чѣмъ будешь переутомленъ цѣною здоровья, котораго не воротишь. Экзамены суть алтарь Молоха, на которомъ современные родители приносятъ въ жертву своихъ дѣтей. Публичные акты и стипендіи подстрекаютъ энергию учащихся, но когда они все «прошли» и всего добились, къ чему это приводить ихъ? Эти триумфаторы часто превращаются въ жалкихъ, изнуренныхъ субъектовъ. Очень немногіе юноши и девушки выдерживаютъ чрезмѣрное напряженіе въ школѣ. Особенной непрочностью отличаются «феномены», подтверждая пословицу: «что скоро созрѣло, то скоро и сгнило».

«Молодые люди, кончавши первыми университетскій курсъ,—говоритъ епископъ Рипонскій,—и достигавши отличія на жизненномъ поприщѣ, поражали своей хилостью, малымъ ростомъ сравнительно съ студентами, учившимися плохо. Причина тому заключается прежде всего въ излишнемъ обремененіи учебной программой. Конечная цѣль воспитанія есть подготовка человѣка къ практической дѣятельности по возможности при самомъ полномъ обладаніи своими способностями. Вся учебная дрессировка оказывается бесполезной безъ развитія энергіи, потому что въ образованномъ умѣ мало проку тому, кто не умѣеть управлять имъ, какъ слѣдуетъ».

Сравнительная непригодность оцѣнки людей на основаніи университетскихъ экзаменовъ была доказана при назначеніяхъ на гражданскую службу въ Индію въ восьмидесятыхъ годахъ. Здоровье, физическое развитіе, тѣлосложеніе, способное выдержать тропической климатъ, не были приняты во вниманіе, и молодые люди съ высшими учеными отличіями посль продолжительныхъ экзаменовъ опредѣлялись гражданскими чиновниками въ Индію. «Въ Бомбѣ,— говорилось въ офиціальномъ донесеніи,—несостоятель-

ность этой системы обнаружилась вполне со времени учреждения конкурсныхъ испытаний для чиновниковъ; изъ сотни лицъ, назначенныхъ въ президенство, девятеро умерло, а двое были принуждены выйти въ отставку вслѣдствіе хилости; еще десять человѣкъ оказались совершенно неспособными къ службѣ по причинѣ физической слабости; двое другихъ были уволены за неспособностьѣздить верхомъ и за неуклюжесть, а восьмь заслужили настоящимъ помѣшательствомъ... Эти случаи умственного разстройства почти всѣ зарегистрированы въ послѣдніе годы, когда требованія на конкурсныхъ экзаменахъ были такъ повышены».

Невольно приходишь въ ужасъ при видѣ траты жизненныхъ силъ, тѣлеснаго и умственнаго здоровья, вызываемой налогомъ на кровь и мозгъ при состязательныхъ испытаніяхъ. Вместо воспитанія, укрепляющаго умъ и тѣло для практической дѣятельности, закаляющаго характеръ навыкомъ и дисциплиной, обогащающаго умъ полезными и практическими свѣдѣніями, развивающаго мужество, терпѣніе, настойчивость въ достижениіи цѣли и физическую выносливость, какъ основу для практическаго примѣненія этихъ важныхъ нравственныхъ качествъ, воспитаніе юношества, какъ оно ведется теперь, представляется скорѣе торопливымъ набиваніемъ головы известными научными данными, расчитанными только на то, чтобы выдержать состязательный экзаменъ, во сравнительно безполезными въ дѣловой практикѣ.

Между тѣмъ, если мозговое переутомленіе вредно для мальчиковъ и юношей, то тѣмъ вреднѣе оно для дѣвочекъ и дѣвушекъ. Теперь страшная мода на состязательную систему женского образованія. Женская молодежь также приносится въ жертву на алтарѣ экзаменовъ. Но что отсюда получается? Силы дѣвушекъ часто подламываются и здоровье ихъ разстраивается на всю жизнь. Дѣйствительно, женская организація вовсе не соответствуетъ такимъ жертвѣ-приношеніямъ. Женскій мозгъ, сложеніе, отправленія со-

вершенно не таковы, какъ у мужчинъ, такъ же какъ и обязанности, лежащія на женщинахъ, представляютъ почти противоположность мужскимъ. Надо удивляться выносливости девушки при такомъ нерациональномъ способѣ обучения, хотя школьная премудрость достается имъ ужасной ценой. Онѣ какъ будто превращаются въ одни нервы; переутомленный мозгъ сжигаетъ ихъ тѣло, и именно тотъ процессъ, которымъ воспитатели стараются усовершенствовать расу, грозитъ ей вырождениемъ.

Професоръ Морисъ указалъ на эту опасность на засѣданіи соціально-научнаго съезда въ Бристоль въ 1869 году. Говоря о теперешней экзаменаціонной системѣ, онъ доказывалъ, что она подрываетъ физическую, умственную и нравственную жизнь молодыхъ людей и причинить еще больше вреда молодымъ девушкамъ, если для нихъ сдѣлаются доступными всѣ привилегіи сильного пола. Родители и врачи одинаково жалуются на потерю физической энергіи, слабость нервовъ, которая замѣчается въ молодыхъ людяхъ, какъ выдержавшихъ экзамены, такъ и провалившихся на нихъ. По словамъ профессора, «эта болѣзнь принимаетъ весьма опасные размѣры». Однако, онъ не могъ убѣдить никого взглянуть на нее достаточно серьезно или указать ему какое-нибудь цѣлительное средство. Между тѣмъ болѣзnenность молодежи усиливается, а люди ошибочно смотрятъ на это, какъ на неизбѣжное зло.

Но такое преждевременное насилиованіе ума не должно считаться неизбѣжнымъ зломъ. Когда природа возстаетъ противъ него, разсудительнымъ людямъ слѣдуетъ поспѣшить къ ней на помощь. Врачи протестуютъ противъ переутомленія учащихся, и на ихъ слова надо обратить надлежащее вниманіе. Воспитательная дисциплина во всѣхъ отношеніяхъ должна быть подготовкой къ жизненнымъ обязанностямъ, а «набивавіе головы» эфемерными познавіями или голыми фактами, которые скоро забываются, никакъ не можетъ способствовать радостямъ и благамъ семейной

жизни. Что же касается вопроса о томъ, могутъ ли женщины замѣнить мужчинъ на поприще практической дѣятельности, становясь моряками, солдатами, хирургами, адвокатами или выступая на поприща другихъ профессій, то обѣ этомъ, въ серьезномъ смыслѣ, не можетъ быть и рѣчи.

Женщины недостаточно сильны, чтобы нести тяжелый мускульный трудъ, а тѣмъ менѣе тяжелую умственную работу, которая еще изнурительнѣе. При болѣе крѣпкомъ сложеніи учащіеся мужскаго пола могутъ одолѣть такое количество умственного труда, какое совершенно не подъ силу болѣе нѣжной женской организаціи. И каковы бы ни были результаты состязательныхъ экзаменовъ для дѣвушекъ въ смыслѣ достиженія ими общественнаго и професіональнаго равенства съ мужчинами, можно безошибочно сказать, что первыми послѣдствіями ихъ будетъ значительное увеличеніе первыхъ и мозговыхъ болѣзней, хореи *), истеріи, которая влекутъ за собою разстройство жизненныхъ отправленій и полную разслабленность.

Что и безъ торопливаго набиванія головы всевозможными познаніями и безъ соревнованія могутъ пробудиться высшія умственные способности женщины, это доказы-

*.) Въ числѣ результатовъ принудительнаго воспитанія первая болѣзнь, называемая хореей или пляской Св. Витта, распространяется весьма быстро. Д-ръ Стѣрджисъ въ медицинскомъ журналь «Ланцетъ» отъ 15-го января 1887 года сообщаетъ, что изъ всѣхъ случаевъ хореи, прошедшихъ въ минувшемъ году черезъ его руки въ большомъ Ормондстритскомъ госпиталѣ, болѣе трети были несомнѣннымъ слѣдствіемъ школьнаго ученія. Свыше половины случаевъ приходилось на женскій полъ вслѣдствіе меньшаго объема женскаго мозга и болѣе нѣжной организаціи у женщинъ. «Судя по очевиднымъ доказательствамъ, — говоритъ д-ръ Стѣрджисъ, — причиною этой болѣзни являлось слѣдующее: 1) переутомленіе въ школѣ, благодаря продолжительности и трудности уроковъ; 2) мозговое возбужденіе, въ особенности во время экзаменовъ; 3) домашніе уроки, при чѣмъ учащіеся не пользуются собственно домашней жизнью или домашнимъ отдыхомъ; 4) тѣлесныя наказанія и взысканія иного рода, въ особенности не заслуженныя».

ваетъ исторія м-съ Соммервиль, урожденной Ферфаксъ. Въ дѣтствѣ она отличалась живостью и веселостью, постоянно рѣзвилась на свѣжемъ воздухѣ и потому была здорова. Отецъ ея находился въ дальнемъ плаваніи, а мать учила дѣвочку читать библію. Она работала въ саду, сажала гвоздику, подрѣзывала яблони и занималась прививкой розъ. По возвращеніи домой, отецъ былъ неизрѣдно пораженъ, найдя свою девятилѣтнюю дочь такимъ «дичкомъ». Между тѣмъ она была добрая и здоровая дѣвочка. По волѣ отца ее отдали въ пансионъ, съ порядками котораго она не могла примириться. Однако правильное воспитаніе принесло ей пользу. По возвращеніи къ родителямъ, дочь оказалась очень усердной и трудолюбивой; она обшивала семью, будучи искусной рукодѣльницей. Она сама шила и чинила свои платья, вставала рано поутру, чтобы поиграть на фортепіано, и рисовала въ часы досуга. Она научилась стряпать, наблюдала за молочными скопами и ко времени своего замужества была превосходной хозяйкой.

Ея первый мужъ, Грей, не поощрялъ ея любознательности, но второй мужъ, Соммервиль, руководилъ ею въ научныхъ занятіяхъ своими указаніями. М-съ Соммервиль изучила ботанику, когда кормила ребенка. У нея находилось время и для наблюденія звѣздъ, тайны которыхъ она объясняла впослѣдствіи другимъ. Между прочимъ она познакомилась и съ Эвклидомъ. Не лишая семью своихъ заботъ, она посвящала наукѣ только тѣ часы, которые другія женщины въ ея положеніи теряютъ на болтовню и развлечения. Наконецъ она написала книгу — подъ шумъ и болтовню своихъ дѣтей — «О механизмѣ неба». Этотъ первый вкладъ въ науку былъ сдѣланъ ею на тридцать восьмомъ году жизни по настоянію лорда Брума. Достойно замѣчанія, что удивительные умственные способности м-съ Соммервиль, хотя и развившіяся поздно, сохранили свою свѣжестъ и живость до конца; уже восьмидесяти лѣтъ она подарила миру свое послѣднее произведеніе «О молекулярной

и микроскопической наукъ». Впрочемъ, такія личности представляютъ исключение. Настойчивое прилежаніе, кропотливое трудолюбіе и продолжительное умственное напряженіе, необходимыя при изученіи отвлеченныхъ наукъ, рѣдко встречаются у мужчинъ, не говоря уже о женщинахъ.

ГЛАВА VII.

ЗДОРОВЬЕ.—ПРИСТРАСТИЯ.

Здоровье—великое дѣло, какъ для того, кто имъ пользуется, такъ и для другихъ. Развѣ оно не означаетъ гармонію? Развѣ оно не есть слияніемъ всего справедливаго, благоустроеннаго, доброго? Развѣ оно, въ чѣмъ-то другомъ смыслѣ, какъ показываетъ опытъ, не представляетъ конечнаго итога всего, что есть въ мѣрѣ цѣннаго? Здоровый человѣкъ есть самое достойное произведеніе природы. Хорошо иметь здоровое тѣло; но истинно здоровая душа—то, о чёмъ мы должны молить болѣе всего, потому что это высшее благо, какое только земля можетъ получить отъ Небесъ.

Т. Карлайль.

Нѣть богатствъ выше здороваго тѣла и нѣть радости выше радости сердца.

Экклзіастъ.

Недостаточно обладать величествомъ достоинства, надо еще сберегать ихъ.

Дарочибурко.

Мы дѣти, въ кажемся старчествѣ; жизни не вѣжть, а въ здоровьї.

Марціаль.

Подъ словомъ «рекреація» (отдыхъ) подразумѣвается «твореніе». Это есть вторичное твореніе, или «возсозданіе», послѣ того какъ работа тѣла или мозга изнурила животную или умственную силу. Самый сонъ есть рекреація, и чѣмъ онъ крѣпче, тѣмъ больше восстанавливается здоровье. Но для умственныхъ работниковъ требуется еще рекреація или отдыхъ иного, а именно активнаго рода. Всѣ сильныя націи отличаются забавами, требующими силы. Такъ у англичанъ въ большомъ ходу игры на открытомъ воздухѣ: крикетъ, лаунъ-теннисъ, футболъ и различные виды спорта: охота, птицеводство, гонка судовъ, гольфъ, джэктъ, рыб-

ная ловля, которые продолжаются даже зимой, пока спортсменов не проберетъ хорошенъко морозъ.

Настоящимъ физическимъ упражненiemъ можно называть только то, при которомъ легкія работаютъ усиленно и вполнѣ свободно. Жизнь въ значительной степени сосредоточивается у насъ въ груди. Если вѣрно, что вся масса крови нашего тѣла проходитъ черезъ сердце и легкія по двѣнадцати разъ въ часъ для оживленія и распределенія ея по конечностямъ, то становится понятной важность полнаго вдыханія и выдыханія. Они необходимы для здоровья тѣла, какъ и для здоровья ума, для оживленія мускуловъ, какъ и для оживленія мозга. Дѣйствительно, твердость нашихъ намѣреній и сила нашего мозга не мало зависятъ отъ крѣпости груди, а сила мышленія отъ силы дыхательного аппарата. Запасъ нравственной энергіи, способность къ сильнымъ и рѣшительнымъ желаніямъ обыкновенно проявляются въ твердомъ умѣ, съ которымъ соединена непрерывная энергія жизнедѣятельности. Философія дѣлала промахъ, не вникая глубже въ нашу физическую организацію, потому что въ ней-то и корениется наша нравственная и умственная природа.

«Я убѣжденъ,—говоритъ д-ръ Ревелье-Паризъ,—что старость начинается и распространяется съ легкихъ, что этотъ органъ, особенно богатый кровеносными сосудами и проницаемый, поглощаетъ воздухъ, въ некоторомъ родѣ перевариваетъ его и усвоиваетъ веществу нашего тѣла и что именно съ него начинается разрушение человѣческаго организма. Если-бъ было возможно довести кровотвореніе до его полнаго совершенства, то этимъ, я не сомнѣваюсь, было бы найдено вѣрное средство продлить человѣческую жизнь. Будущія поколѣнія рѣшать этотъ вопросъ, если вообще человѣку суждено найти его рѣшеніе».

Во всякомъ случаѣ надо признать, что для полнаго обеспеченія работоспособности мозга и для поддержки его здоровой дѣятельности слѣдуетъ обращать надлежащее вни-

маніе на органы нашего тѣла. Человѣкъ долженъ жить, согласуясь съ природой, соблюдая законы, по которымъ было распланировано и построено его тѣло; въ противномъ случаѣ онъ будетъ нести неизбѣжную кару въ видѣ страданій и болѣзни. Законами, которымъ подчиняется нашъ организмъ, такъ же нельзя пренебрегать, какъ и закономъ тяготѣнія. Для этого вѣтъ надобности постоянно думать о томъ, какъ происходитъ то или другое отправленіе. Такое самонаблюденіе переходитъ уже въ мнительность и болѣзнь. Но чтобы намъ жить сообразно природѣ, разумное знаніе законовъ жизни непремѣнно должно входить въ каждую законченную систему воспитанія, потому что наше обыденное благополучіе какъ и умственная спа вполнѣ зависятъ отъ здороваго состоянія тѣлесной оболочки, въ которой обитаетъ душа и посредствомъ которой работаетъ и творить нашъ умъ.

«Счастье,—говорить Сидней Смитъ,—пожалуй возможно безъ здоровья, но при такихъ условіяхъ оно трудно достичимо». Здоровье, какъ я его понимаю, не обусловливается еще отсутствиемъ опасныхъ недуговъ; для здоровья нужно, чтобы тѣло находилось въ совершенномъ строѣ, полномъ силы и энергіи. Большое несчастіе для дѣтей, если этотъ совершенный строй нарушается безразсудными стараніями родителей принудить къ работѣ дѣтской умъ раньше, чѣмъ это назначено природой. Такое посягательство приводить къ разладу, нарушенію гармоніи, разстройству отправленій. Нервная система чрезмѣрно возбуждается, тогда какъ тѣлесная организація остается въ забросѣ. Мозгъ заставляютъ работать слишкомъ много, тѣлесные же органы остаются въ бездѣйствіи. Умъ питаютъ, а слабый желудокъ не просить пищи, и вотъ общество наводняется блѣдными молодыми людьми, страдающими разстройствомъ пищеваренія. «Ничего не можетъ быть хуже,—по словамъ д-ра Гольмса,—малокровного вырожденія, къ которому мы стремимся». Сладость меда едва-ли вознаграж-

даєть за біль оть пчеллнаго жала. Марціаль говорилъ еще въ дрэвніе вѣка: «Жизнь можетъ назваться жизнью только при пользованіи здоровьемъ».

Мы уже указывали на вредъ, причиняемый жизни и здоровью мальчиковъ, а тѣмъ болѣе дѣвочекъ, неразумно поставленными школьнымъ обученіемъ. Переутомленіе, къ несчастью, превратилось въ одну изъ язвъ нашего вѣка, особенно въ городахъ. Въ ученьѣ, въ коммерческой, юридической, политической и литературной дѣятельности работа идетъ иногда съ ошеломляющей стремительностью и расходованіе силъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Усиленное напряженіе тяжело ложится на вѣжную часть нашего организма. Природа ведеть безпрерывную борьбу противъ разрушенія посредствомъ тканей нашего тѣла; они истощаются физической и умственной работой и восстанавливаются пищей, сномъ и воздухомъ. Но размѣры источенія часто превышаютъ то, что можетъ возстановить ослабленное пищевареніе, и хотя истощенные органы можно искусственно возбудить различными средствами, но дѣйствительно возстановить ихъ силу можно только отдыхомъ и физическими упражненіемъ, чтобы тонкія мозговыя клѣточки и не менѣе ихъ чувствительныя и вѣжныя ткани пищеварительныхъ органовъ могли возстановить свою здоровую дѣятельность.

Мозговая работа безъ переутомленія безспорно такъ же приятна, какъ и тѣлесныя упражненія, но чтобы вполнѣ наслаждаться этимъ удовольствиемъ, мы должны чередовать его съ отдыхомъ. Человѣкъ любить жизнь; инстинктъ заставляетъ любить ее, пока здоровая дѣятельность ума и гѣла сопровождается удовольствіемъ. «Что думаешь ты, — спрашивалъ Сократъ Аристодѣма, — объ этой постоянной любви къ жизни, объ этомъ страхѣ уничтоженія, которые овладѣваютъ нами съ того момента, когда мы сознаемъ наше существованіе? — Я полагаю, — отвѣчалъ Аристодѣмъ, — что это есть средство, къ которому прибѣгнуль ве-

ликій мудрый художникъ, благоразумно рѣшившій сохранить то, что онъ создалъ.—Эти слова звучатъ одинаковою справедливостью въ наше время, какъ и слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, когда они были сказаны. Древніе греки среди множества другихъ мудрыхъ возврѣній почти благоговѣйно чтили свое тѣло, какъ обиталище души. Они заботливо давали ему отдыхъ такъ же, какъ и уму.

Сократъ былъ однимъ изъ величайшихъ мудрецовъ древности. Онъ не писалъ книгъ, а только бесѣдовалъ съ друзьями и учениками во время прогулокъ; всѣ свѣдѣнія о немъ мы почерпнули изъ воспоминаній его послѣдователей и почитателей. Согласно одному изъ предавій, сохранившимся о Сократѣ, онъ для разнообразія своего отдохновенія щадилъ на деревянной лошади. Когда онъ не чувствовалъ расположения къ физическимъ упражненіямъ, то игралъ на лирѣ, что успокаивало его умъ и сообщало ему пріятное настроеніе. Платонъ, подобно своему наставнику, былъ большимъ любителемъ развлечений и отлачался искусствомъ во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ, какія были въ ходу у грековъ. Аристотель въ четвертой книгѣ «Этики» высказалъ мнѣніе, что игра и развлеченіе необходимы для здоровой жизни не меньше, чѣмъ отдыхъ и подкѣпленіе силъ пищею. Древними греками выработаны самые разумные методы воспитанія и развитія всей человѣческой природы. Въ физическомъ воспитаніи они видѣли основу воспитанія нравственного и умственнаго: они старались изощрять тѣлесныя способности и развивать мускульную энергию одновременно съ образованіемъ ума путемъ выдержки и ученія. «Здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ»,—было у нихъ однимъ изъ ходачихъ мнѣній.

Для того чтобы нашъ умъ, когда понадобится, былъ способенъ къ сильной и бодрой работе, для него необходимо частые промежутки отдыха и покоя. Только этимъ способомъ можно поддержать его въ здоровомъ состояніи. Лукъ не можетъ постоянно оставаться натянутымъ, иначе

онъ непоправимо потеряетъ свою упругость. Одинъ изъ отцовъ церкви въ первые вѣка христіанства приводить преданіе объ апостолѣ и евангелистѣ Іоаннѣ Богословѣ, служащее для насъ простымъ, но внушительнымъ поученіемъ. Мимо жилища святого проходилъ однажды охотникъ и увидаль, что любимый ученикъ Христовъ, сидя у своего порога, держитъ въ руцѣ и гладить птичку съ дѣтскимъ восхищеніемъ. Охотникъ удивился такому праздному препровожденію времени великаго подвижника. Замѣтивъ его удивленіе, Богословъ задаль ему вопросъ: «Почему ты не держишь свой лукъ всегда натянутымъ?» — Потому что онъ скоро потерялъ бы свою силу, если-бы былъ постоянно напряженъ, — послѣдоваль отвѣтъ. «Хорошо, — продолжалъ апостолъ, — тоже самое случилось бы и съ моимъ умомъ: если-бы я не даваль ему отдыха, онъ скоро бы одряхлѣлъ».

Такимъ образомъ, праздность не всегда означаетъ лѣнность. Для умственного работника она служить единственнымъ лѣкарствомъ отъ бессонницы, перваго разстройства, сердцебиенія, раздражительности характера и трудности пищеваренія. Въ подобныхъ случаяхъ нѣть болѣе действительного средства, какъ полный отдыхъ. Но есть умы, которые не хотять отдохать и не имѣютъ нравственнаго мужества оставаться праздными. Между тѣмъ кодексъ досуга и развлеченія является лишь необходимымъ дополненіемъ кодекса труда, и первый такъ же необходимъ для счастья и благосостоянія человѣка, какъ и второй.

Нѣкоторые разсудительные люди умѣли сочетать развлеченія и физическія упражненія съ трудомъ. Эліанъ рассказываетъ, что Агезилая однажды нечаянно застали Ѣздающимъ верхомъ на палкѣ для забавы своего малютки-сына, и Агезилай просилъ своего гостя не рассказывать о томъ никому, пока онъ самъ не сдѣлается отцомъ. Генрихъ IV, король французскій, очень любилъ возиться со своими дѣтьми у себя дома, забавляясь ихъ шалостями и капри-

зами. Однажды, онъ ползалъ на четверенькахъ, посадивъ доинна къ себѣ на спину, тогда какъ прочія дѣти понукали его, какъ ретиваго коня; вдругъ въ дверяхъ внезапно показался посланникъ и засталъ королевскую семью въ разгарѣ игры. Король, не измѣняя позы, спросилъ: «Есть ли у васъ дѣти, г-нъ посланникъ?»— Да, Ваше Величество.—«Въ такомъ случаѣ я продолжаю игру».

Буало былъ искусственнымъ игрокомъ въ кегли. Это было также любимой забавой Лютера, который не только игралъ въ кегли, но развлекался еще игрой на гитарѣ и флейтѣ, точиль на токарномъ станкѣ разныя вещицы изъ дерева и посвящалъ часть своего времени обществу женщинъ и дѣтей. Его любимымъ двустшиемъ было:

«Wer nicht liebt Wein, Weiber und Gesang,
Der bleibt ein Narr sein Lebenlang» *).

Кальвинъ хотя и не былъ большимъ охотникомъ до развлечений, но въ Женевѣ онъ имѣлъ обыкновеніе играть по воскресеньямъ съ своими дѣтьми на глазахъ у публики, желая показать, что считаетъ соблюденіе седьмого дня и праздниковъ уже необязательнымъ для христіанъ. Тѣмъ не менѣе седьмой день покоя слѣдуетъ помнить и соблюдать, какъ единственное законное отдохновеніе отъ тяжелаго будничного труда за цѣлуу неделю.

«Я вполнѣ готовъ допустить,—сказалъ лордъ Биконс菲尔дъ,—что между христіанскимъ воскресеніемъ и еврейской субботой существуетъ большая разница, и несогласенъ съ тѣми, которые желали бы распространить на христіанское воскресеніе правила и установления еврейской субботы. Тѣ, кому вздумалось бы сдѣлать это, не достигнутъ своей цѣли. Изъ всѣхъ божественныхъ установленій самымъ высшимъ я считаю то, которое обеспечиваетъ человѣку день покоя... Это религиозное правило, которое до

*.) Кто не любить вина, женщинъ и пѣсни, тотъ остается дурякомъ всю свою жизнь.

известной степени принято всеми, по крайней мѣрѣ всеми влиятельными и многочисленными классами въ Англіи; и мы не должны допускать его уничтоженія, если желаемъ сохранить день покоя, который я считаю самымъ цѣннымъ благомъ, какое только было дано человѣку. Онъ есть краеугольный камень всякой цивилизациі, и трудно опредѣлить, насколько пострадало бы даже народное здоровье, если-бъ не было перерыва въ томъ постоянномъ физическомъ и умственномъ трудѣ, который долженъ всегда характеризовать страну, подобную Англіи, такъ далеко ушедшую въ своей предпримчивости и цивилизациі».

Не такъ давно епископъ Содорскій и Мэнскій послѣ конфирмациі привялъ участіе въ игрѣ въ крикетъ, затѣянной школьниками. Онъ съ удовольствіемъ присоединился къ нимъ и предавался юношеской забавѣ съ увлеченіемъ, а впослѣдствіи самъ говорилъ объ этомъ слѣдующее: «Мой поступокъ навсегда запечатлѣется въ памяти здѣшнихъ мальчиковъ. Они почувствовали, что между ними находятся человѣкъ, говорящій о самыхъ возвышенныхъ и священныхъ предметахъ, ведущій ихъ къ тѣмъ высокимъ цѣлямъ, для которыхъ установлена конфирмациі, и все-таки помяющій, что ихъ тѣло требуетъ здороваго упражненія». Побуждаемый такими взглядами, почтенный пастырь весь остатокъ дня не отставалъ въ шумной игрѣ отъ подростковъ, на головы которыхъ торжественно возлагалъ руки во время конфирмациі. Съ той поры, когда имя епископа упоминалось въ приходѣ, то неизмѣнно вызывало какую-нибудь полезную мысль въ умахъ молодежи.

Цельъ совѣтовалъ всѣмъ, желающимъ поддержать свое здоровье, разнообразить свои практическія или научныя занятія, чередуя ихъ съ развлечениемъ, то-есть послѣ прилежной работы или ученья отправляться на соколиную или цесовую охоту, плавать, бѣгать,ѣздить верхомъ или предаваться другимъ тѣлеснымъ упражненіямъ. Лойола предписалъ своимъ послѣдователямъ, послѣ каждыхъ двухъ

часовъ работы давать отдыхъ уму. Способность отвлекать свой умъ отъ серьезнаго дѣла, направляя его на какой-нибудь совершенно посторонній предметъ, чтобы дать ему время освѣжиться, имѣетъ весьма важное значеніе. Цезарь писалъ: «Въ моемъ шатрѣ, въ разгарѣ военныхъ дѣйствій, я всегда находилъ достаточно досуга, чтобы думать о многихъ постороннихъ вещахъ». Въ этихъ размышлевіяхъ «о постороннихъ вещахъ», пожалуй, скрывается секретъ человѣческой мъщи.

Есть праздность такого рода, которую надо назвать бесполезной тратой жизни, и праздность иного рода, которую можно назвать наслажденіемъ жизнью. Досугъ всегда имѣеть дѣнность для тѣхъ, которые способны разнообразить свои занятія въ свободное время, имѣющееся у нихъ въ распоряженіи. Между тѣмъ люди, привыкшіе сидѣть за конторкой или письменнымъ столомъ, питають такое отвращеніе къ праздности и имѣютъ такъ мало склонности къ физическимъ упражненіямъ, что часто ищутъ отдыха только въ перемѣнѣ труда. Отъ одной умственной работы они отдыхаютъ, переходя на другую. Д'Агессо, великий канцлеръ Франціи, говорилъ, что перемѣна занятій служила ему единственнымъ отдыхомъ. Геометрія и алгебра особенно освѣжали этого ученаго. Когда судебная практика слишкомъ утомляла сэра Метью Гелля, лучшимъ средствомъ освѣжить свой умъ было для него рѣшеніе алгебраическихъ задачъ. Во времена студенчества Фенелонъ ради отдыха оставлялъ богословіе для геометріи, хотя его наставники — юезуиты серьезно предостерегали юношу отъ «опасныхъ чаръ» этой науки и ея «діавольской увлекательности». Точно такъ же профессоръ Симсонъ, разстроенный и измученный клерикальной полемикой, искалъ мирнаго убѣжища въ работѣ надъ математическими истинами, которая, по его словамъ, приносила ему освѣжающей отдыхъ. Семейное горе заставляло ирландскаго адвоката Моланѣ искать утѣшения въ математикѣ. «Это,—

говорилъ онъ,— служило для меня настоящимъ успоки-
тельный средствомъ: математика, словно опiumъ, убаю-
кивала мои взволнованныя мысли, такъ что я могъ за-
снуть».

Лордъ Брумъ развлекался въ старости той же наукой, разнообразя это развлечениѳ занятіемъ оптикой и другими отраслями естествовѣдѣнія. Онъ сообщаетъ, что лордъ Котингемъ, успѣшио занимавшійся математикой въ молодые годы, искалъ въ ней развлечениія, получивъ высокій постъ въ судѣ *). Извѣстно также, что сэръ Фредерикъ Поллокъ, состоя президентомъ казначейскаго суда, находилъ отдых-
новеніе отъ своихъ важныхъ и отвѣтственныхъ трудовъ, посвящая свои досуги высшей математикѣ и геометріи. Когда сарь Исаакъ Ньютона чувствовалъ усталость отъ своихъ головоломныхъ научныхъ занятій, то въ видѣ раз-
влечениія принимался изслѣдовать древнюю хронологію и тайны апокалипсиса. Мендельсонъ, нѣмецкій ученый, чув-
ствуя переутомленіе, освѣжалъ свой умъ, подходя къ окну и считая черепицы на крыше соѣдняго дома. Спиноза отыхалъ, разнообразя свои занятія бесѣдой съ друзьями и отъ-поры-до-времени выкуривая трубку. Иногда же онъ забавлялся наблюдениемъ за дракой пауковъ, при чемъ хоталъ до слезъ. Джонсонъ говоритъ, что человѣкъ никогда не лицемѣритъ въ своихъ удовольствіяхъ, между тѣмъ Спиноза былъ добрѣйшимъ существомъ безъ всякой прямѣсн-
жестокости.

Впрочемъ литература доставляла всегда самый обшир-
ный запасъ развлечений въ тиши кабинета умственнымъ

*) «Въ 1838 году,—рассказывает лордъ Брумъ,—когда я былъ за-
вать подготовленiemъ коего «Аналитического разбора *Principia*
Ньютона», мнѣ сдалось известнымъ, что по случайному совпаде-
нію, лордъ Котингемъ развлекается на досугѣ математикой, и я
увѣренъ, что онъ могъ бы дать столь же вѣрное, но болѣе изыскан-
ное аналитическое доказательство Ньютоновскихъ теоремъ, чѣмъ
это удалось мнѣ при составленіи названного труда». Лордъ Брумъ.

работникамъ, заваленнымъ дѣлами. Книга зачастую успо-коиваетъ умъ лучше самого сильнаго наркотического сред-ства. Сочиненіе книги, дурной или хорошей, производить то же дѣйствіе. Работая надъ «Правомъ народовъ», Ват-тель разнообразилъ свои занятія, сочиняя свое «Разсу-жденіе о любви», а иногда ударяясь даже въ стихотворство. Фридрихъ Великій, домогавшійся такъ-же настойчиво ли-тературной славы, какъ и военной, писалъ стихи, и Воль-теръ говорить, что никогда не могъ исправлять ихъ безъ смѣха. Забавой Вольтера служили домашніе спектакли и марionетки. Фернейскій философъ, какъ говорятъ, очень искусно управлялъ движущимися куклами. Онъ построилъ театръ въ Лашатленѣ, близъ Женевы (теперь это зданіе служитъ синодомъ), при чмъ сочинялъ для него пьесы и служилъ въ немъ режиссеромъ.

Вольтеръ, прославившійся своими работами по электриче-ству, также писалъ стихи. Объ Уорренъ Гестингсѣ Глейгѣ говорить, что для него писаніе стиховъ было такимъ-же естественнымъ дѣломъ, какъ утренний завтракъ. Лордъ Стрет-фордъ де-Редклифъ, будучи еще просто Стретфордомъ Кен-нингомъ, сочинялъ стихи, которые удостоились похвалы даже такого великаго поэта, какъ Байронъ. По словамъ послѣдняго, «его стихотвореніе о Бонапарте стоило тысячи чьихъ бы то ни было оды». «Я быль убѣждень, — приба-вилъ Байронъ, — что Стретфордъ талантливъ, но не подо-зрѣвалъ, чтобъ онъ владѣлъ всѣми талантами своей семьи въ такомъ совершенствѣ». Лордъ Тентерденъ послѣ три-дцатилѣтняго перерыва, по примѣру лордовъ Гренвилла и Голленда, вернулся къ сочиненію латинскихъ стиховъ, хотя и сознавался, что «главному судѣ и пэрѣ следовало бы посвящать часы досуга чему-нибудь болѣе путному, чѣмъ писаніе нелѣпыхъ виршъ о цѣвѣточкахъ». Джемсъ Уаттъ, изобрѣтатель паровой машины, и Томасъ Тельфордъ, строитель моста черезъ Мэнскій проливъ, оба занимались въ молодости стихоплетствомъ. Уаттъ въ старости пожи-

раль романы, надъ которыми часто проливалъ искреннія слезы вмѣстѣ съ своеї престарѣлой женой. Сэръ Чарльзъ Непаръ не довольствовался славой побѣдителя при Мини: когда онъ сложилъ съ себя обязанности главнокомандующаго въ Индіи, то не могъ оставаться празднымъ и началъ писать въ часы досуга романъ подъ заглавіемъ «Вильгельмъ Завоеватель». Впослѣдствіи это произведеніе было издано, и, подобно стихамъ названныхъ выше судей, посланниковъ, политиковъ, физиковъ и инженеровъ, попало въ число литературныхъ курьезовъ.

На самомъ дѣлѣ литература служить большой отрадой государственнымъ людямъ, измученнымъ сутолокой и ожесточенiemъ партійной борьбы. Двери политики могли затворяться передъ ними на нѣкоторое время, но двери литературы всегда оставались открытыми. Въ самыя печальные минуты занятіе переводами воскрешало упавшій духъ Аддисона. Когда Питтъ по одному случаю оставилъ свой постъ, то развлекался изученiemъ греческихъ и латинскихъ классиковъ. Фоксъ въ свою очередь забывалъ непріятности партійныхъ распреiй, бесѣдуя съ Эврипидомъ и Геродотомъ. Кеннингъ и Уэльслей, будучи вытѣснены со службы, занимались оба переводомъ оды и сатиръ Горация. Лордъ Редесдель дѣлалъ то же самое, когда несчастный случай на охотѣ заставилъ его слечь.

Въ числѣ министровъ-писателей находились: лордъ Норменби, написавшій романъ подъ заглавіемъ «Нѣть», и графъ Россель, сочинившій трагедію «Донъ Карлосъ» и романъ «Аронейская монахиня»;—оба эти произведенія не отличаются литературными достоинствами. Лорду Шальмерстону приписывается много превосходныхъ *jeux d'esprit* въ «New Whig Guide,» когда лордъ Ливерпуль былъ министромъ. Лордъ Брумъ неутомимо писалъ не только сочиненія по оптиктѣ, исторіи, біографіи и общей литературѣ, но также и статьи для «Ливерпульскаго обозрѣвія.» Даже во время ливерпульскихъ выборовъ въ 1812 году, въ разгарѣ поли-

тической борьбы и законодательной работы, лордъ Брумъ находилъ время тщательно просматривать переводъ «Оды къ Пиррѣ», сдѣланный Леемъ Гентомъ, и вносилъ весьма тонкія поправки въ его передѣлку «Акмѣ и Септимія». Лордъ Дэрби и Гладстонъ достаточно засвидѣтельствовали свою неизмѣнную привязанность къ классической литературы. Англійскій переводъ «Іліады» лорда Дэрби будетъ читаться съ восхищеніемъ, когда его блестящія и изысканныя рѣчи давно забудутся, а этюды Гладстона о Гомерѣ будутъ съ гордостью вспоминаться соотечественниками долгое время спустя послѣ того, какъ его утонченный умъ перестанетъ распутывать сложныя нити политической жизни.

Нѣкоторые государственные люди охотно отказывались отъ треволненій политической карьеры. Сэру Роберту Уэльполю дѣлаетъ большую честь, что послѣ болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго управлениія страною онъ удалился отъ дѣлъ безъ злобы и ожесточенія, сохранивъ простоту вкусовъ, искренность обращенія и способность къ дружбѣ и литературѣ. Кертретъ послѣ ожесточенной борьбы за власть былъ вытѣсненъ со службы и съ того времени, махнувъ рукою на всѣ честолюбивыя надежды, нашель себѣ утѣшеніе, уединившись среди книгъ. «Я встрѣтился съ лордомъ Мельбурномъ,— пишетъ художникъ Лесли,— у лорда Голленда, день или два спустя послѣ его отставки; бывшій первый министръ былъ весель, какъ всегда, а когда зашелъ разговоръ о перемѣнахъ въ королевскомъ штатѣ, то лордъ Мельбурнъ обратилъ его въ шутку». Потеря высокаго положенія вовсе не была несчастью для лорда Ольторпа въ 1832 году. На другой же день послѣ отставки онъ отправился закупать цвѣты для своихъ садовъ въ Ольторпѣ. Очевидно, постигшая его превратность судьбы не вызвала въ немъ ни малѣйшаго ожесточенія, и переходъ отъ политики къ садоводству доставилъ ему громадное удовольствие. Доживая вѣкъ на покоѣ, лордъ Ольторпъ, кромѣ

садоводства, проводиль еще часть своего времени за изучениемъ исторіи религій.

«У меня прекрасная библіотека, — говорилъ одинъ мудрецъ, — и превосходный садъ, который я съ величайшимъ наслажденiemъ воздѣлываю собственными руками. Это занятіе насколько не предосудительно, потому что не можетъ быть болѣе чистаго наслажденія, нравственнаго или материальнаго, какъ любоваться чудными цвѣтами, посыпанными собственноручно». Даже люди большой учености испытываютъ величайшее удовольствіе, наслаждаясь плодами собственного труда. Простой стулъ собственнаго издѣлія, цвѣты и фрукты своей посадки, парникъ собственноручной работы нравятся больше всего другого. Въ нихъ заключается особая прелесть, потому что они напоминаютъ о здоровомъ, освѣжающемъ трудѣ.

Когда Діоклетіану предлагали вновь императорскій вѣнецъ, который онъ съ себя сложилъ, бывшій императоръ отвѣтилъ посланнымъ: «Вы не просили бы меня о томъ, если бы видѣли прекрасныя дыни, которыя зрѣютъ теперь въ моемъ саду, и растенія, которыя я развелъ вокругъ своей виллы». Горацій и Виргилій оба любили садоводство и сельскую жизнь. Первое, къ чему стремился Виргилій, это достичь совершенства въ философії, а второе—сдѣлаться хорошимъ сельскимъ хозяиномъ. Посадка растеній, по мнѣнію Катона, есть величайшее удовольствіе старости. Наслажденіе сельской жизнью болѣе всего приближается къ философії, будучи родственнымъ ей по своей полезности, невинной пріятности, древности и достоинству. Лордъ Бэконъ въ своихъ «Опытахъ» восхваляетъ прелесть и радости садоводства. «Всемогущій Богъ, — говорилъ онъ, — вначалѣ насадилъ садъ». И дѣйствительно, садъ доставляетъ чистѣйшее наслажденіе человѣку. Онъ освѣжаетъ человѣческій умъ; безъ него зданія, дворцы—лишь грубыя ремесленныя произведения, и человѣкъ можетъ видѣть, что по мѣрѣ того, какъ вѣка развиваются

цивилизацио и изящество, люди скорѣй научаются создавать величественные постройки, чѣмъ разводить прекрасные сады, какъ будто садоводство есть высшее совершенство». Въ своемъ «Опытѣ о садахъ» онъ показываетъ, что коротко знакомъ съ цветами, кустарниками, живыми изгородями, которые должны украшать хороший садъ, и перечисляетъ ихъ по именамъ на каждый мѣсяцъ года. «Вы можете имѣть вѣчную зелень,—говоритъ онъ,—если вамъ позволяетъ мѣсто. Ароматъ цветовъ гораздо пріятнѣе въ воздухѣ, гдѣ онъ доносится до насъ волнами подобно музыкальнымъ звукамъ, чѣмъ въ рукахъ; поэтому важнѣе всего знать, какие именно цветы и растенія лучше благоухаютъ подъ открытымъ небомъ».

Посадка растеній была страстью Шенстона, который посвящалъ много времени украшенію Лисоуиса, пока его помѣстие не сдѣлалось предметомъ зависти и восхищенія всѣхъ посѣтителей. Ту же страсть къ садоводству раздѣлили Эвелинъ и Темпль. Эвелинъ затѣйливо изукрасилъ сады въ Сейскортѣ близъ Гринвича. И когда Петръ Великій жилъ въ этомъ городѣ, то любилъ ради забавы проѣзжать въ одноколкѣ прямо черезъ живую изгородь остролистника, которою были обнесены эти чудные сады.

Садоводство утѣшало въ уединеніи Поппа, который украсилъ растеніями свое игрушечное помѣстие въ Твикенгемѣ. Онъ насадилъ здѣсь деревья, расчистилъ лужайки, устроилъ крытую аллею и гротъ, постоянно измѣня и совершенствуя что-нибудь въ этомъ маленькому царствѣ, точно въ одной изъ своихъ поэмъ. Куперъ также пристрастился къ пріятному искусству разведенія растеній. Собственноручно выстроилъ онъ теплицу для тропической зелени и цветовъ. Это занятіе чередовалось у него съ устрою въ воланѣ и въ серсо, въ которой принимали участіе дамы. Садоводство было однимъ изъ развлечений знаменитаго Джорджа Стефенсона въ послѣдніе годы жизни. Его сильно тревожило опасеніе, какъ бы посѣянные имъ

огурцы не выросли кривыми. Во избѣжаніе этого онъ за-
казалъ большія стеклянныя кружки прямой формы, въ ко-
торыя вводилъ растущій овощъ, и тогда огурцы выро-
стали прямыми.

Сэръ Вальтеръ Скоттъ былъ большимъ любителемъ раз-
водить растенія въ своемъ имѣніи Эбботсфордъ. Ему до-
ставляло особенное удовольствіе бродить по всему помѣщью
съ своими собаками и служителемъ Томомъ Порди, при
чемъ онъ подсаживалъ новые деревья и подчищалъ старыя
топоромъ дровосѣка. Однажды писатель сказалъ Тому:
«Теперь наши деревья пойдутъ хорошо расти», на что
слуга отвѣчалъ: «Извѣстно, такъ! Да я смекаю, что и
наши юнги бойко пойдутъ въ ходъ». Локгардтъ разсказы-
ваетъ объ этомъ романистѣ: «Онъ владѣлъ топоромъ съ
большой ловкостью и силой и состоялся съ своими на-
иболѣе искусными подчиненными въ томъ, кто изъ нихъ
повалить дерево меньшимъ числомъ ударовъ. Ёсь огла-
шался немолчнымъ смѣхомъ, когда сэръ Вальтеръ Скоттъ
раздѣлялъ труды дровосѣковъ, и если ему случалось
иногда провести съ ними цѣлый день, они были увѣрены,
что ихъ пригласятъ въ Эбботсфордъ къ веселому ужину
съ Томомъ Порди».

Въ этомъ отношеніи съ Вальтеромъ Скоттомъ сравни-
вали Даніеля Уэбстера: онъ также отчасти любилъ сель-
скую жизнь съ ея занятіями, къ которымъ его подготов-
ляли въ дѣтствѣ. Онъ занимался рыболовствомъ, земледѣ-
лемъ, разведеніемъ скота и къ концу жизни вернулся въ
Маршфильдъ, какъ Вальтеръ Скоттъ вернулся въ Эбботс-
фордъ, разбитый духомъ и тѣломъ и потерявший состоя-
ніе, чтобы умереть вдали отъ свѣта. Когда Вальтера Скотта
возили въ креслахъ по комнатамъ его замка по возвра-
щеніи изъ Италии, онъ сказалъ: «Я видѣлъ многое въ
чужихъ краяхъ, но ничего, подобного моему дому. Про-
везите меня по нему еще разъ». Такъ и Уэбстеръ, воз-
вратившись изъ Вашингтона въ Маршфильдъ, воскликнулъ:

«О, какъ я радъ, что попалъ домой! Если-бъ это зависѣло отъ меня, я никогда, никогда не уѣхалъ бы отсюда!»

Къ числу дровосѣковъ-любителей принадлежали между прочимъ: Питтъ, Уильберфорсъ, д-ръ Уэтлей и Гладстонъ. Когда Питтъ несъ на своихъ плечахъ бремя государствен-наго правленія, то пользовался урывками праздничныхъ днемъ, чтобы отправиться съ Уильберфорсомъ въ свой домъ въ Гольвудъ. Поутру они выходили оттуда вдвоемъ, вооруженные топорами, и прокладывали новые просеки между старыми деревьями въ густыхъ заросляхъ Гольвуда. Д-ръ Уэтлей срубалъ дерево, вмѣсто того чтобы принять лѣкарство. Когда ему нездоровилось, онъ бралъ топоръ и отправлялся рубить какой-нибудь крѣпкій стволъ. Топоръ прославилъ Гладстона не меныше, чѣмъ его перо, и едва ли можно оспаривать, что громадное количество срублен-ныхъ имъ деревьевъ послужило отличнымъ средствомъ для поддержанія здоровья маститаго государственного мужа. «Ничто не вознаграждается съ такою лихвой,—говаривалъ сэръ Вальтеръ Скоттъ,—какъ упражненія, тѣлесныя и умственные. При нихъ мы спимъ крѣпко и бываемъ счастливы въ часы бодрствованія, которые у насъ всегда заняты; нѣкоторое количество тѣлеснаго труда необходимо для пользованія досугомъ даже въ томъ случаѣ, если послѣдній заслуженъ умственной работой и освященъ исполненіемъ долга».

Когда лордъ Колингвудъ оставилъ службу во флотѣ, на которой онъ такъ отличился, то переѣхалъ въ свое имѣніе въ Нортумберландъ, где употреблялъ часть своего времени на рытье канавъ у себя въ саду, точно простой поденщикъ. Нибуръ къ концу своихъ дней купилъ себѣ ферму въ родной Голштайніи и занялся сельскимъ хозяйствомъ; продолжая свои историческія изысканія, онъ выращивалъ брюкву и откармливавъ скотъ; онъ обходилъ пѣшикомъ или объѣзжалъ иногда громадныя пространства и на семидесятомъ году могъ перепрыгивать черезъ рвы въ де-

сять футовъ шириню съ помощью шеста, дѣйствовать ко-
торымъ привыкъ съ дѣтства. Сидней Смитъ также былъ
сельскимъ хозяиномъ, но не по собственной охотѣ, а по
необходимости. Никто не хотѣлъ брать въ аренду прина-
лежащей ему земли, которая была страшно истощена, и
онъ рѣшилъ воздѣлывать ее самъ. Сочиняя проповѣдь или
статью для «Эдинбургскаго Обозрѣнія», Смитъ отрывался
отъ работы, чтобы выйти на крыльцо и отдать приказаніе
рабочимъ на пашни посредствомъ рупора.

Любимымъ занятіемъ великаго композитора Верди, въ
семидесять три года написавшаго оперу «Отелло», оста-
валось всегда прозаическое сельское хозяйство. Онъ былъ
такъ же свѣдущъ по части посѣвовъ и скотоводства, какъ
по части контрапункта и генераль-баса. Фермеры въ
окрестностяхъ его виллы въ Санть-Агата смотрѣли на
него, какъ на авторитетъ по всѣмъ вопросамъ, связан-
нымъ съ обработкою почвы, и совѣтовались съ нимъ от-
носительно сѣвооборота и откармливанія скота. При случаѣ
онъ всегда былъ готовъ помочь соседу. Знаменитый Марио
взялъ въ аренду виноградникъ въ папскихъ владѣніяхъ,
но оказалось, что пѣніе дается ему лучше, чѣмъ виногра-
дарство.

Когда Лютеръ страдалъ разстройствомъ пищеваренія,
другъ его Меланхтонъ посовѣтовалъ ему заниматься пра-
вильными и усиленными физическими упражненіями.
Лютеръ пробовалъ заняться охотой и стрѣльбой. «Я дѣлыхъ
два дня бродилъ съ ружьемъ,—рассказываетъ онъ,—и ста-
рался найти удовольствіе въ этой суровой и пріятной за-
бавѣ великихъ героевъ.. Моеи добычею были два зайца и
две несчастныхъ куропаточки. Это славное занятіе для
людей праздныхъ. Впрочемъ, я не совсѣмъ потерялъ
время, потому что велъ богословскія бесѣды посреди сѣтей
и силковъ и нашелъ съкрытою печаль и страданія въ са-
момъ разгарѣ веселой суматохи вокругъ меня». Однако
охота скоро надоѣла реформатору, и онъ вернулся съ

удвоенной энергией къ своей тяжелой мозговой работе. Вольтеръ, человѣкъ совсѣмъ иного закала, страдая отъ разстройства пищеваренія въ Серсі, ходилъ на охоту «ради аппетита». Искомый аппетитъ онъ обыкновенно находилъ, но рѣдко возвращался домой съ дачью, несмотря на щегольскую охотничью куртку, которую надѣвалъ на себя. Лордъ Эльдонъ развлекался ради отдыха одной стрѣльбой, но, подобно Шеридану, не имѣлъ охотничьей жилки, и ему было безразлично лакомиться купленной ли дачью, или принесенной съ охоты *). Пить охотился иногда, но не находилъ особенного удовольствія въ этой забавѣ, такъ какъ его умъ былъ обращенъ на другое, но онъ шелъ на охоту ради мюциона, вѣроятно соглашаясь съ мнѣніемъ Драйдна, что «лучше охотиться въ поляхъ за некупленнымъ здоровьемъ, чѣмъ платить доктору за противный лѣкарства».

Изъ всѣхъ физическихъ упражненій верховая Ѣзда по-жалуй самое полезное. Въ ней соединяются всѣ виды мюциона. Она доставляетъ работу и мускуламъ, и легкимъ; а вдыхать свѣжій воздухъ, «ravulum vitae», какъ называли его древніе, значитъ вдыхать здоровье. Кровь при этомъ освѣжается такъ же, какъ и кожа, въ которую проникаетъ

*) О Шериданѣ существуетъ анекдотъ такого рода. Гостя однажды въ деревнѣ, онъ пошелъ па охоту, но, будучи неискуснымъ стрѣлкомъ, возвращался домой съ пустымъ ягдташемъ. На обратномъ пути ему попался па глаза какой-то человѣкъ, очевидно фермеръ, который смотрѣлъ черезъ палитку изгороди на стаю утокъ, полоскавшихся въ прудѣ. «Сколько будетъ стоить,—спросилъ Шериданъ,—если я выстрѣлю по этимъ уткамъ?» Крестьянинъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ. «Довольно съ васъ будетъ пол-крова?» Тотъ утвердительно кивнулъ головой. Шериданъ далъ ему полкорона и выстрѣлилъ по уткамъ. Около полуудюжины изъ нихъ осталось на мѣстѣ. Когда стрѣлокъ собирался положить ихъ въ свою охотничью сумку, то сказалъ минному фермеру: «Въ концѣ концовъ я, кажется, вѣсъ подвелъ!»—Какъ бы не такъ,—возразилъ тотъ,—вѣдь утки-то были не мои!

воздухъ при быстромъ движениі. Верховая Ѣзда облегчаетъ вдобавокъ кровообращеніе и питаніе и способствуетъ дѣйствію выдѣлительныхъ органовъ. Если существуетъ какое-нибудь специальное лѣкарство противъ «желчи», то это навѣрно верховая Ѣзда *). Развѣ кто-либо слыхалъ о желчномъ охотнике или почтальонѣ-подагрикѣ? «Кто вѣстъ лѣчить?»—спросили однажды Карлейля.—Меня лучше всего лѣчить моя лошадь,— отвѣчалъ онъ. Мудрый Сейденгемъ былъ такъ увѣренъ въ пользу верховой Ѣзы, что написалъ въ одномъ изъ своихъ медицинскихъ сочиненій: «Если-бъ кто-нибудь изобрѣтъ лѣкарство, одинаково полезное для человѣческаго организма, какъ не слишкомъ быстрая Ѣзда верхомъ дважды въ день, для него это было бы равносильно обладанію философскимъ камнемъ».

Попѣль упоминаетъ объ одномъ изъ лордовъ Росселей, который подорвалъ свой организмъ излишествами и кутежами; тѣмъ не менѣе онъ почти ежедневно выѣзжалъ со своими собаками на охоту для аппетита. Когда онъ чувствовалъ позывъ къ Ѣду, то говорилъ: «вотъ я и нашелъ его», круто поворачивалъ лошадь и мчался обратно домой. Ревелье-Паризъ говорить: «Противъ меланхоліи, мизантропіи или сплины для меня, смотря по обстоятельствамъ, служить средствомъ: покой, ванны, непродолжительный ручной трудъ, а также лѣкарство, превозносимое лэди Уортлей Монтегю: верховая Ѣзда цѣлый день и шампанское вечеромъ». Альфieri и Байронъ были страстными

*) «Въ некоторомъ отношеніи сѣдельная кожа еще полезна сажной. Противъ верховой Ѣзы можно возражать только съ материальной стороны. Ни Бэконъ, ни Сейденгемъ, разумѣется, не стали бы рекомендовать ее, не имѣя къ тому вскихъ основаній. Печень, громоздкій органъ, вѣсящий отъ трехъ до четырехъ фунтовъ, встрагивается между внутренностями при каждомъ шагѣ бѣгущей рысью лошади и даже мозги подпрыгиваютъ, какъ мѣдные деньги въ шкатулѣ».

Ольверъ Венделль Гольмсъ, «Самодержецъ обѣденного стола».

любителями верховой ёзды; но ихъ прогулки были слишкомъ продолжительны и имъ нравилась бѣшеная скачка.

Лордъ Веллингтонъ былъ приверженцемъ охоты на лисицъ. Онъ имѣлъ при себѣ свору собакъ даже въ Испаніи, когда гнался за отступавшими французами *). Великий полководецъ продолжалъ заниматься любимой забавой у себя дома до конца жизни, находя въ ней отдыхъ отъ тяжестей службы. Въ 1826 году онъ извинялся передъ Робинсономъ въ томъ, что не отвѣтилъ на его письмо, гдѣ былъ затронутъ какой-то важный общественный вопросъ, и оправдывался тѣмъ, что «обычный осенний спортъ не оставлялъ ему ни малѣшаго досуга». Лордъ Пальмерстонъ также привыкъ ежедневно проводить по нѣсколько часовъ въ сѣдлѣ и только по воскресеньямъ гулять пѣшкомъ. Почти каждый день, по окончаніи преній въ палатѣ общинъ, онъ шелъ домой пѣшкомъ черезъ парки, не обращая вниманія ни на какую позднюю пору. Когда живописецъ Гейдонъ спросилъ сэра Френсиса Бердетта, какимъ образомъ сумѣль онъ сохранить свое здоровье до такихъ преклонныхъ лѣтъ, тотъ отвѣчалъ, что онъ часто купался, пилъ вино только на званыхъ обѣдахъ, да и то по немногу, но охотился всегда какъ можно больше.

Однако охота и верховая ёзда довольно разорительныя удовольствія и совершенно недоступны тысячамъ людей, которымъ они прямо подарили бы здоровье и жизнь. Впрочемъ, есть много другихъ видовъ полезнаго мотиона и, пожалуй, самый лучшій изъ нихъ, это прогулки пѣшкомъ. Послѣднее удовольствіе доступно почти каждому. Его можно разнообразить также ёздою на двухколесномъ и трехколесномъ велосипедѣ. Ходьба требуетъ небольшой затраты мускульной силы и небольшихъ расходовъ, если

*) Собаки сѣдовали за нимъ въ тылу арміи, и онъ часто охотился съ ними между сраженіями. Для нихъ была устроена псарадя въ Тулузѣ, гдѣ французское дворянство въ первый разъ могло ознакомиться съ англійской охотой на лисицъ.

не считать траты времени и порчи обуви. Въ противоположность катанью на лодкѣ, уженью рыбы или верховойъ ъездѣ, прогулка пѣшкомъ не нуждается въ приготовленіяхъ, къ ней можно приступить во всякое время, когда вздумается. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо прибавить однако, что ходьба не препятствует въ достаточной степени работѣ мозга, который на ходу напрягается иногда такъ же сильно размышеніемъ, какъ и въ кабинетѣ; между тѣмъ физическое упражненіе только тогда достигаетъ цѣли, когда доставляетъ полное развлеченіе уму.

«Я часто слыхалъ, — говоритъ Цицеронъ, — что когда Луцилій и Сципіонъ отправлялись за городъ, убѣгая отъ своихъ городскихъ трудовъ, какъ отъ неволи, то они забавлялись и рѣзвились тамъ, какъ дѣти. Я даже не смѣю повторить о подобныхъ лицахъ того, что разсказываетъ о нихъ Сцевола, какъ «они ходили собирать раковины по берегу Гаэты, позволяя себѣ всевозможныя забавы и развлеченія». «Дѣйствительно, — продолжаетъ этотъ древній писатель, — я не считаю того свободнымъ, кто не предается никогда бездѣствію». А въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «Должна существовать такая тихая пристань, гдѣ мы могли бы укрываться отъ - времени - до - времени не для лѣни и праздности, но для умѣренного и честнаго досуга».

Философъ Гоббсъ былъ постояннымъ и упорнымъ ходокомъ до конца своей продолжительной жизни. Свои послѣдніе годы онъ провелъ въ Чествортѣ, въ семействѣ графа Девонширскаго, гдѣ наслаждался пріятнымъ отдохновеніемъ, въ которомъ сочетались умственныя занятія и развлеченія. Утро онъ посвящалъ мюциону, а послѣ полуденное время умственному труду. Въ хорошую погоду Гоббсъ вставалъ рано, шелъ гулять и взбирался на какую-нибудь сосѣднюю возвышенность, а когда погода стояла сырая, онъ предавался тому или другому тѣлесному упражненію въ комнатахъ, чтобы вызвать испарину. Затѣмъ ученый завтракалъ; послѣ завтрака навѣщалъ всю граф-

сную семью: графа, графиню и дѣтей въ пѣхъ комнатахъ. Въ полдень онъ сѣдалъ легкій обѣдъ и въ скоромъ времени удалился къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ для него приготовлялась свѣча и десять или двѣнадцать набитыхъ трубокъ; затворившись въ этой комнатѣ, онъ принимался курить, думать и писать въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Эммануилъ Кантъ неизмѣнно посвящалъ нѣкоторую часть дня прогулкѣ пѣшкомъ, не обращая вниманія ни на такую погоду. Обыкновенно онъ обѣдалъ въ обществѣ, но придерживался большой умѣренности въ ёдѣ и питьѣ. Въ противоположность Гоббсу, свои утра онъ посвящалъ умственному труду, а вечера бѣдѣ и легкой литературѣ, успокаивая такимъ образомъ и развлекая свой умъ передъ отходомъ ко сну. Впрочемъ, подобно Гоббсу, Кантъ былъ по природѣ слабаго тѣлосложенія, однако, заботливо наблюдалъ за своимъ здоровьемъ, сумѣль продлить свою жизнь до восьмидесяти лѣтъ, тогда какъ Гоббсъ продлилъ свою даже до девяноста двухъ. Эти два примѣра ясно показываютъ намъ, что глубокое мышленіе вполнѣ совмѣстимо съ долговѣчностью, если въ достаточной степени удовлетворять требованіямъ физической организаціи, которой и умъ обязанъ своей способностью къ здоровой дѣятельности.

Гольдемитъ, напротивъ, сократилъ свою жизнь мозговыми переутомленіемъ и недостаткомъ модѣона; онъ очень рѣдко оставлялъ свою письменную работу. Написавъ нѣкоторое количество стиховъ или занявшись естественной исторіей, онъ предлагалъ Куку, своему однокашнику, устроить то, что на его языкѣ называлось «праздникомъ сапожника». Послѣдній заключался въ томъ, что пріятели бродили по сѣвернымъ кварталамъ Лондона или по полямъ близъ Гемпстеда или Гайгета, послѣ чего обѣдали въ какой-нибудь деревенской тавернѣ, а въ заключеніе своего фестиваля мирно выкуривали трубочку, прихлебывая эль. Адисонъ не скрывалъ своей слабости къ безцѣльнымъ про-

гулкамъ. Лембъ былъ замѣчательнымъ ходокомъ; онъ иско-
лесилъ весь Лондонъ, въ особенности улицы, гдѣ появ-
шаются второстепенные книжные лавки, и отдавалъ пред-
почтение сѣвернымъ и сѣверо-восточнымъ кварталамъ города.
Архіепископъ Уэтлей совершалъ громадныя прогулки и ку-
риль, какъ вулканъ; подобно Лембу, онъ любилъ собакъ,
которые сопровождали его во время этихъ скитаний. Про-
хаживаясь такимъ образомъ подъ защитой своихъ четверо-
ногихъ спутниковъ довольно не располагающей наружности,
этотъ ученый обдумывалъ главныя основы «Элементовъ
логики», одного изъ наиболѣе извѣстныхъ своихъ сочиненій.

Прогулки пѣшкомъ излѣчили Тимоти Дуайта, хорошо
извѣстнаго американскаго писателя, отъ мозговой болѣзни,
которая безъ этого привела бы его къ могилѣ. Онъ слиш-
комъ рано посвятилъ себя умственному труду. Въ семна-
дцать лѣтъ Дуайтъ былъ уже учителемъ въ грамматиче-
ской школѣ въ Ньюемѣ, въ штатѣ Массачусетсъ, и ему
не было еще двадцати лѣтъ, когда онъ сдѣлался препода-
вателемъ Уэльской коллегіи. Онъ ежедневно преподавалъ
въ теченіе шести часовъ, въ теченіе девяти часовъ за-
нимался науками самъ и не позволялъ себѣ никакихъ
физическихъ упражненій. Конечно, ни одинъ человѣческій
организмъ не могъ бы вынести такого напряженія; это
было чистымъ безразсудствомъ и безуміемъ. Нервная си-
стема молодого человѣка дошла до такой раздражительно-
сти, что онъ не могъ заниматься чтеніемъ дольше четверти
часа подъ рядъ. Тутъ несчастнаго внезапно постигла но-
вая бѣда. Онъ лишился зреѣнія и быть принужденъ оста-
вить все занятія. Но умъ его все-таки работалъ, а ноги
оказались удивительно выносливы въ ходьбѣ. Зреѣніе воз-
вратилось къ нему, и тогда онъ началъ совершать пѣшкомъ
цѣлые путешествія, восстановившія его здоровье. Резуль-
татомъ ихъ былъ почтенный трудъ подъ заглавиемъ «Пу-
тешествія по Соединеннымъ Штатамъ».

Другимъ интереснымъ пѣшеходомъ былъ Уильямъ Гет-

толь изъ Бирмингема. Съ отроческихъ лѣтъ смыть онъ отличнымъ ходокомъ и труженикомъ. Въ часы досуга Геттонъ написалъ «Исторію Бирмингема» и впервые выступилъ въ печати на пятьдесятъ девятомъ году. Уступивъ свою книжную торговлю сыну въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ, онъ пришелъ въ нѣкоторое затрудненіе, не зная, куда дѣвать свое время. Наконецъ его увлекли прогулки пышкомъ. Онъ искалесилъ такимъ образомъ почти всю Англію. Однажды ему случилось безъ всячаго утомленія пройти шестьсотъ одну милю въ тридцать пять дней. Изъ Бирмингема онъ дошелъ до Пенрита и оттуда вдоль Римской Стѣны до Ньюкастля, послѣ чего той же дорогой вернулся обратно. Въ то время ему шелъ семьдесятъ восьмой годъ. Плодомъ этихъ странствій явилась написанная имъ «Исторія Римской Стѣны». Позднѣе Геттонъ посѣтилъ Скерборо, Куадгемъ и другія мѣста, которыя были описаны имъ; послѣднее изъ этихъ описаній было сдѣлано авторомъ на восемьдесятъ пятомъ году. На восемьдесятъ восьмомъ году онъ писалъ въ своеемъ дневнике: «Восьмидесяти двухъ лѣтъ я считалъ себя молодымъ человѣкомъ: я былъ въ состояніи безъ особенной усталости пройти сорокъ миль въ день. Но за послѣднія шесть лѣтъ мои силы замѣтно стали приходить въ упадокъ, и, подобно камню, катящемуся подъ гору, быстрота его растетъ по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія». Вотъ послѣдняя запись въ дневнике этого старца: «Сегодня, одиннадцатаго октября, день моего рождения. Я вступаю въ свой девятидесятый годъ и прошелъ десять миль». Дочь, дополнившая его жизнеописаніе, разсказываетъ, что Геттонъ всегда смотрѣлъ на свою способность къ ходьбѣ, какъ на признакъ жизненности, и былъ увѣренъ, что его прогулки кончатся одновременно съ жизнью. Такъ дѣйствительно и случилось: онъ пересталъ ходить и скончался на девяносто второмъ году.

Великий Бетховенъ къ концу своихъ дней мучился глухотой и нервнымъ раздраженіемъ. У него были дѣ

бенности: онъ почти постоянно совершалъ далекія прогулки по окрестностямъ и переѣзжалъ съ квартиры на квартиру. Композиторъ не былъ женатъ и почти не имѣлъ постояннаго жилища. Едва успѣвъ расположиться въ одной квартирѣ, онъ тотчасъ находилъ въ ней какой-нибудь недостатокъ и отправлялся на поиски другой, а если не было занять этимъ, то совершалъ дальняя и часто утомительныя прогулки. Модіонъ, по его словамъ, былъ ему необходимъ для того, чтобы успокаивать раздраженіе мозга и отгонять бессонницу. Руссо предпринималъ ботаническія экскурсіи въ поляхъ даже въ самое сильное ненастіе. Вальтеръ Скоттъ, хотя прихрамывавшій, былъ замѣчательнымъ ходокомъ. Диккенсъ былъ также извѣстенъ своими дальними прогулками; онъ обыкновенно отправлялся пѣшкомъ изъ конторы своего журнала на Веллингтонъ-стритъ къ себѣ домой въ Гедгилль, за Грэвзендомъ, и нерѣдко дѣлалъ встрѣчавшихся ему людей дѣйствующими лицами въ своихъ неподражаемыхъ произведеніяхъ.

Профессоръ Уильсонъ, Соутъ и Уордсуортъ—всѣ трое были замѣчательными ходоками: они исходили во всѣхъ направленіяхъ прекрасную страну озеръ между горами, пускаясь въ путь иногда вдвое, но чаще въ-одиночку. Уильсонъ былъ настоящимъ атлетомъ. Въ Оксфордѣ онъ слылъ первымъ боксеромъ, превосходилъ всѣхъ въ прыганья, бѣгѣ и удостоился Ньюгетской преміи въ 1806 году. Этотъ ученый былъ одаренъ большой физической силой и красотой; некто, знавшій его въ Оксфордѣ, описываетъ его, какъ «свѣтлокудраго Геркулеса-Аполлона». Всѣ свои каникулы онъ посвящалъ почти цѣликомъ пѣшеходнымъ путешествіямъ по Кумберленду, Уэстморленду, Валлису и Шотландіи и однажды обошелъ пѣшкомъ всю Ирландію. Когда Георгъ IV посѣтилъ Эдинбургъ, Уильсонъ, находившійся въ Кельсо, хотѣлъ пріѣхать оттуда въ длижанѣ; но все маѣста были разобраны на расхвѣтъ. Тогда на другое же утро въ четыре часа онъ выкупался въ Твидѣ, одѣлся

во все сърое, взялъ свою палку и прошелъ разстояніе въ пятьдесятъ двѣ мили, поспѣвъ въ Эдинбургъ къ обѣду.

Д-ръ Арнольдъ, учась въ Оксфордѣ, любилъ, по его выражению, «совершать набѣги на окрестности», и охота къ такого рода удовольствію никогда не покидала его. Въ Дельгемъ онъ принималъ участіе во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ своихъ учениковъ: въ прыганьѣ, купаньѣ и греблѣ, остальное же свободное время посвящалъ садоводству и прогулкамъ пѣшкомъ. Впослѣдствіи онъ находилъ большое наслажденіе въ природѣ Уэстморленда, гдѣ выстроилъ себѣ дачу. Онъ совершалъ дальняя прогулки по горамъ и любилъ распространяться о томъ, какъ его освѣжаетъ и бодритъ чистый горный воздухъ. Дѣйствительно, горный воздухъ есть одно изъ лучшихъ укрѣпляющихъ средствъ, которое возстановляетъ всего человѣка, душевно и тѣлесно, несравненно успѣшаще хинина и желѣза. Противъ мозгового переутомленія и нервной слабости, какъ его послѣдствія, горный воздухъ можно назвать почти специфическимъ лѣкарствомъ.

Но и полезными вещами можно однако злоупотреблять. Поѣздки въ Швейцарію, которая считается какъ-бы санаторіей, нерѣдко приносятъ большой вредъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ быстрый подъемъ на значительную высоту слишкомъ сильно возбуждаетъ кровообращеніе и тѣмъ увеличиваетъ нервную раздражительность. Большой теряетъ сонъ и можетъ избавиться отъ бессонницы только спустившись нѣсколько ниже. При всемъ томъ горный воздухъ оказываетъ удивительно цѣлебное дѣйствіе почти во всѣхъ болѣзняхъ, связанныхъ съ приливомъ крови къ мозгу. Впрочемъ нѣкоторые путешественники слишкомъ торопятся воспользоваться своимъ свободнымъ временемъ. Они кидаются съ мѣста на мѣсто, хлопочутъ съ своимъ багажемъ и железнодорожными билетами, при чемъ забываютъ то, что всего нужнѣе умственному работнику—отдыхъ и развлеченіе. Ихъ силы естественно изнуряются и они прѣз-

жаютъ домой еще въ худшемъ состояніи, чѣмъ уѣхали. Все это весьма недальновидно. Когда Аристотелю сказали, что однъ его близкій другъ не извлекъ пользы изъ своихъ путешествій, то философъ замѣтилъ: «Это оттого, что онъ путешествовалъ все время съ самимъ собою». Гораций давно еще совѣтовалъ своему больному другу дать себѣ отдыхъ, такъ какъ это есть самое лучшее лѣченіе. И это былъ действительно дѣльный совѣтъ. Сэръ Генри Голлендъ поставилъ себѣ за правило ежегодно пользоваться трехмѣсячной свободой и дѣлалъ эти каникулы временемъ полезной работы и старательныхъ наблюдений. Однако немногіе дѣловые люди могутъ воспользоваться такимъ продолжительнымъ отдыхомъ. Они принуждены проводить свои вакаціи болѣе прозаическимъ образомъ и тратить меныше времени на тѣлесныя упражненія. Нѣкоторые изъ нихъ освѣжаются охотой съ ружьемъ, другіе—уженiemъ рыбы; послѣднее есть самое спокойное изъ всѣхъ развлечений. Сэръ Генри Уэльтонъ называлъ его «праздное время, проведенное за дѣломъ». Ужение даетъ полный отдыхъ уму, между тѣмъ какъ тѣло освѣжается вдыханіемъ чистаго воздуха, а мускулы не устаютъ отъ забрасыванія удочки. Умственныe работники иногда слишкомъ поспѣшно пользуются своими развлечениями, но рыбная ловля не допускаетъ поспѣшности. Уэльтонъ и Коттонъ принадлежали къ числу перворазрядныхъ классическихъ удильщиковъ, и пристрастіе къ этому спокойному спорту скрѣшило ихъ дружбу. Уэльтонъ наслаждался этимъ «уединеннымъ порокомъ» (по опредѣленію Байрона) до своего девяносто первого года, хотя онъ не сравнялся въ долговѣчности съ знаменитымъ юркширскимъ рыболовомъ Генри Дженкинсомъ, который, по свидѣтельству нѣкоторыхъ лицъ, прожилъ болѣе ста лѣтъ. Поэтъ Драйденъ также былъ страстнымъ удильщикомъ, какъ и профессоръ Уэльтонъ, увлекавшійся рыбной ловлей съ самого дѣтства. Байронъ въ свою очередь занимался уженiemъ рыбы, но это была

слишкомъ скучная забава для его кипучей натуры. Она служила главнейшимъ развлечениемъ Эмерсона, механика-философа, который усердно удиль въ Тиссе, часто по пойте въ водѣ, чтобы забрасывать удочку надъ омутами и ямами, гдѣ держатся форели. Сэръ Гемфри Дэви отли-чался такой же страстью къ ловлѣ лососины, какъ и Джонъ Брайтъ. Дэви съ наслажденiemъ бралъ свою лесу и удочку и оставлялъ свою лабораторію для берега рѣки. Его раз-говоры непремѣнно переходили на рыбную ловлю и лосо-сину, а сочиненіе книги «*Salmonia*», какъ утверждаютъ, доставило ему больше удовольствія, чѣмъ подготовка любого изъ его трактатовъ по химії. Онъ посвятилъ и д-ра Уоллестона въ тайны рыболовнаго искусства, которое доставляло послѣднему большое удовольствіе подъ конецъ его жизни.

Впрочемъ надо сознаться, что уженье слишкомъ «мед-ленльная» забава для людей живого характера. Она, по словамъ сэра Гемфри Дэви, требуетъ большого терпѣнія, выдержки и самообладанія, а потому не годится для кипучихъ натуръ, которые хотятъ воспользоваться большимъ количествомъ мокрона въ короткій промежутокъ времени между своими занятіями и любятъ болѣе оживленный физический упражненія. Такъ д-ръ Самюэль Клеркъ отдыхалъ отъ трудовъ, перепрыгивая черезъ стулья и столы. Карди-наль Ришелье былъ другимъ охотникомъ до прыганья и однажды нечаянно попался на глаза посытителю, который увидаль, какъ его эминенція состязается въ ловкости съ своимъ слугою, стараясь прыгнуть выше отмѣтки на стѣнѣ.

Перемѣна работы сама по себѣ служить отдыхомъ. Все надоѣдаешь при слишкомъ продолжительномъ пользованіи, а тѣмъ болѣе какое-нибудь удовольствіе. Россини находилъ отдохновеніе отъ музыки въ кулинарномъ искус-ствѣ; онъ превосходно готовилъ макароны съ сыромъ. Гастрономы, избалованные самыми роскошными блюдами, иногда бываютъ рады вернуться къ простому столу; такъ

Софферъ, пресыщенный изысканной кухней, возвращался въ полночь домой съ обѣда, который былъ приготовленъ подъ его руководствомъ, останавливался у ларьковъ на Гей-маркетѣ и съ наслажденіемъ сѣдалъ на одинъ пенинъ хлѣбной колбасы. Точно такъ же лица, привыкшія къ наиболѣе сенсационнымъ произведеніямъ, порою бываютъ рады вернуться къ незатѣйливой и ничѣмъ не приправленной литературной пицѣ. Бальзакъ любилъ ходить по лавкамъ съ старинными вещами, отыскивая въ нихъ рѣдкости; но имъ руководила при этомъ особая цѣль. Онъ въ подробности знакомился съ старинной меблировкой и другими предметами домашняго обихода, чтобы описывать ихъ потомъ въ своихъ романахъ. Шюженъ держалъ собственную яхту, на которой плавалъ изъ одного французскаго порта въ другой, приставая къ берегу въ наиболѣе живописныхъ мѣстахъ и обогащая свой портфель рисунками самыхъ изысканныхъ произведеній архитектуры. Людямъ опредѣленной профессіи чрезвычайно полезно иметь какое-нибудь пристрастіе, заставляющее забывать на время обычныя заботы. Оно служитъ развлечениемъ, отрадой, отды-хомъ для ума и черезъ это оказываетъ благодѣтельное вліяніе, хотя само по себѣ бываетъ иногда совершенно бесполезно. Нѣкоторые отыжаются отъ работы за игрою на билліардѣ, которая, конечно, гораздо полезнѣе механическаго пересчитыванія черепицѣ на сосѣднай крышѣ, составлявшаго забаву Мозеса Мендельсона. Наблюденіе за шарами, катящимися въ лузы, различныя уловки при игрѣ доставляютъ совершенный отдыхъ переутомленнымъ умственнымъ способностямъ. Вдобавокъ ходьба вокругъ билліарда, удары киемъ требуютъ порядочнаго моціона. Лордъ Пальмерстоунъ игралъ на билліардѣ какъ ради развлечения, такъ и ради моціона, при чемъ его лучшіе удары обыкновенно были не болѣе какъ счастливою случайностью. Билліардъ служилъ единственнымъ развлечениемъ Моцарта по своей доступности во всякое время и во всякую погоду.

Англійскій музыкантъ Этвудъ, учившійся у Моцарта, рассказывалъ, что маэстро всегда охотнѣе игралъ съ нимъ партію на билліардѣ, чѣмъ даваль ему урокъ.

Развлеченіемъ Мильтона была музыка. «Когда страданія его затихали,—говорить Джонсонъ,—то онъ любилъ качаться въ кресль, а иногда игралъ на органѣ». Альфieri также находилъ большую отраду и вдохновеніе въ музыкѣ. «Ничто,—говаривалъ онъ,—не трогаетъ такъ моего сердца, душа и ума, не поднимаетъ такъ моихъ способностей, какъ музыка, въ особенности музыка женскаго голоса. Почти все мои трагедіи были задуманы подъ непосредственнымъ дѣйствиемъ музыки». Джереми Бентамъ, поселившійся въ домѣ Мильтона, питалъ такую же любовь къ музыкѣ. Онъ завелъ себѣ органъ *) и почти въ каждой комнатѣ у него стояло фортепіано. Чуть-ли не единственнымъ мотіономъ служила ему прогулка въ маленькомъ садикѣ, где его можно было видѣть прохаживающимся по аллеѣ—въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ, натянутыхъ на колѣни сверхъ короткихъ брюкъ—и совершающимъ, какъ онъ выражался, «свои предобѣденныя круговороты». Вдобавокъ Бентамъ былъ большой любитель кошекъ; его любимый котъ назывался Ленгбурнъ; онъ хвалился, что превратилъ это животное въ человѣка, и сначала возвелъ его въ рыцарское достоинство, а въ преклонные годы началь даже брать съ собою въ церковь подъ именемъ «достопочтенного д-ра Ленгбурна».

*) «Я только-что разорился на два предмета прихоти,—пишетъ Бентамъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—одинъ изъ нихъ—органъ, стоящий 230 фут. стерлинговъ; онъ возвышается отъ полу до потолка въ моемъ кабинетѣ и похожъ на слона или носорога. Эта штука такъ загромоздила комнату, что между нимъ и книжнымъ викаломъ едва помѣщается маленький обѣденный столъ. Вторая, купленная мною, вещь стоитъ въ моей спальнѣ. Это—аппаратъ, нагревающій воздухъ посредствомъ пара; въ него же вѣлаца ванна... Музыка—единственное средство, разгоняющее мою сонливость послѣ обѣда».

Кребильонъ былъ также большимъ любителемъ кошекъ и собакъ, привязанность которыхъ, какъ онъ говорилъ, утѣшала его въ людской неблагодарности. Однажды, несмотря на свою бѣдность, онъ явился домой, неся двухъ новыхъ собакъ подъ мышкой; тутъ жена замѣтила ему, что у нихъ въ домѣ уже заведено восемь собакъ и пятнадцать кошекъ, такъ что она не знаетъ, изъ чего приготовить мужу обѣдъ. Гельвецій, авторъ «Ума», былъ такимъ же охотникомъ до кошекъ, которыхъ у него было до двадцати штукъ, и все онѣ пользовались самымъ удобнымъ помѣщеніемъ и сытнымъ кормомъ. Эти спбараты наряжались въ шелкъ, атласъ и бархатъ и волочили за собою шлейфы съ важностью парламентскихъ советниковъ. Сентъ-Эврemonъ питалъ слабость къ уткамъ и другой домашней птицѣ, которую держалъ у себя въ комнатѣ и безпрестанно кормилъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе говорить: «Когда мы стараемся, когда наша бодрость ослабываетъ, то мы оживаемъ, если окружены множествомъ живыхъ существъ и проводимъ съ ними много времени».

Лордъ Эрскайнъ, подобно Вальтеру Скотту, имѣлъ страсть къ собакамъ. У него всегда было ихъ нѣсколько и онъ былъ сильно къ нимъ привязанъ. Одна собака находилась постоянно при немъ, сопровождала его въ судь и на всѣ засѣданія; другая, его любимица, была спасена имъ отъ смерти; будучи лордомъ-канцлеромъ, онъ увидаль однажды толпу мальчишекъ, собиравшихся убить собаку подъ тѣмъ предлогомъ, что она бѣшеная; онъ отняль у нихъ несчастное животное и съ тѣхъ поръ не разставался съ нимъ. У него былъ также любимый гусь, важно шагавшій за своимъ хозяиномъ по его владѣніямъ, и даже двѣ любимыхъ плявки. Онъ помогли ему въ тяжкой болѣзни, и знаменитый государственный мужъ ежедневно самъ перемѣнялъ имъ воду, увѣряя, что онѣ его знаютъ и признательны за его попеченія.

У лорда Байрона любовь къ животнымъ доходила до

маніп. Въ Кембриджѣ онъ держаль бульдоговъ и медвѣдя; а когда Шелли посѣтилъ его въ Равеннѣ, то нашелъ величественный домъ поэта наполненнымъ звѣрями и птицами. «Штатъ лорда Байрона,— пишетъ онъ въ одномъ письмѣ къ Чикагоу,— состоитъ, кроме слугъ, изъ десяти лошадей, восьми громадныхъ собакъ, трехъ обезьянъ, пяти котовъ, орла, вороны и сокола; и всѣ эти животные, исключая лошадей, бродятъ по дому, который отговаривается порою ихъ непримиримыми ссорами, какъ будто они его настоящіе хозяева». Въ постскриптумѣ письма Шелли прибавляется: «Я вижу, что мое перечисленіе четвероногихъ и пернатыхъ въ этомъ дворцѣ Цирцеи оказывается неполнымъ; въ немъ есть важный пропускъ. Сейчасъ я встрѣтилъ на лѣстницѣ пятерыхъ пасленовъ, двоихъ фазановъ и египетскаго журавля».

Въ числѣ другихъ странныхъ привязанностей подобнаго рода можно указать на привязанность Рембрандта къ своей обезьянѣ, смерть которой причинила ему столько горя, на привязанность Рихтера къ его бѣлкамъ, Летюда—къ его крысамъ, Гете—къ его змѣю, Купера—къ его зайцамъ и Пеллісона—къ его пауку. Нѣкоторые любимцы изъ животнаго царства соединяются съ великими историческими именами, какъ, напримѣръ, коршунъ Семирамиды, бабочка Варгилія, скворецъ Нерона, змѣя Тиверія, курица Гонорія, обезьяна Коммода, воробей Геліогабала и голубка Магомета.

Нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ людей любили дѣтское общество. Рихтеръ говорить, что надо избѣгать человѣка, который не терпитъ дѣтского присутствія. Строгій Катонъ, несмотря на важнѣйшія дѣла республики, никогда не выходилъ поутру изъ дома, не посмотрѣвъ, какъ жена моетъ и одѣваетъ ребенка. Цицеронъ, окончательно отѣлавъ свои рѣчи, звалъ своихъ дѣтей и возился съ ними. Сидней Смитъ говорить: «Виды счастья разнообразны и, пошалуй, непостижимы; но всего чаще ветрѣчаль я его

среди маленькихъ дѣтей, у домашняго очага и въ сельскихъ жилищахъ».

Кто могъ бы подумать, что важный и серьезный Уильямъ Питтъ находилъ для себя величайшее удовольствіе въ кругу дѣтей! Тутъ его кажущаяся холодность и надменность совершенно исчезали. Сэръ Уильямъ Непиръ въ мальчишескіе годы забавлялся шумными играми съ Питтомъ въ домѣ леди Стенгопъ. Онъ описалъ это посѣщеніе, произшедшее за два года до смерти знаменитаго государственного человѣка. «Питтъ,—рассказываетъ онъ,—любилъ возню и дурачества, въ которыхъ принимала участіе леди Эстеръ, Чарльзъ и Джемсъ Стенгопъ и я. Однъ случай врѣзался у меня въ памяти. Мы рѣшили вымазать Питту лицо жженой пробкой, а онъ отъ насъ отбивался. Въ самомъ началѣ битвы вошелъ слуга съ докладомъ, что лорды Кестлъри и Ливерпуль желаютъ видѣть его по дѣлу. «Пускай подождутъ въ другой комнатѣ»,—послѣдоваль отвѣтъ, и великий министръ тотчасъ вернулся къ дракѣ, схвативъ подушку и защищаясь ею. Однако, насть было слишкомъ много и мы одолѣли его, повалили на полъ и принялись мазать ему сажей лицо. Тутъ, сдѣлавъ видъ, что онъ не сомнѣвается въ своей ловкости, Питтъ воскликнулъ: «Постойте, довольно; я поколотилъ бы васъ, но нельзя дольше заставлять дожидаться такихъ важныхъ господъ!» Между тѣмъ его пораженіе было очевидно. Мы были принуждены достать ему полотенце и тазъ съ водою, чтобы онъ могъ вымыться, прежде чѣмъ принять посѣтителей. Совершивъ свой туалетъ, Питтъ задвинулъ тазъ за диванъ и оба лорда вошли въ комнату». Послѣ довольно продолжительнаго совѣщенія министры уѣхали, и возня съ дѣтьми возобновилась снова. Обращеніе и привычки, можетъ быть, лучше всего обнаруживаютъ истинный характеръ человѣка. Любовь Питта къ дѣтямъ бросаетъ новый свѣтъ на его внутреннюю сторону. Случай, приведенный выше, былъ бы менѣе замѣчательнъ, если бы первый министръ

быть самъ отцомъ, но онъ оставался одинокимъ холостякомъ до конца жизни.

Главнымъ развлечениемъ Лейбница было смотрѣть на забавы дѣтей, которыхъ онъ собиралъ у себя въ рабочей комнатѣ; этотъ ученый также принималъ участіе въ ихъ дурачествахъ. Сидя въ покойномъ креслѣ, онъ любовался имъ рѣзвостью, вслушивался въ ихъ разговоры и наблюдалъ ихъ различные склонности; достаточно насладившись этимъ невиннымъ зрѣлищемъ, онъ отпускалъ дѣтишекъ, надѣливъ ихъ лакомствами, и съ удвоенной энергией принимался опять за свои занятія.

Расинъ съ удовольствіемъ участвовалъ въ забавахъ своихъ дѣтей. Однажды, когда герцогъ Кондэ пригласилъ поэта отобѣдать съ избраннымъ обществомъ въ своемъ дворцѣ, Расинъ отклонилъ эту честь, извиняясь тѣмъ, что цѣлую недѣлю былъ въ отлучкѣ изъ дому и только-что принялъ приглашеніе своихъ дѣтей полакомиться вмѣстѣ съ ними карпомъ, котораго они поймали въ отсутствіе отца и вздумали сохранить до его возвращенія. «Я помню одну процессію, устроенную нами, — говорить Луи Расинъ въ мемуарахъ обѣ отцѣ: — мои сестры играли роль духовенства въ этомъ торжественномъ шествіи, я изображалъ священника, тогда какъ авторъ «Аталіи» пѣлъ съ нами хоромъ».

Руссо признавался, что величайшимъ удовольствіемъ для него было смотрѣть на веселыя игры дѣтей. «Часто останавливался я на улицахъ, — разсказываетъ онъ, — чтобы наблюдать ихъ игры и упражненія въ ловкости съ интересомъ, какого не замѣчалъ въ другихъ». Но какая непостижимая непослѣдовательность: своихъ собственныхъ дѣтей Руссо отправлялъ въ воспитательный домъ и ни за что не хотѣлъ ихъ признавать!

Наполеонъ и Веллингтонъ оба чрезвычайно любили дѣтей. Наполеонъ бралъ малютку, римскаго короля, на руки и, ставъ передъ зеркаломъ, корчилъ самыя уморительныя

грифасы. За завтракомъ онъ сажалъ ребенка на колѣни, макалъ его пальцы въ соусъ и мазалъ ему лицо; гувернантка наслѣдника ворчала, императоръ хохоталъ, ребенокъ, вѣчно довольный, казался въ восторгѣ отъ грубыхъ ласкъ отца.

Веллингтонъ былъ большимъ любимцемъ дѣтей. Онъ принималъ участіе въ ихъ шалостиахъ, постоянно дарилъ имъ маленькие подарки и картинки. Одною изъ любимыхъ игръ Наполеона были жмурки. Кеннингъ и сэръ В. Скоттъ предавались этой забавѣ съ принцессой Каролиной во время ея пребыванія въ Монтею-гоузѣ.

Первымъ удовольствиемъ де-ла-Бейля было любоваться представлениями полишинеля; едва заслышиавъ пронзительный визгъ «Петрушки», онъ тотчасъ бросалъ свои книги, выбѣгалъ на улицу и смотрѣлъ до конца кукольную комедію, не обращая вниманія даже на проливной дождь. Ирландскій ораторъ Керренъ, Чарльзъ Лембъ и Дугласъ Джеррольдъ принадлежали къ числу почитателей Понча (полишинеля у англичанъ). Бейль также любилъ ходить по пятамъ фокусниковъ и гимнастовъ и смотрѣть ихъ упражненія на улицѣ. Поэту Тассо нравились маскарады и развлеченія простонародья на общественныхъ торжествахъ. Макіавелли находилъ отдохновеніе въ ловлѣ дроздовъ силками, ради которой поднимался до разсвѣта; иногда онъ заглядывалъ въ придорожную таверну, где игралъ въ трикъ-тракъ съ мясникомъ, мельникомъ и рабочимъ, обжигавшимъ известіе.

Для людей, нуждающихся въ развлеченіяхъ и отдыхѣ отъ жизненныхъ тревогъ, очень важно имѣть къ чему-нибудь пристрастіе. У человѣка всегда должно быть любимое занятіе подъ рукою, за которое онъ можетъ съ удовольствіемъ браться въ часы досуга. Важнейшій секретъ довольства заключается въ осмотрительномъ пользованіи мелкими удовольствіями, если крупные рѣдки и недоступны. «Многіе гоняются за блаженствомъ,—говоритъ Шерпъ,—подобно раз-

съянному человѣку, который мечется, отыскивая свою шляпу, между тѣмъ какъ она у него на головѣ или въ руки». Можетъ быть, одна изъ человѣческихъ потребностей состоитъ въ томъ, чтобы мы имѣли какое-нибудь захватывающее, поглощающее занятіе, способное отвлечь нашъ умъ отъ испытаній и непрѣятностей, окружающихъ насъ въ практической жизни. Но и мелкими радостями нельзя пренебрегать; вотъ на какомъ основаніи такъ полезны пристрастія, если они не принимаютъ болѣзнетнаго характера.

Время проходить для насъ гораздо пріятнѣе, если мы всегда чѣмъ-нибудь заняты. Когда же выпадаютъ минуты досуга, очень отрадно посвящать ихъ тому или другому любимому дѣлу. Работа доставляетъ наслажденіе честному труженику; когда же мы освобождаемся отъ труда, который не особенно намъ по душѣ, тѣмъ пріятнѣе бываетъ отдаваться работѣ, согласной съ нашими вкусами. Полезное всегда можетъ идти обѣ руку съ пріятнымъ. Археология была пристрастіемъ д-ра Шлимана. Проведя юность въ лишеніяхъ и физическомъ трудѣ, онъ нажилъ состояніе, и, обожая Гомера, посвятилъ себя решенію вопроса, разсѣдоватъ который отказывались люди съ болѣе крупными способностями. За то археологическая изысканія Шлимана, производившіяся съ величайшимъ терпѣніемъ и энергию, увѣнчались желаннымъ успѣхомъ *).

Но еще болѣе полезнаго результата достигъ Чарльзъ Уитстонъ, предаваясь въ часы досуга своему любимому занятію—опытамъ съ электричествомъ: оно привело его къ разработкѣ идеи электрическаго телеграфа. Сначала онъ былъ мастеромъ музыкальныхъ инструментовъ, которыми торговалъ, и, чтобы усовершенствоваться въ своемъ искусстве, этотъ скромный механикъ принялъся теоретически и практически знакомиться съ учениемъ о звукахъ. Это привело

*) Шлимантъ, русскій подданный, отыскивалъ и нашелъ развалины древней Трои въ концѣ XIX столѣтія.

Прим. ред.

его къ знакомству съ прочими отраслями физики, послѣ чего онъ началъ въ свободные часы мастерить игрушки для наглядного показанія свойствъ электричества. Голль въ своемъ «Ретроспективномъ взглѣдѣ на долгую жизнь» говоритъ: «Однажды вечеромъ при мнѣ къ живописцу Джону Мартину пришелъ молодой человѣкъ, доставившій большое удовольстіе собравшемуся обществу, заставивъ плясать на рояль куклу; онъ вызвалъ всеобщій смѣхъ, когда сказалъ: «Вы, конечно, удивитесь, если я вамъ объясню, что все это сдѣлано посредствомъ молніи». То былъ Чарльзъ Уитстонъ, впослѣдствіи сэръ Чарльзъ Уитстонъ, членъ Королевскаго общества. Въ этой куклѣ, пожалуй, скрывался первый намекъ на электрическій телеграфъ, зародышъ открытія, опоясавшаго земной шаръ электрическимъ поясомъ въ тысячу кратъ чудеснѣе того, которымъ Пукъ обѣщалъ окружить землю въ сорокъ минутъ.

Ніенъ также работалъ, увлекаемый своимъ пристрастиемъ, хотя не успѣлъ дожить до полнаго развитія своей идеи. Онъ состоялъ поручикомъ въ первомъ полку французскихъ драгунъ, когда въ минуты досуга сталъ заниматься химіей и постепенно дошелъ до открытія фотографіи. Его примѣръ доказываетъ, что и самое неблагопріятное положеніе не мѣшаетъ совершенствоваться въ чёмъ-нибудь въ свободное время. Въ свою очередь Монпертою, состоя въ чинѣ капитана въ драгунскомъ полку, занимался математикой, въ которой достигъ такой знаменитости. Пикарь изучалъ астрономію и положилъ основаніе своей славѣ, служа садовникомъ у герцога де-Креки. Д-ръ Гедень, имѣя обширную хирургическую практику въ Уэстендей, въ Лондонѣ, занимался ради развлеченія гравировальнымъ искусствомъ. Онъ достигъ въ немъ замѣчательного совершенства и эта забава стала приносить ему выгоду. Гравируя на доскѣ прямо съ натуры, онъ создавалъ произведенія, полныя силы и красоты. Французскій критикъ Бюрти обнаруживаетъ свою проницательность въ правильной оценкѣ

такого художника чисто англійского пошиба, какимъ былъ Геденъ. Нельзя не удивляться, что подобная законченность въ искусствѣ была достигнута хирургомъ съ обширной практикой, но въ то же время это должно ободрить другихъ любителей, которые, подобно ему, хотя и въ меньшей степени, одарены артистическимъ проникновеніемъ и чувствомъ.

Лессель, крупный ливерпульскій пивоваръ, обратился отъ солода къ астрономіи. Онъ соорудилъ великолѣпный телескопъ, пожертвованный послѣ его смерти родственниками англійской націи и находящійся теперь на королевской обсерваторіи въ Гринвичѣ. Съ помощью этого инструмента Лессель открылъ не менѣе шестисотъ неизвѣстныхъ прежде туманныхъ пятенъ. Кромѣ того имъ открыты: девятая звѣзда въ созвѣздіи Ориона, спутникъ Нептуна, восьмой спутникъ Сатурна и два добавочныхъ спутника Урана.

Другой выдающійся астрономъ, оставлявшій инженерное дѣло для созерцанія небесъ, былъ Джемсъ Несмитъ, сочиненіе котораго «О лунѣ» приводило въ восхищеніе всѣхъ, ознакомившихся съ нимъ и вникавшихъ въ его дивныя иллюстраціи. Изобрѣтенія были дѣломъ цѣлой жизни Уатта, а въ старости превратились въ его конекъ. «Что за жизнь безъ конька?»—говаривалъ онъ обыкновенно. Этотъ человѣкъ находилъ обильный источникъ развлечений въ самомъ себѣ, обрѣталь удовольствіе какъ въ спокойномъ размышленіи, такъ и въ дѣятельной работѣ. Его жажда знаній была неутолима и онъ продолжалъ свои опыты надъ воздухомъ, свѣтомъ и электричествомъ. Семидесятилѣтній д-ръ Джонсонъ говорилъ: «Человѣкъ самъ виноватъ, если по недостатку упражненія его умъ теряетъ въ старости свою подвижность и становится неповоротливымъ».

Знаменитый Гельмгольцъ считалъ начало своихъ научныхъ занятій съ того времени, когда съ нимъ случился тифъ. Благодаря болѣзни, онъ имѣлъ возможность пріобрѣсти микроскопъ, такъ какъ, по его словамъ, «провелъ

свои осенние каникулы въ больнице, заболѣвъ тифозной горячкой. Въ качествѣ учащагося на казенный счетъ, я пользовался бесплатнымъ лѣченіемъ и ко дню выхода изъ госпиталя отъ моихъ скучныхъ ресурсовъ у меня оказались маленькия сбереженія». Что совершилъ Гельмгольцъ въ наукѣ съ помощью своего микроскопа, можно узнать изъ научныхъ лѣтописей.

Линдлей Мёррей обязанъ своей славой случаю. Съ нимъ приключилась болѣзнь, которая не позволяла ему выходить изъ дома и заставила прервать обычныя занятія. Тогда онъ принялъ отъ скучи за чтеніе книгъ и впослѣдствіи сдѣлался выдающимся писателемъ. Дэвидъ Олленъ, шотландскій Гоггардъ, какъ его называли, обжегъ себѣ ногу и, отъ нечего дѣлать, забавлялся, разрисовывая поль кускомъ мыла. Выздоровѣвъ и вернувшись въ школу, онъ продолжалъ свое занятіе, въ которомъ напрактиковался настолько хорошо, что набросалъ карикатуру школьнаго учителя, наказывающаго ученика. Рисунокъ показали учителю, и Олленъ былъ тотчасъ исключенъ. Но когда карикатура попала на глаза просвѣщенному человѣку, записывавшему народные обычай Эллоа, гдѣ отецъ Оллена занимался разгрузкой судовъ, то даровитаго мальчика отправили въ Глазго учиться живописи, и съ того дня его успѣхъ былъ обеспеченъ.

Любовь къ знанію и даже къ знанію, кажущемуся безполезнымъ, лучше всего предохраняетъ отъ пошлости въ себялюбивомъ нашемъ мірѣ. Священное Писаніе указываетъ на праздность, почти какъ на источникъ грѣха: «и съ той поры они научились праздности, переходя изъ дома въ домъ; и ови сдѣлались не только праздными, но и болтунами, и смутьянами, говорившими то, чего не слѣдуетъ говорить». Лучше иметь даже бесполезное пристрастіе, чѣмъ сдѣлаться болтуномъ и смутьяномъ. «Счастливъ тотъ,—говорить лордъ Брумъ,—у кого есть конекъ», а самъ онъ имѣть ихъ нѣсколько. «У каждого есть свой конекъ,—

говаривалъ Уильямъ Геттонъ,—и ничего нѣтъ предосудительного въ томъ, чтобы забавляться имъ въ мѣру. Благоразуменъ тотъ, кто умѣеть пользоваться дешевымъ удовольствиемъ безъ ущерба своему дѣлу».

Нѣкоторые имѣютъ пристрастіе къ книгамъ, которыхъ, пожалуй, не читаютъ; они цѣнятъ въ нихъ рѣдкость, переплѣтъ или старину. У другихъ бываетъ страсть къ картинаамъ—рѣдкимъ и порою нестоющимъ образцамъ старинной живописи. Третыи наконецъ увлекаются автографами, вслѣдствіе чего у насъ пошла такая мода на книги, полученные въ подарокъ ко дню рожденія, и на старыя письма знаменитыхъ людей, продающіяся за баснословныя суммы. Славость нѣкоторыхъ составляетъ музыка. Невинная пристрастія дѣйствительно служатъ лучшей отрадой человѣка, но бываютъ слабости довольно вреднаго свойства. Говоря вообще, страсть къ чему-нибудь поддерживаетъ въ насъ хорошее настроеніе и здоровье и является неизменнымъ товарищемъ на склонѣ дней.

Впрочемъ у иныхъ пристрастія принимаютъ и смѣшное направленіе. Такъ Карлъ V въ своемъ добровольномъ уединеніи развлекался тѣмъ, что постоянно заводилъ множество карманныхъ часовъ, и его удивляло, что они никогда не могутъ идти ровно. То же самое примѣнено и къ большинству человѣческихъ умовъ: они не могутъ не отставать одинъ отъ другого. Отсюда различіе взглядовъ, мнѣній и цѣлей. Самъ Роджерсъ любилъ разсказывать анекдотъ о первозномъ господинѣ, имѣвшемъ пристрастіе къ противопожарнымъ средствамъ. Онъ изобрѣлъ подобіе мышка, въ которомъ можно было разомъ спуститься изъ окна. Разбуженный однажды ночью сильнымъ шумомъ, который онъ принялъ за грохотъ колесъ пожарной машины, и вдругъ вокъ оглушительнымъ стукомъ въ дверь, чудакъ поспѣшилъ спуститься въ свое мѣшокъ и очутился на улицѣ у своего подъѣзда какъ разъ во-время, чтобы подать руку женѣ, выходившей изъ кареты по возвращеніи изъ оперы!

Въ заключеніе этой главы, посвященной вопросамъ о здравьи и отдыхѣ, будетъ неллишнимъ прибавить, что мозговые работники единодушно высказываются въ пользу умѣренности и воздержности во всемъ — въ умственныхъ занятіяхъ, въ физическихъ упражненіяхъ, въ їѣдѣ, питьѣ и самомъ отдохновеніи. По словамъ Бэкона, «природу легче всего подчинить себѣ, повинуясь ей»; умѣренность же есть законъ природы, «золотая средина» Горация, которую Юмъ считаетъ высшимъ земнымъ благомъ, потому что умѣренность позволяетъ наслаждаться жизнью и, следовательно, служить къ ея продолжительности.

Древніе признавали правило, что гений воспитывается умѣренностью. Желудокъ, какъ уже было сказано выше, играетъ важную роль въ нашемъ организмѣ, но излишества въ пицѣ и питьѣ часто наносятъ ему роковой вредъ. Можно съ достовѣрностью сказать, что гораздо большее число людей гибнетъ отъ избытка питанія, чѣмъ отъ недостатка пищи. Обыкновенно умственные работники єдятъ скорѣе слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало, между тѣмъ обремененіе желудка несомнѣнно ведетъ къ поврежденію мозга *). «Ни единый человѣкъ, любящій свое горло и свой желудокъ,—говорилъ Скаронъ,—не создалъ ничего прекраснаго».

Умѣренность была одной изъ главныхъ добродѣтелей Платона. Сократъ єѣлъ мало и никогда добровольно не пилъ много. Цицеронъ и Плутархъ въ своихъ произведеніяхъ оба высказались въ пользу воздержной жизни и ра-

*) Сидней Смитъ въ письмѣ къ лорду Меррею говоритъ, шутя: «Если вы желаете чего-нибудь, похожаго на счастье, въ ящомъ акѣ вашей жизни, то єшьте и пейте приблизительно вполовину меныше обыкновеннаго. Сообщалъ ли я вамъ когда-нибудь мой расчетъ по частямъ їѣды и питья? При этомъ я опредѣлилъ вѣсъ пищи, которой мнѣ было бы достаточно для поддержанія моего здоровья и силы, и вѣсъ той пищи, которую я уничтожилъ на самомъ дѣлѣ. По моему вычислению, между десятью и семьюдесятью годами я съѣлъ

стательной пищи. Юлій Цезарь былъ въ дѣтствѣ хилаго и слабаго сложенія, но воздержная жизнь и постоянныя тѣлесныя упражненія закалили его здоровье, давъ ему способность переносить величайшіе труды и усталость.

«Наблюдай за своимъ тѣломъ, если хочешь, чтобы твой умъ работалъ правильно»,—сказалъ Декартъ. Жизненная сила того и другого должна поддерживаться для продолженія здоровья и работоспособности. Несмотря на слабое сложеніе, Ньютона и Кантъ прожили до преклонныхъ лѣтъ, благодаря воздержанію и умѣренности. Фонтенель занималъ самое видное положеніе въ литературѣ и въ науки цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, а дожилъ до ста. Секретъ его долголѣтія, несмотря на врожденную слабость здоровья, заключался въ крайнемъ воздержаніи и заботливомъ сбереженіи жизненныхъ силъ. Будучи близокъ къ смерти, онъ говорилъ окружающимъ: «Я не страдаю, друзья мои, мнѣ только становится немножко трудно жить». Его смерть была подобна отходу ко сну послѣ долгаго путешествія или незамѣтной остановкѣ качающагося малтика. Обычаемъ Фонтенеля было быть умѣренно или не быть совсѣмъ, пока природа не потребуетъ пищи; воздерживаться отъ занятій, когда они становились утомительными; не проводить ни одного дня безъ какого-нибудь дѣла, но никогда не работать до излѣшства и, въ заключеніе, всегда быть веселымъ. «Что за философія безъ веселости?»—говаривалъ онъ.

Вольтеръ неизмѣнно признавалъ, что можетъ жить

въ твердомъ и жидкому видѣ сорокъ возовъ мяса, а выпилъ больше того, чѣмъ было необходимо для поддержанія моего здоровья. Стоимость этой массы пищи, по-моему, равняется семи тысячамъ фунтовъ стерлинговъ. Мнѣ приходило въ голову, что моя прокорая вость, можетъ быть, довела до голодной смерти около ста человѣкъ. Это ужасное вычисление, во неопровергнутое вѣрное, и я полагаю, дорогой Меррей, что къ вашимъ возамъ мяса пришлось бы припречь еще по одвѣй лошади въ каждому».

лишь благодаря правильному образу жизни. Слабый отъ природы, онъ страдалъ болѣзнию печени и разстройствомъ пищеваренія, въ молодости перенесъ цынгу и чуть не умеръ отъ натуральной осны, а подъ старость его попрерѣмѣнно мучили ревматическая подагра, рожистое воспаленіе, колики и воспаленіе глазъ. Однако, воздержность во всемъ и правильный образъ жизни помогли ему пережить всѣхъ своихъ современниковъ *).

Микѣль Анджело сохранилъ свою работоспособность необыкновенной воздержностью и цѣломудріемъ жизни. Небольшое количество хлѣба и вина—это было все, что ему требовалось въ продолженіе почти цѣлаго дня, пока онъ занимался своей работой; но великий художникъ тщательно избѣгалъ работать до усталости. Бюффонъ отличался трезвостью и умѣреннымъ образомъ жизни, но строго соблюдалъ время своей єды. Его завтракъ состоялъ изъ куска хлѣба и небольшого количества вина, разбавленнаго водою. За обѣдомъ онъ єѣль мало, предпочитая рыбные блюда, за которыми слѣдовала обильный десертъ изъ фруктовъ. Къ концу жизни этотъ ученый сталъ довольно-строваться еще болѣе скудной пищей. Его обѣдъ, вскорѣ послѣ полудня, состоялъ изъ тарелки супа и двухъ свѣжихъ яицъ въ смятку. Вина онъ пилъ мало и не употреблялъ ни кофе, ни ликеровъ. Послѣ обѣда Бюффонъ отдыхалъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, потомъ гулялъ въ паркѣ или по террасѣ своего замка. Въ пять часовъ вечера онъ садился къ письменному столу и работалъ до девяти часовъ, послѣ чего принималъ участіе въ оживленной бесѣдѣ семейнаго кружка.

*) Однажды Вольтеръ сказалъ своей племянницѣ, г-жѣ де Фонтенъ, которая была превосходной художницей: «Если вамъ вздумается написать больного закутаннаго старика съ перомъ въ одной рукѣ и ревенемъ въ другой, между докторомъ и секретаремъ, съ книгами и медицинскими инструментами, въ такомъ случаѣ отдайте предпочтеніе мнѣ».

Кантъ, какъ мы уже говорили, былъ въ дѣтствѣ слабыемъ ребенкомъ, однако, благодаря воздержности и умренному питанію, онъ дожилъ до глубокой старости. Одинъ изъ его биографовъ разсказываетъ, что время философа распредѣлялось съ правильностью и точностью часовъ на соборной колокольнѣ. Мелочная осторожность, строго обдуманная точность по части питья, ёды, одежды, вставанія и отхода ко сну навлекали на него насмѣшки многихъ; за то Кантъ продлилъ свою жизнь почти до ста лѣтъ и оставилъ послѣ себя произведенія, отмѣченныя умственной мощью и составляющія славу его націи.

Д-ръ Адамъ Фергюсонъ, знаменитый авторъ «Римской исторіи», вслѣдствіе мозгового переутомленія получилъ апоплексический ударъ, отъ котораго, по свидѣтельству лорда Конбёрна, едва не умеръ на пятидесятомъ году; тѣмъ не менѣе строгій порядокъ въ образѣ жизни помогъ ему прожить невредимымъ умственно и тѣлесно почти еще пять десяти лѣтъ. Послѣ удара Фергюсонъ отказался отъ вина и животной пищи и поддерживалъ себя только молокомъ и овощами *). На семьдесятъ второмъ году жизни онъ отправился въ Римъ (въ тѣ времена путешествіе туда было гораздо утомительнѣе, чѣмъ теперь), съ цѣлью собрать свѣжіе материалы для своей «Исторіи».

Баронъ Мезерстъ, дожившій до девяноста лѣтъ, отличался крайней воздержностью въ пищѣ и вдобавокъ постился одинъ день въ недѣлю, обходясь безъ обѣда и довольствуясь однимъ ломтикомъ поджаренаго хлѣба къ чаю. Одинъ знаменитый врачъ спросилъ у старика замѣчательной крѣпости, какого правила придерживался онъ въ жизни. «Я ёль только разъ въ день», — послѣдовалъ отвѣтъ.

*) Въ «Мемуарахъ своего времени» Конбёрнъ говоритъ: «Я никогда не слыхивалъ, чтобы онъ обѣдалъ у кого-нибудь, кроме своего родственника, д-ра Джозефа Блэка, гдѣ, по словамъ его сына, сэра Адама (друга Вальтера Скотта), любопытно было видѣть обоихъ философовъ, пирующихъ за блюдомъ пареной рѣши».

«Молчите объ этомъ,—воскликнулъ докторъ,—если-бъ вашъ секретъ получиль огласку и всѣ стали бы вамъ подражать, то врачебной профессіи прищель бы конецъ!»

Воздержаніе было правиломъ жизни Уильяма Геттона изъ Бирмингема, хотя онъ и не отказывался при случай отъ стакана пива. Однако, на восемьдесятъ первомъ году онъ пересталь его употреблять, чтобы избавиться отъ приступовъ каменной болѣзни. Онъ ограничился питьемъ одного молока, и болѣзнь прошла. Джонъ Уэслей былъ одинъ изъ воздержнѣйшихъ людей, хотя въ то же время и одинъ изъ самыхъ прилежныхъ работниковъ. Онъ обыкновенно не пилъ ни вина, ни пива, ни другихъ спиртныхъ напитковъ и много лѣтъ подъ-рядъ не пробовалъ мясной пищи, даже когда во время своихъ путешествій проѣзжалъ ежегодно отъ четырехъ до пяти тысячъ миль. Свое здоровье и свою продолжительную трудовую жизнь онъ самъ приписывалъ правильности привычекъ, умѣренности, мочиону и веселости. «Я чувствую и огорчаюсь,—говаривалъ онъ,—но благодаря Бога ничего не боюсь».

Мы приводили уже примѣръ генерала Томпсона, отказавшагося отъ вина, пива, крѣпкихъ напитковъ и мясной пищи, чтобы избавиться отъ наслѣдственной подагры, что ему удалось вполнѣ. Сэръ Чарльзъ Непири, герой Міэни, обыкновенно воздерживался отъ вина и напитковъ, полученныхъ путемъ броженія, а по временамъ ограничивался исключительно растительной пищей. Свою энергию и работоспособность онъ самъ приписывалъ этой обычной воздержности. Извѣстно также, что профессоръ Френсисъ Ньюменъ находилъ полное воздержаніе отъ мясной пищи единственнымъ средствомъ отъ застарѣлаго разстройства желудка, которое мучило его долгіе годы.

Д-ръ Чейнъ, знаменитый врачъ, написалъ сочиненіе о сплинѣ и желудочныхъ газахъ, назвавъ этотъ недугъ «болѣзнью англичанъ». На изученіе упомянутаго предмета его навела собственная наклонность къ тучности. Онъ

въсилъ не меныше тридцати двухъ стонъ *) и вдобавокъ страдалъ «одышкой, сонливостью и апатіей». Перепробовавъ безъ пользы различные способы лѣченья, Чейнъ пришелъ наконецъ къ тому, что сталъ питаться только молокомъ, хлѣбомъ, крупами разнаго сорта, мучнистыми овощами и плодами и такой діѣтой возвратилъ себѣ здоровье, єнергію и веселость. Філантропъ Говардъ былъ такжедержанъ, не ъѣлъ мяса и не пилъ вина. Когда его спрашивали, какимъ образомъ онъ сохранилъ здоровье и избѣжалъ зараженія тифомъ и другими болѣзнями въ тюрьмахъ, которыя постоянно посѣщалъ, онъ говорилъ: «Послѣ благости и милосердія моего Создателя, воздержность и опрятность служили мнѣ предохранительными средствами».

Впрочемъ, нельзя не признать, что здоровое сложеніе переносить возбуждающія средства, а слабое нерѣдко даже требуетъ ихъ. Въ силу привычки вредныя вещества становятся безвредными и даже необходимыми. Однажды при герцогѣ Веллингтонѣ употребили выражение: «привычка есть вторая натура». «Вторая натура?—возразилъ онъ,—нѣть, привычка есть десятикратная натура». Можетъ быть, лучше всего следовать правилу: *sanis omnia sana*—здоровому все здорово; и здоровые люди могутъ ъѣсть и ъѣдать мясо, пить въ умѣренномъ количествѣ вино и пиво, доживая до преклоннаго возраста, какъ и члены общества трезвости или вегетаріанцы.

Когда Цируса Реддинга на восемьдесятъ шестомъ году жизни спрашивали, что онъ дѣлалъ, чтобы пользоваться такимъ прекраснымъ здоровьемъ, онъ отвѣчалъ: «Я всегда пилъ хорошее вино, и въ изобилії». Однако, при дальнѣйшихъ разспросахъ оказалось, что «изобиліе» на его языкѣ означало собственно «умѣренность», сопровождаемую правильными и дѣятельными физическими упражненіями. Сидней Смитъ съ свойственнымъ ему здравымъ смысломъ выра-

*) Стонь=14 англійскимъ фунтамъ.

вился очень мѣтко, когда сказалъ: «Обыденныя правила всего лучше: модионъ безъ усталости, жизнь въдовольствѣ безъ излишества, раннее вставаніе и умѣренный сонъ; все это представляетъ собою мудрость старыхъ бабъ, но если пренебречь этими правилами, то счастье становится такъ трудно достичимо, что достается въ удѣль лишь немногимъ».

Къ этимъ примѣрамъ здоровой старости умственныхъ работниковъ можно присоединить еще примѣръ знаменитаго стрѣлка и охотника на оленей капитана Горадіо Росса, который такимъ образомъ объяснялъ въ «Sportsgraphic» сохраненіе своей замѣчательной физической крѣпости. «Я приписываю ее,—говорилъ онъ,—въ значительной степени тому, что всегда придерживался умѣренности. Я всегда жилъ хорошо и въ продолженіе многихъ лѣтъ не пилъ ничего, кроме легкаго клерета по бутылкѣ въ день; но вмѣстѣ съ тѣмъ я никогда не пропускалъ дня, въ городѣ-ли, или въ деревнѣ, при хорошей или дурной погодѣ, безъ того, чтобы не пройти пышкомъ восемь, а по большей части и двѣнадцать миль, конечно, если мнѣ не представлялся случай отправиться на охоту. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ продолженіе многихъ лѣтъ я непремѣнно каждое утро обтирался холодной водой». За то въ шестьдесятъ восемь лѣтъ—въ томъ возрастѣ, когда большинство стариковъ приближается уже ко «второму дѣтству»,—капитанъ Россъ можетъ пройти пятьдесятъ миль по три съ половиною мили въ часъ безъ утомленія.

Даже относительно раннаго вставанія, которому Франклинъ, Уэслей, Сидней Смитъ и другіе придавали такую важность, мнѣнія сильно расходятся. Нѣкоторые пожилые люди находятъ раннее вставаніе скорѣе извѣрительнымъ, чѣмъ освѣжающимъ, и утверждаютъ, что оно отнимаетъ у нихъ слишкомъ много силъ въ началѣ дня. Какъ мы видѣли выше, д-ръ Фаулеръ изъ Салисбери, дожившій до девяноста двухъ лѣтъ, считалъ необходимымъ условиемъ

долголѣтія «оставаться въ постели по утрамъ до тѣхъ поръ, пока хорошенъко выспишься». Многіе полагаютъ, что старость есть періодъ покоя, когда надо избѣгать труда. Однако, для человѣка, проведшаго всю жизнь за дѣломъ, бездѣйствіе бываетъ тягостно. Какъ часто видимъ мы, что люди удаляются съ дѣлового поприща только для того, чтобы впасть въ уныніе и внезапно сойти въ могилу!

Что умѣренная мозговая работа висколько не подрываетъ жизненныхъ силъ и скорѣе благопріятствуетъ долговѣчности, можно видѣть изъ того, какихъ преклонныхъ лѣтъ достигали нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ людей, законовѣдовъ, натуралистовъ и философовъ. «Тонкое, острое и напряженное изслѣдованіе сокращаетъ жизнь,—говоритъ Бэконъ,—потому что оно утомляетъ и истощаетъ умъ», но «восхищеніе и легкое созерцаніе имѣютъ большую способность продлить человѣческую жизнь, потому что удерживаютъ умъ въ пріятной для него области и не даютъ ему погружаться въ волненія, беспокойства и угрюмость» *).

Физики по большей части отличаются долговѣчностью. Исканіе истины пріятно и содѣйствуетъ ясности ума. «Если бы я могъ зародить,—говорить Боссюэ,—чисто интеллигентную натуру, то мнѣ кажется, что я посвятилъ бы ее исключительно познанію истины и любви къ ней, потому что это одно могло бы сдѣлать ее счастливою». Исканіе истины, какъ бы ни было оно тяжело и трудно, всегда доставляетъ удовольствіе. Вдобавокъ оно стремится къ тому, чтобы поставить людей выше унизительного потворства плотскимъ страстямъ.

Гуфеландъ въ своемъ «Искусствѣ продлить жизнь» говоритъ: «Глубокомысленные философы во всѣ времена отличались долговѣчностью, въ особенности когда ихъ мышленіе было направлено на изученіе природы и достав-

*) Бэконъ. «Исторія жизни и смерти».

лило имъ божественное наслажденіе открытія новыхъ и важныхъ истинъ, чистѣйшее удовольствіе, благодѣтельный подъемъ духа, нѣчто въ родѣ возстановленія силы, которое можно поставить на-ряду съ главнѣйшими средствами продлить жизнь совершенного существа». Такъ среди философовъ, достигшихъ возраста между семьюдесятью и восемьюдесятью годами, мы находимъ имена: Роджера Бэкона, Галилея, Лейбница, Эйлера, Дальтона, Линнея, Пристлея *), Кевендиша, Голлера, Реймара, ванъ-Светена, Дженнера, Фаллопія, Галена и Спопланцони; между тѣми, кто дожилъ до возраста между восемьюдесятью и девятыюдесятью годами, были Ньютоны, Франклины, Бюффонъ, Галлей, Гершель, Юнгъ, Уаттъ, Симсонъ, Гарвей, Дюгамель, Эстрюкъ, Пинель, Морганы и сэръ Дэвидъ Брюстеръ; а между тѣми, кто дожилъ до девяноста лѣтъ и больше, находились: Рэнъ, Левенгекъ, Гумбольдтъ, Эбердинъ, Рейшъ и Фонтенель. Теодоръ де-Беза прожилъ до восьмидесяти шести лѣтъ и здоровье его было до такой степени безу-коризненно, что онъ говорилъ, будто бы не имѣть понятія даже о головной боли. Арнольдъ прожилъ до восьмидесяти трехъ лѣтъ и до конца жизни читалъ и писалъ безъ очковъ. Д-ръ Моллисонъ, приводя имена наиболѣе знаменитыхъ и долговѣчныхъ людей, говоритъ: «Я хотѣлъ было прибавить къ моему списку восьмидесятилѣтнихъ стариковъ нѣсколько лицъ порочнаго характера, но рѣшительно не могъ найти ни одного». Такимъ образомъ, долговѣчность и умѣренная жизнь дополняютъ одна другую.

Число поэтовъ и писателей, достигшихъ глубокой старости, сравнительно меньше числа престарѣлыхъ филосо-

*) Пристлей вступилъ въ жизнь съ чрезвычайно слабыми сплами, окончилъ же ее бодрой старостью и умеръ на семьдесятъ второмъ году. Пятидесяти четырехъ лѣтъ онъ говорилъ: «Я не только не страдаю отъ прилежащихъ научныхъ занятій, но нахожу, что мое здоровье значительно поправилось съ восемнадцати лѣтъ до настоящаго времени».

Фовъ, однако, многие писатели переживали семидесятилетний возрастъ. Монфоконъ дожилъ до восьмидесяти семи лѣтъ и почти до конца жизни проводилъ за умственной работой по восьми часовъ въ день. Гете работалъ и сочинялъ почти до восьмидесяти четырехъ лѣтъ, Корнель жилъ до семидесяти восьми, а Виландъ до восьмидесяти. Трудолюбивый Джонъ Бриттонъ продолжалъ изучать топографію и археологію до восьмидесяти шести лѣтъ, а Исаакъ Дизраэли работалъ и жилъ между своими книгами до восьмидесяти двухъ лѣтъ, веселый и полный надеждъ до конца. Веселый умъ обыкновенно отличается крѣпостью, а веселость служить не только признакомъ здоровья, но и однимъ изъ самыхъ действительныхъ предохранительныхъ средствъ отъ болѣзни.

Почти въ продолженіе полу столѣтія Джереми Бентамъ посвящалъ по восьми, а иногда по десяти и двѣнадцати часовъ въ день умственной работѣ, между тѣмъ его здоровье и веселость вошли въ пословицу. Гээмметъ разсказываетъ о немъ, что въ его наружности было странное смѣшаніе дѣтскаго простодушія и старческаго достоинства. Когда ему было за восемьдесятъ лѣтъ, онъ писалъ Чемберлену Клерку: «Оба мы живы—я перевалилъ за восемьдесятъ, а вы приближаетесь къ девяноста годамъ. Могли-ли мы разсчитывать на это, когда въ молодости пиливали на скрипкахъ двѣ партіи въ тріо и забавлялись исполненіемъ «The church» и «Monkey Dogs»! Я живу, окруженный молодежью, и чувствую себя веселѣе многихъ изъ нихъ. Я потерялъ очень немного изъ тѣхъ небольшихъ силъ, какія были у меня въ молодости, но все-таки не надѣюсь дожить до вашихъ лѣтъ» *).

Лей Гентъ былъ другимъ старымъ юношемъ, сохранившимъ свою веселость до глубокой старости; онъ оставался такимъ и до конца. Этотъ старикъ говоривалъ обыкно-

*) Бентамъ прожилъ восемьдесятъ четыре года.

венно: «Городскіе юноши въ нашъ вѣкъ такъ рано изнураютъ себя наслажденіями жизни, что въ зрѣлые и старческие годы у нихъ не остается ничего, кроме скуки и сожалѣній, такъ что въ скромъ времени останутся на свѣтѣ одни старцы съ юной душою». Но бываютъ и женщины съ вѣчно юношеской душою. Возьмите для примѣра слѣдующую «восхитительную замѣтку», какъ называется ее Лей Гентъ, изъ «Дневника» м-сы Инчбальдъ: «Однажды въ воскресеніе я обѣдала, пила чай и ужинала у м-са Уитфильдъ. Когда стемнѣло, мы съ ней и съ ея сыномъ Уильямомъ вышли изъ дома, при чемъ я стучалась въ двери въ Нью-Стрійтъ и убѣгала прочь». Это относится къ 1788 году, когда м-съ Инчбальдъ было тридцать пять лѣтъ. Что подумали бы жильцы тѣхъ домовъ, еслибы имъ сказали, что шалунья, стучавшаяся къ нимъ въ дверь, была одной изъ самыхъ почтенныхъ женщинъ своего времени, авторомъ «Простой исторіи»! «Впрочемъ,—прибавляетъ Лей Гентъ,—такіе люди никогда не старѣются».

Примѣры государственныхъ мужей, доживавшихъ до глубокой старости, весьма многочисленны. Натуры энергичныя и пылкія сгораютъ въ сутолокѣ и лихорадкѣ политической жизни, но людей стойкаго и спокойнаго темперамента только укрепляетъ политическая борьба. Принимая такое дѣятельное участіе въ жизни своихъ близкихъ, они какъ-будто сохраняютъ этимъ свою собственную жизнь. О Веллингтонѣ, который подъ старость пустился въ политику, говорили, что онъ «исчерпалъ природу такъ же, какъ исчерпалъ славу». Его современники: Талейранъ, Меттерніхъ и Нессельроде—дожили всѣ трое до преклонныхъ лѣтъ. Изъ пожилыхъ государственныхъ людей недавняго времени можно назвать Ленсдоуна, Брума, Ландгёрста, Пальмерстона и Гладстона.

Законовѣды, въ особенности судьи достигали необычайного долголѣтія. Какъ прожилъ до восьмидесяти четырехъ лѣтъ; Мансфильдъ — до восьмидесяти восьми, Элдъонъ

—до восьмидесяти девяти, а Стоуэль—до девяноста одного года. Судья Лефруа былъ принужденъ оставить предсѣдательство въ Ирландскомъ судѣ по причинѣ преклоннаго возраста, хотя его умъ оставался въ полной силѣ и онъ дожилъ до девяноста трехъ лѣтъ. Вѣроятно, здоровье судей до вѣкоторой степени обусловливается продолжительнымъ и полнымъ покоя между сессіями. Во время вакацій они ходятъ на охоту и наслаждаются удовольствіями сельской жизни. Нѣкоторые изъ названныхъ нами лицъ вели воздержанный образъ жизни, другіе же нѣтъ. Брумъ, Линдгёргъ и Эльдонъ любили пожить въ свое удовольствіе. Эльдонъ на восемьдесятъ седьмомъ году выпивалъ по двѣ бутылки портвейна за одинъ присѣть.

По мнѣнію Генри Тэйлора, «государственный человѣкъ, желающій прожить до старости,—къ чему его обязываетъ долгъ, если онъ способенъ оказать важныя услуги государству,—долженъ относиться съ ревнивымъ и тщательнымъ вниманіемъ къ своей юдѣ. Больной въ горячечномъ отдѣленіи больницы едва-ли требуетъ большей заботливости въ этомъ отношеніи». Въ общемъ это замѣчаніе безспорно справедливо; но крѣпкое здоровье и привычка позволяютъ многимъ безнаказанно совершать то, что прічинило бы болѣзнь и разстройство здоровья людямъ съ болѣе слабой организацией.

ГЛАВА VIII.

ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ.

«Жизнь въ деревнѣ, среди малообразованнаго класса, полна практическихъ наставлений, которыхъ болѣе богатыя люди усердно лишаютъ своихъ дѣтей». „Блюссекская идиллия“.

Въ общемъ, большия города содѣствуютъ ослабленію, а въ крайнемъ случаѣ и разрушению семейнаго начала съ тѣмъ, чтобы подавить жилище похоти на развалинахъ домашнаго очага. Въ такихъ городахъ ютиется организованный торговый союзъ преступлений.

«Fortnightly Review». Октябрь 1866 г.

Когда я вмысливаю эту суровую истину, то, можетъ быть, вижу, какъ чудовище-Лондонъ смеется надо иной. И я поднадѣялъ бы тебя на смѣхъ, безумный городъ, если-бы было прелестно смыться надъ нестасьемъ! Но ты возбуждаешь во мнѣ сожалѣніе.

Если-бы мы предложили одно изъ дсухъ: всегда находиться на глазахъ у людей, не имѣя возможности уйти въ себя, или попасть въ положеніе одиночного замыкнѣнія, я сказала бы: «Королиць, замки мои темницы!»

Изъ „Джентик.“ В. Скотта.

Нельзя ожидать, чтобы большия города непремѣнно производили великихъ людей. Напротивъ, строй жизни и дѣятельность въ большихъ городахъ таковы, что способны скороѣ размножать людей мелкихъ. Водоворотъ дѣлъ и удовольствій, захватывающій городскую жизнь, разсѣиваетъ умъ и препятствуетъ его росту. Здѣсь происходитъ безпрерывная смѣна новыхъ ощущеній, которая не производить достаточно прочнаго впечатлѣнія, потому что изглаживаются одно за другимъ. Деревенскому мальчику предоставляютъ расти на свободѣ, а городскому мальчику безжалостно го-

нять впередь въ его развитіи. Ребенокъ, растущій въ го-
родѣ, безспорно, смысливъ и смысленъ по своему, благо-
даря постоянному общенію съ товарищами; когда же онъ
усвоить бойкость и расторопность въ своемъ специальномъ
дѣлѣ, то обыкновенно останавливается на этомъ и не идетъ
далъше.

Городская жизнь враждебна умственному труду: она
приносить слишкомъ много возбужденія и даетъ слишкомъ
мало покоя. Когда газета прочтена, дѣловыя занятія кон-
чены, а вечеръ проведенъ въ театрѣ, бываетъ поздно ду-
матъ о другой работе. Молодой лондонецъ не заводить мно-
гочисленныхъ знакомыхъ, а если у него и найдется два—три
пріятеля, такъ они имѣютъ съ нимъ слишкомъ много сход-
ства. Д-ръ Гетри, бывая въ Лондонѣ, часто сталкивался
здесь съ городскою и сельской молодежью. Въ своей авто-
біографіи онъ говоритъ: «Только тутъ увидалъ я въ пер-
вый разъ узкость и недостатки обыкновенного воспитанія
въ англійскихъ школахъ. Городскіе юноши безспорно были
очень свѣдущи и вполнѣ компетентны каждый по своей
специальности, но за предѣлами тѣсной воры, которую они
заполняли собою, подобно некоторымъ моллюскамъ въ мор-
скихъ скалахъ—ими обнаруживалось большое невѣжество во
всемъ, что чуждо ихъ ограниченной сферѣ». Карлейль от-
зываются о лондонцахъ въ довольно презрительномъ тонѣ:
«Всѣ безъ исключенія рожденные въ Лондонѣ кажутся мнѣ
мизерными на видъ и порядкомъ испорченными нравственно,
скорѣе частицами людей, чѣмъ настоящими людьми».

Почти всѣ великие люди въ Англіи, какъ и въ Лондонѣ,
родились и воспитались въ деревнѣ. Это легко понять. Въ
городахъ молодой человѣкъ представляетъ лишь единицу
въ толпѣ; сосѣди ничего не знаютъ о немъ, а онъ ничего
не знаетъ о нихъ. Онъ видитъ лишь то, что видѣлъ раньше,
и если его потребности и жажда удовольствій удовлетво-
рены, дальнѣйшее усовершенствованіе не кажется ему за-
манчивымъ. Совсѣмъ не то юноша, рожденный въ деревнѣ,

который сохраняет свѣжестъ своей родимой почвы. Тутъ онъ болѣе индивидуаленъ и также болѣе отвѣтственъ передъ окружающими. Онъ привыкъ дѣлать для себѣ многое такое, что городскимъ мальчикамъ доставляется точнымъ механизмомъ городской жизни. Онъ не разсѣвается разнообразиемъ впечатлѣній. У него есть время развиться, какъ слѣдуетъ. Онъ знаетъ сосѣдей и сосѣди знаютъ его. Онъ завязываетъ дружбу, часто продолжающуюся цѣлую жизнь; а для молодого человѣка гораздо важнѣе имѣть одного доброго друга, чѣмъ дюжины равнодушныхъ знакомыхъ. Онъ приходитъ въ болѣе прямое соприкосновеніе съ своими товарищами, его умъ дѣйствуетъ на ихъ умы. При такихъ условіяхъ полученные имъ впечатлѣнія усиливаются и, если почва хороша, они сдѣлаются плодотворными элементами характера. «Существуетъ особый сельскій акцентъ, — говоритъ Ларошфуко, — не только въ рѣчи, но и въ мысли, поведеніи, характерѣ, образѣ жизни; онъ никогда не утрачивается человѣкомъ».

Хотя деревенскій мальчикъ видитъ меныше, за то онъ лучшее наблюдаетъ, отчасти потому, что окружающіе его предметы болѣе привлекательны, отчасти же и по той причинѣ, что они не мелькаютъ мимо него съ стремительностью, которая все перепутываетъ въ его памяти и мертвить всякой интересъ. Деревенскій мальчикъ хорошо знаетъ природу и людей. Въ провинціальномъ городкѣ, въ деревнѣ или въ поселкѣ всѣ знакомы между собою. Мальчики слышатъ о томъ, что дѣлаютъ ихъсосѣди хорошаго или дурнаго. Они основательно знаютъ исторію каждой семьи, толкуютъ о ней, собравшись у пылающаго очага, и съ дѣтскихъ лѣтъ начинаютъ интересоваться словесной биографіей. Можно сказать, пожалуй, что подобный характеристики граничатъ съ праздной болтовней, но эта болтовня по крайней мѣрѣ обнаруживаетъ интересъ къ участіи другихъ, а тамъ, где есть болтовня, можно найти также ея противовѣсь — дружбу. Напротивъ, въ большихъ городахъ,

гдѣ люди живутъ въ толпѣ, между ними нѣтъ болтовни, но мало и дружбы, потому что они немного знаютъ другъ о другѣ и никому нѣтъ дѣла до другихъ. Такимъ образомъ, общественное разстояніе между людьми гораздо значительнѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревнѣ.

Хотя деревенскій мальчикъ медленнѣе достигаетъ возмужалости, чѣмъ городской, но онъ обыкновенно бываетъ крупнѣе, когда разовьется. Онъ болѣе предоставленъ своимъ собственнымъ средствамъ и привыкъ многое дѣлать для себя самъ, что служить хорошей школой самодѣятельности. Когда онъ попадаетъ въ городъ, способности восхищаться и удивляться пробуждаются въ немъ; онъ чувствуетъ себя въ новой сферѣ, въ немъ зарождаются новые честолюбивыя стремленія, которыхъ онъ дѣлаетъ попытку удовлетворить. При наличности твердой воли и рѣшимости такой пришелецъ часто достигаетъ самого высокаго положенія въ городской жизни. При такихъ данныхъ деревенскій мальчикъ успѣваетъ на житейскомъ поприщѣ лучше любого лондонца. По словамъ Вальтера Беджтота, «крупные центры умственной и политической жизни слывутъ у насъ непроизводительными; возможно, что лихорадочное возбужденіе, изнуриющее крѣпость родителей и образующее ту атмосферу, въ которой проходятъ нѣжные годы дѣтей, оставляетъ слишкомъ мало силы и творческой способности кореннымъ столичнымъ жителямъ. Какъ бы то ни было, но очень незначительное число великихъ людей въ политикѣ, науцѣ или искусства выросло на истощенной столичной почвѣ».

Дѣйствительно, юноши, родившіеся въ деревнѣ, представляютъ собою лучшій продуктъ почвы, принимая обширное участіе въ умственномъ труду міра. Фонтенель говорилъ, что для людей науки было большімъ преимуществомъ, если они имѣли досугъ заложить для себя прочный фундаментъ въ провинціальномъ затишье. Гольдвайнъ Смитъ рассказывалъ о Пимѣ, вышедшемъ изъ деревенскихъ

юношай, что онъ провелъ шесть лѣтъ въ уединеніи; и это было такъ-же необходимо, какъ и дѣятельная жизнь для выработки глубокаго характера и способности къ продолжительному мышленію, изъ которыхъ слагается величие. «Все истинно цѣнное,—говорить Жанъ-Поль Рихтеръ,—создано въ уединеніи, то-есть вдали отъ общества». Какая громадная польза для науки произошла изъ того, что Ньютона воспитался въ деревнѣ и въ ранней молодости хозяйствничалъ на маленькой фермѣ своей матери! Изъ «Жизнеописанія инженеровъ» можно видѣть, что люди, строившиe въ Англіи мосты, доки, каналы, маяки и желѣзныя дороги, всѣ выросли въ деревнѣ. Сэръ Гюгъ Мильтонъ, прорывшій Нью-Раверъ для водоснабженія Лондона, родился въ Гельчъ-гилль, въ уединенномъ сельскомъ домѣ близъ Денбига, въ сѣверномъ Валлісѣ. Джонъ Перри, заложившій проломъ въ Денгемѣ, былъ родомъ изъ Родборо, въ Глостерширѣ, а Джонъ Меткафъ, шоссейный инженеръ, происходилъ изъ Нерсборо въ Йоркширѣ. Эдвардъ, известный строитель мостовъ, былъ сыномъ мелкаго фермера въ Южномъ Валлісѣ, а Бриндлей, строитель каналовъ, сыномъ землепашца. Смитонъ воспитывался въ деревенскомъ домѣ отца близъ Лисда. Ренни былъ сыномъ фермера въ Истъ Лотіанѣ; а Тельфордъ родился и выросъ въ хижинѣ среди экскельскихъ болотъ, тогда какъ Джорджъ Стефенсонъ впервые увидѣль свѣтъ въ коттеджѣ на берегахъ Тайна. Гений не справляется ни съ мѣстностью, ни съ родословной и возникаетъ одинаково, какъ въ домѣ фермера, такъ и въ крестьянской хижинѣ или въ шалашѣ пастуха.

Естественно ожидать, что мальчикъ, воспитанный въ деревнѣ, отличился въ естественныхъ наукахъ, потому что онъ живетъ заодно съ природой. Онъ видѣть и наблюдаетъ, изучаетъ привычки птицъ, пчелъ и другихъ насѣкомыхъ и звѣрей. Удивительная книга «Естественная история Сельборна» была результатомъ непосредственнаго наблюденія одного человѣка, жившаго на лонѣ природы, подъ

ея безмолвнымъ вліяніемъ. Всѧ его жизнь протекла въ деревнѣ. Профессоръ Генслоу, живя въ дѣтскіе годы близъ Рочестера, притащилъ домой грибъ, почти съ себѣ величиной, и постоянно былъ занятъ изготавленіемъ моделей гусеницъ, срисовываніемъ насѣкомыхъ и анатомированіемъ птицъ и животныхъ для собственной забавы и поученія. Такіе люди хотя и совершенствуютъ свою работу въ деревнѣ, но часто кончаютъ жизнь въ городахъ или столицахъ, куда ихъ приводить слава созданныхъ ими произведеній. Бюффонъ однако предпочиталъ до конца жить на лонѣ природы, въ своей усадьбѣ въ Монбарѣ, где до сихъ поръ уцѣльный его рабочій кабинетъ, устроенный на возвышенной террасѣ въ дальнемъ концѣ сада.

Люди, оказавшіе сильное вліяніе на свою эпоху и положившіе отпечатокъ своего ума на собственное и будущія поколѣнія, по большей части росли въ уединеніи *). Таковы были Виклефъ, Лютеръ, Ноксъ, Лойола, Летимеръ и Уэслей. Оливеръ Кромвель занимался сельскимъ хозяйствомъ почти до сорока лѣтъ. Вашингтонъ же, родившійся и воспитанный въ Виргиніи, достигнувъ возмужалости, занимался цѣлые годы надзоромъ за громадными пространствами дикихъ и незаселенныхъ земель въ долинахъ Аллеганскихъ горъ. Что уединеніе не препятствуетъ образованію, но, содѣйствуя самоуглубленію человѣка, даже побуждаетъ къ нему, это доказывается тѣмъ знаменательнымъ

*) Лакордеръ замѣчаетъ: «Уединеніе столько же сближаетъ насъ, сколько раздѣляетъ иноголодство. Вотъ по какой причинѣ такъ мало настоящей дружеской близости въ свѣтѣ, тогда какъ люди, привыкшіе жить въ уединеніи, способны къ глубокимъ привязанностямъ. Я никогда не жилъ съ свѣтскими людьми и едва-ли могу довѣрять тѣмъ, кто живеть въ морѣ, где одна волна тѣснитъ другую, при чёмъ ни одна изъ нихъ не приобрѣтаетъ устойчивости. Лучшіе люди портятся отъ этого постоянного трепѣя, которое, сглаживая выпуклости души, въ то же время уничтожаетъ въ ней способность къ сильной привязанности. Но моему, уединеніе такъ-же необходимо дружбѣ, какъ и святости, генію, какъ и добродѣтели».

фактомъ, что Александръ Меррей, профессоръ восточныхъ языковъ въ Эдинбургскомъ университѣтѣ, достопочтенный Джонъ Браунъ, авторъ книги «Самоизъяснительная Библія», Джемсъ Фергюсонъ, астрономъ, и Джемсъ Гоггъ, авторъ «Бодрствованія королевы», все были принуждены на зарѣ жизни пасти овецъ въ пустынныхъ лугахъ Шотландіи.

Сэръ Бенжаминъ Броди находилъ, что во время своихъ уединенныхъ прогулокъ по дюнамъ Вилтшира, онъ пріобрѣлъ въ дѣтскіе годы привычку къ размышленію, которая болѣе чѣмъ уравновѣшивала невыгоды семейнаго уединенія. Пустыня, говорятъ, есть мѣсто открытий. Въ сравнительномъ уединеніи деревни человѣкъ болѣе наблюдателенъ, болѣе сдержанъ, болѣе готовъ къ восприятію новыхъ истинъ. Когда Дженнеръ совершилъ свое открытие оспопрививанія въ родной деревнѣ въ Глостерширѣ и когда его слава прогремѣла по всей Европѣ, одинъ изъ друзей, посѣтившій доктора, убѣждалъ его переселиться въ Лондонъ. Однако, Дженнеръ слишкомъ любилъ загородную жизнь, а потому отказался покинуть родимое селеніе. Когда же гость выразилъ желаніе полюбоваться брилліантовыми перстнемъ, присланными ему Россійской императрицей, Дженнеръ возразилъ: «Пойдемте лучше погуляемъ по саду и послушаемъ, какъ жужжать жуки». Книга Дженнера «Признаки дождя» представляетъ замѣчательный образецъ непосредственности и точности его наблюденій надъ растеніями, цветами, птицами и звѣрьми подъ влияніемъ перемѣнъ погоды. Такихъ драгоценныхъ результатовъ было бы немыслимо достичь въ городѣ.

Д-ръ Арнольдъ былъ большими любителемъ деревни съ ея деревьями, зелеными изгородями, лугами, озерами и горами. Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, онъ заботливо бралъ съ собою отростки большой ивы изъ сада своего отца и сажалъ ихъ последовательно въ Лельгемѣ, Регби и Фоксгроу. Ученый сердечно привязывался къ этимъ мѣстамъ, которыхъ становились на некоторое время средоточіемъ его

міра. Ему было весело бродить по окрестностямъ съ своими мальчиками, чувствуя, какъ свѣжий вѣтерокъ обвѣваетъ его лицо, собирая дикie цветы, отыскивая птичii гнѣзда; но его веселость не знала предѣловъ, когда приходилось перелѣзать черезъ заборы и перепрыгивать канавы. Пріятнѣе всего жилось Арнольду въ его вестморлендскомъ домѣ въ Фоксгау. Это мѣстечко, рассказывалъ онъ, жило въ его памяти, какъ восхитительное видѣніе, отъ однѣхъ вакацій до другихъ. Онъ сознавалъ, что никакъ не могъ бы отдохнуть, путешествуя за границей, и въ самыхъ живописныхъ странахъ быть бы способенъ только изнывать въ тоскѣ по своемъ миломъ Фоксгау; горный воздухъ усиливаль вдобавокъ его работоспособность, а д-ръ Арнольдъ страстно любилъ свои занятія. «Мы прожили здѣсь,—писалъ онъ одному другу,—уже больше трехъ недѣль, и, какъ бываетъ всегда, Вестморлендъ освѣжилъ мои силы, хотя я никогда еще не работалъ упорнѣе, праготовивъ въ короткiй срокъ шесть лекцiй, кромѣ обширной корреспонденцiи». Онъ питалъ трогательную надежду, что послѣ смерти его кости будутъ покояться на Греемерскомъ кладбищѣ, подъ тисовыми деревьями, посаженными Уордуортомъ, а журчаніе рѣки Роты будетъ убаюкивать его могильный сонъ. Но судьба рѣшила иначе, и останки великаго наставника нашли для себя болѣе подобающее мѣсто упокоенiя среди поприща его благородныхъ трудовъ въ Регби.

Уордуортъ жилъ также близъ Фоксгау въ Рейдель за Греемерскимъ озеромъ, а Соути жилъ въ Грета-Голлѣ близъ сѣверного берега Дарвентъ-Ватера. Соути терпѣть не могъ Лондона, который волновалъ, утомлялъ и мучилъ его. Онъ не могъ найти себѣ тамъ покоя; даже въ читальной комнатѣ Британскаго музея его умъ былъ встревоженъ громадностью средствъ этого учрежденiя и разсыпался его необыкненной дѣятельностью. Было бы естественно предположить, что Сидней Смитъ при его общительности и разговорчивости скорѣе городской, чѣмъ деревенскій житель.

Друзья смотрѣли на него, какъ на изгнанника въ тѣ годы, когда онъ служилъ священникомъ въ маленькой деревушкѣ на равнинѣ Салисбюри, а впослѣдствіи состоялъ ректоромъ въ Фокстонъ-ле-Клей въ Гаркширѣ; но для читающей публики является большими благополучіемъ, что Сидней Смитъ былъ принужденъ провести такъ много лѣтъ своей жизни въ деревенскомъ уединеніи. Иначе его блестящія способности расточились бы безъ пользы среди столичныхъ кружковъ, въ свѣтской послѣбѣдной бесѣдѣ, между тѣмъ какъ честныя, здравыя и восхитительные произведения его пера, пожалуй, никогда не появились бы на свѣтѣ.

Въ Фокстонъ-ле-Клей Сидней Смитъ одновременно состоялъ приходскимъ священникомъ, фермеромъ, садовникомъ, деревенскимъ докторомъ, мировымъ судьею и сотрудникомъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія». Описывая свое уединеніе Джейрею, своему другу, онъ говоритъ: «Жизнь по большей части въ-одиночку (какъ, напримѣръ, теперь), надѣюсь, исправить меня отъ моихъ недостатковъ, вѣдь человѣкъ можетъ обходиться безъ своего собственного одобрѣнія въ большомъ обществѣ, но ему стоитъ громаднаго труда пріобрѣсти его, когда онъ одинъ; безъ этого же, я убѣжденъ, уединеніе было бы невыносимо». Впрочемъ Сиднею Смиту въ Фокстонъ-ле-Клей приходилось заниматься очень многими дѣлами, кромѣ писавія журнальныхъ статей. О его хозяйственныхъ занятіяхъ одинъ изъ гостей пишетъ слѣдующее: «Чтобы не терять времени, онъ распоряжается полевыми работами съ крыльца своего дома съ помощью сильнаго рупора, достойнымъ сотоварищемъ котораго служить оправленный въ кожу телескопъ для наблюденія за пахотой на поляхъ... Тотъ же духъ преобладаетъ въ саду и на фермѣ,—разпорядительность и оригинальность вездѣ и во всемъ. «Скажите на милость,—спросилъ я однажды,—что это за машина, похожая на остовъ, стоитъ у васъ на поляхъ?»—О, это моя всеобщая чесалка! Она устроена такъ, что всякое животное, отъ ягненка до вола, мо-

жеть теряться и чесаться объ нее съ величайшимъ удобствомъ и наслажденiemъ». За девятнадцать лѣтъ, проведенныхъ Сиднеемъ Смитомъ въ Фокстонѣ, онъ написалъ тридцать восемь своихъ лучшихъ статей для «Эдинбургскаго Обозрѣнія». Послѣдня изъ нихъ «О римско-католическихъ притязаніяхъ» была написана имъ за годъ до того, какъ лордъ канцлеръ Линдгерстъ пристроилъ его каноникомъ въ Бристольскій соборъ. Впослѣдствіи онъ былъ повышенъ лордомъ Греемъ до званія каноника въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ. Съ того времени онъ сдѣлался любимцемъ во многихъ столичныхъ кружкахъ, но часто уносился душою къ счастливой, дѣятельной и полезной жизни въ своемъ юркширскомъ приходѣ.

Уединеніе, въ которомъ прошла молодость Карлейля, оказало большое влияніе на его гениальный умъ въ зрѣломъ возрастѣ. Онъ родился на уединенной фермѣ въ Демфрисширѣ и, пройдя обычный курсъ ученія въ деревенской школѣ, прибылъ въ Эдинбургъ, гдѣ ограничился сокращеннымъ курсомъ. Онъ положилъ основу своей литературной дѣятельности, научившись, по болѣшей части безъ посторонней помощи, читать въ подлинникѣ книги почти на всѣхъ языкахъ образованныхъ народовъ и почти по всѣмъ предметамъ и наукамъ. Отъ частныхъ уроковъ Карлейль перешелъ къ переводамъ, а потомъ къ оригинальнымъ сочиненіямъ. Въ продолженіе почти семи лѣтъ послѣ своей женитьбы онъ жилъ въ Крегенпеттокѣ на уединенной фермѣ среди Нитсдельскихъ болотъ. Здѣсь-то открылъ его Эмерсонъ, поѣтивъ Англію въ 1833 году. По пріѣздѣ въ Демфрисъ, путешественникъ узналъ, что Крегенпеттокъ лежитъ на пятнадцать миль дальше. «Дилижансъ туда не ходилъ, — разсказывалъ онъ, — и мнѣ пришлось нанять лошадей въ гостиницѣ. Я отыскалъ домъ среди уединенныхъ, поросшихъ верескомъ холмовъ, гдѣ одинокій ученый воспитывалъ свое могучее сердце... Кругомъ него было пустынно, и уединенно жилъ этотъ человѣкъ, — не съ кѣмъ

перемолвиться словомъ на пятнадцать миль въ окружности, кромѣ пресвитеріанскаго священника въ Денскорѣ». Немудрено, что весь его разговоръ вращался около книгъ... Онъ уже устремлялъ свои помыслы къ Лондону, дѣлая ему оцѣнку съ научной точки зрѣнія. «Лондонъ — это сердце міра, — сказалъ Карлейль, — онъ поражаетъ уже одной массой живущихъ въ немъ существъ». И Лондонъ въ скоромъ времени поглотилъ его, но не прежде, чѣмъ онъ успѣлъ воспитать и обработать свой умъ среди «ненарушимаго безмолвія» родимыхъ холмовъ.

Лавернъ въ себѣмъ цѣнномъ труда «Сельскій экономический бытъ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи» отмѣчаетъ, что англійскіе романы XVIII вѣка наполнены восхваленіями сельской жизни. «Въ то время, когда Франція, — говорить онъ, — занималась вымыслами Вольтера и романами Кребпльона младшаго, Англія читала «Векфильдскаго священника», «Тома Джонса» и «Клариссу». Гольдемитъ, описывая Примроза, выражается такъ: «Герой этого романа соединяетъ въ себѣ три величайшихъ призвания въ мірѣ: онъ священникъ, сельскій хозяинъ и отецъ семейства». Это изреченіе обнимаетъ собою цѣлую систему идей, свойственныхъ протестантской и земледѣльческой Англіи. Весь романъ есть не что иное, какъ разясненіе высказаннаго авторомъ положенія; это картина домашняго быта бѣдной священнической семьи.

Въ той же главѣ Лавернъ пытается доказать, что любовь къ сельской жизни была всегда отличительной чертой въ характерѣ англійскаго народа, который унаследовалъ эти вкусы отъ своихъ предковъ саксовъ и норманновъ. Между тѣмъ латинскимъ расамъ вліяніе императорскаго Рима привило пынья свойства. У нихъ предпочтеніе къ городской жизни сказалось весьма рано. У римлянъ обработку полей предоставляли рабамъ, а всѣ, желавшіе отличиться, тяготѣли къ городу. Название крестьянина *«villicus»* или *«paganus»* было пренебрежительнымъ терминомъ, тогда

какъ название «urbanitas»—горожанинъ—было единственнымъ, съ которымъ соединялось понятіе обѣ изысканности и величности. Современные представители латинской расы: французы, итальянцы и испанцы видятъ въ деревнѣ подобіе ссылки и стремятся жить въ городахъ и столицахъ ради развлечений, общества, наживы, а пожалуй и ради умственныхъ наслажденій. Англичане не такъ общительны, какъ люди латинской крови; въ нихъ до сихъ поръ сохраняется нечто самобытное. Они предпочитаютъ жить въ захолустьѣ на уединенныхъ фермахъ, въ обществѣ жены и дѣтей; у нихъ чисто саксонское отвращеніе къ замкнутой жизни въ четырехъ стѣнахъ, потому что свѣжій воздухъ и просторъ ихъ настоящая стихія.

Рядомъ съ Гольдсмитомъ, обнаружившимъ свою любовь къ сельской жизни въ «Векфильдскомъ священнике», «Путникѣ» и «Покинутой деревнѣ», можно поставить многихъ другихъ англійскихъ романистовъ и поэтовъ, выказывавшихъ ту же наклонность. Въ романахъ Фильдинга и Смоллета, такъ же, какъ и Джорджа Эліота и м-са Гаскель, вѣять свѣжимъ воздухомъ полей. Вальтеръ Скоттъ былъ настоящимъ сыномъ деревни по привычкамъ, складу рѣчи, по уму и характеру. Онъ началъ помнить себя на дѣдовской фермѣ въ Сендинау; тамъ онъ прожилъ въ дѣтствѣ много лѣтъ, проникаясь любовью къ деревнѣ и деревенской жизни, для того чтобы никогда не измѣнять этому чувству. Находясь въ Кельсо на Твидѣ, онъ говорилъ: «Я могу отчетливо прослѣдить пробужденіе восхитительного чутья къ красотамъ природы, никогда не покидавшаго меня». Его любовь къ деревнѣ, холмамъ, долинамъ и лугамъ превратилась въ страсть. «Если бъ я не видѣлъ нашихъ вересковъ хотя одинъ разъ въ годъ,—говоривалъ этотъ писатель,—мнѣ казалось, я умръ бы отъ этого». О своемъ домѣ въ Эбботсфордѣ онъ отзывался такъ: «Мое сердце неразрывно связано съ мѣстомъ, которое я устроилъ; едва ли тамъ найдется одно дерево, не посаженное мной». Любовь Вальтера Скотта

къ его родинѣ стала привлекать въ Шотландію туристовъ со всего свѣта, въ особенности изъ Америки. Его «Женщина съ озера», «Веверлей», «Робъ-Рой» и другіе шотландскіе романы вызвали непрерывный потокъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Эбботсфордъ, Локъ-Кетринъ и область Робъ-Роя близъ верхней части Локъ-Ломонда. Перо знаменитаго писателя дѣйствовало какъ магическій жезль и вызвало къ жизни дилижансы, пароходы, шоссе, желѣзныя дороги и безчисленныя гостиницы для удобства пріѣзжихъ среди когда-то пустынныхъ горъ.

Байронъ не настолько былъ питомцемъ деревни, какъ Вальтеръ Скоттъ, тѣмъ не менѣе онъ до конца жизни оставался подъ вліяніемъ дикихъ красотъ горной Шотландіи, гдѣ росъ мальчикомъ *). Рихтеръ въ своей автобіографіи, указывая на важность мѣста рожденія, говоритъ: «Поэту не слѣдуетъ родиться и расти въ столицѣ, для него гораздо лучше родиться въ деревнѣ или по крайней мѣрѣ въ маленькомъ городкѣ; избытокъ и обаяніе земныхъ благъ въ большомъ городе для нѣжной, восприимчивой, юной души то же самое, что слишкомъ роскошный десертъ, питье жгучихъ напитковъ и купанье въ огненномъ винѣ. Тогда жизненные силы истощаются у человѣка еще въ дѣтскіе годы и послѣ самого великаго ему остается желать только самого мелкаго, именно деревни». Мѣстами рожденія поэтовъ, конечно, чаще бывали поселки или деревни, чѣмъ города или столицы.

Шекспиръ родился въ чисто сельской мѣстности и прожилъ тамъ до возмужалости, когда оставилъ родной домъ, чтобы искать счастья въ большомъ городѣ. О дѣтскихъ годахъ великаго драматурга намъ ничего неизвѣстно, но изъ его произведеній ясно видно, что онъ провелъ много времени на деревенскомъ просторѣ и непосредственно наблю-

*) Стихотвореніе о Локъ-на-гарѣ увѣковѣчиваетъ нѣкоторыя изъ юношескихъ впечатлѣній поэта и къ нимъ же возвращается онъ въ восемнадцатой строфѣ X пѣсни «Донъ-Жуана».

далъ природу. «Онъ рѣдко является такъ называемымъ «описательнымъ поэтомъ», — говорить о немъ Чарльзъ Найтъ, — но картины луговъ и рощъ, долинъ и холмовъ, лѣсныхъ чащъ, тихихъ береговъ, живописной рѣчки — отраженіе его родимой природы—разсѣиваются сами собою безъ всякаго усиленія по всѣмъ его произведеніямъ. Всѣ занятія деревенской жизни упоминаются въ его пьесахъ или воплощаются въ его действующихъ лицахъ. Самыя милыя особенности въ привычкахъ низшихъ существъ затрагиваются имъ: мы видимъ у него, какъ грачи направляясь вечеромъ свой полетъ къ лѣсу, слышимъ сонное журчаніе жука. Онъ вплетаетъ всѣ полевые цветы въ свои изящные гирлянды и пускается въ разясненія тончайшихъ секретовъ въ искусствѣ садоводства. Вдобавокъ все это выходитъ у него какъ-то инстинктивно. Въ этихъ, какъ и во всѣхъ прочихъ, болѣе существенныхъ, чертахъ его поэзія похожа на дѣйствія самой природы: мы не видимъ ея работы, но для насъ очевидно, въ силу самой случайности, внезапности проявленія ея отношеній къ вѣшней природѣ и сельской жизни, что ея основа коренится въ очень раннемъ и точномъ наблюденіи».

До насъ дошло даже преданіе о браконьерствѣ Шекспира, когда онъ, изъ любви къ охотѣ или изъ корысти, нарушилъ запретъ стрѣлять дичь въ паркѣ сэра Томаса Люси. Правда это или нетъ, но изъ произведеній Шекспира ясно видно, что онъ былъ коротко знакомъ со всѣми видами лѣсной охоты и, вѣроятнѣе всего, занимался ею законно или противозаконно. Въ своей первой поэмѣ «Венера и Адонісъ», «въ первомъ наслѣдникѣ его вымысла», какъ онъ ее называлъ, поэтъ необычайно живо описываетъ заячью травлю. Въ этомъ описаніи онъ не былъ никѣмъ превзойденъ. Любовь Шекспира къ деревенскому приволью продолжалась у него всю жизнь. Обезпечивъ себя материально содержаніемъ одного изъ лондонскихъ театровъ, онъ вернулся въ Стретфордъ-на-Аvonѣ, чтобы провести ц

окончить свои дни въ мѣстахъ, гдѣ протекла его юность; и его прахъ нашелъ успокоеніе подъ хорами тамошней сельской церкви.

Шенстоны, Коулей, Куперъ, Гольдсмитъ, Бернсъ и Томсонъ—всѣ шестеро были деревенскими юношами. Какими дивными, полными естественности и красоты картинаами сельской жизни обязаны мы имъ! Но Уордсуортъ былъ пожалуй еще болѣе ихъ всѣхъ питомцемъ деревни. Онъ родился и выросъ на окраинѣ нагорной страны, богатой озерами, и его умъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ получалъ впечатлѣнія отъ окружающей природы. Лѣнивый въ школѣ, любившій уединеніе, мальчикъ былъ предоставленъ самому себѣ и могъ бродить, гдѣ ему вздумается; но онъ нашелъ товарища въ природѣ и она сдѣлалась его лучшимъ наставникомъ. Большая часть стихотвореній Уордсуорта служатъ живыми отраженіями мѣстности и людей, среди которыхъ онъ жилъ. Почитаніе природы доходило у него до благоговѣйного поклоненія. Шумящій водопадъ «неотступно преслѣдовалъ его, какъ страсть», а скалы, горы и лѣса «обостряли его чувства». Духъ Уордсуорта, «одинокаго короля скалистаго Кемберленда», до сихъ поръ чуется въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ, а Грэсмеръ, Рейдельмаунтъ и Кесвикъ сдѣлались классическими пунктами англійского пейзажа. Какъ много мѣсть было прославлено сельскими поэтами Англіи и вспоминается теперь преимущественно въ связи съ ихъ именами! Такъ имена Шекспира связано съ Стретфордомъ-на-Аvonѣ, сара Филиппа Сиднея—съ Пенсгёрстомъ, Уоллера, Берка и Дизраэли—съ Биконсфильдомъ, Поппа съ Твикенгемомъ, Купера съ Ольнеемъ, Шенстона съ Лисоуисомъ, Томсона съ Ричмондомъ, гдѣ онъ написалъ «Времена года», Бернса—съ Эллоуэй-Керкомъ, Скотта—съ Эбботсфордомъ, Уордсуорта—съ Рейдельмаунтомъ и Байрона—съ Ньюстедскимъ аббатствомъ.

Сельская природа оказывала свое влияніе и на людей, родившихся и выросшихъ въ городахъ. Хотя Мильтонъ ро-

дился въ Бредъ-Стрітѣ въ Лондонѣ, «гдѣ слышится звонъ колоколовъ», и большую часть жизни провелъ «въ городской неволѣ», тѣмъ не менѣе онъ любилъ природу и описывалъ ея виды и звуки сочными красками. По словамъ Джонсона, «Мильтонъ видѣлъ природу сквозь книжныя очки», но гораздоѣроятнѣе, что онъ видѣлъ ее собственными глазами. Лондонъ въ его время былъ не то, что теперь,—дѣлая провинція, застроенная каменными громадами,—но представляя собой городъ не особенно большихъ размѣровъ, опоясанный зеленью полей. Между городскими стѣнами и Гайд-паркомъ простиравалось очаровательное лѣсистое пространство съ зелеными лугами, шедшими по всѣмъ направлѣніямъ. За Стрэндомъ тянулись зеленые поля и парки. И въ самомъ дѣлѣ, давно ли стрѣляли тетеревовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь проходитъ Реджентъ-Стритъ? Сверхъ того Мильтонъ провелъ нѣкоторое время въ Кембридже. Живя тамъ, онъ написалъ на двадцать первомъ году своей великой гимнъ о Рождествѣ, а по выходѣ изъ университета поѣхалъ въ отеческій домъ въ Гортонѣ, въ Бекенгемшире, гдѣ написалъ свои «Аркады», «Комуса» «Лицида», какъ вѣроятно и своего «Аллегро» и «Пенсерозо», отъ которыхъ вѣеть деревенской жизнью и атмосферой. Въ «Аллегро» есть мѣста, которыя могли выйти только изъ-подъ пера поэта, долго жившаго въ деревнѣ. Что Мильтонъ находилъ наслажденіе въ сельскихъ прогулкахъ, мы видимъ изъ его посланія къ другу итальянцу Деодати, написанного въ Лондонѣ; въ немъ онъ говорить: «Не всегда я сижу взаперти въ городѣ или у себя дома, но когда весна зоветъ меня на просторъ, то я брошу въ предмѣстье подъ величавой тѣнью вѣтвистыхъ вязовъ, которую не можетъ пронизать солнце».

Впрочемъ и на этотъ предметъ можно смотрѣть различно. Такъ Рѣскинъ приписываетъ свое восхищеніе природой тому обстоятельству, что онъ родился въ Лондонѣ. «Я привыкъ,—говоритъ онъ,—въ продолженіе двухъ или

трехъ лѣтъ не видѣть предъ собою ничего, кромѣ кирпичныхъ стѣнъ надъ дорогой». Отсюда его упоеніе, граничившее съ благоговѣйнымъ восторгомъ, когда, попавъ въ Кемберлендъ, онъ любовался озерами и горами. «Хотя я всегда умѣлъ,—продолжаетъ онъ,—быть довольнымъ, забавляясь тихими играми, но красота горъ придавала прелесть новизны и неожиданности моему удовольствію, котораго не могъ бы почувствовать ребенокъ, выросшій на деревенскомъ просторѣ». Подобное же очарованіе долженъ былъ испытывать и Китсъ, который, хотя и воспитался въ городѣ, былъ однимъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ и самыхъ тонкихъ изобразителей природы. Живописецъ Гейдонъ, коротко знавшій его, разсказываетъ, что «Китсъ весь сиялъ отъ счастья, попадая за городъ: жужжаніе пчелы *), видъ цветка, переливы солнечного свѣта приводили его въ какой-то трепетъ; глаза поэта вспыхивали, щеки разгорались, губы подергивались». Никто не зналъ лучше Уордсуорта, никто по крайней мѣрѣ не изображалъ съ такой удивительной силой глубины впечатлѣній дѣтства. Коль-риджъ говорить, что виды, окружавшіе его въ дѣтствѣ, такъ глубоко врѣзались у него въ памяти, что стоитъ ему въ лѣтній солнечный день зажмурить глаза, чтобы услышать у себя въ комнатѣ журчаніе рѣчки Оттеръ и увидѣть передъ собою, какъ на яву, мягкий оттѣнокъ ея водъ, переброшенный черезъ нее мостики, прибрежныя ивы и разноцвѣтные пески рѣчного ложа. У Китса не было такихъ воспоминаній дѣтства, но онъ замѣнялъ ихъ внимательнымъ наблюденіемъ и силою поэтическаго чутья.

Однако деревня должна не только дарить настъ геніаль-

*) Мильтонъ говорить о «зрячей тѣмѣ», а Китсъ дѣлаетъ «молчаніе слышущимъ»: «Когда пва терпѣливо слѣдить за ручьемъ, извишающимся возлѣ нея, а задумавшаяся девушка замираеть въ тиши, то шепчущая былинка, пчела, заползающая въ синie колокольчики, и птичка-королекъ, юящаяся среди вѣтвей,—все даетъ себя слышать.

ными произведеніями, но также должна доставлять намъ кости и мускулы для поддержанія крѣпости и здоровья націи. Англія нуждается въ отважныхъ и сильныхъ людяхъ для защиты домашнихъ очаговъ и жилищъ въ годины испытаній, а где же ихъ найти, какъ не на привольѣ полей, луговъ или на холмахъ и среди горъ! Только здѣсь живутъ люди, развитые физически, пригодные къ тяжелой работе, способные ловко владѣть руками. Всѣ интересы, всѣ потребности и предпріятія цивилизованной жизни зависятъ только отъ подобныхъ людей.

Несколько столѣтій тому назадъ всѣ солдаты, дравшіеся при Кressи, Азинкурѣ и Пуатье, были землепашцы, подъ предводительствомъ англійскихъ сквайровъ. Когда могучая испанская армада осаждала берега Англіи въ царствованіе Елизаветы, войско ея величества составляли деревенскіе сквайры, фермеры и батраки съ фермъ, между тѣмъ какъ англійскій флотъ состоялъ преимущественно изъ береговыхъ судовъ подъ командою сэра Френсиса Дрэка, сына безвѣстнаго однодворца или, по свидѣтельству другихъ, простого землепашца. Когда въ поздѣйшій періодъ англійской исторіи Карлъ I пытался вступить на такой путь, который угрожалъ повести къ самому жестокому деспотизму, то ему дало отпоръ деревенское дворянство, опиравшееся на фермеровъ и землемѣльцевъ. Изъ того же класса вышли люди, одержавшіе победу при Бленгеймѣ и помогшіе при Ватерлоо разбить завоевателя Европы. Ирландскія и шотландскія бригады раздѣляли славу англійской арміи въ ея походахъ. Тысяча шестьсотъ человѣкъ съ маленькаго, источеннаго бурями островка Ская находились въ строю подъ Ватерлоо на-ряду съ геройскими полками Ирландіи и Шотландіи.

Но такихъ людей въ настоящее время немного. Закаленные новобранцы, которые, усвоивъ солдатскую дисциплину, дрались за честь націи въ Индіи, на Пиренейскомъ полуостровѣ, въ Нидерландахъ, почти совершенно переве-

лись. Они или переселились пзъ Ирландіи въ Америку и колоніи, или-же нашли себѣ убѣжище въ промышленныхъ городахъ и центрахъ. Въ горной Шотландіи можно видѣть развалины ихъ домовъ, груды разрушеныхъ жилищъ и остатки старыхъ остроконечныхъ кровель; но люди ушли оттуда и никогда больше не вернутся. Тамошнимъ землевладѣльцамъ поля понадобились сначала для пастбища овецъ, а потомъ, когда это оказалось выгоднѣе,—для пастбища оленей. Многіе богачи хвастаются теперь своими олеными парками въ Шотландіи. Они плохо понимаютъ, какъ дорого обходится ихъ прихоть англійской націи. Одинъ американскій спортсменъ арендуетъ оленій паркъ, простирающійся отъ Нѣмецкаго моря до Антлантическаго океана. Новое «торжество демократіи»!

То же происходитъ и на низинахъ. Тамъ земледѣльческія работы по большей части исполняются машинами. Но это еще не все. Главная масса хлѣба для Англіи выращивается за границей русскими, а еще болѣе американцами дальн资料го сѣверо-запада. И тогда какъ эти народы ограждаютъ себя пошлиной отъ англійскихъ товаровъ, ихъ продукты имѣютъ свободный доступъ въ Англію. Главнѣйшая отрасль британской промышленности приходитъ теперь въ упадокъ. Съ каждымъ годомъ все большая часть нѣкогда плодоносныхъ полей зарастаетъ травой; поэтому фермеры исчезаютъ, а съ ними и сельскохозяйственные рабочіе. Одни неспособные остаются при этомъ дѣлѣ. Крестьянскіе дома въ поселкахъ и деревняхъ сносятся прочь, такъ что бѣдные люди лишаются пристанища. Въ случай войны—а Европа стоитъ наготовѣ, въ полномъ вооруженіи—намъ придется воевать на морѣ за свой насущный хлѣбъ; но откуда у насъ возмутятся солдаты и матросы, на это мудрено отвѣтить.

Въ горной Шотландіи ихъ не навербуюшь: тамошнія долины обезлюдѣли; то же самое можно сказать и объ Ирландіи; согласится ли она воевать, или нѣтъ,—но ея

населеніе уменьшилось за послѣднее полустолѣтіе съ восьми миллионовъ до пяти. Не найдется рекрутъ и въ англійскихъ графствахъ, потому что землепашцы, бросая свое прежнее занятіе, переполняютъ города, доводя въ нихъ до крайнихъ предѣловъ скучность заработка. Такимъ образомъ намъ остается одно: обратиться къ городамъ и крупнымъ центрамъ; но кто же тамъ живеть? Люди, способные управлять машинами и прядь ровную пряжу, люди, отличающіеся болѣе умственной дѣятельностью, чѣмъ тѣлесной силой, люди, способные выдержать восемь или десять часовъ труда въ жаркой атмосфѣрѣ, но совершенно непригодные замѣнить удалыхъ шотландцевъ или закаленныхъ англійскихъ землепашцевъ въ дѣлѣ защиты націи или даже въ борьбѣ за иностранный хлѣбъ. Городскіе жители могутъ быть весьма развиты умственно, пропитаны знаніемъ, какъ губки, но имъ не подъ силу тяжелый и продолжительный трудъ подъ открытымъ небомъ.

Д-ръ Беддо, замѣчательный ученый, произвелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ специальные изслѣдованія роста и сложенія людей на британскихъ островахъ. Въ своемъ докладѣ по этому вопросу онъ настаиваетъ на необходимости поддерживать национальную силу въ наилучшемъ состояніи физической крѣпости и энергіи. «Крѣпкое тѣло,— говоритъ онъ,— пожалуй не имѣть такой всеобщей, преобладающей цѣнности у цивилизованныхъ народовъ, какъ у народовъ некультурныхъ; однако во всякомъ съ тѣмъ поръ, какъ англичане образовали націю, они въ значительной степени были обязаны своимъ положеніемъ между другими націями тому, что среди нихъ часто встречалась люди громадной силы и физической энергіи; если же мы, какъ нація, отстанемъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ народовъ, то потеряемъ черезъ это не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ торговлѣ, и въ наукѣ».

Д-ръ Беддо считаетъ вполнѣ доказаннымъ, что человѣческій ростъ уменьшился на великобританскихъ островахъ

вахъ преимущественно пътъ-за того, что сельскохозяйственная промышленность замѣняется здѣсь мануфактурною. И подобное вырожденіе этотъ изслѣдователь признаетъ наследственнымъ и прогрессивнымъ. Оно прогрессируетъ потому, что фабричное населеніе, благодаря болѣе высокому заработка, больше пить, больше курить, а его потомство часто наслѣдуетъ предрасположеніе къ чахоткѣ и сифилису, что влечетъ за собою дальнѣйшее вырожденіе. «Стоитъ присмотрѣться,—продолжаетъ далѣе д-ръ Беддо,—къ какой-нибудь отдельной расѣ въ извѣстную эпоху, и мы убѣдимся, что когда она достигаетъ высшей точки своего развитія, то вмѣстѣ съ тѣмъ поднимается до высшаго уровня ея энергія и нравственная сила. Такъ житель Оуда или Пенджаба превосходитъ мужествомъ и энергией мизернаго бенгальца, какъ онъ превосходить его ростомъ и тѣлесной крѣпостью. Что же касается нашего отечества, то я уже доказалъ, что Шотландія въ общемъ, Нортумберлендъ, Кемберлендъ, нѣкоторыя части Йоркшира и Корнуоллиса представляютъ такія области Великобританіи, которыхъ производить самое красивое и рослое населеніе. Я полагаю, можно признать, что эти области вносятъ наибольшую долю способностей и энергіи въ общую работу націи *).

Служа центрами промышленной предпринимчивости, большие города никакъ не могутъ быть названы центрами здоровья и энергіи. На самомъ дѣлѣ крупные и мелкие мануфактурные города скорѣе могутъ считаться могилою физической мощи англійской расы. На одномъ изъ собраній «Христіанского общества молодежи» лордъ Шефтсбери сказалъ: «Современное стремленіе въ города принимаетъ такие размѣры, что эти центры высасываютъ жизненные соки и силу страны». Каноникъ Кингслей съ сожалѣніемъ упо-

*) Д-ръ Моргантъ изъ Манчестера также издалъ брошюру «Вырождение расы, замѣчаемое въ городскомъ и сельскомъ населеніи».

миналь о громадномъ множествѣ малорослой и хилой молодежи обоего пола, которая встрѣчалась ему на улицахъ большихъ городовъ; всѣ эти юноши и дѣвушки отличались узкими плечами, впалой грудью и блѣдными лицами. Д-ръ Фергюсонъ изъ Болтона, одинъ изъ врачей санитарной инспекціи при фабрикахъ, выразилъ мнѣніе, что низкий уровень здоровья въ его участкѣ слѣдуетъ отнести къ причинѣ невоздержности, которая еще усиливаетъ вредное влияніе сидячей жизни на фабричныхъ рабочихъ. Тому же въ значительной степени способствуетъ куреніе и жеваніе табаку, а также привычка матерей, за неимѣніемъ молока, давать дѣтямъ чай и кофе.

Впрочемъ нельзя не признать, что городская жизнь имѣть свои удобства. Люди склонны къ общительности и взаимному сочувствію; они ищутъ не только удовольствій, но и образованія. Постоянное общеніе между людьми приносить имъ многоразличную пользу. Наука и литература сосредоточиваются въ городахъ. «Человѣкъ,—по словамъ т-ра Гетри,—достигаетъ высшаго умственнаго развитія среди общественнаго влиянія многолюднаго города. Умъ его приобрѣтаетъ самый блестящій лоскъ именно тамъ, где золото и серебро тускнѣютъ отъ копоти и гнилыхъ испареній городскаго воздуха. Прекраснѣйшіе цветы генія выросли въ атмосфѣре, где живые цветы обречены увядать и съ трудомъ достигаютъ расцвѣта. Умственные способности пріобрѣтаютъ свою полную силу, когда щеки утрачиваютъ уже свой свѣжій румянецъ, а члены—гибкость, блѣдная мысль осѣняетъ чело зѣлаго мужчины, и ночной сторожъ, совершая свой обходъ, видитъ горящую лампу ученаго далеко за полночь».

Правда, статистика указываетъ, что съ помощью санитарныхъ мѣръ долговѣчность городскихъ жителей сильно повысилась за послѣдніе годы. Смертность въ Лондонѣ особенно низка—гораздо ниже, чѣмъ въ большей части континентальныхъ городовъ, хотя лондонцы пользуются

несравненно менѣе чистымъ воздухомъ, чѣмъ сельскіе жители, и вдыхаютъ въ себя много копоти и тумана. Говоря вообще, смертность увеличивается пропорціонально густотѣ населенія. По образному выражению д-ра Фарра, «чѣмъ ближе люди живутъ другъ къ другу, тѣмъ короче ихъ жизнь». Въ настоящее время установлено, что въ Англіи на сто обитателей деревни приходится сто девяносто девять городскихъ жителей.

Д-ръ Джонсонъ хотя и былъ уроженцемъ Лит菲尔да, но ужасно любилъ Лондонъ и городскую жизнь. Находясь въ Болткоргѣ, онъ чувствовалъ себя на верху блаженства. Придя въ особенно радостное настроеніе, онъ говоривалъ Босвелю: «Пойдемте, сэръ, прогуляться по Флитъ-Стриту». «Конечно, сэръ, на Флитъ-Стритѣ много оживленія, но, по моему, жизнь кипитъ ключемъ только на Чериngъ-Кроссѣ». «Лондонъ,—замѣчаетъ Джонсонъ,—для нѣкоторыхъ не значить ничего; но для человѣка умственныхъ интересовъ это самое подходящее мѣсто». Въ другой разъ онъ сказалъ: «Этотъ городъ моя стихія: тамъ мои друзья, мои книги, мои развлечения. Если Лондонъ надобѣть человѣку, значитъ, ему надобла жизнь, потому что въ Лондонѣ есть все, что можетъ дать жизнь». Сэръ Джошуа Рейнольдсъ любилъ Лондонъ не меныше Джонсона и постоянно утверждалъ,—говорить Мелонъ,—что это единственное мѣсто въ Англіи, где можно найти хорошее общество. Хотя у Рейнольдса была своя вилла въ Ричмондѣ, но онъ рѣдко оставался тамъ ночевать, говоря, что человѣческое лицо пріятѣе ему всякихъ живописныхъ видовъ, что онъ не промѣняетъ лондонскую суполоку ни на какие загородные ландшафты.

Но лондонцемъ по преимуществу былъ Чарльзъ Лембъ, настоящій столичный житель по своему характеру. Онъ родился въ Лондонѣ, провелъ тамъ дѣтство и зрѣлый возрастъ. Онъ любилъ все въ Лондонѣ: его улицы, его звуки, его запахи, съ наслажденіемъ бродилъ между лавочками

букинистовъ и заглядывалъ въ окна магазиновъ. Въ Лондонѣ коренилась вся его умственная и общественная жизнь. Онъ не только сознавалъ себя настоящимъ столичнымъ жителемъ, но и гордился этимъ. Между тѣмъ, какъ Вальтеръ Скоттъ говорилъ: «Если-бъ я не видѣлъ однажды въ годъ нашихъ вересковъ, то, думаю, умеръ бы отъ этого». Чарльзъ Лембъ утверждалъ: «Мнѣ нужно видѣть перспективу Флитъ-стрита, или я впаду въ тоску и зачахну. Не вѣрите лживымъ поэтамъ,—прибавляетъ онъ,—которые маютъ людей прочь изъ веселыхъ улицъ. Я поставилъ бы здѣсь мое святилище». Однажды Уордсуртъ уговаривъ Лемба пріѣхать къ нему въ его горное жилище въ Вестморлендѣ. Лембъ пріѣхалъ, остался очень доволенъ, но не могъ чувствовать себя вполнѣ хорошо, пока не вернулся въ Лондонъ «къ пріятной безопасности городскихъ улицъ». По возвращеніи онъ написалъ Уордсурту: «То былъ день, который будетъ возвышаться, подобно горѣ, въ моей жизни. Флитъ-стритъ и Стрэндъ самыя лучшія мѣста, гдѣ можно жить пріятно и жить вообще. Я не могъ бы жить на Скиддау». Въ другомъ пасмѣ къ Уордсурту Лембъ пишетъ о своей нравственной связи съ Лондономъ: «Эти вещи слились съ моей душой: комната, гдѣ я родился, книжный шкаль, слѣдовавшій за мной повсюду, какъ вѣрила собака—только превосходя ее ученостью, старые стулья, старые столы, скверы, гдѣ я грѣлся на солнцѣ, моя старая школа—все это мои возлюбленныя. Развѣ у меня мало хорошаго и безъ нашихъ горѣ?» Совсѣмъ противоположное впечатлѣніе вынесъ одинъ предводитель шотландскихъ горцевъ изъ своего пребыванія въ Лондонѣ. Этотъ человѣкъ былъ гордостью родимой долины, онъ привыкъ къ подобострастію и раболѣпству своего клана: «что-то подумаютъ лондонцы о нашемъ лэрдѣ, когда увидятъ его!» Увы, его появление не надѣжало никакого шума; могучій вождь привлекъ на себя такъ же мало вниманія, какъ любой извозчикъ или ломовикъ. Что же онъ

высказалъ о такомъ пріемѣ по возвращеніи на родину? «О,— говорилъ шотландецъ,— Лондонъ пришелъ въ большое смятение, когда увидѣлъ меня!» Величие, безстрастность, суeta и кажущееся смятеніе могучаго Лондона именно и производятъ такое сильное впечатлѣніе на душу. Нѣмецкій поэтъ Гейне составилъ однако себѣ совершенно иное мнѣніе о столицѣ Англіи, чѣмъ шотландскій вождь. «Я видѣлъ,— пишетъ онъ,— величайшее чудо, какое міръ можетъ показать удивленному уму; я видѣлъ его и все еще не могу опомниться отъ изумленія. Въ моей памяти ярко запечатлѣлся каменный лѣсь домовъ, а между ними стремительный потокъ человѣческихъ лицъ со всѣми ихъ разнообразными страстиами, со всѣми ужасными побужденіями любви, ненависти и голода. Я говорю о Лондонѣ. Пошлите въ Лондонъ философа, но заклинаю вѣсть, не послайте туда поэта! Пошлите туда философа, и пускай онъ встанетъ на углу Чипсайды, гдѣ узнаетъ больше, чѣмъ изъ книгъ съ послѣдней лейпцигской ярмарки. Въ то время какъ волны человѣческой жизни будутъ бушевать около него, въ немъ поднимется море новыхъ мыслей, на него повѣтъ вѣчнымъ духомъ, носящимся по лицу водъ; сокровеннѣйшія тайны общественной гармоніи внезапно открываются ему; онъ отчетливо услышитъ биеніе мірового пульса и увидитъ его своими глазами... Эта прямолинейная серьезность во всемъ, это колоссальное однообразіе, это машинальное движеніе, этотъ смущенный даже среди самихъ удовольствій, этотъ преувеличенній Лондонъ ласкаетъ воображеніе и терзаетъ сердце».

Лондонецъ, родившійся и выросшій среди этихъ картинъ, не испытываетъ подобнаго чувства. Онъ сроднился съ ними давно и онъ не производить на него впечатлѣнія. Онъ сдѣлался, можетъ-быть, живѣе и дальновиднѣе уроженца деревни, но его душа не получаетъ постояннаго толчка и хотя, можетъ-быть, онъ достигъ совершенства въ своемъ дѣлѣ, но помимо его знать очень иѣмного. Онъ мало

знакомъ съ людьми, среди которыхъ живеть, а еще меныше имѣеть понятія о деревенской жизни. По этой причинѣ главныя общественные течения, политическая и соціальная, начинались обыкновенно не въ Лондонѣ, а возникали въ провинціяхъ. Во время агитаций, поднятой лигою противъ хлѣбнаго закона, Кобденъ говорилъ, что всего труднѣе было поднять Лондонъ. Лондонцы были слишкомъ поглощены собственными дѣлами, чтобы интересоваться чѣмъ-нибудь постороннимъ или оказать поддержку горячимъ головамъ изъ провинціаловъ.

Послѣ своего первого прѣѣзда въ Лондонъ, Карлейль говорилъ о немъ: «Я предпочелъ бы отъ времени - до - времени посѣщать Лондонъ, но не жить тамъ постоянно. На самомъ дѣлѣ, здѣсь нѣтъ настоящей жизни; люди помѣщаются здѣсь, точно растенія въ теплицѣ, недоступной спокойнымъ вліяніямъ неба и земли въ ихъ непосредственномъ видѣ... вамъ кажется, что вы вѣчно живете въ гостиницѣ; привязанность къ своему углу въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его, неизвѣстна здѣсь и одному изъ тысячи!»

Подобно другимъ громаднымъ центрамъ, Лондонъ привлекаетъ къ себѣ предпріимчивыхъ, энергичныхъ людей изо всей націи—это главная квартира ума, законодательства, торговыхъ дѣлъ и спекуляцій. По всѣмъ этимъ отраслямъ мы видимъ въ первомъ ряду провинціаловъ. Большая часть первыхъ министровъ Авгліи были родомъ изъ землемѣрческихъ округовъ. Недавній лордъ-канцлеръ и стяпичий по дѣламъ казны происходили изъ Бельфаста, а послѣдній архіепископъ Кентерберійскій — изъ Эдинбурга. Даже ученый изъ Крегенпеттока былъ впослѣдствіи привлеченъ въ Лондонъ и издавалъ томъ за томомъ, живя въ своемъ домѣ на Чайнъ-Уокѣ *) Провинціалы ведутъ лон-

*) Британскій музей, а впослѣдствіи Лондонская библіотека, основанная съ помощью Карлейля, представляли для него одну изъ самыхъ облагушительныхъ приманокъ въ Лондонѣ. Даже Лун-Бланъ

лондонскія газеты, засѣдають въ судахъ, пашутъ книги, управляютъ желѣзными дорогами и стоять во главѣ обширныхъ торговыхъ предпріятій. Отъ временъ Уиттингтона и до нашихъ дней имъ доставалась значительная доля городскихъ почестей и должностей. Весьма вѣроятно, что пропинціаловъ, удостоившихся званія лорда-мэра, было больше, чѣмъ лондонцевъ, не взирая на преимущество воспитанія послѣднихъ, семейные связи и сословныя и городскія вліянія. Люди, родившіеся въ деревнѣ, приходившіе въ со-прикосновеніе съ почвой, люди, только что оторвавшіеся отъ матери-земли, бываютъ часто большими поклонниками Лондона и городской жизни. Они любятъ его за массу всевозможныхъ средствъ, за обширное поле для отличій, за его соціальную свободу и вѣчное разнообразіе дѣятельной жизни. Эти люди могутъ отъ-времени-до-времени возвращаться въ деревню, посѣщать ее, но не жить въ ней. Что же касается молодежи, то она имѣеть свои праздники и пользуется ими для того, чтобы охотиться, кататься на велосипедахъ или бродить по окрестностямъ на шестьдесятъ миль вокругъ столицы и этимъ поддерживать сумму физического здоровья, какую трудно превзойти даже для деревенского жителя.

не могъ написать своей «Французской революціи», не познакомившись съ «Афишами» въ Британскомъ музѣѣ, потому что лишь въ его библіотекѣ они составляютъ полную коллекцію.

ГЛАВА IX.

ХОЛОСТЫЕ И ЖЕНАТЫЕ.—ПОДРУГИ.

Любовь составляет жизнь женщинам и дома,
и въ дома.—Сэр С. Фергусон.

Отмѣтчая важнѣйшія біографическія черты, нельзя обойти молчаніемъ отношеній между мужчинами и женщинами. Любовь и бракъ вліяютъ на душевное состояніе большинства людей, принося помощь и отраду однимъ и несчастье другимъ. «Мы любимъ,—говорить Вирей,—потому что живемъ не вѣчно: мы пріобрѣтаемъ любовь цѣною нашей жизни». «Супружеская любовь,—говорить лордъ Бэконъ,—размножаетъ человѣческій родъ, дружеская — совершенствуетъ его, а безнравственная—развращаетъ и унижаетъ».

Христіанская цивилизациѣ, несомнѣнно, возвысила положеніе женщины и дала ей возможность сохранить душевное мужество, одинаково свойственное тому и другому полу. Вліянію христіанства мужчины и женщины обязаны познаніемъ божественныхъ истинъ нравственности и религіи, на которыхъ зиждется господство цивилизациї. Въ святилищѣ домашняго очага женщина управляетъ міромъ такъ властно, какъ будто бразды правлениія находятся въ ея рукахъ.

Тѣмъ не менѣе, многіе мужчины и многія женщины остаются безбрачными. Вопросъ о томъ, что болѣе благо-

пріятствуетъ человѣческому счастью и культурѣ—бракъ или безбрачіе, является спорнымъ. Большинство, слѣдя своимъ естественнымъ инстинктамъ, вступаетъ въ бракъ; другіе же, подобно апостолу Павлу, «не имѣя нужды и имѣя власть надъ собственной волей», оставались холостыми; первые, по слову апостольскому, поступали «хорошо», но вторые «лучше». Лордъ Бэконъ, будучи самъ женатымъ человѣкомъ, хотя и не влюбленнымъ, сказалъ: «Имѣющій жену и дѣтей даль заложниковъ судьбы, потому что она служить помѣхой великимъ начинаніямъ, какъ добродѣтельнымъ, такъ и злымъ. Безспорно, все величайшее и наиболѣе полезное для общественного блага было создано неженатыми или бездѣтными людьми, которые отдаютъ свои привязанности и средства обществу». Однако, это мнѣніе недостаточно обосновано. Холостой человѣкъ, разумѣется, болѣе способенъ посвятить себя умственной работе. Онъ свободаѣ въ своихъ привычкахъ и образѣ жизни и менѣе стѣсненъ необходимостью заботиться о нуждахъ и требованіяхъ другихъ. Но въ то же время онъ лишаетъ себя того, что даетъ многимъ людямъ сплут и удобства жизни—отдыхъ для ума, спокойствіе духа и ту постоянную бодрость, которую можно почерпнуть въ привязанности и нравственной поддержкѣ умной подруги». «Я даже не могу себѣ представить,—говорить д-ръ Арнольдъ,—что дѣлаютъ мужчины среднихъ лѣтъ безъ жены и дѣтей, къ которымъ они могли бы привязаться; по моему, способность къ привязанности даже у лучшихъ натуръ должна заглохнуть при постоянномъ столкновеніи съ людьми такого сорта, какихъ мы обыкновенно встрѣчаемъ въ свѣтѣ».

Многіе изъ гениальнѣйшихъ людей, дѣйствительно, оставались холостыми, такъ какъ страсть къ знанію поглощала въ нихъ всю прочія страсти. Весьма вѣроятно, что Ньютона никогда не зналъ любви, даже любви къ славѣ. Рассказываютъ, что однажды онъ пришелъ свататься, сталь курить и, по своей разбѣянности, схвативъ указательный

палецъ невѣсты, хотѣлъ набить имъ трубку; разумѣется, сватовство немедленно разстроилось. Весьма возможно также, что крайняя застѣнчивость Ньютона, поощряемая уединеніемъ и созерцательностью, мѣшала ему пользоваться обществомъ женщинъ, недостатокъ котораго какъ-будто никогда не тяготилъ его. Гоббсъ нарочно избѣгалъ женитьбы, къ которой имѣть сначала склонность, имѣя въ виду болѣе усидчиво заниматься наукой. Адамъ Смитъ жилъ и умеръ холостякомъ. Онъ увѣрялъ, что любезничаетъ толькоъ своимъ книгами. Мизантропъ Шамфорпъ говоривалъ: «Если-бы люди совѣтовались только съ своимъ разумомъ, кто рискнулъ бы тогда жениться? Что касается меня, то и никогда не женюсь, изъ боязни имѣть сына, похожаго на себя».

Къ числу другихъ знаменитыхъ холостяковъ принадлежали: Гассенди, Галилей, Декартъ, Локкъ, Спиноза, Кантъ, Исаакъ Барроу, епископъ Бѣтлеръ, Бейль, Лейбница, Бойль, Кевендишъ, Блэкъ, Дальтонъ. Кевендишъ не только былъ лишенъ малѣйшаго влечения къ женщинамъ, но питалъ къ нимъ какую-то болѣзненную антипатію. Чтобы не встрѣчаться съ служанками у себя дома, онъ велѣлъ построить черную лѣстницу, и если встрѣчалъ одну изъ нихъ, проходя изъ комнаты въ комнату, то сейчасъ же отказывалъ ей отъ мѣста *). Его застѣнчивость доходила до болѣзни. Такъ, онъ никогда не снималъ съ себя портретовъ и приходилъ въ замѣшательство, если на него пристально смотрѣли.

*). «Однажды вечеромъ въ Королевскомъ обществѣ мы любовались очень хорошенькой дѣвушкой, выглядывавшей изъ окна въ верхнемъ этажѣ дома черезъ улицу; она смотрѣла, какъ обѣдаютъ ученики. Красивая головка была всеми замѣчена, и мы, одинъ за другій, вставали и проходили мимо окна, чтобы взглянуть на нее. Кевендишъ, воображая, что мы смотримъ на луну, подскочилъ къ намъ по своему странному обыкновенію, по, увидавъ настоящій предметъ нашихъ наблюдений, отвернулся съ крайнимъ отвращеніемъ, насмѣшилъ фыркнувъ». Вильсонъ.

рѣли. Онъ избѣгалъ незнакомыхъ лицъ и не могъ безъ со-
дроганія войти въ ту комнату, где они находились. Вмѣ-
стѣ съ тѣмъ онъ былъ чрезвычайно холодный, безстраст-
ный человѣкъ, повидимому, лишенный какого-бы то ни
было чувства. Онъ умеръ такъ-же равнодушно, какъ жилъ.
Его біографъ говорить о немъ: «Онъ ни къ кому не пи-
талъ ни любви, ни ненависти; какъ надежда, такъ и страхъ
одинаково были ему невѣдомы... Онъ былъ почти безстра-
стенъ,—настоящій ученый отшелыникъ». Конечно, этотъ че-
ловѣкъ при всей своей учености много выиграль-бы, еслибы
общество любящей подруги сдѣлало его добрѣ. «Разу-
мѣется, — говорить лордъ Бэконъ въ вышеприведенномъ
«Опытѣ», — жена и дѣти есть родъ дисциплины для че-
ловѣчества». Большинство великихъ историковъ оставались
холостыми: Юмъ, Гиббонъ, Макколей, Тирльуоль, Бокль
и другіе. Кемденъ былъ до такой степени поглощенъ сво-
ими изысканіями, что отклонилъ женитьбу, съ цѣлью ис-
ключительно посвятить себя науцѣ. Для того, чтобы сдѣ-
латься выдающимся историкомъ, нужно всецѣло отдаваться
своему предмету, при чемъ уже не остается мѣста для се-
мейныхъ радостей. Біографъ Юма приводить некоторые
стихи, будто-бы написанные имъ самимъ, въ доказатель-
ство того, что онъ былъ способенъ къ любви. Однако, нѣть
никакого явнаго указанія на то, чтобы этого писателя
когда-нибудь коснулась страсть. Напротивъ, Юмъ разсу-
ждаетъ о ней въ своихъ «Опытахъ» съ такимъ же равно-
душіемъ, какъ еслибы вопросъ шелъ о какой-нибудь проб-
лемѣ Эвклида.

Между тѣмъ, Гиббонъ былъ несомнѣнно влюбленъ од-
нажды въ своей жизни. Предметомъ его увлеченія была
никто иная, какъ дѣвица Кюршо, дочь протестантскаго па-
стора въ Красси, вышедшая вслѣдствіи замужъ за бан-
кира Неккера и сдѣлавшаяся матерью знаменитой госпожи
де-Сталь. Гиббонъ, въ то время молодой человѣкъ, жилъ
въ Мозаннѣ, въ Швейцаріи, где остроуміе и ученость мо-

лодой девушки служили предметомъ общаго восхищениія. «Разговоры обѣ этомъ чудѣ,—говорить Гиббонъ,—подстрекнули мое любопытство, я увидалъ ее и влюбился... Она позволила мнѣ побывать два или три раза въ домѣ ея отца. Я провелъ нѣсколько счастливыхъ дней въ горахъ Бургундіи, и ея родители честнымъ образомъ поощряли нашеближеніе. Въ спокойномъ уединеніи тщеславіе юности перестало волновать ся сердце; она прислушалась къ голосу правды и страсти, и я имѣлъ основаніе разсчитывать, что произвѣтъ нѣкоторое впечатлѣніе на добродѣтельное сердце». Но когда Гиббонъ, въ то время двадцатилѣтній юноша, по возвращеніи въ Англію сообщилъ отцу о своемъ сватовствѣ, отецъ такъ энергично воспротивился этому, что онъ тотчасъ же отказался отъ невѣсты; отсюда можно заключить, что любовь его была не особенно пылкаго свойства. «Послѣ тяжелой борьбы,—говорить ученый,—я покорился своей участіи; я вздыхалъ, какъ влюбленный, но повиновался, какъ сынъ».

Джереми Бентамъ не былъ женатъ; однако, въ ранней молодости у него была привязанность, которой онъ остался вѣренъ до смерти. Д-ръ Браунингъ видѣлъ, какъ даже въ старческие годы по его лицу струились слезы, когда онъ говорилъ о своей юношеской любви въ Баувудѣ. Въ шестьдесятъ лѣтъ онъ опять встрѣтился съ тою же личностью и возобновилъ свое ухаживаніе, но любовь его не встрѣтила взаимности; невѣста отвергла его искаательство, и оба они остались одинокими.

По мѣрѣ того какъ Бентамъ становился старше, эта единственная привязанность какъ-будто овладѣвала имъ сильнѣе, и уже въ глубокой старости отправилъ онъ предмету своей неизмѣнной любви трогательное письмо: «Я живъ,—писалъ онъ,—болѣе чѣмъ два мѣсяца тому назадъ мнѣ пошелъ восемидесятый годъ, однако я еще болѣе пылокъ, чѣмъ въ то время, когда вы представили предо мною на церемоніи съ цветами на зеленомъ лугу. Съ тѣхъ поръ

не проходило ни единого дня (не говоря уже о ночахъ), когда бы мысль о васъ не поглощала меня сильнѣе, чѣмъ я того желалъ... Я все еще берегу клавикорды, на которыхъ вы играли въ Баувудѣ: какъ инструментъ, они уже не годны къ употребленію, но эта вещь до сихъ поръ интересна; какъ мебель, она довольно красива; хотите получить ее въ наслѣдство послѣ моей смерти? У меня есть перстень съ моими сѣдыми, какъ лунь, волосами и моимъ профилемъ, который все находятъ похожимъ. Послѣ моей смерти вы получите точно такой же, другой; если васть постигнетъ нужда, за него можно выручать по крайней мѣрѣ соверенъ. Надѣюсь, вы не будете стыдиться меня... О, какой же я старый безумецъ, если продолжаю вамъ писать, какъ-только представляется къ тому возможность, и пишу безъ конца!» Пожалуй, особа, которую обожалъ Бентамъ, действительно считала его «старымъ безумцемъ», потому что приведенное письмо не вызвало отвѣта; между тѣмъ каждый, конечно, отнесется сердечнѣе къ добродушиному, старому послѣдователю Аристотеля, жившему на площади Королевы, заглянувъ въ глубину его сердца, полного такой преданной любви въ то самое время, когда онъ разрабатывалъ свою систему политической философіи. Однако, поэтъ Уордсуортъ описываетъ его какъ человѣка холоднаго, расчетливаго и себѧлюбиваго.

Питтъ и Фоксъ, политические соперники, не были женаты оба. Первый хотя и слылъ ледяною натурою, но обладалъ нѣжнымъ и любящимъ сердцемъ. Его домашняя жизнь была безупречна, а душевный строй удивительно чистъ и возвышенъ. Въ частныхъ сношеніяхъ онъ обнаруживалъ чрезвычайное добросердечіе. Мы уже видѣли, что величайшимъ удовольствіемъ для него было играть и возиться съ дѣтьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ могъ влюбляться горячо и пылко. Предметомъ его обожанія была лэди Элеонора Эденъ, женщина величественной красоты съ ослѣпительными, высокими челомъ. Питтъ былъ въ отчая-

віл, когда ему пришлось отъ нея отказаться, но онъ сдѣлалъ это, твердо сознавая, что узы домашней жизни несовмѣстимы съ суровыми требованіями общественной дѣятельности. Эта жертва была внушена ему тонкимъ пониманіемъ долга и чести.

Между великими художниками, которые оставались холостяками, были Леонардо да-Винчи, Рафаэль и Микель Анджело. Послѣдній говоривъ о своемъ искусствѣ: «Живопись ревнивая любовница и не терпить соперничества. Она замѣняетъ мнѣ жену и причиняетъ достаточно домашнихъ заботъ; мои произведенія будутъ моими дѣтьми». Рейнольдсъ, повидимому, раздѣлялъ это мнѣніе, потому что добровольно остался холостякомъ. Узнавъ о женитьбѣ Флаксмана, онъ сказалъ ему: «Какъ художникъ вы погибли, Флаксманъ». Однако, тотъ впослѣдствіи доказалъ, что супружеская жизнь принесла ему скорѣе пользу, чѣмъ вредъ *). Тѣрнеръ и Этти были холостяками, хотя оба влюблялись. Неудача въ любви набросила тѣнь на жизнь Тѣрнера, который никогда не могъ вполнѣ забыть своей истинной привязанности. Этти, напротивъ, бывалъ жертвой множества увлеченій. «Одною изъ моихъ главныхъ слабостей,—говоривъ онъ,—была влюблчивость». Тѣмъ не менѣе, ему не хотѣлось связывать себя женитьбой.

Гендель, Бетховенъ, Россини, Мендельсонъ и Мейерберъ принадлежали къ числу холостяковъ въ музыкальномъ мірѣ. Гендель всю свою любовь вложилъ въ искусство; но Бетховенъ, обожая искусство, жаждалъ всю жизнь женской любви, которой никогда не находилъ. Еще юношей въ Боннѣ онъ былъ очарованъ прелестями девицы Гофратъ;

*) Г-жа Флаксманъ была чрезвычайно достойная женщина, и ея смерть въ 1820 году явилась невозпагадимой потерей для мужа. Человѣкъ перворазрядной гениальности, Флаксманъ былъ совершеннымъ ребенкомъ въ практической жизни, между тѣмъ, какъ его жена отличалась большимъ здравомысліемъ и дѣловитостью.

однако, она измѣнила ему ради австрійского офицера, за котораго вышла замужъ. Впрочемъ, великий маэстро не разъ открывалъ свое сердце нѣжному чувству. На третій разъ онъ влюбился въ дѣвушку, стоявшую выше его по общественному положенію. У него было «слабое сердце», которому, какъ говорится, «никогда не плѣнить красивой дѣвушки». Во всякомъ случаѣ онъ рѣшился посвятить этой особѣ свою сонату «С.», написанную въ 1806 году, гдѣ выражена музыкальными звуками вся безнадежность и восторгъ его любви. Эта красавица, графиня Джулія Гви-чіарди, вскорѣ послѣ того сдѣлалась женою графа Галлен-берга, къ безграничному отчаянію Бетховена. Онъ впалъ въ уныніе, мрачность и съ той поры отрекся отъ всякихъ любовныхъ увлеченій, всецѣло посвятивъ себя музыкѣ и тѣмъ великимъ произведеніямъ, которыя доставили такую громкую славу его имени.

Таковы были немногіе знаменитые люди, не вступавшіе въ бракъ. Незамужнихъ женщинъ гораздо больше, чѣмъ холостыхъ мужчинъ. Мужчина обладаетъ крѣпостью и силой, онъ дѣйствуетъ, идти по своему пути, мыслить и работаетъ одинъ. Онъ смотритъ впередъ и видитъ утѣшеніе въ будущемъ. Женщина же остается дома, въ радости и въ горѣ. Чувствовать, любить, страдать, жертвовать собою,—не въ этомъ-ли заключается вся женская жизнь? Однако, въ характерѣ женщины много разнообразныхъ красотъ. Можетъ-быть, она питала въ молодости страстную привязанность, но была разочарована, вѣроятно она желаетъ оставаться незамужней и независимой или, обладая способностью къ самостоятельной работѣ, имѣть въ виду какое-нибудь специальное предпріятіе, можетъ-быть изученіе науки, литературы, для того чтобы облагородить человѣчество и способствовать его благосостоянію. Много есть одинокихъ женщинъ, воодушевленныхъ прекраснѣшими побужденіями и работающихъ на-ряду съ самыми благородными и почтенными общественными дѣятелями.

Нужно ли приводить имена Флоренсы Найтигель, Екатерины Стэнли и сестры Доры?

Однокія женщины во многихъ случаяхъ являются лучшими утьшительницами, сидѣлками и товарищами. Большая часть самого важного дѣла въ этомъ мірѣ совершается тайно и въ безмолвіи, не вызывая шума, не напрашиваясь на одобреніе. Кто будетъ разсказывать о постоянномъ бдительномъ ежедневномъ служеніи терпѣливой женщины, которая хранить свой домъ здравымъ и мирнымъ? Даже въ вицехъ классахъ общества однокія женщины совершаютъ болѣе своей обязательной доли полезнаго и почтенного труда часто среди испытавій, искушений и соблазновъ. Какъ многому можемъ мы научиться отъ бѣдняка—достоинству въ перенесеніи страданій, мужественной покорности судьбѣ подъ тяжелымъ бременемъ! Бѣдняки относятся великодушнѣе другъ къ другу, чѣмъ богачи. Они часто готовы раздѣлить послѣднюю корку хлѣба съ другими, которые бѣднѣе ихъ самихъ, и все это безъ малѣйшей надежды на возданіе. Сколько тысячъ изъ непобѣдимаго легіона однокіихъ женщинъ работаютъ до изнеможенія, пожалуй, соглашаясь питаться черствой коркой съ чаемъ скорѣе, чѣмъ потерять малѣйшую частицу самоуваженія или допустить, чтобы самая ничтожная тѣнь подозрѣнія упала на ихъ безупречную репутацію!

Вотъ, между прочимъ, какимъ образомъ была основана больница для паралитиковъ и больныхъ падучей. Двѣ молодыя девушки, родныя сестры и круглыя сироты, сидѣли однажды дома, поджидая возвращенія своей бабушки, которая ихъ воспитала. Она ожидала ее долгое время. Она ушла отъ нихъ веселая и дѣятельная. Вдругъ постучали въ дверь. Внучки поспѣшили отворить, но едва могли признать ношу, которую привнесли къ нимъ въ домъ иѣсколько человѣкъ. То была ихъ бабушка—безпомощная и разбитая параличомъ. Старушка умерла, но у ея внучекъ возникла идея основать приютъ для больныхъ именно такого рода.

Онъ были небогаты, а вдобавокъ знали, что богатые и добрые осаждаются просьбами о помощи. Однако, сестры не падали духомъ. Прежде всего онъ собрали двѣстіи фунтовъ стерлинговъ и пожертвовали ихъ, какъ первую лепту на основаніе приюта. Мало-по-малу добрыя души заинтересовались ихъ предпріятіемъ; онъ примкнули къ молодымъ дѣвушкамъ, стали действовать сообща, и больница была основана. Младшая сестра не дожила до осуществленія своего завѣтнаго плана. Но, умирая, она благословила начатое дѣло и отошла въ вѣчность.

Ничего нѣть удивительнаго въ общемъ желаніи женщинъ развивать свои умственные способности, съ цѣлью избавиться отъ своего беспомощнаго одиночества и завоевать себѣ прочное положеніе на-ряду съ мужчинами. Отсюда требование женщинъ, добивающихся высшаго образованія, состязательныхъ экзаменовъ и той борьбы за профессіональное преуспѣяніе, въ которомъ мужчины до сихъ поръ занимали первое мѣсто. Нѣть сомнѣнія, что для удобства и поддержки женщинъ вообще необходимо развивать ихъ способности, насколько это совмѣстимо съ ихъ здоровьемъ и организацией. Если соревнованіе и умственная борьба примѣнялись бы только къ женщинамъ съ сильнымъ умомъ и здоровымъ тѣломъ, въ ихъ борьбѣ за профессіональное отличие не было бы большого вреда; но, говоря о женщинахъ вообще, надо признать, что переутомленіе мозга причинить имъ большой и непоправимый вредъ, а въ заключеніе приведетъ къ физическому вырожденію человѣческаго рода.

Краббъ Робинсонъ разсказываетъ, что одна молодая дѣвушка, дочь деревенскаго священника, до такой степени зачитывалась «Коринной» и «Дельфиной», что когда г-жа де-Сталь, авторъ этихъ романовъ, прѣѣхала въ Лондонъ, она пришла къ ней въ домъ, бросилась передъ ней на колѣна и просила принять ее въ компаньонки или секретаріи. Баронесса очень ласково, но рѣшительно отказалась

возражать противъ безразсудства ея поведенія: «Можетъ-
быть, вы думаете,—сказала она,—что это очень завидный
жребійѣздить по Европѣ и видѣть все, что есть самаго
лучшаго и замѣчательнаго въ мірѣ; но повѣрте, что ра-
дости домашняго очага несравненно прочнѣ; домашняя
жизнь доставляетъ болѣе постоянное счастье, чѣмъ можетъ
дать какая бы то ни была слава. У васъ есть отецъ, а
у меня его нѣтъ. У васъ есть домъ, а я была вынуждена
путешествовать, потому что выгнана изъ своего дома.
Довольствуйтесь вашей участью; еслибы вы знали мою
судьбу, то не стали бы завидовать ей». Мне пріятно при-
бавить, что молодая девушка уѣхала домой, образумив-
шись; послѣ того она сдѣлалась постоянной, трудолюбивой
и вела почтенную и полезную жизнь.

Еслибы молодыя девушки держались того убѣженія,
что для разумной, пріятной и счастливой жизни нельзя
пренебрегать даже бездѣлацей, которая можетъ внести ве-
селье въ домашній бытъ, что всякое дѣло, за которое бе-
решься, нужно дѣлать хорошо, то намъ рѣже приходилось
бы слышать жалобный вопль, приведенный однажды на
страницахъ «Цонча»:—«Міръ пусть, моя кукла набита
опилками, и потому я хочу идти въ монастырь!» Даже
интеллигентная женщина, замужняя или одинокая, можетъ
быть одновременно полезна своей семьѣ и въ то же время
трудиться на пользу просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ
слова. Подобный примѣръ мы уже видѣли въ лицѣ м-сы
Соммервиль, хотя, можетъ-быть, она обладала исключи-
тельными умственными способностями.

Мы говорили сейчасъ о холостякахъ и незамужнихъ
женщинахъ; но гораздо большее значеніе представляютъ
для насъ люди, состоящіе въ бракѣ, такъ какъ оба пола
пытаются естественную склонность къ брачному союзу.
Мужчины и женщины вступаютъ въ бракъ съ различными
мыслями и чувствами. Нѣкоторые женятся по любви, другие
увлекаются красивой внешностью, третыи преисполнены

корыстную цѣль или помогаются повышенія по службѣ, или ищутъ удобства и уютности домашнаго очага. Одни руководствуются только инстинктами, другіе—своимъ воображеніемъ, но немногіе подавляютъ при этомъ свои чувства, подчиняясь исключительно разуму. Хотя бракъ пожалуй есть важнѣйшее событіе въ жизни мужчины и женщины, потому что отъ него зависитъ какъ величайшее счастье на землѣ, такъ и величайшее бѣдствіе, но, кажется, къ немногимъ вещамъ относятся легкомысленіе, чѣмъ къ этому договору между двумя человѣческими существами жить неразлучно вмѣстѣ «въ счастьѣ или горѣ, пока ихъ не разлучить смерть». Можетъ-быть, такое легкомысліе основано на всеобщемъ убѣжденіи, господствовавшемъ такъ долго, что любовь есть страсть, которую мы не можемъ управлять, что она не столько зависитъ отъ воли, сколько отъ инстинкта, что она есть побужденіе, которое заставляетъ насъ слѣдовать ему, но само не можетъ подчиняться никакому руководству. Отсюда избитыя фразы: «бракъ есть лотерея», «суженаго конемъ не обѣдешь», хотя на дѣлѣ часто оказывается, что несчастные браки зависятъ лишь отъ безразсудства при ихъ заключеніи.

Правда, немногіе вступаютъ въ бракъ съ предметомъ своей первой любви, но обѣ этомъ едва-ли можно пожалѣть, потому что гораздо полезнѣе выждать, пока умъ и характеръ установятся, а привязанности окрѣпнутъ. «Любовь съ первого взгляда,—говорить г-жа де-Сталь,—такъ рѣдко бывающая глубокой и прочной, особенно рѣдко возникаетъ между двумя людьми, взаимное влеченіе которыхъ основано на нравственныхъ достоинствахъ. «Тѣмъ не менѣе, такие случаи возможны, хотя первая любовь почти никогда не основывается на душевныхъ качествахъ или добротѣ сердца. Однако, первая любовь оказываетъ иногда сильное вліяніе. Теннисонъ показалъ намъ въ «Джиневрѣ», какимъ тонкимъ наставникомъ юноши является «дѣственная любовь къ девушкѣ»,—которая обыкновенно бываетъ старше

его—и какой крѣпкой охраной служить она для влюбленного въ переходные годы къ возмужалости:

Не только подавляя все низкое въ человѣкѣ,
Но внушая ему возвышенныя мысли, любезныя слова
И обходительность, и жажду славы,
И любовь къ правдѣ, и все, что достойно мужчины.

«Смѣтливый былъ тотъ человѣкъ,—говорить Монтень,— который сказалъ, что счастливое супружество можетъ существовать только между слѣпой женой и глухимъ мужемъ». Кольриджъ держался того-же мнѣнія, вѣроятно подражая Монтеню. Онъ говорилъ: «Самое счастливое супружество, какое я могу себѣ вообразить или нарисовать, это союзъ между глухимъ мужемъ и слѣпой женою» *). Вѣроятно, для Кольрида было бы большимъ благомъ, если-бы его жена была глуха и вдобавокъ слѣпа. Эта женщина отличалась неистощимымъ терпѣніемъ, никогда не жаловалась и долгое время жила на попеченіи своего зятя Соути въ Кесвикѣ, между тѣмъ какъ ея супругъ блисталь монологами передъ своими поклонниками въ домѣ Гильмена въ Гайгетъ-Гиллѣ. Гораздо справедливѣ выразился Кольриджъ въ другомъ мѣстѣ: «Для того, чтобы женщина былъ счастливъ въ бракѣ, онъ долженъ имѣть подругу для души, которая раздѣляла бы его домашнія заботы или жизненное бремя; а женщинѣ для ея счастья нуженъ мужъ, которому она могла бы сознательно покидаться въ любви, уваженіи и вѣрности».

Что касается Монтея, то онъ никогда не любилъ въ высшемъ смыслѣ этого слова; пожалуй, онъ даже не былъ способенъ къ любви. По своему собственному признанію, онъ былъ совершенно равнодушенъ къ браку, и если-бы это отъ него зависѣло, то не женился бы даже на самой

*) «Марѣзъ, изобрѣтатель телеграфа, и Белль, изобрѣтатель телефона, оба были женаты на глухонѣмыхъ. Комментаріи здѣсь, пожалуй, излишни; всякому ясно, чего можетъ достичь человѣкъ, если его не беспокоить!» Изъ воспоминаній о Кольридже.

Мудрости; если бы она изъявила согласіе. Но ему пришлось жениться въ угоду отцу и согласно «общепринятому обычаю». На самомъ дѣлѣ то былъ бракъ по расчету, столь обыкновенный во Франціи тогда и теперь, и то, что намъ известно о супружествѣ Монтеня, говорить въ пользу пріятности этого союза и согласія супруговъ.

Нѣкоторые женятся, увлекаясь красотой. Когда красота олицетворяетъ собою здоровье въ лицѣ, фигурѣ и сложеніи, она всегда привлекательна, но становится еще болѣе привлекательной, когда служитъ отраженiemъ прекрасныхъ качествъ души и ума. Красота пользуется могуществомъ въ мірѣ и женская въ этомъ отношеніи преобладаетъ надъ мужской. Это одинъ изъ тѣхъ даровъ природы, котораго особенно добиваются женщины, тѣмъ болѣе, что онъ служитъ главнымъ источникомъ жизненныхъ благъ, давая положеніе, вліяніе и силу. Даже такая разсудительная и умная женщина, какъ г-жа Сталь, говорила, что съ радостью уступила бы свое умственное превосходство за какую-нибудь единственную принадлежность красоты.

Въ то же время надо сознаться, что красота не представляетъ существенной необходимости для супружескаго счастья. Если душа не сияетъ въ чертахъ, самое хорошенькое личико перестаетъ нравиться, какъ самый живописный видъ, находящійся постоянно передъ глазами, надѣдаетъ своимъ однообразіемъ. Красота, обусловливающаяся вѣжнымъ цвѣтомъ лица, непродолжительна; она отдавътается, какъ майскіе цвѣты. Пожалуй, немногіе мужья послѣ года супружества продолжаютъ цѣнить внѣшнюю привлекательность своихъ женъ: въ концѣ-концовъ умъ и сердце оказываются самыми лучшими магнитами. Послѣ двадцатилѣтняго супружества слишкомъ, добродѣтельная, добросердечная жена будетъ очаровывать своего мужа сильнѣе, чѣмъ очаровывала когда-то въполномъ расцвѣтѣ своей пнедести. Можетъ-быть, мужчина менѣе рискуетъ, женясь на женщинѣ, какую онъ избралъ бы въ закадычные друзья.

Для мужчинъ красивая наружность представляетъ менѣе значенія, чѣмъ для женщинъ. «Наружность мужчины, — говоритъ Монтень, — служить лишь слабымъ ручательствомъ за него, тѣмъ не менѣе это ибѣто значительное». Монтень разсказываетъ, что однажды былъ захваченъ партией грабителей, но отпущенъ на волю ихъ атаманомъ, благодаря симпатичной внѣшности. «Люди представительные и красивые,—говоритъ онъ,—при одинаковости прочихъ качествъ становятся естественными главарями и предводителями массы». По словамъ Аристотеля, «имъ подобаетъ право повелѣвать». Въ своихъ «Опытахъ» въ отдѣлѣ «Красота» Бэконъ отмѣчаетъ, что Августъ Цезарь, Титъ Веспасіанъ, Эдуардъ IV, Алквиадъ, Измаиль Персидскій, всѣ пятеро отличались возвышеннымъ и сильнымъ умомъ и вмѣсть съ тѣмъ были красивѣшими мужчинами своего времени. Платонъ «широколобый» былъ одинаково великъ, какъ мыслитель и какъ боецъ; а рѣчь его была до того сладка, что о немъ сложилось преданіе, будто бы пчела сѣла на его уста, когда онъ покоялся въ колыбели. Софокль, Алквиадъ и Периклъ такъ-же извѣстны своей красотой, какъ и умственными дарованіями.

Красивая наружность безспорно имѣть свои выгоды для мужчины. Возбуждая восхищеніе, онъ скоро прокладываетъ себѣ дорогу въ жизни. На нѣкоторое время онъ обезпеченъ вниманіемъ и уваженіемъ, но долженъ умѣть постоять за себя при столкновеніи съ другими мужчинами; если-же это ему не удастся и онъ зарекомендуется себѣ человѣкомъ безразсуднымъ и недалекимъ, то лишится своего привилегированного положенія. Уильксъ, одинъ изъ самыхъ некрасивыхъ людей,увѣрялъ, что ему достаточно поговорить пол-часа съ хорошенькой женщиной, чтобы сравниться съ первымъ красавцемъ въ Европѣ. Народныя понятія о красотѣ по большей части условны. У чернокожихъ племенъ діаволь изображается бѣлымъ, тогда какъ у бѣлыхъ онъ чёренъ. Привычка примиряетъ насъ со всѣмъ. У жителей

Берамы, въ Колумбії, зобъ служить настолько обычнымъ явлениемъ, что его начали считать признакомъ красоты. Когда Робертъ Стефенсонъ и партія англичанъ проѣзжали черезъ Колумбію, въ одной деревнѣ поднялся крикъ: «Идите, посмотрите на этихъ безобразныхъ иностранцевъ, у нихъ нѣтъ зобовъ!».

Женская красота не ограничивается одной наружностью; иногда внешнія преимущества приносятъ даже вредъ, отвлякая отъ развитія умственныхъ и нравственныхъ качествъ, на которые главнымъ образомъ разсчитываютъ женщины, менѣе одаренные въ смыслѣ красоты. Красавицы могутъ прельщать сердца вышешей привлекательностью, но если онѣ не сумѣютъ удержать ихъ достоинствами сердца и ума, то окажутся пустыми существами и потеряютъ всякую цену въ глазахъ окружающихъ. Одухотворенная красота заключается въ выраженіи. Красота лица приворываетъ взглядъ, но не трогаетъ сердца. Заурядная красота заключается въ молодости и здоровье, а возвышенная въ прелести и пріятности выраженія. Лордъ Беконъ говорилъ, что «нѣть превосходной красоты безъ какой-нибудь странности въ пропорціяхъ». Дѣйствительно, власть красоты чувствуется въ какомъ-либо оригинальномъ отступленіи отъ однообразія. Декартъ болѣе всего восхищался женщинами, которая косятъ глазами *). Вообще, трудно сказать, что именно въ женщинѣ заставляетъ влюбляться въ нее мужчину, или что именно въ мужчинѣ привлекаетъ къ нему женщину. Главныя чары заключаются болѣе въ выраженіи, чѣмъ въ красотѣ чертъ лица.

Но одной красоты недостаточно для мужчины и женщины, вступающихъ въ бракъ. Медовый мѣсяцъ продолжается недолго, и нужно нѣчто болѣе прочное, болѣе ра-

*) Не такъ давно въ Парижѣ одинъ влюбленный рѣшился на операцию, чтобы избавиться отъ косоглазія, но послѣ этого былъ отвергнутъ своей невѣстой, которой онъ пересталъ нравиться, избавившись отъ своего прежн资料的 недостатка.

зумное, чѣмъ красота, чтобы вавѣки соединить супружескую чету въ счастливомъ союзѣ. Когда поцѣлуи и нѣжности надоѣдять, новобрачные непремѣнно должны спуститься до условій обыденной жизни. Мужчина обязанъ честно трудиться, зарабатывая хлѣбъ, а жена должна заботиться о чистотѣ и уютности своего дома. Не слѣдуетъ допускать, чтобы пламя любви угасало на семейномъ очагѣ. Благоразумное веденіе хозяйства такъ же важно, какъ искусство въ мастерствѣ или умственной работе. Жена должна изучать первое, а мужъ второе. Комфортъ называютъ домашнимъ божествомъ въ Англіи, и говорятъ, что англичане ему поклоняются. Возможно, что это происходитъ отъ суровой и перемѣнчивой погоды, которая принуждаетъ людей сидѣть дома. Но комфортъ заключается не въ одной теплотѣ, хорошей обстановкѣ и довольствії. Подъ нимъ слѣдуетъ подразумѣвать также опрятность, чистый воздухъ, порядокъ,держанность, однимъ словомъ, домашнюю бережливость и разумное управление домомъ. Комфортъ, иначе говоря, удобство есть почва, на которой вырастаютъ человѣческія существа; онъ безспорно лежитъ въ корнѣ многихъ добродѣтелей; съ другой стороны—многія супружескія несогласія и бѣдствія, сопровождающія союзъ людей, нѣкогда любившихъ другъ друга, возникаютъ отъ пренебреженія этими важными условіями.

Безспорно, какъ мужчины, такъ и женщины дѣлаютъ промахи при вступленіи въ бракъ. На долю того и другого пола приходится приблизительно одинаковое число пустыхъ и выигрышныхъ билетовъ въ этой лотерѣ. Геніальнѣшіе мужчины имѣютъ свои отрицательныя стороны и именно съ этими сторонами ихъ женамъ приходится имѣть дѣло. Свѣтъ видѣть передъ собою умъ и совершенства великаго человѣка, но не имѣть понятія о его характерѣ, слабостяхъ и мелкихъ недостаткахъ. Жена же видѣть въ немъ человѣка и только человѣка, не мудреца, не государственного дѣятеля, не художника, не писателя.

Что значить для нея его слава во внѣшнемъ мірѣ, вѣдь домъ составляетъ для нея міръ, гдѣ сосредоточены ея жизнь и счастье! Великій человѣкъ обыкновенно поглощенъ своими занятіями, живя въ прошедшемъ или ведя борьбу въ настоящемъ; можетъ-быть, онъ насильно заставляетъ себя интересоваться вещами, составляющими повседневное благополучіе его жены. Возможно также, что она не признаетъ раздѣленной привязанности и считаетъ, что время, посвящаемое другимъ, мужъ отнялъ у нея. Въ такомъ случаѣ черезѣтуръ требовательная жена способна отравить супружескую жизнь и заставить мужа раскаиваться въ своей женитьбѣ. М-съ Гrottъ разсказываетъ о женѣ Ари Шеффера, что, къ несчастью для себя и для него, она не могла выносить, чтобы ея мужъ оказывалъ кому-нибудь расположеніе,—мужчинѣ или женщинѣ, другу или родственнику, и ревновала художника даже къ его искусству. Такое безразсудство,—по словамъ рассказчицы,—имѣло печальные послѣдствія. Несчастная г-жа Шефферъ впала въ заблужденіе, свойственное многимъ другимъ достойнымъ женщинамъ, а именно: она требовала, чтобы мужъ не только любилъ ее болѣе всего на свѣтѣ, но вообще не любилъ никого и ничего, кромѣ нея *).

Воображеніе служить почти такимъ же ненадежнымъ руководителемъ, какъ и слѣпой инстинктъ въ супружескомъ выборѣ. Поэтъ «видѣть красоту Елены въ какой-нибудь черномазой египтянкѣ». Онъ приписываетъ пред-

*) М-съ Гrottъ прибавляетъ: «Г-жа Шефферъ нуждалась только въ болѣе правильномъ пониманіи жизни, чтобы сдѣлать счастливымъ ея жребій и ея домашній кругъ. По недостатку самоограниченія, по неумѣнью съ точностью определить, какое количество вниманія въ правѣ ожидать она отъ человѣка, столь богатаго друзьями, почитателями и учениками, г-жа Шефферъ иногда отравляла существованіе себѣ и мужу своей требовательностью и своими излишними притязаніями на то, чтобы исключительще заимствовать собою все время и всѣ помыслы своего талантливаго мужа». Г-жа Шефферъ была дочерью философа Ренана. Прим. ред.

мету своей страсти прелесть ангела и достоинства богини. Но ему предстоитъ очень скоро убѣдиться, что предъ нимъ только женщина и, пожалуй, съ меньшими достоинствами, чѣмъ другія. Поэты часто спѣшили женитьбой. Черчиль женился семнадцати лѣтъ, Шекспиръ восемнадцати, а Шелли девятнадцати. Китѣсъ, пожалуй, вѣрно обрисовалъ образъ мыслей молодого поэта, когда въ двадцать три года писалъ своему другу слѣдующее: «Я убѣжденъ, что не умѣю сдѣлать правильной оцѣнки женщинамъ. Въ данный моментъ я стараюсь быть справедливъ къ нимъ, но не могу. Не потому-ли, что онѣ такъ недоступны моему воображенію? Когда я былъ школьникомъ, то видѣлъ въ красивой женщинѣ настоящую богиню; моя душа была мягкимъ гнѣздомъ, гдѣ покоялась то одна, то другая изъ нихъ, сама тога не подозрѣвая. Я не имѣю права требовать отъ нихъ больше того, что онѣ могутъ дать на самомъ дѣлѣ. Я считаю ихъ эфирными существами, стоящими выше мужчинъ. Я нахожу ихъ, пожалуй, равными— великое при сравненіи оказывается очень малымъ».

Поэтъ обитаетъ въ собственномъ воображаемомъ мірѣ, совсѣмъ непохожемъ на дѣйствительный мірь, где онъ живетъ. Первый идеаленъ и прекрасенъ, второй суровъ и практиченнъ. Первый онъ можетъ вызывать по желанію или заставить стушеваться; второй стоитъ передъ нимъ неотступно, можетъ—быть, съ тягостными заботами, неурядицами и пошлыми мелочами жизни. Погружаясь въ созерцаніе своей идеальной жизни, поэтъ можетъ даже отнять у себя способность привязаться къ реальному существу. Все, что ниже его идеала, онъ считаетъ недостойнымъ своего вниманія. Любовь Данте къ Беатриче, Петрарки къ Лаурѣ была преимущественно идеальной. Данте пренебрѣгалъ женой и дѣтьми, чтобы мечтать о Беатриче; Петрарка не позволялъ даже родной дочери жить подъ одной съ нимъ кровлей, а Тассо провелъ долгое время въ сумасшедшемъ домѣ изъ-за отвергнутой любви.

Хотя со времени романа Данте протекло уже больше шестисот лѣтъ, однако его любовь къ Беатриче до сихъ поръ служитъ предметомъ восхищенія и симпатіи. То было чувство безъ взаимности, увлеченіе мальчика дѣвочкой; но изъ мальчика вышелъ гениальный пѣвецъ, и воспѣтая имъ любовь до сихъ поръ очаровываетъ каждого, изучающаго итальянскую поэзію. «Новая жизнь»—«Vita nuova» считается нѣкоторыми началомъ современного сентиментального романа. Между тѣмъ, въ ней заключается ясная внутренняя очевидность того, что все это было дѣйствительно пережито живою душою и явилось правдивымъ откровеніемъ человѣческаго сердца. Если Данте не родился влюбленнымъ, по крайней мѣрѣ любовь была началомъ его жизни. «Въ этой части книги моей памятн.,—говорить онъ,—предшествующія части которой не особенно заслуживають быть прочитанными, находится рубрика, гласящая: *incipit vita nuova*—здесь начинается новая жизнь».

На девятомъ году Данте встрѣтился съ Беатриче, восьмилѣтней дѣвочкой, и влюбился въ нее разомъ и навсегда. Дѣтскій возрастъ влюбленнаго заставлялъ многихъ предполагать, что эта исторія есть не что иное, какъ аллегорический вымыселъ—мечта поэта. Но что Беатриче дѣйствительно существовала, въ этомъ не можетъ усомниться никто, читая нѣжныя и страстныя описанія Данте: онъ пускается въ мельчайшія подробности, отмѣчаетъ индивидуальные черты, чего нельзѧ ожидать отъ описанія воображаемаго существа. Поэтъ никогда не объяснялся въ любви самой Беатриче и, наконецъ, она вышла за другого. Молодая женщина умерла на двадцать четвертомъ году. Эта смерть причинила такое глубокое потрясеніе Данте, что ближайшіе друзья не могли его узнать. Свѣтъ его жизни погасъ и онъ впалъ въ отчаяніе. Съ той поры его любовь къ утраченной возлюбленной стала преобладающей идеей его жизни. Хотя смерть похитила ее отъ его тѣлесныхъ ечей, во поэта слѣдила за ея душою въ небесахъ и ви-

дѣль всю вселенную ея глазами. Воспоминаніе обѣ этой любви вдохновляло поэта, когда онъ писалъ свое великое произведеніе «Божественную Комедію», прозванную обоготвореніемъ Беатриче. Такова была идеальная жизнь Данте. А его обыкновенная жизнь была самой будничной. Его небесная любовь была святою, а земная обыкновенной женщиной. Если-бъ Данте женился на Беатриче, образованный міръ не имѣлъ бы ни «Божественной Комедіи», ни «Новой жизни». Но смерть обратила ее въ воздушное существо, и любовь Данте сдѣлалась духовной, идеальной. Онъ былъ настолько же человѣкъ, насколько и поэтъ. Всего годъ спустя послѣ смерти Беатриче состоялась его свадьба съ девушки изъ знатнаго рода Донати, и этотъ бракъ былъ благословленъ потомствомъ въ числѣ семерыхъ дѣтей. Однако, Данте не писалъ жень сонетовъ. На самомъ дѣлѣ, онъ не былъ особенно счастливъ съ ней и, когда былъ осужденъ на изгнаніе, она не послѣдовала за нимъ, но осталась съ своими друзьями во Флоренціи. Хотя любовь во всѣ времена была вдохновительницей поэтовъ, будучи страстью, около которой вращаются романтическія идеи, все-таки первая любовь рѣдко ведетъ къ браку. Не счастливой любви, но любви отверженной, несчастной, осмѣянной обязаны мы поэтическими волнями Данте, Петрарки и Тассо. Какъ у птицъ весною, ихъ пѣсни вдохновляютъ желаніе; когда же наступитъ обладаніе, пѣсни замолкаютъ. Байронъ говорить о Петраркѣ: «Не думаете-ли вы, что если-бъ Лаура сдѣлалась женою Петрарки, онъ сталъ бы писать ей сонеты всю жизнь?»

Петrarка былъ другимъ несчастнымъ влюбленнымъ, чьи пѣсни заслужили бессмертіе. Онъ увидаль впервые Лауру де-Новесь въ церкви св. Клары въ Авиньонѣ, и пламенная страсть тотчасъ овладѣла имъ. Онъ принялъ воспѣвать ее въ сонетахъ и пѣсняхъ, которые расходились по всей Европѣ и сдѣлали эту безнадежную привязанность одной изъ самыхъ знаменитыхъ въ исторіи литературы.

Петrarка странствовалъ съ мѣста на мѣсто, отъ одного двора къ другому, уединяясь порою въ Воклюзѣ, но часто возвращаясь въ Авиньонъ, чтобъ взглянуть украдкой на Лауру, гуляющую у подножія скалы, на которой стоять старинный папскій дворецъ, гдѣ Петrarка обыкновенно сторожилъ свою возлюбленную. До насъ не дошло точныхъ свѣдѣній о томъ, какъ относился мужъ Лауры, Гюго де-Садъ, къ поклоненію Петrarки, но Кемпель полагаетъ, что это обстоятельство едва-ли содѣствовало ея супружескому счастью, такъ какъ онъ часто доводилъ жену до слезъ своими упреками. Семь мѣсяцевъ спустя послѣ ея смерти онъ женился вторично, откуда можно заключить, что этотъ человѣкъ не особенно горевалъ, лишившись жены. Дѣйствительно, нѣкоторые думали, что Лаура была вымышленнымъ лицомъ, однако, у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній сомнѣваться въ ея дѣйствительномъ существованіи. Она умерла отъ моровой язвы на сороковомъ году, потухнувъ, по выражению Петrarки, подобно свѣтильнику, который постепенно меркнетъ по недостатку горючаго материала. Услыхавъ о ея смерти, поэтъ почувствовалъ, что потерялъ единственный предметъ, привязывавшій его къ жизни. Это не помышдало ему, однако, пережить свою возлюбленную болѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ продолжалъ думать и писать о ней, какъ въ годы юности, упиваясь сладостью своего горя.

Произведенія Петrarки, находившія такой сочувственный откликъ въ сердцѣ итальянской молодежи, имѣли сильное влияніе на Тассо. Его первой страстью была одна молодая мантuanка, которой онъ писалъ сонеты, подражая манерѣ Петrarки и называя дѣвушку своей Лаурою. Но такъ какъ она вышла за другого, то сердце впечатлительнаго поэта заныло новой, еще болѣе безнадежной страстью къ принцессѣ Элеонорѣ, сестрѣ герцога Феррарскаго. Ей онъ посвятилъ много любовныхъ стиховъ и даже открылъ свою страсть, но безъ успѣха. Едва-ли принцесса

поопиряла его притязанія, но Тассо, давъ волю своему воображенію, описывалъ въ пылкихъ и даже страстныхъ стихахъ тѣ милости, которыми она его осыпала. Извлеченные изъ его бумагъ однимъ врагомъ, злополучные стихи были предъявлены герцогу, вслѣдствіе чего поэтъ былъ схваченъ и заточенъ въ монастырь св. Франциска въ Феррарѣ. Онъ бѣжалъ изъ заточенія и скитался по Италии. Но ему было невозможно покинуть совсѣмъ то мѣсто, где жило его сердце, и по прошествіи года пѣвецъ вернулся въ Феррару. Онъ искалъ возможности увидаться съ герцогомъ и принцессой, но ему было отказано въ этомъ. Въ припадкѣ изступленія онъ донесъ на домъ Д'Эсте и всѣхъ его членовъ. Его снова арестовали и заключили въ госпиталь св. Анны, где приналисъ лѣчить, какъ безумца. Онъ провелъ тамъ цѣлыхъ семь лѣтъ, не переставая предаваться своей безнадежной, но непреодолимой любви.

Поэтъ Метастазіо довольствовался платоническимъ обожаніемъ синьорины Булгарани, болѣе известной подъ именемъ Romanina (румынка), знаменитѣйшей пѣвицы своего времени. Поэтъ жилъ подъ одной кровлей съ ея мужемъ и сопровождалъ эту супружескую чету по всей Италии, посвящая свое время и энергию музамъ и дружбѣ. Romanina, умирая, завѣщала Метастазіо все свое имущество послѣ смерти мужа, но поэтъ отказался воспользоваться щедростью синьоры и перевелъ свои права на ея супруга. Поэтъ Альфieri, появление которого создало новую важную эпоху въ исторіи Италии новѣйшаго времени, подобно Данте, вдохновлялся страстной любовью. Его сердечнымъ увлечениемъ, кончившимся неудачей, обязаны мы большою частью его трагедій. Онъ самъ говорилъ: «Стремленіе къ умственному труду и вспышка творческихъ мыслей овладѣвали мною всякий разъ, когда я былъ влюбленъ».

Сравнительно съ пылкой любовью итальянцевъ чувства другихъ поэтовъ кажутся вялыми. Между тѣмъ, та же страсть вдохновляла пѣвцовъ другихъ странъ, хотя ихъ

напѣвы, можетъ-быть, не были проникнуты такой бѣсмѣртной красотой. Судьба Камоэнса отчасти сходна съ судьбою Тассо. Восемнадцати лѣтъ онъ влюбился въ одну особу, которая стояла выше его по общественному положенію и жила при лиссабонскомъ дворѣ. За это поэтъ былъ изгнанъ въ Сантаремъ, гдѣ началъ писать свою «Лузіаду». Онъ отправился въ чужіе края и отличился на военномъ поприщѣ, продолжая лелѣять свою безнадежную любовь, послужившую темой для многихъ изъ его чудныхъ сонетовъ. Послѣ многихъ лѣтъ скитальства, Камоэнсъ вернулся въ Португалію, чтобы узнать тамъ печальну вѣсть о смерти своей возлюбленной, а самому впасть въ нищету. Сервантесь писалъ «Галатею», съ цѣлью заслужить привязанность дѣвушки, въ которую онъ былъ влюбленъ; однако, хотя ему удалось пріобрѣсти ея расположеніе, онъ женился на другой.

Любовь вдохновляла Кисфалуди, величайшаго лирическаго поэта Венгріи. Мистический піэтизмъ Виланда былъ вызванъ страстью привязанностью къ одной молодой дѣвушкѣ, руку которой онъ поцѣловалъ впервые четыре года спустя послѣ того, какъ она вскружила ему голову. Молодая дѣвушка отвѣчала на его чувство, и они поклялись въ вѣчной вѣрности. Прошло восемь лѣтъ; Виландъ по-прежнему былъ слишкомъ бѣденъ для женитьбы, и Софья отдала свою руку Ларошу. Однако, Виландъ продолжалъ любить ее по-прежнему. «То было идеальное,—говорить онъ,—но истинное очарованіе, въ которомъ я жиль, а Софья, любимая мною такъ восторженно, была идею совершенства, воплощенною въ ея обликѣ. Несомнѣнно, что еслибы судьба не свела насъ вмѣстѣ, я никогда не сдѣлался бы поэтомъ». Впослѣдствіи Виландъ женился на женщинѣ дѣятельной, твердой, осторожной, которая была для него любящей женой, и супружеская любовь между ними, хотя менѣе идеальная, была плодотворнѣе и вѣроятно счастливѣе его платонического чувства.

Эвальдъ, датскій поэтъ, обратился къ поэзіи вслѣдствіе

несчастной любви. Молодая девушка, въ которую онъ влюбился, вышла замужъ за другого. Это обстоятельство омрачило его жизнь, пробудило его поэтическій даръ и создало ту глубину чувства и страсти, которая обнаружилась впервые въ его великой поэмѣ «Смерть Бальдура». Привязанность Новалиса къ Софѣ фонъ-К. имѣла на него такое сильное влияніе, что, какъ говорятъ, составляла сущность и вссенцію всей его жизни. Эта молодая девушка умерла на пятьдцатомъ году, и остатокъ короткой жизни Новалиса былъ посвященъ себѣованію о ея потерѣ. «Жизнь сдѣлалась для него,—говорить Тикъ,—просвѣтленною, и все существо поэта таяло передъ свѣтлымъ сознательнымъ видѣніемъ высшаго бытія».—«Что сдѣлало васъ поэтомъ?»—спросилъ Дюма у Рибуля, нимскаго пекаря, автора прелестнаго стихотворенія, настоящаго перла поэзіи, «Ангель и дата». —«Меня сдѣлало имъ горе,—послѣдовалъ отвѣтъ:—утрата любимой жены и ребенка».

Гете также влюблялся, но у него любовь являлась сколько-дѣломъ ума, нежели сердца. Самообразованіе было страстью его жизни. Умъ преобладалъ у него надъ всѣми прочими способностями, если не поглощать ихъ совсѣмъ. По этой причинѣ, ему недоставало житейского опыта, такъ какъ любовь нельзя ни понять, ни описать, пока не испыташь ее самъ. Впрочемъ, въ его автобіографіи и различныхъ позмахъ встречаются чудесные очерки этого чувства. Гете, по-своему, любилъ и Гретхенъ, и Клерхенъ, и Фредерику, и Лоту, и Лили, и Беттину, и другихъ, но онъ боялся жениться на которой-нибудь изъ этихъ девушекъ, надо думать, изъ опасенія лишиться своей свободы. «Никто лучше его не умѣлъ изображать,—говорить Льюисъ,—возвышенную преданность женщины мужчинѣ, примѣромъ чему служатъ божественные созданія: Клерхенъ и Гретхенъ; очевидно, это онъ испыталъ; но взаимная вѣжность мужчины къ женщинѣ, великодушное, покровительственное, самоотверженное чувство сильнаго пола къ слабому

было незнакомо поэту, и онъ не умѣлъ его выразить. Добившись любви наивной девушки, Фредерики, онъ бросилъ ее безъ сожалѣнія. Все, чего онъ домогался,—это создать очаровательную идиллію изъ ея любви и изъ своего блгствія отъ нея на восхищеніе міру. Но покинутая Фредерика была жестоко отомщена, когда гордый, расчетливый поэтъ съ холоднымъ сердцемъ женился впослѣдствіи на Христинѣ Вульпіусъ. Проживъ съ нею въ связи много лѣтъ, онъ далъ ей свое имя, когда она разжирѣла, подурнѣла и стала пить. Странный конецъ любовныхъ похожденій великаго автора «Поэзіи и правды»! «Когда у Гете не было на умѣ женщины,—говорить Гейвардъ,—онъ входилъ на анатома безъ материала для изслѣдований. Онъ говорилъ о Бальзакѣ, что каждый изъ его лучшихъ романовъ кажется историей изъ страждущаго женскаго сердца. Бальзакъ могъ бы возвратить ему комплиментъ»:

Пожалуй, это къ лучшему, что мы не знаемъ многаго изъ личной жизни великихъ поэтовъ. Часто они обнаруживали величайшія слабости. Даже самъ Шекспиръ, судя по его сонетамъ, повидимому, уклонялся на дорогу зла, живя въ Лондонѣ. «Мы знаемъ,—говоритъ сэръ Генри Тайлоръ,—что онъ впадалъ въ пороки по недостатку опыта».

Хотя Франція представляетъ много примѣровъ вліянія женщины на характеръ и произведенія поэтовъ и писателей, однако, мы не находимъ въ ея исторіи такихъ случаевъ всепоглощающей любви и преданности, какіе встречаются въ біографіяхъ итальянскихъ и германскихъ поэтовъ. У французовъ любовь скорѣе чувство, чѣмъ страсть, скорѣе дѣло ума, чѣмъ сердца, это чувство часто бываетъ нѣжнымъ и уточненнымъ, но не имѣть преобладающаго вліянія на жизнь. Любовь Абеляра къ Элоизѣ началась и кончилась только чувствомъ. Они вступили въ бракъ лишь для того, чтобы разлучиться; она—въ Аржантельскомъ монастырѣ,

До сравнительно недавнего периода французские монархи оказывали самое развращающее влияние на отношения половъ, при чмъ ихъ дурной примеръ проникалъ во всѣ слои общества. Мужчины женились для прикрытия интригъ, а женщины выходили замужъ, чтобы пользоваться свободой. Первыхъ, повидимому, сильно влекло къ чужимъ женамъ, вторыхъ — къ чужимъ мужьямъ. Въ царствование Людовика XIV незаконные связи замѣстили чистую любовь и даже вошли въ моду. Литература была пропитана нескромностью и порокъ проникъ повсюду. Безнравственные женщины были идеализированы и возведены въ кумиры. Романъ «Манонъ Леско» былъ написанъ аббатомъ, и подобное сопоставленіе никому не казалось постыднымъ. Въ женщинъ стали видѣть только источникъ наслажденія. Въ обществѣ укоренилось мнѣніе, будто женщины существуютъ лишь для удовольствія мужчинъ, и съ вими стали обращаться, согласно этому взгляду, къ ущербу общественной нравственности.

Величайшее зло французской литературы прошлаго столѣтія заключалось въ томъ, что она униила характеръ женщины. Общество можетъ оправиться отъ революціи, но ово отравлено въ корнѣ, когда въ немъ нѣтъ подобающаго уваженія къ женщинѣ. Говорить, будто бы женщины подобны банковымъ билетамъ, цѣнность которыхъ можно понизить или повысить въ общественномъ мнѣніи, и что роль банкировъ играютъ вдѣсь писатели. Если это вѣрно, то упадокъ нравственности во Франціи къ концу прошлаго столѣтія, вѣроятно, былъ великъ. Дидро, Руссо и Вольтеръ были только представителями своей эпохи. Дидро, авторъ «Опыта о достоинствахъ и добродѣти», бросилъ любящую молодую жену и написалъ сальный романъ, съ цѣлью обзавестись любовницей на полученный гонорарь. Руссо послѣ цѣлаго ряда любовныхъ похожденій сошелся съ невоспитанной девушкой, Терезой де-Вассёр, на которой впослѣдствіи женился. Авторъ «Эмиля» былъ не такъ

хорошъ, какъ его книга, потому что отправлялъ своихъ дѣтей въ воспитательный домъ почти тотчасъ послѣ рожденія.

Вольтеръ, прожившій весь вѣкъ холостякомъ, имѣлъ такъ же много любовныхъ исторій, какъ и Гете. Онъ влюблялся то въ одну, то въ другую изъ своихъ знакомыхъ. Предметомъ его любви были: дѣвица де-Нойе, г-жа де-Валлартъ, г-жа Рюпельмондъ и г-жа де-Шатлэ. «Какое человѣческое перо,—говорить Карлейль,—способно описать тревоги, причиняемыя женщинами этому несчастному философу! Цѣлый рядъ безиутныхъ, пустоголовыхъ, капризныхъ, отчаянно кокетливыхъ, озлобленныхъ и озлобляющихъ вѣтреницъ отъ первой до послѣдней!» Эта длинная вереница замыкалась, повидимому, г-жею де-Шатлэ, которая, живя при мужѣ, поселила у себя въ домѣ Вольтера. Поэтъ и дама его сердца привидывались, будто изучаютъ вмѣсть Лейбница и Ньютона; вдобавокъ Вольтеръ даваль ей уроки англійскаго и итальянскаго языковъ. Проживъ съ нимъ вмѣсть въ уединеніи и среди занятій наукой болѣе шести лѣтъ, г-жа де-Шатлэ внезапно умерла, повергнувъ Вольтера въ страшное горе.

Число англійскихъ поэтовъ-холостяковъ было очень значительно. Коулей, Отвей, Прайеръ, Конгривъ, Гей, Свифтъ, Колливеръ, Шенстонъ, Грэй и Гольдсмитъ умерли неженатыми. Коулей влюбился только однажды и по недостатку довѣрія къ предмету своей любви не открылъ ей своихъ чувствъ. Интриги Свифта съ Вариной, Стеллою и Ванессою окружены тайной. Онъ былъ способенъ любить пылко, но жестоко. Возбудивъ привязанность этихъ добросердечныхъ женщинъ, онъ поочередно отшатывался отъ нихъ, словно въ ужасѣ, и наконецъ умеръ «въ изступлении», по его собственнымъ словамъ, подобно крысѣ, отравленной въ своей норѣ *). Любовные приключенія Поппа,

*) Существовало предположеніе, что Стелла (Эсенъ Джонсонъ) была дочерью сэра Вильяма Темпла, а Свифтъ (открывшій эту

напротивъ, отличаются почти забавнымъ характеромъ по причинѣ его убожества, маленькаго роста и высокомѣрия *). Предметомъ его первой и довольно постыдной страсти была некая лэди М., къ которой онъ обращался во множествѣ игривыхъ и афектированныхъ посланій, попавшихъ позднѣе въ печать и навлекшихъ множество насмѣшекъ на автора. Вторымъ его увлеченіемъ, быть-можеть, неподѣльнымъ, была не больше, не меныше, какъ знаменитая лэди Мэри Уортлей-Монтегю, одна изъ самыхъ красивыхъ и блестящихъ женщинъ въ Европѣ. Объясненіе Поппа въ любви было встрѣчено съ ея стороны неудержимымъ хохотомъ. Послѣ того Поппъ возненавидѣлъ ее болѣе искренней ненавистью, чѣмъ была его любовь, и преслѣдоваль ее съ замѣчательной язвительностью и озлобленіемъ, такъ какъ былъ мастеръ по этой части.

Гораздо интереснѣе и человѣчнѣе были увлеченія поэта Купера. Въ юные годы онъ отдалъ свое сердце своей кузинѣ Теодорѣ, дочери его двадцати Ашлея Купера, которая отвѣчала ему взаимностью. Но вскорѣ послѣ того молодой поэтъ, служившій клеркомъ у вогаріуса, подвергся первому приступу болѣзни, которая отъ-времени-до-времени возвращалась къ нему потомъ до конца жизни. Свадьба молодыхъ людей разстроилась и они оба остались одино-

тайну) быть его сыномъ, слѣдовательно приходился ей полукровнымъ братомъ. «Въ такомъ случаѣ,—говорить сэръ Уильямъ,—становятся понятными многія до сихъ поръ невыясненные отношенія къ Стеллѣ и Ванессѣ. Однако, болѣе вероятною причиной его болѣзни и эксцентричности слѣдуетъ считать то, что Свифтъ былъ болѣе или менѣе душевнобольнымъ большую часть жизни и зналъ о томъ.

*) Въ одной литературной бесѣдѣ возникъ споръ о значеніи какого-то отрывка изъ «Гораци». Однѣ изъ присутствующихъ замѣтили: «Пожалуй, тутъ нуженъ вопросительный знакъ?—А каково ваше мнѣніе, сэръ, о вопросительномъ знакѣ?—спросилъ Поппъ. Спрощенный посмотрѣлъ сверху внизъ на сатирика и отвѣчалъ: «Это маленькая кривая штучка, сэръ, которая задаетъ вопросы».

кими на вѣкъ. Какъ говорить Драйдъ: «Любовь каждого дѣлаетъ поэтомъ, по крайней мѣрѣ стихотворцемъ». Чтобъ найти облегченіе своей болѣзни въ перемѣнѣ мѣста, Куперъ поѣхалъ въ Гентингдонъ и здѣсь впервые познакомился съ м-съ Энвинъ и ея мужемъ, а также съ ея сыномъ и дочерью; съ теченіемъ времени поэтъ сдѣлался членомъ этой очаровательной семьи. О м-съ Энвинъ онъ писалъ въ началѣ ихъ знакомства: «Для меня было истиннымъ счастьемъ встрѣтить эту женщину; въ ея обществѣ я съ каждымъ разомъ чувствую себя лучше». Вскорѣ послѣ того мистеръ Энвинъ погибъ отъ несчастнаго случая и Куперъ сдѣлался совсѣмъ домашнимъ человѣкомъ въ этой семье. Они вмѣстѣ перѣѣхали въ Ольней, гдѣ м-съ Энвинъ поощряла поэта писать, чтобы отвлечь отъ мрачныхъ мыслей. Ей и м-съ Остинъ мы обязаны тѣмъ, что большая часть его произведеній появилась въ печати. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ м-съ Энвинъ окружала Купера нѣжной заботливостью, но ни у той, ни у другого изъ нихъ не было ни малѣйшей мысли о бракѣ. По выраженію самого поэта, «ихъ соединялъ союзъ сердецъ безъ всякой страсти». Здоровье м-съ Энвинъ пошатнулось раньше. Ее разбила параличъ и это поразило Купера «въ каждый нервъ». Онъ ухаживалъ за нею поочередно съ прочими. Однажды въ свободное время онъ написалъ нѣжное, прекрасное стихотвореніе «Къ Мэри». Больная медленно угасала и наконецъ отошла въ вѣчность. Куперъ никогда не могъ оправиться отъ этого потрясенія и умеръ три года спустя послѣ смерти своего милаго и кроткаго друга, м-съ Энвинъ.

У насъ нѣть свѣдѣній о томъ, былъ-ли когда-нибудь влюбленъ Гольдсмитъ. При его безпечномъ, хотя и честномъ характерѣ было, пожалуй, лучше, что онъ не связалъ ни съ кѣмъ своей судьбы, такъ какъ его жизнь была полна лишеній. Впрочемъ, рассказываютъ, что однажды его едва отговорили отъ женитбы на швей, которую онъ хотѣлъ

взять за себя замужъ, вѣроятно изъ жалости. Въ жизни Чарльза Лемба многое трогательного по отношению къ его сестрѣ Мэри. Въ припадкѣ безумія она убила родную мать и послѣ того постоянно находилась на порогѣ сумасшествія. Въ сочиненіяхъ Чарльза Лемба есть намеки на то, что однажды онъ былъ сильно влюбленъ, однако послѣ несчастія съ сестрою упорно отказывался отъ всякой другой привязанности и съ геройствомъ мученика посвятилъ себя заботамъ о больной дѣвушкѣ. Говорятъ, что въ жизни каждого человѣка разыгрывается романъ, хотя бы и прозаической. Романомъ бѣднаго поэта была его нѣжная и самоотверженная братская привязанность. Китъ, умерший такъ рано иѣвецъ, пылалъ страстной и непреодолимой любовью, которая послужила темой вѣкоторыхъ наиболѣе трогательныхъ его писемъ.

Въ недавнее время обнаружился одинъ весьма странный фактъ, показывающій, какъ сильно дѣйствуетъ любовь на впечатлительный душу. Это относится къ французскому поэту Беранже. Всю свою жизнь онъ смотрѣлъ на любовь легко, хотя часто воспѣвалъ своихъ Лизеть, Розеть, Марго и Жанетонъ; между тѣмъ, уже совсѣмъ старикомъ онъ влюбился до безумія въ одну молодую англичанку. Не смѣя посвататься къ ней, онъ жестоко страдалъ и открылъ свое горе одному другу. Тотъ увезъ его въ отдаленную часть Франціи, гдѣ они прожили въ уединеніи и безвѣстности нѣсколько недѣль, пока сердечные раны престарѣлаго поэта начали заживать. Сентъ-Бѣвъ предположилъ разсказу этой истории изреченіе Бюсси-Ребютена, что «любовь, какъ натуральная оспа, особенно сильна и опасна въ преклонныхъ лѣтахъ».

Многіе любятъ до брака и охладѣваютъ послѣ женитьбы. Какъ характеръ мужчины не развивается вполнѣ при холостой жизни, такъ и характеръ женщины въ девичествѣ; поэтому любовь между ними крѣпнетъ настоящимъ образомъ лишь въ супружескомъ союзѣ. Ухаживаніе есть нечто

въ родѣ забавы, а бракъ — истинное горнило любви. Ухаживаніе есть точка отправленія въ длинный путь удовольствій и заботъ, успѣховъ и разочарованій, радостей и огорченій, изъ которыхъ многія полны будничной прозы и заключаютъ въ себѣ денежная соображенія, касаются расходовъ, приходовъ, говядины, баранины и еженедѣльныхъ счетовъ. Нѣкоторые неспособны выдерживать этихъ непріятностей и падаютъ подъ ихъ бременемъ, другіе же, вѣроятно большинство, несутъ ихъ съ терпѣніемъ.

Въ бракѣ все сводится главнымъ образомъ къ симпатіи. «Взаимопомощь супруговъ необходима для прочнаго союза. Семейная жизнь требуетъ обузданія характера, сознанія своей отвѣтственности, взаимной терпимости къ ошибкамъ другого (потому что безъ ошибокъ нельзя обойтись), умѣнія приспособиться къ новымъ условіямъ жизни и дружного желанія обращать все въ хорошую сторону. Люди, пережившіе много на свое мѣсто вѣку, подтверждать, что при соблюденіи этихъ условій бракъ сдѣлается источникомъ радости, домашнія спокойствія, удобства и благополучія. Мужъ будетъ смотрѣть на свой домъ, какъ на святилище, жена будетъ видѣть въ своемъ очагѣ средоточіе домашней любви, привязанности и веселья. Мужчины и женщины, способные слить воедино свои двѣ жизни и стремиться къ взаимному счастью, имѣютъ въ этомъ самый крѣпкій оплотъ, когда-либо указанный Богомъ, противъ золъ, происходящихъ отъ пользованія одними лишь эгоистическими удовольствіями, а также противъ постоянныхъ думъ о собственныхъ страданіяхъ, до такой степени мучительныхъ, что онѣ заслоняютъ отъ человѣка все остальное. Истинная любовь есть единственное оружіе, достаточно сильное, чтобы одолѣть этого хитрѣшаго человѣческаго врага. «Доброта женщины, когда она сдѣлается женой, во многомъ зависитъ отъ мужа. Повѣрьте, если въ ней есть какой-нибудь недостатокъ, то можно ручаться

головою, что онъ быль раньше въ мужѣ, если она всегда была доброю *).».

Нѣкоторые геніальные люди женились рано, пожалуй слишкомъ рано. Шекспиръ женился на Аннѣ Гетеузѣ въ семнадцати лѣтъ, Бенъ-Джонсонъ—двадцати одного года, Франклинъ—двадцати четырехъ лѣтъ. При этомъ мать невѣсты колебалась дать свое согласіе на ихъ бракъ, сомнѣваясь, чтобы молодой человѣкъ могъ прокормить семью ремесломъ типографа; въ Соединенныхъ Штатахъ было уже двѣ типографіи и она не надѣялась, чтобы третья могла найти работу. Данте, Кемеръ, Фоллэ, Джонсонъ Беркъ и Вальтеръ Скоттъ женились двадцати шести лѣтъ. Можно привести длинныйшій списокъ поэтовъ, юристовъ, государственныхъ людей и духовныхъ лицъ, вступавшихъ въ бракъ ранѣе тридцати лѣтъ. Вашингтонъ и Бонапарте женились двадцати семи, а Нельсонъ двадцати девяти лѣтъ; два поэта-лауреата: Соути и Коллей Сибберъ, женились весьма молодыми; раній бракъ не помышлялъ Джереми Тэйлору достичь знаменитости, какъ не помышлялъ и Джемсу Уатту, съ помощью личной энергіи и смѣлости, задумать и одержать одну изъ величайшихъ побѣдъ человѣческаго ума надъ матеріей.

Въ біографіяхъ геніальныхъ людей рѣже приходится слышать о хорошихъ женахъ, чѣмъ о плохихъ. Счастливые люди не выставляютъ на-показъ своихъ домашнихъ сокровищъ. Нашедши счастье въ бракѣ не хващаются имъ, а тотъ, кто не пользуется симпатіей въ своей семье, пишетъ ее на сторонѣ. Счастливые мужья молчаливы, а несчастные крикливы и порою даже метительны. Съ супружествомъ происходитъ то же, что и съ проточной водой: «мелкая вода журчитъ, а глубокая молчитъ». Если біографы сообщали намъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о женахъ великихъ людей, вѣроятно оказалось бы, что хорошия жены

*) Бомонъ и Флетчеръ.

составляли между нами громадное большинство. Бракъ, вызывая къ жизни привязанности, образуетъ сердце. Люди Ѳловые и общественные дѣятели ищутъ дома отрады и отдохновенія отъ мірской суеты. Тутъ ихъ встрѣчаетъ спо-
койствіе и нравственная поддержка. Руководимая семейной любовью, хозяйка дома бодрствуєтъ надъ колыбелью дѣт-
ства, направляетъ и окружаетъ весельемъ ростъ юности, усаждаетъ отдыхъ зреаго возраста и старости и забо-
тится о благосостояніи каждого человѣка подъ ея кровомъ.
«Жена, — говоритъ сэръ Генри Тэйлоръ, — которая поощ-
ряетъ и убѣждаетъ, предостерегаетъ и требуетъ, смотря
по надобности, которая проявляетъ свою любовь разумно,
а не подъ видомъ малодушной нѣжности, вотъ настоящая
подруга». Одна изъ величайшихъ государственныхъ лю-
дей, лордъ Берлей, имѣлъ жену, отличавшуюся не только
прекраснымъ образованіемъ, но и превосходнымъ характе-
ромъ; онъ жилъ съ ней очень счастливо, когда же она
умерла, то оплакивалъ ея потерю, какъ величайшее бѣд-
ствіе своей жизни. «Впрочемъ, — говоритъ онъ въ заключе-
ніе своихъ сѣтованій, — я долженъ утѣшаться воспомина-
ніемъ о ея добродѣтельныхъ и богоугодныхъ поступкахъ,
которыми она украшала себя до конца дней». Графъ фонъ-
Штельбергъ предпослалъ своей золотой книжечкѣ «О любви»
взреченіе Декарта «я мыслю, значитъ, я существую», но
добавилъ къ нему: «мы любимъ, значитъ, мы будемъ су-
ществовать вмѣстѣ».

Мы могли бы представить пространный перечень лицъ,
счастливыхъ въ супружествѣ, и другихъ, которымъ оно
принесло несчастіе. Одни супруги вступали въ бракъ при
одинаковыхъ условіяхъ, другіе же, наоборотъ, при нера-
венствѣ лѣтъ, общественного положенія, материальныхъ
средствъ, ума и сердца. Нельзя не удивляться порою тому,
какія качества нравятся мужчинѣ въ женщинѣ, которую
онъ избралъ въ подруги своей жизни. Поэтъ Месонъ, какъ
говорятъ, сдѣлалъ предложеніе будущей женѣ изъ-за того,

что она не промолвила ни слова въ цѣлый вечеръ, когда она встрѣтился съ нею въ гостяхъ. Между тѣмъ послѣ свадьбы м-съ Месонъ оказалась умной и разговорчивой; когда же она умерла, мужъ сильно горевалъ о ея потерѣ. Пожалуй, лишь немногіе могли читать безъ умиленія эпиграфію, которую сочинилъ онъ самъ и помѣстилъ на ея памятникъ.

Кальвинъ обошелся безъ всякаго ухаживанія. У него не было на это времени и въ дѣлѣ выбора жены онъ обратился къ помощи друзей. Фарель пытался найти ему жену, однако безуспѣшно. Тогда Мартинъ Бюсэ гдѣ-то отыскалъ вдову анабаптиста со множествомъ дѣтей. Кальвинъ женился на ней и они жили счастливо. Совсѣмъ не таковъ былъ Лютеръ, геніальный, пылкій, веселый человѣкъ. Онъ величалъ жену и «своимъ ребромъ», и «своимъ господи-номъ» и «своей императрицей». «Безъ жены,—говаривалъ великий реформаторъ,—такъ же нельзя обойтись, какъ безъ ѳды и питья. Рожденные и вскормленные женщинами, мы во многомъ отъ нихъ зависимъ и не имѣемъ никакой возможности вполнѣ отрѣшиться отъ нихъ».

Астрономъ Кеплеръ выбралъ себѣ вторую жену про-заическимъ и дѣловымъ способомъ, по примѣру Кальвина. Онъ составилъ списокъ изъ двѣнадцати невѣстъ съ соот-вѣтственнымъ указаниемъ ихъ преимуществъ, послѣ чего сватался къ нѣкоторымъ изъ нихъ, но все получалъ от-казы. Одна вышла за другого жениха, пока онъ собирался предложить ей руку. Восьмая по счету приняла его пред-ложение, но потомъ раздумала и извинилась. Наконецъ онъ нашелъ-таки свою суженую и они жили счастливо до конца труженической жизни Кеплера. Иные браки за-ключались совершенно случайно. Такъ знаменитый врачъ Вакъ д'Азиyrъ шелъ однажды по улицѣ, увидавъ молодую дѣвушку, упавшую въ обморокъ и бросился къ ней на по-мощь. Это случайное знакомство повело къ привязанности и завершилось бракомъ. Молодая дѣвушка оказалась пле-

мянницей знаменитаго натуралиста Добантона. Эбернети также влюбился въ одну изъ своихъ пациентокъ, но, будучи слишкомъ занятъ медицинской практикой, не имѣлъ времени ухаживать за нею по примѣру другихъ жениховъ. Онъ объяснился съ матерью невѣсты, предложивъ черезъ ея посредство свою руку и богатство молодой дѣвушки. Предложеніе было принято, и м-съ Эбернети оказалась превосходной женой.

Джонъ Гентеръ не спѣшилъ до такой степени съ своимъ сватовствомъ, потому что не имѣлъ такой обширной практики. Онъ славился, какъ сравнительный анатомъ, но не былъ знаменитъ въ качествѣ хирурга въ то время, когда полюбилъ миссъ Гомъ, сестру знаменитаго впослѣдствіи Эверарда Гомъ. Его заработокъ былъ еще слишкомъ малъ, чтобы жениться, однако, побуждаемый любовью, онъ прилежно трудился въ надеждѣ пріобрѣсти болѣе прочное положеніе и дѣйствительно, послѣ многихъ лѣтъ терпѣливаго ожиданія, женился наконецъ на предметѣ своей любви. Крэббъ, поэтъ, воспѣвавшій бѣдныхъ, ждалъ еще дольше. Зарабатывая себѣ пропитаніе ремесломъ деревенскаго аптекаря, онъ влюбился въ миссъ Сюзанну Эльми; однако о женитьбѣ нечего было и помышлять, такъ какъ ему едва удавалось прокормить самого себя. Тутъ онъ бросилъ лѣкарства и попробовалъ обратиться къ писательству—одному изъ самыхъ ненадежныхъ средствъ пропитанія. Къ счастью, на выручку поэта подоспѣлъ Эдмундъ Боркъ. При его посредствѣ Крэббъ вступилъ въ духовное званіе и получилъ мѣсто капеллана. Выпускъ въ свѣтъ «Деревни» создалъ ему литературное имя. Потомъ лордъ Терлоу далъ ему два небольшихъ прихода въ Дорсетширѣ и, наконецъ, послѣ восьмилѣтняго ожиданія, поэтъ женился на предметѣ своей первой любви. Отрадно отмѣтить тотъ фактъ, что въ этой дѣвушкѣ онъ нашелъ превосходную подругу.

Нѣкоторые сражались за своихъ женъ, другіе работали ради нихъ или занимались науками, или писали книги,

или рисовали картины. Такъ Квентинъ Матсисъ влюбился въ дочь живописца, который рѣшилъ выдать ее не иначе, какъ за художника, между тѣмъ Матсисъ былъ кузнецъ, хотя и замѣчательно искусный *). Однако, побуждаемый любовью, онъ оставилъ свое ремесло и обратился къ живописи. Дѣло съ цалитрой и кистью пошло у него еще лучше, чѣмъ съ горномъ и молотомъ, и онъ вскорѣ полу-
чилъ возможность сосватать дочь живописца.

Подобную же исторію разсказываютъ о Рибальтѣ, знаменитомъ испанскомъ портретистѣ. Влюбившись въ дочь своего учителя, онъ сталъ просить ея руки, но получилъ отказъ на томъ основаніи, что живопись идетъ у него не-
успѣшно. Тогда молодой человѣкъ уѣхалъ въ Римъ, где учился и работалъ такъ усердно, что по возвращеніи въ Валенсію получилъ на этотъ разъ руку своей возлюбленной.

Извѣстенъ случай счастливаго супружества, поводомъ къ которому послужила критическая статья. Одна особа съ литературнымъ именемъ написала книгу о заграниц-
номъ путешествіи. Это сочиненіе было рѣзко раскритико-
вано, хотя въ общемъ критикъ далъ о немъ благопріятный отзывъ. Писательница обратилась съ письмомъ къ редак-
тору того англійского журнала, где былъ помѣщенъ раз-
боръ ея книги, съ просьбой сообщить ей адресъ критика,
съ которымъ она желала объясниться по иѣкоторымъ пунк-
тамъ. Между ними завязалась корреспонденція, наконецъ произошло свиданіе, а въ результатѣ явилась привязан-
ность и женитьба критика на писательницѣ, въ настоящее
время виконтессѣ С.

Нѣкоторые изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей за-
ключали самые неудачные браки. Проницательный Гукерь
не обнаружилъ никакой проницательности въ выборѣ жены.
Онъ предоставилъ послѣдній своей квартирной хозяйкѣ,

*) Онъ исполнилъ великолѣпный нафѣсь надъ колодцемъ противъ Антверпенского собора, одно изъ изящѣйшихъ произведений изъ жемѣза, какія только существуютъ.

котораял женила его на собственной дочери, безобразной и сварливой женщанѣ. Когда Эдвард Сендастъ и Джорджъ Граммеръ пріѣхали навѣстить Гукера, въ его маленькомъ приходѣ въ Дрейтонъ-Бошанъ въ Бексингемшире, то нашли его пауаулившимъ небольшое стадо овецъ на пастбищѣ. Освободившись отъ этой неподходящей работы, хозяинъ вернулся домой съ своими друзьями, но жена тотчасъ позвала мужа качать колыбель. Исаакъ Уэльтонъ въ своей «Жизни Гукера» изображаетъ въ жалкомъ видѣ несчастную участъ бѣднаго проповѣдника. «Вспомнимъ,—говорить онъ,—что сказалъ пророкъ Йезекіиль: «въ каждомъ колесѣ есть свое колесо»—тайное священное колесо Провидѣнія, всего болѣе замѣтное въ бракахъ, направляемыхъ Его рукою, которая иногда не даетъ бѣга быстрому, хлѣба мудрому и доброй жены доброму мужу. Господь, Который можетъ извлечь добро изъ зла, лишь одинъ вѣдаетъ, почему этого блага быть лишенъ терпѣливый Іовъ, кроткій Моисей и нашъ столь же кроткій и терпѣливый мистеръ Гукерь».

Д-ръ Донъ женился тайно на дочери сэра Джорджа Мора, коменданта Тоузера. Въ молодости Донъ служилъ частнымъ секретаремъ у лорда Эльсмера, хранителя большой печати. Живя у него въ домѣ, молодой человѣкъ часто имѣлъ случай видѣть миссъ Моръ и страстно въ нее влюбился. Узнавъ о томъ, отецъ поспѣшилъ отправить ее въ свой замокъ Серрей, но было уже слишкомъ поздно: молодые люди успѣли обмѣняться клятвами вѣрности до гроба. Они нашли случай соединиться тайнымъ бракомъ. Провѣдавъ о томъ, сэръ Джорджъ пришелъ въ бѣшенство и упросилъ лорда Эльсмера дать отставку своему секретарю. Лордъ Эльсмеръ уступилъ его настояніямъ, но, прощаясь съ Донномъ, сказалъ, что онъ «разстается съ другомъ и съ такимъ секретаремъ, которому подобаетъ служить у короля, а не у подданнаго». Но суровый отецъ не ограничился этимъ. Онъ добился того, что трое духов-

ныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ вѣячаніи его дочери, въ то время еще несовершеннолѣтней, были посажены въ тюрьму. Однако, мало-по-малу гнѣвъ сэра Джорджа Мора смягчился, въ особенности благодаря тому, что до него со всѣхъ сторонъ доносились похвальные отзывы о зятѣ. Тогда онъ разрѣшилъ наконецъ молодымъ супругамъ послѣ долгой разлуки соединиться вновь съ его благословеніемъ. И Анна Донъ окказалась любящей и преданной женой для одного изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ людей.

Портреты женъ не часто переходять къ потомству, будучиувѣковѣчены кистью ихъ мужей, какъ это выпало на долю женамъ Рубенса. Рубенсъ былъ женатъ дважды и часто писалъ своихъ обѣихъ женъ. Въ первый разъ онъ женился на Елизавѣтѣ Брантсъ, тридцати двухъ лѣтъ отъ рода. Она прожила съ нимъ семнадцать лѣтъ и умерла. Послѣ пятилѣтняго вдовства онъ женился на Еленѣ Форманъ красавицѣ-дѣвушкѣ шестнадцати лѣтъ.. Ея черты часто встречаются въ его картинахъ. На запрестольной картинѣ въ церкви Іисуса въ Антверпенѣ художникъ изобразилъ своего отца и обѣихъ женъ.

Математикъ Симпсонъ женился, чтобы иметь домашній уголъ. Онъ былъ юношей и занимался ткацкимъ ремесломъ въ Ненитонѣ, когда вступилъ въ бракъ съ вдовою портного на тридцать лѣтъ старше себя. Вдобавокъ у нея было двое сыновей, изъ которыхъ младшій былъ на два года старше своего отчима. Однако, этотъ странный союзъ вовсе не исключалъ семейнаго согласія. Самюэль Джонсонъ на двадцать седьмомъ году женился на «Титти» Портеръ, жирной, кривобокой, грубой здѣвѣ, любившей крѣпкіе напитки и имѣвшей дѣтей старше него. За исключеніемъ м-сы Трель, къ которой онъ относился съ любовью и восхищеніемъ, «Титти» была единственная женщина, въ которую Джонсонъ действительно былъ, повидимому, влюбленъ, а по своей близорукости онъ не замѣчалъ ея недостатковъ. Они счастливо прожили шестнадцать лѣтъ, и Джонсонъ послѣ

смерти жены никогда не отзывался о ней иначе, какъ съ нѣжностью и сожалѣніемъ.

Уитфильдъ и Уэслей были оба несчастливы въ супружествѣ. Уитфильдъ говорилъ о себѣ, что не былъ подверженъ безумной страсти, которую люди зовутъ любовью. Ему не было надобности жениться, но онъ все-таки женился и чувствовалъ себя несчастнымъ. Корнелій Винтеръ замѣчаетъ, что «смерть жены доставила успокоеніе душѣ Уитфильда». Джонъ Уэслей былъ еще болѣе несчастливъ съ женою. Онъ женился на вдовѣ съ четырьмя дѣтьми, съ независимымъ состояніемъ и отвратительнымъ характеромъ. Она мало сочувствовала его планамъ и не любила людей, окружавшихъ ее. Вдобавокъ она страшно ревновала мужа, обыскивала его карманы и часто таскала его за волосы. Тѣмъ не менѣе онъ прожилъ съ ней около двадцати лѣтъ. Наконецъ жена бросила его, захвативъ съ собой часть дневниковъ мужа вмѣстѣ съ другими бумагами, и никогда болѣе не возвращалась. Уэслей высказался такимъ образомъ о разлукѣ съ ней въ своемъ дневнике: «Я не бросаю ее, но и не хочу звать обратно» *).

Огость Конть, человѣкъ совсѣмъ иного закала, былъ также несчастливъ съ женой. Супругиссорились часто и жестоко, а когда разошлись, мужъ говорилъ объ этомъ событиї, какъ о желанномъ избавленіи отъ невыносимаго домашняго гнета. Впослѣдствіи онъ проникся платонической любовью къ г-жѣ де-Во, мужъ которой былъ сосланъ на пожизненную каторгу. Конть прозвалъ ее «Святою Клотильдой» и обыкновенно излагалъ ей свои планы развитія и усовершенствованія человѣческой расы. Но

*) Что бы ни говорили о женѣ Уэслея, и его собственная семья не была безупречной. Извѣстно, что его отецъ, Самюэль Уэслей, ярый вигъ, случайно узнавъ, что его жена, принадлежавшая къ партіи тори, не хотѣла произнести «Аминь» послѣ молитвы о выздоровлении короля Вильгельма III во время его предсмертной болѣзни, возненавидѣлъ ее за это и отказался съ нею жить на время.

г-жа де-Во въ скоромъ времени умерла, оставивъ Контъ неутѣшнымъ. Впослѣдствіи онъ принялъ за правило еженощельно посѣщать ея могилу и каждый день молился ей, прося ея помощи. «На нее можно смотрѣть,—говорить Льюисъ,—какъ на Beатриче новой «религіи человѣчества», придуманной Контомъ». Хотя нѣкоторые изъ великихъ музыкантовъ оставались холостяками, а Гайднъ былъ несчастливъ въ супружествѣ и развелся съ женою главнымъ образомъ изъ-за ея странностей, но Моцартъ и Веберь жили съ своими женами согласно, въ особенности послѣдній. Впрочемъ жизнь музыканта, полная волнений и постоянныхъ перемѣнъ, не благопріятствуетъ, въ общемъ, домашнему счастью. Ухаживаніе Вебера и его супружеская жизнь, судя по его перепискѣ съ Каролиною Брандъ, его «возлюбленною Линною», дышитъ прелестью настоящаго романа. Жена во всемъ сочувствовала ему, руководила имъ, утѣшала и вѣжно любила его. Письма композитора къ ней проникнуты чисто нѣмецкимъ духомъ. Любовь у нѣмцевъ гораздо сентиментальнѣе, чѣмъ у англичанъ. Первая многорѣчива и восторженна, вторая сдержанна и робка.

Братья Корнель женились на двухъ сестрахъ Ламперьеръ, и любовь всей семьи была еще болѣе скрѣплена этимъ союзомъ. Обѣ четы жили въ смежныхъ домахъ, сообщавшихся между собою, и такимъ образомъ наслаждались общностью чувствъ и вкусовъ. Братья работали вмѣстѣ и раздѣляли между собою славу, а сестры были счастливы взаимной симпатіей, любовью и восхищеніемъ своихъ мужей. Не менѣе счастливъ былъ бракъ Расина. Жена его отталкивалась благочестіемъ, добротой и кротостью. Но она не любила поэзіи и знала трагедіи мужа почти только по названіямъ. Однажды Расинъ принесъ изъ Версала кошелекъ съ тысячей червонцевъ. Подбѣжалъ къ женѣ, онъ обнялъ ее и сказалъ: «Поздравь меня съ тысячей луидровъ, подаркомъ короля». Но г-жа Расинъ такъ же мало

любила деньги, какъ и позію. Она стала рассказывать мужу о поведеніи одного изъ своихъ дѣтей. «Поговоримъ объ этомъ въ другой разъ,—возразилъ онъ,—а сегодня предадимся радости».

Жанъ-Поль Рихтеръ влюблался много, еще съ отроческихъ лѣтъ. Въ училишѣ онъ влюбился въ Катерину Барень и впослѣдствіи въ своей «Жизни» посвятилъ главу первому поцѣлую, «единственной минутѣ—жемчужинѣ, неизгладимому моменту». За этой любовью слѣдовала періодъ нѣжной меланхоліи. «На цветочномъ вѣнкѣ счастья, какъ на свадебномъ вѣнкѣ невѣсты, обыкновенно вспять капля росы, подобная слезѣ». Эстетическая любовь повторялась для Рихтера много разъ, такъ какъ его произведения оказывали странное обаяніе на ученыхъ женщинъ сентиментальной школы, замужнихъ и незамужнихъ. Въ Веймарѣ онъ съ такимъ жаромъ просили у него локонъ волосъ и онъ такъ щедро исполнялъ ихъ требованія, что его голова скоро совсѣмъ обнажилась и онъ былъ принужденъ обзавестись пуделемъ, густая шерсть котораго давала ему возможность снабжать сувенирами всѣхъ будущихъ просительницъ. Между многочисленными предметами его любви мы видимъ г-жу фонъ-Кальбъ (жившую отдельно отъ мужа), г-жу фонъ-Крюденеръ (жену русскаго посланника въ Данії), Эмилию фонъ-Берлешъ (которая жаловалась на холдность его платонического чувства), Каролину фонъ-Ф., «божественную герцогиню съ ея дѣтскими глазами, съ лицомъ, полнымъ любви и юношеской прелести, и съ голосомъ, подобнымъ соловьиному», Жозефину фонъ-Сидонъ, очаровательную француженку, твердую, нѣжную, живую, простую, наивную, и наконецъ Каролину Мейеръ, на которой онъ женился. Однако женитьба не лишила Рихтера прежняго обаянія въ глазахъ женщинъ; много лѣтъ спустя послѣ его свадьбы, когда ему перевалило уже за пятьдесятъ, онъ получилъ письмо въ страстныхъ выраженіяхъ отъ Маріи Форстеръ, семнадцатилѣтней девушки, которая

увлекалась его произведеніями съ девятилѣтняго возраста. Жанъ-Поль отклонилъ ея ухаживанія, подальшъ ей добрый совѣтъ образумиться, но пересталъ отвѣтить на ея письма, послѣ чего безумная и увлекающаяся дѣвушка утопилась съ отчаяніемъ.

Шериданъ былъ женатъ дважды, и хотя отличался неосмотрительностью во многихъ отношеніяхъ, но жилъ счастливо съ обѣими женами. Двадцатидвухлѣтнимъ юношей онъ бѣжалъ съ миссъ Линлей, превосходной пѣвицей, на шесть лѣтъ моложе его, и тайно обвѣничался съ нею. Нужда въ деньгахъ заставила его заняться литературой. Два года спустя послѣ женитьбы онъ написалъ «Соперниковъ», затѣмъ «Школу злословія» и другія произведенія. Его жизнь была цѣпью превратностей, перемѣнъ къ худшему и лучшему, долговъ и затрудненій, неудачъ и успѣховъ. Тѣмъ не менѣе молодая жена переносила все терпѣливо и любила мужа, какъ многія преданныя женщины, за его недостатки. Шериданъ вступилъ въ парламентъ, гдѣ имѣлъ громадный успѣхъ, какъ блестящій ораторъ; вскорѣ послѣ того жена его, которую епископъ Норвичскій назвалъ «связующимъ звеномъ между женщиной и ангеломъ», умерла чахоткой. Нѣкоторое время Шериданъ былъ совершенно убитъ горемъ. «Я видѣлъ, — говорить Келли, — какъ онъ ночь за ночью сидѣлъ и плакалъ, точно ребенокъ, когда я пѣлъ ему по его просьбѣ чувствительную пѣсенку моего сочиненія: «Они снесли ее въ могилу, поросшую травой». Мнѣ никогда не приходилось видѣть болѣе потрясающаго отчаянія». Однако время, всеобщій утѣшитель, залѣчило его раны, и три года спустя Шериданъ женился на миссъ Огль, дочери уинчестерскаго декана, образованной молодой дѣвушкѣ, питавшей къ нему пылкую преданность. Шериданъ, хотя беспечный относительно собственныхъ долговъ и затрудненій, тѣмъ не менѣе тревожился о своемъ сыне Томѣ, котораго мечталъ женить на богатой невѣстѣ. Однако другая особа, нѣкто миссъ Календеръ, овладѣла его

сердцемъ. Однажды Шериданъ долго бесѣдовалъ съ сыномъ о бракѣ, угрожая, въ случаѣ его женитьбы на миссъ Календеръ, выгнать его изъ дома съ однимъ шиллингомъ въ карманѣ. Томъ воспользовался случаемъ сказать отцу колкость и отвѣчалъ: «Въ такомъ случаѣ, сэръ, вамъ придется занять его». Вторая жена Шеридана терпѣла такія же невзгоды, какъ и первая. Этотъ несчастный пускался на всѣ хитрости, чтобы достать денегъ, и наконецъ, измученный кредиторами, покинутый друзьями, умеръ на рукахъ своей вѣрной подруги, которая любила его и поклонялась ему до самой смерти.

Стиль походилъ на Шеридана своей беззечностью и влюблчивостью. Онъ также былъ женатъ два раза, въ первый разъ на одной молодой дѣвушкѣ изъ Барбадосса, а во второй на дочери одного дворянина изъ Кермартеншира, которой онъ писалъ шутливыя, милыя, иѣжныя и восторженныя письма, обезсмертившія ихъ любовь. Сходство его съ Шериданомъ состояло еще въ томъ, что Стиль вѣчно страдалъ отъ безденежья, и хотя прикидывался веселымъ въ присутствіи жены, но у него часто щемило сердце. Злополучный писатель находилъ временное облегченіе въ винѣ и, оставляя жену дома раздѣльваться, какъ знаетъ, съ преслѣдовавшими его кредиторами, пировалъ съ веселой компаніей въ тавернѣ «Роза». Однако мысль о женѣ всегда затрагивала лучшія стороны его характера. Посвящая ей одно изъ своихъ сочиненій, онъ пашетъ: «Какъ часто твоя иѣжность облегчала боль моей страждущей головы, тоску моего скорбнаго сердца! Если существуютъ ангелы-хранители, то они поступаютъ подобно тебѣ. Я не могу себѣ представить существа добрѣ и прелестнѣ моей жены».

«При всемъ уваженіи къ поэтамъ,—сказалъ Джонсонъ,—нельзя признать, чтобы они были образцовыми родителями»; къ этому можно прибавить съ одинаковой достовѣрностью, что они не всегда бывають и хорошими мужьями. Достаточно указать на Шекспира и Алану Гетеуэй;

Мильтона и его первую жену; драматурга Грина, который прожилъ съ женой всего только годъ; Черчиля, который женился семнадцати лѣтъ, постоянно скорился съ женой и наконецъ отравился; Стерна, который былъ растроганъ видомъ мертваго осла, но бросилъ жену и не хотѣлъ заботиться о родной матери; Томсона, который женился, но никогда не хотѣлъ признавать своей жены; Байрона, супружество которого было испорчено распущенностью и себялюбіемъ съ одной стороны, сурвостью и недостаткомъ великодушія съ другой; Шелли, первая жена которого утонула, послѣ того, какъ она покинула ее для Мэри Годвинъ. Никакія ошибки поэтовъ при выборѣ жены не влекли за собою столь тягостныхъ послѣдствій, какъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ. Между тѣмъ, многіе поэты удачно выбирали своихъ подругъ. Такъ Парнель женился на молодой девушки рѣдкой красоты и достоинства, а горе, причиненное ему потерей жены, такъ подействовало на его умъ и сердце, что онъ былъ не въ силахъ больше оправиться отъ этого удара. Сэръ Вальтеръ Скоттъ пользовался вполнѣ счастливъ въ супружествѣ; то же самое можно сказать объ Уордуортѣ, Крэббѣ, Гудѣ и Соути. Соути, Кольриджъ и Ловель, три поэта, женились на трехъ родныхъ сестрахъ, девицахъ Фрикеръ изъ Бристоля. Всѣ они были одинаково бѣдны при вступлении въ бракъ. Соути шелъ двадцать второй годъ, а Кольриджу—двадцать четвертый, но характеры были у нихъ неодинаковые. Соути былъ труженикомъ, а Кольриджъ—краснобаевъ. Домашняя жизнь первого была счастлива, а для другого служила только прикрытиемъ. Когда Кольриджъ поѣхалъ за границу, получивъ годовую стипендию въ сто двадцать фунтовъ стерлинговъ отъ фирмы Веджвудъ въ Берслемѣ, то оставилъ жену и дѣтей на попеченіе Соути. Около того же времени Ловель умеръ, и великодушный Соути принялъ его жену и дѣтей въ свой домъ въ Кесвикѣ, гдѣ содержалъ ихъ всю жизнь. Соути былъ такъ-же счастливъ со своей второй же,

вой, почтенной поэтессой Каролиной Боульсъ, которая закрыла ему глаза.

Поэтъ Муръ былъ не менѣе счастливъ въ супружествѣ. Его «дорогая Бесси» была дѣйствительно достойнѣйшей женщиной и самой любящей женой. Ея имя часто встречается въ его дневникѣ; она была довольна пребываніемъ въ Слопертонѣ, тогда какъ онъ порхалъ среди герцоговъ и герцогинь въ высшемъ лондонскомъ свѣтѣ и пѣлъ имъ свои боевые пѣсни феніевъ. Крокеръ потѣшался въ «Quarterly Review» надъ «Жизнью Мура», написанной лордомъ Джономъ Росселемъ. Тѣмъ не менѣе «дорогая Бесси» много содѣйствовала счастью поэта и ухаживала за нимъ съ самоотверженной любовью во время продолжительной болѣзни, которая кончилась его смертью. Но счастливѣе всѣхъ жило въ супружествѣ Томасъ Гудъ, хотя его жизнь была сплошнымъ мученичествомъ. Жена поэта ухаживала за нимъ въ болѣзни, утѣшала его въ горѣ и создала ему настолько счастливую домашнюю жизнь, насколько это было возможно при несчастныхъ обстоятельствахъ. Гудъ увѣрялъ, что если-бъ не женитьба, то онъ не написалъ бы ничего замѣчательнаго. Въ одномъ изъ своихъ прочувствованныхъ писемъ къ женѣ онъ говорить: «Я былъ ничѣмъ, моя дорогая, пока не зналъ тебя, а съ той поры я становился все лучше, счастливѣе, а мои обстоятельства процвѣтали. Сохрани въ твоемъ сердцѣ эту истину, мой другъ, и напоминай мнѣ о ней, когда я унываю».

Браки нѣкоторыхъ геніальныхъ людей устраивались весьма странно. Бальзакъ и Ламартинъ въ этомъ отношеніи превзошли всѣхъ. Достигнувъ зенита своей славы, Бальзакъ путешествовалъ однажды по Швейцаріи; онъ прїѣхалъ въ одну гостиницу какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оттуда выѣзжала княжеская чета Ганскихъ. Бальзаку отвели комнату, только-что оставленную ими, и онъ былъ потревоженъ неожиданнымъ приходомъ княгини, которая вернулась за книгой, забытой ею у окна, гдѣ си-

дѣль французской романистъ. Молодая женщина обязана, что эта книга была карманнымъ изданіемъ произведений Бальзака, и прибавила, что она служить ей неизмѣннымъ спутникомъ въ дорогѣ. Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ между княгиней и Бальзакомъ шла литературная переписка, наконецъ писатель получиль отъ нея письмо болѣе личнаго характера. Въ немъ заключалось извѣстіе о смерти князя Ганскаго; въ концѣ овдовѣвшая княгиня прибавляла, что считаетъ себя обязанной вознаградить покойнаго мужа за его щедрость и потому рѣшила дать ему преемника въ лицѣ Бальзака. Восхищенный писатель не сталъ ожидать дальнѣйшихъ приглашеній. Онъ тотчасъ отправился въ замокъ княгини на Рейнѣ, гдѣ они благополучно сочетались бракомъ среди цѣлаго ряда великолѣпныхъ торжествъ въ ознаменованіе такого счастливаго события. Ламартинъ также женился на богатой невѣстѣ, молодой англичанкѣ миссъ Бёрчъ. Чтеніе его «Размышеній» внушило ей страстную любовь къ поэту; узнавъ объ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ, она написала ему письмо, въ которомъ предложила къ его услугамъ все свое состояніе. Тронутый такимъ замѣчательнымъ великодушіемъ, онъ немедленно предложилъ ей руку и сердце, которыя были безотлагательно приняты.

Намъ понадобилось бы слишкомъ много места, если-бы мы вздумали описывать, насколько геніальные люди обязаны своимъ женамъ. Нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ были приведены въ другомъ сочиненіи *), а здѣсь мы прибавимъ еще два или три замѣчательныхъ случая такого рода. Бюффонъ женился только въ пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, однако былъ замѣчательно счастливъ въ супружествѣ съ дѣвицей де-Сенъ-Беленъ; она заботливо слѣдила за каждымъ шагомъ своего мужа по пути къ славѣ и радовалась почестямъ, которыя воздавались ему учеными обществами и коронованными лицами, на родинѣ и за гра-

*) «Характеръ», Глава XI.

ницей. Историкъ Нибурь также пользовался значительной поддержкой жены. Прелестю своего присутствія она смягчала его беспокойный, раздражительный характеръ и не только входила въ его домашніе интересы, но принимала участіе и въ его ученыхъ трудахъ. Съ нею прежде всѣхъ обсуждалъ онъ каждое историческое открытие, каждое явленіе политической жизни, каждую новость въ литературѣ. Прямо въ угоду ей и ради ея одобренія трудился онъ надъ сочиненіями, предназначавшимися въ назиданіе миру. За нѣсколько дней до ея смерти ученый спросилъ, держа ее въ объятіяхъ, не можетъ ли онъ порадовать чѣмъ-нибудь свою подругу. Взглянувъ на него съ невыразимой любовью, она отвѣчала: «Окончи свою «Исторію»—все равно, останусь ли я жива, или умру». То было ея послѣднимъ желаніемъ.

Пожалуй о супружеской жизни Томаса Карлейля говорилось уже слишкомъ много. Она описывалась болѣе мрачными красками, чѣмъ того заслуживала; тѣни накладывались на нее слишкомъ густо, какъ на картинахъ Рембрандта. Джень Уэльшъ предпочла стать женой геніальнаго человѣка вмѣсто того, чтобы выйти за доктора въ провинціальномъ захолустьѣ, однако ея замужество пришлось ей не совсѣмъ по вкусу. Супругамъ было трудно сводить концы съ концами; они жили на скучные средства, добываемыя переводами, лекціями и журнальными статьями. Однако даже затрудненія, постепенно преодолѣваемыя возрастающимъ успѣхомъ, вѣроятно были полны интереса для нихъ обоихъ. Мало-по-малу Карлейлю удалось подняться самому и поднять жену до высшихъ умственныхъ сферъ. Казалось, этого было бы достаточно. Но нѣть, оба они были рѣзки на языкѣ, сварливы, раздражительны и не умѣли щадить другъ друга взапмно. Тѣмъ не менѣе въ письмахъ Карлейля, вопреки всему, что говорилось о немъ, сквозитъ искренняя любовь къ женѣ. Съ своей стороны она помогала ему въ трудахъ и гордилась его благород-

ной борьбой и доблестной победой, какъ всякая образованная жена. Его послѣднее воспоминаніе о ней проникнуто симпатіей и нѣжностью.

Когда одинъ знакомый разсказывалъ д-ру Пелею о своемъ супружескомъ благополучіи, которое въ теченіе сорока лѣтъ ни разу не нарушалось домашнейссорой, онъ сухо перебилъ говорившаго: «Не находите-ли вы, что это ужасно скучно?» Путникъ, идущій по унылой равнинѣ, находитъ свое путешествіе гораздо утомительнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда его дорога пролегаетъ по холмистой мѣстности; то же самое примѣнено и къ супружеской жизни. Джентль Уэльшъ была гораздо счастливѣе за Томасомъ Карлейлемъ, чѣмъ была бы за другимъ мужемъ. Даже такая исключительная женщина, какъ Эжени де-Сюренъ, признавала, что на днѣ каждой человѣческой души есть «немного тины», иѣкоторый нечистый осадокъ зла, хотя въ ея собственной душѣ было его меньше всего.

Между супружеской жизнью Карлейля и Гауторна проводили параллель къ выгодѣ послѣдняго. Но люди различны, какъ различны и авторы. Карлейль не могъ бы написать произведеній Гауторна, какъ Гауторнъ не могъ бы написать произведеній Карлейля. Между ними было мало общаго; у каждого былъ свой оригинальный складъ ума; и жены у нихъ были различны и жили они каждый по своему. Только Гауторнъ могъ бы написать «Красную букву» и никто кромѣ Карлейля не написалъ бы «Французской революціи». Эти произведенія возникли самостоятельно и были лучше всего написанного этими авторами. Въ заключеніе напомнимъ, что даже сами писатели, какъ и писательскія жены, не могутъ быть совершенствами.

Правда, многіе мужчины женятся не для того, чтобы имѣть честную жену, какъ и многія женщины не ищутъ въ бракѣ честнаго мужа. Что же касается женщинъ изъ современного общества, которыхъ,—какъ говорилъ апостоль Павелъ, «будучи праздны, пріучаются ходить по домамъ

и бывають не только праздны, но и болтливы, любопытны и говорятъ, чего не должно» *), то онъ представляютъ себою жалкія порожденія ложной цивилизациі. Онъ не способны къ любви, а тѣмъ болѣе къ дружбѣ. Въ нихъ все притворно, начиная съ румянца на щекахъ и кончая ихъ рѣчами. У свѣтской женщины нѣть дома, но есть обстановка; у неї есть дѣти, но нѣть семьи, есть мужъ, который для нея не товарищъ, не другъ и не любимый человѣкъ. Что-жъ мудренаго, если мужчина боится теперь жениться и предпочитаетъ клубъ домашнему очагу. «Я не имѣю достаточно средствъ, чтобы жениться», — эту избитую фразу часто слышишь даже отъ людей весьма состоятельныхъ, пользующихся обеспеченнымъ положеніемъ. Иными словами, мужчина не считаетъ себя достаточно богатымъ, чтобы исполнять всѣ прихоти жены, которая свѣтская женщина считаетъ своими насущными потребностями. При подобныхъ условіяхъ иной мужчина находить въ себѣ достаточно самоотречения, чтобы отказаться отъ брака, оставаясь въ то же время нравственнымъ, но все же такое положеніе является довольно шаткимъ, и многие, оставаясь холостыми, попадаютъ на дурную дорогу, приводящую ихъ къ нищетѣ или гибели. «Мужчину можно купить женской красотою, — говорить Гаггардъ, — если она достаточно обаятельна, а женская красота всегда можетъ быть куплена золотомъ, если золота достаточно много». Молодая дѣвушка выходитъ за богача, могущаго окружить ее роскошью. Но въ этой чашѣ наслажденія скрывается ядъ, приводящій къ нравственной смерти.

Молодой человѣкъ, даже помолвленный, не женится, пока не будетъ зарабатывать настолько, чтобы жить на широкую ногу. Весьма возможно, что это совсѣмъ ему не удастся, и вотъ свадьба откладывается со дня на день, при чёмъ счастье и спокойствіе одинаково приносятся въ

*) Первое посланіе къ Тимоѳею. Глава V ст. XIII.

жертву. Месь Горь защищает французский «брак по расчету», устраниющий продолжительную помолвку и супружества по любви. «Хотя многое можно возвратить, — говорит она, — против благоразумия браков по расчету, однако, винкнувшись в домашнюю жизнь высшего класса в Англии и во Франции и специально коснувшись при этом положения холостых и незамужних съ одной стороны и нравственности женатых съ другой, мы увидимъ, что этотъ вопросъ разработанъ гораздо болѣе, чѣмъ можно полагать при поверхностномъ взгляде на него. Если мужчина достигъ положенія, позволяющаго ему жениться на любимой особѣ, и если она при этомъ обладаетъ здоровьемъ, нравственными качествами и любящимъ сердцемъ, то онъ сдѣлается хорошо, вступивъ съ нею въ бракъ; если же она вдобавокъ предусмотрительна и благоразумна, то сумѣеть хорошо поставить свое хозяйство и создастъ мужу пріятную и покойную домашнюю жизнь. Любовь между молодыми супругами, если это чувство основано на преданности и вѣрности долгу, заставитъ ихъ смотрѣть весело и здраво на неизбѣжную борьбу съ обстоятельствами, которую придется выдерживать, пока материальные средства еще не вполне обеспечены. Такая супружеская чета пройдетъ жизнь рука объ руку, дѣля между собою радости и печали, питая общія надежды, стремясь къ общей цѣли, вмѣстѣ наслаждаясь благосостояніемъ. Хотя богатство можетъ быть желательнымъ, однако оно одно никогда не можетъ доставить наслажденій высшаго порядка. Домашнее счастье зависитъ отъ благородства сердца, ума и вкуса, обдуманности, предусмотрительности и доброй нравственности, основанныхъ на любви. Одно мудрое правило гласитъ: «не загадывай далеко, надѣйся на лучшее и уповай на Бога». Самое счастливое супружество, подобно доброму вину, требуетъ долгихъ лѣтъ, чтобы достичь совершенства. Два ума и два сердца должны слиться во-едино, а супруги должны узнать одинъ другого гораздо короче, чѣмъ это возможно».

во время помолвки и ухаживаний. Тогда они познаютъ одинъ въ другомъ какъ достоинства, такъ и слабости. Въ послѣднемъ случаѣ они научатся переносить ихъ, снисходить къ нимъ и давать уступки въ житейскихъ мелочахъ. Послѣ этого наступятъ или должны наступить прочное согласіе и спокойствіе. Какъ говоритьъ Джереми Тэйлоръ, «въ позднѣйшіе годы многочисленныя воспоминанія, какъ и настоящія обстоятельства, созидаютъ любовь на прочной основѣ». Любовь освѣщаетъ прозу жизни тѣмъ сияніемъ, которое отбрасываетъ лучи на прошлое. Она умѣряетъ и смягчаетъ будущее лучами, которые отбрасываетъ впередъ. Даже страданія только тѣснѣе связываютъ супружескую чету. Участіе лучше познается въ горѣ. «Встряхивающій дерево печали часто сѣть съмева радости» — гласить восточная пословицѣ.

ГЛАВА X.

ЗАКАТЪ ЖИЗНИ.—ПОСЛѢДНІЯ МЫСЛИ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Жизнь, мы долго были неразлучны,
При лесной погодѣ и въ нещастій.
Тяжело разставаться съ дорогими друзьями,
Пожалуй, разлука будешь стоять вѣдь за и слезы.
Уйди же възмѣтно, почти не предостерегая,
Выбери сама время;
Не говори ми «доброй ночи» но въ болѣе сант-
лой страсти
Пожелай ми «доброго утра».

М-сть Барролль.

Не патай ни любви, ни ненависти къ своей жизни;
но сколько-бы ты ни жилъ,
Живи хорошо; долго ли это будетъ, или коротко,
все зависитъ отъ Промышленія.

Милостникъ.

Все, что умерло, всѣ земные роды покоятся
Тамъ, куда смерть сваливаетъ сон сорванища,
Груды на груды.
Надъ каждымъ трудолюбивъ днёмъ спятъ ноз-
пиль тѣла,
И его действующія лица—страдальцы, ученые,
царі, войска—засыпаютъ.

В.

Virtute vixit,
Memoria vivit,
Gloria vives.
Въ доблести жилъ,
Въ памяти живеть,
Въ славѣ будеть жить.

Эпитафія на памятнику отъ царкви «Богоматери-с-ангелами» въ Ризинѣ.

Закатъ человѣческой жизни имѣть много пріятныхъ сторонъ. Юности свойственны удовольствія, а старости—воспоминанія. Вечерніе часы жизни могутъ быть даже самыми прекрасными, подобно тому, какъ красивѣйшіе лепестки цвѣтка распускаются послѣдними. Плодъ растетъ

по мѣрѣ того, какъ цветы и листья опадаютъ, а душа зреетъ, между тѣмъ какъ тѣло разрушается. Корнаро въ восемьдесятъ пять лѣтъ говорилъ: «Умъ совершенствуется, пока тѣло старѣеть».

Американца, д-ра Ченнинга спросили не задолго до его смерти, какой былъ самый счастливый періодъ его жизни. Онъ отвѣчалъ: «шестидесять лѣтъ», называя туть возрастъ, въ которомъ онъ тогда находился. Кольриджъ выразился о немъ, что онъ обладалъ любовью мудрости и мудростью любви. Его взглядъ на жизнь и человѣческій характеръ былъ самый отрадный. Ченнинга можно назвать даже чрезчуръ восторженнымъ оптимистомъ, потому что онъ какъ будто не замѣчалъ вѣкоторыхъ печальныхъ и ужасныхъ сторонъ жизни.

Великій предѣлъ, за которымъ, какъ полагаютъ, умъ начинаетъ клониться къ постепенному упадку, по мнѣнію вѣкоторыхъ, наступаетъ въ шестидесятитрехлѣтнемъ возрастѣ; между тѣмъ, по свидѣтельству Фонтенеля, счастливѣйшее время его жизни было между пятьдесятъ пятымъ и семьдесятъ пятымъ годами. Джонсонъ говорилъ, что Уоллеръ въ семьдесятъ два года, повидимому, не утратилъ ни частицы своего поэтическаго таланта. Бюфонъ въ семьдесятъ лѣтъ утверждалъ, что онъ вполнѣ наслаждается жизнью, какъ и раньше. «Перспектива прошлаго,—говорилъ этотъ ученый,—возбуждающая сожалѣнія у старыхъ безумцевъ, доставляетъ мнѣ, напротивъ, сладость воспоминаній, показываетъ мнѣ пріятныя картины, дорогіе образы, имѣющіе болѣе цѣнности, чѣмъ всякие источники наслажденій; эти образы отрадны и чисты, потому что вызываютъ лишь дорогія воспоминанія».

По словамъ одного французскаго мораллста, рай юности есть старость, а рай старости есть юность. Какъ вяло тянутся для насъ годы, пока мы молоды! Дни рожденія повторяются черезъ долгіе промежутки времени, рай старости подвигается къ намъ медленно. Но по мѣрѣ того,

какъ годы упłyваютъ, дни рожденія чередуютъ быстрѣе и быстрѣе. Тогда мы оглядываемся на рай юности и дорожимъ его воспоминаніями. Счастливъ тотъ, кто можетъ оглянуться назадъ съ удовольствіемъ, вспоминая свои добрые поступки и слова! Цицеронъ въ своемъ сочиненіи «О старости» говоритъ, что ей не надо поддаваться; однако, его собственная жизнь служитъ превосходнымъ примѣромъ; онъ жилъ съ классическимъ изяществомъ и утонченностью, что такъ дивно выражено въ его изречениіи: *Quiete, et pure, et eleganter actae aetatis, placida ac lenis senectus.*

Закатъ жизни возвращаетъ человѣка ко многимъ бывшимъ удовольствіямъ, въ особенности къ перечитыванію старыхъ и любимыхъ книгъ. Инымъ онъ приносить забавы на открытомъ воздухѣ и спокойные прогулки, уженье рыбы, посадку деревьевъ, разведеніе цветовъ и собираніе растеній. Лордъ Честерфильдъ, совершенно утративъ слухъ, покинулъ высшій свѣтъ и уѣхалъ проводить остатокъ жизни къ себѣ на виллу въ Блекгетѣ, вблизи аллеи, до сихъ поръ известной подъ именемъ «прогулки Честерфильда». Онъ развлекался литературой, которую называлъ единственной бесѣдой глухого и единственной связью его съ обществомъ. «Я прозябалъ весь этотъ годъ,—писалъ онъ одному другу во Францію, когда ему было около шестидесяти лѣтъ,—и не испытывалъ ни удовольствія, ни страданія; мой возрастъ и глухота исключаютъ первое, а моя философія, или, пожалуй, мой темпераментъ, охраняютъ меня отъ послѣдняго. Я развлекаюсь, какъ могу, такими спокойными занятіями, какъ садоводство, прогулка и чтеніе, и такъ подживаю смерть, которой не желаю, но и не боюсь». «Письма къ сыну» Честерфильда были изданы уже послѣ его смерти.

Весьма трогательный разсказъ Ричарда Бекстера о томъ, что побудило его написать «Упокоеніе Святого». «Когда я былъ здоровъ,—говоритъ онъ,—то совсѣмъ не думалъ о томъ,

чтобъ писать книги и служить Богу инымъ, болѣе явнымъ путемъ, чѣмъ проповѣдь; но когда меня изнурила сильная потеря крови и я лежалъ одинъ-одинехонекъ въ комнатѣ, въ замкѣ сэра Джона Кука въ Дербиширѣ, не имѣя возлѣ себя никакихъ близкихъ, кромѣ资料а слуги, и былъ приговоренъ врачами къ смерти, то началъ серьезнѣе задумываться о вѣчномъ покой, за границѣ которой, по моему мнѣнію, находился въ то время; а чтобы мои мысли не слишкомъ разбрасывались, я началъ писать кое-что объ этомъ предметѣ».

Соути говорилъ: «Я ве совѣтую никому осторегаться бѣдности въ преклонныхъ годахъ, но повторяю всѣмъ, чтобы они избѣгали одиночества въ старости. Мы должны искать отдыха». Отсюда необходимость для ученыхъ и прочихъ смертныхъ найти какое-нибудь развлечениѳ, имѣющее какъ можно менѣе общаго съ ихъ обычнымъ дѣломъ. Талейранъ замѣтилъ однажды одному лицу, не умѣвшему играть въ вистѣ: «Послушайте, подумали ли вы о томъ, какая жалкая старость ожидаетъ васъ?» Касуръ былъ первокласснымъ игрокомъ въ вистѣ и ему везло въ игрѣ. Во времена засѣданій Парижскаго конгресса онъ игралъ каждый вечеръ въ Жокей-клубѣ. Меттернихъ также имѣть пристрастіе къ вистѣ. Однако многіе, которымъ недоступна картежная игра, тѣмъ не менѣе могутъ пріятно проводить время на закатѣ жизни.

Величайшей отрадой Бетховена въ старости было чтеніе романовъ Вальтера Скотта и «Одиссеи» Гомера. Со всѣмъ иного мнѣнія о беллетристикѣ былъ д-ръ Гесфордъ, директоръ коллегіи Христовой церкви. Во времена болѣзни онъ попросилъ какого-нибудь легкаго чтенія и ему дали одинъ изъ романовъ Вальтера Скотта. «Нѣть, нѣть, это слишкомъ тяжело,—вразбрѣлъ онъ.—Подайте мнѣ греческій лексиконъ!» Сидней Смитъ разсказываетъ, что когда онъ принялъся за легкое чтеніе во времена болѣзни, то выбралъ книгу Адама Смита «Богатство націй».

Даже и слѣпцы могутъ наслаждаться закатомъ жизни. Слѣпота служила одною изъ важнѣйшихъ преградъ на пути геніальныхъ людей. Мильтонъ переносилъ ее съ трогательной безропотностью. Лишенный свѣта, окруженный врагами, подобно ослѣпленному Самсону въ Газѣ, вертѣвшему мельничный жерновъ на-ряду съ невольниками, этотъ слѣпой старикъ не падалъ духомъ, не терялъ надежды и твердо шелъ впередъ по вѣрной дорогѣ. Убожество не составляло для него потери. Какъ соловей поетъ въ сумеркахъ и какъ въ густой тѣни кустарниковъ звучать его ночная пѣсни, такъ и Мильтонъ пѣлъ не менѣе божественно изъ-за того, что глаза этого поэта уже не могли «уздѣть утренней зари». Дѣйствительно, если-бы не слѣпота, «Потерянный Рай» пожалуй не былъ бы имъ написанъ. Незадолго до того, какъ поэтъ лишился зрѣнія, онъ задумалъ писать «Исторію Англіи».

Природа вознаграждаетъ насъ весьма щедро. Для нашихъ виѣшнихъ чувствъ возможна до извѣстной степени замѣна одного другимъ. И при потерѣ котораго-нибудь изъ нихъ, прочія обыкновенно сильно обостряются. Когда зрѣніе меркнетъ, слухъ становится болѣе чуткимъ къ звуковымъ наслажденіямъ. Обоняніе утончается; каждый палецъ какъ-бы становится глазомъ; даже лицо пріобрѣтаетъ чувствительность и видѣть, и чувствовать все вокругъ. Веселость и бодрость отчасти вознаграждаются потерю; поэтому слѣпцы не разобщены съ окружающими, но иногда сближаются съ ними даже больше зрячихъ. Слѣпота порою смягчаетъ характеръ и дѣлаетъ его пріятнѣе, тогда какъ глухота дѣйствуетъ совершенно наоборотъ. Козловъ, русскій поэтъ, подвергся особенно тяжкому испытанію. Онъ не только ослѣпѣлъ, но и лишился употребленія ногъ. Однако это двойное убожество возвуждило въ немъ глубокую любовь къ поэзіи. Онъ сталъ развивать свой талантъ и это служило ему отрадой въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни. Эйлеръ лишился зрѣнія постепенно и заранѣе привыкъ

къ своему несчастью; тѣмъ не менѣе, совершенно переставъ видѣть, онъ продолжалъ свои работы, а его характеръ одѣлся еще веселѣе прежняго. Память у него настолько окрѣпла отъ постояннаго упражненія, что онъ могъ прочесть наизусть всю «Энеиду», припоминая начальные и конечныя слова каждой страницы. Галилей совершенно ослѣпъ за нѣсколько лѣтъ до смерти, но продолжалъ свои ученыя занятія до конца. Д-ръ Тѣккеръ былъ пораженъ слѣпотою шестидесяти шести лѣтъ, но это не прервало его ученыхъ трудовъ. Дочь читала ему вслухъ и даже выучилась по-гречески, чтобы дать возможность отцу при ея посредствѣ бесѣдовать съ его любимыми авторами. Онъ даже писалъ съ помощью изобрѣтенной имъ машины и настолько четко, что дочь могла переписывать его рукописи.

Тье́ри и Прескоттъ лишились зрѣнія, хотя слѣпота постигла ихъ уже въ преклонномъ возрастѣ. Казалось бы, для историческихъ изслѣдований способность зрѣнія рѣшительно необходима въ виду множества книгъ, которыхъ нужно прочесть, и постоянныхъ спрашивать съ различными источниками. Однако, благодаря большому запасу знаній, приобрѣтенныхъ раньше, и усердной помощи близкихъ, оба эти историка были въ состояніи подготавлять и печатать труды громадной цѣнности и научнаго значенія. Тье́ри диктовалъ секретарю, а Прескоттъ писалъ собственоручно, пользуясь письменнымъ приборомъ и карандашемъ, придуманнымъ для слѣпыхъ.

Къ числу знаменитыхъ людей, ослѣпшихъ въ сравнительно преклонныхъ лѣтахъ, принадлежали Делиль и Ламоттъ, Монтескье, сэръ Джошуа Рейнольдсъ, Гендель, Жанъ-Поль Рихтеръ, Исаакъ Дизраэли *), Жюсль, ботаникъ Румпфъ,

*) Дизраэли былъ въ состояніи продолжать свои литературные занятія съ помощью дочери, о чемъ онъ съ благодарностью вспоминаетъ въ своей «Литературной симѣси» (изд. 1840 года), гдѣ говорить: «Среди моей библиотеки я въ то же время какъ-будто далекъ отъ нея. Мои неоконченныя работы, неосуществленные планы остаются

астрономъ Кассини, математикъ Берардъ, виконтъ Крецборнъ и профессоръ Фауссетъ. Генрихъ Гейне совершенно слѣпъ за восемь лѣтъ до смерти и за это время написалъ нѣкоторыя изъ своихъ прекраснѣйшихъ произведеній. Жанъ-Поль, долго остававшійся полуслѣпымъ, наконецъ погрузился въ совершенный мракъ. Однако онъ былъ полонъ внутреннимъ свѣтомъ и въ послѣдніе годы жизни занимался сочиненіемъ своей «Селины», гдѣ доказывалъ безсмертье души; неоконченную рукопись этого произведенія везли на катафалкъ вмѣстѣ съ его гробомъ къ мѣсту похороненія.

Пожалуй, самымъ оригинальнымъ слѣпцомъ былъ флотскій офицеръ, лейтенантъ Гольменъ, замѣчательный путешественникъ *). Онъ лишился зрѣнія въ двадцать пять лѣтъ и былъ принужденъ выйти въ отставку. Слѣпота, вероятно, жестоко угнетала его, такъ какъ онъ отличался необычайнымъ духомъ предпріимчивости. Когда окулисты объявили его непизлѣчимымъ, то онъ рѣшилъ не унывать и приспособиться какъ можно лучше къ своему новому положенію. Что ему оставалось дѣлать? Онъ питалъ сильную страсть къ путешествіямъ, но теперь былъ слѣпъ! Тѣмъ не менѣе Гольменъ сдѣлалъ попытку пуститься въ путешествіе и сначала обѣхалъ Францію, хотя не зналъ ни слова по-французски. Въ Лондонѣ за нимъ ухаживали

парализованными. Когда отрадно грѣть солнце, я уже не могу бродить на просторѣ, разстилающемся передо мной. «Раненый олень» пользуется печальной привилегіей проливать слезы, когда упадешь, пожалуй, горюя о томъ, что не можетъ большеноситься по далекимъ лѣсамъ... Но среди мрака этого я не лишенъ отдаленной надежды и утѣшения въ настоящемъ; а той, которая такъ часто ссужала мнѣ свѣтъ своихъ глазъ, внятность своего голоса и тщательную работу своей руки, авторъ будетъ обязанъ всегда неоплатной отцовской признательностью».

*) «Путешествія» Гольмена были напечатаны имъ въ шести томахъ; вдобавокъ послѣ него осталось множество рукописей, которыхъ онъ готовилъ къ изданію, когда смерть прервала его работу.

слуга, но въ далекій путь онъ отправился одинъ и побывалъ въ Европѣ, Азіи, Африкѣ, Америкѣ, Австраліи, обходясь вездѣ безъ посторонней помощи. Нравственное мужество, энергія, уверенность въ себѣ и несокрушимый духъ предпріимчивости создаютъ этому слѣпцу одно изъ самыхъ выдающихся положеній въ области біографіи.

Исторія профессора Фаусетта, лектора политической экономіи, вноскладствіи члена парламента отъ Брайтона и секретаря главнаго управлениія почты, обнаружившаго при исполненіи всѣхъ этихъ должностей большой талантъ и энергию, послужила предметомъ превосходной біографіи, а потому намъ нѣтъ надобности распространяться о немъ подробнѣе. Глухота обыкновенно возбуждаетъ меньше участія, чѣмъ слѣпота, хотя, судя по ея дѣйствію, она представляеть еще болѣе тяжкое лишеніе для человѣка. Тогда какъ слѣпые чаще всего отличаются кротостью характера, глухіе бывають раздражительны и угрюмы. Эти недостатки развиваются у нихъ, вѣроятно, по той причинѣ, что они лишены удовольствія бесѣды, составляющаго главную прелесть общенія съ людьми. Глухіе какъ бы сидятъ на пиру, не имѣя возможности принять въ немъ участія. Видя веселые взгляды, смѣющіяся лица окружающихъ, они не могутъ присоединиться къ общему веселью. «Контрастъ, замѣчаемый въ обществѣ,—говорить Уильямъ Уильдъ,—между сумрачнымъ видомъ глухого отчасти и улыбкой совершенно слѣпого рѣзко бросается въ глаза». Впрочемъ, и между этими калѣками встрѣчаются отрадныя исключенія—въ лицѣ людей высшаго умственнаго развитія и такихъ, которые, будучи совсѣмъ глухими, не раздражаются тѣмъ, что слышать только часть разговора. Какъ Гендель въ послѣдніе годы жизни былъ пораженъ слѣпотою, такъ Бетховенъ страдалъ глухотой. Послѣдній привыкъ играть на фортепіано, слѣдя за сочетаніемъ ногъ въ своемъ воображеніи, тогда какъ для окружающихъ многие оттѣнки его игры пропадали даромъ. Когда на

тридцатомъ году иъ нему начала подкрадываться глухота, онъ старался скрыть отъ другихъ этотъ недостатокъ. Композиторъ сталъ избѣгать общества. «Не могу же я,—говорилъ онъ,—объяснить людямъ, что оглохъ. Еслибы моимъ искусствомъ была не музыка, а что-нибудь другое, и тогда глухота угнетала бы меня; для музыканта же это жестокая пытка». Съ каждымъ днемъ становился онъ все болѣе и болѣе нелюдимымъ, раздражительнымъ, мрачнымъ, по мѣрѣ того, какъ слабѣлъ его слухъ, и наконецъ впалъ въ такое отчаяніе, что готовъ былъ лишить себя жизни. «Искусство,—говорилъ несчастный,—одно искусство удерживаетъ меня отъ самоубийства! Мѣй представляется невозможнымъ покинуть міръ, прежде чѣмъ я совершу все, на что чувствую себя способнымъ. И такъ я изберу своимъ руководителемъ терпѣніе и буду держаться твердой рѣшимости переносить всѣ испытанія, пока неумолимой судьбѣ будетъ угодно пресечь нить моей жизни». Однако, уже послѣ этого мрачнаго периода въ своемъ существованіи, Бетховенъ создалъ свои величайшія произведенія, каковы: «Фиделіо», «Прометей», «Елеонская гора» и его большия концерты и симфоніи. Возможно даже, что глухота, принуждая его къ самоуглубленію и обрекая на одиночество, немало содѣйствовала пробужденію и развитію музыкальнаго гenia и энергii этого великаго композитора.

Главнымъ отличиемъ средняго возраста отъ старости служить способность ума къ дальнѣйшему росту и воспріятію новыхъ идей. Но даже въ старости д-ръ Джонсонъ и Джемсъ Уаттъ изучали новые языки и воспринимали новые идеи; Берцеліусъ работалъ въ своей лабораторіи до самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Многіе старики сохраняютъ твердость ума, которая считается преимуществомъ средняго возраста. Французская пословица гласитъ: *«si jeunesse savait, se vieillesse pouvait* (еслибы юность знала, еслибы старость могла). Въ среднемъ возрастѣ и въ старости мы становимся мягче, добrѣе, ласковѣе и разсудительнѣе.

Однако продолжительность жизни не измѣряется чи-
сломъ лѣтъ. Иные въ двадцать лѣтъ переживутъ больше,
чѣмъ другіе въ сто. Жизнь человѣка надо измѣрять тѣмъ,
что онъ сдѣлалъ и что перечувствовалъ въ теченіе ея.
Чѣмъ больше онъ сдѣлалъ, чѣмъ больше перечувствовалъ,
тѣмъ больше онъ жилъ. Если нѣкоторые страдали отъ
испытаний въ супружествѣ, то другіе томились одиноче-
ствомъ, забывая, что если они были лишены радостей, за-
то не знали горестей семейной жизни. Каждая радость
отбрасываетъ тѣнь позади себя; это намъ слѣдуетъ твердо
помнить. Поппъ писалъ Мартѣ Блоунтъ изъ Твикенгема:
«Отрада, доставляемая вами вашей семьею, напомнила мнѣ
слова старика Флетчера изъ Сальтоуна: «увы, мнѣ ничего
не остается болѣе, какъ умереть! Я несчастное существо;
ни одна душа не желаетъ, чтобы я жилъ, и не боится моей
смерти! Вотъ единственная причина, заставляющая меня
раскаиваться, что я остался холостякомъ. Теперь я ста-
новлюсь старъ и похожу на дерево, не имѣющее опоры и
молодой заросли вокругъ меня для моего развлечения и за-
щиты».

Но если онъ не зналъ радостей, доставляемыхъ
дѣтьми, за то не испыталъ, что значитъ терять ихъ
въ расцвѣтѣ жизни. Когда Уэрбертонъ лишился сына,
умершаго чахоткой, то говорилъ, что потерялъ половину
своей души, и съ тѣхъ поръ его умственныя способности
стали приходить въ упадокъ. То-же было и съ Боркомъ,
похоронившимъ сына, многообѣщавшаго юношу. Передъ
смертью онъ съ большимъ чувствомъ прочелъ отцу велико-
лѣпныя строки изъ «Утренняго гимна» Мильтона:

Вы, вѣтры, дующіе со всѣхъ четырехъ странъ свѣта,
Восхвалите Господа тихимъ или громкимъ голосомъ; вы,
сосны,

Склоните свои вершины въ знакъ благоговѣнія.

Когда онъ произносилъ послѣднее слово, силы внезапно

оставили его. Свѣтильникъ, пылавшій такъ ярко, неожиданно угасъ. Умирающій покачнулся, упалъ на руки отца и испустилъ духъ. Горе Борка было ужасно и онъ не долго пережилъ своего сына. По примѣру Джонсона и Уордсвортса, его послѣдними словами были: «Да благословить васъ Господь».

Мы до извѣстной степени отрѣшаемся отъ жизни страданіемъ, мягкимъ давленіемъ печали. Нѣкоторыя души имѣютъ потребность грустить и, не находя къ тому дѣйствительного повода, придумываютъ его. Отсюда поклоненіе печали у Гёте въ «Вертерѣ», скорбь Руссо въ его книгѣ «Утѣшенія въ несчастіяхъ моей жизни», «алканіе вѣчности» Кольриджа, меланхолія Шатобриана въ его «Ренэ» и стремленіе Китса «облегчить бремя этой тайны». Даже Лютеръ при его жизнерадостной натурѣ, сдѣлавшись «старымъ, безстрастнымъ, полуслѣпымъ», какъ онъ описывалъ самъ себя, боролся съ мрачнымъ настроениемъ, угнетавшимъ его къ концу жизни. «Я нерадивъ, утомленъ и равнодушенъ,—говорилъ онъ, —иными словами, старъ и бесполезенъ. Я окончилъ свое странствіе, и Господу остается только соединить меня съ моими предками... Я усталъ отъ жизни, если только это можетъ быть названо жизнью».

Грустно умирать молодымъ, но еще грустнѣе пережить всѣхъ близкихъ и сойти въ могилу, когда она поглотила уже все привлекательное въ жизни. Для такого человѣка смерть есть лучшій даръ, чѣмъ продолженіе жизни. Даже языческій писатель описывалъ смерть, какъ врата въ новую жизнь; для христіанина же она есть порогъ небеснаго отечества. Осома Кемпійскій говоритъ: «Истинно, жизнь христіанина есть крестъ, однако, она есть также проводникъ въ рай». Многіе, прожившіе съ удовольствіемъ жизни, разстаются съ нею безъ сожалѣнія и отходять съ миромъ. Старость незамѣтно подкрадывается къ вамъ, хотя и есть счастливыя натуры, которыя, повидимому, никогда не старѣютъ, вѣчно оставаясь молодыми душою. Въ жизни

чредуются весна, лѣто, осень и зима, и каждая пора прекрасна по своему: весна есть время радости и расцвѣта; лѣто—время силы и пышнаго цвѣтения; осень—изобильного плодородія, а зима—зрѣлости. Природа безпрестанно обновляется и повсюду возмѣщаетъ убыль. Счастье или бѣдствіе въ старости есть только осадокъ прошлой жизни. Сидней Смитъ съ восторгомъ повторялъ чудное двустишие Уоллера:

Темная хижина души, согбенная и развалившаяся,
Пропускаетъ новые лучи свѣта черезъ трещины, сдѣ-
ланныя временемъ.

Сидней Смитъ былъ однимъ изъ самыхъ веселыхъ людей. Въ семьдесятъ пять лѣтъ онъ писалъ: «Въ общемъ, я счастливый человѣкъ: я находилъ этотъ міръ весьма интереснымъ и благодаренъ Провидѣнію за свой жребій». Однако ему случалось порою жестоко страдать. Одному изъ лицъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ, этотъ весельчакъ писалъ, что чувствуетъ себя настолько хорошо, насколько это возможно для человѣка, одержимаго тремя роковыми болѣзнями *). До самаго конца онъ не могъ удержаться, чтобы не подшучивать надъ своими недугами. Въ послѣднемъ письмѣ къ леди Карлисль, говоря о своемъ разру-

*.) На семьдесятъ первомъ году онъ писалъ графинѣ Карлисль: «Я чувствую себя довольно хорошо, если не считать подагры, удушья и боли во всѣхъ костяхъ и мышцахъ. Вотъ странная болѣзнь эта подагра! При ней желудокъ какъ будто проваливается въ ноги. Малѣйшее уклоненіе отъ правильной діэты карается хромотой и уѣвѣчью; ни въ чёмъ невинная щиколотка и безупречная ступня подвергаются нытьѣ за пороки болѣе благородныхъ органовъ. Желудокъ, найдя этотъ легкій способъ, отдѣляется отъ неудобствъ, становится жестокимъ деспотомъ и наказываетъ за малѣйшее неуваженіе. Кусокъ плумпудинга, бокалъ шампанскаго, излишекъ радости, излишекъ горя—всякій проступокъ, даже чихотный, ведетъ къ краснотѣ, опухоли и широкимъ туфлямъ».

шающемся организме, онъ писалъ: «Если вы услышите о шестнадцати или восемнадцати фунтахъ человѣчьяго мяса, имѣющихъ способность движенія, знайте, что они принадлежать мнѣ. Я имѣю такой видъ, какъ будто изъ меня вытащили викарія».

Историкъ Уильямъ Тайтлеръ наслаждался мирной и счастливой старостью. У него былъ готовый рецептъ для своихъ друзей, желавшихъ достичь того-же блага: «короткія, но веселыя трапезы, музыка и чистая совѣсть». Когда графа Нессельроде спрашивали, чему онъ обязанъ своей крѣпостью въ преклонныхъ лѣтахъ, то онъ отвѣчалъ: «цѣвѣтамъ и музыкѣ». Чарльзъ Лембъ, напротивъ, ничего не смыслилъ въ музыкѣ. Онъ говорилъ, что различаетъ только два мотива: одинъ изъ нихъ «Боже, храни короля», въ другомъ же соединяется для него вся прочая музыка. Однажды на музыкальномъ вечерѣ у Лей-Гента ему такъ надоѣло то, что онъ называлъ «продолжительнымъ гамомъ», что Лембъ сказалъ: «Еслибы мнѣ дали хоть кружку портера, я, пожалуй, вытерпѣлъ бы это». Его желаніе исполнили, и гость успокоился.

Сердечной отрадой въ старости служило для Эйлера, посль потери зрѣнія, веселое общество внуковъ, а лучшимъ отдыхомъ отъ напряженныхъ умственныхъ занятій—преподаваніе имъ первыхъ началь знанія. Д-ръ Робисонъ, подобно Эйлеру, находилъ величайшее удовольствіе въ обществѣ маленькаго внука. «Миѣ безконечно пріятно,—пи-салъ онъ Джемсу Уатту,—наблюдать за развитіемъ этой маленькой души со всѣми безчисленными инстинктами, которыkhъ я прежде не замѣчалъ. Спасибо французскимъ теоретикамъ за то, что они насилино направляли мое вниманіе на перстъ Божій, открываемый мною въ каждомъ порывѣ и въ каждой прихоти ребенка. Все это служить охраной его жизни, роста и силы. Жаль, что я не имѣю досуга сдѣлать единственнымъ предметомъ моего изученія вѣтво и развитіе его способностей». Два года спустя

д-ръ Робисонъ былъ похищенъ смертью у его маленькаго товарища.

Д-ръ Блэкъ, почтенный профессоръ химії въ Эдинбургѣ, человѣкъ мягкой и прекрасной души, терпѣливо ожидалъ послѣдняго удара своего пульса. Онъ умеръ, сидя въ креслахъ, и отошелъ въ вѣчность такъ мирно и покойно, что чашка съ разбавленнымъ молокомъ, стоявшая у него на колѣняхъ, даже не расплескалась. Ему шелъ тогда семьдесятъ второй годъ. Впрочемъ, это нельзя даже назвать смертью, то былъ просто незамѣтный переходъ въ лучшій міръ. Такъ же спокойна была кончина д-ра Генри, историка, дожившаго до семидесяти двухъ лѣтъ. Онъ жилъ близъ Стирлинга, когда написалъ одному молодому другу, сэру Гарри Монкрейфу, въ Эдинбургѣ, прося его немедленно пріѣхать. Въ письмѣ говорилось: «Мнѣ необходимо сдѣлать нечто на этой недѣлѣ, мнѣ надо умереть». Сэръ Гарри немедленно пріѣхалъ и нашелъ сэра Генри ослабѣвшимъ. Однако онъ сидѣлъ въ креслахъ, разговаривалъ и дремалъ. Однажды онъ встрепенулся при стукѣ лошадиныхъ копытъ на дворѣ. «Кто тамъ?»—спросилъ больной. М-съ Генри выглянула въ окно и отвѣчала: «Это все тотъ-же нескончайный человѣкъ». Къ нимъ пріѣхалъ соседній священникъ, замѣчательный тѣмъ, что водворялся въ домъ умирающаго, однажды попавъ туда. «Не пускай его ко мнѣ»,—сказалъ докторъ. Но было уже поздно, гость вошелъ въ комнату. Генри едва успѣлъ подать незамѣтный знакъ женѣ и представился крѣпко спящимъ. Хитрость удалась, и непрошенный посѣтитель удалился. Когда подъ окнами раздался стукъ лошадиныхъ копытъ и замеръ въ отдаленіи, докторъ разсмѣялся отъ души. Онъ умеръ въ ту же ночь.

Нѣкоторые стремились къ дальнѣйшему совершенствованію даже до самой смерти. Живописецъ Никола Пуссенъ говоритъ: «По мѣрѣ того, какъ я старѣю, я все болѣе и болѣе воспламеняюсь желаніемъ превзойти самого себя и достичь высшаго совершенства». Точно такъ же Генсборо

послѣ пятидесятилѣтнаго прилежнаго упражненія въ рисованіи и живописи сказалъ: «Я только что начинаю кое-что дѣлать, а моя жизнь уходитъ». Вотъ его слова на одрѣ смерти: «Мы все идемъ на небо и Ванъ-Дикъ присоединится къ намъ». Когда Рэнъ достигъ глубокой старости и лишился употребленія ногъ, то его выносили однажды въ градъ полюбоваться соборомъ св. Павла, его великимъ твореніемъ.

Въ послѣдніе годы жизни Сервантеса заключили въ Мадридскую тюрьму, гдѣ онъ написалъ «Донъ-Кихота». Къ концу дней онъ до того обнищалъ, что у него не было даже бумаги. Онъ собираль обрывки кожи, на которыхъ царпаль свои мысли. Когда одного испанскаго гранда стали уговаривать помочь ему, онъ возразилъ: «Сохрани Богъ удовлетворять его нужды. Его бѣдность обогащаетъ міръ». Какъ будто голодъ лучше всего воспитываетъ генія! Сервантесъ умеръ, наконецъ, отъ водянки. Во время развитія болѣзни онъ приготовляль къ печати свое послѣднее произведеніе «Перселесь и Сигизмунда».

Но, какъ разсказываютъ, смерть Петера Бейля (автора «Словаря») была, пожалуй, «вполнѣ литературной». Приснувшись поутру, онъ просматривалъ корректуру, пока экономка разводила у него въ комнатѣ огонь, чтобы вскипятить кофе; когда же она подняла голову, ея проницательного хозяина уже не было въ живыхъ. Смерть просматривала его корректуры, и вычеркнула самого автора изъ числа живыхъ. Дьюгальть Стюартъ въ послѣдніе дни жизни поправляль корректуры послѣднаго полнаго изданія своихъ произведеній. Послѣдней умственной работой сэра Уильяма Томсона изъ Эдинбурга была поправка корректуръ статьи «О поэты Гейне». Вскорѣ послѣ того онъ умеръ. Его послѣдними словами были отрывокъ изъ псалма: «Кезль Твой и палица Твоя та мя утѣшиста».

Сэръ Ричардъ Стиль провелъ закатъ своихъ дней очень пріятно. Онъ удалился отъ общественной жизни въ Лон-

донъ съ подорваннымъ здоровьемъ и разстроеннымъ состояніемъ и поселился въ Лангендорѣ близъ Кермартена. Здѣсь онъ проводилъ немногіе, оставшіеся ему годы, убаюкиваемый тихимъ плескомъ волнъ, шепотомъ вѣтерковъ, пѣніемъ птицъ, и наслаждался каждымъ новымъ впечатлѣніемъ. Одинъ изъ его биографовъ говоритъ: «Мы сообщали, что онъ сохранилъ свою веселость и кротость характера до конца. Онъ часто приказывалъ выносить себя на воздухъ въ солнечные вечера, когда деревенскіе парни и девушки собирались для своихъ игръ, и выдавалъ лучшимъ танцорамъ собственноручныя записки карандашомъ, по которымъ они получали отъ его агента, торговца красивымъ товаромъ, новое платье».

Адамъ Смитъ на закатѣ жизни находилъ большое наслажденіе въ перечитываніи трагедій Эвріпіда и Софокла. У него была превосходная библиотека и онъ щеголялъ только своими книгами. На одрѣ смерти Смитъ выражалъ, между прочимъ, пламенное желаніе, чтобы восемнадцать томовъ *in folio*, содержащихъ его размышленія, были уничтожены. Со стороны мысль Инчбольдъ было весьма благородной чертою, что она дважды отказывалась отъ тысячи фунтовъ стерлинговъ за свои «Мемуары», составлявшіе всего четыре тома. Несмотря на стѣсненные средства, она не соглашалась продавать своихъ талантовъ за деньги. Опасаясь, что ея воспоминанія, попавъ въ печать, могутъ причинить непріятности и горе некоторымъ лицамъ, она передъ смертью бросила ихъ въ огонь. Это былъ самоотверженный поступокъ въ сравненіи съ образомъ дѣйствій другихъ авторовъ, которые оставляютъ миру ядовитое наслѣдіе въ видѣ своихъ воспоминаній, оскорбляющихъ дружбу, довѣріе и даже приличіе. Д-ръ Джонсонъ отзывался съ большимъ презрѣніемъ объ одномъ писателѣ, который написалъ неуклюжее сочиненіе противъ религіи и нравственности; у него не хватило духу издать эту вещь при жизни, но онъ продалъ ее книгоиздателю для

того, чтобы она была напечатана послѣ его смерти. Архиепископъ Тиллотсонъ имѣлъ у себя въ библіотекѣ полку съ книгами въ богатыхъ раззолоченныхъ переплетахъ. «Кто эти любимые авторы?»—спросилъ его одинъ изъ друзей. «Это,—отвѣчалъ епископъ,—мои личные друзья, а что всего важнѣе, я сдѣлалъ ихъ своими друзьями, потому что они открыто были моими недругами; изъ нихъ я извлекъ больше пользы, чѣмъ изъ совѣтовъ моихъ лучшихъ, сердечныхъ друзей». Послѣ смерти Тиллотсона была найдена связка брошюръ, на которой онъ написалъ: «Это пасквили; молю Бога простить ихъ авторовъ, какъ я ихъ прощаю». Только тогдѣ умѣеть побѣждать, кто умѣеть прощать.

Вполнѣ естественно, что люди, удрученные недугомъ, желають поскорѣе умереть. Страданія и неспособность къ труду, постепенная утрата надеждъ и уменьшеніе жизненныхъ наслажденій, а также сознаніе неизбѣжности конца заставляютъ людей при такихъ условіяхъ привѣтствовать смерть, какъ избавительницу. Въ своей автобіографіи Уильямъ Геттонъ говоритъ: «Чѣмъ ближе могила, тѣмъ меныше ужаса; здоровый боится смерти, а больной нѣть, потому что міръ потерялъ уже для него всякую прелестъ, а будущее не страшитъ его болѣе».

Когда человѣкъ молодъ и стремится еще къ осуществленію своихъ плановъ, ему тяжело умирать. Онъ питаетъ надежды, его ободряютъ друзья, онъ старается жить. Когда Дэвидъ Скоттъ, членъ шотландской королевской академіи, неутомимо совершенствовался въ своемъ искусствѣ, его постигла роковая болѣзнь. Братъ художника старался ободрить его надеждой на выздоровленіе. «Нѣть,—отвѣчалъ Скоттъ,—этого не можетъ быть; это было бы слишкомъ большой наградой, страшно огромнымъ благомъ—вновь наслаждаться жизнью и здоровьемъ, послѣ того, что я испыталъ: быть больнымъ, заглянуть во мракъ могилы и вернуться опять къ яркому сіянію жизни! Много нужно времени, чтобы научиться жить и работать». Скоттъ не по-

правился, онъ умеръ сорока трехъ лѣтъ. Грильпарцеръ въ своей трагедіи «Сафо» говоритъ:

Жить есть все-таки самая высокая цѣль жизни,
Искусство же, бѣдное искусство, должно быть
вѣчно обречено на то,
Чтобъ вымаливать, какъ нищій, о насиропер-
женіи жизни.

Со стариками бываетъ совсѣмъ наоборотъ. Ихъ трудъ уже оконченъ, поприще пройдено, и жизнь для нихъ большие не радость, а тяжкое бремя. Аббатъ Сент-Пьеръ говорилъ, что смерть представляется ему въ видѣ загородной прогулки. Бенстерь называлъ ее «разлукой съ несноснымъ спутникомъ» или «освобожденіемъ отъ обуви, которая жметъ ногу». Докторъ Гертгорнъ смотрѣлъ на этотъ предметъ практическа. Когда онъ удалился отъ занятій и предался бездѣлю, то началъ хирѣть, потомъ хворать и наконецъ приблизился къ смерти. «Я очень этому радъ,—говорилъ онъ,— мнѣ надоѣло вѣчно натягивать и снимать сапоги». Н. В. Гоголь, одинъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей, говорилъ передъ самой кончиной: «Ахъ, еслибы люди знали, какъ отрадно умирать, они не боялись бы смерти!» Бѣдные Чарльзъ Лембъ и Томасъ Гудъ, какъ рассказываютъ, часто жаждали избавиться отъ бремени жизни. Тѣмъ не менѣе, это не помышдало имъ обоимъ быть весельчиками и юмористами. Юморъ Лемба какъ будто исходилъ отъ остраго, почти нестерпимаго, но сладостнаго представления о томъ контрастѣ, который существуетъ между ничтожностью результатовъ жизни и ея страшной и чудесной таинственностью. Его шутливость напоминала часто иронію Гамлета надъ черепомъ Іорика. Этотъ несчастный былъ подверженъ жестокимъ физическимъ страданіямъ. Въ 1833 году онъ писалъ: «Кашель и судорога сдѣались моими ночными товарищами. Мы спимъ втроемъ въ постели». «Нѣкоторыя лица,—говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—ни-

чего не имѣютъ противъ больныхъ людей; я откровенно признаюсь, что ненавижу ихъ». «Otiosa eternitas» послѣдняго времени его жизни, какъ выразился его другъ Прокторъ, закончила переселеніемъ въ лучшій мірь 27-го декабря 1839 года, когда ему шелъ пятьдесятъ девятый годъ.

То же самое происходило и съ Томасомъ Гудомъ. Его смѣхъ вырывался изъ страждущей души. Его гениальные труды были средствомъ для этого страдальца отвлечь свой умъ отъ болѣзни и безотрадныхъ обстоятельствъ въ болѣе счастливый воображаемый мірь, чтобы возстановить равновѣсіе своихъ умственныхъ силъ. Почти вся его короткая жизнь прошла въ попыткахъ ускользнуть отъ смерти, потому что Гудъ былъ принужденъ заботиться кромѣ себя еще и о другихъ. Вотъ, какъ онъ самъ описываетъ свое положеніе:

Мнѣ надобла кашица и строгая діэта,
Мнѣ надобли пилюли, а еще того хуже — рвотный,
Мнѣ надобло замедленіе или ускореніе пульса,
Мнѣ надобла кровь съ ея разжиганіемъ и согущеніемъ,
Однимъ словомъ, мнѣ надобло хворать.

Наконецъ его пожизненный недугъ завершился смертью на сорокъ шестомъ году. Поэтъ не могъ печалиться о концѣ такого страдальческаго существованія. Къ нему примицимо то, что сэръ Уильямъ Темплъ сказалъ о человѣческой жизни вообще: «Когда все сдѣлано, то жизнь даже величайшихъ и лучшихъ людей уподобляется капризному ребенку, котораго нужно немногого позабавить и посыпать, пока онъ не задремлетъ; тогда всякая забота о немъ кончается».

Въ сущности смерть не особенно страшитъ людей. Они жертвуютъ своей жизнью на полѣ сраженія, подобно тому, какъ древніе гладіаторы жертвовали ею для погребальныхъ римлянъ. Люди рискуютъ своей жизнью на охотѣ или на морѣ, гдѣ одна тонкая доска отдѣляетъ ихъ отъ смерти. «Нѣть

страсти въ человѣческой душѣ, настолько слабой, — говорить Бэконъ, — которая не могла бы обуздать и преодолѣть страха смерти... Умереть — такъ же естественно, какъ и родиться. Человѣкъ, умирающій за какимъ-нибудь серьезнымъ дѣломъ, подобенъ раневому въ жаркой схваткѣ, который сгоряча не чувствуетъ боли; вотъ почему душа, направлennая и устремленная къ чему-нибудь хорошему, отдаляется отъ себя смертныя муки; кромѣ того, повѣрьте, вѣтъ отраднѣе словъ, какъ «нынѣ отпущающіи», когда человѣкъ достигъ послѣднихъ достойныхъ результатовъ и цѣлей. Смерть имѣть еще одно свойство: она открываетъ врата къ доброй славѣ и заставляетъ умолкнуть зависть».

Сэръ Бенжаменъ Броди, имѣвшій глубокія познанія о жизни и смерти, говорилъ, что при всемъ его многолѣтнемъ опыте онъ никогда не замѣчалъ въ другихъ страха смерти, за исключеніемъ двухъ случаевъ. Какъ въ первомъ изъ нихъ, такъ и во второмъ человѣкъ умеръ отъ кровоизліянія, котораго нельзя было остановить. Постепенная потеря крови вызывала нравственное угнетеніе, которое очень тяжело дѣйствовало на окружающихъ и навело сэра Бенжамена на мысль, что Сенека, открывшій себѣ жилы въ ваннѣ, избралъ самый ужасный родъ смерти.

Природа устроила только одну дверь въ жизнь, но сто путей изъ жизни. Она даетъ намъ бытіе и даетъ на храненіе ключи нашей жизни. Однако, различныя случайности своимъ вмѣшательствомъ лишаютъ насъ возможности уберечь ихъ. Такъ греческій поэтъ Эсхилъ, по преданію, былъ убитъ орломъ, уронившимъ черепаху на его голову, чтобы разбить ее: онъ привилъ лысый черепъ пѣвца за камень. Лакедемонскій юноша, походившій на великаго Гектора, былъ раздавленъ до смерти народомъ, который живулся смотрѣть на него, услышавъ объ этомъ сходствѣ.

Виноградное зернышко заставило смолкнуть пѣсни Анакреона. Вильгельмъ Завоеватель умеръ отъ горячей

золы. Вильгельмъ III переселился въ иной міръ изъ-за того, что его лошадь споткнулась о кочку надъ кротовой норой. Смерть сэра Роберта Поля, была вызвана паденiemъ на неровной мостовой. Ляфатерь умеръ въ Цюрихѣ отъ огнестрѣльной раны, полученной въ то время, когда онъ подавалъ помощь другимъ раненымъ. Мольеръ былъ унесенъ со сцены умирающимъ; онъ упалъ замертво, исполняя роль въ своемъ «Миномъ больномъ». Эндрю Марвель умеръ, присутствуя на собраніи своихъ избирателей въ Гуллѣ. Брюсъ, путешественникъ по Абиссиніи, прошедший невредимо черезъ множество опасностей, упался, свалившись съ лѣстницы въ своеемъ домѣ въ Киннердѣ въ Стирлингширѣ, когда любезно провожалъ одну гостью до кареты. Капитанъ Спикъ, путешественникъ, открывшій истоки Нила и преодолѣвшій тысячи опасностей, нечаянно выстрѣлилъ въ себя, перелѣзая черезъ изгородь въ Девоншире, и тутъ же изошелъ кровью, свалившись у каменной ограды. Одинъ доблестный мореплаватель, три раза объѣхавшій вокругъ свѣта, утонулъ на переправѣ между Собачьимъ островомъ и Гринвичемъ. Капитанъ Гаррисонъ, первый командиръ громаднаго океанскаго парохода Гретъ-Истернъ, въ теченіе многихъ лѣтъ преодолѣвшій бури Атлантическаго океана, утонулъ, перебежкая со своего корабля на берегъ въ маленькой шлюпкѣ въ Соутгемптонской бухтѣ. Фонъ-Энзе, воинъ и писатель, заслужившій чинъ прапорщика на полѣ битвы подъ Ваграмомъ и сражавшійся подъ знаменами Наполеона во времена континентальныхъ войнъ, оставилъ здравъ и невредимъ среди всевозможныхъ опасностей, но умеръ, играя въ шахматы съ своей маленькой племянницей. При этомъ онъ откинулся назадъ въ своеемъ креслѣ и воскликнулъ: «Я проигралъ!»

Кремалій Кордій умеръ съ голоду. Отвѣй, какъ говорятъ, подавился кускомъ хлѣба, который пожиралъ съ торопливой жадностью. Севеджъ умеръ въ тюрьмѣ. Две знаменитыхъ де-Виттовъ были умерщвлены своими политиче-

скими врагами. Коцебу былъ убитъ. Кондорсѣ, приговоренный къ изгнанию жиравистами, отравился, чтобы избѣжать ареста. Лавуазье былъ приговоренъ къ гильотинѣ. Великія заслуги передъ наукой не спасли его; суды сказали: «Республика не нуждается въ философахъ». Петrarка былъ найденъ мертвымъ, какъ это и подобало, въ его библіотекѣ, съ головой, поконившейся на открытой книгѣ. Тассо былъ похищенъ горячкою въ день, назначенный для его торжественного вынчанія въ римскомъ Капитоліѣ, и въ тотъ же вечеръ похороненъ въ церкви св. Онуфрія.

Нѣкоторые мнимо-умершіе бывали погребены слишкомъ послѣшно въ старинныя и даже въ позднѣйшія времена. Датскій врачъ Винслофъ, прожившій до девятидесяти одного года, дважды подвергался опасности быть погребеннымъ заживо въ состояніи мнимой смерти. Это обстоятельство понудило его написать известное сочиненіе «О признакахъ достовѣрной и сомнительной смерти», которое было переведено на французскій языкъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во французскій сенатъ была подана петиція объ измѣненіи законовъ, касающихся погребенія умершихъ. До тѣхъ поръ между смертью и погребеніемъ назначался промежутокъ лишь въ одни сутки. Кардиналъ Доннэ, поддерживая эту петицію, привелъ въ примѣръ одного молодого священника, который лишился чувствъ во время проповѣди. Въ дѣйствительности это былъ онъ самъ, и только преданность одного друга спасла его отъ ужасной участіи быть похороненнымъ заживо *). Пренія по этому вопросу

*) Пренія по этому вопросу происходили въ французскомъ сенатѣ въ февралѣ 1865 года. Необычайное приключение кардинала Доннэ произвело сильное впечатлѣніе на палату и публику. Вотъ сущность его разсказа: «Въ 1826 году, подъ вечеръ знѣнаго лѣтнаго дня, молодой священникъ упалъ въ обморокъ во время проповѣди. Проходили часы,—онъ не подавалъ признаковъ жизни. Деревенскій докторъ призналъ его мертвымъ, освѣдомился о его лѣтахъ, мѣстѣ рожденія и подписалъ погребальное свидѣтельство. Епископъ, въ себорѣ которого молодой священникъ совершаѣтъ богослуженіе, при-

такъ сильно подѣйствовали на знаменитаго Мейербера, котораго неотступно преслѣдовалъ страхъ быть погребеннымъ въ летаргическомъ снѣ, что' этотъ композиторъ оставилъ подробныя распоряженія на случай своей смерти во избѣжаніе подобной катастрофы.

Поэтъ Эдмундъ Смитъ умеръ отъ лѣкарства, которое прописалъ себѣ самъ. Маккавелли также умеръ отъ дѣйствія какого-то лѣкарства. Смерть Вольтера послѣдовала отъ слишкомъ сильного приема опіума. Эдгаръ Алланъ Поѣ былъ подобранъ на улицѣ въ состояніи опьяненія и перенесенъ въ больницу, гдѣ умеръ тридцати восьми лѣтъ. Смерть Стерна была не менѣе грустной. Хотя онъ хвастался безчисленнымъ множествомъ друзей, но вслѣдствіи впаль въ бѣдность и умеръ въ убогихъ меблированныхъ комнатахъ. На приходское кладбище въ Тиборнѣ его провожали наемные плакальщики; могила была отмѣчена кладбищенскими ворами. Они вынули изъ нея прахъ писателя и продали кембриджскому профессору Каливону для анатомическихъ занятій студентовъ. Увы! бѣдный Йорикъ! Впрочемъ, Джереми Бентамъ самъ завѣщалъ вскрыть свое тѣло въ интересахъ науки.

Караваджіо и Тиціанъ сдѣлались жертвами гнуснаго

быть на мѣсто и прочиталъ *De profundis*. Гробовщикъ снялъ мѣрку съ минимаго трупа. Въ глухую полночь молодой другъ священника, услыхавъ о происшедшемъ, пришелъ проститься съ покойникомъ. Знукъ знакомаго голоса подѣйствовалъ, какъ электрическій ударъ, па минимо-умершаго, и онъ очнулся, сдѣлавъ надъ собою сверхъ-естественнное усиленіе. На слѣдующій день молодой священникъ былъ опять на своей каѳедрѣ; *теперь же, господа, онъ находится среди васъ..* (сильное волненіе).—И вотъ, сорокъ лѣтъ спустя послѣ этого происшествія, онъ умоляетъ васъ не только распорядиться о принятіи усиленныхъ предосторожностей въ примѣненіи существующаго закона, но и хлопотать о томъ, чтобы были введены новые предохранительныя мѣры для предотвращенія непоправимыхъ несчастій». Въ результатѣ этихъ необычайныхъ дебатовъ было значительное увеличеніе обязательнаго срока между смертью и погребенiemъ.

насилія убійць и грабителей. Полидоро да-Караваджіо собралъ значительную сумму денегъ въ Мессинѣ и хотѣлъ вернуться съ нею въ Римъ, но передъ отъездомъ нѣсколько убійць при посредствѣ слуги проникли въ домъ и закололи его соннаго. Тиціанъ, старецъ девятидесети девяти лѣтъ, заболѣлъ моровой язвой; пользуясь безпомощностью своего господина, слуги ограбили его и оставили умирать одного. Не такова была кончина Леонардо да-Вінчи. Онъ поступилъ на службу къ французскому королю Франциску I и имѣлъ отдельное помѣщеніе въ его дворцѣ въ Фонтенебло. Однажды, когда Францискъ случайно зашелъ навѣстить художника въ его комнату, съ тѣмъ сдѣлался жестокій припадокъ сердечной болѣзни, и несчастный умеръ на рукахъ короля.

Необъяснимой страстью къ погребальнымъ церемоніямъ отличались всѣ испанскіе короли австрійскаго дома. Они предвкушали покой могилы и какъ будто жаждали смерти. Карль V послѣ своего отреченія отъ престола захотѣлъ присутствовать на своемъ собственномъ отпѣваніи. Сынъ его Филиппъ II незадолго до смерти надѣлъ свою корону на черепъ. То былъ самый жестокій и несчастный человѣкъ; онъ неумолимо преслѣдоваль голландцевъ и задумалъ сооруженіе Священной Армады. Никто не видалъ этого государя веселымъ и смѣющимся, исключая того дня, въ который пришло извѣстіе о кровопролитіи Вареоломеевской ночи, когда на улицахъ Парижа было умерщвлено свыше пяти тысячъ жителей всѣхъ сословій. Говорятъ, что впослѣдствії Филиппъ II умеръ отъ *morbus pediculosus* (вшая болѣзнь).

Испанскій король Филиппъ IV ложился въ нишу, пред назначенную для его останковъ въ Пантеонѣ. Карль IV спускался въ мавзолей, въ которомъ покоились умершіе короли Испаніи, открывалъ ихъ гробы и смотрѣлъ на ихъ изсохшія лица и набальзамированныя, обвитыя павошеніемъ полотномъ тѣла, которые разсыпались прахомъ при

малѣйшемъ прокосновеніи. «Несомнѣнно,—говорить одинъ писатель въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи», — этотъ приходъ послѣдняго потомка австрійскаго дома въ Пантеонъ Эскуриала, это блужданіе полумертваго короля между останками своихъ предковъ есть одинъ изъ самыхъ странныхъ историческихъ фактовъ».

Нѣкоторые сіали радостью, умирая въ моментъ побѣды. Мулей-Молукъ воспрянулъ со смертнаго одра для того, чтобы предводительствовать въ битвѣ, и когда сраженіе было имъ выиграно, внезапно умеръ. Дракъ скончался въ виду Портобелло, который онъ осаждалъ и взялъ приступомъ. «Волны сдѣлались его саваномъ, а воды могилой». Когда доблестный сэръ Гемфри Джильбертъ шелъ ко дну съ своимъ кораблемъ, то сказалъ: «Дорога на небо одинаково коротка какъ водою, такъ и сухимъ путемъ». Адмираль Блэкъ умеръ въ виду Англіи, возвращаясь съ побѣды. Нельсонъ скончался на аренѣ своей знаменитѣйшей морской битвы—въ Трафальгарской бухтѣ.

Генераль Уольфъ испустилъ духъ на высотахъ Квебека, на мѣстѣ своего единственнаго большого сраженія. Когда онъ боролся со смертью, одинъ офицеръ, взглянувъ по направленію полей, воскликнулъ: «Посмотрите, какъ они бѣгутъ!»—Кто бѣжитъ?—съ живостью спросилъ Уольфъ, приподнимаясь на локтѣ. «Непріятель!»—послѣдовалъ отвѣтъ.— Ну, слава Богу! Я умираю счастливымъ.—Герой откинулся назадъ и въ ту же минуту скончался. Когда французскому генералу Монкальму объявили, что его рана смертельна, онъ замѣтилъ: «Тѣмъ лучше, я не доживу до сдачи Квебека». Сэръ Джонъ Муръ также умеръ смертью, которой всегда желалъ,—на полѣ выиграннаго имъ сраженія, въ тылу бѣгущаго непріятеля. Его предсмертными словами были: «Надѣюсь, англійскій народъ будетъ доволенъ, а мое отечество отдастъ мнѣ справедливость».

Голландскій коммодоръ Спейкъ взорвалъ на воздухъ свой корабль въ Антверпенѣ, чтобы онъ не достался въ

руки бельгийцевъ. Голландцы увѣковѣчили его доблесть картинами и статуями. Лейтенантъ Уиллугби во время мятежа въ Индіи взорвалъ на воздухъ громадный пороховой складъ въ Дэли. Этимъ онъ уничтожилъ боевые припасы, которые, попавъ въ руки возставшихъ сипаевъ, дали бы имъ возможность сопротивляться британскимъ военнымъ силамъ. При взрывѣ магазина, Уиллугби погиб геройской смертью.

Другіе ознаменовали своей смертью побѣды иного рода. Такъ между прочимъ умеръ филантропъ Говардъ въ Чертонѣ, послѣ того, какъ онъ долгіе годы воевалъ противъ порока, безнравственности и жестокости тюремной жизни. Когда Гюга Латимера готовились сжечь живымъ на кострѣ и спросили, не желаетъ ли онъ отречься отъ своихъ заблужденій, то онъ отвѣчалъ: «Я отъ всей души благодарю Бога за то, что Онъ продлилъ мою жизнь до настоящей минуты, когда я могу прославить Его этимъ родомъ смерти». Уильямъ Уильберфорсъ лежалъ на смертномъ одрѣ, когда до него дошла вѣсть о согласіи палаты общинъ принять билль, уничтожающій рабство. «Благодарю Бога,—воскликнулъ умирающій,—за то, что я дожилъ до того дня, когда Англія готова пожертвовать двадцать миллионовъ на уничтоженіе невольничества!»

Нѣкоторые вышли невредимыми изъ многихъ сраженій. Герцогъ Веллингтонъ былъ раненъ только однажды; но маркизъ де-Сегюръ часто получалъ раны, почти смертельные. Въ битвѣ при Року мушкетная пуля пронизала ему грудь и была извлечена по близости спиннаго хребта. При Ланфельдѣ рука у него была раздроблена и отнята. При Клостерамѣ ему проткнули шею штыкомъ и нанесли три сабельныхъ удара по головѣ. Работая среди приступовъ подагры въ 1790 году, онъ былъ арестованъ конвентомъ и посаженъ въ Йафорсъ. Тѣмъ не менѣе ему суждено было прожить до 1801 года и мирно скончаться семидесяти восьми лѣтъ.

Любовь къ наукѣ доходила у некоторыхъ до невѣроятныхъ предѣловъ. Архимедъ былъ убитъ простымъ воиномъ при взятіи Сиракузъ. Онъ чертилъ геометрическія фигуры на пескѣ и до того былъ поглощенъ своей задачей, что забылъ всякий страхъ смерти. Галлеръ на смертномъ одрѣ слѣдилъ за измѣненіями своего пульса. «Вотъ артерія перестаетъ биться»,—сказалъ онъ своему другу д-ру Росселю и тотчасъ испустилъ духъ. То же самое происходило съ Гриномъ, авторомъ «Сpirituалистической философіи Самюэля Тэйлора Колъриджа». Когда врачъ вошелъ къ нему въ спальню, Гринъ указалъ ему на сердце и произнесъ многоизначительно: «Застой крови». Держа себя за пульсъ, онъ слѣдилъ за его слабыми ударами—послѣдней преградой между нимъ и смертью. Наконецъ умирающій промолвилъ: «Остановился»,—и умеръ съ этимъ словомъ на губахъ.

Кювье, пораженный параличемъ, обращалъ вниманіе на свой ротъ, скосившійся на одну сторону, и говорилъ въ подтвержденіе теоріи о нервной системѣ сэра Чарльза Белля: «Это болѣзнь нервовъ воли». Реціусъ умеръ въ полномъ разгарѣ научной дѣятельности. Онъ наблюдалъ за постепеннымъ разрушеніемъ собственнаго тѣла: «Вотъ теперь умерли ноги, — говорилъ онъ,—далѣше мускулы внутреннихъ органовъ прекращаютъ свои отправленія; предсмертная борьба должна быть тяжела, но все-таки крайне интересна». То были его послѣднія слова.

Геологія также имѣть своихъ мучениковъ. Пліній Старшій погибъ жертвой своей любознательности, съ которой наблюдалъ изверженіе горы Везувія. Въ новѣйшія времена профессоръ Стрикландъ былъ убитъ, когда разслѣдовалъ геологическое строеніе желѣзнодорожного разрѣза, а д-ръ Джемсъ Брайсъ въ пылу научнаго увлеченія расшибся, изслѣдуя геологическое образованіе скалъ вблизи водопада Фойерса въ Шотландіи. Другіе погибали при географическихъ изслѣдованіяхъ: капитанъ Кукъ — на Санд-

вичевыхъ островахъ, Мунго Паркъ—въ Центральной Африкѣ, Баркъ—въ Австралии, Гарденеръ — въ Колумбіи, а сэръ Джонъ Франклінъ—въ арктическихъ областяхъ. Бенсонъ сдѣлался жертвою своей любви къ опытному знанію. Ему хотѣлось убѣдиться, нельзя ли предохранить животные субстанціи отъ разложенія при помощи снѣга и льда. Въ одинъ холодный день ранней весною 1626 года онъ вышелъ изъ своей кареты близъ Гайгета, чтобы произвести этотъ опытъ, купилъ битую птицу и набилъ ее снѣгомъ. Занимаясь этимъ, онъ почувствовалъ внезапную дрожь, которая послужила предвестникомъ смерти. Его отвезли въ домъ графа Эронделя въ Гайгетъ, где ученый и скончался недѣлю спустя. Однако до самаго конца у него не шла изъ ума курица, набитая снѣгомъ. Въ послѣднемъ письмѣ, написанномъ имъ, онъ упоминаетъ, что спыть съ нею «удался превосходно».

Дочь Дидро напечатала мемуары о своемъ отцѣ, въ которыхъ она разсказываетъ, что вечеромъ наканунѣ смерти онъ бесѣдовалъ съ друзьями о философіи и о различныхъ способахъ изучать ее. «Первая ступень къ философіи,—сказалъ онъ,—есть недовѣріе». Это характерное замѣчаніе, сдѣланное имъ, было послѣднимъ. Еще раньше Дидро одобрялъ предсмертныя слова математика Сандерсона: «Время, матерія и пространство, пожалуй, сходятся въ одной точкѣ». Послѣдними словами Лапласа были: «То, что мы знаемъ, очень незначительно, а то, чего мы не знаемъ, громадно». Это напоминаетъ слова Ньютона, что онъ всю свою жизнь только собиралъ раковины по берегу великаго океана истины.

Моцартъ умеръ, глядя на партитуру «Реквиема». Когда его глаза уже заволакивались туманомъ, онъ указалъ дрожащими пальцами на одинъ тактъ въ рукописи и какъ будто хотѣлъ воспроизвести губами особый эффектъ листавъ въ этомъ мѣстѣ, но тутъ-же впалъ въ безпамятство. Послѣдніе творческие часы Россини были посвящены со-

чиненію «Торжественной мессы», которую исполняли на его похоронахъ, а Шопенъ умиралъ подъ музыку знаменитаго «Гимна Богоматери» — Марчелла. Этотъ гимнъ, который нѣкогда спасъ на время жизнь Страделлы, исполнился въ смежной комнатѣ. То было послѣднимъ желаніемъ композитора, и прежде чѣмъ музыка смолкла, летаргія смерти овладѣла имъ. Шопеновскій похоронный маршъ исполнялся на его собственныхъ похоронахъ.

Когда натуралистъ Ласепедъ заразился злокачественной оспой и былъ близокъ къ смерти, то сказалъ своему врачу: «Я иду къ Бюффону». Гукерь на смертномъ одрѣ радовался тому, что скоро перейдетъ «въ міръ порядка». Дюлюптренъ пожелалъ наканунѣ своей смерти, чтобы ему прочли статью по хирургіи, которую онъ готовилъ къ печати. «Я хочу,—прибавилъ онъ,—дойти на тотъ свѣтъ съ новыми медицинскими новостями». Монтень умеръ, пока у его постели совершили обѣдию. Скарронъ, который вѣль безнужную жизнь кутежей и разврата, хотя былъ духовнымъ лицомъ и каноникомъ, сказалъ передъ смертью: «Я никакъ не предполагалъ, что смерть такая легкая штука». Подобно Скаррону, Раблѣ, также принадлежавшій къ духовному ѣванію, не могъ удержаться отъ шутокъ въ своей смертный часъ. Послѣдними словами вѣтренаго маршала де-Сакса были: «Сновидѣніе было кратко, но прекрасно»; онъ умеръ пятидесяти четырехъ лѣтъ. Эдуардъ Кокъ умеръ восьмидесяти двухъ лѣтъ и произнесъ, умирая: «Да придетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя». Когда Гердеръ былъ близокъ къ смерти, то высказалъ сыну великую мысль, что между тѣмъ какъ смертная тьма сгущается вокругъ него, онъ чувствуетъ близость лучшей безкощечной жизни и не гаснущаго свѣта. Но по большей части люди ничего не думаютъ, переступая порогъ вѣчности. Смерть походитъ на сонъ. Прекращеніе дѣятельности дыхательныхъ органовъ есть единственный замѣтный источникъ томленія для умирающаго, но даже и это

чувствуется имъ въ слабой степени. Дыханіе становится все тише и тише и потомъ безболезненно прекращается. Сэръ Генри Гольфордъ говорилъ, что изъ большого числа лицъ, при кончинѣ которыхъ онъ присутствовалъ по своей профессиональной обязанности, къ его немалому удивленію, лишь немногіе упорно цѣплялись за жизнь, не желая идти «въ невѣдомую страну, откуда неѣтъ пришельцевъ». «Теперь я засну»,—сказалъ умирающій Байронъ. «Счастливъ»,—было послѣднимъ, еле слышимъ восклицаніемъ Линдгёрста, когда онъ засыпалъ навѣки.

На самомъ дѣлѣ, когда болѣзнь разрушила организмъ, умереть не тяжелѣе, чѣмъ уснуть. «Подобно часамъ, истощеннымъ всепожирающимъ временемъ, колеса усталой жизни наконецъ останавливаются».

Хотя по виѣности черты умирающаго выражаютъ иногда жестокое томленіе, но близкіе люди могутъ утьщиться увѣренностью, что когда наступаетъ перемѣна, ведущая къ смерти, всякое страданіе уже прекращается. Мышечныя сокращенія и судороги уже не зависятъ отъ чувства и являются чисто бессознательными актами. Смерть есть легчайшее отдѣленіе жизни отъ вещества. Во многихъ случаяхъ, если не всегда, она сопровождается ощущеніемъ, описаннымъ въ прекрасныхъ стихахъ Спенсера: «Сонъ послѣ труда, пристань послѣ морскихъ бурь, отдыхъ послѣ войны, смерть послѣ жизни приносить большую отраду».

Впрочемъ, въ моментъ смерти происходить иногда мгновенное возбужденіе ума, когда онъ быстрымъ взглядомъ окидываетъ прошедшее и обнаруживаетъ победу духа надъ матеріей въ минуту ихъ окончательной разлуки. Умъ вспыхиваетъ, подобно потухающей свѣтильнѣ въ лампѣ, и послѣдній вздохъ умирающаго часто проливаетъ поразительный свѣтъ на его прошлое. Физіология доказываетъ намъ, что это сверхъестественное возбужденіе ума въ такую минуту болѣе всякаго иного умственнаго состоянія походитъ на сонъ; однако, идея, пробѣгающая въ это время

въ мозгу, какъ будто вызываются до извѣстной степени внѣшними обстоятельствами. Такъ, одинъ знаменитый судья, видя ощепаленныхъ родныхъ, собравшихся вокругъ его смертного одра, приподнялся на нѣсколько мгновеній съ подушечкой и произнесъ съ своимъ обычнымъ достоинствомъ: «Господа присяжные, вы сейчасъ убѣдитесь...»—затѣмъ откинулся назадъ и испустилъ духъ.

Между замѣчательными послѣдними мыслями великихъ людей слѣдуетъ привести мысль Гёте. Онъ привстаетъ, чтобы выйти на воздухъ и полюбоваться утреннимъ солнцемъ, но рука смерти опускается на него; поэтъ откидывается на спинку дивана, шепчетъ: «Свѣта, больше свѣта!»—и переходитъ въ загробную жизнь. Больше свѣта! Эта мольба угасающаго гѣнія облетаетъ весь міръ. При исходѣ продолжительной болѣзни Шиллера одинъ изъ друзей спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ. «Все спокойнѣе и спокойнѣе»,—быть его отвѣтъ. Немного спустя, умирающій поднялъ глаза и произнесъ: «Многое становится для меня все яснѣе и яснѣе»—и тутъ чистая, благородная душа поэта перешла въ лучшій міръ. Китса передъ смертью спросили, какъ онъ себя чувствуетъ. «Лучше, мой другъ,—отвѣчалъ онъ,—я чувствую, какъ надо мной вырастаютъ маргаритки». Яркое солнечное сіяніе заливало комнату, где умиралъ Гумбольдтъ, и, какъ говорятъ, послѣднія его слова, обращенные къ племянницѣ, были: «Какъ величественны эти лучи! Они какъ будто манятъ землю къ небесамъ!» Когда сынъ Фихте приблизился къ нему съ лѣкарствомъ въ его послѣдніе минуты, онъ сказалъ: «Брось это, мнѣ не надо больше лѣкарствъ, я чувствую себя хорошо». «Пора на отдыхъ»,—сказалъ, умирая, Жанъ-Поль Рихтеръ.

Къ достопамятнымъ словамъ великихъ людей, сказаннымъ на одрѣ смерти, надо причислить слова Джонсона: «Желаю вамъ всякаго благополучія!» Сэръ Вальтеръ Скоттъ, умирая, говорилъ своему зятю: «Будь добродѣтельенъ, будь набоженъ и добръ; ничто другое не

дастъ тебъ спокойствія, когда ты будешь лежать такъ же, какъ я теперь». Когда палачъ сказалъ сэру Вальтеру Ралею, чтобы онъ легъ на плаху головой къ востоку, онъ возразилъ: «Не все-ли равно, какъ лежить голова, было бы сердце на мѣстѣ!» Цицеронъ говорить, что смерть застигла Платона восьмидесяти двухъ лѣтъ, когда онъ сидѣлъ за письмомъ. Луканъ умеръ, декламируя стихи изъ своей «Фарсаліи». Роскоммонъ произнесъ въ минуту смерти два стиха изъ своего перевода «Dies iغا». Гердеръ заключилъ свою карьеру одой къ божеству, при чёмъ его перо остановилось на послѣдней строчкѣ. Тихо де-Браге много разъ повторилъ въ бреду предсмертной агоніи: «*Ne frustra vixisse videar*», выражая тѣмъ надежду, что онъ жилъ не напрасно. Послѣдними, чутъ слышными словами Абеляра были: «Я не знаю»,—какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ, поднятый еще задолго до его времени: «Что я знаю?» Когда король датскій Фридрихъ II приближался къ смерти, докторъ щупалъ его пульсъ. «Пускай пульсъ бьется, какъ можетъ,—замѣтилъ умирающій государь,—мы знаемъ, что милосердіе Божіе пребываетъ вѣчно». Когда умирающаго Исаака Уатса спросили, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣчалъ: «Я ожидаю позволенія Божія умереть»,—и въ этомъ мирномъ настроеніи испустилъ духъ семидесяти четырехъ лѣтъ. Послѣднія слова д-ра Эндрю Комба были: «Счастливъ, счастливъ!» Датскій поэтъ Эленшлегерь, чувствуя приближеніе смерти, попросилъ сына прочесть ему вслухъ то мѣсто изъ его собственной трагедіи «Сократъ», гдѣ греческій мудрецъ говорить о бессмертіи души. Онъ высказался, что убѣжденье въ этомъ болѣе, чѣмъ когда-либо, и испустилъ духъ. Многія предсмертныя мысли знаменитыхъ воиновъ и государственныхъ людей сохранились въ исторіи. Краснорѣчіе было величіемъ, но не величайшимъ изъ достоинствъ Перикла; умрия, онъ говорилъ, что считаетъ для себя величайшей честью то обстоятельство, что «ни одинъ афинянинъ че-

ресь него не облекался въ трауръ». Предсмертныя слова короля датскаго Фридриха V были: «На моихъ рукахъ нѣть ни капли ирови». Наполеонъ, черезъ котораго груды человѣческихъ тѣлъ покрывали поля сраженій, былъ занятъ помыслами о войнѣ до конца жизни: «Глава арміи...»—были его послѣднія слова. Нельсонъ, напротивъ, сказалъ, умирая: «Благодарю Господа, я исполнилъ свой долгъ!» Когда Костюшко палъ въ сраженіи съ русскими, то воскликнулъ: «Конецъ Польши!» Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ предсмертныхъ мыслей принадлежала Густаву-Адольфу: «Я король Швеціи,—сказалъ онъ,—и запечатлѣваю моей кровью свободу и религію всей германской націи». Императоръ Рудольфъ произнесъ, умирая: «Я иду навѣстить королей, моихъ предшественниковъ».

Послѣдній поступокъ сэра Филиппа Сиднея былъ также благороденъ, какъ и вся его жизнь. Когда онъ лежалъ раненый на роковомъ полѣ битвы подъ Цутфеномъ, то замѣтилъ, какъ жадно смотрѣлъ умирающій солдатъ на манерку съ водою, къ которой Сидней припалъ своими запекшимися губами. «Возьми ее,—сказалъ онъ,—твоя жажда сильнѣе моей». То были слова героя, какъ и благороднаго человѣка. Въ томъ же родѣ были предсмертныя слова героя Коруны. Когда хирурги бросились къ нему на помощь, сэръ Джонъ Муръ сказалъ: «Вы не можете мнѣ помочь; идите къ солдатамъ, которымъ вы будете полезнѣе, меня же ваше искусство не въ силахъ болѣе спасти». Взаимное почтеніе и неразрывная дружба связывали Утрема и Гевлока, героевъ Индіи. Когда сэръ Джемсъ пришелъ навѣстить своего умирающаго товарища, Гевлокъ обратился къ нему съ слѣдующими предсмертными словами: «Утремъ, болѣе сорока лѣтъ направлялъ я свою жизнь такимъ образомъ, чтобы въ послѣднюю минуту безъ страха встрѣтить смерть лицомъ къ лицу». Потомъ, обратясь къ сыну, онъ прибавилъ: «Смотри, мой сынъ, какая смерть возможна для христіанина». Одинъ штабъ офицеръ сказалъ

lordу Гардингу послѣ одержанной побѣды: «Гевлокъ, ми-
лордъ, воинъ съ головы до ногъ». — Да, воинъ съ головы
до ногъ, — подтвердилъ маститый генераль. — Это совершенно
вѣрно, но Гевлокъ еще больше и лучше того: онъ съ го-
ловы до ногъ христіанинъ. — Предсмѣртныя слова сэра
Генри Лауренса долго не забудутся: «Не устраивайте миѣ
пышныхъ похоронъ, похороните меня съ простыми солда-
тами».

Немногія предсмѣртныя мысли государственныхъ людей
достойны воспоминанія. Кардиналь Уольсей былъ постиг-
нутъ внезапной болѣзнью, когда въ послѣдній разъ отправ-
лялся въ Лондонъ; онъ нашелъ пріютъ въ монастырѣ въ
Лейчестерѣ. Кингстонъ, комендантъ Тоуара, пріѣхалъ на-
вѣстить его, а пожалуй и арестовать. Когда Уольсей по-
чувствовалъ приближеніе смерти, то сказалъ ему: «Еслиѣ
я такъ-же ревностно служилъ Богу, какъ служилъ королю,
то Господь не отринулъ бы меня въ моей глубокой старо-
сти». Когда великий государственный мужъ Робертъ Се-
силь, измученный служебными заботами, лежалъ на смерт-
номъ одрѣ, то сказалъ сэру Уильяму Поппу: «Легкость и
пріятность не хочеть слышать о смерти, но моя жизнь,
полная заботъ и горя, жаждетъ своего уничтоженія»:
«Неужели всѣ мои богатства не спасутъ меня? — восклик-
нулъ кардиналь Бофоръ, — неужели ничѣмъ нельзѧ отку-
питься отъ смерти?» Королева Елизавета произнесла, уми-
рая: «Всѣ мои владѣнія за одну минуту времени!» Какъ
это непохоже на прощальныя слова Вашингтона: «Это хо-
рошо!» За полчаса до смерти Питтъ произнесъ: «О, мое
отчество, какъ я люблю мое отчество!»

Живописецъ Тернеръ былъ такъ огорченъ равнодушіемъ
публики къ своимъ произведеніямъ, что приказалъ завер-
нуть себя послѣ смерти вместо савана въ одну изъ сво-
ихъ лучшихъ картинъ. Сэръ Френсисъ Чентри такимъ об-
разомъ отговорилъ его отъ этого намѣренія: «Хорошо, мой
другъ, но если мы похоронимъ тебя въ этой картинѣ, то

по милости ея твой прахъ, навѣрно, выроють на другой же день изъ могилы». Это произведение представляло собою знаменитый видъ Кареагена, украшающій теперь Национальную галлерею. Скульпторъ Беконъ былъ похороненъ въ Уитфильдской капеллѣ въ Тоттенгемъ-Коуртъ-Родѣ, и, по желанію усопшаго, на его гробницѣ прибита дощечка съ слѣдующей надписью: «То, что я былъ художникомъ, имѣло для меня нѣкоторое значеніе при жизни, но теперь для меня важно только то, чѣмъ я былъ на самомъ дѣлѣ, какъ вѣрующій въ Иисуса Христа».

Если справедливо, какъ полагалъ д-ръ Флетчеръ, что въ предсмертныя минуты умъ приходитъ въ необычайно возбужденное состояніе и передъ нимъ почти мгновенно проносится вся прошедшая жизнь человѣка, то можно представить себѣ ужасъ, испытанный Карломъ IX, французскимъ королемъ, на его смертномъ одрѣ, когда его пре-слѣдовали стояніи подданныхъ, избиваемыхъ по его приказанию на парижскихъ улицахъ въ Вареоломеевскую ночь. Но съ точки зрењія благосостоянія Франціи, Людовикъ XIV заслуживаетъ еще большаго порицанія за гоненія на гугенотовъ въ слѣдующемъ столѣтіи. Этихъ несчастныхъ всячески преслѣдовали, вѣшали, посыпали на галеры или обрекали на изгнаніе. Ихъ отправляли по всемъ странамъ свѣта: въ Германію, Швейцарію, Голландію, Англію, Флориду, Новую Англію, на мысъ Доброй Надежды. Смерть застигала ихъ вдалекѣ другъ отъ друга; братья и сестры были раздѣлены по крайней мѣрѣ половиной свѣта, чтобы соединиться только за гробомъ. Людовикъ XIV, хотя и пріобрѣвшій незаслуженно титулъ Великаго, терзался въ послѣднія минуты воспоминаніями о своихъ страшныхъ дѣяніяхъ.

Кончина американскихъ президентовъ была болѣе мирною. Адамсъ и Джейферсонъ оба умерли 4 юля 1826 года, въ пятидесятиую годовщину объявленія независимости. Этотъ день начался колокольнымъ звономъ и пушечной пальбой,

которые разбудили умирающего Джона Адамса. Его спросили, знает ли онъ, что значитъ этотъ торжественный благовѣстъ и громкій салютъ. Подумавъ немнога, онъ отвѣчалъ: «О, да, это славный день 4-ое юля; Господь да благословить его! Господь да благословить вѣхъ васть». И президентъ приблизилъ немнога погодя: «Это великий и славный день». Послѣ нѣкоторой паузы онъ освѣдомился: «А Джейферсонъ еще живъ?» Въ полдень наступила агонія, и больной почилъ въ шесть часовъ вечера. Джейферсонъ скончался въ часъ пополудни, въ тотъ же день. Его послѣдними словами было: «Я вручаю мою душу Богу, а мою дочь—отечеству». Такимъ образомъ, два старыхъ соперника и друга предстали вмѣстѣ предъ своимъ Творцомъ. Джемсъ Мояроэ, подобно Адамсу и Джейферсону, скончался 4-го юля. Рассказываютъ, что Уэбстеръ лежалъ передъ смертью въ дремотѣ, какъ вдругъ воскликнулъ громкимъ, яснымъ и звенищимъ голосомъ, похожимъ на трубный звукъ: «Жизнь, жизнь! Смерть, смерть! какъ это любопытно!» Вскрѣ послѣ того онъ испустилъ духъ.

Мы заключаемъ нашъ настоящій трудъ словами Чарльза Фицъ-Джоффри, поэта и проповѣдника, который по поводу смерти и-сы Пимъ, матери государственного человѣка, послѣдовавшей въ 1620 году, высказалъ такую оригинальную, но достопримѣчательную мысль:

«Человѣка можно сравнить съ книгою; его рожденіе—это заглавная страница, крестины—посвященіе автора, его стоны и плачь—предисловіе къ читателю, его младенчество и дѣтство—краткій обзоръ и оглавленіе всего послѣдующаго сочиненія, его жизнь и поступки—содержаніе книги; его преступленія и заблужденія—пропущенные недосмотры, раскаяніе—исправленныя опечатки. Нѣкоторыя книги бываютъ громоздкими томами *in folio*, другія маленькими въ 16⁰, однѣ щеголяютъ роскошными переплетами, другія переплетены попроще; нѣкоторыя отпечатаны на толстой веленевой бумагѣ, другія на тонкой. Предме-

тому однѣхъ бываетъ благочестіе и религія, предметомъ другихъ (и притомъ большинства) злорѣчіе, беззравственность и безуміе; но на послѣдней страницѣ каждого тома напечатано *finis* и это всегда бываетъ послѣднимъ словомъ каждой книги. Такова человѣческая жизнъ: она можетъ быть длиннѣе или короче, сильнѣе или слабѣе, пріятнѣе или тягостнѣе; она можетъ быть праведною и суетною. Но въ концѣ-кодовъ приходитъ смерть и заключаетъ все собою. Таковъ всеобщій человѣческій уде́ль».

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЖИЗНЬ И ТРУДЪ. ПЕРЕВОДЪ А. Н. ЛИНДЕГРЕНЪ.

	СТР.
Предисловие	3
<hr/>	
Главы.	
I. Человѣкъ и благородный человѣкъ	5
II. Великие люди—великие работники.	46
III. Великие юноши.	90
IV. Великие старцы.	158
V. Родословная таланта и гения	203
VI. Писательский недугъ: мозговое переутомление	257
VII. Здоровье.—Причастія	325
VIII. Городская и сельская жизнь	378
IX. Холостые и женатые.—Подруги.	405
X. Завѣтъ жизни.—Послѣднія мысли великихъ людей	457
